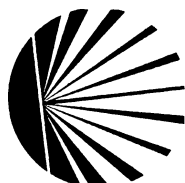
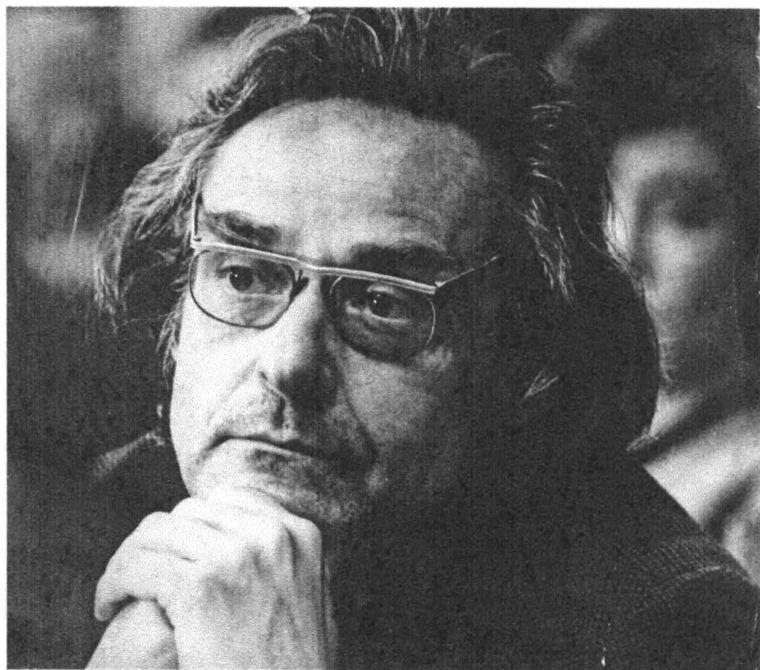

**ЭВАЛЬД
ИПЬЕНКОВ**

КАТЕГОРИИ

1960 з.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт философии

Э.В. Ильенков

Категории

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 2

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАН Н-ПЛЮС»
2020

Утверждено к печати
Ученым советом Института философии РАН 20 июня 2019 г.

*Публикуется при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 17-03-00160а*

Ильенков Э.В.

И 45 **Категории:** Собр. соч. Т. 2 / Э.В. Ильенков. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – 496 с.

ISBN 978-5-88373-597-3

Во второй том Собрания сочинений Э.В. Ильенкова вошли десять работ по диалектической логике, опубликованных в 1960–1968 годах. Среди них – монография «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса», принесящая автору мировую известность, а также программные статьи о тождестве мышления и бытия, о предмете логики и отношении логического к историческому.

ББК 15.13

Охраняется законодательством об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается, в том числе и в Интернете, без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения законодательства будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-88373-597-3

© Иллеш Е.Э., 2019
© Лекторский В.А., 2019
© Майданский А.Д., 2019
© Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»,
оригинал-макет, оформление, 2019

Оглавление

Время солидарности (Е.Э. Иллеш)	7
Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса	
Предисловие автора [К немецкому изданию]	14
Предисловие (М. Розенталь)	15
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Диалектическое и метафизическое понимание конкретного	16
Определение конкретного у Маркса	16
Об отношении представления к понятию	23
Понятие «человек» и некоторые выводы из его анализа	37
Конкретное и диалектика общего и единичного	45
Конкретное единство как единство противоположностей	64
ГЛАВА ВТОРАЯ. Единство абстрактного и конкретного – закон мышления	76
Абстрактное как выражение конкретного	76
Диалектическое и эклектически-эмпирическое понимание всесторонности рассмотрения	81
Спиралевидный характер развития действительности и ее теоретического отражения	90
Научная абстракция (понятие) и практика	102
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Восхождение от абстрактного к конкретному ...	112
К постановке вопроса	112
Гегелевское понимание конкретного	126
Взгляд Маркса на процесс развития научного познания	136
Материалистическое обоснование способа восхождения от абстрактного к конкретному у Маркса	144
Индукция Адама Смита и дедукция Давида Рикардо. Точки зрения Локка и Спинозы в политической экономии	155
Дедукция и проблема историзма	171
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Логическое развитие и конкретный историзм	179
О различии логического и исторического способов исследования	179
Логическое развитие как выражение конкретного историзма в исследовании	185
Абстрактный и конкретный историзм	189

ГЛАВА ПЯТАЯ. Способ восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» Маркса	200
Конкретная полнота абстракции и анализа как условие теоретического синтеза	200
Противоречие как условие развития науки	210
Противоречия трудовой теории стоимости и их диалектическое разрешение у Маркса	214
Противоречие как принцип развития теории	231
Работы 1960-х годов	268
Логическое и историческое	268
Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике	296
Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии	345
Предмет логики как науки в новой философии	382
К истории вопроса о предмете логики как науки	401
О роли классического наследия в развитии категорий материалистической диалектики	420
Проблема абстрактного и конкретного	424
Понятие «абстрактного» («идеального») объекта	441
Проблема абстрактного и конкретного в свете «Капитала» Маркса	455
Примечания (А.Д. Майданский)	483

ВРЕМЯ СОЛИДАРНОСТИ

Летом 1960 году с Эвальда Васильевича было снято партийное взыскание, строгий выговор с предупреждением, который ему выносили за «антипатриотический» поступок – передачу рукописи книги в итальянское издательство¹. В том же году, хоть и в значительно измененном виде, многострадальная книга под новым названием «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса» вышла в издательстве Академии наук. Это было хорошим началом самого плодотворного для Э.В. Ильенкова десятилетия.

Впрочем, вовсе не для одного Ильенкова – 1960-е годы для советской интеллигенции были (так, по крайней мере, кажется теперь) удивительным временем – временем солидарности. Многим тогда казалось, что общими усилиями, если всем вместе очень постараться, можно навсегда избавиться от уродства и пороков сталинизма, от власти вездесущих прохиндеев. Только надо действовать, надо писать, надо говорить. Объединявшие в то время интеллигенцию события можно, пользуясь сегодняшним словарем, назвать «знаковыми». (Но никак не «культовыми»: у культа в то время имелось только одно значение – Сталин, и он был развенчан. Тогда казалось – навсегда!) Назовем некоторые «знаки», к которым Эвальд Васильевич имел непосредственное отношение.

Среди объединявших интеллигенцию явлений едва ли не на первом месте журнал «Новый мир», опубликовавший две повести Солженицына (1962 г. – «Один день Ивана Денисовича», 1963 г. – «Матренин двор»)². В 1962 году Эвальд Васильевич написал памфлет «Тайна черного ящика», который мечтал опубликовать в «Новом мире». А.Т. Твардовский Ильенкову отказал, хотя вроде бы сам был инициатором публикации на волновавшую в то время многих тему «Может ли машина мыслить и не станет ли она умнее человека?». «Черный ящик» увидел свет сначала в университетской многотиражке Ростова-на-Дону, а позже был включен в книгу «Об идолах и идеалах» (1968).

¹ Подробно об этом в кн.: Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. М.: Канон+, 2017.

² Другие сочинения Солженицына – «Раковый корпус», «В круге первом» – попадали в дом Ильенкова в самиздатовском исполнении.

«Местом силы» тогдашней столичной (и не только!) интеллигенции был Театр на Таганке. К чести Юрия Любимова надо сказать, что он не замыкался в театральном кругу, в совет при театре входили не только драматурги и писатели, но историки, социологи, философы. Нельзя назвать знакомство Эвальда Васильевича с Юрием Петровичем слишком близким, но в театре Ильенков бывал, за одним столом с Любимовым сидел и настолько вдохновился брехтовской стилистикой, что и сам попытался написать пьесу об Иисусе Христе. Попытка была не самой удачной, Любимова пьеса не вдохновила. Полный вариант, к сожалению, утрачен (точно, впрочем, неизвестно, была ли пьеса под названием «Еще один Иисус – авось последний» завершена), сохранившиеся фрагменты свидетельствуют, скорее, о том, что драма – не ильенковский жанр.

1960-е годы – время бардов, главный герой – Булат Окуджава. Эвальду Васильевичу, однако, ближе была суровая сатира другого поэта. В те годы Вагнер, преданным поклонником которого Ильенков был с юных лет, на какое-то время уступил место на самодельном магнитофоне песням Александра Галича, которого Эвальд Васильевич слушал сам, принуждал слушать своих гостей и даже перепечатывал (с неизвестной целью) слова лучших галичевских песен, многие из которых и так знал наизусть³.

В 1963 году в Москве умер Назым Хикмет, турецкий поэт, политэмигрант, лауреат Международной премии мира, олицетворявший в те годы образ настоящего коммуниста: не сломленного тюрьмами, в 1920-е годы прошедшего школу Маяковского и Мейерхольда, выучившего русский язык (кстати, в тюрьме перевел на турецкий «Войну и мир»), искреннего антисталиниста, наконец, невероятного красавца и сердцеда.

Тут стоит сказать, что жена Эвальда Васильевича, Ольга Исмаиловна Салимова, на самом деле звалась Кадрия-Улькер Исмаил кызы и была дочерью турецких коммунистов, эмигрировавших в Азербайджан в 1920-е годы. Так что отношения с Назымом, который знал отца Кадрии, были особенными, и его смерть стала для семьи большим горем.

В конце 1960-х стараниями энергичного и чуткого к запросам времени В.И. Толстых вышли два удивительных, с нынешней точки зрения, сборника: «Культура чувств» (1968), «Искусство нравствен-

³ Как вспоминает Александр Суворов, в 1974 году Эвальд Васильевич продиктировал ему песню «Размышление о том, как пить на троих».

ное и безнравственное» (1969). В какой-то степени к ним примыкает вышедшая в самом начале 1970-х книжка «Наука и нравственность» (1971). Среди авторов «Культуры чувств», кроме Э.В. Ильенкова, значатся балерина В. Бовт, художник М. Ладур, педагог М. Ценциппер и другие известные своим творчеством люди. Под одной обложкой с Ильенковым в сборнике «Искусство нравственное и безнравственное» актриса – Ия Савина, режиссер С. Герасимов, хореограф И. Моисеев, писатель и актер В. Шукшин (не станем перечислять всех). Сказанного довольно, чтобы увидеть в этом пестром списке имен попытку солидарного высказывания представителей самых разных слоев творческой интеллигенции. В «Науке и нравственности» другой пример солидарности – общий труд ученых. Кроме представителей точных наук – математика, академика А.Д. Александрова и доктора геолого-минералогических наук Г.Л. Поспелова – в попытке выработать общую точку зрения на ставший актуальным вопрос о противоречии между истиной и добром участвовали авторы из более или менее близкого к Ильенкову философского круга: О.Г. Дробницкий, Э.Ю. Соловьев, А.С. Арсеньев, А.В. Гулыга, историк В.Т. Логинов. По свидетельству последнего, составитель сборника В.И. Толстых все разделы носил на экспертизу Эвальду Васильевичу, текст которого стал заключением книги.

Другим примером объединения коллективных усилий может служить шумная защита докторской диссертации В.А. Разумного, карьериста, пустослова и начетчика. Перечисленные характеристики воплощались в излюбленном словечке Эвальда Васильевича – «прохиндей». Так вот, Разумный представлял собой эталонный образец прохиндейства. Из стенограммы защиты, которая состоялась в декабре 1963 года, становится очевидным, что к ней готовились, распределяли между собой темы выступлений еще совсем молодые и мало кому известные гуманитарии: Ю.Н. Давыдов, П.П. Гайденок, Г.Д. Гачев, С.Г. Бочаров, В.В. Давыдов и самый старший среди них – Э.В. Ильенков, которому еще не было и сорока лет. Это была демонстрация молодой силы, крепнущей в «оттепельном» климате. Разумеется, силы были не равны – на защиту Разумного встали закаленные партийные деятели и первые лица практически всех творческих союзов, так что карьера подзащитного была спасена и пошла проторенной дорогой. Не будем касаться эстетических взглядов Разумного и его оппонентов, даже не станем упоминать название диссертации. Важно другое: на той защите была продемонстрирована возможность сотрудничества и коллективного отпора очевидному

и наглому прохиндейству. Следует также упомянуть, что каждое выступление оппонентов Разумного поддерживалось в переполненном зале бурными аплодисментами: солидарность давала надежду и имела свою благодарную аудиторию.

Сказанное выше свидетельствует не столько о научной жизни Эвальда Васильевича в 1960-е годы, сколько о его социальной активности и вовлеченности в широкий круг общения, который впоследствии будет неумолимо сужаться. Можно добавить, что именно в 1960-е, впервые после войны, Эвальд Васильевич несколько раз побывал за границей – в Австрии, ГДР, Болгарии и Чехословакии.

Что же касается профессиональной деятельности, то 1960-е годы стали успешными и плодотворными. Кроме названных выше книг («Диалектика абстрактного и конкретного» и «Об идолах и идеалах»), в различных сборниках были опубликованы 14 глав и статей, 11 статей – в журналах, 15 – в энциклопедиях, в том числе знаменитая статья «Идеальное» во втором томе Философской энциклопедии.

В 1965 году Э.В. Ильенкову была присуждена премия имени Н.Г. Чернышевского⁴. Если снятие партийного взыскания было символическим прощением «политических» ошибок, то эта премия означала отмену обвинений 1950-х годов в «меньшевистствующем идеализме», «гегельянстве» и т.п., поскольку она вручалась «за выдающиеся научные работы в области общественных наук». Среди немногих лауреатов премии – доктора наук, члены-корреспонденты и академики. Скромный титул единственного в списке «кандидата философских наук» поддержан авторитетной фигурой академика Б.М. Кедрова – премию они получили на двоих, по одной тысяче рублей каждому.

В 1968 году Эвальд Васильевич защитил докторскую диссертацию «К вопросу о природе мышления». Защита не была скучной и академичной – здесь тоже не обошлось без конфликта. Не будем называть имена постоянных и непримиримых оппонентов Ильенкова, не стоит делать им лишнюю рекламу. Но они всерьез ставили в вину диссертанту антипартийность, отказ от «руководящей линии» и другие непростительные грехи. Как знать, может, несколькими годами позже им бы и удалось сорвать защиту. Но «те» времена еще

⁴ Премия была учреждена в 1956 г. и вручалась с интервалом в несколько лет восемь раз, в последний раз в 1988 г.

только начинали наступать, пока же Ильенкова обороняли серьезные силы. На всех уровнях обсуждений и подготовки диссертации за ее успех боролись авторитеты старшего поколения: Б.М. Кедров, М.М. Розенталь, М.А. Лифшиц, М.А. Дынник и примкнувший к ним Т.И. Ойзерман⁵. Само заседание вел П.В. Копнин, не скрывая очевидных симпатий к диссертанту, блестяще выступил на защите приехавший из Ростова М.К. Петров, в запасе были многочисленные положительные отзывы и рецензии (в том числе от Нобелевского лауреата, академика Н.Н. Семенова). Утверждение диссертации в ВАКе не было гладким – текст послали на экспертизу директору Киевского института философии В.И. Шинкаруку, рецензия которого тоже была благоприятной. Короче говоря, Эвальду Васильевичу была оказана большая и солидарная помощь. Надо при этом заметить, что сам Ильенков вообще не хотел защищать докторскую диссертацию, весь труд по ее оформлению и подготовке взяли на себя Ольга Исмаиловна и Василий Васильевич Давыдов⁶.

Тем временем «оттепели» пришел конец – в марте 1968 года в Прагу вошли танки, убившие надежду на «социализм с человеческим лицом». До польской «Солидарности» оставалось еще больше десяти лет, а советская так и не оформилась, дело ограничилось только намеками и обозначением возможности. Только знаками. На смену надеждам конца 1950–1960-х годов пришли разочарование и пессимизм.

Из письма Э.В. Ильенкова Ю.А. Жданову (январь 1968 г.):

«Не знаю, дошли ли до Вас отголоски истерики, которую упорно стараются разжечь последний месяц кое-какие из известных Вам деятелей от философии – Молодцов, Косичев, Готт, Трошин и их друзья – вокруг злосчастной статьи в “Комсомольской правде”⁷. Принимают осуждающие решения на своих кафедрах и ученых советах, шлют истерические письма в вышестоящие инстанции, запугивают

⁵ М.А. Лифшиц выступил при обсуждении диссертации на заседании сектора и отбивал атаки оппонентов, Б.М. Дынник прислал телефонограмму и настоятельно требовал зачитать ее на защите. У последнего, как и у Т.И. Ойзермана, были непростые отношения с Ильенковым, но никакие разногласия не помешали поддержать его в ответственный момент.

⁶ Полная стенограмма докторской защиты Э.В. Ильенкова, а также многие подробности жизненных и научных обстоятельств того времени опубликованы в кн.: *Ильенков Э. Идеальное и реальность. 1960–1979. М.: Канон+, 2018.*

⁷ Речь идет о публикации дискуссии «Мужество мысли» (8 декабря 1967 г.).

начальство и т.п. Все это настолько противно, что руки опускаются. Ничего не хочется делать.

...Опять вернулся к письму – отложил его, так как думал, что Вы в Москве. Жаль, что не удалось поговорить. Может быть, помогли бы мне выбраться из дурного настроения. Никак оно не проходит, а в итоге даже письмо написать – и то превращается в проблему. Уж очень хочется этим молодцовым вернуть все назад. А их, увы, много. Вот и думается – еще двести лет будет тянуться эта ерунда, если раньше бедой не кончится. И валится все из рук, хочется махнуть рукой на всю эту философию несчастную и беспомощную и заняться чем-нибудь другим... Такие-то вот настроения совсем меня одолели. И трудно решить – насколько они оправданы. Но впечатление все же такое – интегрально-интуитивное, что наступает полоса тухлого безвременья, когда все те, кто мог бы что-то делать интересное, забираются в свои норы, а на свет опять выползает всякая нечисть, ничего не забывшая и ничему не научившаяся, только сделавшаяся еще злее и сволочнее, поскольку проголодалась. И никак не удастся взглянуть на все это дело “философски”, то бишь *sub specie aeternitatis*.

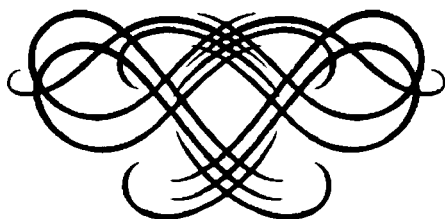
...Никак я не могу принять, что Молодцов – Трошин, старающиеся присвоить себе монополию на «истину в философии», на роль “воплощения разума”, имеют на это большее право, чем те, которых они хотели бы осудить как “ревизионистов”. Они-то ведь никак не признают, что они – только “частично-всеобщие” – и неизвестно еще, насколько велика эта частичка “всеобщего” в их мозгах. Думаю, что там она давно превратилась в чистую фикцию, во фразу... А где у меня и у Арсеньева⁸ возможность и право бороться за другую, – и, может быть, более солидную, дозу “всеобщего”? Вот и впадаешь в пессимизм, особенно когда устаешь, особенно когда, оглянувшись, увидишь, как немного сил и как они все распылены, насколько “частичны”. Ну ладно, пока кончу на этом. Ежели у Вас есть лишняя капелька оптимизму – поделитесь!».

Так закончилось время солидарности. На Эвальда Васильевича надвигались времена одиночества.

Е.Э. Иллеш

⁸ А.С. Арсеньев принимал участие в той же дискуссии, как и Ф.Т. Михайлов, В.С. Библер, Г.С. Батищев и др.

**Диалектика
абстрактного и конкретного
в «Капитале» Маркса**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА [К немецкому изданию]

Предлагаемая немецкому читателю книга написана почти двадцать лет назад и издана на языке оригинала в 1960 г. Но, как показал опыт, интерес к ней, а точнее, к идеям, в ней развитым, сохраняется до сих пор. Книга не раз переводилась на иностранные языки и издана полностью в Италии (Feltrinelli, 1961), Японии (1969), Югославии (1975), а частями – в Мексике и Франции. В 1973 году был подготовлен ее перевод в Чили, но в силу известных обстоятельствⁱ издание ее сделалось невозможным. На немецком языке имеется небольшой фрагмент из нее – сокращенный перевод третьей главы, сделанный (с французского) Альфредом Шмидтомⁱⁱ и напечатанный им в сборнике *Beiträge zur marxistischen Erkenntnistheorie* (Suhrkamp, Frankfurt, 1969). Пользуюсь случаем выразить за это А. Шмидту свою признательность.

Это обстоятельство, как и непрекращающиеся до сих пор в литературе по философии ссылки на ее текст, позволяет мне надеяться, что ее издание на немецком языке окажется также небезынтересным и что ее содержание не успело устареть, несмотря на то что мне не удалось за недостатком времени включить в нее критический обзор философской литературы по данному вопросу, охватывающий последние 15 лет.

Некоторым извинением этому недостатку может служить то обстоятельство, что основные концептуальные установки, характерные для наиболее влиятельных направлений в философии наших дней (неопозитивизм, экзистенциализм и их ответвления), за это время ни в чем существенном не изменились и проблема отношения абстрактного и конкретного в научном познании остается стоять для большинства потребителей философской продукции примерно в том же самом виде, что и пятнадцать лет назад.

Исходя из этого я и решил ограничиться лишь небольшими вставками в старый текст, не утративший, по-видимому, своей теоретической актуальности.

*Автор
Москва, май 1976 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга принадлежит молодому научному работнику, посвящающему свои исследования вопросам диалектической логики. Нет нужды здесь специально останавливаться на значении разработки этой важной области марксистской философской науки. Как запросы дальнейшего развития естествознания и общественных наук, так и потребности современной общественной практики настоятельно выдвигают проблемы диалектической логики на один из первых планов. На это указывал еще В.И. Ленин, требуя от философов-марксистов максимального внимания к этим проблемам. Ленин же в своих «Философских тетрадах» и других трудах оставил ценнейшие указания относительно того, по каким линиям должна вестись эта работа.

Среди ленинских указаний большое значение имеют его мысли о максимальном использовании для дальнейшего развития диалектической логики и теории познания «Капитала» К. Маркса. Ленин считал, что это великое произведение научного социализма представляет собой логику «с маленькой буквы», т.е. что Маркс применил к исследованию политической экономии капитализма и обоснованию неизбежности революционного преобразования общества диалектику во всем ее богатстве. И Ленин настойчиво рекомендовал всесторонне исследовать диалектику «Капитала» — этот классический образец того, как надо понимать и применять марксистский метод познания.

В книге Э.В. Ильенкова исследуется одна из наиболее существенных и интересных сторон диалектического метода, которую сам Маркс охарактеризовал как способ восхождения от абстрактного к конкретному. На наш взгляд, проделанная автором работа заслуживает внимания читателей, интересующихся марксистской философией, и займет свое место в литературе, исследующей философское значение «Капитала».

При общем правильном подходе к проблеме диалектики абстрактного и конкретного в книге содержатся и такие положения, которые требуют дальнейшего обсуждения. Да едва ли и сам автор книги претендует на полную непогрешимость всех своих высказываний. К сожалению, до недавнего времени вопросы диалектической логики недостаточно привлекали наше внимание, вследствие чего они не подвергались необходимому обсуждению. Творческие споры и научные дискуссии по этим вопросам на базе изучения великого наследия классиков марксизма-ленинизма и современных данных естествознания и общественной практики будут несомненно весьма полезными и окажут благотворное влияние на дальнейшее развитие диалектической логики.

Профессор М. Розенталь

Глава первая

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ КОНКРЕТНОГО

Определение конкретного у Маркса

Известно, что Маркс определяет конкретное как «единство многообразного»^{1, iii}. С точки зрения традиционной формальной логики, это определение может показаться парадоксальным: ведь сведение чувственно данного многообразия к единству представляется, на первый взгляд, задачей выработки не конкретного, а как раз, наоборот, абстрактного знания о вещах. С точки зрения этой логики, осознать единство в чувственно воспринимаемом многообразии явлений – значит выявить то абстрактно-общее, одинаковое, которым обладают все эти явления. Это абстрактно отвлеченное единство, зафиксированное в сознании с помощью общего термина, и представляется, на первый взгляд, тем самым «единством», о котором только и может идти речь в логике.

Действительно, если понимать переход от живого созерцания и представления к понятию, от чувственной ступени познания к рациональной, только как процесс сведения чувственно данного многообразия к простому абстрактному единству, то определение Маркса обязательно покажется выражением, неоправданным с точки зрения «логической» терминологии.

Все дело, однако, в том, что взгляды Маркса опираются на совершенно иные представления о мышлении, о его цели и задачах, нежели те, на основе которых строила свою теорию старая, недиалектическая логика. Это отражается не только в существе решения логических проблем, но и в терминологии. И это неизбежно: «В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах»².

Если Маркс определяет конкретное как единство многообразного, то здесь предполагается диалектическое понимание и единого,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 12. С. 727.

² Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 29.

и многого, и их отношения друг к другу. Единство в диалектике понимается прежде всего как связь, как взаимосвязь и взаимодействие различных явлений в составе некоторой системы, совокупности, а вовсе не как абстрактное подобие этих явлений друг другу. Это диалектическое значение термина «единство» и предполагается определением Маркса.

Определение конкретного, данное Марксом, означает, если несколько развернуть его афористически краткую формулу, буквально следующее: *конкретное, конкретность* – это прежде всего синоним реальной связи явлений, сцепления и взаимодействия всех сторон, моментов предмета, данного человеку в созерцании и представлении. Под конкретным понимается тем самым внутренне расчлененная совокупность различных форм существования предмета, неповторимое сочетание которых характерно только для данного предмета. Единство, понимаемое так, осуществляется не через подобие явлений друг другу, а как раз наоборот, через их различие и противоположность.

Такое понимание единого во многом (или конкретности), очевидно, не только не совпадает с тем пониманием, из которого исходила старая логика, но и прямо ему противоположно. Оно сближается здесь по смыслу с понятием целостности, и Маркс часто в качестве синонима конкретности употребляет также термин «тотальность», которому в русском языке как раз и соответствуют слова «целостность», «целокупность». К этому термину Маркс прибегает в тех случаях, когда ему приходится охарактеризовывать предмет как единое, связанное во всех его многообразных проявлениях целое, как «органическую систему» взаимообуславливающих друг друга явлений в противоположность метафизическому представлению о нем, как о механическом агрегате неизменных составных частей, связанных между собой лишь внешне, более или менее случайно.

Самое важное в марксовом определении конкретного заключается в том, что оно оказывается прежде всего объективной характеристикой предмета, рассматриваемого совершенно независимо от всех тех эволюций, которые происходят в познающем субъекте. Конкретен предмет сам по себе, «в себе», независимо от того, постигается ли он мышлением или воспринимается органами чувств. Конкретность не создается в процессе отражения предмета в субъекте ни на чувственной ступени этого отражения, ни на рационально-логической.

Иными словами, «конкретное» – это прежде всего такая же предметная, объективная категория, как и любая категория материалистической диалектики, как «необходимое» или «случайное», как «сущность» или «явление». Она выражает собой всеобщую форму развития и природы, и общества, и мышления. В системе взглядов К. Маркса «конкретное» ни в коем случае не есть синоним чувственно-наглядного, непосредственно созерцаемого.

Поскольку «конкретному» противопоставляется «абстрактное», это последнее трактуется Марксом также прежде всего предметно. Для Маркса это ни в коем случае не синоним лишь «чисто мыслимого», лишь продукта умственной деятельности, лишь субъективно-психологического феномена, имеющего место только под черепной крышкой индивидуума. Маркс сплошь и рядом использует этот термин в качестве характеристики реальных, вне сознания существующих явлений и отношений, независимо от того, отражены они в сознании или нет.

Так, например, Маркс говорит в «Капитале» об «абстрактном труде». Здесь «абстрактность» выступает как объективная характеристика той формы, которую человеческий труд приобретает в развитии товарно-капиталистическом производстве. Автор «Капитала» настойчиво подчеркивает, что сведение различных видов труда к лишенному различий, однородному, простому труду: «... это – абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно». Это – «не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух»³.

В определении золота как «материального бытия абстрактного богатства» также выражается его специфическая функция в организме товарно-капиталистической формации, а вовсе не в сознании теоретика или практика.

Такое употребление термина «абстрактное» отнюдь не есть терминологическая прихоть Маркса: оно связано с самым существом его логических воззрений, с диалектическим пониманием отношения форм мышления и форм предметной, объективной реальности, с пониманием практики (чувственно-предметной деятельности) как критерия истинности абстракций мышления.

Еще меньше это словоупотребление можно объяснить как «атавизм гегельянства»: именно против Гегеля направлено известное

³ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 15.

положение Маркса о том, что «простейшая экономическая категория, например меновая стоимость... не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого»⁴.

«Абстрактное» в подобном, очень часто встречающемся у Маркса контексте приобретает смысл «простого», неразвитого, одностороннего, фрагментарного, «чистого» (т.е. не осложненного деформирующими воздействиями). Само собой понятно, что в этом смысле «абстрактное» вполне может выступать в качестве объективной характеристики реальных явлений, а не только явлений сознания.

«Чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы – финикийцы, карфагеняне, – дана как раз самим преобладанием земледельческих народов»⁵ – и, уж конечно, не преобладанием «абстрагирующей силы мысли» финикийцев или ученых, пишущих историю Финикии. «Абстрактное» в данном смысле вовсе не есть продукт и результат мыслящей деятельности. От мышления этот факт зависит так же мало, как и то обстоятельство, что «абстрактный закон размножения существует только для растений и животных»^{iv}.

Согласно Марксу, «абстрактное» (как и его противопонятие, «конкретное») есть категория диалектики, как науки о всеобщих формах развития природы, общества и мышления, а уже на этой основе – также и категория логики, ибо диалектика и есть *Логика* марксизма.

Такое предметное толкование категории абстрактного направлено своим полемическим острием против всевозможных разновидностей неокантианской логики и гносеологии, грубо метафизически противопоставляющих «чистые формы мышления» – формам объективной реальности. Для этих школ в логике «абстрактное» – это только форма мысли, в то время как «конкретное» – форма чувственно-наглядного образа. Это узкогносеологическое толкование, характерное для всех представителей юмистско-миллевской и кантианской традиций в логике (например, Челпанов и Введенский в России), совершенно чуждо и враждебно самой сути диалектики как логики и теории познания.

В современной буржуазной философии узкогносеологическая (т.е. в конце концов, по существу психологическая) интерпретация

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же. С. 222.

категорий абстрактного и конкретного утвердилась прочно. Вот свежий пример – определение «Философского словаря» Макса Апеля и Петера Людца:

«АБСТРАКТНОЕ: изъятое из некоторой данной взаимосвязи и рассматриваемое само по себе (*für sich allein*). Таким образом, абстрактное имеет смысл понятийного, мыслимого в противоположность наглядно созерцаемому.

АБСТРАКЦИЯ: логическое действие, посредством которого через опускание признаков поднимаются от наглядно созерцаемой данности к общему представлению и от данного понятия к обобщающему. Абстракция обедняет содержание и расширяет объем. Противоположность абстракции – детерминация».

«КОНКРЕТНОЕ: непосредственно, наглядно созерцаемое. Конкретные понятия обозначают созерцаемое, отдельные объекты созерцания. Противопонятие – абстрактное (см.)»⁶.

Это одностороннее определение (абстракция, конечно, и умственное отвлечение, но ни в коем случае не сводится к нему) с незначительными вариациями кочует из словаря в словарь, к какой бы разновидности идеализма ни принадлежал его составитель. Оно отшлифовалось в десятках изданий и стало общепринятым среди буржуазных философов. Это, разумеется, вовсе не свидетельствует о его правильности. Свидетельствует это только о том, насколько чужда диалектика современной буржуазной философии и логике.

«Конкретное понятие» сводится этими дефинициями к «обозначению» наглядно созерцаемых единичных вещей, к простому знаку, символу. В мышлении, иными словами, «конкретное» присутствует лишь номинально, лишь в качестве «обозначающего имени». С другой стороны, «конкретное» превращено в синоним неосмысленной, неопределенной «чувственной данности». Ни конкретное, ни абстрактное согласно этим дефинициям нельзя применять в качестве характеристик теоретического знания по его реальному предметному содержанию. Они характеризуют лишь «форму познания», – «конкретное» – форму чувственного познания, а «абстрактное» – форму мысли, форму рационального познания. Иными словами, они относятся к разным сферам психики, к разным предметам. Там, где есть конкретное, – нет абстрактного, и наоборот. Вот и вся премудрость этих дефиниций.

⁶ *Apel M., Ludz P. Philosophisches Wörterbuch. Berlin: De Gruyter, 1958. S. 4–5, 162.*

Совсем по-иному вопрос об отношении абстрактного к конкретному выглядит с точки зрения Маркса, с точки зрения диалектики, как логики и теории познания.

Этот вопрос лишь на первый взгляд кажется только «гносеологическим» вопросом, вопросом об отношении умственного отвлечения к чувственно воспринимаемому образу. На самом деле он гораздо шире и глубже по своему реальному содержанию, и в ходе анализа неизбежно оборачивается совсем другой проблемой – проблемой отношения предмета к самому себе, т.е. отношения различных моментов предметной реальности друг к другу в составе некоторого конкретного целого. Поэтому и решается этот вопрос в первую очередь в плане объективной диалектики – в плане учения о всеобщих формах и закономерностях развития природы, общества и самого мышления, – а не в узкогносеологическом плане, как у неокантианцев, как у позитивистов.

Поскольку же речь заходит у Маркса о гносеологическом аспекте проблемы, постольку под абстрактным понимается любое одностороннее, неполное, однобокое отражение предмета в сознании, – в противоположность конкретному знанию, как знанию развитому, всестороннему, исчерпывающему. При этом совершенно безразлично, в какой субъективно-психологической форме это знание «переживается» субъектом – в форме чувственно-наглядного образа или же в словесно-отвлеченной форме. Логика (диалектика) Маркса и Ленина устанавливает свои различия не с точки зрения субъективной формы переживания, а с точки зрения объективного, предметного смысла и значения знания. В виде наглядного образа может быть усвоено знание бедное, тощее, однобокое. Логика в этом случае должна будет квалифицировать его как «абстрактное» знание, несмотря на всю его наглядность. И наоборот, в словесно-отвлеченной форме, на языке формул, прекрасно может быть выражено знание богатое, развитое, глубокое и всестороннее – то есть конкретное.

«Конкретность» не есть ни синоним, ни привилегия чувственно-образной формы отражения действительности в сознании, так же как «абстрактность» не есть специфическая характеристика рационально-теоретического познания. Конечно, мы сплошь и рядом говорим о конкретности чувственного образа и об абстрактном мышлении. Но, по справедливому замечанию глубокомысленного Козьмы Пруtkова,

«Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антону».

Чувственный образ, образ созерцания, столь же часто может быть и весьма абстрактным. Достаточно вспомнить геометрический чертеж или произведение абстрактной живописи. И наоборот, мышление в понятиях не только бывает, но и должно быть конкретным в самом полном и строгом значении этого слова. Известно, что «абстрактной истины нет», что «истина всегда конкретна». И это вовсе не значит, что истинным может быть только чувственно-наглядный образ, созерцание отдельной вещи.

Конкретное в мышлении и выступает, по определению Маркса, в форме сочетания (синтеза) многочисленных определений. Логически связанная система определений как раз и есть та «естественная» форма, в которой осуществляется в мышлении конкретная истина. Каждое из определений, входящих в эту систему, отражает, само собой разумеется, лишь частичку, фрагмент, момент, сторону конкретной действительности, – и потому само по себе, взятое отдельно от других определений, оно абстрактно. Иными словами, конкретное в мышлении осуществляется через абстрактное, через свою собственную противоположность, и без него невозможно. Но в диалектике это вообще не исключение, а правило. Необходимость находится в точно таком же отношении со случайностью, сущность с явлением и т.д.

С другой стороны, каждое из многочисленных определений, входя в состав системы понятий конкретной науки, утрачивает в ней свою абстрактность, наполняется смыслом и значением всех других, связанных с ним определений. Отдельные абстрактные определения взаимно дополняют друг друга, благодаря чему и преодолевается абстрактность каждого из них, взятого порознь. Коротко говоря, в этом и заключается диалектика отношения абстрактного к конкретному в мышлении, отражающем конкретное в действительности. Диалектика абстрактного и конкретного в процессе теоретической обработки данных живого созерцания, в процессе переработки созерцания и представления в понятие и является предметом исследования в предлагаемой работе.

Разумеется, мы не можем претендовать на исчерпывающее раскрытие проблемы абстрактного и конкретного на всех ступенях процесса познания вообще, во всех формах отражения. В ходе образования чувственно-наглядного образа вещи тоже имеется своя и очень сложная диалектика абстрактного и конкретного, тем более – при образовании представления, связанного с речью, со словом. Память, также играющая колоссальную роль в процессе позна-

ния, включает в своем составе не менее сложное отношение абстрактного к конкретному. Относятся эти категории и к процессу художественного творчества. Все эти аспекты мы вынуждены оставить без внимания, как предмет специального исследования.

Путь познания, путь, ведущий от живого созерцания к абстрактному мышлению, и от него – к практике, – это очень сложный путь. В каждом его звене совершается сложный диалектически-противоречивый процесс превращения конкретного в абстрактное и абстрактного в конкретное. Даже ощущение «огрубляет» конкретную действительность, даже в процессе непосредственного восприятия имеется момент перехода от конкретного в действительности – к абстрактному в сознании. И переход от живого созерцания к абстрактному мышлению – это вовсе не то же, что движение «от конкретного к абстрактному». К этому моменту он никоим образом не сводится, хотя этот момент в нем всегда присутствует. Одно и то же это только для того, кто конкретное понимает как синоним непосредственного наглядного образа, а абстрактное – как синоним мысленного, понятийного. Но в наши дни на этой точке зрения застряли только пошлые школки неокантианства и позитивизма.

Об отношении представления к понятию

Домарксистская логика, чуждая диалектическому взгляду на отношение чувственно-эмпирической и рациональной ступеней (форм) познания, не смогла, несмотря на все свои старания, дать четкого решения вопроса об отношении представления к понятию.

Понятие определялось то как словесное обозначение общего в ряде простых идей (представлений), как имя-термин (Локк, Гоббс), то просто как любое «представление о вещи в нашем мышлении» (Х. Вольф), то как «нечто противоположное созерцанию, так как оно есть некоторое общее представление или представление о том, что является общим для многих объектов созерцания» (И. Кант), то как «представление с определенным, однозначным, устойчивым и зафиксированным в речи общепринятым значением» (Х. Зигварт), то как «представление о представлении» (А. Шопенгауэр). Широко распространено и ныне определение понятия как просто «смыслового значения термина», что бы тот ни обозначал. Неопозитивисты часто вообще отказываются решать вопрос об отношении понятия к представлению, переходя в план чисто формальных определений понятия – квалифицируя понятие как «функцию

высказывания», «пропозициональную функцию» и т.п. В современной буржуазной философии и логике этот вопрос вообще остался крайне запутанным. Чрезвычайно типичным является взгляд, выраженный в «Философском словаре» Г. Шмидта. Понятие здесь определяется как «смысловое содержание слов», а в более строгом «логическом смысле» как такое смысловое содержание слова, «которое очищено от всего того, что принадлежит единичному восприятию, а потому может быть перенесено на другие восприятия в качестве их обозначения»⁷. В «Словаре основных философских понятий» Кирхнера – Михаэлиса делается следующая неуклюжая попытка уйти от отождествления понятия с представлением: «Понятие не есть просто усовершенствованное представление, так как оно возникает из представлений только путем их приравнивания и вычленения общего в них...»⁸

Русский логик-кантианец А. Введенский исходит из того, что представление отличается от понятия не «психологическим способом переживания», а тем, что в представлении вещи мыслятся «со стороны каких угодно», в понятии же – лишь «со стороны существенных признаков»⁹. Однако на следующей же странице он сам снимает это разграничение характерным рассуждением на тему о том, что «с одной точки зрения существенно одно, а с другой точки зрения – совсем другое»¹⁰. Но вопрос о «существенности» или «несущественности» тех или иных признаков решается за пределами логики, как формальной дисциплины, где-нибудь в «гносеологии», в этике или другой подобной дисциплине. Поэтому, де, логика вправе, не мудрствуя лукаво, рассматривать как понятие любое словесно зафиксированное «общее», любой термин со стороны его смысла.

Подобные (крайне типичные для немарксистской, антидиалектической логики) рассуждения приводят, в конце концов, более или менее окольными путями, к одному и тому же финалу: под названием «понятия» рассматривается любое словесно выраженное «общее», любая терминологически закрепленная абстракция от чувственно данного многообразия, любое представление о том, что является общим для многих объектов непосредственного созерцания.

Иными словами, все антидиалектические версии «понятия» в конце концов восходят к одному и тому же классическому перво-

⁷ Schmidt H. Philosophisches Wörterbuch. Leipzig: Alfred Kroner, 1934. S. 67.

⁸ Kirchner F., Michaëlis C. Kirchner's Wörterbuch der philosophischen Grundbegriffe. Leipzig: Felix Meiner, 1911. S. 130.

источнику – к локковско-кантовскому определению, а иногда и еще дальше – к определению средневекового номинализма, вообще не различавшего «слово» и «понятие».

Принципиальная слабость локковско-кантовской концепции заключается в том, что она в своих попытках различить представление как форму чувственно-эмпирического знания от понятия как формы рационального познания прочно стоит на почве гносеологической робинзонады. Субъект познания для нее – это отдельный, вырванный из сплетения общественных связей, противостоящий «всему остальному», человеческий индивидуум. Поэтому отношение сознания к предметной реальности здесь и понимается крайне узко, – только как отношение многократно повторенного индивидуального сознания ко всему, что находится вне этого сознания, не зависит от его существования и произвола.

Однако вне и независимо от сознания и воли индивидуума находится не только материальная природа, но и сложнейшая исторически сложившаяся сфера материальной и духовной культуры *человечества*, общества. Пробуждаясь к сознательной жизни внутри общества, индивидуум застает вокруг себя готовую «духовную среду», предметно-воплощенную духовную культуру. Последняя противостоит индивидуальному сознанию как особый предмет, который он должен усвоить, считаясь с его природой, как с чем-то вполне объективным. Система форм общественного сознания (в самом широком смысле, включая формы политической организации общества, права, морали, повседневного быта и пр. и пр., а также формы и нормы действий в сфере мышления, грамматически-синтаксические правила словесного выражения представлений, эстетические вкусы и т.д.) с самого начала организует развивающееся сознание и волю индивидуума, формирует его по своему образу и подобию. В итоге каждое отдельное чувственное впечатление, возникающее в индивидуальном сознании, всегда есть продукт преломления внешних воздействий сквозь сложнейшую призму усвоенных им форм общественного сознания. Эта своеобразная «призма» есть продукт общественно-человеческого развития. Индивид наедине с природой ее лишен, и из анализа отношений изолированного индивида к природе ее понять нельзя.

Гносеологическая же «робинзонада» пытается понять механизм производства сознательных представлений и понятий как раз из такого сказочного положения. Общественная природа любого, самого элементарного акта производства сознательных представлений здесь

игнорируется с самого начала, и дело представляется таким образом, что индивидум сначала испытывает единичные чувственные впечатления, затем индуктивно отвлекает от них нечто общее, наименоывает его словом, а затем становится в позицию «рефлексии» к этому общему, рассматривает свои собственные умственные действия и их продукты – «общие идеи» (т.е. зафиксированные речью общие представления) – как особый объект исследования. Короче говоря, дело начинает представляться так, как его и изобразил в своем «Опыте о человеческом разуме» Джон Локк, классик и систематизатор этого взгляда.

Но общественно-человеческая природа индивидуального сознания, не впущенная этой теорией через дверь, проникает в нее через окно. «Рефлексия», т.е. рассмотрение продуктов умственной деятельности и операции с ними (силлогистические умозаключения, рассуждения, опирающиеся только на «понятия»), сразу же обнаруживает, что в этих продуктах заключается некоторый результат, принципиально не объяснимый из узколичного опыта. Поскольку же общественно-человеческий опыт здесь толкуется только как многократно повторенный личный опыт, как простая сумма отдельных опытов (а не как история всей человеческой культуры), постольку все формы сознания, вызревшие в трудном и противоречивом развитии культуры, начинают казаться вообще из опыта не объяснимыми, доопытными – «априорными». Из индивидуального опыта они никак с необходимостью не выводятся, и, однако, активнейшим образом детерминируют этот опыт, задают форму его протекания.

Это представление в итоге и отливается в учение о «единстве трансцендентальной апперцепции» И. Канта, в связи с которым Кант и дает свое определение «понятия» как «общего представления, или представления о том общем, что свойственно многим объектам созерцания»^{vii}. Разумеется, учение Канта о понятии не сводится к этой простой дефиниции; однако она лежит в основе всех его построений и органически с ними связана. На первый взгляд, это определение совпадает с односторонне-эмпирическим толкованием понятия у Локка. Это действительно так. Но узкий эмпиризм неизбежно дополняется своей противоположностью, представлением о внеопытном, незмпирическом происхождении целого ряда важнейших понятий рассудка, категорий. Категории рассудка, представляющие собой сложный продукт тысячелетнего развития культуры человеческого мышления, уже не истолкуешь просто как общие представления, как представления о том общем, что имеется между

многими объектами, данными в созерцании человеческим индивидуумам.

Всеобщие понятия, категории (причина, качество, свойство, количество, возможность, необходимость и т.д.) относятся не ко «многим», а ко всем без исключения объектам созерцания. Стало быть, они должны заключать в себе гарантию всеобщности и необходимости, гарантию на тот счет, что никогда в будущем в поле зрения человека не попадет и не может попасть противоречащий случай («беспричинное» явление, или вещь, которая была бы лишена «качеств», «свойств» и не поддавалась бы количественному измерению, и т.п.). Эмпирически-индуктивное отвлечение, естественно, такой гарантии в себе заключать не может, — оно всегда находится под угрозой той неприятности, которая произошла с суждением «все лебеди белы»^{viii}.

Поэтому на деле Кант для подобных понятий принимает принципиально иное определение, толкуя их как априорные формы трансцендентальной апперцепции, а вовсе не как «общие представления». Трещина дуализма проходит, таким образом, и через самое «понятие понятия». На деле тут два взаимоисключающих определения. С одной стороны, понятие просто отождествляется с общим представлением, а с другой стороны, между понятием и представлением фиксируется ничем не заполненная пропасть. «Чистая» («трансцендентальная») форма понятия, категория рассудка, оказывается всецело априорной, а обычное понятие сводится просто к общему представлению. Это — неизбежное возмездие за грех узколого эмпиризма, от которого не может уйти ни одна школка в логике, отождествляющая понятие со смыслом любого термина, со значением слова.

Материалистическая диалектика Маркса, Энгельса и Ленина прекрасно разрешила трудности, связанные с определением понятия и его отношения к представлению, выраженному в речи, поскольку полностью учла общественно-человеческий, общественно-исторический характер всех форм и категорий познания, включая формы эмпирической ступени познания.

Благодаря речи индивид «видит» мир не только и не столько своими собственными глазами, сколько миллионами глаз. Поэтому под представлением Маркс и Энгельс всегда разумеют не удержанный в индивидуальной памяти чувственный образ вещи, а нечто иное. Представление, с точки зрения гносеологии, исходящей из общественного индивида, — это реальность опять-таки общест-

венная. В состав представления входит то, что удержано в общественной памяти, в формах этой общественной памяти. А такой формой является прежде всего речь, язык. И если индивид приобрел представление о вещи от других непосредственно созерцающих ее индивидов, то он приобрел только такую форму сознания о ней, какую бы он получил в том случае, если бы сам, собственными глазами, созерцал этот факт, эту вещь. Обладать представлением – это значит обладать общественно осознанным (т.е. выраженным или могущим быть выраженным в речи) созерцанием. От того, что я – посредством речи – созерцаю вещь глазами другого индивида или другой индивид созерцает вещь моими глазами – от этого ни я, ни другой индивид не приобретаем еще понятия об этой вещи. Мы взаимно обмениваемся представлениями. Представление и есть словесно выраженное созерцание, «словесное бытие» предмета, как выражается Маркс^{ix}.

Созерцание и представление тем самым и выступают как категории, выражающие общественно-исторический характер чувственности, эмпирической формы познания, а не психологические состояния индивида. В состав представления всегда входит только то, что я в моем индивидуальном созерцании воспринимаю общественным образом, т.е. могу через речь сделать достоянием общественного сознания другого индивида, а тем самым и для самого себя как общественно созерцающего индивида. И суметь выразить чувственно созерцаемые факты в речи – это значит суметь перевести индивидуально созерцаемое в план представления как общественного сознания.

Но это еще никак не совпадает с умением, со способностью вырабатывать *понятие*, с умением совершать логическую переработку созерцания и представления в понятие. Это еще не означает умения перейти от первой, чувственной ступени познания к ступени логического усвоения.

Когда речь идет о процессе теоретической обработки чувственных данных, то Маркс в качестве этих данных имеет в виду, конечно, не только и не столько то, что индивид, совершающий эту логическую обработку, непосредственно *видел* своими глазами или *ощупывал* пальцами. Маркс всегда имеет в виду всю *совокупность фактических, эмпирических сведений, общественно совершаемое созерцание*. Перед теоретиком в качестве материала логической деятельности, в качестве чувственных данных лежит не только и не столько то, что он, как индивид, непосредственно созерцал, сколько все то, что он знает о предмете от *всех других* людей. От других же

людей он может знать все это только благодаря речи, благодаря тому, что миллионы созерцаемых фактов уже нашли свое выражение в общественном представлении.

Этим устанавливается другой разрез в понимании процесса познания, нежели тот, который можно установить с позиции номиналистического понимания мышления и его отношения к чувственности: созерцание и представление для Маркса составляют лишь первую, *чувственную* ступень познания. И это резко отличается от толкования чувственной ступени познания, характерного для последователей Локка и Гельвеция. Последние неизбежно – в силу их позиции, исходящей из абстрактно-антропологического представления о субъекте познания, – относят ту форму сознания, которую Маркс именуется представлением, к рациональной, логической ступени отражения.

Впервые четко, и притом с точки зрения логики (чего не мог сделать никто до него), различие между понятием и общим представлением, выраженным в слове, установил диалектик Гегель. И сделал он это именно потому, что его исходной точкой зрения в логике является не отдельный индивид, а человечество в целом, в развитии.

Гегель не раз отмечает, что если процесс познания рассматривать с психологической точки зрения, т.е. в том его виде, в каком он осуществляется в голове отдельного индивида, то он выглядит так, что «мы начинаем с чувств и созерцаний и что рассудок из всего их многообразия извлекает некоторую всеобщность или некоторое абстрактное...»⁹

Этот отрезок пути Гегель и называет переходом от созерцания к представлению, т.е. к некоторой устойчивой форме сознания, к абстрактно-общему образу, получающему соответствующее наименование, выражение в речи, в термине.

Однако для мышления, постигающего истину, эта форма сознания вовсе не является ни целью, ни результатом, а только предпосылкой, только материалом его специфической деятельности. Старая логика, отмечает Гегель, постоянно путает психологические предпосылки понятия с самим понятием, принимает за понятие любое абстрактно-общее представление, поскольку оно нашло свое выражение в термине, в слове, в речи.

Для последней любое абстрактно-общее представление, зафиксированное в слове, есть уже понятие, есть уже форма рационально-

⁹ Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1939. Т. 6. С. 19.

го познания вещей. Для Гегеля это – лишь предпосылка действительного *понятия*, т.е. такой формы сознания, которое выражает действительную (диалектическую) природу вещей.

«...В наше время *никакому* понятию не приходилось так жестоко страдать, как самому понятию *понятия*, само по себе взятому. Ибо под понятием обыкновенно понимают некую абстрактную определенность и односторонность представления или рассудочного мышления, с помощью которой, разумеется, не может быть мыслительно осознана ни целостность истины, ни конкретная по своей природе красота»¹⁰.

Понятие, разъясняет Гегель, толкуется этой логикой крайне односторонне, а именно, рассматривается лишь с той стороны, которая одинаково свойственна и понятию, и общему представлению.

При таком подходе к проблеме понятие по существу приравнивается к простому общему представлению, а все те особенности понятия, благодаря которым оно оказывается способным выразить конкретную природу предмета, остаются вне поля зрения старой логики.

«То, что иногда также называют понятиями и даже определенными понятиями, например человек, дом, животное и т.д., суть простые определения и абстрактные представления, – суть абстракции, заимствующие от понятия лишь момент всеобщности и опускающие особенность и единичность; они, таким образом, не получают развития в направлении этих моментов и, следовательно, абстрагируются как раз от понятия»¹¹.

Это различие, как нетрудно убедиться, теснейшим образом связано с гегелевской критикой метафизики в логике, в теории познания. Отнюдь не отрицая того очевиднейшего факта, что понятие всегда есть нечто абстрактное по сравнению с чувственно-конкретным образом вещи, Гегель вместе с этим показывает всю поверхностность взгляда, который сводит понятие к простому выражению абстрактно-одинакового, абстрактно-общего, целому ряду явлений свойства, признака или отношения. Такое сведение ровно ничего не объясняет в его способности постигать природу предмета глубже, вернее, полнее, нежели созерцание и представление.

«Конечно, если та сторона конкретного явления, которую мы, согласно рассматриваемому воззрению, вбираем в понятие, должна

¹⁰ Там же. Т. 12. С. 95–96.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 271.

служить лишь *признаком* или *знаком*, то она и в самом деле может быть тоже каким-нибудь лишь чувственным, единичным определением предмета...»¹²

Различие между образом живого созерцания и понятием сводится, таким образом, к чисто количественному различию. Понятие выражает, точнее, обозначает лишь одно из чувственных качеств явления, в то время как чувственный образ содержит в своем составе целый их ряд. Понятие в итоге рассматривается лишь как нечто более бедное, нежели образ живого созерцания, – только как абстрактное, одностороннее выражение этого образа.

Переход от образа созерцания к понятию рассматривается, таким образом, только как разрушение чувственно данной конкретности, как устранение массы чувственно воспринимаемых свойств ради одного из них.

«Абстрактное, – говорит по этому поводу Гегель, – считается в таком случае по той причине менее значительным, чем конкретное, что из него, дескать, опущено так много указанного рода материи. Абстрагирование получает, согласно этому мнению, тот смысл, что из конкретного вынимается (лишь для *нашего субъективного употребления*) *тот* или *иной признак*... и лишь *немошь* рассудка приводит, согласно этому взгляду, к тому, что ему невозможно вобрать в себя все это богатство и приходится довольствоваться скудной абстракцией»¹³.

Переход от конкретного созерцания к абстракции мышления предстает в итоге только как отход от действительности, данной непосредственному созерцанию, лишь как проявление «немощи», слабости мышления. Неудивительно, что Кант, отправляясь от этого понимания, приходит к выводу о неспособности мышления достигать объективной истины.

Ленин, тщательно конспектируя приведенное гегелевское рассуждение, записывает по его поводу:

«Гегель вполне прав *по существу* против Канта. Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит – если оно *правильное* (NB) (а Кант, как и все философы, говорит о *правильном мышлении*) – *от истины*, а *подходит к ней*»¹⁴.

Иными словами, если понятие и есть нечто абстрактное по сравнению с чувственно воспринимаемой конкретностью, то вовсе не

¹² Там же. Т. 6. С. 18.

¹³ Там же. С. 17–18.

¹⁴ Ленин В.И. Философские тетради. М.: Госполитиздат, 1947. С. 146.

в этом заключается его сила, его преимущество перед созерцанием. Восхождение от чувственно созерцаемой конкретности к абстрактному ее выражению – это только форма, в которой осуществляется более содержательный процесс – процесс достижения истины, которую созерцание схватить не в состоянии. Ленин, комментируя Гегеля, и отмечает, что научные, т.е. правильные, серьезные, не вздорные, абстракции отражают природу не только глубже, не только вернее, чем живое созерцание и представление, *но и полнее*. А полнее на языке диалектической логики означает не что иное, как конкретнее.

«Поэтому, – продолжает Гегель в цитируемом Лениным отрывке, – абстрагирующее мышление должно рассматриваться не просто как оставление в стороне чувственной материи, которая при этом, дескать, не терпит никакого ущерба в своей реальности; оно, скорее, есть снятие последней и сведение ее, как простого явления, к существенному, проявляющемуся только в понятии»¹⁵.

Конкретное при этом вовсе не утрачивается, как думает Кант вместе с эмпириками, а напротив, выявляется мышлением в его действительном значении и содержании. Поэтому-то Гегель и рассматривает переход от чувственно созерцаемой конкретности к понятию как форму движения от явления к сущности, от следствия – к его основанию.

Понятие, по Гегелю, выражает сущность созерцаемых явлений. А эта сущность ни в коем случае не сводится к тому абстрактно-одинаковому, что имеют различные явления, к тому одинаковому, что наблюдается в каждом из явлений, взятых порознь. Сущность предмета всегда заключается в единстве различных и противоположных моментов, в их сцеплении и взаимообусловленности. Поэтому-то Гегель и говорит о понятии: «Что касается природы понятия как такового, то следует указать, что оно не есть в самом себе абстрактное единство в противоположность различиям, характеризующим реальность, а уже как понятие оно есть единство различных определенностей и, стало быть, конкретная целостность. Так, например, представления “человек”, “синий” и т.д. должны прежде всего называться не понятиями, а абстрактными общими представлениями, и эти представления становятся понятиями лишь в том случае, когда мы показываем относительно них, что они со-

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 6. С. 18.

держат в себе различные стороны в единстве, так как это последнее, в самом себе определенное единство, составляет понятие»¹⁶.

И если мышление человека просто сводит чувственно-конкретный образ предмета к абстрактно-одностороннему определению, то оно производит не понятие, а только общее представление. Понятый как переход от созерцания к представлению – это совершенно естественный и закономерный процесс. Но если его принимают не за то, что он есть на самом деле, а именно – за переход к понятию, то он не объясняет в этом переходе самого важного.

Ленин не раз подчеркивал справедливость той мысли Гегеля, что переход от представления к понятию следует рассматривать в логике прежде всего с той точки зрения, что это есть переход от менее глубокого знания к знанию более глубокому, полному и верному.

«Предмет, каков он без мышления и без понятия, есть некоторое представление или даже только название; только в определениях мышления и понятия он *есть* то, что он есть», – говорит Гегель, и Ленин записывает на полях:

«Это верно! *Представление и мысль, развитие обоих, Nil aliud* (ничего другого)»¹⁷.

Анализируя гегелевские рассуждения по поводу отношения представления к мышлению, Ленин считает нужным специально отметить, что в этом пункте идеализм Гегеля как раз не сказывается:

«Здесь, в понятии времени (а не в отношении представления к мышлению) идеализм Гегеля»¹⁸.

Основная мысль Гегеля сводится к тому, что рассудочные абстракции не выводят сознание за пределы эмпирической ступени познания, что они суть формы чувственно-эмпирического сознания, а не мышления в строгом смысле этого слова, суть представления, а не понятия. Смешение же того и другого, отождествление представления с понятием на том основании, что и то и другое суть абстракции, есть характернейший признак метафизики в логике, логики метафизического мышления.

Прекрасную формулу, определяющую отношение между чувственной ступенью познания (сферой созерцания и представления) и ступенью логического постижения (сферой понятия) с точки зрения материалистической диалектики, дал в работе «Относительно

¹⁶ Там же. Т. 12. С. 111.

¹⁷ Ленин В.И. *Философские тетради*. С. 196.

¹⁸ Там же. С. 199.

практики» Мао Цзэдун: «Повторяем: логическое познание отличается от чувственного познания тем, что чувственное познание охватывает отдельные стороны вещей, явлений, внешние их стороны, внешнюю связь явлений, а логическое познание делает огромный шаг вперед, охватывая явление в целом, его сущность и внутреннюю связь явлений, поднимается до раскрытия внутренних противоречий окружающего мира и тем самым может постигнуть развитие окружающего мира во всей его целостности, с его всеобщими внутренними связями»¹⁹.

Поэтому первой задачей логики как науки, исследующей процесс логической переработки эмпирических данных в понятие (переход от созерцания и представления к понятию), и является строго объективное разграничение понятия и словесно выраженного представления.

Это разграничение – вовсе не теоретическая тонкость. Оно имеет огромное значение и для теории познания, и для педагогики. Процесс образования абстрактно-общего представления есть процесс сам по себе достаточно сложный и противоречивый. Как таковой он является предметом особого исследования, хотя и не в логике.

Задача логики как науки вырастает из реальных потребностей развивающегося познания явлений окружающего мира. Вопрос, с которым обращается к логике как науке мыслящий человек, вовсе не сводится к вопросу о том, как производить абстракцию вообще, как научиться отвлекать абстрактно-общее в чувственно данных фактах. Чтобы проделать это, совсем не требуется просить совета у логики. Для этого вполне достаточно владеть родным языком и способностью сосредоточивать свое внимание на чувственно данных сходствах и различиях.

Вопрос, с которым человек обращается к логике и на который она и только она и может дать ответ, касается более сложной познавательной задачи: как выработать такую абстракцию, которая выражала бы объективное существо фактов, данных в созерцании и представлении. Как образуется на основе переработки массы эмпирически очевидных фактов такое обобщение, которое выражает действительную природу рассматриваемого предмета, – вот та реальная проблема, решение которой совпадает с решением вопро-

¹⁹ Мао Цзэдун. Избр. произв.: в 4 т. М.: Иностранная литература, 1952. Т. 1. С. 510–511.

са о природе понятия в его отличии от абстрактно-общего представления.

И если понятие определяется как отражение существенного общего, то материализм в логике обязывает строжайшим образом различать существенное для субъекта (для его желаний, стремлений, целей и т.д.) и существенное для объективного определения природы предмета, совершенно независимой от субъективных устремлений.

Неокантианская логика сознательно смазывает это различие, стараясь доказать, что критерий различения между субъективно существенным и существенным, с точки зрения самого предмета, не может быть ни найден, ни дан. Наиболее последовательное развитие этот взгляд на понятие получает в прагматистских и инструменталистских концепциях. Любое понятие истолковывается как проекция субъективных желаний, стремлений и побуждений на «хаос» чувственно данных явлений. Ясно, что здесь стирается не только грань между субъективным и объективным, но также и граница между стихийно складывающимся представлением и понятием, между эмпирическим и рационально-логическим познанием.

В качестве иллюстрации приведем один характернейший образчик современного философствования по поводу проблемы абстрактного и конкретного – статью западногерманского теоретика Р. Шоттлендера^х, отражающую, как в зеркале, уровень современной буржуазной мысли в области категорий диалектики²⁰.

Его рассмотрение и начинается, и кончается убогим противоположением абстрактного конкретному как категорий, относящихся к двум принципиально различным сферам. Абстрактное для Шоттлендера есть лишь «способ действия субъекта познания». Конкретное тут же отождествляется с чувственно-наглядной полнотой образа живого созерцания, предмет вне сознания вообще не различается от его чувственного переживания. Из этого конкретного субъект «вынимает», «извлекает», «отнимает» те или иные общие абстрактные признаки, руководствуясь при этом, де, чисто субъективной целью, и строит из этих признаков понятие. Существенность или несущественность извлекаемых признаков, по Шоттлендеру, всецело определяется целью субъекта познания, его «практическим» отношением к вещи. Говорить о существенном *с точки зрения самого*

²⁰ Schottländer R. Recht und Unrecht der Abstraktion // Zeitschrift für philosophischen Forschung. 1953. Bd. 7. H. 2. S. 220–234.

объекта, по Шоттлендеру, нельзя, не возвращаясь на позиции схоластической «квинтэссенции», «реальной сущности».

Абстрактное и конкретное тем самым оказываются метафизически распределенными между двумя разными мирами – миром «субъекта познания» и миром «объекта познания». На этом основании Шоттлендер вообще считает целесообразным снять вопрос об отношении абстрактного к конкретному как *вопрос логики*, исследующей мир субъекта.

Поскольку же речь идет о логике, он противопоставляет абстрактному не конкретное, а тут же выдумываемый им «субтрагендум»^{xi}, т.е. все то, что субъект, извлекающий абстракцию, сознательно или бессознательно оставляет в стороне, все неиспользованное им остальное богатство чувственно созерцаемого образа вещи. А затем в духе современной семантической традиции считает целесообразным переименовать и абстрактное в «экстрагендум»^{xii} (т.е. то, что извлечено и введено в состав понятия).

Глубокомысленный анализ приводит к столь же глубокомысленному выводу: поскольку полный синтез абстракций, соответствующий бесконечной полноте чувственного образа, недостижим, постольку все философское оправдание любой абстракции («экстрагендума») может состоять лишь в указании на ту цель или ценность, во имя которой субъект познания ее извлек. Чувственно-интуитивно схватываемая полнота вещи, за вычетом «экстрагендума», называется «субтрагендумом». Последний держится субъектом познания «про запас», в резерве, на тот случай, когда в свете других целей, ценностей или устремлений «существенное» окажется именно там. Этим и исчерпывается концепция.

Изложение этой концепции сопровождается поклонами в сторону экзистенциалистов, как собратьев по уровню теоретизирования, и пренебрежительными замечаниями по адресу Гегеля, который-де «переоценил» конкретное в ущерб абстрактному и выражал логические идеи в неподходящей терминологии.

Этот пример показывает, насколько опустилась современная буржуазная мысль в области философии и логики по сравнению с началом XIX в. Проблему решают тем, что отрицают ее существование, подменяя ее другой, доморощенной и мелкой проблемкой, отчасти психологического, отчасти морально-этического характера.

* * *

При постановке вопроса об отношении понятия к представлению следует, по-видимому, полностью учитывать то обстоятельство, что представление, как форма и ступень отражения объективной реальности в сознании человека, есть также абстракция, в образовании которой принимает участие множество факторов, – и прежде всего непосредственно-практический интерес, потребность человека и идеально выражающая ее цель.

Связь понятия – теоретической абстракции, выражающей объективное существо предмета, – с практикой гораздо шире, глубже и сложнее. В понятии предмет схватывается не с точки зрения частной, узкопрагматической цели, потребности, а с точки зрения практики человечества во всем всемирно-историческом ее объеме и развитии. Только эта точка зрения и совпадает в своей перспективе с рассмотрением предмета с точки зрения самого предмета. Только с этой позиции становятся различимыми объективно существенные определения предмета, «то, в чем предмет есть то, что он есть», иными словами, образуется абстракция понятия.

По-видимому, только в этой плоскости и следует искать критерий различения понятия от представления.

Понятие «человек» и некоторые выводы из его анализа

Что такое человек? На первый взгляд вопрос кажется до смешного простым. Каждый из нас связывает с этим словом вполне отчетливое представление и на основе этого представления легко отличает человека от всякого другого существа или предмета. С точки зрения домарксистской логики это и означает, что каждый здравомыслящий индивид обладает «понятием» человека. Однако ни одно другое понятие не вызывало, пожалуй, таких ожесточенных споров между философами, как это.

Согласно метафизическому (антидиалектическому) взгляду, это понятие, как и любое другое, определить нетрудно. Для этого следует отвлечь то общее, что одинаково свойственно каждому отдельному представителю человеческого рода и не свойственно никакому другому существу.

Попытка осуществить эту рекомендацию сталкивается, однако, сразу же с рядом трудностей, имеющих принципиально-философское значение. Оказывается, что прежде чем отвлекать такое об-

щее, придется предварительно решить, какие из живых существ можно отнести к человеческому роду, а какие нет. Но здесь сразу же вступают в действие соображения далеко не формального характера. Аристотель, например, не принимал во внимание рабов, когда вырабатывал свое знаменитое определение человека как «существа политического». Раба он относил в другой «род», а именно – «орудий», хотя и «говорящих». Для Аристотеля, как идеолога своего класса, только жизнедеятельность свободного горожанина была «подлинно человеческой».

Элементарный анализ понятия «человек» сразу же обнаруживает, что оно тысячами нитей связано с существованием и борьбой классов и их мировоззрений, с определенным пониманием гуманизма, которое нигде и никогда не бывало беспартийным, чисто академическим.

Буржуазный строй, утверждая себя в борьбе против сословно-феодалного права, доказывал свои преимущества тем, что он, и только он, «соответствует подлинной природе человека», а феодализм-де покоится на извращенных и ложных представлениях об этой природе. Идеологи современного империализма стараются доказать, что социализм несовместим с «естественными требованиями человеческой природы» и что эти требования удовлетворяются только в условиях «свободного предпринимательства», как дипломатически именуется в их книгах система наемного рабства трудящихся классов.

Недавно у нас издан перевод романа-памфлета прогрессивного французского писателя Веркора^{xiii} «Люди или животные?»²¹. В этом романе в обостренно-обобщенной форме остроумно обрисованы типичные точки зрения на человека, сталкивающиеся в современном мире. Сюжет его таков. В дебрях тропического леса обнаружено общество странных существ. Согласно одним критериям, бытующим в современной науке, это человекообразные обезьяны, согласно другим – первобытные люди. Ясно одно: это своеобразная, ранее не наблюдавшаяся переходная форма от животного, биологического мира – к миру человеческому, социальному. Весь вопрос в том, перешагнули они ту трудноуловимую грань, которая отделяет человека от животного, или еще не успели?

Вопрос, казалось бы, чисто академический, могущий волновать лишь специалиста, биолога или антрополога. Но в наши дни нет и не

²¹ Веркор. Люди или животные? М.: Иностранная литература, 1957.

может быть чисто академического вопроса. Тропи (так именуются вымышленные автором существа) очень скоро становятся предметом столкновения самых различных интересов, а потому и точек зрения. Абстрактно-теоретический вопрос: «Люди это или животные?» – требует определенного и вполне конкретного ответа. Герой романа сознательно умертвил одно из существ. Если тропи – люди, то он – убийца, подлежащий казни. Если это животные – состава преступления нет. Тот же вопрос мучает старого священника. Если тропи люди, он обязан спасать их души, подвергать обряду святого крещения. Но вдруг это всего-навсего животные? В этом случае он рискует повторить святотатство святого Мазля, по слепоте своей крестившего пингвинов. Сюда же вмешивается могучий интерес промышленной компании, видящей в тропи идеал рабочей силы. Дрессированное животное, не знающее ни профсоюзов, ни классовой борьбы, ни потребностей, превышающих физиологические, – что может быть лучше с точки зрения капиталиста?

Компания, на территории которой обнаружены тропи, старается доказать, что это – животные, составляющие ее частную собственность. Спор о природе тропи вовлекает в свою орбиту сотни людей, десятки теорий и доктрин, ширится и запутывается, перерастая в дискуссию о совсем иных вещах и ценностях. Герои романа вынуждены задуматься над критерием, на основе которого можно было бы решить вопрос строго и однозначно. Оказывается, что это вовсе не так легко сделать, как могло показаться с первого взгляда.

Если отдать предпочтение одному «признаку человека», то тропи попадают в категорию людей, если другому – нет. Не помогает и обращение к совокупности таких признаков, ибо в этом случае вопрос встает о количестве таковых и трудность остается той же самой. Увеличивая количество признаков «человека», вводя в их число таких, которыми тропи не обладают, автоматически оставляют тропи за пределами человеческого рода. Сужая число признаков, оставляя лишь те, которыми обладают и ранее известные люди и тропи, получают определение, согласно которому тропи зачисляются в человеческую семью. Мысль попадает в безвыходный круг: чтобы определить природу тропи, нужно предварительно определить природу человека. Но определить человека нельзя, не решив заранее – следует учитывать тропи как разновидность *homo sapiens*, или не следует?

Кроме того, спор сразу же разгорается и по поводу толкования каждого из признаков. Что понимать под мышлением? Что понимать

под речью? Что понимать под трудом? И т.д. и т.п. В одном смысле этих понятий тропи обладают и речью, и мышлением, в другом – нет. Иными словами, по поводу каждого из свойств человека начинается тот же самый спор, что и по поводу самого «человека». Конца спорам не видно, они достигают сфер самых общих философских понятий и здесь разгораются с новой силой и ожесточением.

Особенно острыми споры становятся, как только речь заходит о том, какой из способов жизнедеятельности следует считать «подлинно человеческим», какая организация жизни «соответствует природе человека» и в чем заключается эта «природа»?

Все попытки выяснить тот «общий и существенный признак», на основании которого можно было бы строго отличить человека от нечеловека, вновь и вновь упираются в старинную трудность. Такой признак можно установить только в том случае, если предварительно прочерчена граница между человеком и его ближайшими животными – предками; но как прочертить эту пограничную линию, не имея в голове того самого «общего признака», который нужно найти? Очень холодную воду нетрудно отличить от очень горячей; но как быть с теплой водой? Один камень не составляет кучи. Два – также. Сколько же камней требуется для кучи? Где тот рубеж, на котором лысеющий человек становится лысым? Существует ли тут вообще четкая граница? Не есть ли это просто условная, воображаемая линия, прочерченная лишь для удобства классификации? В таком случае, где она должна пройти? «Она пройдет там, где ее захотят провести сильные мира сего», – убеждается герой романа. Действительно, субъективно-идеалистические учения (прагматизм, инструментализм и т.п.) в этом решающем пункте передают решение на суд «сильных мира сего». Голос сильных мира сего и превращается в критерий истины; все ставится в зависимость от их произвола и капризов. «Все несчастья на земле происходят оттого, что люди до сих пор не уяснили себе, что такое человек и не договорились между собой, каким они хотят его видеть», – философствует главный герой романа.

Убедившись на практике, что общий и существенный признак человека найти не так легко, как это могло казаться сначала, герои романа вынуждены искать решения в философских и социологических концепциях. Но где критерий истинности этих последних? И опять все начинается с самого начала. Веркор и его герои знакомы с марксистским ответом на вопрос. Но этот ответ кажется им «односторонним». Веркору кажется, что понимание, исходящее «из ре-

альных отношений людей в процессе материального производства», игнорирует «другие формы человеческой солидарности», и прежде всего – «ритуальную философию»: «на свете существует немало племен, чья человеческая солидарность строится не на материальном производстве, а на охоте, войнах или на фетишистских обрядах»; «сильнейшими узами, связывающими сейчас 300 миллионов индийцев, является не их отсталое сельское хозяйство, а ритуальная философия». Герои романа и колеблются, по воле автора, между марксистским и идеалистически-христианским определением общего и существенного признака человеческого существа, не решаясь принять ни то ни другое. Они стараются найти третье, такое, в котором были бы примирены и диалектический материализм, и христианство.

«Каждый человек – прежде всего человек, а уж потом последователь Платона, Христа или Маркса», – пишет Веркор в послесловии к русскому переводу. «По-моему, в настоящий момент гораздо важнее показать, как, исходя из такого критерия, могут найтись точки соприкосновения между марксизмом и христианством, нежели подчеркивать их расхождение». Сущность человека как такового независимо от идеологических расхождений не заключается в приверженности к той или другой доктрине. Но в чем же она заключается? В том, что «человек есть прежде всего... человек». Вот и весь ответ, который Веркор оказался в силах противопоставить «одностороннему» взгляду диалектического материализма. Но ведь такой «ответ» возвратил нас опять к исходному пункту – к простому названию, не наполненному никаким определенным содержанием. Чтобы сдвинуться с тавтологии, придется опять начинать все рассуждения сначала.

Позиция, ярко и остроумно обрисованная Веркором, очень хорошо выражает умонастроения той части западной интеллигенции, которая мучительно размышляет над жгучими проблемами современности, но еще не решила для себя вопрос: где пути спасения высоких идеалов гуманизма? Она ясно видит, что капитализм органически враждебен этим идеалам. Но и к коммунизму она примкнуть еще не решается, опасаясь утратить в нем «независимость суждения», мнимые «привилегии мыслящей части человечества». И пока она мучительно колеблется между этими двумя реальными полюсами современного мира, любой несложный теоретический вопрос разрастается в запутаннейшую и совершенно неразрешимую проблему, а попытки решить его с помощью самых изощренных

средств формальной логики приводят в итоге к тавтологии: $A = A$, человек есть человек. Ни к чему другому и не могут привести поиски определения «человека» на пути отыскания того абстрактно-одинакового признака, которым обладает каждый отдельный представитель современного человечества. Логика, исходящая из подобной аксиомы, абсолютно бессильна здесь что-нибудь сделать. Сущность человека, которую и должно выразить всеобщее определение, ни в коем случае не есть «абстракт, присущий каждому индивиду», не есть то одинаковое, чем обладает каждый порознь рассмотренный единичный представитель рода человеческого. На этом пути всеобщего определения «человека» получить нельзя. Здесь требуется другая логика, логика, базирующаяся на диалектико-материалистическом понимании отношения между всеобщим и единичным.

В ряду же абстрактно-общих каждому индивидууму признаков эту сущность обнаружить невозможно. Здесь всеобщее не обнаружишь, сколько ни ищи. Поиски на этом пути бесплодны и в том случае, если они производятся с помощью самой изощренной логики. Блестящей иллюстрацией этого может служить книга американского философа Густава Э. Мюллера^{xiv} «Диалектика»²². Судя по всему, ее автор кое-чему научился у Гегеля. Он усвоил даже гегелевские положения о взаимопроникновении противоположностей, о роли противоречия в развитии научных тезисов, об отношении сознания к самосознанию и многое другое. Но вся эта формально-диалектическая эрудиция работает у него вхолостую и приводит к совершенно пустому результату.

«Человек не может понять, что такое человек, не отождествив человека с самим собой; однако человек равным образом не может иметь опыта о человеке, если он не может отличить себя от того опыта, который он имеет о себе»²³. Ряды «отождествлений» и «различений», которые человек Мюллера производит в самом себе по всем правилам формально-диалектических схем, приводят его к столь невразумительным и запутанным конструкциям, что разобратся в них не может и сам их творец. Итог этой псевдодиалектической логики таков: человек есть существо настолько сложное и противоречивое, что чем больше его исследуешь, тем меньше надежды понять, что он такое. Единственный «общий признак», ко-

²² Mueller G.E. *Dialectic: A Way Into and Within Philosophy*. New York: Bookman Associates, 1953.

²³ Ibid. P. 214.

торый Мюллеру удастся выявить в «сложном комплексе» взаимодействующих индивидуумов, состоит, как оказывается в результате, в «способности к размышлению» и в «любви к размышлению». «В этой силе размышления и состоит подлинная человечность. И чем лучше эта личность познает себя, тем более сомнительной и неопределенной она самой себе кажется. Схватить в этом сомнительном абсолютное – это и есть то, что Платон назвал Эросом или любовью. Истинное Я человека есть любовь»²⁴.

Трудно усмотреть в этом выводе «силу размышления». Бессилия тут гораздо больше. Сущность человека здесь, конечно, не при чем. Здесь высказана только сущность философа, питающего любовь к размышлению о том, как он размышляет. Трудно и бесполезно упрекать в этом самого Мюллера. В бессилии его мысли повинны прежде всего те условия, которые создают такую однобоко-абстрактную психологию – психологию интеллигента, совершенно оторванного от реальной жизни и борьбы масс, психологию человека, размышляющего лишь о том, как он размышляет. И если Мюллер в таком размышлении о размышлении видит «подлинную человечность», то это можно понять: надо же ему хоть чем-то себя утешить. Однако действительное – трудящееся и борющееся – человечество вряд ли согласится, чтобы его сущность отождествили с личностью философа-персоналиста, предающегося наедине с самим собой любви к бессильному размышлению и размышлению об этой бессильной любви.

Сущность современного человечества, а тем самым и всеобщее определение «человека» – это, конечно, предмет, достойный самого пристального внимания философа. Необходимым условием правильного подхода к этой проблеме является прежде всего ясная мировоззренческая позиция. Но и логика здесь требуется более совершенная, нежели та, которая видит путь решения в отыскании «общего и существенного признака», свойственного каждому порознь взятому, единичному представителю современного человечества, и сводит всеобщее просто к одинаковому. Такая логика не может привести ни к чему, кроме плоских тавтологий. К тому же абстрактный лозунг «Отыскивай общее – и обрешь познание сущности» оставляет полный простор для произвола и субъективизма при отграничении того круга фактов, от которых отвлекается это общее.

²⁴ Ibid. P. 230.

Все это говорит о том, насколько органична связь логики и мировоззрения, операций обобщения и определенной партийной позиции в жизни и в философии. Самая разработанная система формальных правил обобщения не обеспечит истинного обобщения, если она не сочетается с ясным и передовым мировоззренческим принципом.

Но не менее верно и другое. Передовое мировоззрение невозможно механически сочетать с такой логикой, которая возводит в добродетель свою нейтральность по отношению к любому мировоззрению и ограничивается разработкой таких абстрактных правил, которые можно использовать и так и сяк, в зависимости от иррационально-эмоционального пристрастия к тому или иному мировоззрению.

Марксистско-ленинское мировоззрение покоится не на этических постулатах, а на научно разработанном понимании фактов. Оно насквозь логично. Но и логика, с помощью которой это мировоззрение разработано, также включает внутри себя, в своих собственных положениях, а не где-то вне себя, определенный мировоззренческий принцип. Самая горячая эмоциональная приверженность к рабочему классу и идеалам коммунизма не спасет теоретика, если он будет пользоваться все той же старинной, претендующей на «беспартийность», чисто формальной логикой. К верным выводам и обобщениям такой теоретик никогда не придет. Покажем это на простом примере – на том же всеобщем определении «человека».

В тезисах о Фейербахе Маркс противопоставил свое, диалектико-материалистическое понимание сущности человека всем прежним попыткам определить эту пресловутую сущность – в следующих словах: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»²⁵. Здесь выражена не только мировоззренческая, социологическая истина, но и глубокая логическая установка, принцип, одно из важнейших положений диалектической логики. Это положение, как нетрудно заметить, предполагает совершенно иное понимание категорий абстрактного, конкретного, общего и единичного, нежели то, которое лежало в основе старой, недиалектической логики. В переводе на язык логики это положение значит: всеобщие определения, выражающие сущность рода, бесполезно искать на пути абстрактного выделения того одинакового признака, которым обладает каждый единичный представитель этого рода.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

В ряду «абстрактов» выражение сущности рода не найдешь, сколько ни ищи, ибо она вовсе не в этом ряду заключена.

Сущность человеческой природы вообще, а тем самым и действительную общечеловеческую природу каждого человека, можно выявить только через совершенно конкретное исследование «всей совокупности общественных отношений», через конкретный анализ тех закономерностей, по которым протекает процесс рождения и развития как человеческого общества в целом, так и развитие каждого человеческого индивидуума.

Человеческое общество – это типичнейший случай конкретной общности, а отношение человеческого индивидуума к обществу – характерный случай отношения единичного ко всеобщему. Диалектический характер этого отношения выступает здесь предельно ярко и остро, а вопрос об отношении абстрактного к конкретному тесно переплетается с вопросом об отношении всеобщего к особенному и отдельному.

Конкретное и диалектика общего и единичного

Поиски сущности человека на пути идеального уравнивания людей в понятии рода предполагают метафизическое понимание отношения общего к единичному.

Для метафизика конкретно только единичное – единичная чувственно воспринимаемая вещь, предмет, явление, событие, отдельный человеческий индивид и пр. Абстрактное для них – умственное отвлечение, которому в реальности соответствует сходство многих (или всех) единичных вещей, явлений, людей.

Согласно этой позиции, общее в действительности существует только в виде сходства многих единичных вещей, только в качестве одной из сторон конкретной единичной вещи, а отдельно от единичной вещи как таковое осуществляется только в голове человека, только в виде слова, в виде смысла и значения термина.

На первый взгляд, эта точка зрения на отношение общего и единичного кажется единственно материалистической и здравой. Но только на первый взгляд. Дело в том, что эта позиция полностью игнорирует самой своей постановкой вопроса диалектику общего и единичного в самих вещах, в действительности, вне головы.

Это нагляднее всего можно показать на примере противоположности между фейербаховским и марксистско-ленинским пониманием той же сущности человека. Остро критикуя Гегеля за идеализм,

за понимание «чистого мышления» как сущности человека, Фейербах оказался не в силах противопоставить ему понимания той диалектики, которая заключена в отношениях человека к человеку и человека к природе, в материальном производстве жизни общества.

Поэтому он и в социологии и в теории познания остается на точке зрения абстрактного индивида, вопреки его собственным утверждениям о том, что его точкой зрения является «конкретный», «реальный», «действительный» человек. «Конкретным» этот человек оказался лишь в воображении Фейербаха. Действительной конкретности человека он так и не рассмотрел. И это, кроме всего прочего, означает, что сами термины «конкретное» и «абстрактное» Фейербах употребляет в противоположном смысле по сравнению с их подлинным философским смыслом: то, что он называет конкретным, есть на самом деле, как это блестяще показали Маркс и Энгельс, крайне *абстрактное*, и наоборот.

Фейербах именует конкретным совокупность чувственно воспринимаемых качеств, присущих каждому индивиду и общих для всех индивидов. На основе этих качеств он строит свое представление о человеке. С точки же зрения диалектики, с точки зрения Маркса и Энгельса, это и есть самое абстрактное изображение человека.

Маркс и Энгельс впервые показали, с точки зрения материализма, в чем заключается подлинная конкретность человеческого существования, что представляет собой объективная реальность, к которой философия вправе применять термин «конкретное» в полном его значении.

Конкретная сущность человека была усмотрена ими не в ряду общих каждому индивиду свойств, а в совокупном процессе общественной жизни и в законах ее развития. Вопрос о конкретной природе человека ставится и решается ими как вопрос о развитии системы общественных отношений человека к человеку и человека к природе. Всеобщая (общественно-конкретная) система взаимодействия людей и вещей и выступает по отношению к отдельному индивиду как его собственная, вне и независимо от него сложившаяся человеческая действительность.

Природа как таковая не создает ровно ничего «человеческого». Человек со всеми его специфически человеческими чертами есть от начала до конца результат и продукт его собственного труда. Даже прямая походка, которая на первый взгляд кажется «естественной», анатомически приращенной особенностью человека, на самом деле

есть результат воспитания ребенка внутри сложившегося общества: ребенок, изолированный от общества на манер Маугли (а такие случаи бывали не раз), предпочитает бегать на четвереньках, и отучить его от этого стоит немалых трудов.

Иными словами, только те черты, свойства, особенности индивида, которые в конечном счете есть продукты общественного труда, относятся к числу специфически человеческих. Конечно, анатомо-физиологические предпосылки задает тут матушка-природа. Однако та специфически человеческая форма, которую они имеют в результате, есть продукт труда, и только из него может быть понята, «выведена». И наоборот, все те особенности человека, которые не есть продукт труда, не относятся и к числу особенностей, выражающих сущность человека (например, мягкая мочка уха, хотя она и представляет собой «специфический признак», свойственный каждому человеку и не свойственный никакому другому живому существу).

Индивидуум, пробуждаясь к человеческой жизнедеятельности, то есть превращаясь из природно-биологического существа в социальное, вынужден усваивать путем образования все формы этой деятельности. Биологически ни одна из них не наследуется. Наследуется только физиологическая возможность их усваивать. Вначале они противостоят ему как нечто вне и независимо от него существующее, как нечто всецело объективное, как объект усвоения, подражания. В ходе образования эти формы общественно-человеческой жизнедеятельности превращаются в личное, индивидуальное, субъективное достояние и фиксируются даже физиологически: взрослому человеку уже не удастся ходить на четвереньках, если он даже захочет, и вовсе не потому, что его за это подняли бы на смех; сырое мясо вызывает у него тошноту.

Иными словами, все те особенности, совокупность которых составляет пресловутую сущность человека, суть результаты и продукты (в конечном счете, разумеется) общественно-человеческой трудовой жизнедеятельности. Человек обязан ими не природе как таковой, еще меньше – сверхъестественной силе, называют ли ее богом или как-нибудь иначе (идеей, например). Он обязан ими только самому себе, труду всех предшествующих поколений. В еще большей степени, чем к прямой походке, относится это к более сложным формам человеческой жизнедеятельности, как чувственно-предметной (материальной), так и духовной.

Исторически развитая культура человечества для современного индивидуума выступает как нечто первичное и определяющее по отношению к его индивидуально-человеческой жизнедеятельности. Поэтому с научной (материалистической) точки зрения индивидуума, человеческую личность следует рассматривать как единичное воплощение всеобщей человеческой культуры, как материальной, так и духовной. Естественно, что в индивидууме эта культура осуществляется всегда более или менее односторонне, неполно. В какой мере индивидуум сможет превратить богатство культуры в свое личное достояние, зависит не только от него; в гораздо большей степени это зависит от общества, от свойственного обществу способа разделения труда.

Действительно усвоить ту или иную область культуры, ту или иную форму человеческой жизнедеятельности – значит овладеть ею настолько, чтобы самостоятельно, индивидуально, творчески развивать ее дальше. Путем лишь пассивного восприятия ничего усвоить нельзя – это все равно, что писать вилами по воде. Усвоение без активного, деятельного упражнения не приводит к результату. Поэтому-то форма усвоения всеобще-человеческой культуры индивидуумом определяется формой разделения труда. Конечно, односторонность односторонности рознь. И главной заслугой Маркса и Энгельса в плане решения этой проблемы было то, что они тщательно и конкретно исследовали противоречия буржуазного разделения труда.

Классово-антагонистическое разделение труда превращает каждого индивида в крайне одностороннего человека, в «частичного» человека. Оно развивает в нем одни способности за счет того, что устраняет возможность развития других. Одна способность развивается в одних индивидах, другая – в других, и именно эта *односторонность* развития связывает индивидов друг с другом как людей, оказываясь той формой, в которой совершается всеобщее развитие.

Конкретная полнота общечеловеческого развития осуществляется здесь именно за счет полноты личностного, индивидуального развития, за счет того, что каждый индивид, взятый отдельно, оказывается ущербным, односторонним, т.е. абстрактным человеком.

И если Фейербах такого *объективно-абстрактного* индивида считал «конкретным» человеком, то в этом заключалась не только ограниченность буржуазного теоретика, идеологическая иллюзия, скрывающая подлинное положение дел, но и логическая слабость

его позиции. Чтобы составить конкретное представление о сущности человека, о человеке как таковом, Фейербах абстрагировался от всех реальных различий, развитых историей, он искал то общее, что одинаково свойственно портному и живописцу, слесарю и конторщику, хлеборобу и священнослужителю, наемному рабочему и предпринимателю. В ряду свойств, одинаково общих для индивида любого класса и любой профессии, он и старался обнаружить сущность человека, подлинную, конкретную природу человеческого существа. Он абстрагировался как раз от всего того, что на деле и составляло *реальную сущность* человечества, развивающуюся через противоположности, как совокупность взаимообуславливающих способов человеческой жизнедеятельности.

Согласно логике Маркса и Энгельса, конкретное теоретическое представление о человеке, конкретное выражение сущности человека может быть образовано совсем обратным путем, путем рассмотрения как раз тех различий и противоположностей – классовых, профессиональных и индивидуальных, – от которых Фейербах отворачивает взор. Сущность человека реальна только как развитая и расчлененная система способностей, как сложная система разделения труда, образующая в соответствии со своими потребностями и индивидов – математиков, плотников, ткачей, философов, наемных рабочих, предпринимателей, банкиров, лакеев и т.п.

Иначе говоря, теоретическое определение сущности человека может состоять единственно в раскрытии той необходимости, которая рождает и развивает все многообразные проявления и способы общественной человеческой жизнедеятельности.

Если говорить о наиболее общей характеристике этой системы, о «всеобщей дефиниции» человеческой природы, то эта характеристика должна выражать реальную, объективно всеобщую основу, на которой разрастается с необходимостью все богатство человеческой культуры. Человек, как известно, обособляется от животного мира тогда, когда он начинает трудиться при помощи им же самим созданных орудий труда. Производство орудий труда и есть первая (и по существу и по времени, и логически и исторически) форма человеческой жизнедеятельности, человеческого существования.

Так что реально-всеобщая основа всего человеческого в человеке есть производство орудий производства. Именно из нее, как ее следствия, развились все остальные многообразные качества человеческого существа, включая сознание и волю, речь и мышление, прямую походку и все остальное.

Если же попытаться дать всеобщее определение человека вообще, краткую дефиницию понятия, то оно будет звучать так: «человек есть существо, производящее орудия труда». Это и будет характерным примером конкретно-всеобщего определения, понятия.

Это определение, с точки зрения старой логики, недозволительно «конкретно» для того, чтобы быть всеобщим. Ведь под него никак не подведешь посредством простой формальной абстракции, с помощью силлогистической фигуры таких несомненных представителей человеческого рода, как Моцарт или Рафаэль, Пушкин или Аристотель.

С другой стороны, определение человека как «существа, производящего орудия труда», будет квалифицировано старой логикой не как всеобщее, а как сугубо особенное определение человека, будет признано за определение совершенно особого вида, класса, профессии людей – рабочих машиностроительных заводов или мастерских и только.

В чем тут дело? А дело в том, что логика Маркса, на основе которой выработано это конкретно-всеобщее определение, основывается на ином представлении о соотношении всеобщего, особенного и индивидуального (единичного, отдельного), нежели логика недиалектическая.

Производство орудий труда, орудий производства есть действительно реальная и поэтому вполне *особенная* форма человеческого существования. Но это не мешает ему одновременно быть столь же реальной *всеобщей* основой всего остального человеческого развития, всеобщей генетической основой всего человеческого в человеке.

Производство орудий труда как первая всеобщая форма человеческой жизнедеятельности, как объективная основа всех без исключения остальных человеческих особенностей, как простейшая, элементарная форма человеческого бытия человека – вот что выражается в виде всеобщего понятия сущности человека в системе Маркса и Энгельса. Но, будучи объективно всеобщей основой всей сложнейшей общественной реальности человека, производство орудий труда и тысячи лет назад и ныне, и впредь одновременно является совершенно *особой* формой жизнедеятельности человека и реально совершается в виде непосредственно единичных актов деятельности единичных людей. Анализ общественного акта производства орудий труда должен вскрыть внутренние противоречия этого акта, характер их развития, в результате которого рождаются такие способно-

сти человека, как речь, воля, мышление, художественное чувство, а далее – и классовое расслоение коллектива, возникновение права, политики, искусства, философии, государства и т.д. и т.п.

В данном понимании *всеобщее* не противостоит метафизически *особенному и единичному*, как умственное отвлечение чувственно данной полноте явлений, а противостоит, как реальное *единство* всеобщего, особенного, единичного, как объективный факт – другим столь же объективным фактам внутри одной и той же конкретной исторически развивающейся системы, в данном случае – общественно-исторической реальности человека.

В этом случае проблема отношения всеобщего к единичному предстает не только и не столько как проблема отношения умственного отвлечения к чувственно данной объективной реальности, сколько как проблема отношения чувственно данных фактов к чувственно же данным фактам, как *внутреннее отношение предмета к самому себе*, различных его сторон друг к другу, как проблема внутреннего различения предметной конкретности в ней самой. А уже на этой основе и вследствие этого – и как проблема отношения между понятиями, выражающими в своей связи объективную расчлененную конкретность.

Для того чтобы определить, правильно или неправильно отвлечено *абстрактно-всеобщее*, следует посмотреть, подводится или не подводится под него непосредственно, путем простой формальной абстракции, каждый без изъятия особенный и единичный факт. Если не подводится, значит мы ошибочно считаем данное представление всеобщим.

По-иному обстоит дело с отношением *конкретно-всеобщего* понятия к чувственно данному богатству особенных и единичных фактов. Для того чтобы выяснить, всеобщее или не всеобщее определение предмета нам удалось выявить с помощью данного понятия, надо произвести гораздо более сложный и содержательный анализ. В этом случае следует задаться вопросом: представляет ли собой то особенное явление, которое непосредственно в нем выражено, одновременно и всеобщую генетическую основу, из развития которой могут быть поняты в их необходимости все другие такие же особенные явления данной конкретной системы.

Представляет собой акт производства орудий труда такую общественную реальность, из которой могут быть *выведены в их необходимости* все остальные человеческие особенности, – или не представляет? От ответа на этот вопрос зависит логическая характери-

стика понятия как всеобщего или как не всеобщего. Конкретный анализ понятия *по содержанию* в данном случае дает утвердительный ответ.

Анализ этого же понятия с точки зрения абстрактно-рассудочной логики дает ответ отрицательный. Под это понятие не подводится непосредственно подавляющее количество несомненных единичных представителей человеческого рода. Это понятие, с точки зрения старой недиалектической логики, чересчур «конкретно» для того, чтобы быть оправданным в качестве всеобщего. С точки зрения же логики Маркса, данное понятие есть подлинное всеобщее понятие именно потому, что оно непосредственно отражает ту фактическую объективную основу всех остальных особенностей человека, из которой они реально, фактически, исторически развились, конкретную всеобщую основу всего человеческого.

Иными словами, вопрос о всеобщности понятия переносится в иную плоскость, в сферу исследования реального *процесса развития*. Точка зрения развития становится тем самым и точкой зрения логики. С точкой зрения развития и связано положение материалистической диалектики о том, что понятие должно отражать не абстрактно-всеобщее, а такое всеобщее, которое, согласно меткой формуле Ленина, «*воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного*», представляет собой *конкретное всеобщее*.

Указанное богатство особенного и отдельного воплощает в себе, разумеется, не *понятие* как таковое, а та объективная реальность, которая в нем отражена, та особая (и даже единичная) чувственно данная реальность, характеристики которой отвлекаются в виде определений всеобщего понятия.

Так, не понятие человека как существа, производящего орудия труда, включает в себе понятия всех остальных особенностей человека, а реальный факт производства орудий труда включает в себе необходимость их возникновения и развития. Так, не понятие товара, не понятие стоимости включает в себе все богатство остальных теоретических определений капитализма, а реальная товарная форма связи между производителями есть зародыш, из которого с необходимостью развивается все «*богатство*», включая нищету класса наемных рабочих. Именно поэтому Маркс и смог обнаружить в анализе простого товарного обмена, как фактического, находящегося перед глазами, наглядно созерцаемого отношения между людьми, «*все противоречия (respective зародыш всех противоречий) современного общества*» (Ленин)^{xv}.

В понятии товара ничего подобного, естественно, обнаружить нельзя. Маркс сам был вынужден подчеркивать в полемике с буржуазными критиками «Капитала» то обстоятельство, что в первых разделах его книги подвергается анализу вовсе не понятие товара, а «простейшая экономическая конкретность», именуемая товарным отношением^{xvi}, – реальный, чувственно созерцаемый факт, а не абстракция, существующая в голове.

Всеобщность категории стоимости есть поэтому характеристика не только и не столько понятия, умственного отвлечения, сколько и прежде всего – *той объективной роли*, которую играет товарная форма в процессе становления капитализма. И лишь вследствие этого всеобщность оказывается и логической характеристикой понятия, выражающего эту реальность и ее роль в составе исследуемого целого.

Слово «стоимость» и соответствующее этому слову довольно определенное представление не создано ни Петти, ни Смитом, ни Рикардо. Стоимостью любой купец того времени называл все то, что можно купить, продать, обменять, все то, что *стоит* чего-то. И если бы теоретики политической экономии на самом деле пытались выработать понятие на пути отвлечения того общего, которым обладает любой из тех предметов, которые ходячее словоупотребление давно именovalo словом «стоимость», то *понятия* они, конечно, не создали бы. Они просто раскрыли бы смысл слова «стоимость», притом тот самый смысл, который ему придает любой купец. Они просто перечислили бы признаки тех явлений, к которым применимо слово «стоимость». Все свелось бы к выяснению границ применимости слова, наименования, к анализу смысла наименования.

Все дело, однако, в том, что они поставили этот вопрос совершенно иначе, поставили так, что ответ на него оказался *понятием*. Маркс ясно показал действительное существо такой постановки вопроса. Классики политической экономии, начиная с Петти, вовсе не занимались отвлечением абстрактов от всех тех единичных случаев, наблюдаемых на поверхности товарно-капиталистического обращения, которые ходячее словоупотребление именovalo случаями движения «стоимостей». Они прямо и непосредственно поставили вопрос о *реальном источнике* стоимостных свойств вещей, о *субстанции* стоимости.

И главная заслуга их состояла именно в том, что они пытались реально разрешить вопрос о субстанции стоимости на основе рассмотрения явлений простого товарного обмена. Благодаря этому они

и увидели субстанцию стоимости в общественном труде. Выработывая понятие стоимости, они на деле пристально рассматривали обмен одного товара на другой и пытались понять, почему, на какой объективной основе, внутри какой конкретной субстанции происходит реальное приравнивание одной вещи к другой. Иными словами, они, не осознавая четко логического смысла своих операций, на деле рассматривали один, вполне специфичный, особенный случай движения стоимостей, а именно *факт простого товарного обмена*. Анализ этого – особенного – случая и дал в результате понятие стоимости.

Первый английский экономист, Вильям Петти, добывает понятие стоимости таким рассуждением: «Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с *такой же затратой времени*, какая необходима для производства одного бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго»²⁶.

Заметим, что и в этом рассуждении вообще нет слова «стоимость» – речь идет о «естественной цене». Но здесь совершается именно рождение *понятия стоимости*, как воплощения в товаре общественно-необходимого количества рабочего времени.

Понятие, поскольку это действительное понятие, а не просто выраженное в термине общее представление, всегда выражает не абстрактно-общее, а *конкретно-общее*, т.е. отражает такую реальность, которая, будучи вполне особенным явлением – «особенным» в ряду других «особенных», – одновременно является и подлинно всеобщим, конкретно-всеобщим элементом, «клеточкой» всех остальных особенных явлений.

Классики буржуазной политической экономии стихийно нащупали этот верный путь определения стоимости. Однако они сами хорошенько не понимали подлинного значения такого хода мысли. Философия Локка, на которую они сознательно ориентировались в своем мышлении, не давала им ключа к проблеме определения всеобщих понятий. Это привело их к ряду парадоксов, весьма поучительных с точки зрения логики, к ряду принципиальных трудностей, подлинный смысл которых осветил лишь анализ Маркса.

Кардинальное отличие марксовского анализа стоимости как всеобщего основания всех остальных категорий товарно-капитали-

²⁶ Цит. по кн.: Маркс К. Теории прибавочной стоимости. М.: Госполитиздат, 1955. Ч. I. С. 335.

стической экономики от того анализа, до которого смогла прийти буржуазная политическая экономия, заключается как раз в том, что Маркс образовал научные определения «стоимости вообще», «стоимости как таковой», на основе конкретного рассмотрения прямого, безденежного обмена одного товара на другой. При этом Маркс строго абстрагировался от всех других, развитых на его основе видов стоимости (от прибавочной стоимости, от прибыли, от ренты, от процента и т.д.). Основную ошибку Рикардо Маркс видел как раз в том, что тот при рассмотрении «стоимости как таковой» не может «забыть прибыли», и поэтому его абстракция оказывается неполной, недостаточной, «формальной».

В определении «стоимости вообще» у Маркса входят лишь те, определения, которые выявлены путем анализа одного вида стоимости, и именно того, который и логически, и исторически (т.е. и по существу дела, и во времени) оказывается простейшим, первоначальным. Его анализ и дает в качестве своего продукта подлинно всеобщие определения стоимости вообще, такие определения, которые имеют значение конкретно-всеобщих определений и по отношению к деньгам, и по отношению к прибыли. Иными словами, это и есть конкретно-всеобщие определения всех остальных особенных видов проявления стоимости.

Это и есть ярчайший пример конкретно-всеобщего понятия. Оно выражает в своих определениях то действительное, реальное (а не формальное) общее, которое составляет простую, «родовую» сущность всех других особенных категорий. Эти подлинно-всеобщие определения воспроизводятся далее и в деньгах, и в прибыли, и в ренте, составляют определения, общие всем этим категориям. Но выявить эти определения путем простой формальной абстракции от особенностей и товара, и денег, и прибыли, и ренты, как показывает Маркс, никогда не удалось бы.

Всеобщие определения стоимости непосредственно совпадают в «Капитале» с теоретическим выражением особенностей простого товарного обмена, законов, выражающих эти особенности. Это происходит потому, что особенность простой товарной формы как раз и заключается в том, что она составляет подлинно всеобщее основание всей системы, ее «простую клеточку», первую реальную форму проявления «стоимости вообще».

Рассматривая этот особенный случай, Маркс и выявляет в нем, посредством его анализа, посредством «силы абстракции», всеобщие определения стоимости. Анализ обмена холста на сюртук – на пер-

вый взгляд, единичного случая — дает в качестве вывода вовсе не единичные определения, а всеобщие. Сразу видно, что такое возведение единичного во всеобщее коренным образом отличается от простого акта формальной абстракции. Здесь вовсе не отбрасываются, как нечто несущественное, особенности простой товарной формы, отличающие ее от прибыли, ренты и других видов стоимости. Как раз наоборот: теоретический анализ этих особенностей и ведет к образованию всеобщего понятия. Это и есть диалектический путь возведения единичного во всеобщее.

Старая же, недиалектическая логика порекомендовала бы в данном случае другой путь. Определения «стоимости вообще», согласно ее принципам, следовало бы образовать путем абстракции от особенностей *всех* видов стоимости, *в том числе и простого товарного обмена*, путем выделения того одинакового, что товар имеет вместе с прибылью, рентой, процентом и пр. Особенности товарной формы стоимости были бы опущены как «несущественные». Общее было бы взято отдельно от особенного.

У Маркса же реализуется совсем другое понимание. Если всеобщее в действительности существует только через особенное и единичное, то выявить его можно только через детальнейший анализ особенного, а не актом абстрагирования от него. Всеобщее и есть теоретическое выражение особенного и единичного, закона их существования. Реальность всеобщего в природе — это закон существования особенного и единичного, а не просто формальное сходство явлений в том или ином отношении, служащее основанием для зачисления их в один класс. Именно диалектика Маркса и позволяет вскрыть действительное, реальное общее содержание и товарной формы, и денег, и прибыли и всех остальных категорий. Акту же простой формальной абстракции это общее выявить не по силам. Последний годен там, где речь идет о первоначальной классификации явлений. Тем же, где на повестку дня встает более серьезная задача — задача выработки всеобщих объективных теоретических определений, понятий, — он оказывается недостаточным, более того, применяется не по назначению и не может решить задачу. Здесь требуется более глубокий метод. Показательно, что Гегель, вплотную подходя к верному диалектическому пониманию проблемы конкретно-всеобщего, в решающем пункте изменяет диалектике, и именно вследствие идеализма своей концепции.

Поясняя свое понимание диалектики всеобщего и особенного, Гегель комментирует известное рассуждение Аристотеля о геомет-

рических фигурах. Согласно Аристотелю, «только треугольник и другие определенные фигуры, как, например, квадрат, параллелограмм и т.д., представляют собой нечто действительное, ибо общее в них, всеобщая фигура [т.е. “фигура вообще”. – Э.И.], есть пустое создание мысли, есть лишь абстракция. Напротив, треугольник есть первая фигура, истинно всеобщее, которое встречается также и в четырехугольнике и т.д., как сведенная к простейшей определенности фигура. Таким образом, с одной стороны, треугольник стоит наряду с квадратом, пятиугольником и т.д., но, с другой стороны, – в этом сказывается великий ум Аристотеля – он есть подлинно всеобщая фигура»²⁷.

На первый взгляд, Гегель усматривает главное отличие конкретно-всеобщего понятия от пустого отвлечения в том, что оно имеет непосредственно предметный смысл и выражает некоторую эмпирически-данную конкретность. Однако сам Гегель не раз предупреждал, что отношение между всеобщим, особенным и единичным ни в коем случае нельзя уподоблять математическим (в том числе и геометрическим) образам и их отношениям. Эти последние, согласно его разъяснению, представляют собой лишь известную аллгорию понятия: они слишком «обременены чувственностью». Подлинное же всеобщее, которое он толкует исключительно как понятие, следует-де мыслить совершенно очищенным от «чувственной материи», от «вещества чувственности». С этой точки зрения он и упрекал материалистов за то, что их интерпретация всеобщего по существу ликвидирует всеобщее, превращает его в «особенное в ряду других особенных», в выражение некоторой «конечной», «ограниченной» действительности.

Всеобщее как таковое, как такое всеобщее, которое включает в себе богатство особого и отдельного, существует, по Гегелю, только как понятие, только в эфире чистой мысли, и ни в коем случае не в сфере «внешней действительности». В последней существуют только «особенные отчуждения всеобщего». Поэтому-то, собственно, Гегель и считал, что материализм как философия невозможен (ибо философия есть наука о всеобщем, а всеобщее есть мысль и только мысль).

По этой же причине для гегелевской логики определение человека как существа, производящего орудия труда, так же неприемлемо в качестве всеобщего определения, как и для предшествующей ей

²⁷ Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 10. С. 284.

логики. С точки зрения Гегеля это также лишь особенное определение человека, особенная форма обнаружения его всеобщей «мыслящей» природы.

Идеалистическое понимание всеобщего, его толкование исключительно как понятия, прямо приводит Гегеля к тому же самому результату, что и метафизическое понимание. И если гегелевскую логику в ее первозданном догматическом виде применить к анализу «Капитала» Маркса, то весь ход мысли Маркса показался бы неправильным. Согласно Гегелю, определения стоимости нельзя получать так, как их получил Маркс. Гегелевский адепт сказал бы про первые разделы «Капитала», что здесь за всеобщие определения стоимости приняты определения одной особенной формы стоимости, что это не всеобщие определения. Всеобщие же определения стоимости он рекомендовал бы «выводить» из определений разумной воли (так они и выводятся Гегелем в «Философии государственного права»).

Все это говорит о том, что гегелевская логика, несмотря на все свои преимущества перед старой, метафизической логикой, не может быть взята на вооружение материализмом без коренной критической переработки, без радикального устранения всех следов идеализма. Категория стоимости у Маркса принципиально отличается как от простой формальной абстракции, так и от гегелевского «чистого понятия». Она явно «обременена чувственностью» и выступает как теоретическое выражение особенного. Стоимость, как говорит Маркс, имеет «чувственно-сверхчувственный» характер, чего, с гегелевской точки зрения, никак не должно быть. Более того, простая (всеобщая) форма стоимости, как подчеркивает Маркс, отнюдь не всегда и не с самого начала была всеобщей формой экономических отношений. В такую всеобщую форму ее превратило только капиталистическое развитие.

Прямой товарный обмен, как то явление, при рассмотрении которого можно получить всеобщее определение стоимости, как то явление, в котором стоимость представлена в чистом виде, осуществляется до того, как появились деньги, прибавочная стоимость и другие особенные развитые формы стоимости. Это значит, кроме всего прочего, что та форма экономических отношений, которая при капитализме реально становится подлинно общей, осуществлялась до этого как вполне особенное явление и даже как случайное единичное явление.

В действительности всегда происходит так, что то явление, которое впоследствии становится всеобщим, вначале возникает как еди-

ничное, как частное, как особенное явление, как исключение из правила. Иным путем ничто не может реально возникнуть. В противном случае история приобрела бы крайне мистический вид.

Так, всякое новое усовершенствование в процессе труда, всякий новый способ деятельности человека в производстве, прежде чем стать общепринятыми и общепризнанными, возникают вначале как некоторое отступление от до сих пор принятых и узаконенных норм. Лишь возникнув в качестве *единичного исключения* из правила в труде одного или нескольких человек, новая норма перенимается всеми другими и превращается со временем в новую *всеобщую норму*. И если бы новая норма не возникала вначале именно так, она никогда бы не стала реально-всеобщей, а существовала бы лишь в фантазии, лишь в области благого пожелания.

Подобно этому и понятие, выражающее реально-всеобщее, непосредственно заключает в себе понимание диалектики превращения единичного и особого во всеобщее, выражает непосредственно *такое единичное и особое*, которое реально, вне головы человека, *составляет всеобщую форму развития*.

Ленин в своих конспектах и заметках по поводу гегелевской логики все время возвращается к одному из центральных пунктов диалектики – к пониманию всеобщего как конкретно-всеобщего в противоположность абстрактно-всеобщим отвлечениям рассудка. Отношение всеобщего к особому и отдельному, с точки зрения диалектики, выражается «прекрасной», по выражению Ленина, формулой: «Не только абстрактно-всеобщее, но такое всеобщее, которое воплощает в себе богатство особенного».

«Ср. “Капитал”», – замечает на полях против этой формулы Ленин, а затем продолжает: «Прекрасная формула: “Не только абстрактно” всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного (все богатство особого и отдельного!)!! Très bien!»²⁸

Конкретное всеобщее, выраженное в понятии, воплощает в себе все это богатство не в том, конечно, смысле, что оно обнимает собой все особенные случаи и приложимо к ним в качестве их общего названия. Как раз против такого метафизического понимания и борется Гегель, и именно за это его одобряет Ленин. Конкретно-всеобщее понятие заключает «богатство частных» в своих конкретных определениях, и притом в двух смыслах.

²⁸ Ленин В.И. Философские тетради. С. 72–73.

Во-первых, конкретно-всеобщее понятие выражает в своих определениях специфически-конкретное содержание (внутреннее закономерное строение, структуру) одной, вполне определенной формы развития исследуемого предмета. Оно включает в себе «все богатство» определений этой формы, ее структуры, ее специфическое своеобразие. Во-вторых, оно выражает в своих определениях не любую из попавшихся на глаза форм развития предмета в целом, а только ту, и именно ту, которая составляет реально всеобщую основу, фундамент, почву, на которой разрастается «все богатство» остальных формообразований.

Ярчайшим примером такого понятия является категория стоимости в «Капитале». Это понятие есть результат исчерпывающего анализа одной, и именно «простейшей экономической конкретности» товарно-капиталистического мира – прямого (безденежного) обмена товара на товар. Особенность этой формы заключается в том, что в ней, как в «клеточке», как в зародыше, таится все остальное богатство более сложных, более развитых форм капиталистических отношений. Поэтому-то «анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой “клеточке” буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества»²⁹. Результат и продукт этого анализа, выраженный в определениях категории стоимости, поэтому и дает ключ к теоретическому пониманию всего богатства (и всей нищеты, разумеется) товарно-капиталистического мира.

Отличие этой категории от простых абстракций (вроде «мебели», «храбрости» или «сладости») имеет принципиальный характер. В последних, разумеется, никакого «богатства особого и отдельного» не заключается, – это «богатство» лишь внешним образом подводится под них, как под общие названия. В конкретных же определениях подобных понятий это богатство не выражено никак. В понятии мебели вообще зафиксировано только то одинаковое, что стол имеет со стулом, шкафом и т.д. Ни специфических характеристик стола, ни стула, ни шкафа в нем нет. Ни один вид в определениях этого рода не выражен. Напротив, категория стоимости включает в себе исчерпывающее выражение специфики такого *вида*, особенность которого заключается в том, что он одновременно есть род.

Этим, конечно, никак не умаляются значение и познавательная роль простых, «рассудочных» общих абстракций. Их роль велика –

²⁹ Там же. С. 328.

без них было бы невозможно никакое конкретно-всеобщее понятие. Они составляют предпосылку и условие возникновения сложных научных понятий. Конкретно-всеобщее понятие – тоже абстракция в том смысле, что она фиксирует в своих определениях не абсолютно-единичное, неповторимое. Она выражает существо типичного, и в этом смысле общего, массовидного, миллиарды раз повторяющегося явления, такого единичного случая, который является выражением всеобщего закона. Маркса при анализе простой формы стоимости интересуют, разумеется, не индивидуальные особенности сюртука и холста. Отношение сюртука и холста тем не менее берется как непосредственный объект анализа, и именно потому, что это типичный (и в этом смысле общий) случай простого товарного обмена, случай, соответствующий типичным особенностям безденежного обмена. «В таком общем исследовании вообще всегда предполагается, что действительные отношения соответствуют своему понятию, или, что то же самое, что действительные отношения изображаются лишь постольку, поскольку они выражают свой собственный общий тип»³⁰.

Поэтому, разумеется, конкретно-всеобщие понятия сходны с простыми рассудочными абстракциями в том отношении, что они выражают собой всегда некоторую общую природу отдельных случаев, вещей, явлений и также представляют собой продукты «возведения единичного во всеобщее». Этот момент (сторона), роднящий научное понятие с любой элементарной абстракцией, в нем, конечно, всегда наличествует, и обнаружить его легко. Но все дело в том, что этот момент никак не характеризует научное понятие специфически, не выражает его своеобразия. Именно поэтому те логические теории, которые просто приравнивают друг другу такие абстракции, как стоимость и белизна, как материя и мебель, на том основании, что и те и другие одинаково относятся не к одному, а ко многим единичным явлениям, и в этом смысле одинаково абстрактны и общи, вовсе не утверждают ничего нелепого. Однако такое понимание, достаточное для простых абстракций, никак не достаточно для понимания сложных научных абстракций. Если же в этом усматривают сущность научного понятия, то это понимание превращается в ложь, подобную той, которая заключена в положении «стоимость есть продукт труда». Здесь конкретное явление охарактеризовано чересчур общо и абстрактно, и именно поэтому совер-

³⁰ Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат, 1955. Т. III. С. 149.

шенно неверно. Человек, конечно, есть животное, а научное понятие есть абстракция. Беда такого определения заключается, однако, в его крайней абстрактности.

Диалектическая логика – вовсе не отвергая той истины, что всеобщее понятие есть абстракция, выражающая собой «общую природу», «средний тип» отдельных случаев, единичных вещей, явлений, событий, – идет дальше, идет глубже, и именно в этом отличие ее понимания от концепций старой логики. Диалектическое понимание всеобщего предполагает превращение единичного во всеобщее, а всеобщего – в единичное, совершающееся постоянно в любом действительном процессе развития.

Но этот взгляд, как нетрудно убедиться, предполагает *историческую точку зрения* на вещи, на *предметную реальность*, отражаемую в понятиях. Именно поэтому не только Локк с Гельвецием, но и Гегель не смог дать рациональное решение вопроса об отношении абстрактного к конкретному. Последний не смог этого сделать потому, что идея развития, исторический подход были проведены им полно лишь по отношению к процессу мышления, но не по отношению к самой объективной реальности, составляющей предмет мышления. Предметная реальность у Гегеля развивается лишь постольку, поскольку она становится внешней формой развития мышления, духа, поскольку дух, проникая ее, оживляет ее изнутри и заставляет двигаться и даже развиваться. Но своего собственного, имманентного самодвижения предметная, чувственная реальность не имеет. Поэтому она не является в его глазах и подлинно конкретной, ибо живая диалектическая взаимосвязь и взаимообусловленность различных ее сторон принадлежит на самом деле проникающему ее духу, а не ей самой как таковой. Поэтому-то у Гегеля единственно конкретно именно понятие и только понятие как идеальный принцип идеальной же взаимосвязи единичных явлений. Сами по себе взятые, единичные вещи и явления абстрактны и только абстрактны.

Но в этом понимании заключен не только идеализм, но и диалектический взгляд на познание, на процесс осмысления чувственных данных. Если Гегель называет единичную вещь, явление, факт абстрактным, то в этом словоупотреблении имеется серьезный резон: если сознание восприняло единичную вещь как таковую, не постигая при этом всей той *конкретной взаимосвязи*, внутри которой та реально существует, то оно восприняло ее крайне абстрактно, несмотря на то что оно восприняло ее чувственно-наглядно, чувственно-конкретно, во всей полноте ее чувственно осязаемого облика.

И наоборот, если сознание восприняло вещь в ее *взаимосвязи* со всеми другими такими же единичными вещами, фактами, явлениями, если оно восприняло единичное через его всеобщую взаимосвязь, то оно впервые восприняло его конкретно даже в том случае, если представление о ней приобретено не при помощи непосредственного рассматривания, ощупывания и обнюхивания, а при помощи речи от других индивидов и, следовательно, лишено непосредственно чувственного облика.

Иными словами, абстрактность и конкретность уже у Гегеля утратили значение непосредственных психологических характеристик той формы, в которой знание о вещи существует в индивидуальной голове, и стали логическими – содержательными – характеристиками знания, содержания сознания.

Если единичная вещь не понята через ту всеобщую конкретную взаимосвязь, внутри которой она реально возникла, существует и развивается, через ту конкретную систему взаимосвязи, которая составляет ее подлинную природу, – значит есть только абстрактное знание и сознание.

Если же единичная вещь (явление, факт, предмет, событие) постигнута в ее объективной связи с другими вещами, составляющими целостную взаимосвязанную систему, – значит она постигнута, осознана, познана, осмыслена *конкретно* в самом строгом и полном значении этого слова.

В глазах материалиста-метафизика конкретно только чувственно воспринимаемое единичное, а всеобщее представляется синонимом абстрактного. Для материалиста-диалектика дело обстоит совсем не так. Конкретность означает, с его точки зрения, как раз и прежде всего *всеобщую объективную взаимосвязь, взаимообусловленность массы единичных явлений, «единство во многообразии», единство различного и противоположного*, а не абстрактно-отвлеченное тождество, не абстрактно-мертвое единство. Последнее в лучшем случае лишь указывает, лишь намекает на возможность наличия в вещах внутренней связи, скрытого единства явлений, но и это далеко не всегда и отнюдь не обязательно: бильярдный шар и Сириус тождественны по своей геометрической форме, у сапожной щетки есть сходство с млекопитающим, однако реального живого взаимодействия, конечно, здесь искать нечего.

Конкретное единство как единство противоположностей

Итак, мы установили, что мышление в понятиях направлено не на определение абстрактного единства, мертвого тождества ряда единичных вещей друг другу, а на раскрытие живого реального их единства, *конкретной связи взаимодействия*.

Однако анализ категории взаимодействия сразу же обнаруживает, что простая одинаковость, простое тождество двух единичных вещей вовсе не является выражением принципа их взаимной связи.

Взаимодействие вообще оказывается крепким, если в «другом» предмет находит дополнение самого себя, то, чего ему как таковому не хватает.

Наличие «одинаковости», конечно, всегда предполагается в качестве предпосылки, в качестве условия, при котором устанавливается связь взаимодействия. Но не через одинаковость осуществляется самое существо взаимодействия. Две шестерни сцепляются друг с другом как раз потому, что зуб одной шестерни встречает против себя не такой же зуб, а соответствующий вырез.

Когда две химические частицы, до этого как будто совершенно одинаковые, «сцепляются» в молекулу, то в каждой из них происходит определенная перестройка структуры. Каждая из двух действительно связанных в составе молекулы частиц имеет в другой свое собственное дополнение: они в каждое мгновение обмениваются электронами своих внешних оболочек, и этот взаимный обмен как раз и сращивает их в единое целое. Каждая из них тяготеет к другой потому, что в каждый данный момент времени в составе другой частицы находится ее собственный электрон (или электроны) – тот самый, которого ей именно поэтому «не хватает». Там, где нет подобной постоянно возникающей и постоянно исчезающей разницы нет и сколько-нибудь прочного сцепления, взаимодействия, а есть только более или менее случайный внешний контакт.

Если гипотетически представить себе случай, в реальности невозможный: два абсолютно одинаковых по всем своим характеристикам явления, – то, как ни ломай голову, прочной связи, сцепления, взаимодействия между ними ни представить, ни помыслить не удастся.

Еще важнее учитывать это соображение, когда речь заходит о связи двух (или более) явлений, находящихся в процессе развития,

вовлеченных в такой процесс. Конечно, два совершенно схожих явления могут прекрасно сосуществовать рядом друг с другом и даже вступать в известный контакт. Но абсолютно ничего нового из этого контакта не возникнет до тех пор, пока этот контакт не вызовет в каждом из них таких внутренних изменений, которые превратят их в различные и противоположные моменты внутри некоторого связанного целого.

Патриархальные натуральные хозяйства, каждое из которых производит внутри себя все то, что ему требуется, производит то же самое, что и соседнее, не нуждаются одно в другом. Никакой сколько-нибудь прочной связи между ними нет, ибо нет разделения труда, такой организации труда, при которой один делает то, чего не делает другой. Там, где возникает разница между натуральными хозяйствами, возникает впервые и возможность для взаимного обмена продуктами труда. Связь, возникающая здесь, фиксирует и развивает далее разницу, а вместе с ней и взаимную связь. Развитие различий между некогда одинаковыми (и именно потому – равнодушно сосуществующими) хозяйствами и есть развитие *взаимной* связи между ними, и есть процесс превращения их в различные и противоположные органы единого хозяйственного целого, единого производящего организма.

Вообще развитие форм разделения труда и есть развитие форм взаимодействия между людьми в процессе производства материальной жизни. Там, где нет хотя бы элементарного разделения труда, нет и общества, а есть только стадо, связанное биологическими, а не социальными узами. Разделение труда может иметь антагонистически-классовую форму, может иметь форму товарищеского содружества. Но оно всегда остается *разделением* труда, и никогда не может стать «отождествлением» всех форм труда: коммунизм предполагает не нивелировку, а максимальное развитие индивидуальных особенностей каждого лица, как в области духовного, так и в области материального производства. Каждый индивидуум становится здесь личностью в полном и высоком значении этого понятия именно потому, что каждый другой взаимодействующий с ним индивидуум есть также неповторимая творческая индивидуальность, а не существо, совершающее одни и те же заштампованные, стандартные, абстрактно-одинаковые действия, операции... Подобные операции вообще выносятся за скобки «человеческой» деятельности, передаются машине. Но именно поэтому каждый индивидуум здесь нужен и «интересен» для другого гораздо больше, чем в мире товарно-

капиталистического разделения труда. Общественные узы личности с личностью здесь гораздо непосредственнее, прочнее и полнокровнее, чем узы товарного производства.

Поэтому конкретность, понимаемая как выражение живой, фактической, объективной связи взаимодействия реальных единичных вещей, и не может быть выражена в виде абстрактного тождества, голого равенства, чистого подобия рассматриваемых вещей. Любой, самый элементарный случай реального взаимодействия в природе, обществе или в сознании включает в своем составе не просто тождество, а обязательно тождество различного, *единство противоположностей*. Взаимодействие предполагает, что один предмет осуществляет свою данную, специфическую природу только через свое взаимоотношение с другим, а вне этого отношения не может существовать как таковой, как «этот», как специфически определенный предмет. И для того чтобы выразить в мысли, для того чтобы понять единичное в его органической связи с другим единичным и конкретное существо их связи, нельзя искать голого абстракта, тождественного признака, абстрактно-общего для каждого из них, взятых отдельно.

Обратимся к более сложному и одновременно более яркому примеру. В чем заключается, например, действительная, живая, конкретная и объективная связь капиталиста и наемного рабочего, то «общее», чем каждый из этих единичных экономических персонажей обладает в сравнении с другими? То, что оба они – люди, оба испытывают потребность в пище, в одежде и прочем, оба умеют рассуждать, разговаривать, трудиться, наконец? Все это, несомненно, в них присутствует. Более того, все это даже составляет необходимую *предпосылку* их связи как капиталиста и наемного рабочего. Но ни в коем случае не составляет самого существа их взаимной связи именно *как капиталиста и рабочего*. Действительная их связь покоится как раз на том, что каждый из них обладает таким экономическим признаком, который отсутствует у другого, на том, что их экономические определения полярно противоположны. Дело в том, что один обладает как раз такой чертой, которая отсутствует у другого, и обладает именно потому, что ею не обладает другой. Каждый взаимно нуждается в другом в силу полярной противоположности своих экономических определений экономическим определениям другого. И именно это делает их необходимыми полюсами одного и того же отношения и связывает их крепче, чем любая общность («одинаковость»).

Одно единичное является именно таким, а не другим, как раз потому, что другое единичное полярно противоположно по всем характеристикам. Именно поэтому одно не может существовать как таковое, без другого, вне связи со своей собственной противоположностью. И пока капиталист остается капиталистом, а наемный рабочий – наемным рабочим, каждый из них с необходимостью воспроизводит в другом прямо противоположную экономическую определенность. Как наемный рабочий один из них выступает потому, что против него другой выступает как капиталист, то есть как такая экономическая фигура, все признаки которой полярно противоположны.

Это значит, что сущность их связи *внутри данного конкретного взаимоотношения* покоится как раз на полном отсутствии определения, абстрактно общего и тому и другому.

Капиталист не может внутри этой связи обладать признаком из числа тех, которыми обладает наемный рабочий, как и наоборот. А это и значит, что ни один из них не обладает таким экономическим определением, которое было бы одновременно присуще другому, было бы общим и тому и другому. Как раз этого общего в составе их конкретной экономической связи нет.

Известно, что именно в общности экономических характеристик капиталиста и рабочего упорно пыталась отыскать основание их взаимной связи пошлая апологетика, которую бичевал Маркс. С точки зрения Маркса, действительное конкретное единство двух (и более) единичных, особенных вещей (явлений, процессов, людей и т.д.), находящихся в отношении взаимодействия, всегда выступает как *единство взаимоисключающих* противоположностей. Между ними, между сторонами этого конкретного взаимодействия, нет и не может быть ничего абстрактно-одинакового, абстрактно-общего.

Общее, как конкретное общее, в данном случае – это как раз взаимная связь сторон взаимодействия как полярных, взаимодополняющих и взаимопредполагающих противоположностей. Через отношение к своей собственной противоположности каждая из конкретно взаимодействующих сторон только и является самой собой, то есть тем, что она есть в составе данной конкретной связи.

Сам термин «общее» здесь не совпадает по смыслу с «одинаковым», «тождественным». Но это словоупотребление, характерное для диалектической логики, вовсе не так уж чуждо обычному словоупотреблению и также опирается на оттенок, везде присутствующий в слове «общее». Так, на всех языках общим называется предмет,

которым владеют сообща, коллективно, совместно. Говорят, например, об «общем поле», «общем предке» и т.д. Диалектика в своей постановке вопроса всегда и отталкивалась от этого этимологического оттенка. Здесь «общее» имеет значение именно связи, которая вовсе не совпадает по своему содержанию с тем «одинаковым», что имеют между собой различные соотносящиеся предметы, люди и т.д. Существо конкретной связи людей, сообща владеющих полем, вовсе не заключается в том одинаковом, что они имеют между собой. Общим для них здесь выступает тот особый предмет, который каждый из них имеет вне себя и против себя, тот предмет, через отношение к которому они и обретают отношение друг к другу. Сущность их взаимной связи тем самым полагается какой-то более широкой системой условий, системой взаимодействия, внутри которой они могут выполнять самые различные роли.

Что общего имеется у читателя с книгой, которую он читает, в чем существо их взаимного отношения? Конечно же, это «общее» заключается не в том, что и читатель и книга трехмерны, что оба они принадлежат к числу пространственно определенных предметов, не в том, что и тот и другая состоят из одинаковых атомов, молекул, химических элементов и т.д. Общее между ними не заключается в том одинаковом, что свойственно и тому и другому. Как раз наоборот: читатель именно потому читатель, что ему противостоит, в качестве условия, без которого он не есть читатель, именно «читаемое», именно его конкретная противоположность.

Одно существует как таковое, как данный конкретно определенный предмет, именно потому и только потому, что ему противостоит другое как *его конкретное другое* – предмет, все определения которого полярно противоположны. Определения одного есть определения другого с обратным знаком. Только так и выражается в понятии конкретное единство противоположностей, конкретная общность.

Ответ на вопрос о существовании конкретной связи (конкретной общности, конкретного единства) поэтому и решается не на пути отыскания того одинакового, что абстрактно свойственно каждому из элементов такой общности, а на совсем ином пути.

Анализ в этом случае направляется на рассмотрение той конкретной системы условий, внутри которой с необходимостью порождаются два элемента, предмета, явления и т.п., которые одновременно и взаимно исключают друг друга, и взаимно предполагают друг друга. Выявить противоположности, через взаимное отношение

которых и существует данная система взаимодействия, данная конкретная общность, – и значит решить задачу. Анализ диалектической общности поэтому и оборачивается исследованием того процесса, который создает два элемента взаимодействия (например, капиталиста и наемного рабочего или читателя и книгу), каждый из которых не может существовать без другого потому, что обладает такой характеристикой, которой не обладает другой, и наоборот.

В данном случае в каждом из двух взаимодействующих предметов будет обнаружено именно то определение, которое ему свойственно как члену именно данного, неповторимо специфического, конкретного способа взаимодействия. Лишь в этом случае в каждом из взаимоотносящихся предметов будет обнаружена (и выделена путем абстрагирования) именно та сторона, благодаря наличию которой он и является элементом этого, данного конкретного целого.

Формулой диалектики является *конкретное тождество, тождество противоположностей*, тождество различного, конкретное единство взаимоисключающих и тем самым взаимопредполагающих определений. Вещь должна быть понята как элемент, как единичное выражение всеобщей (конкретно-всеобщей) субстанции. В этом задача познания.

И с этой точки зрения, например, становятся понятными те трудности, которые не дали возможности Аристотелю раскрыть сущность, субстанцию менового отношения, тайну равенства одного дома и пяти лож^{xvii}. Великий диалектик древности и здесь старался найти не *абстрактное тождество*, а *внутреннее единство* двух вещей. Первое отыскать легче легкого, второе же – далеко не так просто. Аристотель, рассматривая меновое отношение между домом и ложем, столкнулся с неразрешимой для его времени задачей не потому, что не мог усмотреть между тем и другим ничего общего. Абстрактно-общее между домом и ложем легко обнаружит и не такой развитый в логическом отношении ум; в распоряжении Аристотеля было очень много слов, выражающих нечто общее и дому, и ложу.

И дом, и ложе – одинаково предметы человеческого быта, обихода, условия жизни человека, и то и другое – чувственно осязаемые вещи, существующие во времени и пространстве, оба обладают весом, формой, твердостью и т.п. – вплоть до бесконечности. Надо полагать, что Аристотель не очень удивился бы, если бы кто-нибудь обратил его внимание на то обстоятельство, что и дом, и ложе оди-

наково сделаны руками человека (или раба), что и то и другое – продукты человеческого труда.

Для Аристотеля, таким образом, трудность заключалась вовсе не в отыскании абстрактно-общего признака между домом и ложем, не в подведении того и другого под «общий род», а в раскрытии той реальной субстанции, в лоне которой они приравниваются друг другу независимо от произвола субъекта, от абстрагирующей головы и от чисто искусственных приемов, изобретенных человеком в целях практического удобства. Аристотель отказывается от дальнейшего анализа не потому, что не в состоянии заметить между ложем и домом ничего общего, а потому что не находит такой сущности, которая непременно *требует* для своего осуществления, для своего обнаружения *факта взаимного обмена*, взаимного замещения двух различных предметов. И в том, что Аристотель не может обнаружить ничего общего между двумя столь различными вещами, проявляется вовсе не слабость его логических способностей, не недостаток наблюдательности, а как раз наоборот – *диалектическая* сила и глубина его ума. Он не удовлетворяется абстрактно-общим, а старается отыскать более глубокие основания факта. Его интересует не просто высший род, под который при желании можно подвести и то и другое, а *реальный род*, относительно которого ему свойственно гораздо более содержательное представление, нежели то, за которое его сделала ответственным школьная традиция в логике.

Аристотель хочет найти такую реальность, которая осуществляется в виде свойства ложа и дома только благодаря меновому отношению между ними, такое общее, которое для своего обнаружения требует именно обмена. Все же те общие признаки, которые он наблюдает в них, существуют и тогда, когда они никакого отношения к обмену не имеют, а следовательно, специфической сущности обмена и не составляют. Аристотель, таким образом, оказывается бесконечно выше тех теоретиков, которые спустя две тысячи лет после него видели сущность и субстанцию стоимостных качеств вещи в полезности. Полезность вещи вовсе не обязательно связана с обменом, не требует непременно обмена для того, чтобы быть обнаруженной. Аристотель, иными словами, хочет найти такую сущность, которая проявляется только через обмен, а вне его никак не обнаруживается, хотя и составляет «скрытую природу» вещи. Маркс ясно показал, что именно не дало Аристотелю возможности понять сущность менового отношения: *отсутствие понятия стоимости*. Аристотель не смог понять, выявить реальную сущность, реаль-

ную субстанцию меновых свойств вещей потому, что на деле этой субстанцией является общественный труд. Отсутствовало понятие стоимости и труда – вот в чем все дело. Заметим вместе с тем, что общее абстрактное представление о том и другом в его время вовсе не отсутствовало. «Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности – как о труде вообще – также весьма древне»³¹, и Аристотелю, конечно, оно было общеизвестно. «Подвести» и дом, и ложе под абстрактное представление «продуктов труда вообще» для ума Аристотеля не составило бы сколько-нибудь сложной, а тем более неразрешимой логической задачи.

Аристотелю не хватало именно *понятия* стоимости. Слово, наименование, заключающее в себе простую абстракцию стоимости, в его время, конечно, было³², так как был и в его дни купец, который рассматривал все вещи под абстрактным углом зрения купли-продажи.

Но *понятие* труда в его эпоху отсутствовало. Это лишний раз показывает, что в терминологии Маркса понятие есть не абстрактное, зафиксированное в термине общее представление, а нечто иное. Что же именно?

Понятие труда (в отличие и в противоположность абстрактно-общему представлению о нем) предполагает осознание роли труда в совокупном процессе человеческой жизни. Труд не понимался в эпоху Аристотеля как всеобщая субстанция всех явлений общественной жизни, как «реальная сущность» всего человеческого, как реальный источник всех без исключения человеческих качеств.

Понятие явления налицо вообще лишь там, где это явление понято не абстрактно (т.е. не просто осознанно как неоднократно повторяющееся явление), а конкретно, т.е. с точки зрения его места и роли в определенной системе взаимодействующих явлений, в системе, составляющей некоторое связанное целое. Понятие есть там, где единичное и особенное осознаются не просто как единичное и особенное – хотя бы и неоднократно повторяющееся, – а через их взаимную связь, через *всеобщее*, понимаемое как выражение *принципа* этой связи.

³¹ Маркс К. К критике политической экономии. С. 216.

³² Древнегреческое, слово *αἶμα* в точности соответствует немецкому «Wert» – цена, ценность, стоимость, достоинство.

Вот таким-то пониманием труда Аристотель не обладал, ибо человечество его эпохи еще не выработало сколько-нибудь ясного осознания роли и места труда в системе общественной жизни. Более того, труд казался современнику Аристотеля такой формой жизнедеятельности, которая вообще не относится к сфере собственно человеческой жизни. Как реальную субстанцию всех форм и способов человеческой жизни он труд не понимал. Немудрено, что он не понимал его и как субстанцию меновых свойств вещи. Это – и только это – и значит в терминологии Маркса, что он не обладал понятием труда и стоимости, а обладал всего-навсего абстрактным представлением о нем. И это абстрактное представление не могло послужить ему ключом к пониманию сущности товарного обмена.

Буржуазные экономисты-классики впервые поняли труд как реальную субстанцию всех форм хозяйственно-экономической жизни, в том числе и прежде всего такой формы, как товарный обмен. Это значит, что они впервые образовали понятие о той реальности, о которой Аристотель владел лишь абстрактным представлением. Причина этого заключается, конечно, не в том, что английские экономисты оказались более сильными в логическом отношении мыслителями, чем Стагирит. Дело в том, что экономисты познавали эту реальность внутри более развитой общественной действительности.

Маркс ясно показал, в чем тут дело: сам предмет исследования – в данном случае человеческое общество – «созрел» до такой степени, что сделалось возможным и необходимым его познание в понятиях, выражающих конкретную субстанцию всех его проявлений.

Труд, как всеобщая субстанция, как «деятельная форма», здесь выступил не только в сознании, но и в реальности как тот «высший реальный род», которого не мог рассмотреть Аристотель. «Сведение» всех явлений к «труду вообще», как к труду, лишенному всех качественных различий, здесь впервые стало происходить не только и не столько в абстрагирующей голове теоретиков, сколько в самой реальности экономических отношений. Стоимость превратилась в ту *цель*, ради которой осуществляется каждая вещь в процессе труда, в «деятельную форму», в конкретно-всеобщий закон, управляющий судьбой каждой отдельной вещи и каждого отдельного индивида.

Дело в том, что здесь «сведение к труду, лишенному всех различий», выступает как абстракция, но как абстракция *реальная*, кото-

рая «в общественном процессе производства совершается ежедневно»³³. Как говорит Маркс, это «сведение» есть абстракция не более, но и не менее реальная, чем превращение органических тел в воздух.

«Труд, который измеряется, таким образом, временем, выступает в сущности не как труд различных субъектов, а, напротив того, различные трудящиеся индивидуумы выступают как простые органы этого труда»³⁴.

Здесь труд вообще, труд как таковой предстает как конкретно-всеобщая субстанция, а единичный индивид и единичный продукт его труда – как *проявление этой всеобщей сущности*.

Понятие труда выражает нечто большее, чем просто то одинаковое, что можно отвлечь от трудовой деятельности отдельных лиц. Это реально-всеобщий закон, который довлеет над единичным и особенным, определяет их судьбы, управляет ими, превращает их в свои органы, заставляет их выполнять именно такие функции, а не иные.

Само особенное и единичное формируется сообразно требованиям, заключенным в этом реально-всеобщем, – и дело выглядит таким образом, что само единичное в его особенности реально выступает как единичное воплощение реально-всеобщего. Сами различия индивидов оказываются формой проявления всеобщего, а не чем-то таким, что стоит рядом с ним и не имеет к нему никакого отношения.

Теоретическое выражение такого всеобщего и есть понятие. С помощью этого понятия каждое особенное и единичное осознается именно с той стороны, с какой оно принадлежит данному целому, представляет собой выражение именно данной конкретной субстанции, понимается как появляющийся и исчезающий момент движения конкретно-специфической системы взаимодействия. Сама субстанция, сама конкретная система взаимодействующих явлений понимается при этом как исторически сложившаяся, как исторически развившаяся система.

Понятие (в отличие от общего представления, выраженного в слове) не просто приравнивает одну вещь (предмет, явление, событие, факт и т.д.) другой в каком-либо «высшем роде», гася в нем все ее специфические отличия, отвлекаясь от них. В понятии происхо-

³³ Маркс К. К критике политической экономии. С. 15.

³⁴ Там же.

дит совсем иное: единичный предмет отражается как раз со стороны его особенности, благодаря которой он и оказывается необходимым элементом некоторого целого, единичным (односторонним) выражением конкретного целого. Каждый отдельный элемент любого диалектически расчлененного целого односторонне выражает всеобщую природу этого целого именно своим отличием от других элементов, а не абстрактным сходством с ними.

Поэтому понятие (в самом строгом и точном смысле) не есть монополия научно-теоретического мышления. О таких вещах, как стол или стул, как нож или спички, имеет понятие, а не просто выраженное в термине общее представление, каждый человек. Каждый прекрасно понимает и роль этих вещей в жизни, и те специфические их особенности, благодаря которым они играют именно такую, а не какую-нибудь другую роль, те особенности, благодаря которым они занимают именно такое, а не иное место в системе условий общественной жизни, внутри которых они сделаны, созданы, возникли. В данном случае налицо полный состав понятия, и каждый человек сознательно обращается с вещами сообразно их понятию, доказывая этим, что он им обладает.

Иное дело такие предметы, как атом или искусство. Развитым понятием об искусстве обладает далеко не всякий художник, хотя бы он и создавал прекрасные произведения искусства. Автор данной работы не стыдится признать, что об атоме он, в отличие от физика, имеет лишь довольно общее представление. Но и не каждый физик имеет понятие о понятии. Физик, чуждающийся философии, вряд ли его обретет.

Во избежание недоразумений надо оговорить еще и следующее. Под мышлением в данной работе везде имеется в виду прежде всего научно-теоретическое мышление, т.е. мышление, как оно протекает в процессе научно-теоретического исследования окружающего мира. Такое ограничение задачи работы вовсе не означает, что так называемое «обыденное» мышление недостойно внимания логики как науки, или что оно протекает по каким-то другим законам. Все дело в том, что научно-теоретическое мышление есть наиболее развитая форма мышления. Поэтому его анализ позволяет легче выявить те закономерности, которые действуют в мышлении вообще. С другой стороны, в повседневно практикуемом мышлении эти всеобщие закономерности и формы мышления обнаружить просто труднее: здесь они всегда загорожены, заслонены массой осложняющих факторов и обстоятельств. Процесс размышления здесь часто

перебивается вмешательством соображений, возникающих то по чистой ассоциации, то по чисто индивидуально-эмоциональным мотивам; весьма часто ряд звеньев размышления здесь просто выпадает, а пробел заполняется мелькнувшим в памяти доводом сугубо индивидуального жизненного опыта; не менее часто человек ориентируется в обстановке, в отношении к другому человеку или событию с помощью развитого эстетического вкуса, восприятия, а размышление в строгом смысле слова играет при этом побочную, вспомогательную роль, и т.д. и т.п. В силу всего этого «повседневное» мышление является очень неудобным объектом логического анализа, исследования, имеющего целью выявить всеобщие законы мышления вообще. Эти законы действуют здесь постоянно, но рассмотреть и обособить их от воздействия осложняющих моментов гораздо труднее, чем при анализе научно-теоретического процесса. В ходе последнего всеобщие формы и законы мышления вообще выступают гораздо «чище»; здесь, как и всюду, более развитая форма дает возможность понять менее развитую в ее подлинном виде, и притом с учетом возможностей и перспектив развития в более высокую и развитую форму.

Научно-теоретическое мышление находится к «повседневному» мышлению именно в таком отношении: анатомия человека дает ключ к анатомии обезьяны, не наоборот, а «намек на высшее» могут быть правильно поняты лишь тогда, когда это высшее уже само по себе известно. Исходя из этого общего методологического соображения, мы и рассматриваем главным образом законы и формы мышления вообще именно в том их виде, в каком они выступают в ходе научно-теоретического мышления. Тем самым мы и получаем ключи к пониманию всех других форм и применений мышления, которые в известном смысле более сложны, чем научное мышление, чем применение способности мыслить к решению научно-теоретических проблем, ясно и строго очерченных вопросов. Само собой понятно, что всеобщие законы мышления остаются теми же самыми и в научном и в так называемом «обыденном» мышлении. Однако в научном мышлении рассмотреть их легче по той же самой причине, по какой всеобщие законы развития капиталистической формации

в середине XIX в. легче было выявить путем анализа английского капитализма, а не русского или итальянского.

Глава вторая

ЕДИНСТВО АБСТРАКТНОГО И КОНКРЕТНОГО – ЗАКОН МЫШЛЕНИЯ

Абстрактное как выражение конкретного

Итак, мы установили, что сознание, отражающее единичный, пусть даже неоднократно повторяющийся факт, но не улавливающее его внутреннего строения и внутренне необходимой связи с другими такими же фактами, есть познание крайне абстрактное даже в том случае, если оно наглядно и чувственно представимо. Именно поэтому «общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный “конкретный” пример этого»¹, а самые нагляднейшие примеры не делают и не могут сделать конкретной тощую, бедную определениями мысль.

Наглядные примеры, иллюстрирующие тощую абстракцию, могут лишь замаскировать ее абстрактность, могут создать лишь видимость, лишь иллюзию конкретного рассмотрения. Этим, к сожалению, довольно часто пользуются люди, сводящие теоретическое рассмотрение предмета к нагромождению примеров. Для них, естественно, толкование конкретности как чувственной наглядности знания гораздо удобнее, чем определение Маркса, ибо последнее обязывает к детальнейшему анализу фактов.

На самом деле эта позиция не имеет ничего общего с позицией Маркса. Точнее, «общее» есть, конечно, и тут – слова «абстрактное» и «конкретное». Но эти одинаковые слова прикрывают полную противоположность понятий абстрактного и конкретного, противоположность действительного и мнимого понимания роли и места того и другого в процессе мышления, в процессе переработки созерцания и представления.

В чем заключается, согласно Марксу, действительно абстрактное рассмотрение предмета? Абстрактность, как таковая, есть, с его точ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. С. 508.

ки зрения, односторонность познания, такое знание о вещи, которое отражает ее лишь с той стороны, с какой она подобна, тождественна многим другим таким же вещам. Другое дело абстракция, выражающая конкретную, специфическую природу вещи. Такая абстракция по своим логическим характеристикам представляет нечто прямо противоположное простой абстракции, абстрактному как таковому.

Что значит совершить действительное обобщение, что значит создать объективную конкретную абстракцию от явления?

Это значит рассмотреть вполне особенный, неоднократно повторяющийся факт с точки зрения его собственного, имманентного содержания, рассмотреть его, как говорится, «в себе», отвлекаясь при этом от всего того, чем этот факт обязан всей совокупности внешних воздействий той более широкой сферы действительности, внутри которой он существует.

Именно так поступает Маркс в «Капитале» при исследовании явлений простого товарного обмена. Он получает действительные объективные характеристики стоимости, «рассматривая процесс абстрактно, т.е. оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения...»².

Дело заключается прежде всего в том, что Маркс с самого начала имеет в виду как общую цель, в свете которой соразмеряется каждое отдельное логическое действие, каждый отдельный акт образования абстракции, *воспроизведение конкретного в мышлении*. Каждое особенное явление рассматривается в «Капитале» непосредственно с точки зрения его места и роли в составе целого, в составе конкретной системы, внутри которой и посредством которой каждое отдельное явление приобретает свою специфическую определенность. Эту самую определенность, несвойственную каждому отдельному явлению, если оно существует вне данной конкретной системы, и приобретаемую им, как только оно входит в ее состав, и фиксирует каждая конкретная абстракция. Через абстрактное рассмотрение особенного явления (отвлекаясь сознательно от всего того, чем данное явление обязано другим, взаимодействующим с ним явлениям) Маркс на деле рассматривает как раз всеобщую взаимосвязь целого, т.е. всей совокупности взаимодействующих особенных явлений.

Это на первый взгляд кажется чем-то парадоксальным: выявление всеобщей связи явлений совершается через свою противоположность – через строжайшее отвлечение от всего того, что одному

² Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат, 1955. Т. I. С. 164.

явлению свойственно благодаря его всеобщей взаимосвязи с другими, от всего того, что не вытекает из имманентных законов данного особенного явления.

Дело, однако, заключается в том, что уже само право рассматривать данное особенное явление *абстрактно* предполагает понимание его особой роли и места в составе целого, внутри всеобщей взаимосвязи, внутри совокупности взаимообуславливающих особенных явлений; именно в том, что простой товарный обмен, товар и форма товара рассматриваются абстрактно, как раз и находит свое логическое выражение та совершенно особенная роль товара, которую он играет в составе данного и никакого другого целого.

В том, что товар рассматривается абстрактно, независимо от всех остальных явлений товарно-капиталистического производства, и выражается логически (теоретически) его конкретная, исторически неповторимая форма зависимости от системы производственных отношений в целом.

Дело в том, что только внутри развитой системы товарно-капиталистического производства – и ни в какой другой системе производственных отношений – товарная форма связи оказывается всеобщей, простейшей, элементарной формой взаимосвязи людей. Ни в одной другой конкретно-исторической системе производственных отношений такой роли товар и обмен товаров не играли, не играют и не могут играть.

Эта особенная роль и значение простой товарной формы внутри развитого капитализма и выражается теоретически в том, что чисто абстрактное рассмотрение товара, его имманентных законов одновременно и тем самым выявляет *всеобщее* теоретическое определение *всей системы в целом*, выражение ее конкретно-всеобщей закономерности. Если бы предметом теоретического рассмотрения оказалась не товарно-капиталистическая, а любая другая система отношений общественного производства (социализм или феодализм, первобытнообщинный строй или рабовладельческая формация), то не было бы ничего ошибочнее, с точки зрения логики Маркса, чем рассматривать товарную форму абстрактно, так, как она рассматривается в экономической теории капитализма.

Абстрактное рассмотрение товарной формы ничего не дало бы для теоретического понимания всеобщей связи системы в том случае, если бы эта система развилась из какой-то иной основы. В данном случае, рассматривая товар абстрактно, мышление не сделает ни малейшего шага на пути конкретного рассмотрения исследуемой

экономической системы, не отвлечет ни единого конкретного теоретического определения предмета.

И если внутри товарно-капиталистической системы, в ходе ее рассмотрения, теоретик не только вправе, но и обязан рассматривать товарную форму абстрактно, то он не имеет никакого логического права рассматривать столь же абстрактно любую другую форму экономической связи того же капиталистического организма, например прибыль или ренту.

Такая попытка не приведет к выработке конкретного теоретического понимания роли и места прибыли внутри общей взаимосвязи. Это вообще невозможно проделать, если предварительно не проанализированы прибавочная стоимость, деньги и товар. И если мы сразу, не проделав анализа товара, денег, прибавочной стоимости и пр., выделим явление прибыли и начнем его рассматривать абстрактно, т.е. оставляя в стороне все обстоятельства, которые не вытекают из ее имманентных законов, то мы ничего не поймем в ее движении. В лучшем случае мы получим описание явлений движения прибыли, абстрактное представление о них, но не конкретное теоретическое понимание, не понятие.

Таким образом, право на абстрактное рассмотрение явления определяется конкретной ролью данного явления в составе исследуемого целого, конкретной системы взаимодействующих явлений. Если исходный пункт развития теории взят правильно, то его абстрактное рассмотрение оказывается *непосредственно совпадающим* с конкретным рассмотрением всей системы в целом. Если же абстрактно рассматривается не то явление, которое объективно составляет всеобщую, простейшую, элементарную форму бытия предмета в целом, его реальную «клеточку», то в данном случае абстрактное рассмотрение так и остается абстрактным в дурном смысле этого слова и не совпадает с путем конкретного познания.

Взяв явления прибыли, например, можно составить себе абстрактно-обобщенное представление о них. Но конкретного понятия прибыли на этом пути не получить, ибо конкретное понимание места и роли прибыли в процессе движения системы товарно-капиталистических отношений предполагает понимание их реальной ближайшей субстанции – прибавочной стоимости, т.е. другого экономического явления, а последнее в свою очередь предполагает познание имманентных законов движения товарно-денежной сферы, понимание стоимости как таковой, независимо от прибыли и прибавочной стоимости. Иными словами, само абстрактное рассмотрение

прибыли возможно лишь в том случае, если предварительно проанализированы независимые от нее явления. Прибыль может быть понята только через прибавочную стоимость, через «другое», в то время как прибавочная стоимость может и должна быть понята «сама по себе», и при ее анализе следует строго оставить в стороне все обстоятельства, не вытекающие непосредственно из ее имманентных законов; и прежде всего надо оставить в покое прибыль. При анализе же прибыли нельзя этого сделать, нельзя оставить в стороне обстоятельства, вытекающие из имманентных законов другого явления, нельзя рассматривать прибыль абстрактно.

Таким образом, абстрактное рассмотрение явления включает в себя *конкретный* подход к этому явлению и непосредственно выражает его роль внутри данной, конкретно-исторической системы явлений в целом.

Абстрактное рассмотрение, оставляя в стороне все обстоятельства, не вытекающие непосредственно из имманентных законов данного явления, сосредоточивается как раз на имманентных законах, на анализе явления «в себе и для себя», если употребить гегелевское выражение. Образцом такого исследования является анализ законов движения товарно-денежной сферы в «Капитале» Маркса. Явление рассматривается здесь «само по себе», в строжайшем отвлечении от всех тех воздействий, которые оказывают на него другие, более сложные и развитые явления, связанные прежде всего с производством прибавочной стоимости. Это и значит, что оно рассматривается абстрактно.

В таком понимании и применении абстрактного рассмотрения не только нет чего-то метафизически противоположного конкретному рассмотрению, но есть как раз реальное совпадение абстрактного и конкретного, их *диалектическое единство*. Конкретное рассмотрение выступает как такое рассмотрение, которое уже не оставляет в стороне все обстоятельства, не вытекающие из имманентных законов данного явления, а наоборот, привлекает их к рассмотрению. Конкретное понимание явлений товарно-денежной сферы совпадает с учетом всех тех воздействий, которые на нее оказывают все развитые, все более сложные формы экономических отношений внутри капитализма.

Иными словами, конкретное понимание товара, который вначале рассматривался лишь абстрактно, совпадает с теоретическим пониманием всей совокупности взаимодействующих форм экономической жизни, всей экономической структуры капитализма. Оно достигается лишь в развернутой системе науки, в теории в целом.

Диалектическое и эклектически-эмпирическое понимание всесторонности рассмотрения

Если говорится, что требование всесторонности учета всех фактов, всех моментов взаимодействия только и может обеспечить подлинно конкретное познание, то это верно и справедливо лишь при том условии, что само требование «всесторонности» понимается действительно диалектически. Этот пункт важен по той причине, что именно на этом требовании чаще и охотнее всего спекулирует одна из антинаучных форм мышления – ползучий эмпиризм, маскирующийся под теоретическое мышление.

Гениальный мастер революционной диалектики, Ленин не раз вслед за Марксом предостерегал от смешения диалектического понимания конкретности с эклектической пародией на него, тем более что такое смешение часто приобретает прямой политический смысл.

«При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и проч., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития»³.

Ясно, что эти слова относятся не только к процессу общественного развития, но и к любой области познания и деятельности, и заключают в себе, тем самым, всеобщее, логическое требование.

Одним из самых распространенных аргументов, применяемых врагами научного коммунизма в борьбе против теории Маркса – Энгельса – Ленина, является обвинение этой теории и вытекающей из нее политической линии в «упрямой односторонности», в «отвлеченности», в «отсутствии гибкости» и т.д.

Характернейшим образчиком эклектической фальсификации диалектики является оппортунистическая позиция Бухарина в ходе известной дискуссии о профсоюзах на X съезде партии. Пытаясь стать в позу арбитра в споре между партией и группой Троцкого, Бухарин старался эту позу философски обосновать. Развивая аргументацию против межуточной бухаринской позиции, Ленин блестяще показал глубокую сущность диалектического понимания конкретности истины. Для логики как науки эта история весьма поучительна.

³ Ленин В.И. Соч. 4-е изд. Т. 25. С. 372.

Кратко напомним читателю обстоятельства, внутри которых возник этот философский спор. Речь шла о принципах политики партии в отношении профессиональных союзов. Позиция партии по этому вопросу, изложенная в ряде документов, сводилась к следующему: профсоюзы есть прежде всего «школа коммунизма». В этой краткой формуле подразумевалось, что профсоюзы по их месту и роли в системе диктатуры пролетариата представляют собой массовую организацию, назначением которой является воспитание и просвещение масс в коммунистическом духе, подготовка масс к сознательному участию в управлении народным хозяйством. Против этого понимания Троцкий и выставил свою платформу, рассматривая профсоюзы прежде всего как «административно-технический аппарат управления производством». Сталкивались две резко очерченные позиции, две политические линии – ленинская политика партии и левацкая политика троцкизма, знаменитая политика «завинчивания гаек».

В этих условиях Бухарин и совершил экскурс в область философии, стараясь найти в ней обоснование своей политической позиции – позиции, якобы «примиряющей» столкнувшиеся крайности.

Если формула ленинской партии определяет профсоюзы как «школу коммунизма», а формула Троцкого – как «административно-технический аппарат управления», то Бухарин рассуждал так: «Я не вижу никаких логических оснований, которые бы доказывали, что верно не первое и не второе: верны оба эти положения и соединение этих обоих положений».

Ленин резко осудил это «логическое» рассуждение: «Т. Бухарин говорит о “логических” основаниях. Все его рассуждение показывает, что он – может быть, бессознательно – стоит здесь на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской»⁴.

Взяв самый простой пример, полемически выставленный Бухариным, Ленин на этом примере блестяще показал отличие диалектического понимания «всесторонности рассмотрения» от эклектического его варианта.

«Логическое рассуждение» по типу «с одной стороны, с другой стороны», рассуждение, выхватывающее более или менее случайно различные стороны предмета и ставящее их в связь опять-таки более или менее случайную, Ленин справедливо высмеивает, как рассуждение в духе школьной формальной логики.

⁴ Там же. Т. 32. С. 71.

«Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и “опосредствований” со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное»⁵.

Рассуждение, скользящее от одного абстрактно-одностороннего определения предмета к другому столь же абстрактно-одностороннему, есть путь бесконечный и не ведущий ни к чему определенному. Если бы партия рассуждала о профсоюзах по этому принципу, то не могло бы быть и речи ни о какой принципиальной научно продуманной политической линии. Это было бы равнозначно полному отказу от теоретического отношения к вещам вообще.

Позиция партии, четко выраженная Лениным, вовсе не отрицает того обстоятельства, что профсоюзы в разных общественных условиях, на разных фазах развития общества могут играть различную роль, служить разным целям, соответственно чему могут, разумеется, изменяться и формы их организации, и методы работы и т.д.

Однако конкретная постановка вопроса, исходящая из понимания той роли, которую объективно – независимо от чьих-либо желаний и устремлений – играют и могут играть профсоюзы в системе органов диктатуры пролетариата в период перехода от капитализма к коммунизму, приводит к выводу, что профсоюзы не «с одной стороны то, с другой стороны другое», а *со всех сторон есть школа, и только школа коммунизма*, школа объединения, школа солидарности, школа защиты пролетариатом своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления⁶.

Это Ленин подчеркивает специально, указывая, что в споре с той неправильной платформой, которую выдвинул Троцкий, профсоюзы приходится рассматривать как школу и никак иначе. Ибо в этом и только в этом заключается их объективная роль, их цель, диктуемая их местом в системе диктатуры пролетариата.

⁵ Там же. С. 71–72.

⁶ Там же. С. 74–75.

И если кто-либо использует стакан не по назначению – не в качестве стакана, а в качестве инструмента для бросания, – то в этом большой беды нет. Но если дело касается такого «предмета», как профессиональные союзы, то это может кончиться весьма большой бедой. Поэтому-то партия так остро и реагировала на платформу Троцкого, согласно которой профсоюзы есть «административно-технический аппарат управления производством», и на бухаринскую попытку оправдать это понимание хотя бы в качестве «одностороннего».

Ленин отстаивает тезис, что это понимание нельзя принимать ни в качестве исчерпывающего определения, ни в качестве абстрактно-одностороннего определения существа профсоюзов.

Конкретно-историческая роль, цель и место профсоюзов в системе органов пролетарской диктатуры выражается только партийной позицией: профсоюзы со всех сторон, с какой ни посмотри, есть *школа*. Все остальные определения суть производные от этого основного, главного, определяющего. Это определение выражает то, в чем состоит специфическая природа профсоюзов, то, благодаря чему они и могут играть свою роль как орган пролетарской диктатуры рядом с партией, рядом с государством и в тесном взаимодействии с ними.

Поэтому-то Ленин, продолжая ироническую аналогию со стаканом, и определяет позицию Троцкого, как позицию человека, который хочет использовать стакан по его действительному назначению – как инструмент для питья, – однако желая, чтобы этот стакан был «без дна». Рассматривая профсоюзы как инструмент диктатуры пролетариата, Троцкий, тем не менее, отрицает как раз то, благодаря чему они только и могут выполнять свою специфическую, отличающуюся от роли государства, необходимую роль: «У Троцкого платформа состоит из того, что стакан есть инструмент для питья, тогда как у данного стакана дна не оказалось»⁷.

Позицию же Бухарина Ленин расценивает как мертвую бессодержательную эклектику, т.е. как бессмысленное перечисление одного абстрактного определения предмета за другим, перечисление, ни на чем конкретном не останавливающееся и ни к чему не ведущее, только дезориентирующее партию.

Обеим этим платформам Ленин противопоставляет четкую принципиальную и конкретную установку партии: профсоюзы есть

⁷ Там же. Т. 32. С. 78.

инструмент коммунистического воспитания широких трудящихся масс, школа коммунистического объединения, солидарности, защиты интересов пролетариата от бюрократических элементов в государственных органах, школа хозяйничанья и управления, есть инструмент, с помощью которого трудящиеся превращаются в сознательных строителей коммунизма.

В этом конкретном определении выражена объективная роль профсоюзов в системе организаций, осуществляющих коммунистическое преобразование общества, т.е. их сущность и природа, не зависящая от чьих-либо капризов или субъективных целей.

Эклектика, всегда служившая методологией оппортунизма и ревизионизма, кичится своей любовью к всестороннему рассмотрению. Эклектик охотно рассуждает на тему о том, что всякая «односторонность вредна», что нужно учитывать и то и это, и пятое и десятое. Но в его устах требование всесторонности рассмотрения превращается в орудие борьбы с диалектикой, с принципом конкретности в ее действительном значении.

Путь к конкретному теоретическому пониманию здесь подменяется нескончаемым блужданием от одной абстракции к другой такой же абстракции. Вместо того чтобы от абстрактного идти к конкретному, эклектик передвигается от абстрактного к абстрактному же. А это занятие столь же несложное, сколь и бесплодное.

Нетрудно это потому, что любой самый незначительный и «ничтожный» предмет обладает в реальности актуально бесконечным количеством сторон, связей со всем окружающим его миром. В каждой капле воды отражается все богатство вселенной. Даже бузина в огороде через миллиарды опосредующих звеньев связана с дядькой в Киеве, даже насморк Наполеона был «фактором Бородинского сражения». И если понять требование конкретности анализа как требование абсолютного учета всех без исключения эмпирических подробностей, деталей и обстоятельств, так или иначе связанных с исследуемым предметом, то конкретность окажется (как и любая категория, если ее толковать метафизически) лишь голой абстракцией, лишь некоторым недостижимым идеалом, существующим в фантазии, но никогда не реализуемым в действительном познании. Теоретик же, исповедующий такое понимание конкретности, попадает в положение метерлинковского героя, гонящегося за синей птицей, которая перестает быть синей тотчас, как он ее схватывает.

И здесь, в проблеме отношения абстрактного к конкретному, метафизика оказывается тем мостиком, по которому мысль неизбежно

приходит к агностицизму и, в конечном счете, к ликвидации теории как таковой, к представлению о том, что теория навсегда обречена вращаться в сфере более или менее субъективных абстракций и никогда не улавливает объективной конкретности.

Метафизическое понимание конкретности, как абсолютно полного учета всех эмпирически наличных обстоятельств, неизбежно делает исповедующего его человека очень податливым к аргументации субъективных идеалистов и агностиков.

Аргумент «от бесконечной сложности и запутанности» окружающего мира – это, пожалуй, самый ходовой дежурный аргумент современной буржуазной философии против марксистско-ленинской теории общественного развития. Основоположник экзистенциализма, Карл Ясперс прямо начинает свою атаку на марксизм с заявления, что вся теория Маркса основывается «на вере в единое» и имеет характер «тотального воззрения». Эта вера, вера в то, что мышление может охватить свой предмет во всей совокупности его необходимых сторон, постигать его как «единство во многообразии», есть, дескать, устаревший философский предрассудок, от которого «современная наука» отказалась. «Современная наука в противовес единой марксистской науке партикулярна»⁸, – вешает Ясперс, – она давно отринула от себя гордыню и смирилась с тем, что ей доступны только «частности». «Единство знания», по Ясперсу, – это недостижимый идеал, миф.

Ясперс достаточно откровенно высказывает причину своей неприязни к «тотальному воззрению Маркса»: его раздражает и «единство теории», и «единство теории с практикой», и именно с практикой коммунистического преобразования мира. «Политика, базирующаяся на таком понимании, полагает, что она в силах делать все то, чего не могла предшествующая политика. Поскольку она обладает тотальным воззрением на историю, постольку она мнит себя способной разрабатывать и осуществлять тотальное планирование»⁹.

Ясперсу вторит и его французский единомышленник Анри Ниль^{xviii}. Диалектико-материалистическое понимание конкретности его не устраивает по той же причине: «Будь то в гегелевской, будь то в марксистской форме, диалектика основывается на возможности для

⁸ *Jaspers K. Vernunft und Widervernunft in unserer Zeit. München: R. Piper & Co. Verlag, 1950. S. 14.*

⁹ *Ibid. S. 15.*

человека охватывать мыслью тотальность существования», и потому с неизбежностью «превращается в религию плана»¹⁰.

В ненависти к плану, к признанию возможности предвидеть, планировать и обеспечивать единство практических (прежде всего, разумеется, политических) действий людей и заключен главный мотив экзистенциалистских атак на «единство» («тотальность») учения Маркса. Собственно говоря, это не философия, а просто эмоции частного собственника, переведенные на язык философской терминологии. В беспланово-анархической стихии товарно-капиталистического общества он чувствует себя как рыба в воде. Какое дело Ясперсу и Нилю до того факта, что «единство существования» реализуется и здесь, правда, без плана, без сознательного намерения, но зато насильно, вопреки воле и сознанию, через кризисы, через войны – через все те способы, которыми старается утвердить свое «тотальное» господство современный капитализм?

Против этой вполне реальной «тотальности», обрисованной Марксом и Лениным во всей ее неприглядности, экзистенциалисты не спорят. Они стараются убедить, что такой «тотальности» вообще нет, что это – только иллюзия, только «мнимое знание», форма которого заимствована-де, у Гегеля, а затем насильственно наложена «на специфически современное содержание».

Здесь что ни слово, то ложь. Конкретность теории (которую Ясперс и Ниль в явно нечистых целях предпочитают именовать грозно звучащим словечком «тотальность») в понимании Маркса и Ленина как раз враждебна и чужда какому бы то ни было «наложению формы знания» на материал, на реальное многообразие явлений.

Конкретность мышления заключается именно в том, чтобы «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех “общих” или “примерных” рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни»¹¹.

Точно установленные факты, бесспорные факты в их собственной совокупной связи, факты, взятые в целом, в их конкретно-исторической обусловленности, – вот на чем прежде всего настаивают

¹⁰ *Niel H. Dialectique hégélienne et dialectique marxiste // Aspects de la dialectique (Recherches de philosophie, II). Paris: Desclée de Brouwer, 1956. P. 235.*

¹¹ *Ленин В.И. Соч. Т. 23. С. 286.*

вает Ленин, раскрывая марксистский принцип «конкретности мышления». Весь смысл этого принципа как раз и заключается в том, что «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...»¹².

На этот принцип Ясперс и нападает, возводя в добродетель «партикулярный» характер, присущий якобы «современной науке», то есть ту самую манеру произвольно выхватывать факты и фактики из их объективной взаимосвязи, чтобы затем истолковывать их вне связи, вне целого, вне их взаимозависимости, которая крайне характерна для буржуазной мысли наших дней.

Вот еще одна тирада подобного сорта: «Действительность в высшей степени сложна и запутана. Ни мысль, ни эмпирический опыт не в состоянии охватить действительность в ее единстве и совокупности. Тотальную действительность мы можем только переживать»¹³.

Что же касается «познания», то рассуждают так:

«Всякое мыслящее познание бесконечной действительности конечным человеческим духом поконится на молчаливой предпосылке, что лишь конечная часть таковой образует предмет научного понимания, что только она должна считаться “существенной”, в смысле “познавательной ценной”»¹⁴. Но вопрос о том, чем мы должны интересоваться, а что можем игнорировать, что «ценно», а что нет, – «это вопрос о ценности, и потому может быть решен только на основании субъективных оценок»¹⁵.

Иными словами, «предметом науки» никогда не может стать объективно (на объективном основании) очерченное «целое», а только «партикулярная» область фактов, границы которой каждый ученый волен прочерчивать там, где ему заблагорассудится.

«Выбор всегда необходимо субъективен. Это – забота отдельного представителя науки – делать выбор. Никто тут не может ему что бы

¹² Там же.

¹³ Vito F. Bemerkungen über grundlegende Fragen der Wirtschaftstheorie // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. B. 153, Heft 3/4. Jena: Verlag von J. Fischer, 1941. S. 332.

¹⁴ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: Mohr, 1922. S. 171.

¹⁵ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen: Mohr, 1924. S. 420.

то ни было предписывать, даже хотя бы рекомендовать. Ибо выбор всегда связан с ценностью, а ценность доказать нельзя»¹⁶.

Если речь идет о «предмете» политической экономии, то этот взгляд оборачивается так: предмет политической экономии – «это область интересов всех тех, кто либо сам себя называет экономистом, либо назван так другими»¹⁷. В состав предмета политэкономии, таким образом, надо включать все то, что под этим названием принято иметь в виду среди «всех образованных людей».

«Единство объекта» – это не логическая структура проблем; это – мысленная связь проблем, составляющих область труда некоторой науки»¹⁸.

Этот букет набран из сочинений самых разных авторов: здесь и современные буржуазные экономисты, и философы-экзистенциалисты, и неопозитивисты, и представители так называемой «социологии знания». Во многом они расходятся между собой. Однако против материалистического понимания «конкретности знания» они выступают дружным и единым фронтом. И ход рассуждения везде одинаков: поскольку никакое «единое целое» нельзя охватить мыслью в силу его бесконечной сложности, постольку надо удовлетвориться «партикулярным знанием», более или менее произвольно выделенными группами фактов и фактиков.

«В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры»¹⁹, – отмечал Ленин. Этот жульнический прием современная буржуазная философия и возводит в добродетель. Конечно, подбирать примеры и фактики под заранее и совершенно бездоказательно выставленный тезис о «ценности» легче, чем исследовать факты с такой тщательностью, как исследовал их Маркс, более двадцати пяти лет собиравший материалы для «Капитала». Но наука не может руководствоваться принципом «легкости» или «экономии умственных усилий». Наука – тяжелый труд. И ее высшим принципом навсегда останется принцип конкретности знания и истины.

¹⁶ Tagwerker H. Beiträge zur Methode und Erkenntnis in der theoretischen Nationalökonomie. Wien: Verlag Notring der wissenschaftlichen Verbände Österreichs, 1957. S. 43.

¹⁷ Cannan E., Bieri H.G. Der wirtschaftliche Wohlstand: eine kurze Darlegung der Ursachen wirtschaftlichen Wohlergehens. Bern: A. Francke, 1948. S. 5.

¹⁸ Tagwerker H. Beiträge zur Methode, S. 28.

¹⁹ Ленин В.И. Соч. Т. 23. С. 286.

Спиралевидный характер развития действительности и ее теоретического отражения

Итак, под конкретностью теории материалистическая диалектика понимает отражение *всех необходимых* сторон предмета в их взаимной обусловленности, *в их внутреннем взаимодействии*.

Взаимный характер обусловленности, типичный для всякого диалектически расчлененного целого, обязывает теорию ко многому и одновременно дает в руки теоретика четкий критерий для выделения из чувственно данного многообразия лишь внутренне необходимых определений.

Это непосредственно означает, что каждая из конкретных абстракций (совокупность которых составляет теорию) отражает лишь такую форму существования предмета, которая является одновременно и всеобщим необходимым условием всех других и столь же всеобщим и необходимым *следствием* их взаимодействия.

Этому условию удовлетворяет, например, уже проанализированное нами определение человека как существа, производящего орудия труда. Производство орудий труда, производство средств производства, есть не только всеобщая (и логически, и исторически) *предпосылка* всех остальных форм человеческой жизнедеятельности, но и постоянно воспроизводимый *результат, следствие* всего общественного развития в целом.

Человечество в каждый момент своего развития вынуждено с необходимостью воспроизводить, т.е. полагать как свой продукт, свою собственную всеобщую основу, всеобщее условие существования общественно-человеческого организма в целом.

Сегодня производство орудий труда, развившихся до фантастически сложных машин и агрегатов, остается, с одной стороны, как и на заре человеческого развития, всеобщей объективной основой всего остального развития. Но, с другой стороны, оно, по существу, зависит от уровня развития науки, своего собственного отдаленного порождения, от своего собственного следствия, и зависит в такой степени, что машины можно рассматривать (не переставая быть материалистом) как «созданные человеческой рукой органы человеческого мозга»^{20, xix}. Так и

²⁰ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf) 1857–1858. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1939. S. 594.

товар, и деньги, и «свободная» рабочая сила – все это не в меньшей мере продукты капитала, последствия его специфического движения, чем его же исторические предпосылки, условия его появления на свет. При этом такие продукты, которые он воспроизводит во все более расширяющихся масштабах, невиданных до его появления.

Эта диалектика всякого действительного развития, в котором всеобщее необходимое условие возникновения предмета становится его же собственным всеобщим и необходимым следствием, это диалектическое «переворачивание» условия в обусловленное, причины – в следствие, всеобщего – в особенное и есть характерный признак внутреннего взаимодействия, благодаря которому действительное развитие приобретает форму круга, а точнее – спирали, все время, с каждым новым оборотом расширяющей масштабы своего движения.

Одновременно с этим происходит и то своеобразное «замыкание на себя», которое превращает совокупность единичных явлений в относительно замкнутую систему, в конкретный, исторически развивающийся по своим имманентным законам единый организм.

Маркс резко подчеркивал такой характер взаимодействия внутри системы товарно-капиталистического производства: «Если в развитой буржуазной системе... каждое *полагаемое* есть одновременно *предпосылка*, то это имеет место в любой органической системе»^{21, xx}. Подчеркнутые слова прямо выражают то обстоятельство, что «круговой» характер взаимодействия вовсе не есть специфический закон движения и существования капитализма, а *всеобщий закон* диалектического развития, закон диалектики. Именно он лежит в основе логического закона совпадения абстрактного и конкретного, в основе диалектико-материалистического понимания теоретической конкретности.

Но тот же самый закон спиралевидного развития системы взаимодействующих явлений ставит мышление перед особыми трудностями, такими трудностями, которые не разрешимы без диалектического метода вообще и без четкого представления о диалектике абстрактного и конкретного в частности.

Буржуазные экономисты, сталкиваясь в исследовании с этим обстоятельством – со спиралевидным характером взаимообусловленности различных форм буржуазного «богатства», с неизбежностью попадали в круг при определении важнейших категорий. Маркс об-

²¹ Ibid. S. 189 (курсив наш. – Э.И.).

наружил этот безвыходный круг уже при первой попытке анализа экономических теорий английской экономики в 1844 г. При анализе рассуждений Сэя он обнаруживает, что тот, как и другие экономисты, везде подставляет понятие стоимости под объяснение таких явлений, которые потом сами молчаливо предполагаются при разъяснении стоимости, например понятий «богатство», «разделение труда», «капитал» и т.п.

«*Богатство*. Здесь уже предположено понятие “стоимость”, которое еще не развито; ведь богатство определяется как “сумма стоимостей”, как “сумма вещей, обладающих стоимостью”, которыми владеют...»²², xxi. Пятнадцать лет спустя, возвращаясь к этому пункту, Маркс раскрывает тайну этого безвыходного логического круга: «Если в теории понятие стоимости предшествует понятию капитала, но, с другой стороны, предполагает в качестве условия своего чистого развития способ производства, основанный на капитале, то это имеет место и в практике. Поэтому экономисты неизбежно рассматривают в одних случаях капитал в качестве творца стоимости, в качестве источника последней, а в других – предполагают стоимость для объяснения образования капитала, а сам капитал изображают всего лишь как сумму стоимостей в некоторой определенной функции»²³.

Этот логический круг в определениях получается с неизбежностью именно потому, что любой предмет в действительности есть продукт диалектического развития, благодаря которому исследуемая наукой реальность всегда выступает как система взаимообуславливающих друг друга сторон, как исторически возникшая и развившаяся конкретность.

Капитал, действительно предполагая и деньги и стоимость в качестве *предпосылок* своего возникновения, при своем рождении тотчас превращает их во всеобщие формы своего собственного движения, в абстрактные моменты своего специфического бытия. В итоге он и предстает перед глазами наблюдателя, созерцающего уже исторически сложившееся отношение, в качестве творца стоимости. И трудность заключается здесь в том, что только появление капитала превращает стоимость в *реально-всеобщую* экономическую форму всего производства, всей системы экономических отношений.

²² Marx/Engels Gesamtausgabe (MEGA). I Abt. Bd. 3. Berlin, 1932. S. 449.

²³ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf). S. 163.

До этого – до появления капитала – стоимость является чем угодно, но только не *всеобщим* экономическим отношением, уже потому, что в нее не входит такой важнейший «особенный» фактор производства, как рабочая сила.

Рассечь логический круг в определении стоимости и капитала невозможно никакими логическими ухищрениями, никакими семантическими манипуляциями с понятиями и их определениями, ибо он возникает вовсе не из «неправильности» в определении понятий, а из непонимания диалектического характера взаимосвязи между тем и другим, из отсутствия действительно исторического подхода к исследованию этой взаимосвязи. Только исторический подход дает возможность найти выход из круга, точнее, вход в него. Поскольку буржуазным экономистам чужд такой подход, постольку круг для них безвыходен.

Неудача таких попыток связана с непониманием конкретности как исторически развившейся и продолжающей развиваться системы внутренне взаимодействующих явлений, как исторически развившегося «единства в многообразии». Но именно такое – диалектическое – понимание конкретности дало Марксу в руки методологический ключ к решению основных теоретических проблем политической экономии; в частности, с этим связано то обстоятельство, что только Марксу удалось рационально разрешить и тайну товарного фетишизма. В состав конкретности товарно-капиталистического мира входят лишь те объективные формы движения, которые этот мир не только предполагает в качестве предпосылок, но и сам же воспроизводит как свой специфический продукт, полагает как свое следствие.

Ведь и солнце, и товар, и полезные ископаемые, и деньги, и «свободная» рабочая сила, и наличие машинной техники – все это одинаково объективные предпосылки и условия, при отсутствии которых капитал ни возникнуть, ни существовать не может. Но ни природные условия возникновения, ни технические характеристики машин, ни антропологические особенности человека с его способностью трудиться не составляют всеобщих и необходимых имманентных форм существования капитала.

В виде конкретных теоретических характеристик анализ Маркса удерживает лишь те всеобщие и необходимые условия бытия капитала, которые движением самого же капитала и воспроизводятся. Капитализм воспроизводит не рабочую силу как таковую, не полезные ископаемые и прочие вещественные компоненты, а рабочую си-

лу как товар, т.е. ту общественную форму, в которой рабочая сила функционирует внутри развитой системы капиталистических отношений.

Рабочую же силу как таковую, как совокупность психических и физиологических способностей, создает, производит и воспроизводит иной процесс или процессы. Капитализм ее не производит точно так же, как не производит ни солнечного света, ни полезных ископаемых, ни воздуха и т.п., зато он воспроизводит те общественные формы, внутри которых и посредством которых все эти вещи приобщаются к его специфическому движению и совершают свое движение внутри его организма, как его формы.

Примененный здесь Марксом критерий для различения имманентных форм движения предмета есть критерий по существу всеобщий, логический. Это значит, что любой единичный предмет, вещь, явление, факт приобретает ту или иную конкретную форму своего существования от того конкретного процесса, в движение которого он оказывается вовлеченным; любой конкретной формой своего существования любой единичный предмет обязан не себе, не своей самодовлеющей единичной природе, а той конкретной, исторически развившейся системе вещей, в которую он попал, внутри которой он возник.

Золото само по себе вовсе не есть деньги. Деньгами его делает процесс товарно-денежного обращения, в который золото вовлечено. «Стул на четырех ножках под бархатным покрывалом в известных условиях представляет *трон*, но на этом основании этот стул, эта вещь, служащая для сиденья, не есть трон благодаря природе своей потребительной стоимости»²⁴, т.е. он по своей имманентной природе, «в себе и для себя», взятый в абстракции от тех специфических условий, внутри которых он только и есть трон, троном вовсе не является.

Здесь ясно видно, какое огромное значение имело диалектическое понимание конкретности теоретических абстракций в процессе преодоления натуралистически-фетишистских иллюзий, окутывающих природу стоимости, как и всех производных от нее форм, вплоть до процента, ренты и т.п.

Золото по своей природе является деньгами столь же мало, сколь мало уголь по своей природе есть топливо для паровоза, сколь мало луна является покровительницей влюбленных, а человек – рабом

²⁴ Архив Маркса и Энгельса. М.: Партиздат, 1933. Т. II (VII). С. 47.

или патрицием, пролетарием или буржуа, философом или математиком. И, например, искать реальную основу математических способностей в физиологических особенностях мозга столь же нелепо, сколь нелепо искать определения денег путем химического анализа золота.

Но здесь есть одна тонкость, которую диалектика обязывает учитывать. И уголь, и человек, и мозг человека сами по себе должны обладать такими особенностями, такими качествами, благодаря которым тот процесс, в который они вовлечены, может превратить их в формы своего собственного движения, своего бытия.

Золото, а не глина и не кусочки гранита, оказывается тем природным материалом, в котором реализуется всеобщая форма стоимости. И здесь природные, физико-химические качества играют свою роль. Но эти природные свойства все же не при чем, когда речь идет *о сущности, о природе* денежной формы стоимости как таковой. Эта форма развивается в процессе товарного обращения независимо от природных свойств золота. Именно сфера обращения развивает ту «чистую экономическую форму», которая уже затем «подыскивает» наиболее пластичный и послушный ее требованиям материал для своего воплощения. И как только золото оказывается недостаточно гибким и пластичным средством, «материей» выражения все новых и новых развивающихся особенностей денежной формы, оно заменяется бумагой, кредитными билетами, безналичным банковским расчетом и т.д.

Из этого рассмотрения видно, какая объективная реальность была мистифицирована аристотелевской (а затем и гегелевской) диалектикой в виде учения об энтелехии, о той «чистой форме», существующей вне и независимо от «материи», в которую она затем воплощается, которую она «формирует» на свой лад, в соответствии с заключенными в ней требованиями. Это опять-таки *реальная объективная конкретность как система взаимодействующих вещей*, попадая в которую, единичная вещь подчиняется ее требованиям и обретает форму существования, ранее ей несвойственную.

Диалектико-материалистическое понимание конкретности тем самым разбило последнее убежище умного, диалектического идеализма, так как дало рациональное разрешение тайны энтелехии, тайны всеобщего как «целевой причины», как «чистой формы», развивающейся вне и независимо от мира единичных вещей и подчиняющей эти вещи своему специфическому движению.

Реальность, которая идеалистически и мистифицированно выражена в представлении о понятии как о целевой причине, как о деятельной форме, – это не что иное, как реальная объективная конкретность, т.е. исторически возникающая и развивающаяся система взаимообуславливающих явлений, сложное диалектически расчлененное целое, в которое включена каждая отдельная вещь и которое обуславливает конкретную природу и форму вещи.

Материалистически понимаемая категория взаимодействия и раскрывает тайну «целевой причины»: «... Взаимодействие является истинной *causa finalis* вещей»²⁵, – формулирует этот тезис Энгельс.

Сказанное выше нуждается в одном существенном разъяснении. Совершенно ясно, что каждая наука отражает в своих категориях лишь специфические формы и закономерности конкретной системы взаимодействующих явлений, составляющей ее специальный предмет, и абстрагируется от всего остального, несмотря на то что без этого «остального» ее предмет исследования не возможен и не мыслим.

Политическая экономия, например, раскрывает в систематической форме конкретную совокупность общественно-производственных отношений между людьми, оставляя в стороне технологическую сторону связи, биологические отношения между индивидами, хотя без этого люди реально не существуют и не могут существовать.

Совершенно ясно, что все те изменения, которые происходят внутри системы производственных отношений, вся эволюция системы производственных отношений и форм экономической связи на деле зависят от процесса развития производительной силы человека, более того, определяются этим развитием.

Тем не менее Маркс в «Капитале» рассматривает систему товарно-капиталистических отношений как «саморазвивающуюся систему», как замкнутую «в себе» конкретность, движущие пружины развития которой находятся внутри нее самой, в ее внутренних противоречиях, в имманентных противоречиях экономической формы. Но ведь, строго говоря, действительные движущие пружины эволюции системы производственных отношений заключены не внутри нее самой, а в процессе развития производительных сил. Если производительные силы не развиваются, то никакая «внутренняя» диалектика системы экономических отношений не вызовет ее эволю-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. С. 407.

ции. Однако Маркс исследует способ производства в целом и потому фиксирует диалектическую взаимообусловленность производительных сил и производственных отношений. Поэтому развитие производительных сил берется здесь не само по себе, не только как причина, но и как следствие, результат и продукт обратного воздействия системы производственных отношений на производительные силы.

В «Капитале» показан, например, тот механизм, благодаря которому появление экономической формы относительной прибавочной стоимости вызывает рост производительности труда, вынуждая капиталиста заменять ручной труд машинным, побуждая его развивать техническую базу производства прибавочной стоимости.

Но ведь ясно (это показывает сам Маркс), что на деле именно появление машин вызывает к жизни относительную форму прибавочной стоимости, что именно появление машин есть подлинная причина того обстоятельства, что абсолютная форма прибавочной стоимости вытесняется относительной ее формой.

Ясно, что относительная прибавочная стоимость становится доминирующей формой прибавочной стоимости именно потому, что она более соответствует машинному труду, нежели абсолютная, увеличение которой связано с простым удлинением рабочего дня при неизменной производительности труда.

Все дело заключается, однако, в том, что само это соответствие экономической формы ступени развития производительной силы есть, в свою очередь, соответствие диалектическое. Относительная прибавочная стоимость соответствует машинному производству именно потому, что она не остается пассивной формой, внутри которой работают машины, а становится активной формой, оказывающей сильнейшее обратное воздействие на машинное производство, т.е. на свою собственную, породившую ее основу, развивает свою собственную основу и создает тем самым новый стимул своего движения.

Здесь происходит то самое превращение причины в следствие, которое характерно для всякого действительного развития. И это обстоятельство очень важно для понимания тех путей, которыми двигался в исследовании Маркс.

Маркс рассматривал процесс эволюции системы производственных отношений, основанных на наемном труде. Главное его внимание все время было направлено на те изменения, которые происходят внутри системы производственных отношений, внутри экономи-

ческой структуры общества. Развитие же производительных сил само по себе, независимое от той или иной формы производственных отношений, в «Капитале» не рассматривается. Это предмет другой науки – технологии.

Маркс берет как данное тот факт, что сами по себе производительные силы развиваются независимо от той или иной конкретно-исторической формы отношений между людьми, и предполагает его как факт, не подлежащий специальному исследованию внутри политической экономии.

Значит ли это, что развитие системы производственных отношений вообще рассматривается им вне связи с развитием производительных сил? Как раз наоборот. На деле внутри системы экономических отношений прослеживаются именно те изменения, которые вызваны развитием производительных сил. Более того, именно потому что в политической экономии развитие производительных сил само по себе не рассматривается, воздействие этого развития на систему экономических форм, его взаимодействие с последней постигается конкретно-исторически, т.е. именно в том виде, в каком это воздействие имеет место в мире частнокапиталистической собственности.

Ведь характер изменения, вносимого новым приращением производительных сил в систему производственных отношений, целиком зависит от специфических особенностей той системы, в которую это изменение вносится. Так, развитие производительных сил, вызванное открытием атомной энергии, приводит к одним экономическим последствиям в СССР и к прямо противоположным – в США. Это целиком подобно тому, как одна и та же вода производит одно действие на кусочек раскаленного угля, и совсем другое – на кусочек металлического натрия.

Таким образом, всякое новое приращение производительных сил не создает автоматически прямо соответствующего себе экономического отношения, общественно-экономической формы, а определяет то *направление*, в котором эволюционирует уже имеющаяся, исторически сложившаяся система экономических отношений. И дело не изменяется от того, что ранее сложившаяся система экономических отношений сама есть от начала до конца продукт всего предшествующего развития производительных сил.

Конкретно-исторически сложившаяся система экономики есть всегда относительно самостоятельный организм, оказывающий обратное воздействие на свою собственную основу – на совокупность

производительных сил и преломляющий всякое воздействие последних через свою специфическую природу. Совокупность экономических форм, связанных в единую, развившуюся из одного основания систему, и составляет ту специфическую природу экономического организма, которая тем самым обретает относительную самостоятельность по отношению к самим производительным силам.

Политическая экономия как особая наука и имеет своим предметом как раз те формы, в которых выражается относительная самостоятельность системы производственных отношений. Определяющее влияние производительных сил на производственные отношения раскрывается конкретно-исторически именно благодаря тому, что само по себе взятое развитие производительных сил не рассматривается, а рассматривается только внутренняя логика эволюции системы производственных отношений, внутренняя логика становления и развития этой системы. И тем самым процесс, в котором производительные силы создают соответствующие себе производственные отношения, прослеживается в полной мере *конкретно*. В противном случае исследование остается в области абстрактной фразы.

Все сказанное имеет отношение не только к политической экономии, но и к любой теоретической дисциплине. Каждая наука обязана разворачивать систематическое понимание именно таких форм существования своего предмета, которые выражают его относительную самостоятельность, а не абстрактно-общее ему со всеми другими.

Производительные силы ничего не создают каждый раз заново, на голом месте (такой случай реален только на заре человеческого развития), а определяют вид и характер изменений, происходящих внутри уже сложившейся системы производственных отношений. Так же обстоит дело и с развитием всех форм духовной культуры, с развитием права и политических учреждений, философии и искусства.

«Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом...»²⁶ – подчеркивал Энгельс, усматривая

²⁶ Энгельс Ф. Письмо к К. Шмидту от 27 октября 1890 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXVIII. С. 261.

в этом важнейшее отличие теории исторического материализма от абстрактных рассуждений вульгаризаторов, сводивших всю конкретную сложность реального процесса духовного развития к абстрактной фразе о том, что экономика – первична, а все остальное – ее продукт.

Следовательно, исторический материализм полностью учитывает то обстоятельство, что преобладающее воздействие экономики всегда имеет место «в рамках условий, которые предписываются самой данной областью»²⁷, т.е. один и тот же экономический сдвиг производит один эффект в сфере искусства и другой, непохожий на него, – в сфере права, и т.д.

Трудность всегда заключается не в том, чтобы «свести» то или иное явление в сфере права или искусства к его экономической причине. Это не так трудно сделать. Но это не есть исторический материализм. Марксистская философия вообще стоит не на точке зрения «сведения», а на точке зрения «выведения», т.е. в каждом конкретном случае она требует понять, почему данный сдвиг в экономике отразился в политике или искусстве так, а не как-нибудь иначе.

Но такая задача предполагает теоретическое понимание той специфической природы, через которую преломляется, отражаясь в ней, экономический сдвиг. Каждая из «надстроечных» сфер деятельности общественного человека должна быть понята и раскрыта как система исторически сложившихся конкретно для нее специфичных форм отражения экономики, сферы общественного бытия человека.

Все философские и логические принципы, которыми руководствовался Маркс в исследовании системы товарно-капиталистических отношений, как исторически сложившейся системы взаимодействия, применимы в любой естественной и общественной науке.

Рассмотрим лишь один пример – пример возникновения правовых норм. Необходимым всеобщим условием возникновения любой правовой нормы является так называемое «фактическое отношение», как именуют юристы неправовой, чисто экономический факт. Этот факт, взятый сам по себе, лежит вне компетенции правоведа и относится к сфере политической экономии.

Но все дело в том, что далеко не всякое экономическое отношение, не любое «фактическое отношение» порождает соответствующую правовую норму, а лишь такое, которое объективно нуждается в правовой охране, т.е. требует насильственного подчинения воли

²⁷ Там же.

индивидов. Иными словами, в охране нуждается лишь такое экономическое отношение, которое с помощью нормы права утверждает-ся затем как *результат действия права*. При коммунизме, например, именно потому отпадает необходимость права и самой системы правовых норм, что сама форма экономических отношений – коммунистическая форма собственности (как «фактическое отношение») – обретает такой характер, что не будет нуждаться в правовой форме своего утверждения.

Следовательно, лишь такое экономическое отношение, лишь такой неправовой факт, который нуждается в правовой форме своего утверждения, является реальной предпосылкой и условием возникновения правовой нормы. Иными словами, реальным условием правовой нормы оказывается всегда лишь такой и только такой неправовой факт, который *активно* (т.е. в качестве следствия применения права) утверждается и охраняется всей системой действующего права. Если же то или иное «фактическое отношение» не нуждается в правовой охране и утверждении, не выступает как *следствие* применения права, то оно и причиной права не является. В данном случае правовая норма вообще не возникает, а возникает моральная или другая норма.

Это и означает, что реальной предпосылкой и условием появления правовой нормы всегда выступает только такое экономическое отношение между людьми, которое правовой нормой утверждается как *продукт*, как *следствие* ее применения, и на поверхности выступает именно как *следствие* права, а не его причина. В данном случае опять имеет место факт диалектического превращения причины в следствие, связанный со спиралевидным характером всякого действительного развития взаимообуславливающих друг друга явлений. И именно этот реальный факт, будучи освещен и понят односторонне, лишь со стороны активного обратного влияния общественного сознания во всех его формах на общественное бытие, на сферу экономических отношений людей друг к другу и к природе, и дает в итоге разнообразные идеалистические концепции.

На абстрактной абсолютизации этой стороны дела – активного обратного воздействия мышления на все остальные сферы деятельности, включая экономику и область отношения человека к природе, – и развилась гегелевская концепция, объявляющая в итоге всю общественную жизнь человека, и даже самую природу, «следствием», «продуктами» мышления в понятиях, порождениями логической деятельности «всеобщего разума». Именно факт относительной

самостоятельности мышления, логического развития человека, благодаря которой мышление и оказывает активное обратное влияние на все области деятельности человека (включая экономику), Гегель фиксирует односторонне. И эта односторонность как раз совпадает с объективно-идеалистическим толкованием вопроса об отношении мышления к бытию.

Отвергая тезис об *абсолютной* самостоятельности логического процесса, системы логических категорий, логика марксизма-ленинизма учитывает факт относительной самостоятельности сферы логической деятельности общественного человека, факт активности логических категорий в процессе восприятия и анализа чувственных данных. Мышление не есть простой пассивный слепок с «общих форм» чувственно данных фактов, а есть особый способ духовной деятельности общественно развитого субъекта. Всеобщие формы, в которых протекает эта деятельность (логические категории), образуют не случайный набор наиболее общих абстракций, а систему, внутри которой каждая категория конкретно определяется через все остальные.

В системе логических категорий осуществляется та же самая субординация, что и в системе понятий любой науки, отражающей диалектически расчлененное целое. Эта субординация не носит «родо-видового» характера: категория количества, например, не является ни видом качества, ни родом по отношению к причинности или к сущности. Поэтому логическую категорию принципиально невозможно определить путем «подведения под высший род» и указанием на ее «собственный признак». Это лишний раз подтверждает тот факт, что действительное понятие существует только *в системе* понятий и через нее, а вне системы превращается в пустую абстракцию, лишенную четких определений, – в простой термин, название.

Научная абстракция (понятие) и практика

Всеобщей предпосылкой и условием, на основе которого возникает и развивается весь сложный механизм познавательных способностей человека, активно преломляющий чувственные впечатления, всегда была и остается практика – активная чувственно-предметная деятельность общественного человека. Но раз возникнув, а тем более разившись до высокой степени, система форм логической деятельности (категорий) оказывает обратное, и весьма существенное, воздействие на самую практику. На этой основе марксистско-ленин-

ская философия и решает вопрос об отношении эмпирических абстракций к абстракциям теоретического мышления.

В явлении, открытом непосредственному созерцанию, вещи сплошь и рядом выглядят совершенно иначе, чем в сущности, выражаемой понятием. Если бы одно с другим совпадало прямо и непосредственно, нужды в науке, в специальном теоретическом анализе явлений вообще не возникло бы^{xxii}.

Но именно поэтому простая ссылка на тот факт, что в явлении, открытом непосредственному созерцанию, можно констатировать такие-то и такие-то «общие признаки», еще не может служить полновесным доводом ни за, ни против абстракции понятия. В те времена, когда Жан-Жак Руссо сформулировал свой исторический тезис – «человек рожден свободным, а между тем повсюду он в оковах», – большинство людей действительно проводило «в оковах» всю свою жизнь, от колыбели до могилы. Тезис о том, что все люди от рождения, в сущности, равны, ссылкой на эмпирически-общее положение дел никак в те времена не подтверждался. Тем не менее историческая и теоретическая правда была на стороне философских теорий Просвещения, а не на стороне их противников.

Непосредственное созерцание и абстракции, возникающие на его почве, всегда и везде отражают явления окружающего мира под углом зрения наличных, сложившихся на сегодняшний день практических отношений человека к человеку и человека к природе. Созерцает природу живой, конкретный исторически-определенный индивидуум, вплетенный в сеть общественных отношений, т.е. существо, стоящее в активном, практически-предметном отношении к окружающему миру, а вовсе не фантастический, якобы «пассивно созерцающий» субъект. Но именно поэтому очень часто общественно-исторические свойства вещей и сливаются в глазах индивидуума с их природными свойствами, а преходящие свойства вещей и самого человека начинают казаться вечными, с сущностью самих вещей сращенными свойствами. Подобные фетишистские, натуралистические иллюзии (товарный фетишизм – лишь пример) и абстракции, их выражающие, поэтому и нельзя опровергнуть простым указанием на вещи, данные в созерцании. Вещи, данные в созерцании индивиду буржуазного («гражданского») общества, на поверхности именно таковы, какими они ему кажутся. Эти иллюзии и абстракции формируются отнюдь не только в сознании индивидуума буржуазного общества, но и в самой реальности экономических общественных отношений, которую он созерцает. Поэтому-то Маркс и указывал, что

точка зрения созерцания индивида, сформированного «гражданским», т.е. буржуазным обществом, не позволяет рассмотреть действительность в ее истинном свете. С этой точки зрения (а на ней, как указывал Маркс, стоял весь старый материализм, включая фейербаховский) вещи и в созерцании выступают окутанными туманом фетишистских иллюзий. В живом созерцании индивидуум всегда активен; «пассивное созерцание», якобы позволяющее сразу увидеть вещи такими, каковы они суть на самом деле, принадлежит к разряду фантазий старой философии. В реальном, живом созерцании вещи всегда даны под углом зрения наличной практики.

Это, конечно, вовсе не значит, что в теоретическом мышлении вещи должны выступать вне всякой связи с практикой, должны постигаться «чисто незаинтересованно», как то изображали материалисты до Маркса. Как раз наоборот. Разница заключается в том, что абстракции теоретического мышления связаны с практикой не столь непосредственно, как абстракции живого созерцания, но зато гораздо шире и глубже.

Эмпирические абстракции, возникающие в голове практически действующего члена буржуазного общества, подвергаются Марксом критике с точки зрения той же практики. Однако практика сама берется здесь во всем ее действительном объеме и, что еще важнее, в перспективе.

Принцип критического преодоления эмпирических абстракций буржуазного сознания у Маркса таков: он исходит из того, что если стоять на точке зрения созерцания индивида буржуазного общества, то вещи действительно будут выглядеть именно так, как они ему кажутся. Следовательно, критика абстракций эмпирического сознания индивида должна начинаться с критики той точки зрения, той позиции, с которой он рассматривает вещи, с разоблачения узости этого угла зрения.

Более широкий угол зрения, позволяющий охватить явления во всем их действительном содержании, совпадает у Маркса с точкой зрения практики, взятой в ее необходимой перспективе, прочерченной мысленно в будущее. Прорывая узкий горизонт наличной (буржуазной) практики, теоретический взгляд на вещи порывает не с практикой (как то казалось тому же Фейербаху), а только с данной, исторически преходящей ее формой. Тем самым теоретический взгляд на вещи совпадает с практикой в ее действительном значении, в ее революционном и революционизирующем значении, а потому и с точкой зрения класса, такую практику осуществляющего.

С таким пониманием отношения абстракций к практике и связана гносеология Маркса. Точка зрения практики, указывал Ленин, является исходной точкой зрения теории познания. Не надо только забывать, что здесь имеется в виду действительная точка зрения революционной практики, взятой во всем ее объеме и перспективе, и ни в коем случае не узкопрагматическая точка зрения, как это клеветнически изображают некоторые ревизионисты, повторяющие сплетни буржуазных идеологов.

С этим и связано учение Маркса и Ленина о понятии, и в частности то положение, что простое соответствие непосредственно наблюдаемым «общим признакам» явления еще не есть критерий истинности понятия. В результате же практического изменения может оказаться, что те признаки вещи, которые наблюдались как постоянно повторяющиеся, как общие, вовсе исчезнут, а то, что выступало в явлении, открытом созерцанию, как исключение из правила, как раз и окажется выражением сущности вещи.

Чтобы проверить, правильно или неправильно наше представление о том, как обстоят дела вне нашего сознания (т.е. соответствует ли наше представление вещи), достаточно внимательно рассмотреть вещь, сравнить представление с фактическим положением дел, с общим в фактах. Но для того чтобы определить, принадлежит это общее вещам с *необходимостью*, заложенной в их *конкретной* природе, или не принадлежит, требуется иной критерий. Этим критерием является не пассивное созерцание (пусть самое тщательное и внимательное), а практика, активно изменяющая вещь.

Истинность понятия доказывается не путем сравнения его определений с эмпирически-общими признаками фактов, а более сложным и опосредованным путем, включающим в себя практическое преобразование эмпирической действительности. Окончательной инстанцией проверки понятия оказывается практика. Соответствие понятия предмету доказывается в полной мере лишь тогда, когда человеку удастся найти, воспроизвести или создать предмет, соответствующий тому понятию, которое он образовал.

Поскольку же понятие выражает сущность вещи, а не то абстрактно-общее, которое открыто созерцанию и представлению, постольку понятие и нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть ссылкой на то, что все единичные факты, данные созерцанию, обладают или не обладают в данный момент такими-то и такими-то признаками. Маркс ни одну другую манеру теоретизировать не третировал так

презрительно, как манеру вульгарных экономистов, полагающих, что они опровергают теорию, когда им удастся показать, что вещи в явлении выглядят иначе, чем в сущности, выражаемой понятием. «Вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он раскрытию внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях вещи иначе выглядят. И выходит, что он гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное. К чему же тогда вообще наука?»¹

Сущность вещи, выражаемая в ее понятии, заключается в конкретной системе взаимодействия ее с другими вещами, в той системе объективных условий, внутри которых и посредством которых она есть «то, что она есть». Каждая единичная, отдельно взятая вещь включает в своем составе свою собственную сущность не в виде актуально данного общего признака, а потенциально, только как элемент некоторой конкретной системы взаимодействующих вещей. Как непосредственно наблюдаемое общее эта сущность в ней реально (а потому и в созерцании) не осуществляется, а если и осуществляется, то, во всяком случае, не сразу, а только в процессе ее движения, изменения, развития.

Важность этого обстоятельства можно ярко проиллюстрировать на истории понятия пролетариата, этой важнейшей категории марксистско-ленинской теории.

Когда Маркс и Энгельс выработали понятие пролетариата как самого революционного класса буржуазного общества, как могильщика капитализма, это понятие принципиально невозможно было получить в качестве абстрактно-общего каждому отдельному пролетарию и каждому особенному слою пролетариата отвлеченного признака. Такая формальная абстракция, которую в середине XIX в. можно было бы при желании отвлечь путем сравнения всех отдельных представителей пролетариата, путем того абстрагирования, которое рекомендует недиалектическая логика, характеризовала бы пролетариат как наиболее угнетенный, задавленный нуждой и нищетой пассивно страдающий класс, способный, в лучшем случае, лишь на отчаянный голодный бунт.

Такое «понятие» пролетариата можно встретить в бесчисленных исследованиях того времени, в филантропических писаниях совре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М.: Госполитиздат, 1948. С. 161.

менников Маркса и Энгельса и в трудах социалистов-утопистов. Эмпирически-общее в этой абстракции было схвачено и отражено совершенно точно. Но *теоретическое* выражение этой эмпирии, понимание того, чем является пролетариат как «класс в себе», по своей внутренней природе, выражаемой понятием, и чем он еще не был «для себя», т.е. в эмпирической реальности, непосредственно отражаемой представлением, простой эмпирической абстракцией, было добыто лишь Марксом и Энгельсом.

Этот вывод, это понятие, выражающее действительную объективную природу пролетариата как класса, было добыто на пути исследования всей совокупности условий, внутри которых пролетариат с неизбежностью формируется как самый революционный класс, призванный разрушить до основания всю эту породившую его систему общественных условий. Понятие пролетариата, в противоположность эмпирически-общему представлению о нем, здесь было не формальной абстракцией, а теоретическим выражением объективных условий его развития и содержало в себе понимание его объективной роли, притом в тенденции ее развития.

Истинность понятия пролетариата, разработанного Марксом и Энгельсом, не могла быть доказана путем сравнения его с эмпирически-общим каждому пролетарию признаком. Последний явно свидетельствовал в пользу абстракции филантропов и утопистов. Истинность этого понятия была, как известно, доказана реальным процессом превращения пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя». Пролетариат в полном смысле слова развивался и развивался в направлении к соответствию «со своим собственным понятием», с тем понятием, которое было разработано классиками марксизма на основе анализа объективных условий его формирования, всей конкретной совокупности общественных условий его бытия как пролетариата. Из рассеянной по всей стране и разъединенной конкуренцией массы угнетенных и забытых тружеников он превращается в монолитный класс, сознающий свою всемирно-историческую миссию – революционное уничтожение частной собственности, упразднение классовой формы разделения труда вообще.

И та же практика опровергла «правильное представление», совершенно точно отражавшее непосредственно эмпирически-общее каждому пролетарию, взятому порознь, свойство. Необходимо особо подчеркнуть, что учет этого принципиальнейшего требования материалистической диалектики должен лежать в основе выработки всех научных понятий о развитии общества.

Именно игнорирование (или сознательное извращение) точки зрения практики как исходного пункта теории служит в эпоху империализма базой ревизионистских и оппортунистических течений, наносящих немалый вред международному рабочему движению.

Вся предательская политика «правых социалистов» имела и имеет в своей основе упрямое нежелание считаться с ходом всемирно-исторического развития революционной практики трудящихся всего мира.

Еще до Октябрьской революции 1917 года, положившей начало практическому преобразованию мира на принципах научного коммунизма, родоначальник «правого социализма» К. Каутский стал сворачивать с пути революционного марксизма на путь лакейского приспособления к силам мирового империализма. Начал он с малого – с допущения абстрактной гипотезы насчет «ультраимпериализма». Здесь в полной мере и сказалась вся дальновидность Ленина, поставившего абсолютно точный диагноз этой опасной болезни в международном рабочем движении. Абстрактно-теоретическое построение Каутского исходило, на первый взгляд, из самых «марксистских» положений. Капитализм XX века, рассуждал Каутский, развивается по пути объединения всех магнатов капитала в единственный сверхтрест. В этом империалистическом сверхтресте, по мнению Каутского, должна погаснуть борьба и конкуренция государственно-обособленных капиталов. Мировая система империализма в итоге-де и превратится в единое обобществленное хозяйство, которое останется только формально «национализировать», чтобы оно превратилось в социализм. Не нужно будет ни революции, ни диктатуры пролетариата, а только формально-юридическая санкция, лишаящая последнего собственника его частной собственности в пользу всего общества.

Отсюда вытекала и политика, которую Каутский уже тогда начал рекомендовать международному рабочему движению: подождать, пока империализм сам, своими силами «обобществит» мировое хозяйство, не мешать ему в этом, а даже помогать. Этот принцип с тех пор и остается высшим принципом «правого социализма». К чему это привело и приводит на практике – слишком хорошо известно. Политика правых социалистов помогла Гитлеру в 1932 году, ныне же помогает империалистической реакции в ее борьбе против лагеря мира и социализма. Тем более важно понять, какие пути могут приводить к такому финалу. Ленин безошибочно указал на самый глу-

бокий корень всей этой вредоносной теории и политики: отрыв теоретической мысли от реального развития революционно-пролетарской практики, абстрактность рассуждения. Абстрактно рассуждая, указывал Ленин, вполне можно помыслить ультраимпериалистическую фазу в развитии мирового капитализма. «Абстрактно мыслить подобную фазу можно. Только на практике это значит становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтаний о будущих неострых задачах. В теории это значит не опираться на идущее в действительности развитие, а произвольно *отрываться* от него во имя этих мечтаний»².

Конечно, если бы дело ограничилось только «мечтаниями», то на это можно было бы и не обращать внимания. Дело, однако, в том, что мечтания в области политики неизбежно становятся практически-политической платформой.

Теория, в силу ее природы и огромной роли в общественной жизни, ни при каких условиях не может вообще оторваться от практики. Она может отстраниться только от той или другой формы практики. Но в этом случае ее незамедлительно использует другая практика. Теория слишком ценная вещь, чтобы долго оставаться без хозяина. А таким хозяином может быть только тот или иной класс. И если теоретик не связывает ход своих рассуждений с практикой сил пролетариата, если он сознательно не ставит теорию на службу практической деятельности мирового революционного пролетариата — его «мечтания» очень скоро делаются предметом корыстного внимания противоположной реальной силы современного мира, практиков и идеологов империализма и реакции. Это объективный закон, не зависящий от воли и сознания теоретика, самые благие намерения его не спасут и не оправдают.

Продолжая критический анализ абстракций К. Каутского, В.И. Ленин делает вывод, который впоследствии подтвердился с буквальной точностью в ходе событий и подтвердился именно потому, что мысль Ленина высшим критерием правильности теоретических построений всегда имела реальную революционно-преобразующую мир практику миллионов трудящихся.

«Не подлежит сомнению, что развитие [развитие капитализма в двадцатом веке. — Э.И.] идет в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения

² Ленин В.И. Соч. Т. 22. С. 94.

предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, – отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., – что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до “ультраимпериалистского” всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность”³.

Что отличает теоретическую мысль Ленина от абстрактных рассуждений Каутского? В первую очередь, ее конкретность. А это значит прежде всего следующее. Каутский в своих «теоретических» построениях учитывает практику империализма, его сил и представителей, и рассуждает о путях, по которым она направляется. При этом он совсем забыл о такой «мелочи», как практическая деятельность и борьба угнетаемых при этом трудящихся масс. Ее-то он и сбросил со счетов в своих построениях и прогнозах.

Ленин, не отрицая того факта, что империализм развивается именно в том направлении, о котором рассуждает Каутский, что в развитии современного капитализма действительно присутствует такая абстрактная возможность, как империалистический путь «обобществления» мировой экономики, решительно выдвигает против этой абстрактной схемы основной принцип революционного марксизма – точку зрения революционной практики трудящихся классов. В данном случае ясно видно, что эта и только эта точка зрения органически совпадает с конкретной точкой зрения на процесс капиталистического развития в эпоху империализма. Ясно видно и следующее: абстрактная точка зрения Каутского с неизбежностью ведет к отказу от диалектики. Во имя своей абстрактно-теоретической схемы он отворачивает взор от факта обострения классовой борьбы. Но ведь обострение классового антагонизма и есть та самая форма, в которую выливается «обобществление» мировой экономики. У Каутского это «обобществление» начинает выглядеть как чисто эволюционный процесс примирения классовых противоречий. Иными словами, вместо материалистической диалектики марксизма подсовывается типично гегелевская идея «примирения противоположностей» во имя «высших», «общечеловеческих», «надклассовых» целей.

³ Там же. С. 94–95.

В итоге абстрактная схема Каутского ведет к глубоко ложной в смысле теоретического содержания концепции, к прямой апологии империализма, к враждебной позиции по отношению к реальному социализму, к открытому ренегатству. Абстрактно-схоластическое, неревolutionционное понимание теории марксизма явилось здесь мостиком, по которому Каутский неизбежно пришел к полной измене марксизму и в теории, и в политике.

Совсем иное – ленинский конкретно-теоретический анализ той же самой проблемы. Его исходный принцип – точка зрения революционной практики трудящихся классов, масс. С точки зрения этого принципа сразу же становится очевидной реальная, конкретная диалектика действительного процесса во всей ее противоречивости и напряженности. С этим связано и то обстоятельство, что теоретический прогноз Ленина оправдался с буквальной точностью уже два года спустя: в 1917 г. мировой империализм «лопнул» в самом слабом звене, а вся дальнейшая история стала совершаться как история разрушения все новых и новых звеньев мировой системы империализма.

При этом диалектика истории такова, что на месте ослабевших звеньев империалистической системы возникают и день ото дня крепнут «звенья» новой экономической и политической системы – звенья содружества стран социализма. Именно так и перерождается современный мир – в точном согласии с конкретно-теоретическим прогнозом великого мастера диалектики Ленина.

В этом и заключается главный урок для марксистски мыслящих теоретиков, стремящихся научно и по-партийному раскрывать законы общественного развития и создавать конкретные теоретические понятия о нем.

Глава третья

ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

К постановке вопроса

Анализируя проблему метода политической экономии, Маркс выдвигает ряд положений, имеющих огромное общепhilosophическое значение. К их числу принадлежит известное положение о «восхождении от абстрактного к конкретному» как о том единственно возможном и правильном пути, на котором мышление только и может разрешить специфическую задачу теоретического познания окружающего мира.

Конкретное, в понимании Маркса, есть «единство многообразного». «В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и вследствие этого также исходный пункт созерцания и представления...

Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим¹ образом — образом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира»².

Метод восхождения от абстрактного к конкретному, при котором «абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления», Маркс и определяет как метод «правильный в научном отношении». Этот метод, согласно Марксу, и есть тот специфический «способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное». Только этот метод и позволяет теоретику разрешить его спе-

¹ В оригинале буквально «единственно возможным для нее (ihm einzig möglichen)». См.: *Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)*. S. 22.

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XII. С. 727–728.*

циальную задачу, задачу переработки данных созерцания и представления в понятия.

В силу особой важности этих положений для понимания метода «Капитала» следует остановиться на них подробнее, тем более что они не раз уже становились предметом фальсификации и экономических, и философских идей Маркса буржуазными философами и ревизионистами.

Прежде всего следует напомнить, что под конкретным Маркс ни в коем случае не имеет в виду лишь образ живого созерцания, чувственно-наглядную форму отражения предмета в сознании, а под абстрактным – лишь «умственное отвлечение». Если прочитать приведенные положения Маркса, оставаясь при подобном, характерном для узкого эмпиризма и неокантианства, представлении об абстрактном и конкретном, то получится явная нелепость, никак не вяжущаяся с теорией отражения. Получится иллюзия, будто бы Маркс рекомендует восходить от умственного отвлечения, как от чего-то непосредственно данного, к образу живого созерцания, как к чему-то вторичному и производному от мысли.

Поэтому-то, читая Маркса, и следует позаботиться прежде всего о том, чтобы этому чтению не мешали представления, некритически заимствованные из домарксистских и неокантианских трактатов по гносеологии.

С точки же зрения тех определений, которые дает абстрактному и конкретному сам Маркс, приведенные положения как раз и характеризуют диалектику перехода от живого созерцания к абстрактному мышлению, от созерцания и представления – к понятию, от конкретного, как оно дано созерцанию и представлению, – к конкретному, как оно выступает в теоретическом мышлении.

Маркс – прежде всего материалист. Иными словами, он исходит из того, что все те абстракции, с помощью которых, путем синтеза которых теоретик мысленно реконструирует мир, представляют собой мысленные копии отдельных, выявленных путем анализа моментов самой предметной действительности. Иными словами, предполагается, как нечто само собой разумеющееся, тот факт, что каждое порознь взятое абстрактное определение есть продукт обобщения и анализа непосредственных данных созерцания. И в этом смысле (но только в этом) оно – продукт «сведения» конкретного в действительности к его абстрактно-сокращенному выражению в сознании.

Относительно тех определений, которыми пользовалась домарксистская политическая экономия, Маркс говорит, что все они – про-

дукты движения от конкретного, данного в представлении, к все более и более тощим абстракциям. Поэтому, обрисовывая исторический путь, пройденный политической экономией, Маркс и характеризует его как путь, начинающийся от реального и конкретного и ведущий сначала к «тощим абстракциям», и уже только затем, от этих «тощих абстракций», к системе, к синтезу, к сочетанию абстракций в составе теории.

«Сведение» конкретной полноты действительности к ее сокращенному (абстрактному) выражению в сознании есть, как само собой понятно, предпосылка и условие, без которого никакое специально-теоретическое исследование не может ни протекать, ни даже вообще начаться. Более того, такое сведение есть не только «предпосылка», не только доисторическое условие теоретического освоения мира, но и органический момент самого процесса построения системы научных определений, т.е. синтезирующей деятельности ума.

Само собой понятно, что те определения, которые теоретик сводит в систему, вовсе не берутся им готовыми из предшествующей стадии (или «ступени») познания. Его задача вовсе не ограничивается чисто формальным объединением готовых «тощих абстракций» по известным правилам такого объединения. Сводя готовые, ранее полученные абстракции в систему, теоретик всегда критически анализирует их, вновь проверяет их на фактах и тем самым как бы заново проделывает процесс восхождения от конкретного в действительности – к абстрактному в мышлении. Так что это восхождение есть не только и не столько «предпосылка» построения системы науки, сколько органический момент самого этого построения.

Отдельные абстрактные определения, синтез которых и дает «конкретное в мышлении», в ходе самого же восхождения от абстрактного к конкретному и образуются. Таким образом теоретический процесс, ведущий к достижению конкретного знания, всегда, в каждом своем отдельном звене, как и в целом, есть в то же время и процесс сведения конкретного к абстрактному.

Иными словами, можно сказать, что восхождение от конкретного к абстрактному, с одной стороны, и восхождение от абстрактного к конкретному – с другой, суть две взаимно предполагающие формы процесса теоретического освоения мира, процесса «абстрактного мышления». Каждая из них осуществляется только через свою противоположность и в единстве с нею. Восхождение от абстрактного к конкретному без своей противоположности, без восхождения от

конкретного к абстрактному, превратилось бы в чисто схоластическое связывание готовых, некритически заимствованных откуда-либо тощих абстракций. И наоборот, сведение конкретного к абстрактному, производимое наобум, на авось, без ясно осознанной общей идеи исследования, без гипотезы, также не может дать и не даст теории. Оно даст только бессвязную грудку тощих абстракций.

Но почему же все-таки Маркс, учитывая все это, определяет именно «способ восхождения от абстрактного к конкретному» как единственно возможный и правильный в научном отношении способ теоретического освоения (отражения) мира? Дело в том, что диалектика (в отличие от эклектики) рассуждает не по принципу «с одной стороны, с другой стороны», а всегда, в любом случае указывает определяющую, доминирующую сторону, тот момент в единстве противоположностей, который в данном случае оказывается ведущим, определяющим. Это – аксиома диалектики.

Для процесса теоретического освоения (в отличие от простого эмпирического ознакомления с фактами) как раз специфичным и характерным является то обстоятельство, что каждое порознь взятое «отвлечение» образуется в русле общего движения исследования, в процессе движения к все более и более полному, всестороннему, т.е. конкретному, пониманию предмета. Каждое отдельное обобщение (формула которого – «от конкретного к абстрактному») имеет здесь смысл лишь при том условии, что оно есть шаг на пути к конкретному постижению действительности, на пути движения, восхождения от абстрактного отражения предмета в мышлении – к все более и более конкретному его выражению в понятии.

Если же отдельный акт обобщения не есть одновременно шаг вперед в развитии теории, шаг на пути от уже достигнутого знания – к новому, более полному, если он не продвигает вперед всю теорию в целом, не пополняет ее новым общим определением (а просто повторяет то, что уже и до этого было известно), то, с точки зрения развития теории, он оказывается просто бессмысленным.

Иными словами, «конкретное» (т.е. постоянное движение к все более конкретному теоретическому пониманию) выступает здесь как специфическая цель теоретического мышления. В качестве такой цели «конкретное» и определяет как закон способ действий теоретика (речь идет об умственных действиях, разумеется) в каждом частном случае, в случае отдельного обобщения.

«Абстрактное» же оказывается с этой точки зрения не целью, а всего лишь *средством* теоретического процесса, а каждый отдель-

ный акт обобщения (т.е. сведения конкретного к абстрактному) выступает как подчиненный, как «исчезающий» момент в общем движении. «Исчезающий момент» на языке диалектики значит момент, имеющий значение не сам по себе, в оторванности от других моментов, а только в связи с ними, в живом взаимодействии с ними, в переходе.

В этом и все дело. Именно потому, что Маркс – диалектик, он и не ограничивается простой констатацией факта, того факта, что в процессе теоретического мышления имеет место как движение от конкретного к абстрактному, так и движение от абстрактного к конкретному, а выделяет прежде всего ту форму движения мысли, которая в данном случае оказывается ведущей, доминирующей, определяющей вес и значение другой, противоположной. Форма «восхождения от абстрактного к конкретному» в процессе социально-теоретического исследования как раз такова. Она и является поэтому специфической формой теоретического мышления.

И это, конечно же, вовсе не значит, что в процессе мышления вовсе нет другой, противоположной формы. Это значит всего-навсего, что сведение конкретной полноты фактов к абстрактному выражению в сознании еще не есть ни специфическая, ни, тем более, определяющая форма теоретического отражения мира.

Человек ест для того, чтобы жить, а не живет для того, чтобы есть. Но только сумасшедший сделает отсюда вывод, что человек должен вовсе обходиться без пищи: столь же неумно обвинять этот афоризм в «принижении» роли еды.

Аналогично и здесь. Поглощение чувственно-конкретной полноты фактов в лоно абстракции может принять за главную и определяющую форму умственной деятельности теоретика только крайне несведущий в науке человек. В науке это только средство, необходимое для выполнения более серьезной задачи, той задачи, которая специфична для теоретического освоения мира и составляет подлинную цель деятельности теоретика. Воспроизведение конкретного в мышлении и есть та цель, которая определяет удельный вес и значение каждого отдельного акта обобщения.

Конечно, и конкретное в мышлении не есть самоцель, конечная цель. Теория в целом тоже лишь «исчезающий момент» в процессе реального практически-предметного обмена веществ между человеком и природой. От теории совершается переход к практике, и этот переход тоже можно квалифицировать как переход «от абстрактного к конкретному». Практика уже не имеет вне себя более

высокой цели, она сама полагает свои цели и выступает как самоцель. И именно поэтому в ходе разработки теории каждый отдельный шаг, каждое отдельное обобщение также постоянно соразмеряется с показаниями практики, проверяется ими, соотносится с ней как с высшей целью теоретической деятельности.

Поэтому Ленин, говоря о методе «Капитала», и отмечает одну из его характернейших черт: «Проверка фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа»³.

Постоянное соотнесение «каждого шага» анализа с направлением пути научного исследования в целом и, в конце концов, с практикой связано с самым существом марксовского понимания специфики теоретического освоения мира. Каждый отдельный шаг анализа, каждый отдельный акт сведения конкретного к абстрактному должен с самого начала иметь в виду то «целое», которое витает в представлении, в живом созерцании, и отражение которого есть высшая цель теоретической работы (разумеется, только до тех пор, пока речь идет о теоретической работе, до тех пор, пока человек относится к миру лишь теоретически).

В этом и заключается глубоко диалектический смысл положения Маркса о том, что именно «восхождение от абстрактного к конкретному» есть специфически присущая теоретическому процессу черта, есть единственно возможный, а потому и единственно правильный в научном отношении способ развития научных определений, способ переработки данных живого созерцания и представления в понятия.

Это и значит, что все действительно научные, а не вздорные, не пустые абстрактные определения возникают в человеческой голове вовсе не в результате бездумного, совершаемого на авось сведения конкретного к абстрактному, а только в результате систематического продвижения познания в русле общего закономерного процесса развития науки, в ходе конкретизации имеющегося знания, через его критическое преобразование.

И дело нельзя представлять так, что каждая наука должна, якобы, сначала пройти стадию односторонне-аналитического отношения к миру, стадию чисто индуктивного сведения конкретного к абстрактному, а уж затем, лишь после того, как эта работа будет полностью закончена, может приступать к «связыванию» полученных абстракций в систему, к «восхождению от абстрактного к конкретному».

³ Ленин В.И. Философские тетради. С. 216.

Когда Маркс ссылается на историю буржуазной политической экономии, на тот факт, что она при своем возникновении действительно шла по односторонне-аналитическому пути и лишь позднее встала на путь, «правильный в научном отношении», он, конечно, не хочет сказать этим, что и каждая современная наука должна следовать этому примеру, то есть сначала пройти чисто аналитическую стадию, а уж только затем браться за восхождение от абстрактного к конкретному.

Односторонне-аналитический метод, действительно характерный для первых шагов буржуазной политической экономии, вовсе не есть добродетель, которую можно было бы рекомендовать в качестве образца для подражания. В этом выразилась скорее исторически неизбежная ограниченность буржуазной политической экономии, обусловленная, в частности, и отсутствием разработанного диалектического метода мышления. Диалектическая логика отнюдь не рекомендует современной науке, чтобы та сначала производила чистый анализ, чистое сведение конкретного к абстрактному, а уже потом – столь же чистый синтез, чистое восхождение от абстрактного к конкретному. На подобном пути конкретное знание не получится, а если и получится, то лишь в результате таких же блужданий, какие имели место в развитии буржуазной политической экономии до Маркса.

Пример, приведенный Марксом, это скорее довод в пользу того положения, что наука ныне с самого начала должна вставать на путь, правильный в научном отношении, не повторяя блужданий семнадцатого века, должна с самого начала использовать не односторонне-аналитический метод, а диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, в котором анализ и синтез связаны органически. Это довод в пользу того, что наука должна с самого начала вырабатывать свои абстрактные определения с таким расчетом, чтобы каждое из них оказывалось одновременно шагом на пути поступательного продвижения к конкретной истине, к познанию действительности как единого связного целого, находящегося в развитии. Если буржуазная политическая экономия на первых порах поступала не так, то подражать ей в этом отнюдь не следует.

Наука, если это действительно наука, а не простое собрание фактов и сведений, должна с самого начала отражать свой предмет и развивать свои определения тем способом, который Маркс характеризовал как единственно возможный и правильный для науки, а не оставлять его «на закуску» для литературного изложения уже найденных результатов, как то советовали делать ревизионисты-

неокантианцы типа Кунова, Реннера и им подобных. Об этих попытках извратить существо мысли Маркса о методе восхождения от абстрактного к конкретному, изображавших этот метод лишь как литературную манеру изложения готовых, якобы чисто индуктивно полученных результатов, мы будем подробно говорить ниже.

Конечно, способ восхождения от абстрактного к конкретному отчетливее всего выступает в таких работах Маркса, в которых дается систематическое «изложение» теории: в «К критике политической экономии», в «Очерках критики политической экономии» («Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie») и в «Капитале». Однако это вовсе не свидетельствует о том, что «изложение» здесь принципиально иное по методу, нежели «исследование», и что способ, с помощью которого Маркс производил свои исследования, прямо противоположен тому способу, которым он излагает «результаты исследования».

Если бы это было так, то анализ «логики “Капитала”» ровно ничего не мог бы дать для понимания метода исследования, способа переработки данных созерцания и представления, примененного Марксом. «Капитал» в таком случае был бы поучителен только в смысле литературной манеры изложения готовых результатов и ни в коем случае не в смысле метода их получения. В таком случае «способ исследования» Маркса следовало бы реконструировать не на основе анализа «Капитала», а на основе рассмотрения черновиков, выписок, набросков и соображений, возникавших в голове Маркса в ходе непосредственного, первоначального ознакомления с экономическими фактами. В таком случае пришлось бы согласиться с пошлым утверждением автора одной из бесчисленных антимарксистских брошюр, с теологом И. Фетшером^{xxiii}, который вещает: «Метод, которому Маркс следует в “Капитале”, является в сущности тем же самым, что и метод любого “буржуазного” ученого. Диалектика служила Марксу, как он сам заявлял в послесловии ко второму изданию “Капитала”, только “способом изложения”. Этот способ, по-видимому, обладает известными преимуществами, но мы его рассматривать здесь не станем»⁴, — так как это не имеет отношения к проблеме метода познания...

Фетшер жульнически передергивает здесь известное указание Маркса на тот факт, что изложение теории в ее развитом виде не

⁴ Fetscher I. Der wissenschaftliche Anspruch des dialektischen Materialismus // Christen oder Bolschewisten. Stuttgart: Kröner, 1957, S. 89.

может не отличаться от хода всех тех поисков, которые к ней подвели; однако «формальное отличие» того от другого, о котором говорит Маркс, вовсе не касается существа метода мышления, способа переработки данных созерцания и представления в понятия. Этот способ анализа оставался одним и тем же – и именно диалектическим: и в ходе предварительной обработки данных, и в ходе их окончательной обработки, хотя, конечно, и совершенствовался по мере продвижения вперед – к созданию «Капитала».

Главное преимущество «способа изложения», имеющее отнюдь не литературно-стилистический характер, состоит как раз в том, что автор «Капитала» не излагает в догматически-дидактической манере готовые, неизвестно как полученные результаты, а проделывает на глазах читателя весь процесс получения этих результатов, весь приводящий к ним процесс исследования. «Читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему»⁵, – предупреждал Маркс уже в предисловии к работе «К критике политической экономии». Метод «изложения» и ведет читателя от понимания отдельных частных, от абстрактного к все более и более конкретному, развитому, общему, охватывающему взгляду на экономическую действительность, к общему как результату сочетания частных.

Разумеется, процесс исследования воспроизводится при этом не во всех тех подробностях и отклонениях, которые имели место на протяжении более чем двадцатипятилетних исследований, а только в тех главных и решающих пунктах, которые, как показало само же исследование, действительно продвигали мысль вперед, по пути к конкретному пониманию. При окончательной обработке фактов для печати Маркс уже не повторял тех многочисленных отступлений от главной темы исследования, которые неизбежны в работе любого ученого. В ходе реального исследования часто рассматриваются факты, не имеющие прямого отношения к делу: ведь только их анализ и может показать, относятся они к делу или нет. Кроме того, теоретику сплошь и рядом приходится вновь возвращаться к рассмотрению тех фактов, которые, казалось, уже однажды были исследованы исчерпывающим образом. Все это приводит к тому, что исследование здесь имеет не систематически-поступатель-

⁵ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 5.

ный характер, а очень сложно запутанную форму возвратно-поступательного движения, то и дело уклоняющегося в стороны.

Подобного рода моменты в окончательном изложении, естественно, не воспроизводятся. Зато благодаря этому процесс исследования выступает в своем подлинном, очищенном от случайностей и отклонений виде. Здесь он как бы «выпрямляется», приобретает характер систематически-поступательного движения, согласующегося с природой и движением самих фактов. Здесь мысль уже не переходит от анализа одного факта к анализу следующего, прежде чем действительно не исчерпала этот факт; в силу этого тут уже не приходится многократно возвращаться к одному и тому же, чтобы дodelывать недоделанное.

Таким образом, «способ изложения» материала в «Капитале» есть не что иное, как «исправленный» способ его *исследования*, причем исправленный не произвольно, а в строгом соответствии с теми требованиями и законами, которые диктует сам же процесс исследования. Иными словами, способ изложения в данном случае есть очищенный от всех побочных, затемняющих моментов способ исследования, или способ исследования, строго соответствующий объективным законам исследования. Это и есть способ исследования, представленный в чистом виде, в систематически проведенной форме, не заслоненный случайностями и отклонениями.

Те же «формальные отличия», о которых говорит Маркс в послесловии ко второму изданию «Капитала», касаются совсем иных обстоятельств, в частности того факта, что *лично Маркс* ознакомился с разными кругами товарно-капиталистического ада не в той последовательности, которая соответствует закону их собственного развития и изображена в «Капитале».

Способ восхождения от абстрактного к конкретному не соответствует тому порядку, в котором те или иные стороны исследуемого предмета по тем или иным причинам попадали в поле зрения как отдельного теоретика, так и науки в целом. Он ориентируется исключительно на ту последовательность, которая соответствует объективному взаимоотношению различных моментов в составе исследуемой конкретности («тотальности»). А эта подлинная последовательность, само собой понятно, осознается не сразу. Поэтому оправдание метода восхождения от абстрактного к конкретному и нельзя искать в фактах, касающихся научной биографии того или иного теоретика и даже исторического процесса развития науки в

целом. Наука в целом тоже добирается до своего подлинного исходного пункта лишь в результате долгих и трудных поисков.

Лично Маркс, например, пришел к анализу и к пониманию экономических отношений от исследования правовых и политических взаимоотношений между людьми. Сфера права и политики и оказалась для него «исходным пунктом» исследования структуры общественного организма. В «изложении» же теории исторического материализма Маркс требует исходить из понимания экономических, материальных отношений, и уже от них двигаться к пониманию права и политики.

Теоретики, подобные И. Фетшеру, могли бы на этом основании заявить, что тезис Маркса, согласно которому исходным пунктом понимания всех общественных явлений должна быть экономика, а не право или политика, относится лишь к особенностям «литературной манеры изложения» теории Маркса, а в «исследовании» Маркс и марксисты делали тоже самое, что и любой буржуазный ученый...

Дело, однако, заключается в том, что сфера права и политики, хотя она и была рассмотрена Марксом раньше, чем он вообще взялся за экономические исследования, все же была понята научно (материалистически) и правильно лишь после того, как он проанализировал, хотя бы в самых общих чертах, экономику.

То же самое справедливо и по отношению к политэкономическим взглядам Маркса. С законами движения денег, прибыли и ренты Маркс познакомился гораздо раньше, чем ему удалось понять подлинную, двойственную природу товара и труда, производящего этот товар. Однако до тех пор, пока он не понял действительную природу стоимости, его понимание и денег, и ренты оставалось неправильным. Еще в «Нищете философии» он разделяет иллюзии рикардианской теории денег и ренты. И только ясное понимание природы стоимости, достигнутое в пятидесятые годы, выставило в подлинном свете и деньги, и ренту. До этого деньги принципиально невозможно было понять.

В начале пятидесятых годов Маркс затратил много времени на то, чтобы понять запутанные коллизии денежного обращения в эпоху кризиса и «процветания». И именно эти попытки привели его к выводу, что понять законы денежного обращения нельзя, предвзвешенно не разработав во всех деталях понятия стоимости. И только разработав понятие стоимости, он убедился, что разделял до этого ряд иллюзий Рикардо.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному, как способ исследования фактов, поэтому и нельзя оправдывать ссылкой на тот порядок, в котором исторически протекал процесс изучения материала. Он выражает ту последовательность, в которой откристаллизовывается в сознании теоретика объективно-правильное, соответствующее предмету понимание, а не ту последовательность, в которой те или иные стороны действительности по тем или иным причинам привлекают к себе внимание теоретиков и попадают в поле зрения науки.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному выражает тот внутренний закон развития научного понимания, который в ходе исторического развития прокладывает себе дорогу через массу случайностей, отклонений, зачастую окольными путями, неизвестными для самих теоретиков. Поэтому-то на поверхности научного развития (т.е. в сознании самих теоретиков) его не так-то легко обнаружить. В сознании теоретиков этот закон долгое время может и не выступать вовсе, а может проявляться в такой форме, что его и не узнаешь. Отдельный представитель науки, как указывал Маркс, очень часто обладает совершенно ложным представлением о том, что и как он на самом деле делает. В силу этого о мыслителе и нельзя судить по тому, что он сам о себе думает. Гораздо важнее (и труднее) выявить объективное, предметное значение его взглядов и их роль в процессе развития науки в целом.

Поэтому *подлинный смысл* фактов научной биографии, *подлинная* последовательность развития научных определений и не может быть обнаружена на пути чисто биографического исследования. Зачастую действительный прогресс научного знания (т.е. систематическое продвижение мысли к конкретной истине) существенно расходится с простой хронологической последовательностью. На тот факт, что при анализе логики развития знания «хронология насчет лиц» необязательна, что она не всегда соответствует действительному порядку углубления мысли в предмет, указывал и В.И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике».

Учитывая все это, и можно сделать вывод, что все характерные черты метода исследования Маркса выступают с наибольшей отчетливостью и чистотой именно в «Капитале», а вовсе не в черновых набросках, не в выписках и соображениях, непосредственно возникших в его голове в ходе ознакомления с экономическими фактами. Здесь как раз и обнажается подлинная последовательность развития научных определений, которая в ходе предварительного изу-

чения материала проступала лишь постепенно и не всегда ясно осознавалась даже самим Марксом. Для Маркса чрезвычайно характерной чертой всегда была трезвая самокритичность: он не раз решительно исправлял «задним числом» ошибки и упущения, сделанные на предварительной стадии изучения. Различить зерна объективной истины от той формы, в которой они первоначально выступили в сознании, можно с объективной строгостью вообще лишь задним числом – намеки на высшее могут быть правильно поняты лишь тогда, когда это высшее уже известно.

Таким образом, если пытаться реконструировать способ исследования Маркса не по «Капиталу», а по массе черновых набросков и соображений, оставшихся в его архивах, то это только осложнило бы работу. Все равно, чтобы понять их правильно, пришлось бы предварительно проанализировать «Капитал». Иначе «намеки на высшее» в них просто не рассмотришь. К тому же совершенно непонятно, почему при таком исследовании следовало бы предпочесть раннюю, предварительную форму выражения мысли – позднейшей, более отточенной и зрелой форме ее выражения. Это привело бы только к тому, что эта ранняя форма выражения была бы принята за идеальную, а позднейшая – за ее искаженный вариант. Формулировки и метод их развития в «Капитале» действительно пришлось бы отнести на счет «литературной манеры изложения», за счет ее усовершенствования, а не на счет углубления мысли, понимания, и метода исследования.

(Этот неуклюжий прием, кстати, весьма усердно используется современными ревизионистами, заявляющими, что «истинный марксизм» следует искать в рукописях молодого Маркса, а не в его зрелых трудах. «Капитал» в итоге изображается как «испорченная форма выражения» концепции так называемого «реального гуманизма», развитой-де Марксом и Энгельсом в 1843–1841 гг.)

Именно поэтому В.И. Ленин и указывал, что при разработке «Большой Логике» марксизма следует иметь в виду прежде всего «Капитал» и что «метод изложения», примененный Марксом в «Капитале», должен послужить образцом диалектического осмысления действительности и образцом изучения и разработки диалектики вообще. На основе этих предварительных соображений можно перейти к более детальному рассмотрению способа восхождения от абстрактного к конкретному, как правильного в научном отношении способа образования научных определений, как способа теоретической переработки данных живого созерцания и представления.

Напомним только в этой связи еще раз, что под данными созерцания и представления здесь имеется в виду отнюдь не только то, что индивид лично созерцает и представляет себе в виде чувственно-наглядного образа. Такое толкование, характерное для домарксистской философии, для антропологического представления о субъекте познания, совершенно ложно, крайне узко. Под данными созерцания и представления Маркс имел в виду всегда всю массу общественно-накопленного эмпирического опыта, всю колоссальную массу эмпирических данных, известных теоретику из книг, из сводок, из статистических таблиц, газет и свидетельств. Но в кладовой общественной памяти все эти эмпирические данные хранятся, как само собой понятно, в уже сокращенном, в сведенном к абстрактному выражению виде. Они уже выражены в речи, в терминологии, в цифрах, в таблицах и тому подобных «абстрактных» формах. Специфическая задача теоретика, который из всей этой информации о действительности исходит, заключается, конечно, не в том, чтобы придать этому «абстрактному» выражению еще более абстрактную форму. Напротив, его работа всегда начинается с критического анализа и переосмысливания абстракций эмпирической степени познания, с критического преодоления этих абстракций, и движется вперед через критику односторонности и субъективности этих абстракций, через разоблачение заключенных в них иллюзий, с точки зрения действительности в целом, в ее конкретности. В этом смысле (но и только в этом) переход от эмпирической стадии познания к рациональной также выглядит как переход «от абстрактного к конкретному».

Конечно, с известной точки зрения, восхождение от познания простой товарной формы к пониманию таких развитых форм буржуазного «богатства», как процент, выглядит и как движение от «конкретного» к *абстрактным* формам его обнаружения на поверхности явлений. Процент, например, выражает на своем безлично-количественном языке сложнейшие глубинные процессы капиталистического производства. В проценте прибавочная стоимость обретает крайне «абстрактную» форму своего обнаружения, проявления. И эта абстрактно-количественная форма объясняется только из ее конкретного содержания. Но это также говорит о том, что любой абстрактный момент действительности находит свое подлинное объяснение только в конкретной системе породивших его условий и только через нее может быть правильно понят. Тем самым и процент оказывается понятым *конкретно* (научно) лишь в итоге, лишь

в результате, в то время как на поверхности явлений он выступает как весьма «абстрактная» форма.

Все это также следует учитывать.

В связи с тем, что Маркс сформулировал свои идеи относительно метода восхождения от абстрактного к конкретному в ходе прямой полемики с его гегелевской интерпретацией, целесообразно кратко критически осветить эту последнюю. По контрасту с ней особенно рельефно и наглядно выступит материалистический характер метода Маркса.

Гегелевское понимание конкретного

Гегель, как известно, был первым, кто понял процесс развития знания как исторический процесс, подчиненный независимым от воли и сознания людей законам. В качестве закона, управляющего всеобщим ходом развития знаний, он обнаружил закон «восхождения от абстрактного к конкретному».

Прежде всего этот закон обнаруживается им в качестве простого эмпирически констатируемого факта — факта прогрессирующего развития духовной культуры человечества. Бесспорно верно, что духовная культура, духовный мир человека постепенно становится все богаче, все сложнее и многообразнее и в этом смысле — конкретнее. При этом духовный мир человека остается, несмотря на всю его сложность, единым миром, который управляется одними и теми же законами и представляет собой, таким образом, подлинное единство во многообразии.

Движение от абстрактного к конкретному выступает у Гегеля прежде всего как та эмпирически бесспорная естественная форма, в которой совершается процесс построения «царства духа». Естественно, что вначале это «царство» (сфера человеческой культуры) несложно, бедно сложившимися формами, т.е. крайне абстрактно, а с течением времени становится все сложнее, богаче, разнообразное — конкретнее.

В этом, как нетрудно понять, нет пока еще ничего ни диалектического, ни идеалистического.

Идеализм, но одновременно и специфически-гегелевская диалектика, начинается дальше, там, где Гегель ставит вопрос о движущих пружинах развития «царства духа», сферы сознания. Специфической особенностью гегелевской философии является то, что идея развития в полной мере применяется лишь к явлениям сознания.

Природа, вне и независимо от духа существующая, по его мнению, не развивается. Она противостоит сознанию как от века и навеки одинаковая, застывшая во времени картина. В активном рассмотрении этой неподвижной картины, этого царства вещей, вечно стоящих в одних и тех же отношениях друг к другу, сознание и осуществляет свою беспокойную деятельную природу. Сама деятельность осознания как таковая и заключает внутри себя движущую пружину своего собственного развития.

Дух выступает как единственная конкретность, т.е. как единственная развившаяся и продолжающая развиваться система живых взаимодействующих и взаимопереходящих друг в друга явлений. Природе эта особенность, по его мнению, совершенно не свойственна. Природа для него насквозь абстрактна, насквозь метафизична по самой своей сути: все ее явления находятся *рядом* друг с другом, *обособлены* друг от друга, «внеположны» друг другу. Она сама в себе, как выражается Гегель, распадается на свои абстрактные моменты, на обособленные, существующие *рядом* друг с другом и независимо друг от друга вещи, предметы, процессы. В природе, в лучшем случае, лишь смутно отражается, просвечивает подлинная диалектика.

Здесь ярко обнаруживается идеалистический характер гегелевской философии: метафизическую ограниченность современного ему естествознания, *знания о природе*, он прямо и непосредственно приписывает *самой природе*, притом в качестве *вечно* ее свойства.

Но там, где современное ему естествознание уже робко начало осознавать диалектику самих вещей, он тоже видит «намеки» на действительную конкретность, на живое диалектическое взаимодействие явлений. Так, он видит несовершенную форму конкретности в органической жизни. Здесь он обнаруживает живое взаимодействие, связывающее все члены животного организма в единую систему, внутри которой каждый отдельный член имеет смысл и существует лишь благодаря своему взаимодействию с другими, а вне этого взаимодействия вообще не может существовать. Отрезанная рука разлагается, перестает быть рукой даже по внешней форме. Отдельно, абстрактно, она существовать не может.

Здесь Гегель видит слабое подобие той конкретности, которую он считает исключительным достоянием духовного мира. А в царстве химизма, по его мнению, внутреннее взаимодействие еще слабее, хотя намеки на него тоже уже имеются. Здесь кислород, напри-

мер, может существовать и существует рядом с водородом, и не будучи обязательно связан с ним в воде. В организме такое отношение невозможно – рука не может существовать отдельно от головы, и голова и рука существуют только через свою взаимосвязь, только внутри этой взаимной связи и обусловленности. Частица, обладающая лишь механическими свойствами, остается тою же самой, ничуть не изменяется сама по себе от того, в какую именно механическую связь с другими такими же частицами она вступит. Обособленная, извлеченная из этой связи, т.е. абстрагированная, она по-прежнему останется той же самой и не испортится, не сгниет, как рука, абстрагированная от тела.

Гегелевская система природы и строится как система ступеней, начиная от абстрактной сферы механизма – до относительно конкретной сферы органической жизни. Всю пирамиду венчает «дух», как сфера, весь смысл которой заключен именно в *конкретности*, в абсолютной взаимообусловленности всех его явлений.

В чем ложность этого гегелевского построения?

Прежде всего в том, что он принимает исторически ограниченные представления естествознания своего времени, действительно не заключавшие еще в себе сознательной диалектики, за абсолютные характеристики самой природы.

Тот же факт, что природа в целом есть действительно развивающаяся единая система форм движения материи, взаимно обуславливающих друг друга, что именно природа в целом, включая человека, есть реальная, *объективная конкретность*, – этот факт Гегель мистифицирует в виде своей системы, внутри которой абстрактное, т.е. «механизм», есть обнаружение *духовной* конкретности.

Своей имманентной конкретности, т.е. реальной взаимообусловленности явлений внутри природного целого, он не признает ни за одной из форм движения, кроме движения мыслящего разума, кроме сферы понятия.

Подобным же образом Гегель рассматривает и сферу экономической жизни общества. Для него это сфера «нужды и рассудка», сфера, где взаимодействуют обособленные друг от друга единичные индивиды, каждый из которых вступает в связь с другим только потому, что ему нужно сохранить себя именно как единичного, как абстрактного индивида, как своеобразный общественный атом.

Здесь тоже нетрудно заметить, что Гегель метафизическую ограниченность современной ему политической экономии (он прекрасно знал английских теоретиков^{xxiv}) принимает за метафизический, за

абстрактно-рассудочный характер *самой экономической сферы*. В сфере экономической жизни, в сфере гражданского общества царствует и управляет *рассудок*, т.е., в гегелевской терминологии, абстрактно-односторонняя форма сознания.

Противоположности в этой сфере остаются непосредственными, непримиренными, они сталкиваются друг с другом, отталкивают друг друга и остаются теми же самыми метафизическими противоположностями. Поэтому внутри этой сферы невозможно действительное развитие. Здесь от века и навек воспроизводится одно и то же отношение, вечное отношение потребности к способам ее удовлетворения.

Поэтому единственно возможная форма перехода к высшему, в лоне которого все абстрактные крайности экономической сферы находят свое разрешение, — это переход к *правовой* действительности. Право и предстает как та высшая конкретность, которая в сфере экономической жизни *проявляется* раздробленной на свои абстрактные моменты.

Здесь видно, как логика Гегеля, его диалектическое, но вместе с тем идеалистическое по самому своему существу представление о конкретном и абстрактном служит целям апологетики существующего. Если в естествознании гегелевское представление увековечивает данный уровень знаний о природе, то в социологии оно поддерживает апологетическое отношение и к экономической форме собственности и к праву, эту собственность санкционирующему.

Отношение Гегеля к политической экономии стоит рассмотреть пристальнее. Это показательно вдвойне: с одной стороны, именно здесь и как раз в понимании конкретности четко проступает противоположность идеалистической диалектики Гегеля материалистической диалектике Маркса, а с другой стороны, не менее ярко проступает тот факт, что идеалистическая диалектика целиком оправдывает метафизический характер мышления классиков буржуазной экономики (Смита, Рикардо и др.) и притом тем, что отрицает подлинно диалектический характер самого предмета политической экономии, объявляя его сферой, в которой абстрактно-рассудочные определения полностью соответствуют характеру предмета.

Иными словами, *идеализм* диалектики Гегеля дает в итоге тот же самый результат, который у Смита, Рикардо и Сэя является следствием *метафизичности* их способа исследования.

Что в его подходе прежде всего бросается в глаза? Тот факт, что сфера экономической жизни для него не есть конкретная сфера, не есть система взаимодействия людей и вещей, исторически развившаяся и могущая быть понятой как действительно конкретная сфера.

Для него экономика является только одним из многих проявлений «конкретного духа», т.е. абстрактным обнаружением какой-то более высокой природы человека. И эта «более высокая» природа, односторонне проявляющаяся также и в виде экономической жизнедеятельности, есть не что иное, как *целесообразно действующая воля* – субстанция права и экономической жизни, политики и всего прочего. Целенаправленная (разумная) воля выступает как конкретная субстанция, абстрактно-односторонне проявляющаяся в своих порождениях, в своих модусах – в экономике, праве, политике и т.д. А раз взята такая исходная точка, раз всеобщей конкретной субстанцией всех форм общественной жизнедеятельности представлена целенаправленная разумная воля (или просто разум, ибо воля у Гегеля есть форма существования разума в человеке), то, естественно, он и в экономике усматривает только то, что может быть истолковано в качестве *проявления* разумной воли, в качестве одного из многих ее обнаружений, в качестве одностороннего (абстрактного) проявления разума и воли общественного индивида.

Поэтому все определения экономики, все категории экономической жизни – стоимость, прибыль, заработная плата и другие – предстают как абстрактные модусы разумной воли, как частные, как особые формы ее общественного бытия. В экономике разум выступает в такой форме, которая не соответствует его всеобщей природе, а соответствует *лишь одному*, *лишь одностороннему*, абстрактному ее обнаружению. Конкретная всеобщая воля создает адекватную своей природе форму только в виде права и государства. Государство и есть, по Гегелю, конкретная реальность всеобщей воли, обнимающая собой все частные, особенные, а потому абстрактные формы своего же обнаружения, в том числе и экономику, сферу «потребностей», «систему потребностей».

Внутри же экономики всеобщая конкретная субстанция всего человеческого – разумная воля – выступает крайне односторонне, выявляет себя крайне абстрактно. Сфера экономической жизнедеятельности людей и не есть поэтому *конкретная* система взаимодействия людей и вещей, возникающая и развивавшаяся *независимо от воли и сознания* индивидов. Она не может составить собой предмета особой науки, а может рассматриваться только в системе всеобщих

определений разумной воли, т.е. внутри философии духа, внутри философии государственного права. Здесь она и выступает как одна из особых сфер деятельности разума, как абстрактная форма разума, действующего в истории.

Теперь нетрудно усмотреть полярную противоположность точки зрения Маркса точке зрения Гегеля на экономику, на характер ее диалектической взаимосвязи со всеми остальными проявлениями общественной жизни, ее роли в составе общественного целого.

В данном пункте Маркс противостоит Гегелю прежде всего как *материалист*. Но самое интересное здесь заключается в том, что именно *материализм* дает ему возможность развить более глубокий взгляд и на диалектику предмета.

Для Маркса сфера экономического взаимодействия людей выступает как в полной мере *конкретная* сфера общественной жизни, обладающая своими специфическими *имманентными* законами движения. Иными словами, она предстает во всей ее относительной самостоятельности от всех других форм общественной жизнедеятельности людей и как раз поэтому выступает как предмет особой науки. При этом система экономического взаимодействия людей выступает как исторически возникшая и исторически развившаяся система, все стороны которой взаимно связаны друг с другом единством происхождения (генетически).

При этом важно подчеркнуть, что система экономических отношений выступает как система не только *относительно*, но и *абсолютно* самостоятельная и независимая от воли и сознания индивидов, хотя и складывается при активнейшем участии их воли и сознания. Сам характер этого участия сознательной воли в процессе складывания системы определен не со стороны «природы духа», не заранее и извне, а опять-таки самой же системой экономических отношений, внутри которой оказываются люди, наделенные волей и сознанием. Иными словами, сами воля и разум предстают здесь как модусы какой-то иной субстанции, как ее абстрактные проявления, как ее порождения. Все определения воли и сознания индивидов, втянутых в процесс развития экономической системы, буквально *выводятся* из характера внутреннего самодвижения системы в целом, понимаются как *продукты* движения этой системы.

Таким образом, с этой точки зрения все выглядит как раз наоборот, если сравнивать с гегелевской конструкцией, все поставлено с головы на ноги. И именно материализм выступает здесь как главная причина и условие того обстоятельства, что диалектика прове-

дена в понимании экономики в полной мере, гораздо шире и глубже, нежели это вообще возможно сделать с гегелевских позиций.

Для Гегеля категория конкретности применима только там и тогда, где и когда речь идет о сознательной воле и ее продуктах, лишь в сфере духа и его порождений.

С точки зрения Маркса, эта важнейшая категория диалектики применима в полной мере *везде, в любой сфере природного и общественного бытия*, независимой от какого бы то ни было духа, а уже на этой основе – и к явлениям жизни самого духа, т.е. к развитию любой сферы общественного сознания, в том числе и мышления, сферы логики.

Согласно гегелевской конструкции, в соответствии с ее идеалистической исходной точкой, ни одна форма движения в природе не может быть понята как *конкретная* форма, как исторически возникшая саморазвивающаяся система внутренне взаимодействующих явлений. Любая такая сфера лишь тогда приобретает какое-либо отношение к конкретности, когда она вовлекается в русло духовного процесса, когда ее удастся истолковать в качестве порождения духа, в качестве модуса духовной субстанции. Качество конкретности оказывается исключительным, монопольным достоянием саморазвивающегося духа, природа сама по себе (в том числе материальная сторона человеческого общественного бытия) конкретностью в своем существовании совершенно не обладает. Взаимосвязь, в глазах Гегеля, вообще возможна только чисто идеальная, лишь духом, лишь понятием положенная.

Поэтому категория конкретности, одна из центральных категорий диалектики, выхолащивается у него настолько, что ее уже невозможно применить в естественной науке или в материалистическом понимании общества. Короче говоря, категория конкретности, а следовательно, и диалектика вообще, которая немыслима без этой категории, оказывается неприменимой ни к чему, кроме сферы духа. Ко всему же остальному она применима лишь постольку, поскольку это остальное истолковывается чисто идеалистически, как одно из проявлений всеобщего духа, как одностороннее (абстрактное) обнаружение конкретного духа – «конкретной полноты и богатства» абсолютного духа, абсолютной идеи.

Эта идеалистическая ограниченность гегелевского понимания конкретности, узость этого понимания неразрывно связана с тем представлением, что природа есть нечто неразвивающееся, что развитие принадлежит лишь духу.

Конкретность и в самом деле неразрывно связана с развитием, притом с развитием диалектическим, с «саморазвитием через противоречия». Последнее Гегель видел только в сознании и нигде больше. Отсюда и узость его понимания конкретности, понимания, которое *во всей его узости* затем распространяется на всю область природы.

С этим связано и гегелевское толкование способа восхождения от абстрактного к конкретному. В его устах это значит, что вся реальность, включая и природу и историю, есть процесс «восхождения духа» к самому себе, процесс, проходящий ряд ступеней от «механизма», как сферы *чисто абстрактного обнаружения духовности*, к конкретному человеческому духу. Восходит же к самому себе дух *абсолютный*, нечеловеческий, божественный. Как таковой этот дух конкретен сам по себе и до того, как он односторонне, абстрактно обнаружил себя в виде «механизма», «химизма» и «организма».

Поэтому «чистая логика» в системе Гегеля и предпослана философскому рассмотрению природы. Природа же предстает как ряд ступеней, в которых конкретный логический дух все полнее и конкретнее обнаруживает себя вовне, в форме пространства и времени.

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному совпадает поэтому у Гегеля с процессом порождения мира логической идеей. Здесь, таким образом, закон духовного воссоздания мира силами и средствами мышления непосредственно выдается за закон создания этого мира творческой мощью понятия.

В основе этой гегелевской иллюзии, как показал Маркс, лежит просто-напросто односторонний взгляд философа-логика на действительность. Гегеля, как логика *ex professo* [по профессии], интересует везде и прежде всего «не логика дела, а дело логики»^{xxv}. А с этой точки зрения человек рассматривается только как субъект логически-теоретической деятельности, внешний же мир — только как объект, только как материал, который эта деятельность обрабатывает. В логике такая абстракция в известных границах правомерна, и пока логика не забывает про эти границы, ничего идеалистического в такой абстракции еще нет.

Однако Гегель своей постановкой вопроса упраздняет эти границы. Он рассматривает мышление не только и не просто как одну из способностей человека, но и как субстанциональный первоисточник всех остальных человеческих способностей и видов деятельности, как их сущностную первооснову. Способность практически изменять внешний мир, природу вне человека, он также толкует как про-

явление мыслящего начала в человеке. Реальный процесс практического изменения мира предстает в его философии как следствие и проявление чисто духовной, в конечном счете чисто логической деятельности, а вся материальная культура человечества – как продукт мышления, как «опредмеченное понятие», как «инобытие понятия».

Но ведь в действительности ближайшей основой развития мышления является не природа как таковая, а как раз изменение природы общественным человеком, практика^{xxvi}. Если же эта предметно-практическая основа мышления представлена как продукт мышления, как мышление в его предметном осуществлении, то получается, что мышление только по видимости имеет дело с предметностью, а на самом деле, в сущности, только с самим собой, со своим же собственным «инобытием». Логические определения, т.е. те определения, которыми внешний предметный мир обязан мышлению, начинают казаться абсолютными и единственно истинными определениями этого мира.

Точка зрения логики и превращается у Гегеля в абсолютную и всеобъемлющую точку зрения. Если сущность человека усмотрена в мышлении, а сущность предметной действительности – в том, что она продукт мышления, «отчужденное понятие», то и закон развития мышления выступает как закон развития реального мира. Поэтому-то «человек» и «мышление в понятиях» для Гегеля оказываются полными синонимами точно так же, как «мир» и «мир в понятии», «логически освоенный мир». Закон, на самом деле определяющий только деятельность теоретически мыслящей головы, превращается в верховный закон развития и практики человека и предметного мира.

Реальным предметом гегелевской логики на самом деле везде остается – вопреки его иллюзиям – только процесс теоретического освоения мира, процесс мысленной репродукции мира. Поскольку Гегель исследует этот предмет, он и приходит к действительным открытиям. Постольку же, поскольку он принимает этот предмет не за то, что он на самом деле есть, а за нечто большее – за процесс становления самого мира, постольку он встает на путь неправильного понимания не только мира, но и самого мышления. Он лишает себя всякой возможности понять самый процесс мышления. Раз действительные условия, рождающие логическую деятельность, изображены как ее же собственные продукты и последствия, то она просто повисает в воздухе, или, точнее, «в эфире чистого мышления». Становится совершенно необъяснимым самый факт возникновения

мышления и законы его развития. Оно лишается какого бы то ни было вне его лежащего основания. Это основание и усматривается в нем самом. Поэтому Гегель вынужден в итоге толковать логическую способность – способность различения и соединения понятий – как своего рода «дар божий», как деятельность саморазвивающегося «понятия», «в себя углубляющегося и из себя развивающегося». Необъяснимой остается и закономерность восхождения от абстрактного к конкретному, выявленная Гегелем в движении теоретического познания. На вопрос, почему же мышление движется так, а не как-нибудь иначе, гегелевская философия дает ответ по существу тавтологический: такова уж первозданная и несотворимая природа мышления. Тавтология перестает здесь быть только тавтологией и оборачивается идеалистической ложью.

В этот пункт и направляет свои критические удары Маркс, показывая, что объяснения здесь по существу нет никакого, а если отсутствие объяснения выдается за объяснение, то это и равнозначно идеализму.

Отсекая гегелевское представление о мышлении как о творце предметного мира, Маркс, однако, не отвергает того закона, который Гегель выявил в движении теоретического знания, хотя и дал ему ложное идеалистическое толкование. Реально, указывает Маркс, способ восхождения от абстрактного к конкретному есть не что иное, как лишь способ, с помощью которого человеческое мышление усваивает вне его и независимо от него существующую конкретную действительность. Как таковой этот способ предполагает, во-первых, существование неосмысленной конкретности, во-вторых, практически-предметную деятельность общественного человека, развивающуюся независимо от мышления, и в-третьих, непосредственно-чувственную форму отражения объективной конкретности в сознании, т.е. эмпирическое сознание, созерцание и представление, формирующееся опять-таки совершенно независимо и до специальной теоретической деятельности. Иными словами, теоретическому мышлению предпосылается существование не только предметного мира, но и другая форма сознания, непосредственно образующаяся в ходе чувственно-практической деятельности, – *практически-духовный способ освоения мира*, как ее называет Маркс^{xxvii}.

У Гегеля все эти предпосылки теоретического мышления изображены как его продукты и следствия. Маркс ставит вещи на свои места.

С этой материалистической точки зрения, как показал Маркс, метод восхождения от абстрактного к конкретному может и должен быть понят вполне рационально, без всякой мистики, как тот способ, с помощью которого мышление только и может воссоздать в понятии, в движении понятий, вне и независимо от него существующую, исторически сложившуюся конкретность, мир, существующий и развивающийся вне и независимо от мышления.

Взгляд Маркса на процесс развития научного познания

Вопрос об отношении абстрактного к конкретному в мышлении встал перед Марксом, как известно, в свете другого, более общего вопроса: «как развивать науку?»^{6, xxviii}.

Уже в самой формулировке вопроса предполагается взгляд на научное развитие, как на естественный исторический процесс. Марксу вообще всегда был решительно чужд тот левацкий взгляд на развитие духовной культуры, который игнорирует все предшествующие завоевания человеческой мысли. В науке, как и в прочих областях духовной культуры, действительное движение вперед всегда осуществляется путем дальнейшего развития того ценного, что создано всем предшествующим развитием, а не на пустом месте, не локковской «*tabula rasa*»^{xxix}, а теоретически развитой головой.

Само собой разумеется, что усвоение результатов предшествующего теоретического развития – это не простое наследование готовых формул, а сложный процесс их критического переосмысливания с позиции их соответствия фактам, жизни, практике. Новая теория, какой бы революционной она ни была по своему содержанию и значению, всегда рождается в ходе критической переработки завоеваний предшествующего теоретического развития. Это обстоятельство подчеркивал и Ленин в борьбе против левацких взглядов пролеткульта, согласно которым пролетарскую культуру следует развивать «прямо из жизни», отбросив в сторону, как ненужный хлам, все завоевания человеческой мысли.

Чем революционнее теория, тем в большей степени она является подлинной наследницей прошлого теоретического развития, тем в большей степени она усваивает «рациональные зерна», накоплен-

⁶ Маркс К. К критике политической экономии. С. 233.

ные наукой до нее. Это необходимый закон развития науки, теории. Новое теоретическое понимание эмпирически данных фактов всегда и везде возникает только в ходе революционно-критической переработки старого теоретического понимания этих фактов.

«Сведение критических счетов» с ранее развитыми теориями есть вовсе не побочное, второстепенной важности занятие, а необходимый момент разработки самой теории, момент теоретического анализа фактов. И «Капитал» совсем не случайно имеет такой подзаголовок, второе название «Критика политической экономии».

Здесь анализ понятий, развитых всей предшествующей историей политической экономии, совпадает органически, по существу, с анализом упрямых фактов экономической действительности. Эти два аспекта научно-теоретического исследования совпадают, сливаются в один процесс. Ни один из них не мыслим и не возможен без другого. Как критический анализ понятий невозможен помимо и вне анализа фактов, так и теоретический анализ фактов невозможен, если нет понятий, через которые они могут быть выражены. Диалектическая логика Маркса полностью учитывает значение этого обстоятельства.

Уже поэтому в диалектике совершается сознательное, преднамеренное совпадение индуктивного и дедуктивного моментов, как неразрывных, взаимопредполагающих моментов исследования.

Старая логика более или менее последовательно понимала под индукцией процесс анализа *эмпирических фактов*, процесс образования аналитических определений факта. Поэтому индукция и казалась если не единственной, то, во всяком случае, *основной* формой достижения нового знания. Дедукция же рассматривалась главным образом как процесс анализа понятия, как процесс установления различий внутри понятия. В качестве таковой она представлялась по преимуществу как процесс и форма *разъяснения, изложения* готового знания, знания, которое уже имеется в голове, а не как форма образования нового знания, новых понятий. Дело в том, что человек (разумеется, при условии, если он действительно осмысливает факты) всегда приступает к анализу эмпирических фактов не с «пустым» сознанием, а с сознанием, развитым в ходе образования. Иными словами, он всегда приступает к фактам с точки зрения тех или иных понятий. Хочет он того или не хочет, без этого он вообще не может активно осмыслить, понять факты, а может, в лучшем случае, лишь пассивно созерцать их.

В самом простом обобщении индукция неразрывно связана с дедукцией: человек выражает факты в *понятии*, а это значит, что новое аналитическое определение фактов образуется одновременно как новое – более конкретное – определение того понятия, с точки зрения которого он осмысливает эти факты. В противном случае аналитическое определение факта вообще не образуется.

Хочет того человек или не хочет, но каждое новое индуктивное определение факта образуется им в свете того или иного готового, так или иначе усвоенного им от общества понятия, в свете той или иной системы понятий. И тот, кто полагает, что он выражает факты «абсолютно непредубежденно», без всяких «заранее принятых» понятий, – тот на самом деле не свободен от них. Напротив, он неизбежно оказывается рабом как раз самых плоских и вздорных понятий.

Свобода и здесь заключается не в устранении от необходимости, а в *сознательном* овладении ею. Подлинная непредубежденность состоит не в том, чтобы выражать факты вообще без всяких «заранее принятых» понятий, а в том, чтобы выражать их с помощью сознательно усвоенных *правильных* понятий.

Относительно философских категорий это обстоятельство прекрасно показал в своей критике эмпиризма Энгельс: естествоиспытатель, который кичится своей «свободой» от всяких логических категорий, как правило, оказывается в плену самых пошлых представлений о них. Сам он, единолично, «из фактов», образовать их не в состоянии, – это было бы претензией свершить то, что может свершить лишь человечество в его развитии. Поэтому на деле он всегда заимствует логические категории из философии. Вопрос заключается в том, из какой именно: то ли из скверной модной системы, то ли из системы, представляющей собой действительную вершину развития, из системы, основывающейся на исследовании всей истории человеческого мышления и его завоеваний.

Это относится, разумеется, не только к понятиям философской науки. То же самое происходит с категориями любой науки. Человек никогда не начинает мыслить «с самого начала», «прямо из фактов». Без идеи в голове вообще не увидишь факта, говорил И.П. Павлов. Бессмысленное «созерцание» и безыдейная «индукция» – это такая же фантазия, как и «чистое мышление».

Эмпирик, полагающий, что он мыслит только фактами, на самом деле всегда «оперирует преимущественно традиционными представлениями, устаревшими большей частью продуктами мышления

своих предшественников...»⁷. Эмпирик поэтому легко путает абстракции с реальностью, реальность с абстракциями, субъективные иллюзии легко принимает за объективные факты, а объективные факты и выражающие их понятия – за абстракции и иллюзии. Как правило, он в виде определений фактов конкретизирует ходячие абстракции.

Следовательно, сама «эмпирическая индукция» совершается как процесс конкретизации тех представлений и понятий, с которыми приступают к рассмотрению фактов, т.е. как дедукция, как процесс наполнения исходных понятий новыми, более детальными определениями, получаемыми из фактов путем абстракции.

В материалистической диалектике рационально «снята» старая противоположность дедукции и индукции. Дедукция перестает быть способом формального выведения определений, заключенных *a priori* в понятия, и превращается в способ действительного развития знаний о фактах в их движении, в их внутреннем взаимодействии. Такая дедукция органически включает в себя эмпирический момент – она совершается именно через строжайший анализ эмпирических фактов, через индукцию. Но в данном случае названия «дедукция» и «индукция» выражают лишь внешнее, формальное сходство метода материалистической диалектики с соответствующими методами рассудочной логики. На самом деле это и не индукция, и не дедукция, а нечто третье, заключающее в себе, как свои «снятые моменты», и то и другое. Здесь они осуществляются одновременно, как взаимно предполагающие противоположности, которые именно своим взаимодействием образуют новую, более высокую форму логического развития.

Эта более высокая форма, органически сочетающая в себе процесс анализа фактов с процессом анализа понятий, и есть тот метод восхождения от абстрактного к конкретному, о котором говорит Маркс. Это и есть та логическая форма развития знания, которая единственно соответствует объективной природе предмета. Дело в том, что лишь с ее помощью объективная конкретность может быть воспроизведена в мышлении как реальность, исторически возникшая и развившаяся. Никаким иным способом этого сделать нельзя.

Как таковой способ восхождения от абстрактного к конкретному ни в коем случае не есть лишь способ изложения готового, заранее

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. С. 599.

как-то иначе полученного знания, как это не раз пытались представить ревизионисты учения Маркса, извращавшие метод «Капитала» в духе плоского неокантианства.

Так, например, истолковывает способ восхождения от абстрактного к конкретному Р. Гильфердинг. Приведа выдержку из «Введения» к марксовской работе «К критике политической экономии» («Если идти первым путем, то полное представление испарится до степени абстрактного определения; при втором же – абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления»^{xxx}), Гильфердинг комментирует ее так: «Уже из этого видно, как неправильно приравнивать дедукцию и индукцию, как равноценные источники познания. Дедукция есть скорее лишь *способ научного изображения*, который действительно сможет перейти, в конце концов, от общего к изображению частного лишь при том условии, если в мышлении ему уже предшествовала индукция»⁸. Называя способ восхождения от абстрактного к конкретному дедукцией и толкуя его крайне односторонне, только с точки зрения его внешнего сходства с традиционно понимаемой дедукцией, Р. Гильфердинг отрицает за ним достоинство метода исследования реальных фактов и сводит его лишь к форме систематического изложения готового знания – знания, которое якобы должно быть предварительно получено другим, а именно индуктивным путем.

В том же направлении рассуждает в предисловии к своей «Теории капиталистического хозяйства» и известный австромарксист Карл Реннер. Он сводит существо способа восхождения от абстрактного к конкретному, примененного в «Капитале», к «манере изложения немецких философов», усвоенной-де Марксом от современной ему эпохи. Поскольку эта манера изложения стала якобы совершенно чуждой нынешним поколениям читателей, Реннер и считает целесообразным заменить ее иной манерой изложения. «Я не знаю ни одной книги, которая обязана была бы своим происхождением такой массе опыта, как “Капитал” Маркса, – говорит Реннер, – еще меньше я знаю книг, изложение которых, несмотря на это, было бы столь дедуктивно и абстрактно»⁹. Поэтому Реннер считает целе-

⁸ Гильфердинг Р. Историческая подготовка политической экономии Маркса // Основные проблемы политической экономии. М.: Госиздат, 1922. С. 235 (курсив наш. – Э. И.).

⁹ Реннер К. Теория капиталистического хозяйства: марксизм и проблема социализирования. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. XIX.

сообразным «изложить» содержание теории Маркса в другой манере – в манере, которая «исходит из фактов опыта, непосредственно наблюдаемых, систематизирует их и затем постепенно возводит на ступень абстрактных понятий»¹⁰, т.е. индуктивно. В этом случае, полагает Реннер, манера изложения будет соответствовать способу исследования, в то время как в «Капитале» одно-де противоречит другому.

В результате Реннер совершенно некритически обобщает эмпирические явления современного капитализма в том их виде, в каком они выглядят на поверхности, а затем выдает свои обобщения за теоретическое выражение сущности этих явлений. На этом пути он открывает, например, что рабочий, покупая акции, приобщается тем самым к собственности на общественные средства производства, в результате чего совершается автоматическая «демократизация капитала», «социализация» общественного производства, делающая излишней революцию. Тем самым Реннер показывает, что дело не только в манере изложения. Под видом изменения манеры изложения он жульнически подменил *метод* Маркса, метод исследования явлений, способом апологетики.

Столь же мало способ восхождения от абстрактного к конкретному может быть истолкован как способ чисто логического синтеза готовых (заранее, чисто аналитическим путем полученных) абстракций в систему. Представление о том, что в ходе познания сначала будто бы совершается «чистый» анализ, в ходе которого вырабатываются многочисленные абстракции, а уже затем столь же «чистый» синтез, принадлежит к числу таких же фантазий метафизической гносеологии, как и представление об индукции без дедукции.

Обосновывая этот взгляд, иногда приводят в качестве примера развитие науки в XVII–XVIII вв. Но при этом невольно совершают насилие над фактами. Если даже согласиться с тем, что для этого периода действительно характерна аналитическая форма отношения к фактам (хотя синтез на самом деле, вопреки иллюзиям теоретиков, осуществлялся и здесь), то нельзя забывать, что это не первая ступень в научном развитии человечества и что сам «односторонний анализ», характерный для этой эпохи, предполагает в качестве своей предпосылки древнегреческую науку. Для античной же науки – для действительно первой стадии научного развития Европы – гораздо характернее как раз «обобщенно синтетический» взгляд на вещи.

¹⁰ Там же.

И если уж ссылаться на историю метафизики XVII–XVIII вв., то не следует забывать, что она сама есть не первая, а скорее вторая великая эпоха развития мышления. Но в таком случае скорее синтез, а не анализ выступает как исторически первая стадия переработки фактов в мышлении^{xxx1}.

Пример, таким образом, доказывает как раз обратное тому, что хотели с его помощью доказать.

Анализ и синтез есть (и всегда были) такими же неразрывными внутренними противоположностями процесса мышления, как и дедукция с индукцией. Если та или иная эпоха переоценивала одно в ущерб другому, то это не следует возводить в закон, которому мышление должно подчиняться впредь, в логический закон, в рецепт, согласно которому каждая наука якобы должна сначала пройти «чисто аналитическую» стадию развития, а уже после нее, на ее основе приступать к синтетической.

Но именно на таком представлении основывается мнение, что способ восхождения от абстрактного к конкретному может быть применен лишь там и тогда, когда полностью закончен предварительный процесс «воспарения» конкретного к абстрактному.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному есть прежде всего способ анализа реальных эмпирических фактов. Как таковой он органически включает в себя в качестве своей внутренне необходимой противоположности «обратное» движение, – каждый отдельный шаг на этом пути есть не что иное, как акт восхождения от чувственно данной конкретности к ее абстрактно-теоретическому выражению. Поэтому-то процесс восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении есть в то же время и постоянно возобновляющееся движение от конкретного в созерцании и представлении к конкретному в понятии.

Абстрактные определения чувственно данных фактов, которые на пути восхождения к конкретной истине синтезируются в систему, в ходе самого движения и образуются. Они ни в коем случае не берутся готовыми в качестве продуктов предшествующей, якобы чисто аналитической, стадии логического познания.

И если в утверждении, согласно которому восхождение от абстрактного к конкретному предполагает чисто аналитическое сведение чувственно-эмпирической конкретности к абстрактному выражению как особую, по времени и по существу предшествующую фазу логической деятельности, имеется какой-то смысл, то этот смысл заключается в том, что теоретическое рассмотрение действи-

тельности предполагает уже наличие развитого словарного запаса, стихийно сложившуюся терминологию, систему абстрактно-общих представлений. Эта «чисто аналитическая» стадия отражения предметной действительности в сознании есть лишь предпосылка логически-теоретической деятельности, но не ее первая фаза.

Итак, можно подытожить: способ восхождения от абстрактного к конкретному — это специфическая форма деятельности мышления, логической переработки созерцания и представления в понятия. Это ни в коем случае не искусственный прием, не манера изложения готового знания, не формальный способ соединения готовых абстракций в систему.

Это прежде всего «естественный» закон теоретического развития человечества, выявленный философией, а затем превращенный в сознательно применяемый способ развития теории.

Каждое отдельно взятое «индуктивное» обобщение (формула которого: от конкретного в созерцании к абстрактному в мышлении) на деле всегда осуществляется в контексте общего движения познания, — и в этом смысле является лишь «исчезающим моментом» в ходе общего движения к конкретной истине. Тем самым восхождение от абстрактного к конкретному в мышлении и диалектика мышления — это неразрывно связанные вещи.

Не случайно Ленин, тщательно выписав длинное определение пути от абстрактного к конкретному, данное Гегелем в последнем разделе «Большой» Логики, характеризует его так:

«Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»¹¹.

Определение, цитируемое Лениным, как раз и характеризует процесс мышления как процесс восхождения от абстрактного к конкретному:

«... Познание катится вперед от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинает с простых определенностей и что последующие определенности становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью. *Всеобщее* составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть понимаемо как *течение* от некоторого *другого* к некоторому *другому*. В абсолютном методе понятие *сохраняется* в своем инобытии, все-

¹¹ Ленин В.И. Философские тетради. С. 202.

общее – в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»¹².

Именно эти разделы гегелевской Логики, в которых излагается идея восхождения от абстрактно-всеобщей определенности предмета к все более и более конкретному ее наполнению, Ленин в своих конспектах выделяет как разделы, в которых менее всего сказывается идеализм, где речь идет прежде всего о диалектическом методе.

«Замечательно, что вся глава об “абсолютной идее” почти ни словечка не говорит о боге (едва ли не один раз случайно вылезло “божеское” “понятие”) и, кроме того, *это NB*, почти не содержит специфически *идеализма*, а главным своим предметом имеет *диалектический метод*. Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* – это крайне замечательно. И еще одно: в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше идеализма, всего больше материализма*. “Противоречиво”, но факт!»¹³

При диалектическом взгляде на процесс познания способ восхождения от абстрактного к конкретному, от всеобщего теоретического определения *предмета*, данного в созерцании и представлении, ко все более конкретным его определениям и выступает как форма теоретически правильной переработки эмпирических фактов в понятии. Так его рассматривает и Маркс во «Введении» к работе «К критике политической экономии», и Ленин в своих замечаниях и оценках по поводу последней главы гегелевской Логики.

Материалистическое обоснование способа восхождения от абстрактного к конкретному у Маркса

В качестве всеобщего закона, которому подчиняется процесс научного развития, способ восхождения от абстрактного к конкретному был сформулирован Гегелем. Но только у Маркса, давшего ма-

¹² Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 6. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 315.

¹³ Ленин В.И. Философские тетради. С. 205.

териалистическое обоснование этому закону, он стал служить действительным методом развития *конкретно-научного* знания, в то время как у Гегеля (и именно вследствие идеалистического его толкования и применения) он выступал исключительно как способ построения спекулятивной науки наук, абсолютной системы «мира в целом».

Маркс не только обосновал этот закон в общетеоретическом плане. Он реально применил его к разработке одной из конкретных наук – политической экономии. Созданный с его помощью «Капитал» и заключает в себе конкретное, развернутое практическое доказательство необходимости этого способа, его реальное материалистическое обоснование, как метода единственно соответствующего диалектике развития предметной объективной действительности.

Анализ «Капитала» с точки зрения примененного в нем метода исследования и должен показать конкретное существо способа восхождения от абстрактного к конкретному.

Этот способ должен быть показан как такой, который только и может обеспечить разрешение центральной задачи научного исследования, как она рисуется с точки зрения материалистической диалектики, – задачи прослеживания конкретной взаимообусловленности явлений, создающих своим взаимодействием *систему*, исторически возникшую, развившуюся и продолжающую развиваться все новые и новые формы своего существования, все новые и новые формы внутреннего взаимодействия.

Никаким иным методом эту задачу разрешить нельзя. Любой другой способ не соответствует объективной природе предмета, который с его помощью духовно воспроизводится.

Крайне ошибочным было бы усматривать необходимость метода восхождения от абстрактного к конкретному лишь в том, что сознание человека не может охватить сразу всю сложность предмета, что ему поневоле приходится «восходить» от неполного, одностороннего (абстрактного) представления о предмете к все более полному и всестороннему знанию о нем. Такое объяснение было бы просто крайне недостаточным. Точнее, это не объяснение, а просто ссылка на общеизвестный факт. Что сознание действительно таково – это само собой очевидно. Но все свойства и особенности сознания сами еще нуждаются в материалистическом объяснении. Кроме того, такая ссылка на природу сознания вообще еще ровно ничего не объясняла бы в специфике способа восхождения от абстрактного к конкретному, как способа научно-теоретического исследования. Про-

стое ознакомление с предметом, с явлением и системой явлений тоже протекает как процесс постепенного, последовательного усвоения все новых и новых деталей, подробностей, как процесс перехода от одностороннего, бедного представления о предмете к многостороннему (но по-прежнему чисто эмпирическому) представлению о нем. Процесс накопления эмпирических сведений, посредством которого действительность делается известной, но не делается еще *познанной*, тоже протекает как процесс развития от одностороннего знания к знанию всестороннему.

Это толкование, таким образом, отмечало бы лишь то абстрактно-одинаковое, что процесс теоретического воспроизведения конкретности в понятии имеет с процессом простого эмпирического ознакомления с явлениями, и не выражало бы специфики ни того ни другого.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ *отражения* конкретной действительности в мышлении, а отнюдь не способ ее *сотворения* силой мышления, как то изображал Гегель. Именно поэтому вовсе не от мышления зависит — с чего начинать и в каком порядке продолжать логическое развитие понятий этим способом. Как показал Маркс, это зависит исключительно от того отношения, в котором стоят друг к другу различные стороны конкретного целого. Способ логического развития должен поэтому соответствовать способу внутреннего расчленения этого целого, диалектике становления конкретности вне мышления, то есть, в конечном счете, историческому развитию этой конкретности, хотя, как мы это ниже покажем, такое совпадение не является простым, зеркально-мертвым, и касается лишь всеобщих моментов развития.

Формула материализма в теории познания и логике как раз обратна вышеприведенной: предмет таков, что ему соответствует лишь такая, а не какая-нибудь иная форма деятельности сознания, предмет таков, что лишь при помощи этого способа он может быть отражен в сознании.

Иными словами, вопрос о способе логической деятельности и здесь превращается в исследование *объективной природы предметной реальности*, в дальнейшее раскрытие категории конкретности как *предметной* категории, выражающей всеобщую форму существования действительности.

И здесь царствует принцип совпадения логики, теории познания и диалектики: вопрос, на первый взгляд чисто логический, по суще-

ству является вопросом о всеобщих формах, в которых совершается становление и развертывание объективной конкретности.

Материалистическое обоснование правильности и необходимости способа восхождения от абстрактного к конкретному может заключаться только в показе тех реальных всеобщих законов, которым одинаково подчиняется в своем становлении любая конкретная система взаимодействующих явлений (товарно-капиталистическая система общественных отношений или солнечная система, химическая или биологическая форма взаимодействия и т.д.).

Но здесь мы опять сталкиваемся с известной уже диалектической трудностью – диалектика сказывается и в постановке вопроса о самой диалектике. Выяснить и теоретически выразить всеобщие законы становления *любой* конкретности, по-видимому, невозможно на пути индуктивного обобщения, на пути абстрактного отвлечения того общего, того одинакового, что имеют между собой товарно-капиталистическая система с солнечно-планетной, а биологическая форма взаимодействия в природе с электромагнитной, химической и т.д.

Поставить вопрос так, значит, поставить перед собой абсолютно неразрешимую по самой ее природе задачу. Ведь всех случаев конкретного взаимодействия в бесконечной природе не знает не только автор работы, а и человечеству в целом до этого еще весьма далеко. И тем не менее мы стоим перед задачей вскрыть именно *всеобщие* законы становления *любой* объективной системы конкретного взаимодействия. Иными словами, мы возвратились снова к одной из «вечных» проблем философии: возможно ли – а если возможно, то как – выработать на основе исследования ограниченного, по необходимости конечного круга фактов, реально-всеобщее, бесконечное обобщение.

По счастью, философия никогда и не пыталась реально добыть такое понимание на индуктивном пути. Реальное развитие науки и философии давно *практически* разрешало и разрешает эту «антиномию», кажущуюся принципиально неразрешимой лишь тогда, когда она формулируется метафизически.

На самом деле человечество не только в философии, но и в любой области познания добывало всеобщие, «бесконечные» обобщения и выводы не путем *абстракции* того одинакового, что имеют между собой все возможные случаи, а путем *анализа* хотя бы одного типичного случая.

В этой связи достаточно вспомнить слова Энгельса в «Диалектике природы»:

«Замечательный пример того, насколько основательны претензии индукции – быть единственной или хотя бы основной формой научных открытий, дает термодинамика. Паровая машина является поразительнейшим доказательством того, что можно из теплоты получить механическое движение. 100 000 паровых машин доказывали это не более убедительно, чем одна машина, но они все более и более заставляли физиков заняться объяснением этого. Сад Карно первый серьезно взялся за это, но не путем индукции. Он изучил паровую машину, анализировал ее, нашел, что в ней основной процесс не выступает в *чистом* виде, а заслонен всякого рода побочными процессами, устранил эти ненужные для главного процесса побочные обстоятельства и создал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую так же нельзя построить практически, как нельзя, например, провести практически геометрическую линию или поверхность, но которая оказывает, по-своему, такие же услуги, как эти математические абстракции: она представляет рассматриваемый процесс в чистом, независимом, неприкрытом виде»¹⁴.

Не индукция, направленная на поиски абстракции, выражающей общее для всех частных случаев, а углубленный *анализ* одного частного случая, направленный на то, чтобы выявить искомый процесс в его «чистом» виде, – таким был и путь философии везде и всегда, где и когда она действительно приходила к объективным открытиям. Путем индукции и абстракции пытались идти разве что люди, подобные Конту и Спенсеру. Но зато и результаты их стараний оказались соответствующими.

Философия всегда решала свои специфические проблемы, существенно отличные от стремления отыскать то абстрактно-общее, что крокодил имеет вместе с Юпитером, а солнечная система – с богатством. У философии всегда были свои серьезные проблемы, в ходе решения которых она и шла к раскрытию всеобщих закономерностей всего существующего, к раскрытию содержания категорий.

Маркс, как известно, подверг критическому анализу гегелевскую систему всеобщих категорий вовсе не путем сравнения этих категорий с тем общим, что человечество имеет с атомным ядром, а они оба вместе – со строением Большой Вселенной.

Критическое преодоление гегелевской системы категорий свершилось путем ее критического сопоставления преимущественно с одним (но – и все дело в этом – с типичным) случаем диалектиче-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. С. 437–438.

ского развития – с диалектикой общественных отношений производства на одной из ступеней их развития.

Критическое преодоление исторически развитых философией всеобщих категорий с точки зрения углубленного анализа хотя бы *одного* типичного случая – это и есть тот реальный путь, на котором всегда свершалась эволюция в понимании содержания всеобщих категорий.

К анализу единичного с точки зрения всеобщего всегда реально и сводится основная задача теоретического анализа всеобщего. Надо только суметь выделить в единичном то, что составляет не единичность и особенность этого случая, а его всеобщность. Именно в этом пункте как раз и требуется максимально сознательное отношение к абстракции и к путям ее получения. Ведь самая обычная ошибка теоретического исследования и заключается в том, что за всеобщую форму единичного факта принимают то, что на деле относится лишь к данному стечению преходящих обстоятельств, внутри которых дана созерцанию эта реально-всеобщая форма.

И поскольку речь заходит о том, чтобы более полно раскрыть содержание такой всеобщей категории, как конкретность, то задачу не только можно, но и нужно решать на пути исследования хотя бы *одного* типичного случая живой диалектически развившейся системы внутренне взаимодействующих объективных явлений.

Типичнейшим случаем такой саморазвивающейся, относительно самостоятельной системы (конкретности) является система товарно-капиталистических отношений между людьми. Ее мы и возьмем в качестве того непосредственного частного случая конкретности вообще, в котором могут и должны быть выявлены всеобщие контуры всякой конкретности. Материал из других областей мы будем привлекать к рассмотрению лишь постольку, поскольку он сам по себе характерен.

Выбор этого материала определяется не субъективным капризом или личными склонностями. Гораздо более веское обстоятельство в пользу такого выбора заключается в том, что ни одна другая конкретность еще не постигнута мышлением с такой полнотой, с какой постигнута эта. Ни одна другая система конкретного взаимодействия не предстает еще перед нами во всей сложности и полноте ее внутренней диалектики, во всей сложности ее структуры, как система товарно-капиталистических отношений, раскрытая в «Капитале» и других произведениях классиков марксизма-ленинизма, – именно потому на этом материале и целесообразнее всего рассматривать

всеобщие характеристики всякой конкретности, раскрывать категорию конкретности вообще.

Такой способ рассмотрения вполне совпадает с тем, что делал в своей познавательной практике сам Маркс.

Когда Маркс поставил перед собой задачу раскрыть всеобщий закон капитализма как такового, как исторически определенной системы общественного производства, он вовсе не пошел по пути индуктивного сравнения всех без исключения случаев капиталистического развития, имевшихся на земном шаре в его время. Он поступил по-иному, поступил, как диалектик: он взял *самый характерный и самый развитый случай*, а именно – английскую товарно-капиталистическую действительность и ее теоретическое отражение в английской экономической литературе, и развернул *всеобщую* экономическую теорию главным образом на основе детального исследования этого *одного* случая.

Он понимал при этом, что всеобщие законы развития капитализма одни и те же для любой страны и что Англия, как страна дальше других ушедшая по пути капиталистического развития, показывает все явления в наиболее отчетливом виде. В ней все то, что в других странах имеется в виде слабого и очень трудноразличимого намека, в виде не до конца выявившейся тенденции, перекрываемой и осложняемой побочными внешними обстоятельствами, предстало в наиболее развитой и классически четкой форме. К материалам, характеризующим капиталистическое развитие других стран, Маркс обращался лишь в определенных случаях (для анализа ренты он привлек, например, много материалов из экономического развития русской деревни). Но этот путь – путь выявления непосредственно общего между различными случаями капиталистического развития – не был столбовой дорогой, на которой он разворачивал *всеобщую* теорию капиталистического развития. Столбовой дорогой его исследования все время оставалось исследование английской экономической действительности и конструктивная критика английской политической экономии.

Теми же соображениями следует, очевидно, руководствоваться и при постановке вопроса о категориях диалектики. Ведь именно товарно-капиталистическая действительность, теоретически раскрытая в «Капитале» и других примыкающих к нему работах (как самого Маркса, так и его лучших учеников и последователей, прежде всего Энгельса и Ленина), предстает перед нами как наиболее полно развернутая картина исторически возникшей и развившейся конкретно-

сти, как типичнейший случай конкретности вообще. При этом именно «Капитал» представляет собой до сих пор не превзойденный образец сознательного применения диалектического метода, диалектической логики во всем объеме ее содержания. Он показывает многим наукам их завтрашний день, показывает в классически четкой форме все те стороны метода, которые в других науках столь последовательно еще не реализованы.

Следует отметить также, что конструктивная критика предшествующих теорий, представляющая собой неотъемлемый момент теоретической разработки научных проблем современности, предполагает, что критическому усвоению подвергается доброкачественный теоретический («мыслительный») материал, действительно высшие образцы теоретического понимания той действительности, которая в данном случае выступает в качестве предмета внимания и исследования.

Когда речь шла о разработке экономической теории, тогда главными теоретическими оппонентами, в ходе спора с которыми Маркс разворачивал свое понимание действительности, были *классики* буржуазной политической экономии, а не современные Марксу представители вульгарной экономии и «профессорской формы разложения» теории. Современниками Маркса эти последние были лишь по времени, а не с точки зрения теоретического проникновения в предмет. В отношении теории они стояли бесконечно ниже классиков и никак не представляли собой достойной серьезного оспаривания теоретической противоположности. И, разворачивая свое теоретическое понимание действительности в форме серьезного спора с классиками, Маркс лишь высмеивает, по ходу дела, таких «теоретиков», как Сениор, Бастиа, Мак-Куллох, Рошер и т.п. Сводить критические счета с этими последними можно было только тогда, когда теоретическое понимание предмета в его решающих моментах было по существу уже развернуто.

Когда же речь заходит о философских категориях, о категориях диалектики, то *классическая* буржуазная философия и по сей день остается единственно достойным и серьезным теоретическим оппонентом философии диалектического материализма, что, разумеется, не только не снимает с повестки дня задачу самой острой и беспощадной борьбы с современными реакционными системками, но и помогает обнажать их пустоту, их стремление трусливо спрятаться от больших философских проблем.

Маркс, Энгельс и Ленин относились к Гегелю или Фейербаху принципиально иначе, чем к Шопенгауэру или Конту, к Маху или

Богданову. Резко критикуя спекуляции мелких и пошлых идеалистов, они никогда не старались искать там «рациональное зерно».

Разоблачая путаную софистическую аргументацию махистов, Ленин прежде всего сводит ее к тому классически ясному и принципиальному выражению, которого оспариваемая позиция достигла у Беркли и Фихте. И это не только полемический прием, но и самый верный способ *теоретически* обнажить сущность позиции. С другой стороны, когда перед Лениным встала задача дальнейшей разработки материалистической диалектики, он оставляет в стороне махистов, как *теоретических* современников Беркли, и возвращается к критическому анализу «Науки логики» Гегеля, как подлинной вершины буржуазной мысли в области понимания всеобщих законов природы, общества и человеческого мышления.

Итак, можно подытожить сказанное: подлинное, конкретное обоснование способа восхождения от абстрактного к конкретному, как единственно правильного в научном отношении метода логического развития, как метода, единственно соответствующего объективной диалектике, следует искать в «Капитале» Маркса, в анализе его логической структуры.

В «Капитале» последовательно и систематически осуществлено то совпадение логики, теории познания и диалектики, которое является отличительной чертой метода исследования Маркса, то совпадение индукции и дедукции, анализа и синтеза, которое характеризует способ восхождения от абстрактного к конкретному. Рассмотрим вопрос прежде всего в его конкретно-экономическом выражении, чтобы перейти затем к выводам общеметодологического, логического порядка.

Поставим такой вопрос: возможно ли вообще теоретически понять (воспроизвести в понятии) объективную сущность таких явлений, как прибавочная стоимость и прибыль, если до этого и независимо от этого не проанализирована категория стоимости? Можно ли понять деньги, не зная закономерностей, которым подчинено движение простого товарного рынка?

Тот, кто читал «Капитал» и знаком с проблематикой политической экономии, знает, что это – неразрешимая задача.

Можно ли образовать понятие (конкретную абстракцию) капитала на пути чисто индуктивного обобщения тех абстрактных признаков, которые наблюдаются в любом из различных видов капитала? Будет ли такая абстракция удовлетворительной в научном отношении? Будет ли такая абстракция выражать внутреннее строе-

ние капитала вообще, как специфической формы экономической реальности?

Стоит поставить вопрос так, чтобы можно было ответить на него только отрицательно.

Такая абстракция, конечно, выразит то одинаковое, что имеют между собой промышленный, банковский, торговый, ростовщический капитал. Она, безусловно, избавит нас от повторений. Но этим и исчерпывается ее реальный познавательный смысл. Она не выразит конкретной сущности ни одного из этих видов капитала. Но столь же мало она выразит конкретное существо их взаимной связи, их взаимодействия. Как раз от этого в ней и произошло отвлечение. Но ведь именно конкретное взаимодействие конкретных явлений составляет, с точки зрения диалектики, предмет и цель мышления в понятиях.

Значение общего противоречиво, указывал Ленин, — оно омертвляет живую реальность, но в то же время является единственно возможной ступенью к ее постижению. Но в данном случае, как нетрудно понять, общее *только* омертвляет конкретное, только отходит от него и не является одновременно шагом к нему. Именно *от конкретного* такое общее абстрагируется, как от «несущественного».

Конкретную всеобщую природу капитала (любого капитала — и промышленного, и банковского, и торгового) такая абстракция также не выражает.

«Капитал» нагляднейшим образом демонстрирует то обстоятельство, что конкретную экономическую природу торгового капитала — как конкретной стороны товарно-капиталистического целого — принципиально нельзя понять, выразить в теоретической абстракции, если предварительно не понять в его внутренней структуре промышленный капитал.

Рассмотрение промышленного капитала в его имманентных определениях совпадает с раскрытием сущности капитала вообще. Столь же несомненно, что промышленный капитал не может быть понят раньше, чем понята стоимость.

«...Легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять *ni l'un, ni l'autre* [ни того, ни другого]»¹⁵.

Подчеркнем, что речь идет о том, чтобы *понять* (выразить в *понятии*), ибо создать абстракцию прибыли вообще, разумеется, можно.

¹⁵ Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат, 1955. Т. I. С. 222.

В последнем случае достаточно свести эмпирически наблюдаемые явления прибыли к абстрактному выражению. Такая абстракция будет вполне достаточной для того, чтобы уверенно *отличить* явления прибыли от других явлений, «узнать» прибыль. Это с успехом продельывает каждый предприниматель, прекрасно умеющий отличить прибыль от заработной платы, от денег и тому подобного.

Но предприниматель при этом *не понимает, что такое прибыль*. Он в этом вовсе и не нуждается. Он на практике поступает как инстинктивный сторонник позитивистской философии и эмпирической логики. Он просто придает обобщенное выражение явлениям, важным и существенным с его точки зрения, с точки зрения его субъективной цели, и это обобщенное выражение явлений прекрасно служит ему на практике в качестве понятия, позволяющего ему уверенно отличать прибыль от не-прибыли. И как завзятый позитивист он искренне считает метафизической схоластикой, оторванным от жизни мудрствованием все разговоры о внутренней природе прибыли, о сущности, о субстанции этого дорогого его сердцу явления. Предпринимателю в условиях товарно-капиталистического производства вовсе и не требуется все это знать. «Каждый может употреблять деньги как деньги, не зная, что такое деньги»¹⁶.

Узкопрактический рассудок, как подчеркивал Маркс, органически враждебен и чужд *пониманию* (ср. замечание по адресу Ф. Листа в гл. 1 «К критике политической экономии»).

Предпринимателю даже вредно умствовать над вопросом о том, что такое прибыль. Пока он будет пытаться это понять, другие, более пронырливые и практически ловкие дельцы урвут и его долю прибыли. И делец никогда не променяет реальную прибыль на понимание того, что она такое.

Но в науке, в мышлении, важно как раз *понимание*. Наука, мышление в понятиях, только и начинается там, где сознание не просто выражает и пересказывает стихийно навязываемые ему представления о вещах, а старается целенаправленно и критически проанализировать как вещи, так и представления о них.

Понять явление — значит выяснить его место и роль внутри той конкретной системы взаимодействующих явлений, внутри которой оно с необходимостью осуществляется, и выяснить как раз те особенности, благодаря которым это явление только и может играть та-

¹⁶ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. 4-е изд. М.: Партиздат, 1936. Т. III. С. 127.

кую роль в составе целого. *Понять* явление – значит выяснить способ его возникновения, «правило», по которому это возникновение совершается с необходимостью, заложенной в конкретной совокупности условий, значит проанализировать сами условия возникновения явления. Это и является общей формулой образования *понятия, понимания*.

Понять прибыль – значит выяснить всеобщий и необходимый характер ее возникновения и движения внутри системы товарно-капиталистического производства, выявить ее специфическую роль в совокупном движении всей системы в целом.

Именно поэтому конкретное понятие и возможно осуществить только через сложную систему абстракций, выражающих явление в совокупности условий его возникновения.

Политическая экономия как наука исторически и начинается только там, где неоднократно повторяющиеся явления («прибыль», «зароботная плата», «процент» и т.д.) не только фиксируются с помощью общепонятных и общепринятых наименований (это происходит до науки и вне науки, в сознании практических участников производства), а постигаются конкретно, путем анализа их места и роли в составе системы.

Итак, *понять* (выразить в понятии) прибыль принципиально невозможно, если предварительно и независимо от нее не понята прибавочная стоимость и законы ее возникновения.

Почему это невозможно? Если мы в общетеоретической форме ответим на этот вопрос, то мы тем самым и покажем реальную необходимость способа восхождения от абстрактного к конкретно-му, его применимость в любой области знания.

Обратимся поэтому к истории политической экономии.

Индукция Адама Смита и дедукция Давида Рикардо. Точки зрения Локка и Спинозы в политической экономии

Логические коллизии в развитии политической экономии остались бы непонятными, если бы мы не установили реальные связи между нею и современной ей философией. Категории, в которых английские экономисты сознательно осмысливали эмпирические факты, коренились в философских системах, имевших в то время распространение.

Характерным фактом, глубоко повлиявшим на развитие экономической мысли в Англии, было то, что одним из первых теоретиков политической экономии оказался не кто иной, как классик эмпиризма в философии Джон Локк.

«Взгляды Локка имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, *его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее представлений*»¹⁷.

Взгляды Локка оказались опосредующим звеном между философией английского эмпиризма (со всеми слабостями последнего) и возникавшей теорией богатства. Через Локка политическая экономия и восприняла основные методологические принципы эмпиризма, в частности и в особенности односторонне аналитический, односторонне индуктивный метод, точку зрения «сведения» сложных явлений к их простым составляющим.

Однако, как и в естествознании той эпохи, реальная познавательная практика исследования экономических явлений даже у самого Локка существенно расходилась с той теорией познания, которую мог рекомендовать и рекомендовал последовательный эмпиризм. Тот способ, которым на самом деле, вопреки своим односторонним гносеологическим иллюзиям, теоретики-экономисты образовывали теоретические определения вещей, не совпадал с эмпирически-индуктивной логикой. Сознательно применяя односторонне аналитический метод, теоретики на деле, не отдавая себе в том ясного отчета, исходили из целого ряда теоретических предпосылок, которые по существу противоречили принципам узкоэмпирического подхода к вещам.

Логика чистого эмпиризма неспособна была справиться с задачей разработки теоретического взгляда на явления экономической действительности уже потому, что реальная экономическая действительность представляла собой сложнейшее переплетение буржуазно-капиталистических форм собственности с сословно-феодальными.

Прямое индуктивное обобщение эмпирических фактов дало бы в этих условиях (в лучшем случае) лишь правильное описание результатов взаимодействия двух не только различных, но и прямо проти-

¹⁷ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. М.: Госполитиздат, 1954. Ч. I. С. 348 (курсив наш. — Э. И.).

воположных и враждебных друг другу принципов собственности. Во внутреннюю «физиологию» буржуазной частной собственности эмпирически-индуктивный метод Локка проникнуть не позволил бы.

Известно, что и сам Локк не просто обобщал то, что видел, а активно выделял в эмпирических фактах лишь те их формы и моменты, которые, по его мнению, «соответствовали вечной, истинной природе человека».

Иными словами, сама задача абстрактно-аналитического выделения простейших составляющих, задача аналитического разложения эмпирических фактов, предполагала и тут вполне определенный всеобщий критерий, согласно которому одни формы экономики выделяются как «истинные», как «соответствующие природе человека», а другие – устраняются как «неистинные». Буржуазно-индивидуалистическое представление о «природе человека» и служило для всех буржуазных теоретиков таким критерием. Локк же, как известно, был одним из основоположников этого взгляда.

Ясно, что это всеобщее и исходное основоположение буржуазной науки, с точки зрения которого мерялись эмпирические факты, столь же мало могло бы быть получено путем эмпирической индукции, как понятие атома. Буржуазно-капиталистическая собственность в эпоху Локка отнюдь не была всеобщей и господствующей формой собственности. Эмпирически-всеобщим фактом она не была, и представление о богатстве, как исходное представление буржуазной политической экономии, само по себе не могло образоваться путем индуктивного обобщения «всех без исключения» частных случаев и видов собственности.

В его образовании реально принимали участие совсем иные, нежели чисто логические, соображения. И здесь стихийный общественный разум оказывался сильнее, чем каноны рассудочной логики.

Иначе говоря, политическая экономия с самого рождения оказалась перед той же логической проблемой, перед которой стоял в своей области Ньютон: для того чтобы сделать хотя бы единственное индуктивное обобщение, экономист должен был обладать каким-то (хотя бы и невысказанным) пониманием всеобщей истинной природы (субстанции) рассматриваемых явлений.

И подобно тому как Ньютон положил в основу всех своих индукций представление о том, что только геометрически определяемые формы фактов суть единственно объективные их формы, – эко-

номисты молчаливо предполагали, что лишь те формы экономики, которые соответствуют принципам буржуазной частной собственности, суть единственно истинные формы.

Все остальные формы экономических отношений молчаливо устранялись как плод субъективного заблуждения людей, как формы, не соответствующие подлинной, истинной, естественной и потому объективной природе человека. В состав теории вводились лишь те определения фактов, которые прямо и непосредственно вытекали, «выводились» из «вечной и естественной» природы человека, — на самом деле из специфической природы частного собственника, буржуа.

Все теоретики буржуазной политической экономии, таким образом, должны были исходить и реально исходили из вполне определенного всеобщего основоположения, из четкого представления о субстанции, об общей объективной природе частных случаев и форм экономики.

Это представление о субстанции — как и в естествознании — не могло быть получено путем эмпирической индукции. Но локковская гносеология молчала как раз в этом решающем пункте — в вопросе о путях познания субстанции, о путях образования всеобщего исходного основоположения науки. И это основоположение, представление о субстанции богатства, экономистам (в том числе и самому Локку) приходилось вырабатывать чисто стихийно, без ясного представления о путях его получения.

Но так или иначе, английская политическая экономия практически все-таки разрешила эту трудность, открыв (уже в лице В. Петти) эту всеобщую субстанцию экономических явлений, субстанцию богатства, *в труде, производящем товары*, в труде, который совершается с целью отчуждения его продукта на свободном рынке.

Поскольку экономисты реально исходили из этого, более или менее ясно осознаваемого представления о всеобщей субстанции богатства, постольку их обобщения имели теоретический характер и отличались от чисто эмпирических обобщений любого купца, ростовщика или рыночной торговли.

Но это означало, что теоретический подход к вещам совпадал со стремлением понять различные частные формы богатства как модификации одной и той же всеобщей субстанции.

Однако тот факт, что классическая политическая экономия в своих сознательных методологических убеждениях примыкала к философии Локка, сказался сразу же и притом в очень показательной

форме. Это привело к тому, что собственно теоретическое исследование фактов постоянно переплеталось с простым некритическим воспроизведением эмпирических представлений.

Ярче всего это видно в трудах Адама Смита. Первый из экономистов, четко выразивший понятие труда как всеобщей субстанции всех экономических явлений, он развернул теорию, в которой собственно теоретическое рассмотрение фактов все время переплетается с крайне нетеоретическим описанием эмпирии с точки зрения человека, насильно втянутого в процесс производства и накопления стоимости.

«Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем. Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать, в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, повествует и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, — оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат»¹⁸.

Сам Смит, разумеется, не замечал противоречия между тем и другим способом отражения действительности в абстракциях. Здесь нетрудно узнать в нем человека, который чисто по-локковски представляет себе процесс познания. Локковская теория познания как раз и игнорировала различие между теоретической абстракцией (понятием) и простой эмпирической абстракцией, простым выражением в речи чувственно констатируемых сходств и различий.

Решающий шаг вперед по сравнению с А. Смитом сделал, как известно, Давид Рикардо. Философски-исторический смысл совершенно им шага заключался прежде всего в том, что он впервые сознательно и последовательно различил задачу собственно теоретического рас-

¹⁸ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. М.: Госполитиздат, 1957. Ч. II. С. 159.

смотрения эмпирии (задачу ее выражения в понятии) и задачу простого описания и каталогизирования явлений в том их виде, в каком они непосредственно даны созерцанию и представлению.

Рикардо прекрасно понимал, что наука (мышление в понятиях) имеет дело с теми же самыми эмпирическими фактами, что и простое созерцание и представление. Но в науке эти факты должны рассматриваться с более высокой точки зрения — с точки зрения их внутренней связи. У Смита это не выдерживалось строго и последовательно. Рикардо же требовал неукоснительного ее проведения.

Взгляд Рикардо на природу научного исследования гораздо больше напоминает метод Спинозы, чем гносеологию эмпирика Локка: это последовательно выдерживаемая точка зрения субстанции. Каждое отдельное экономическое образование, каждая отдельная форма богатства должны быть не просто описаны, но поняты в качестве модификации одной и той же всеобщей субстанции.

И в данном отношении Рикардо и Спиноза правы против Смита и Локка.

Маркс с классической ясностью и категоричностью расценил роль Рикардо в развитии теории политической экономии: «Появляется Рикардо и кричит науке: “Стой!” Основа, исходный пункт для физиологии буржуазной системы — для понимания ее внутренней органической связи и ее жизненного процесса — есть определение *стоимости рабочим временем*. Из этого Рикардо исходит и заставляет затем науку оставить прежнюю рутину и дать себе отчет в том, насколько остальные категории, развиваемые и выдвигаемые ею, — отношения производства и обмена, — соответствуют или противостоят этой основе, этому исходному пункту; вообще, насколько наука, отражающая, воспроизводящая внешнюю форму проявления процесса, а, стало быть, также и сами эти проявления — соответствуют той основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества, и которая образует исходный пункт науки; дать себе отчет в том, как вообще обстоит дело с этим противоречием между видимым движением системы и ее действительным движением. В этом именно и состоит великое историческое значение Рикардо для науки...»¹⁹.

Иными словами, точка зрения Рикардо заключалась уже не в сведении сложных явлений к ряду их простых составляющих, а в выведении всех сложных явлений из одной простой субстанции.

¹⁹ Там же. С. 159–160.

Но это поставило Рикардо перед необходимостью сознательно отказаться от того метода образования теоретических абстракций, который рекомендовала науке локковская логика. Эмпирическая индукция не соответствовала вставшей перед Рикардо задаче. Перед ним стояла задача *выведения* теоретических определений из одного строго продуманного принципа – из трудового понимания природы стоимости.

Если Адам Смит – поскольку он в действительности давал нечто большее, нежели простое описание фактов – бессознательно и стихийно на каждом шагу вступал в противоречие со своими собственными философскими установками, усвоенными от Локка, и делал не совсем то, и даже совсем не то, что думал, то Рикардо вполне сознательно встал на путь теоретической дедукции категорий.

Строго дедуктивный характер его мышления давно вошел в поговорку в политической экономии. Но лишь Марксу удалось правильно расценить смысл этой дедукции, показать ее как естественное логическое выражение решающего достоинства теоретического подхода Рикардо к вещам – его стремления понять все без исключения формы буржуазного богатства как более или менее сложные и отдаленные продукты труда, производящего товары, труда, производящего стоимость, а все категории политической экономии – как модификации категории стоимости.

От Смита его отличает стремление рассматривать эмпирические факты последовательно и неуклонно с одной и той же точки зрения, строго зафиксированной в определениях исходного понятия, – с точки зрения трудовой теории стоимости.

У Смита эта точка зрения тоже присутствует, и именно поэтому он теоретик. Но она не является у него *единственной* точкой зрения, и в этом пункте Рикардо решительно возражает Смигу. У Смита теоретическое рассмотрение фактов (т.е. их анализ с точки зрения трудовой теории стоимости) то и дело уступает место чисто эмпирическому их описанию.

Рикардо же стихийно нащупал верный взгляд на природу теоретического анализа фактов. Отсюда его стремление к строго дедуктивному рассмотрению явлений и категорий.

В таком понимании дедукции, как нетрудно понять, нет еще ничего ни метафизического, ни идеалистического, ни формально-логического. В данном понимании дедукция равнозначна отрицанию эклектики в отношении к фактам. Это значит, что раз установленное понимание всеобщей природы, субстанции, всех особенных

и единичных явлений должно оставаться одним и тем же на всем протяжении исследования и давать руководящую нить для понимания любого особенного и единичного явления.

Иными словами, дедукция в данном понимании (но только в данном!) является синонимом действительно *теоретического* отношения к эмпирическим фактам.

Известно, что именно отказ от попыток развить всю систему экономических категорий из одного установленного принципа (из трудовой теории стоимости) явился первым формальным признаком разложения школы Рикардо в политической экономии. Представители так называемой «вульгарной экономии», а в еще большей степени той «ученовинегретной и бессистемной компиляции», которую Маркс заклеил презрительным названием «профессорской формы разложения теории», восстали прежде всего как раз против дедуктивной манеры исследования учителя. Для них неприемлемо было то, что составляло решающее преимущество Рикардо как теоретика – его стремление понять каждую особенную категорию как превращенную форму стоимости, как сложную модификацию труда, создающего товар.

Принцип «вульгарной» и «профессорской» формы теоретизирования заключался в следующем: не удастся вывести понимание реальных явлений из одной, общей им всем основы (в данном случае из трудовой теории стоимости), не упираясь тотчас же в противоречие, – значит, вообще не нужно пытаться это делать, значит, надо ввести еще один принцип объяснения, еще одну «точку зрения». Не помогает? Значит, надо ввести второй, третий принцип. Надо-де учитывать и то и это, и пятое и десятое. «Дело не в противоречиях, а в полноте».

Не объясняется реальная рыночная стоимость (цена) капиталистически произведенного товара количеством затраченного на его производство необходимого рабочего времени? Ну что ж, значит, не следует упрямствоваться в односторонности. Почему не допустить, что стоимость проистекает не из одного-единственного всеобщего источника, как полагал Рикардо, а из многих различных источников? Труд? – Да, и труд. Но не только труд. Нельзя недоучитывать и роли капитала, и роли естественного плодородия почвы; надо принять во внимание и капризы моды, и случайности спроса, и влияние времен года (валенки стоят дороже зимой, чем летом), и многое, многое другое, вплоть до влияния на рыночную конъюнктуру периодических изменений числа пятен на Солнце. Ни одну другую мане-

ру теоретизирования Маркс не высмеивал так презрительно, как манеру «вульгарной» и «профессорской» псевдотеории. Эта эклектическая манера объяснять сложное явление множеством факторов и принципов, никак внутренне между собой не связанных, представляет собой, по меткому выражению Маркса, «настоящую могилу для науки». Теории, науки, мышления в понятиях здесь уже нет. Есть лишь перевод на доктринерский язык экономической терминологии ходячих поверхностных представлений и их систематизация.

Дж. М. Кейнс, признанный гением и классиком всей современной официальной «наукой» капиталистического мира, вообще уже не позволяет себе говорить о «стоимости». По его мнению, это – миф, пустое слово. Единственной «реальностью» он признает только рыночную цену. Последняя же, согласно его теории, определяется стечением самых разнообразных обстоятельств и факторов, среди которых «труд» играет десятистепенную роль. Норма процента целиком зависит-де от эмоций владельцев капитала и является фактом чисто психологическим. Но и этого Кейнсу мало: «Еще точнее, вероятно, было бы назвать норму процента не в высшей степени психологическим феноменом, а феноменом в высшей степени условным»²⁰.

Кризис перепроизводства, согласно понятиям Кейнса, – «это простое следствие нарушения деликатного равновесия самопроизвольного оптимизма. Оценивая перспективы инвестиций, мы должны поэтому принимать во внимание нервы, склонность к истерии и даже несварение желудка и реакцию на перемену погоды у тех, от самопроизвольной деятельности которых они главным образом зависят»²¹.

Ни о какой теории, ни о какой науке здесь, конечно, говорить уже не приходится. И если «вульгарная экономия» занималась преимущественно переводом ходячих поверхностных представлений на доктринерский язык, полагая, что вырабатывает «понятия», то современная буржуазная «наука» за понятия выдает уже иррациональные эмоции капиталиста, их схоластическое выражение. Дальше, как говорится, ехать уже некуда.

Маркс ясно показал, что после Рикардо, своей вершины, буржуазная мысль в области политической экономии вступила в фазу деграда-

²⁰ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Изд-во иностранной литературы, 1948. С. 195–196.

²¹ Там же. С. 154.

ции. Разумеется, эта деградация маскируется высокими фразами, призывами к «трезвому», «индуктивно-эмпирическому изучению фактов» и пр. Противопоставляя свою «индукцию» – «дедуктивному методу Рикардо», представители разложения буржуазной политэкономии просто-напросто ратуют за эклектику против строгой теории.

Для них неприемлемо его стремление понять все без исключения категории с последовательно выдержанной точки зрения трудовой теории стоимости, ибо, как они могли убедиться, эта точка зрения в тенденции своей неизбежно приводит к пониманию системы буржуазной экономики как системы неразрешимых антагонизмов и противоречий. Движущим мотивом этого отношения к Рикардо и к его дедуктивному методу является здесь просто апологетическое отношение к действительности.

Итак, Рикардо приходит к необходимости избрать дедуктивный способ рассмотрения эмпирических фактов вовсе не из своей приверженности к рационализму. Такой метод развития теоретических определений принимается им потому, что он единственно соответствует его стремлению понять систему буржуазной экономики не как совокупность более или менее случайных отношений людей и вещей, но как единую связную во всех своих проявлениях систему. Любую частную, особенную форму отношений производства и распределения богатства Рикардо хочет вывести из трудовой теории стоимости, из теории, выражающей всеобщую субстанцию, реальную сущность всех экономических явлений.

Это стремление Рикардо составляет его абсолютное достоинство как теоретика. Отказ от этого стремления равнозначен вообще отказу от теоретического отношения к эмпирическим фактам. Уже здесь, таким образом, прорисовывается то обстоятельство, что способ мышления, исходящий из всеобщего теоретического выражения действительности, как из строго выверенного основоположения, способен обеспечить теоретическое отношение к эмпирическим фактам. В противном случае мысль неизбежно соскальзывает на рельсы эклектического эмпиризма.

Эмпирический момент в исследовании Рикардо отнюдь не отвергает. Напротив, он сознает, что подлинное понимание эмпирически данных фактов, подлинный (а не эклектический) эмпиризм может быть осуществлен только в том случае, если эмпирические факты рассматриваются не с произвольно выбранной точки зрения, а с точки зрения, которая сама по себе теоретически обоснована как единственно верная и объективная.

Так, стихийно подчиняясь логике вещей, Рикардо приходит к тому отправному пункту теории, который Марксом был впоследствии принят уже вполне сознательно. Но тот факт, что Рикардо приходит к такой точке зрения на действительность и на способы ее воспроизведения в понятии чисто стихийно, не отдавая себе ясного отчета о диалектике «всеобщего, особенного и отдельного», с которой он на самом деле столкнулся, не остается без последствий.

Те осознанные философские представления, которыми он располагал об отношении дедукции к индукции, всеобщего к особенному, сущности к явлению и т.д., конечно, не остались в стороне от реального процесса познания, который им осуществлялся. Они влияли на ход его исследования весьма существенно и в определенных пунктах прямо предопределяли неудачу его поисков.

То, что Рикардо делал реально, — это вовсе не дедукция в том ее смысле, в каком ее только и понимала метафизическая логика его эпохи, — это вовсе не спекулятивное выведение понятия из понятия. В его руках это прежде всего способ, метод теоретического выражения эмпирических фактов, эмпирических явлений в их внутреннем единстве. Как таковой этот способ включает в себя эмпирическую индукцию. Но то обстоятельство, что это совпадение дедукции и индукции осуществляется в его методе чисто стихийно, не остается для него безнаказанным. В тех случаях, когда ему приходится отдавать себе отчет в том методе, которым он исследует факты, он вынужден прибегать к современному ему пониманию дедукции и индукции, вопроса об отношении всеобщего к особенному, закона к формам его проявления и т.д. А метафизическое понимание категорий логики и путей воспроизведения реальности в мышлении сразу же дезориентирует его как теоретика.

Проанализируем ход мысли Рикардо, чтобы это показать. Его метод заключается в следующем. Из определения стоимости количеством рабочего времени он исходит как из всеобщего основоположения всей системы. Но затем он прямо и непосредственно пытается приложить это всеобщее основоположение к каждой из особенных категорий с целью проверить, согласуются они с этим всеобщим основоположением или нет.

Он везде стремится показать непосредственное совпадение экономических категорий с законом стоимости.

Рикардо вполне в духе современной ему метафизической логики и философии предполагал, что всеобщее определение, положенное им в основание дедукции, есть непосредственно родовое понятие,

т.е. абстрактно-общее понятие, заключающее в себе признаки, непосредственно общие для всех обнимаемых им явлений, и ничего более. Отношение понятия стоимости к понятиям денег, прибыли, ренты, заработной платы, процента и т.д. ему кажется родо-видовым отношением между понятиями. Согласно этому представлению, основывающемуся на метафизическом понимании отношения всеобщего к особенному и единичному, в определение понятия стоимости должны входить только такие признаки, которые одинаково общи и деньгам, и прибыли, и ренте, и каждой из остальных категорий. В духе того же представления он считает, что любая особенная категория не исчерпывается признаками, выраженными в определениях всеобщего понятия, что каждая особенная категория обладает, кроме этих общих определений, еще и дополнительными, видовыми признаками, которые выражают как раз специфику (особенность) каждой частной категории.

Следовательно, подвести любую категорию под всеобщий принцип, под определение всеобщего понятия (в данном случае стоимости) – это еще лишь полдела. Эта операция позволит рассмотреть в особенной категории лишь то, что уже выражено в виде определений всеобщего понятия. Но далее следует выяснить, какие определения имеются в ней еще и сверх того – те определения, которые выражают не общее, не тождественное, а как раз различное.

В применении к категориям политической экономии это логическое представление выглядит так. Деньги, например, как и все другие категории, есть особая форма стоимости. Следовательно, они (т.е. реальные деньги) подчинены в своем движении прежде всего закону стоимости. Следовательно, к деньгам непосредственно приложима трудовая теория стоимости, иначе говоря, в теоретическое определение денег должны прежде всего войти определения, заключенные в понятии «стоимость». Таким образом выводится первое определение денег.

Но ведь совершенно ясно, что конкретная природа денег этим не исчерпывается. Далее, естественно, встает задача понять, что такое деньги именно *как деньги*, что такое деньги сверх того, что они – такая же стоимость, как и все прочее, почему они деньги, а не просто стоимость.

В этом пункте исследования природы денег и образования необходимых теоретических определений денег как особого экономического явления всякая дедукция, само собой разумеется, прекращается. Дедукция позволила увидеть в деньгах только те теоретические

определения их природы, которые уже до этого заключались в понятии стоимости.

А как быть дальше? Как обнаружить в реальных эмпирических явлениях денежного обращения такие теоретические определения, которые выражали бы свойства денег, столь же необходимые, как и те, которые «выведены» из понятия стоимости? Как прочитать в реальных деньгах такие характеристики, которые принадлежат им с той же необходимостью, как и всеобщие стоимостные определения, но одновременно составляют отличие денег от всех прочих форм существования стоимости?

В этом пункте дедукция становится невозможной. Приходится прибегать к индукции, имеющей своей целью выделение таких определений, которые одинаково общи всем без исключения случаям движения денег, – специфически-общих признаков денег.

Рикардо так и вынужден поступать. Он черпает дальнейшие теоретические определения денежной формы путем непосредственной эмпирической индукции, путем выделения того абстрактно-общего, что имеют между собой все без исключения явления денежного обращения. Он непосредственно обобщает явления денежного рынка, внутри которого одновременно обращаются различные формы денег: и металлические монеты, и золотые слитки, и бумажные деньги и т.д. Он ищет то общее, что металлические деньги имеют с бумажными кредитными билетами, с золотыми и серебряными слитками, с банковскими обязательствами, с векселями и т.п. И в этом заключается роковая слабость его теории денег.

На этом пути Рикардо смешивает теоретические определения денег как денег с теми их свойствами, которыми они на деле обязаны капиталу, совершающему в них свое специфическое движение, не имеющее ничего общего с явлениями денежного обращения как такового. В итоге за законы движения денег он принимает законы движения банковского *капитала*, и обратно – сводит законы банковского капитала к законам простого обращения металлических денег – монеты. А деньги как таковые, как особое экономическое явление, теоретически так и остаются непонятыми, вернее, понятыми неверно.

Рикардо сам чувствовал неудовлетворительность такого метода. Он понимал, что чисто эмпирическая индукция, к которой он вынужден в данном пункте прибегать, по самой ее природе не дает и не может давать необходимого вывода о природе денег. И это понимание у него проистекает не из чисто логических соображений. Дело

в том, что он постоянно полемизирует с руководителями банков, с финансистами, которые, по его мнению, поступают с деньгами не соответственно с их стоимостной природой, а вопреки ей. В этом он видит причину всех неприятных коллизий и нарушений в сфере денежного обращения. И именно это побуждает его выяснять истинную сущность и природу денег, а вовсе не философски-логический интерес.

Эмпирически данная картина денежного обращения непосредственно являет взору не истинную природу денег, а как раз обратное – несоответствующее природе денег обращение с ними, результаты неправильных действий банков с деньгами. Так что чисто эмпирическая индукция, как прекрасно понимал сам Рикардо, в лучшем случае даст обобщенное выражение неистинного, несоответствующего природе денег движения и никогда не даст обобщенного выражения такого движения денег, которое соответствует закону их существования.

Иными словами, он хотел найти теоретическое выражение такому движению денег (золота, монет, бумаг, обязательств и т.д.), которое непосредственно отвечает требованиям всеобщего закона стоимости и не зависит (как то происходит в эмпирической реальности) от произвола, своекорыстия и капризов руководителей банков. Истинную природу денег он ищет с той целью, чтобы практик-финансист поступал бы не так, как он поступает до сих пор, а иначе – не вопреки, а в соответствии с требованиями, вытекающими из природы денег.

Эту задачу он и старается решить с помощью дедуктивного выведения теоретических определений денег из закона стоимости, которое одно и может показать необходимые, в самой природе денег заключенные характеристики.

Но дедуцировать специфические отличительные черты денег как таковых, не содержащиеся в теоретических определениях всеобщего закона стоимости, а составляющие особенность денег *как особого вида стоимости*, ему уже не удастся. Специфические черты денег никакими ухищрениями уже не выведешь из определений стоимости. Их волей-неволей приходится получать уже не выведением из всеобщего принципа теории, а чисто эмпирической индукцией, отвлечением абстрактно-общего от всех без исключения форм денежного обращения, включая и металлические, и бумажные деньги, и государственные банковские билеты, и все прочее.

Понимание денег именно поэтому так и осталось одним из самых слабых пунктов теории рикардианской школы.

Дедукция Рикардо в действительности остается чисто формальной дедукцией, которая позволяет вычленишь в явлении лишь то, что уже заключалось в определениях всеобщего понятия, а индукция – по-прежнему чисто эмпирической, чисто формальной, а не теоретической; формальная индукция не позволяет отвлечь от явления те его черты, которые принадлежат ему необходимо, которые связаны с природой явления атрибутивно, а не появились в нем в силу влияния внешних, не связанных с его природой, обстоятельств.

Формальный характер дедукции еще в большей степени сказывался у Рикардо при попытке подвести под закон стоимости такие явления, как прибыль и прибавочная стоимость.

Подводя прибыль под всеобщую категорию стоимости, Рикардо сталкивался с тем парадоксальным фактом, что прибыль, с одной стороны, удается подвести под категорию стоимости, но, с другой стороны, сверх выявленных всеобщих определений в прибыли остается еще нечто такое, что при попытке выразить его через ту же категорию стоимости вдруг оказывается противоречащим всеобщему закону.

Получается нечто аналогичное тому, как если бы мы, подводя под положение «все люди смертны» некоего Кая, убедились, что он, с одной стороны, подводится под него, но, с другой стороны, его индивидуальная особенность заключается как раз в том и только в том, что этот Кай... бессмертен.

Именно в такое нелепое положение попал Рикардо, когда он попытался вывести теоретические определения прибыли, исходя из закона стоимости, когда он попытался *непосредственно* подвести прибыль под закон стоимости. Сам Рикардо, правда, этого противоречия не заметил, хотя сам же его и выявил. Но это сразу же заметили враги трудовой теории стоимости, в частности Мальтус.

Известно, сколько стараний затратили сторонники и последователи Рикардо, чтобы доказать недоказуемое – что этого противоречия на самом деле в его системе нет, а если и есть, то получается только вследствие нечеткости выражений учителя, вследствие неотработанности его терминологии и т.д., а поэтому может и должно быть устранено чисто формальными средствами – путем изменения названий, уточнения определений, выражений и т.д. и т.п.

Но именно эти попытки и положили начало процессу разложения школы Рикардо, процессу фактического отказа от принципов трудовой теории стоимости при формальном согласии с ними. Именно

потому, что *логическое* противоречие между всеобщим законом стоимости и законом средней нормы прибыли, выявленное теорией Рикардо, есть вполне *реальное противоречие*, все попытки представить его как несуществующее, как продукт нечеткости выражений и неточности определений не могли привести ни к чему иному, кроме фактического отказа от самого существа теории, от ее рационального зерна.

Первым и основным признаком разложения школы Рикардо является фактический отказ от стремления развить всю систему экономических категорий из одного всеобщего принципа, из определения стоимости количеством рабочего времени, из представления о труде, создающем товары, как о реальной субстанции и источнике всех остальных форм богатства.

Одновременно развитие теории после Рикардо прямо и непосредственно приводило к необходимости уяснить диалектику отношения всеобщего закона к развитым формам его осуществления, к особенному. Теория Рикардо в ее развитии подвела к проблеме противоречия в самой сущности определений предмета теоретического исследования. Ни сам Рикардо, ни его правоверные последователи, как известно, так и не смогли справиться с трудностями, в которых обнаруживалась перед мышлением реальная диалектика действительности. Их мышление оставалось по существу метафизическим и, естественно, не могло выразить диалектику в понятии, не отказываясь от своих фундаментальных логических представлений, в том числе и от метафизического понимания проблемы отношения абстрактного к конкретному, всеобщего к особенному и единичному.

Неумение и нежелание сознательно выразить в понятии противоречие, диалектику вещей, обнаруживались для мышления в виде явных логических противоречий внутри теории. Метафизика же вообще знает только один способ разрешения логических противоречий: устранение их из мышления, истолкование противоречий как продукта нечеткости выражений, определений и т.п., как чисто субъективного зла.

Несмотря на стихийно правильные способы подхода к фактам и к процессу их теоретического выражения, Рикардо сознательно оставался на позициях метафизического метода мышления. Дедукция у него по-прежнему была лишь таким способом развития понятий,

который позволял в особенном явлении усмотреть только то, что уже заключалось в большой посылке, в исходном всеобщем понятии и его определениях, а индукция тем самым сохраняла односторонне эмпирический характер. Она не позволяла выделить те черты явлений, которые им принадлежат с необходимостью и образовать теоретическую абстракцию, выражающую явления в их чистом виде, в их имманентном содержании.

Дедукция и индукция, анализ и синтез, всеобщее понятие и понятие, выражающее особенность явления, – все эти категории у Рикардо оставались по-прежнему метафизическими противоположностями, которые ему никак не удавалось связать друг с другом.

Дедукция постоянно вступала у него в противоречие с задачей индуктивного обобщения фактов; аналитические абстракции он никак не мог свести в систему, т.е. синтезировать, не наталкиваясь на логическое противоречие; всеобщее понятие (стоимость) оказывалось в его системе в отношении взаимоисключающего противоречия с особым понятием (прибыль) и т.д. и т.п. Все эти внутренние трещины и привели в итоге под ударами врагов к разложению трудовой теории стоимости, к бессистемной компиляции, которая может кичиться лишь своей эмпирической полнотой при полнейшем отсутствии теоретического понимания действительной конкретности.

Современная Рикардо философия и логика не давали и не могли дать ему никаких правильных указаний насчет выхода из всех этих трудностей. Здесь требовалась сознательная диалектика, сочетающаяся с революционно-критическим отношением к действительности, – способ мышления, не боящийся противоречия в определениях вещей и чуждый апологетическому отношению к существующему. Все проблемы скрещивались в одной – в необходимости понять систему товарно-капиталистического производства как конкретно-историческую систему, как систему, возникшую, развившуюся и продолжающую развиваться навстречу своей гибели.

Дедукция и проблема историзма

Понимая предмет исследования – товарно-капиталистическую экономику – как единое, связанное во всех своих проявлениях целое, как систему взаимообуславливающих отношений производства и распределения, Рикардо в то же время не понимал эту систему как

исторически возникшую, как исторически развившуюся и продолжающую развиваться органическую совокупность отношений людей и вещей в процессе производства.

Все достоинства способа исследования Рикардо органически связаны с точкой зрения субстанции, т.е. с пониманием предмета как единого, связного во всех своих проявлениях целого. И наоборот, все недостатки и пороки его способа развертывания теории уходят своими корнями в полное непонимание этого целого как исторически ставшего целого.

Товарно-капиталистическая форма производства представлялась ему «естественной», вечной формой всякого производства вообще. С этим были связаны неисторический (и даже более того – анти-исторический) характер его абстракции и отсутствие историзма в методе их получения. Дедукция категорий, если она сочетается с неисторическим пониманием предмета, который с ее помощью воспроизводится в понятии, с неизбежностью приобретает чисто формальный характер.

Нетрудно заметить, что дедукция по самой ее форме соответствует представлению о *развитии*, о движении от простого, нерасчлененного, общего – к сложному, к расчлененному, к частному и особенному. Но если предметная реальность, которая воспроизводится в понятиях дедуктивным способом, сама по себе понимается как реальность неразвивающаяся, как вечная и естественная система взаимодействующих явлений, то, естественно, дедукция начинает с неизбежностью представляться лишь искусственным приемом развития мысли. В этом случае логика с необходимостью возвращается к той точке зрения на природу дедукции, которую в классически ясной форме выразил Декарт.

Декарт, приступая к построению своей системы мира, к выведению всех сложных форм взаимодействия в природе из движения простейших, исключительно геометрически определяемых частиц материи, оговаривает свое право на такой способ построения теории следующим образом: «Природу их [вещей. – Э.И.] гораздо легче познать, видя их постепенное возникновение, чем рассматривая их как совершенно готовые»¹.

Но тут же, не желая входить в открытый конфликт с богословским учением о сотворении мира, Декарт делает характерную ого-

¹ Декарт Р. Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1950. С. 292.

ворку: «Однако из всего этого я не хотел заключать, что этот мир создан в таком виде, как я предположил, ибо гораздо более правдоподобно, что с самого его начала бог создал его таким, каким он должен быть»².

Для Декарта очевидно, что форма дедукции, которую он сознательно применяет, глубоко родственна представлению о развитии, о возникновении, о происхождении вещей в их необходимости. Поэтому перед ним и встал щекотливый вопрос: как примирить дедукцию с представлением о том, что предмет вечно равен самому себе и ниоткуда не произошел, будучи единожды создан богом?

В аналогичном положении оказался и Рикардо. Он прекрасно понимал, что только дедуктивное движение мысли может выразить явления в их внутренней связи, что познать эту связь можно только в рассмотрении постепенного возникновения различных форм богатства из одной общей им всем субстанции – из труда, производящего товары. Но как этот способ рассмотрения увязать с представлением о том, что буржуазная система есть естественная и вечная система, которая реально ни возникать, ни развиваться не может? Рикардо эти два представления, по сути своей абсолютно несовместимые, все же примиряет. И это отражается как раз на методе его мышления, на способе образования абстракций.

Если теория начинает строиться с категории стоимости, чтобы от нее перейти к рассмотрению других категорий, то это можно оправдать тем, что категория стоимости есть наиболее общее понятие, предполагающее и прибыль, и процент, и ренту, и капитал и все остальное, – родовой абстракт, отвлеченный от этих реальных особенных и единичных явлений.

Движение мысли от абстрактно-общей категории к выражению особенностей реальных явлений поэтому и предстает как движение, протекающее исключительно в мысли, но никак не в реальности. В реальности все категории – прибыль, капитал, рента, заработная плата, деньги и т.д. – существуют одновременно рядом друг с другом, а категория стоимости выражает общее между ними. Как таковая стоимость реально существует лишь в абстрагирующей голове, как отражение того общего, что товар имеет с деньгами, с при-

² Там же.

былью, с рентой, с заработной платой, капиталом и т.д. Это родовое понятие, обнимающее все особенные категории, и есть стоимость.

Рикардо здесь рассуждал в духе современной ему номиналистической логики, восстававшей против тезиса средневекового реализма, против представления креационистского толка, согласно которому общее, скажем, животное вообще существует до лошади, лисицы, коровы, зайца, до особенных видов животных, а затем превращается, «расщепляется» на лошадь, корову, лисицу, зайца и т.д.

По Рикардо, стоимость как таковая может существовать лишь «post rem»^{xxxii}, лишь в качестве умственного отвлечения от особенных видов стоимости (от прибыли, ренты, заработной платы и т.д.) и ни в коем случае не «ante rem», не в виде самостоятельной реальности, предшествующей по времени появления своим особым видам (капиталу, прибыли, ренте, заработной плате и т.д.). Все же эти особенные виды стоимости существуют вечно, рядом друг с другом и ни в коем случае не происходят из стоимости, так же как лошадь реально не происходит из животного вообще.

Но вся беда в том, что номиналистическая концепция общего понятия, справедливо нападая на главный тезис средневекового реализма, заодно с ним вообще устраняла из реального мира единичных вещей и идею их реального развития.

Поскольку Рикардо стоял на точке зрения буржуазии в понимании существа буржуазной экономики, односторонняя и крайне метафизическая концепция номинализма в логике ему и казалась самой естественной и подходящей. От века и навек существуют лишь единичные явления, принадлежащие особым видам стоимости: товар, деньги, капитал, прибыль, рента и др. Стоимость же есть абстракт, отвлеченный от этих единичных и особенных экономических явлений, «universalia post rem» и никак не «universalia ante rem». Поэтому стоимость как таковую, стоимость саму по себе, в строжайшем отвлечении от прибыли, заработной платы, ренты и конкуренции Рикардо и не исследовал.

Сформулировав понятие стоимости, он сразу и непосредственно переходил к рассмотрению развитых особенных категорий, начинал непосредственно прикладывать понятие стоимости к явлениям прибыли, заработной платы, ренты, денег и т.д.

И это самый естественный логический ход, если реальность, с его помощью воспроизводимая, понимается как вечная система взаимодействия особенных видов стоимости.

Ясно, что если содержание всеобщего понятия, лежавшего в основе всей системы теории, понимать как сумму признаков, абстрактно общих всем особенным и единичным явлениям, то приходится поступать именно так, как поступал Рикардо. Если всеобщее понимается как абстрактно-общее всем без исключения единичным и особенным явлениям свойство, то в случае со стоимостью для того, чтобы получить ее теоретические определения, приходится рассматривать именно прибыль, именно ренту, и отвлекать общее именно от них. Рикардо так и поступал. И именно за это его особенно резко критиковал Маркс, ибо здесь как раз и выражался *антиисторический* подход Рикардо к проблеме стоимости и ее видов.

Основной порок способа исследования Рикардо Маркс видел в том, что он специально не исследовал теоретические определения стоимости как таковой в ее строжайшей независимости от воздействий процесса производства прибавочной стоимости, от конкуренции, прибыли, заработной платы и всех остальных явлений. В первой главе основного труда Рикардо речь идет не только об обмене товара на товар (т.е. о простой форме стоимости, стоимости как таковой), но также и о прибыли, заработной плате, капитале, средней норме прибыли и тому подобных вещах.

«Мы видим, что если Рикардо упрекают в слишком большой абстрактности, то справедливым был бы противоположный упрек, а именно – в недостаточной силе абстракции, в неспособности при рассмотрении стоимостей товаров забыть прибыли – факт, встающий перед ним из сферы конкуренции»³.

Но это требование – требование объективной полноты абстракции – невозможно выполнить, не отказываясь, во-первых, от формально-метафизического понимания всеобщего понятия (как простого абстракта от особенных и единичных явлений, к которым оно относится), а во-вторых, не переходя на точку зрения историзма в понимании (в данном случае развития от стоимости к прибыли).

Маркс требует от науки, чтобы та понимала экономическую систему как систему, возникшую и развившуюся, требует, чтобы логическое развитие категорий воспроизводило реальную историю возникновения и развертывания системы.

³ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. II. С. 184.

Но раз так, то и стоимость, как исходный пункт теоретического понимания, наука обязана понять как объективную экономическую реальность, существующую и возникающую раньше, нежели могут вообще возникнуть и существовать такие явления, как прибыль, капитал, заработная плата, рента и т.д. Поэтому и теоретические определения стоимости следует получать не на пути отвлечения того общего, что имеют между собой товар, деньги, капитал, прибыль, зарплата и рента, а на совсем ином пути. Все эти вещи предполагаются *несуществующими*. Они вовсе не существовали от века, а где-то, в каком-то пункте возникли, и это возникновение в его необходимости наука и должна вскрыть.

Стоимость есть реальное, объективное условие, без наличия которого невозможен ни капитал, ни деньги, ни все остальное. Теоретические определения стоимости как таковой и могут быть получены только в рассмотрении некоторой объективной экономической реальности, могущей существовать до, вне и независимо от всех тех явлений, которые позже развились на ее основе.

Эта простейшая объективная экономическая реальность существовала задолго до того, как возник капитализм и все выражающие его структуру категории. Эта реальность – *непосредственный обмен одного товара на другой товар*.

Мы видели, что классики политической экономии именно в рассмотрении этой реальности и выработали всеобщее понятие стоимости, хотя и не представляли себе при этом действительного философского и теоретического смысла своих действий.

Надо полагать, что Рикардо был бы немало озадачен, если бы ему указали на тот факт, что и его предшественники, и он сам выработали *всеобщую* категорию своей науки рассмотрением не абстрактно-общего правила, которому подчиняются все без исключения вещи, обладающие стоимостью, а как раз наоборот, рассмотрением *редчайшего исключения из правила* – непосредственного безденежного обмена одного товара на другой.

И поскольку они делали это, они добыли действительно объективное теоретическое понимание стоимости. Поскольку же они недостаточно строго оставались в пределах рассмотрения этого вполне особого и в развитом капитализме крайне редкого способа экономического взаимодействия, они и не могли понять стоимость до конца.

В этом и заключается *диалектичность* понимания всеобщего у Маркса, диалектика в понимании способа выработки всеобщей категории системы науки.

И нетрудно убедиться в том, что такое понимание возможно только на основе *исторического* по своему существу подхода к исследованию предметной реальности.

Дедукция, поставленная на почву сознательного историзма, становится единственной логической формой, соответствующей точке зрения, понимающей предмет не как готовый, а как исторически возникший и развившийся.

«...Благодаря успехам теории развития даже вся классификация организмов отнята у индукции и сведена к “дедукции”, к учению о происхождении – какой-нибудь вид буквально *дедуцируется*, выводится из другого путем происхождения, а доказать теорию развития при помощи простой индукции невозможно, так как она целиком антииндуктивна»⁴.

Лошадь и корова, конечно, не произошли из животного вообще, как груша и яблоко не есть продукты самоотчуждения понятия плода вообще. Но несомненно, что и корова, и лошадь имели где-то в глубине веков общего предка, а яблоко и груша также есть продукты дифференциации какой-то одной, общей для них обеих формы плода. И этот реальный общий предок коровы, лошади, зайца, лисицы и всех остальных ныне существующих видов животных, конечно, существовал не в лоне божественного разума, не в виде идеи животного вообще, а в самой природе, как вполне реальный, особенный вид, из которого путем дифференциации произошли различные виды.

И эта всеобщая форма животного, если угодно животное как таковое, вовсе не есть абстракция, заключающая в себе лишь то одинаковое, что имеют между собой ныне существующие особенные виды животных. Это всеобщее одновременно есть особенный вид, обладающий не только и не столько теми чертами, которые сохранились у всех его потомков в качестве общего между ними, сколько своими собственными, вполне специфическими чертами, часть которых унаследована потомками, часть совершенно утратилась и заменилась совсем иными. Конкретный образ всеобщего предка, от

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. С. 497–498.

когого произошли все ныне существующие виды, принципиально нельзя сконструировать из тех признаков, которые непосредственно общи всем ныне существующим видам.

Поступать в биологии так, значило бы вставить на тот же самый ложный путь, на котором Рикардо искал определения стоимости как таковой, всеобщей формы стоимости, полагая, что эти определения суть абстракты от прибыли, ренты, капитала и всех других особенных форм стоимости, находившихся перед его глазами.

С представлением о развитии, как о реальном происхождении одних явлений из других, и связано диалектико-материалистическое понимание процесса выведения категорий, процесса восхождения от абстрактного к конкретному, от всеобщего (которое само по себе есть вполне определенное особенное) к особенному (которое также выражает собой всеобщее и необходимое определение предмета).

Исходное всеобщее основание системы теоретических определений (исходное понятие науки), с точки зрения диалектики, выражает собой конкретные теоретические определения *вполне особенного, вполне определенного* типичного явления, чувственно-практически данного эмпирическому созерцанию, в общественной практике и эксперименте.

Особенность этого явления заключается в том, что оно реально (вне головы теоретика) является исходным пунктом развития исследуемой совокупности взаимодействующих явлений, того конкретно-целого, которое в данном случае является предметом логического воспроизведения.

Наука должна начинать с того, с чего начинается реальная история. Логическое развитие теоретических определений должно поэтому выражать конкретно-исторический процесс становления и развития предмета. Логическая дедукция и есть не что иное, как теоретическое выражение процесса реального исторического становления исследуемой конкретности.

Но правильное понимание этого принципа предполагает соответственно конкретный, диалектический по существу взгляд на природу исторического развития. Этот важнейший пункт логики Маркса – решение проблемы отношения научного развития к историческому (отношения логического к историческому) – должен быть рассмотрен особо. Без него нельзя ничего понять в способе восхождения от абстрактного к конкретному.

Глава четвертая

ЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КОНКРЕТНЫЙ ИСТОРИЗМ

О различии логического и исторического способов исследования

Мы уже отмечали то важнейшее обстоятельство, что теоретический анализ эмпирических фактов всегда органически совпадает с критическим анализом понятий, с творческим развитием имеющихся, исторически сложившихся категорий, что новое теоретическое понимание фактов (новая система категорий) всегда и везде возникает не на пустом месте, не «прямо из фактов», как хотелось бы позитивистам и вульгаризаторам, а через строжайшую научную критику имеющейся системы категорий.

Проблема творческой преемственности в развитии теории (проблема исторического развития науки) и выступает на первый план тотчас, как только речь заходит об отношении научного (логического) развития к историческому.

Энгельс в своих рецензиях на книгу Маркса «К критике политической экономии» ясно показал, что проблема отношения логического к историческому непосредственно встает перед теоретиком как вопрос *о способе критики имеющейся теоретической литературы*: «Критику политической экономии даже и согласно приобретенному методу можно было проводить двояким образом: исторически или логически»¹.

Но поскольку разработка нового теоретического понимания фактов может совершаться только через критику имеющейся теоретической литературы, то способ критики теоретической литературы по существу совпадает со способом отношения к фактам. Критика теоретических категорий осуществляется путем их сопоставления с реальными эмпирическими фактами. В этом отношении никакой

¹ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 235.

разницы между логическим и историческим способами анализа понятий и фактов нет и быть не может.

Разница состоит в другом. При так называемом историческом способе критики предшествующих теорий эти теории критически сопоставляются с теми самыми историческими фактами, на основе которых они были созданы. Например, если бы Маркс предпочел исторический способ критики теории Рикардо, он должен был бы сопоставлять эту теорию с фактами, современными Давиду Рикардо, т.е. с фактами капиталистического развития конца XVIII – начала XIX в.

Теория Рикардо, ее категории и законы критически сравнивались бы при этом с фактами более или менее отдаленного прошлого, с фактами неразвитой стадии товарно-капиталистической действительности. Но этот способ критики предполагает, что самые эти факты достаточно хорошо изучены или должны быть изучены. А в этом отношении отсутствовала всякая предварительная работа. Эти факты не были не только научно поняты, но даже просто собраны, подытожены. При этих условиях исторический способ критики был явно нецелесообразен. Он только затянул бы работу.

Поэтому Маркс и предпочел так называемый логический способ критики и соответственно логический способ рассмотрения действительности.

При этом способе исторически предшествующая теория подвергается критическому сопоставлению непосредственно не с теми самыми фактами, на основе которых она возникла, а с фактами, наблюдаемыми на другой исторической ступени развития предмета, – с теми фактами, которые непосредственно имел перед глазами сам Маркс.

Этот способ обладает двумя решающими преимуществами: во-первых, современные Марксу факты были лучше ему известны и при нужде могли быть тщательнее проверены, а во-вторых, они гораздо отчетливее и резче выявляли все тенденции капиталистического развития, чем факты, современные Давиду Рикардо.

Все то, что в начале XIX в. проступало еще неясно, к середине XIX в. приобрело более зрелую форму выражения, – достаточно указать хотя бы на кризисные явления.

Логический способ поэтому позволяет рассматривать каждое экономическое (поскольку речь идет о политической экономии) явление именно в той точке, где оно достигает максимально полного выражения и развития.

Ясно, что в логическом сопоставлении с реальными фактами развитого капитализма гораздо легче было обнаружить как ложность определенных теоретических положений Рикардо, так и их рациональное зерно. Одновременно достигалось непосредственное выражение современной Марксу действительности. В этом и заключаются два решающих преимущества логического способа анализа понятий и фактов перед историческим.

Но эти преимущества остались бы непонятыми, а сам способ логического анализа остался бы неоправданным с философской точки зрения, если бы мы не показали, как и почему анализ высшей стадии развития сам по себе, не обращаясь к детальному исследованию прошлого (поскольку в одних случаях это крайне затруднено, а в других случаях и вовсе невозможно, как, например, при исследовании космогонических явлений), может дать историческое понимание действительности.

Другими словами, как и почему теоретический (логически систематический) анализ настоящего *одновременно* может раскрывать тайну прошлого – истории, которая привела к этому настоящему.

Проанализируем сначала два принципиально возможных случая, могущих иметь место в отношении между развитием науки и историей ее предмета.

Первый случай: теория переживает свое развитие в течение такого промежутка времени, который слишком мал для того, чтобы сам предмет мог претерпеть сколько-нибудь существенные изменения. Это случай более характерен для естественных наук – астрономии (космогонии), физики, химии и т.д.

В данном случае применение логического способа анализа понятий и фактов не только правомерно, но и единственно возможно. Здесь различные стадии развития науки имеют дело с одной и той же исторической ступенью развития предмета, с одним и тем же предметом на одной и той же ступени развития. Так, и Ньютон, и Лаплас, и Кант, и О.Ю. Шмидт исходили из одной и той же стадии развития солнечно-планетной системы.

В этом случае естественно оправдывается применение логического способа критики категорий (соответственно способа теоретического выражения фактов). Старая, прежняя теория и ее категории постигаются как неполное, одностороннее, абстрактное выражение истины. Новая же теория предстает как более полное, более конкретное теоретическое выражение существа тех же самых фактов, того же самого предмета. Естественно, что рациональное зерно

прежней теории включается в новую теорию на правах ее абстрактного момента. Отбрасывается лишь представление, что старая теория заключала в себе *исчерпывающее* выражение сущности фактов. Старая теория при этом (конечно, не вся в целом, а лишь ее рациональное зерно) превращается в один из оттенков новой теории, в частный случай всеобщего принципа новой теории.

Здесь право теоретика применять логический способ критики прежних теорий основано на том, что теории и категории, подвергаемые анализу с точки зрения актуально данных фактов, отражали *тот же самый предмет*, который и он имеет ныне перед глазами. Поэтому теоретик и производит очную ставку теорий, созданных сотни лет назад, с фактами, наблюдаемыми сегодня, обычно не вдаваясь в сомнения насчет своего права делать это.

Сложнее дело обстоит во втором случае, когда различные стадии развития науки имеют дело с различными историческими ступенями развития предмета. Здесь сама история науки выступает как своеобразное отражение истории предмета. Перемены в науке отражают крупные исторические перемены в структуре самого предмета. Предмет развивается достаточно быстро, исторические сроки его развития совпадают с историческими сроками развития науки, ее категорий.

Этот случай, как само собой понятно, характернее для наук общественных. Типичным примером этого случая является та же политическая экономия. В этом же положении находится и эстетика, и этика, и гносеология, и правоведение.

Поэтому может возникнуть законное сомнение: а применим ли тут вообще логический способ развития теории?

Как можно сравнивать теорию, категории, развитые сотни лет назад (и даже десятилетия), с фактами, которые наблюдаются сегодня? Ведь предмет изменился за эти сроки весьма существенно; даст ли в данном случае эффект применение логического способа критики категорий? Может быть, это поведет лишь к недоразумениям, к тому, что одними и теми же категориями будут выражаться разные вещи, лишь к теоретически бесплодным словопрениям?

Диалектико-материалистическое представление о развитии рассеивает это сомнение. Надо учесть, что и в данном случае наука на всем протяжении ее развития имеет дело с фактами, *относящимися все же к одному и тому же предмету*, хотя этот предмет и предстает перед ней на разных ступенях и фазах его «зрелости». А это

непосредственно означает, что те действительно всеобщие и необходимые закономерности, которые составляют «простую сущность» исследуемого предмета, абстрактные контуры его внутреннего строения, остаются одними и теми же на всем протяжении его исторического развития. С другой стороны, те явления и категории, которые имеют место на ранних ступенях развития, но бесследно исчезают на высших, самым фактом своего исчезновения объективно доказывают, что они не принадлежат к числу атрибутивных, внутренне необходимых форм бытия предмета.

Маркс при анализе экономических теорий и категорий, развитых его предшественниками (не только Адамом Смитом и Давидом Рикардо, но даже Аристотелем), уверенно применяет логический способ их критики, обращаясь к историческому способу лишь в отдельных случаях, как к вспомогательному.

Этот способ анализа теорий прошлого является не только допустимым, но и наиболее целесообразным при развитии *общей теории* предмета, так как он сразу же оставляет в стороне все те моменты, которые имеют лишь чисто историческое значение, характеризуют более или менее случайные обстоятельства, внутри которых совершалось развитие предмета, интересующего общую теорию. Логический способ критики и развития теории дает Марксу объективный критерий различения категорий, относящихся к составу внутренней структуры товарно-капиталистического организма, от всех тех моментов, которые связаны с вытесняемыми и разрушаемыми его развитием формами производства, с чисто местными особенностями капиталистического развития в той стране, где непосредственно возникла анализируемая теория, и т.д.

Преимущества логического способа критики предшествующих теорий основываются на том, что более зрелая стадия развития предмета, с которой непосредственно сопоставляются теории прошлого, обнаруживает атрибутивные формы его строения с большей чистотой и отчетливостью, показывает их в обнаженно чистом виде. При этом «каждый момент можно рассматривать в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости и классической формы»², — отмечает преимущество логического способа Ф. Энгельс в своей рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии».

² Там же. С. 236.

В силу этого мы и можем подвергать критическому анализу, например, гегелевскую Логiku не с точки зрения современных *ей*, а с точки зрения современных *нам* фактов развития науки, и результатом такой критики будет как диалектическое освещение этих фактов, так и критически-материалистическое понимание категорий гегелевской диалектики, их рационального зерна.

Исходя из этих соображений, Маркс и считает не только правоммерным, но и наиболее целесообразным именно логический способ критики предшествующих теорий, способ развития их рационального содержания, не только в естественных науках, где предмет остается неизменным на всем протяжении развития науки, но и в общественно-исторических областях знания. Принципиальной пропасти между естественными и общественными науками в этом отношении нет. К тому же и в естественных науках дело обстоит не так просто, как это могло бы показаться на первый взгляд: хотя Эйнштейн и имел дело с «тем же самым» предметом, что и Ньютон, все же непосредственные факты, из которых он исходил в критике ньютоновской механики, были иными. Чувственно-практическая деятельность общественного человека, эксперимент, «развернули» перед ним «тот же самый» предмет гораздо более полно и всесторонне. Так что и с этой стороны право на применение логического способа критики и развития теории в общественных науках обосновано не меньше, чем в естественных.

Чувственно-практическая деятельность общественного человека и там и здесь оказывается опосредующим звеном между предметом «в себе» и мыслью теоретика. Именно поэтому в анализе отношения между естественными и общественными науками как раз *практика* выступает тем решающим аргументом, с помощью которого разбирается неокантианская идея о принципиальной пропасти между методами естественных и общественно-исторических наук.

Конечно, исторический способ критики предшественников у Маркса вовсе не исключается. Маркс постоянно прибегает к нему, выявляя те исторические обстоятельства, внутри которых возникла критикуемая им теория. Но все же исторический способ критики играет у него лишь подчиненную, вспомогательную роль. Столбовой дорогой критики и развития теории остается логический способ.

«Чтобы развить законы буржуазной экономики, вовсе не обязательно писать *действительную историю производственных отношений*. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений как таких отношений, которые сами сло-

жились исторически, всегда приводит к некоторым первым соотношениям – каковы, например, эмпирические числовые данные в естествознании, – указывающим на некоторое прошлое, лежащее позади исследуемой системы. Эти указания в сочетании с правильным пониманием настоящего дают тогда также и ключ к пониманию прошлого...»^{3, xxxiii}, – писал Маркс в 1858 г.

Логическое развитие как выражение конкретного историзма в исследовании

Выше мы сформулировали вопрос так: как и почему теоретический анализ (анализ фактов, совершающийся через критику категорий), исходящий из *результатов* исторического процесса, может сам по себе давать историческое по существу (хотя и логическое по форме) выражение действительности даже в том случае, если реальная (эмпирическая) история, приведшая к этим результатам, непосредственно в деталях и не исследуется?

Ответ на этот вопрос может быть получен только через рассмотрение тех реальных диалектических закономерностей, которым подчиняется всякий действительный процесс развития как в природе и обществе, так и в самом познании, в мышлении. Если мы в исследовании результатов определенного исторического процесса можем открыть «снятую» в них историю их возникновения и развития, если мы можем, исходя из результатов истории, теоретически восстановить общие контуры картины их возникновения, то эта возможность основана прежде всего на том, что объективный результат процесса развития сохраняет в себе в каком-то измененном, «снятом» виде свою собственную историю.

Логическая проблема и здесь оборачивается в проблему того закономерного отношения, в котором находится исторический процесс развития к его собственным результатам. Выше мы отметили, что действительно всеобщие, действительно необходимые моменты, характеризующие предмет как конкретно-историческое целое, сохраняются в нем на всем протяжении его существования и развития, составляя закон его конкретно-исторического бытия.

Вопрос, стало быть, заключается в том, чтобы выяснить, в каком виде, в какой форме сохраняются на высших ступенях развития

³ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf). Moskau, 1939. S. 364–365.

предмета исторические условия его возникновения и развития. И здесь мы сталкиваемся с фактом диалектического отношения между исторически предшествующими условиями возникновения предмета и позднейшими, на их основе развившимися следствиями. Диалектика этого отношения состоит в своеобразном «перевертывании» исторически предшествующего в последующее и обратно, условия — в обусловленное, следствия — в причину, сложного — в простейшее и обратно и т.д.

Благодаря этой объективной диалектике получается то парадоксальное, на первый взгляд, обстоятельство, что логическое изображение законов исторического процесса (логическое по форме и конкретно-историческое по существу понимание фактов) являет собой картину, обратную по сравнению с той, которая представляется «естественной», кажется соответствующей эмпирически констатируемому порядку развития предмета.

Чтобы понять эту диалектику, необходимо принять во внимание прежде всего следующий факт. Любой реальный процесс конкретного развития (в природе, обществе или сознании) всегда начинается не на пустом месте, не в эфире чистого разума, а на основе предпосылок и условий, созданных не им, а другими процессами, подчиняющимися совсем иным законам, и в конечном счете — всем предшествующим развитием мироздания.

Так, человек начинает свою специфическую историю на основе предпосылок и условий, созданных до и независимо от него природой. Возникновение жизни (специфически-биологическое развитие) предполагает независимо от нее сложившиеся, притом очень сложные химические образования. Любая качественно новая форма развития не только возникает внутри условий, не ею созданных, но и все свое дальнейшее развитие переживает внутри тех же условий, внутри сложнейшего взаимодействия с ними. Это ясно. Но далее мы и сталкиваемся с трудностью — с диалектическим характером отношения между низшими и высшими формами развития, с объективным изменением их роли внутри этого взаимоотношения.

Дело в том, что исторически позднейший результат, возникший на основе всего предшествующего развития, вовсе не остается лишь пассивным результатом, лишь следствием. Каждая вновь возникшая (высшая) форма взаимодействия становится новым всеобщим принципом, который подчиняет себе исторически предшествующие ей формы, превращает их в побочные внешние формы своего специфического развития, «в органы своего тела», как выразился Маркс

в применении к одному из случаев такого рода^{xxxiv}. Их движение начинает совершаться согласно законам, характерным для той новой системы взаимодействия, внутрь которой они попали.

Новая, высшая (исторически позднейшая) система конкретного взаимодействия начинает сама, своим собственным движением сохранять и активно воспроизводить все действительно необходимые условия своего движения. Она как бы «порождает из себя» все то, что первоначально было создано не ею, а предшествующим развитием.

Развитие в этом случае и приобретает ту форму спирали, которую мы анализировали в первой части работы как одну из характернейших черт внутреннего взаимодействия, конкретности в подлинном смысле этого понятия.

Необходимо предполагаемое условие исторического возникновения предмета становится при этом необходимо полагаемым следствием его специфического развития.

В этом виде исторически необходимые условия возникновения предмета сохраняются в его структуре на всем пути его развития, его специфического движения. Все же те моменты, которые хотя и присутствовали при рождении новой формы развития, но не были абсолютно необходимыми условиями этого рождения, в итоге не сохраняются, не воспроизводятся. На высших ступенях развития предмета последние не наблюдаются, — они исчезают в ходе его исторического созревания, тонут во мраке прошлого.

Поэтому логическое рассмотрение высшей ступени развития предмета, уже развившейся системы взаимодействия выявляет картину, в которой *сохранены* все действительно необходимые условия ее возникновения и эволюции и отсутствуют все более или менее случайные, чисто исторические условия ее возникновения.

Поэтому логическому анализу и не приходится «очищать» от чисто исторических случайностей и от исторической формы изображение тех действительно всеобщих и абсолютно необходимых условий, при наличии которых данная система взаимодействия только и могла возникнуть, а возникнув — сохраняться и развиваться. Это «очищение» продельывает за теоретика и до теоретика сам исторический процесс.

Иными словами, сам объективный исторический процесс производит абстракцию, в которой удержаны лишь конкретно-всеобщие моменты развития, очищенные от исторической формы, зави-

сящей от стечения более или менее случайно сложившихся обстоятельств.

Теоретическое выявление именно этих моментов и дает в итоге конкретно-исторические абстракции. Этим принципом уверенно руководствовался Маркс, анализируя категории политической экономии.

Рабочая сила как таковая, как способность к труду, вообще принадлежит к числу исторических предпосылок возникновения капитала, точно так же, как и земля, и воздух, и полезные ископаемые. В качестве таковой она и остается лишь предпосылкой возникновения капитала, не являясь одновременно его следствием, его продуктом. Зато капитал активно воспроизводит (рождает как свой продукт) *рабочую силу как товар*, т.е. ту конкретно-историческую форму, в которой рабочая сила функционирует в качестве элемента капитала.

То же происходит и с товаром, и с деньгами, и с торговой прибылью, и с рентой, и т.д.: как таковые они принадлежат к числу «додилювиальных» предпосылок капиталистического развития, к числу его «доисторических» условий. Как конкретно-исторические формы бытия капитала, отражающие своим движением его специфическую историю, они суть продукты самого капитала.

В итоге все действительно необходимые условия возникновения капитала наблюдаются на поверхности развитого капитала как его побочные формы, притом наблюдаются в очищенном от исторической формы виде. Воспроизводя их как свой продукт, капитал стирает с них все следы их первоначального исторического облика. Одновременно логический анализ дает указание и историческому исследованию. Он своими выводами ориентирует историка на отыскание действительно необходимых условий и предпосылок возникновения определенного процесса, дает ему критерий для различения существенного от просто бросающегося в глаза, необходимого от чисто случайного и т.д.

Описанная диалектика имеет место, конечно, не только в случае с капиталом. Это – всеобщий закон.

То же самое мы можем наблюдать, например, и в становлении биологической формы движения материи. Первоначально простейшее белковое тело возникает независимо от каких бы то ни было биологических процессов, просто как один из продуктов химизма, притом как очень неустойчивый продукт.

Как, при каких конкретных условиях возникло это простейшее биологическое образование – этого мы с достаточной точностью не

знаем и до сих пор. Химия еще не может искусственно создать живого белкового тела, не может создать условий, внутри которых такое тело возникло бы с необходимостью. Это значит, что она точно не знает, какие это условия.

Но зато вполне достоверным, объективно констатируемым фактом является следующее: внутри развитого биологического организма эти условия (причем вся их необходимая совокупность) актуально наличествуют, актуально осуществлены до тех пор, пока организм живет. Эти условия, при которых извне привходящее вещество превращается в белок, в живое вещество, здесь могут быть установлены вполне объективно и строго. Одновременно (исходя из того факта, что не любое вещество может быть ассимилировано организмом) можно открыть и те первоначальные продукты химизма, которые способны при надлежащих условиях превратиться в живое тело.

Тем самым изучение процессов, протекающих в ныне здравствующих организмах, может дать и дает понимание процесса возникновения жизни на земле, правда, в общих контурах.

Итак, логическое развитие категорий, изображающих внутреннюю структуру предмета в том ее виде, в каком она наблюдается на высших ступенях его развития, приводит «в первом приближении» к пониманию истории его возникновения, закона становления этой структуры. Логическое развитие поэтому совпадает с историческим развитием внутренне, по самому существу дела. Но совпадение это глубоко диалектично, и без понимания этой диалектики его добиться нельзя.

Абстрактный и конкретный историзм

Конкретного понимания действительности нельзя достигнуть без исторического подхода к ней. Но и обратно, – историзм, лишенный конкретности, представляет собой чистую фикцию, псевдоисторизм. В наше время в науке не сыщешь человека, который отрицал бы идею развития в ее общей, абстрактной форме. Но точка зрения историзма вообще, не соединенная с диалектической идеей конкретности, неизбежно превращается в пустую фразу. Неконкретный, т.е. абстрактный, историзм не только не чужд метафизическому способу мышления, но и составляет одну из его характернейших черт. Метафизики всегда много и охотно рассуждают о необходимости «исторического подхода» к явлениям, совершают экскурсии в исто-

рию предмета, подводят «исторические обоснования» под свои теоретические построения. И отличить конкретный историзм метода материалистической диалектики от абстрактного историзма метафизиков не так-то легко, как может показаться на первый взгляд.

На точку зрения абстрактного историзма (псевдоисторизма) сползти очень нетрудно. Более того, она как раз и кажется самой естественной. В самом деле, разве не кажется естественным, когда хочешь понять предмет исторически, начать рассматривать историю, создавшую этот предмет?

Но эта простая и естественная точка зрения быстро приводит к неразрешимым трудностям. Начнем с того, что любая исторически возникшая вещь имеет за своей спиной, в качестве своего прошлого всю бесконечную историю вселенной. Поэтому попытка понять явление исторически на пути прослеживания всех тех процессов и предпосылок, которые так или иначе предшествуют его рождению, неизбежно поведет в дурную бесконечность и уже поэтому неспособна привести к сколько-нибудь определенному и конкретному результату.

Хочешь не хочешь, а идя «назад», где-то придется сделать остановку, чтобы хоть с чего-то начать. С чего? Абстрактный историзм никаких преград для субъективизма и произвола здесь выставить не может.

Но этого мало. Точка зрения абстрактного историзма неизбежно и помимо желания приводит к тому, что под видом исторического подхода к делу получается самый грубый антиисторизм. Это понять нетрудно. Буржуазные экономисты, понимающие капитал как «накопленный труд вообще», весьма логично и естественно видят час его исторического рождения там, где первобытный человек взял в руки дубину. Если же капитал понимается как деньги, приносящие из оборота новые деньги, то историческое начало капитала столь же неизбежно усмотрят где-нибудь в древней Финикии. Антиисторическое понимание сущности, природы явления в данном случае оправдывается «историческими» аргументами. И ничего удивительного тут нет — понимание прошлого тесно связано с пониманием настоящего. Прежде чем рассматривать историю предмета, приходится волей-неволей отдать себе отчет в том, что такое тот предмет, историю которого хочешь исследовать.

Результат применения принципа абстрактного историзма таков: за факты истории определенного явления начинают приниматься факты, относящиеся к истории каких-то совсем других явлений, тех

самых, которые лишь исторически подготовили его появление. Благодаря этому фокусу данное конкретно-историческое явление превращается в глазах теоретика если не в «вечное», то во всяком случае очень древнее, гораздо более великовозрастное, нежели оно есть на самом деле.

Ярчайшим примером такого абстрактно-исторического подхода – понимания, которое исторично по видимости, но антиисторично по существу, – может служить объяснение, данное буржуазными экономистами «первоначальному накоплению».

Буржуазный экономист тоже рассматривает этот процесс «исторически». Он легко согласится с тем, что капитал – не вечное явление, что он где-то и как-то возник. История его возникновения состоит в том, что средства производства какими-то путями сконцентрировались в руках немногих лиц. Как это произошло исторически?

Пути эти чрезвычайно многообразны. Во всяком случае, факт остается фактом: сначала средства производства сконцентрировались в руках будущего капиталиста любым путем, кроме эксплуатации наемного рабочего. Здесь играют роль и пресловутая бережливость, и собственный труд человека, впоследствии ставшего капиталистом, и удачные торговые операции, и простой грабеж, и феодальное наследство, и т.д. и т.п.

Буржуазный экономист отсюда и делает вывод: значит, капитал по своему происхождению, а следовательно, по своей сути, вовсе не есть продукт неоплаченного труда наемного рабочего. Наемный же рабочий сам «исторически» произошел из крепостного, бежавшего в город от жестокого феодала, или из разорившегося в силу своего неумения ремесленника, или из бродяги-бездельника. Иными словами, наемный рабочий создан не капиталистической эксплуатацией, а совсем иными процессами. Капиталист же, предоставляющий ему работу, начинает выглядеть как благодетель.

Здесь ясно видно, как историческое по форме объяснение превращается в средство беззастенчивой апологетики существующего положения вещей. Историческое обоснование становится аргументом в пользу антиисторического понимания как процесса первоначального накопления, так и природы капитала. Капитал изображается «вечным» и «естественным» отношением именно «исторически» аргументами. И суть этого фокуса состоит в том, что история создания исторических предпосылок рождения капитала непосред-

ственно выдается за историю самого капитала как конкретно-исторического явления.

Действительным историческим началом развития капитала является, как показал Маркс, тот пункт, начиная с которого капитал начинает строить свое тело из неоплаченного труда наемного рабочего. Только здесь начинается его специфическая, конкретная история. Первоначально же концентрация средств производства в руках будущего капиталиста может совершаться какими угодно путями, — это не имеет никакого значения для истории капитала как капитала и не относится к бытию человека, им владеющего, как к бытию капиталиста.

Первоначально он присваивает как не-капиталист, и способы, которыми он присваивает здесь продукт труда, вовсе не относятся к истории его как капиталиста. Они находятся где-то за нижней границей истории капитала, подобно тому как процессы, создавшие предпосылки жизни, — химические процессы — лежат за нижним пределом истории жизни, относятся к области химии, а не биологии.

То же надо иметь в виду и в логике, чтобы не принять за историю понятия историю его предпосылок (абстракции вообще, слова, отражающего по смыслу общее, и т.д.).

Таким образом, становится очевидной важность принципа *конкретного историзма*, обязывающего в каждом случае строго объективно установить тот пункт, в котором начинается действительная история рассматриваемого предмета, подлинное конкретное начало его становления.

Идет ли речь о возникновении товарно-капиталистической системы или об историческом становлении человека, о точке зарождения жизни на земле или о способности мыслить в понятии — проблема остается одной и той же.

Лозунг абстрактного историзма лишь дезориентирует теоретика в этом решающем пункте теоретического анализа. Ведь известно, как часто в науке принимали биологическую предысторию человеческого общества за не до конца развившуюся человеческую форму существования, а биологические законы — за абстрактные, простейшие и всеобщие законы человеческого развития. Примером того же порядка могут служить и попытки вывести эстетические чувства человека из внешне схожих с ними явлений в животном мире — из «красоты» павлиньего хвоста, расцветки крыла бабочки и тому подобных чисто биологических приспособлений.

Историзм логического метода Маркса – Энгельса – Ленина конкретен. Это значит, что он обязывает говорить не об истории вообще, но каждый раз о конкретной истории конкретного предмета. Это, разумеется, гораздо труднее. Но научное исследование и не может руководствоваться принципом легкости, принципом «экономии интеллектуальных сил», вопреки иллюзиям кантианцев. Научное развитие может руководствоваться только принципом соответствия предмету, и если предмет сложен, то тут уже ничего не поделаешь.

Логическое развитие категорий, в форме которого совершается построение системы науки, должно совпадать с историческим развитием предмета, как отражение с отражаемым. Сама последовательность категорий должна воспроизводить реальную историческую последовательность, в которой протекает процесс формирования предмета исследования, процесс складывания его структуры.

Это – основной принцип диалектики. Но в том-то и заключается вся трудность, что конкретную историю конкретного объекта не так-то легко выделить из океана реальных фактов эмпирической истории, ибо созерцанию и непосредственному представлению всегда дана не «чистая история» данного конкретного объекта, а сложнейшее переплетение массы связанных между собой процессов развития, взаимодействующих между собой, взаимно изменяющих формы своего проявления. Трудность заключается именно в том, чтобы из эмпирически данной картины совокупного исторического процесса выделить те моменты, которые составляют узловые пункты развития данного, конкретного объекта, данной конкретной системы взаимодействия. Логическое развитие, совпадающее с историческим процессом становления конкретного целого, должно строго установить пункт его исторического начала, рождения и затем проследить его дальнейшую эволюцию в ее необходимых закономерных моментах. В этом-то и заключается вся трудность.

Товарно-капиталистическая система, например, возникает не на пустом месте, а на основе и внутри исторически предшествующих ей форм экономических отношений, и ее конкретное развитие совершается в борьбе, в преодолении этих форм. Возникнув вначале в качестве малозаметного, но более жизнеспособного способа экономических отношений, эта система постепенно преобразует в соответствии со своими требованиями, на свой лад, все исторически достигнутые ею при рождении формы производства. Она постепенно

превращает ранее независимые и даже враждебные ей формы экономики в формы своего собственного осуществления, подчиняет их себе, частью ломая без остатка, частью продолжает (иногда очень долго) влачить за собой их обломки, которые она не успела разложить, частью развивая до полного значения то, что имелось ранее лишь в виде не до конца выявившейся тенденции.

В результате исторический процесс развития конкретного целого, понятый в его сущности и выражаемый именно логическим развитием, не совпадает с той картиной, которая дана на поверхности явлений, открытой теоретически невооруженному глазу. Сущность и явления совпадают и здесь лишь диалектически, лишь через противоречие.

Поэтому логическое развитие категорий, имеющее целью отражение реального исторического порядка формирования исследуемой системы взаимодействующих явлений, и не может руководствоваться прямо и непосредственно той последовательностью, в которой на поверхности исторического процесса, открытой эмпирическому созерцанию, появлялись или играли решающую роль отдельные стороны становящегося целого. «...Недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль»⁴, — категорически подытоживает методологическое значение этого реального обстоятельства Маркс.

Теоретик же, стоящий на позиции абстрактно понимаемого историзма, руководится именно тем принципом анализа, который Маркс определяет как недопустимый и ошибочный. И когда он рассматривает явления в той последовательности, в какой они исторически, во времени, следуют друг за другом, в последовательности, кажущейся на первый взгляд самой естественной, он на деле рассматривает их в последовательности, обратной реальной и объективной.

Видимое, мнимое соответствие логического историческому здесь скрывает от теоретика их действительное несоответствие. На поверхности исторического процесса очень часто (гораздо чаще, чем думает эмпирик) подлинная объективная причина явления обнаруживается во времени позже, чем ее собственное следствие.

Например, всеобщий кризис перепроизводства в товарно-капиталистическом мире обнаруживается эмпирически прежде и раньше всего в виде возмущений в сфере банковского кредита, в виде де-

⁴ Маркс К. К критике политической экономии. С. 221.

нежного кризиса, потом захватывает торговлю и лишь в самом конце обнаруживает себя в сфере непосредственного производства, как реальный всеобщий кризис перепроизводства. Поверхностный наблюдатель, для которого принцип последовательности явлений во времени является единственным принципом исторического подхода к делу, отсюда и заключает, что причиной, основой и началом всеобщего кризиса являются недоразумения и коллизии в сфере банковских расчетов. Иными словами, самое абстрактное, производное следствие он принимает за действительную основу событий, а объективная основа начинает уже с неизбежностью казаться следствием своего собственного следствия.

Так грубый эмпиризм дает тот же нелепый результат, что и самая рафинированная схоластика. Грубый эмпиризм вообще неизбежно превращается в самую отъявленную схоластику, когда его делают принципом теоретического объяснения событий.

Но с точки зрения науки, с точки зрения действительного историзма совершенно очевидно, что факт перепроизводства на самом деле свершился раньше, чем он успел проявиться в виде возмущений и недоразумений в сфере банковских расчетов, которые лишь отразили на свой лад реально свершившийся факт, но ни в коем случае не создали его. Логическое развитие категорий в системе науки соответствует подлинной, скрытой от эмпирического наблюдения исторической последовательности, но противоречит внешней видимости, поверхностной кажимости этой последовательности.

Правильно выявленный логический порядок развития категорий в системе науки открывает тайну подлинной объективной последовательности развития явлений, сторон предмета, дает возможность и самую последовательность во времени понять так же научно, а не эмпирически, не обывательски. Логическое развитие категорий в науке противоречит временной последовательности именно потому, что соответствует подлинной и объективной последовательности процесса формирования конкретной структуры исследуемого предмета. В этом и заключается диалектика логического и исторического.

«Исторически предшествующее» в ходе развития постоянно превращается в «логически последующее», и наоборот. Ранее родившиеся явления превращаются то и дело в формы проявления процессов, начавшихся гораздо позже. И начало (подлинное начало) новой ветви развития, новой конкретно-исторической системы взаимодействия, не может быть понято как продукт плавной эволюции исторически предшествующих форм. Здесь происходит подлинный ска-

чок, перелом в развитии, в котором начинается принципиально новая конкретно-историческая форма развития.

И это новое направление в развитии может быть понято только из самого себя, из внутренне присущих ему противоречий. Каждый вновь возникший конкретно-исторический процесс имеет свое собственное, конкретно-историческое начало. По отношению к экономическому развитию Маркс выразил это обстоятельство так:

«Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных и отношения которого определяют место и влияние всех остальных. Это – общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это – особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося»⁵.

Понятно, что этот закон вовсе не ограничивает свое действие общественным развитием, общественными явлениями. В природе развитие тоже протекает так и не может протекать иначе. И здесь новая конкретная форма развития возникает на основе и внутри ей предшествующих, превращается в конкретно-всеобщее «начало» новой системы и как таковая вовлекает эти предшествующие ей (во времени) формы в русло своей специфической конкретной истории.

Отныне историческая судьба этих исторически предшествующих явлений начинает определяться совершенно новыми законами. Химические вещества, вовлеченные в процесс развития жизни, ведут себя в этом процессе вовсе не так, как они вели себя прежде вне и независимо от него. Они подчиняются всеобщему закону этой высшей новой формы, и их движение может быть понято только из законов жизни, из конкретно-всеобщих законов этой высшей и по времени своего рождения позднейшей формы движения материи.

Разумеется, что ни нарушены, ни отменены, ни изменены законы этих простейших форм быть не могут. Но они приобретают здесь лишь подчиненное значение, значение абстрактно-всеобщих законов, которые ровно ничего не могут объяснить в движении того конкретного целого, внешними проявлениями которого они сделались. В процессе развития органической жизни тоже образуется «особый эфир», который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося.

И этот «особый эфир» – т.е. конкретно-всеобщее начало новой, более высокой формы движения, возникшее по времени позже, но

⁵ Там же. С. 220.

ставшее доминирующим началом, — должен быть понят в науке раньше и прежде всего из самого себя, из внутренне присущих ему конкретно-всеобщих противоречий.

Исторически предшествующее, ставшее в силу диалектики побочным, подчиненным моментом новой формы движения, своеобразным материалом, в котором реализуется какой-то новый конкретно-исторический процесс, может быть действительно понято только из конкретно-всеобщего закона высшей формы, в движение которой оно вовлечено.

Это исторически предшествующее может существовать задолго до логически предшествующего, может составлять даже условие возникновения этого логически предшествующего, конкретно-всеобщего явления, превращаясь затем в его проявление, в его продукт.

Рента как форма товарно-капиталистической экономики не может быть понята раньше, чем понят капитал. Но капитал может и должен быть понят в его внутренних противоречиях раньше ренты, хотя рента исторически появилась раньше и даже служила историческим условием его возникновения. Ведь немало помещиков, накопивших феодальную ренту, стали затем использовать ее в качестве капитала. То же самое происходит и с торговой прибылью.

Историческая судьба ренты и торговой прибыли как элементов товарно-капиталистического целого, как форм проявления, как модификаций капитала, может быть уподоблена для наглядности судьбе куска мрамора, из которого ваятель высекает статую, изображающую человека.

Данная конкретная форма куска мрамора никоим образом не может быть объяснена из свойств самого мрамора. Она, хотя и является формой, принадлежащей куску мрамора, но по своей реальной субстанции вовсе не есть форма мрамора как продукта природы. Он обязан ей не себе, не своей природе, а тому процессу, в который оказался вовлечен, — процессу художественного развития человека.

Мрамор миллионы лет лежал в земле, он родился намного раньше человека, не только раньше ваятеля, но и человечества в целом. Но та конкретная форма, в которой он существует в зале музея, есть продукт человеческого развития, которое началось гораздо позже, чем возник мрамор как таковой, как минерал. Это — деятельная, активная форма какого-то совсем иного процесса, осуществляющегося в мраморе и через мрамор, которая из мрамора как такового понятой быть, естественно, не может.

Аналогично обстоит дело с конкретно-исторической формой бытия ренты, процента, торговой прибыли и тому подобных форм и категорий. В процессе капиталистического производства они суть побочные, подчиненные формы экономики, суть формы проявления прибавочной стоимости, формы, которая появилась гораздо позже по времени, нежели они сами.

Эта конкретно-всеобщая форма и должна быть понята в науке раньше, прежде и совершенно независимо от всех других.

Их конкретная история как форм бытия прибавочной стоимости началась только там и тогда, где и когда процесс производства и накопления прибавочной стоимости вовлек их в свое русло, превратил их в органы своего тела, в способ своего осуществления. До этого момента их судьбы не имеют никакого внутреннего отношения к истории капитализма, к той истории, которая выражается последовательностью категорий политической экономии. Вне истории капитала, рядом с нею, но совершенно независимо от нее, они существовали задолго до этого момента. Но в процесс формирования товарно-капиталистической системы они попали, превратившись в конкретно-исторические формы, в элементы данной системы, лишь там, где независимо от них развивавшаяся конкретно-всеобщая форма капитала выразила в них свое движение.

Следовательно, логическое развитие воспроизводит не историю вообще, а конкретную историю данного, конкретно-исторического целого, данной конкретной системы взаимодействующих особым образом явлений.

Этой истории и ее последовательности прямо и непосредственно соответствует логический порядок категорий науки, именно она и выражается в теоретически обобщенной форме. Логическое развитие категорий и их конкретных определений поэтому-то и не может руководствоваться принципом абстрактного историзма (псевдоисторизма), принципом временной последовательности появления различных сторон исследуемого целого в истории.

И наоборот, логическое развитие категорий, руководствующееся тем отношением, в котором элементы исследуемой конкретности стоят друг к другу в развитом предмете, в предмете на высшей точке его развития и зрелости, только и открывает тайну подлинной, объективной последовательности процесса формирования предмета, складывания его внутренней структуры.

Идя этим путем, мы всегда можем открыть действительно естественный, а не кажущийся таковым, порядок развития всех сторон

исследуемого конкретно-исторического целого. В этом случае мы добьемся действительного совпадения логического с историческим. В противном случае мы добьемся только расхождения того и другого, получим эмпирически-схоластическое выражение истории, но не объективно-теоретическое ее отражение в понятии.

Исследование системы товарно-капиталистического производства, осуществленное в «Капитале», блестяще подтвердило правоту этого методологического соображения, философского взгляда Маркса и Энгельса на диалектику исторического процесса и на процесс ее теоретического воспроизведения.

Чтобы понять товарно-капиталистическую формацию действительно исторически – в законах ее исторического становления, развития и гибели, – Маркс исследовал прежде всего существующее состояние этой формации, исходил из современного ему положения дел, из отношения, в котором стоят друг к другу различные элементы ее необходимой структуры. С точки зрения этого существующего, фактически констатируемого положения вещей он и подверг анализу понятия и категории политической экономии, критически исследовал эти понятия и развернул на основе этого анализа свое теоретическое понимание фактов, систему теоретических определений.

Каждая из сторон, каждый из элементов структуры товарно-капиталистического организма поэтому и получили свое конкретное теоретическое выражение, были выражены в конкретно-исторической абстракции.

Теоретические определения каждой из категорий политической экономии были образованы Марксом путем прослеживания истории их возникновения, но не эмпирической истории, а истории «снятой» в ее результатах.

Это исследование непосредственно приводило его к пониманию реальных, исторически необходимых предпосылок возникновения буржуазной экономики, давая тем самым ключ к теоретическому пониманию и эмпирической истории ее рождения и эволюции. С другой стороны, благодаря этому способу исследования буржуазная формация представала как система исторически вызревающих предпосылок рождения другой, новой, более высокой системы общественных отношений – социализма, в которую неизбежно разрешается под давлением внутренних противоречий своего развития товарно-капиталистическая система производства материальной жизни.

Глава пятая

СПОСОБ ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ В «КАПИТАЛЕ» МАРКСА

Конкретная полнота абстракции и анализа как условие теоретического синтеза

Рассмотрение логической структуры «Капитала», к которому мы теперь обратимся, постоянно сопоставляя ее как с логикой движения мысли Рикардо, так и с теоретическими взглядами предшественников Маркса в области логики, и должно раскрыть нам логику Маркса в ее реальном практическом применении к анализу фактов, к анализу эмпирических данных.

Наша задача состоит в том, чтобы выделить всеобщие, логические моменты движения мысли Маркса в экономическом материале, логические формы, применимые в силу своей всеобщности и в любой другой теоретической дисциплине.

«Капитал», как известно, начинается с тщательнейшего и пристального анализа категории стоимости, т.е. реальной формы экономических отношений, являющейся всеобщей и простейшей формой бытия капитала. Перед умственным взором Маркса находится при этом лишь одно-единственное и, как мы уже отмечали, внутри развитого капитализма крайне редкое фактическое отношение между людьми – прямой обмен товара на товар. Ничего более – ни денег, ни прибыли, ни заработной платы – Маркс на этой ступени исследования товарно-капиталистической системы намеренно не принимает во внимание. Все эти вещи пока предполагаются как несуществующие.

И тем не менее анализ этой одной формы экономических отношений дает – как свой результат – теоретическое выражение объективно-всеобщей формы всех без исключения явлений и категорий развитого капитализма, развитой конкретности – теоретическое выражение стоимости как таковой, всеобщей формы стоимости.

Простейший вид существования стоимости совпадает со стоимостью вообще, а реальное, фактически прослеживаемое развитие этой формы стоимости в другие ее формы составляет объективное содержание дедукции категорий «Капитала». Дедукция в этом понимании утрачивает свой формальный характер, которого она так и не утратила у Рикардо: здесь она непосредственно выражает реальный процесс происхождения одних форм экономического взаимодействия из других.

И это составляет как раз тот пункт, которого не было ни у Рикардо, ни у его последователей из буржуазного лагеря.

Понимание всеобщего понятия, лежащего в основании всей системы категорий науки, примененное здесь Марксом, не может быть отнесено за счет специфики предмета политической экономии. Оно отражает в себе всеобщую диалектическую закономерность развертывания любой объективной конкретности – природной, общественно-исторической или духовной.

Это понимание имеет значение для любой современной науки. Чтобы дать конкретное теоретическое определение жизни как исходной категории биологии, чтобы ответить на вопрос: «что такое жизнь вообще, жизнь как таковая?», надо поступить так, как поступил Маркс со стоимостью вообще, т.е. конкретно проанализировать состав и способ существования простейшего проявления жизни – простейшего белкового тела. Тем самым только и получится единственно реальная «дефиниция» – раскрытие существа дела.

Тем самым, а вовсе не на пути отвлечения абстрактно-общего от всех без исключения явлений жизни, можно действительно научно, действительно материалистически выразить жизнь в понятии, создать понятие жизни как таковой.

Точно так же и в химии. Понятие «химический элемент» вообще, как таковой не выработаешь на пути отвлечения того общего, того одинакового, что имеют между собой и гелий, и уран, и кремний, и азот, все элементы менделеевской таблицы. Понятие химического элемента можно получить при детальном рассмотрении простейшего элемента системы – водорода. Водород в данном случае представит как та простейшая структура, при разложении которой вообще исчезают химические свойства материи, – производим ли мы это аналитическое разложение реально, экспериментально или только «в уме». Водород поэтому есть конкретно-всеобщий элемент химизма. Всеобщие необходимые закономерности, вместе с ним возникающие и вместе с ним исчезающие, суть простейшие закономер-

ности существования химического элемента вообще. В качестве простейших, всеобщих они встретятся и в уране, и в золоте, и в кремнии. А любой из этих сложных элементов может быть в принципе сведен к водороду, что, кстати, происходит и в природе, и в эксперименте с ядерными процессами.

Тут, иными словами, осуществляется то же самое живое взаимопревращение всеобщего и особенного, простейшего и сложного, которое мы наблюдали на примере категорий капитала, где прибыль предстает как развитая стоимость, как развитая простая форма товара, к которой прибыль постоянно «сводится» в реальном процессе движения экономической системы, а потому и в мышлении, воспроизводящем это движение. И здесь, как и везде, конкретное всеобщее понятие фиксирует не пустую отвлеченность, а реальную, объективную простейшую форму существования всей системы в целом.

«Стоимость вообще» (как таковая), «жизнь вообще», «химический элемент» — все это понятия в полной мере конкретные. Это означает, что отражаемая ими реальность есть объективно существующая сейчас (или когда-либо существовавшая) реальность, и существующая сама по себе, как простейший, далее не разложимый случай данной конкретности. Именно поэтому она и может быть выделена как особый объект рассмотрения, может быть исследована и получена в эксперименте.

Если же понимать стоимость (как и любую другую всеобщую категорию) лишь как отражение абстрактно-всеобщих признаков, которыми обладают все без изъятия *развитые* особенные явления, то ее как таковую невозможно было бы исследовать «самое по себе», в строжайшем отвлечении от всех этих развитых явлений. В этом случае анализ всеобщего был бы невозможен ни в какой другой форме, кроме формального анализа понятия. Ведь в чувственно данном мире нет и не может быть ни «животного вообще», ни «химического элемента как такового», ни «стоимости» — как отражения абстрактно-всеобщих признаков они действительно существуют лишь в голове.

У Рикардо не возникало и подозрения на тот счет, что стоимость должна быть исследована конкретно по ее форме, что ее вообще можно исследовать как таковую, в строжайшем отвлечении от прибыли, ренты, процента, капитала и конкуренции. Поэтому его абстракция стоимости обладает, как показал Маркс, двояким недостатком: «Его следует упрекнуть, с одной стороны, в том, что он недостаточно, не до конца абстрагирует, так что, когда он, например,

рассматривает *стоимость* товара, он с самого же начала включает в ее определение всевозможные конкретные отношения; с другой стороны – в том, что он форму проявления понимает как *непосредственное, прямое* подтверждение или выражение всеобщих законов; он никак не раскрывает *развития* этой формы. В отношении первого из этих моментов его абстракция является весьма неполной, в отношении второго она – абстракция формальная, ложная сама по себе»¹.

Нетрудно сформулировать собственный взгляд Маркса на всеобщую категорию, предполагающийся в этой оценке. Абстракция должна быть, во-первых, *полной*, а во-вторых, не формальной, а *содержательной*. Только в этом случае она будет верной, *объективной*. Что это, однако, значит?

Мы уже показали, что полнота абстракции предполагает, что в ней выражаются непосредственно не абстрактно-всеобщие признаки, свойственные всем без исключения особенным явлениям, к которым всеобщая абстракция относится, а совсем иное – конкретные характеристики объективно простейшего нерасчлененного далее элемента системы взаимодействия, «клеточки» исследуемого целого.

В случае с товарно-капиталистической системой взаимодействия между людьми в процессе общественного производства материальной жизни такой клеточкой оказывается товар, простая товарная форма взаимодействия. В биологии, по-видимому, такой клеточкой является простейшая белковая структура, в физиологии высшей нервной деятельности – условный рефлекс, и т.д.

В этом пункте вопрос о «начале науки», об исходной всеобщей категории, лежащей в основании всей системы конкретных категорий науки, переkreщивается с вопросом о конкретности анализа и об объективно допустимом пределе аналитического расчленения предмета.

Конкретный теоретический анализ предполагает, что вещь аналитически расчленяется не на равнодушные к ее специфике составные части, а на специфически характерные только для этой вещи, внутренне связанные друг с другом необходимые формы ее существования.

В этом отношении аналитический метод Маркса полярно противостоит так называемому односторонне-аналитическому методу,

¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. II. С. 100.

пример применения которого представляет собой классическая буржуазная политическая экономия. Односторонне-аналитический метод, унаследованный экономистами XVII–XVIII вв. от современного им механистического естествознания и философии эмпиризма (непосредственно через Локка), полностью соответствует представлению о предметной реальности как о своеобразном агрегате вечных и неизменных составных частей, одинаковых у любого предмета природы. Познать вещь, значит, с точки зрения этого представления, аналитически разложить ее на эти вечные и неизменные составные части, а затем понять их способ взаимодействия внутри данной вещи.

«Труд», «потребность», «прибыль» в теории Смита – Рикардо в этом отношении представляют собой не менее яркий пример односторонне-аналитических абстракций, в которых погашена вся конкретно-историческая определенность предмета, чем «частица» физики Декарта, чем «атом» Ньютона и тому подобные категории науки того времени. И Смит, и Рикардо пытались понять товарно-капиталистическую систему взаимодействия как сложное целое, составными частями которого являются вечные, одинаковые для любой ступени человеческого развития, реальности: труд, орудия труда (капитал), потребность, прибавочный продукт и т.д.

Такую операцию аналитического расчленения предмета всегда можно проделать и экспериментально, и в «уме». Можно аналитически разложить живого кролика на химические элементы, на механические «частички» и т.д. Но, получив на этом пути грудку аналитически выявленных составных частей, мы не сможем проделать, исходя из самого детального рассмотрения этих составных частей, обратной операции – никогда не сможем из них понять, а почему они раньше, до аналитического расчленения, давали своим сочетанием именно живого кролика.

Анализ в данном случае умертвил, уничтожил как раз то, что мы хотели бы таким образом понять, – живую, конкретную, специфическую для данной вещи взаимосвязь. Анализ сделал невозможным синтез.

С подобной же трудностью столкнулась буржуазная классическая экономия, теория Смита – Рикардо.

Синтез – понимание необходимой связи абстрактно взятых составных частей предмета (труда, капитала, прибыли и пр.) – оказался невозможным именно потому, что анализ, выявивший эти категории, был анализом *односторонним*: он «разорвал» как раз то, что со-

ставляет конкретно-историческую форму связи этих категорий между собой.

Трудность, заключенную в проблеме анализа и синтеза, заметил уже Аристотель. Он прекрасно видел, что односторонне понимаемый анализ сам по себе решить задачи познания никак не в состоянии. Задача познания, замечает он в своей «Метафизике», двояка: надо не только познать, из каких частей вещь состоит, но и познать, почему эти составные части связаны между собой именно так, что они дают своим сочетанием именно данную, конкретную вещь, а не какую-нибудь иную.

Данную в созерцании вещь нетрудно разложить аналитически на ее составляющие: стул – черный, деревянный, четырехногий, тяжелый, с круглым сидением и т.д. и т.п. Это простенький пример эмпирического анализа и одновременно – пример такого же синтеза абстрактных определений в суждении о вещи.

Следует заметить, что в данном случае также происходит непосредственное совпадение анализа и синтеза. В суждении «этот стул – черный» можно увидеть и то и другое. С одной стороны, это чистейший синтез – соединение двух абстракций в суждении. С другой стороны, столь же чистейший анализ – вычленение в чувственно данном образе двух различных определений. И анализ и синтез одновременно протекают в процессе высказывания простейшего суждения о вещи.

Но в данном примере гарантией и основанием правильности анализа и синтеза является непосредственное созерцание, именно в нем выступают соединенными те признаки, которые суждение синтезирует, и в нем же эти признаки даны как различные. Само созерцание является основой и критерием правильности аналитического выделения связываемых в суждении абстракций.

Так что совпадение анализа и синтеза в суждении о единичном факте, в высказывании фактического положения дел, понять нетрудно. Гораздо труднее понять отношение анализа и синтеза в *теоретическом* суждении, которое обязано опираться на более веские основания, нежели простое указание на то, что вещь в созерцании выглядит так, а не иначе.

Суждение «все лебеди – белы» не представляет никакого труда для понимания с точки зрения логики именно потому, что оно не выражает необходимости связи двух определений. Совсем иное – суждение «все предметы природы – протяженны». Если лебедь с одинаковым успехом может быть и не белым, то в суждении «все

предметы природы протяженны» осуществлен необходимый синтез двух определений^{xxxv}. Не может быть непротяженного предмета природы, как и наоборот, – не может быть протяженности, не принадлежащей предмету природы.

Иными словами, теоретическое суждение связывается из абстракций, каждая из которых выражает определенность, лишившись которой, вещь перестанет быть самой собой, перестанет существовать как данная вещь.

Лебедя можно выкрасить в любой цвет, лишить его белого цвета – от этого он не перестанет быть лебедем. Протяженности же у предмета природы отнять нельзя, не уничтожив сам предмет природы.

Теоретическое суждение должно поэтому иметь в своем составе только такие абстракции, которые выражают необходимо присущие данному предмету формы его существования.

Где же взять гарантию на тот счет, что в суждении связаны именно такие абстрактные определения?

Эмпирическое созерцание вещи на этот вопрос ответа дать не может. Чтобы отделить необходимую форму бытия вещи от такой, которой может и не быть – без ущерба для существования вещи именно как данной конкретной вещи (лебедя, тела природы, труда и пр.), – нужно перейти от созерцания к *чувственно-практическому эксперименту, к общественной практике человека во всем ее историческом объеме.*

Лишь практика общественного человечества, т.е. совокупность исторически развивающихся форм реального взаимодействия общественного человека с природой, оказывается и основой и критерием истинности теоретического анализа и синтеза.

Как выглядит эта реальная проблема в развитии политической экономии?

Это ясно прослеживается на категории труда и на связанной с ним категории стоимости.

Поскольку категория стоимости закладывается в фундамент всей теории и служит теоретическим основанием всех остальных обобщений, постольку от понимания труда как *субстанции* стоимости зависит теоретическое понимание всех остальных явлений товарно-капиталистической системы.

Верно ли суждение: «субстанцией стоимости является труд»? Нет. Это теоретическое суждение равноценно по своей теоретической значимости суждению: «человек есть по своей природе част-

ный собственник», утверждению, что быть частным собственником столь же атрибутивно присуще природе человека, сколь телу природы – протяженность.

Иными словами, здесь выявлены в рассмотрении эмпирически данного положения дел абстрактные характеристики, каждая из которых с необходимостью в природе «труда» и «стоимости» вовсе не заключена.

Маркс прекрасно показал, в чем тут дело. Исторически преходящее свойство труда принято здесь за характеристику, выражающую его абсолютную внутреннюю природу. Создает стоимость далеко не всякий труд, далеко не всякая исторически-конкретная форма труда, подобно тому как частным собственником является вовсе не человек как таковой, а исторически конкретный человек, человек внутри определенной, исторически конкретной формы общественного бытия.

Но как отличить то, что принадлежит исторически определенной форме существования человека, от того, что принадлежит ему как человеку вообще?

Ответ на это может дать только дальнейший анализ той реальности, о которой выносятся теоретическое суждение, с точки зрения всей практики человечества. Последняя и выступает как единственный критерий, позволяющий уверенно отвлечь, аналитически выявить такое определение, которое выражало бы атрибутивно принадлежащую предмету форму его бытия.

Эмпирически-всеобщим фактом и во времена Смита – Рикардо, и во времена Маркса было бытие человека в качестве частного собственника. Таким же эмпирически-всеобщим фактом было и свойство труда создавать не просто продукт, а товар, стоимость.

Это эмпирически-всеобщее положение дел классиками политической экономии и фиксировалось в виде суждения «субстанцией стоимости является труд» – труд вообще, без дальнейших теоретических уточнений, выражающих как раз его конкретно-историческую определенность, внутри которой он только и создает не продукт, а товар, не потребительную стоимость, а стоимость.

И поскольку классики политической экономии вырабатывали абстрактно-теоретические определения с помощью односторонне-аналитического метода, постольку они в итоге не могли понять, почему же именно труд выступает то в форме капитала, то в форме заработной платы, то в форме ренты.

Эта логическая задача, общая и для естественников XVII–XVIII вв., и для Смита – Рикардо, по самой своей сути неразрешима. Первые

пытались понять, как и почему атомы, частицы, монады своим сочетанием порождают то космическую систему, то тело животного; вторые – как и почему труд вообще порождает то капитал, то ренту, то заработную плату.

Теоретический синтез никак не получался ни у тех, ни у других – и не получался именно потому, что анализ их не был конкретным, а расчленял предмет на равнодушные составные части, общие для любой предметной сферы или для любой исторической формы производства.

Труд вообще есть безусловно необходимое условие возникновения и развития ренты, капитала, заработной платы и всех других специфически-капиталистических категорий. Но он же является и условием их небытия, их отрицания, уничтожения. Труд вообще столь же безразличен к бытию капитала, как и к его небытию. Он является всеобщим необходимым условием его возникновения, но не является *внутренне* необходимым условием, таким условием, которое одновременно есть столь же *необходимое следствие*. Тут нет формы внутреннего *взаимодействия*, внутренней *взаимообусловленности*.

В связи с этим пороком односторонне-аналитических абстракций, выработанных классиками буржуазной науки, Маркс замечает: «Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы – к паровой машине»^{2, xxxvi}.

Перекликаясь с известным афоризмом Фейербаха «Из природы прямо не выведешь даже бюрократа», Маркс и с этой стороны подводит к тому же выводу: все трудности теоретического анализа и синтеза решаются реально на почве категории конкретно-исторического *взаимодействия*, *взаимообусловленности* явлений внутри определенного, исторически возникшего и развившегося целого, внутри конкретно-исторической системы взаимодействия.

Иными словами, и анализ – синтез, и дедукция – индукция перестают быть метафизически полярными, а потому и беспомощными логическими формами только на почве *сознательно исторического взгляда* на исследуемую реальность, на основе представления о любой предметной реальности как об исторически возникшей и развившейся системе взаимодействующих явлений.

² Marx K. Grundrisse. S. 170.

Такой взгляд и дал Марксу в руки четкий критерий, согласно которому, опираясь на всю рационально понятую историю практики человечества, он уверенно разрешил трудности, связанные с проблемой теоретического анализа и синтеза, теоретической дедукции и индукции.

В практике человечества, взятой во всем ее историческом объеме, Маркс и обрел критерий для различения эмпирического синтеза и – *синтеза теоретического*, аналитических абстракций, фиксирующих всеобщее эмпирическое положение дел, и *теоретических абстракций*, фиксирующих в своей взаимосвязи внутренне необходимую связь выражаемых ими явлений.

И если у Смита – Рикардо (и даже у Гегеля) чисто эмпирический синтез часто выдается за теоретический, если они постоянно выдают исторически преходящую форму явления за его внутреннюю структуру (за его вечную природу) и дедуктивно – из природы вещей – выводят оправдание самой грубой эмпирии, то метод Маркса представляет строжайшие логические, философские преграды для подобных ходов мысли.

Дедукция и индукция, анализ и синтез оказываются могучими логическими средствами обработки эмпирических фактов именно потому, что они сознательно ставятся на службу исторического по существу подхода к исследованию, что они основываются на диалектико-материалистическом понимании объекта как исторически возникшей и развертывающейся системы особым образом взаимодействующих явлений.

Поэтому аналитический метод Маркса – метод, восходящий от целого, данного в созерцании, к условиям его возможности, и совпадает с методом *генетического вывода* теоретических определений, с логическим прослеживанием реального происхождения одних явлений из других (денег – из движения товарного рынка, капитала – из движения товарно-денежного обращения, в которое попадает рабочая сила, и т.д.). Эта историческая по существу точка зрения на вещи и на процесс их теоретического выражения и позволила Марксу четко поставить вопрос о реальной субстанции стоимостных свойств продукта труда, о всеобщей субстанции всех остальных конкретно-исторических категорий политической экономии.

Не труд вообще, а конкретно-историческая форма труда была понята как субстанция стоимости. А в связи с этим по-новому встал вопрос о теоретическом анализе стоимости по ее форме, – она предстала как конкретно-всеобщая категория, дающая возможность по-

нять теоретически (вывести, дедуцировать) ту реальную конкретно-историческую необходимость, с которой стоимость превращается в прибавочную стоимость, в капитал, в заработную плату, в ренту и все другие развитые конкретные категории.

Иными словами, впервые был полностью раскрыт и проанализирован исходный пункт, отправляясь от которого, можно действительно развить всю систему теоретических определений предмета с логической необходимостью, отражающей необходимость реального генезиса товарно-капиталистической формации.

В чем заключался этот конкретный анализ стоимости по ее форме, тот самый анализ, которого не доставало Давиду Рикардо? Ответ на этот вопрос и должен дать нам ключ к пониманию способа восхождения от абстрактного к конкретному.

Процесс восхождения от всеобщего теоретического определения предмета к пониманию всей сложности его исторически развитой структуры (конкретности) предполагает конкретный и полный анализ *исходной, всеобщей категории науки*. Мы видели, что недостаточная конкретность анализа стоимости у Рикардо предопределила и неуспех его замысла развить всю систему теоретических определений, построить все здание науки на одном, прочно и категорически установленном фундаменте, не дала ему возможности «вывести» даже ближайшую категорию – деньги, не говоря уже обо всем остальном.

В чем же заключается особенность анализа стоимости у Маркса, которая закладывает прочный фундамент теоретического синтеза категорий, дает возможность ему строжайшим образом перейти от рассмотрения стоимости к рассмотрению денег, капитала и т.д.?

Вопрос, поставленный так, сразу наталкивает логику на проблему противоречия в определениях вещи, на проблему, которая в конце концов и заключает в себе ключ ко всему остальному. В противоречии, как единстве и совпадении взаимоисключающих теоретических определений, Маркс и открывает разгадку конкретного и путей его теоретического выражения в понятии. К анализу этого пункта мы и перейдем.

Противоречие как условие развития науки

Логическое противоречие – наличие взаимоисключающих определений в теоретическом выражении вещи – давно занимало философию. Не было и нет ни одного философского или логического

учения, которое в той или иной форме не ставило и по-своему не решало бы этот вопрос. Философию он занимал и интересовал всегда именно потому, что противоречие в определениях – это прежде всего факт, независимый ни от какой философии, факт, который постоянно и с роковой необходимостью воспроизводится в научном развитии, в мышлении человечества, в том числе и внутри самой философии. Более того, противоречие самым недвусмысленным образом обнаруживает себя как ту форму, в которой всегда и везде происходит движение, развитие мысли о вещах.

Древние греки прекрасно понимали, что истина рождается только в борьбе мнений. Критика любой теории всегда направляется на отыскание в ней противоречий. Новая теория всегда утверждает себя тем, что показывает тот способ, которым разрешаются противоречия, неразрешимые с помощью принципов старой теории.

Но если этот эмпирический факт просто описать как факт, то оказывается, что противоречие – это нечто нетерпимое, от чего мышление всегда тем или иным способом старается избавиться. И вместе с тем, несмотря на все попытки от него избавиться, мышление опять и опять его воспроизводит.

И поскольку философия и логика не просто констатируют и описывают этот факт, а исследуют его, постольку встает вопрос о причинах и источниках его появления в мышлении, о его реальной природе. В философии этот вопрос встает так: допустимо или недопустимо противоречие в истинном выражении вещи? Представляет ли оно собой нечто чисто субъективное, создаваемое лишь субъектом познания, или же оно необходимо возникает в силу природы вещей, выражаемых мышлением?

Именно этот пункт и составляет рубеж между диалектикой и метафизикой. Диалектика и метафизика в конце концов составляют два принципиально противоположных способа разрешения противоречий, неизбежно возникающих в научном развитии, в развитии теоретического знания.

Различие между ними, выраженное в самой общей форме, состоит в том, что метафизика толкует противоречие как лишь *субъективный* фантом, к сожалению, вновь и вновь появляющийся в мышлении в силу его несовершенства, а диалектика рассматривает его как *необходимую логическую* форму, в которой осуществляется развитие мышления, переход от незнания к знанию, от абстрактного отражения предмета в мышлении ко все более и более конкретному его отражению.

Диалектика и рассматривает противоречие в качестве необходимой формы развития знания, в качестве всеобщей логической формы. Только так противоречие и может выглядеть с точки зрения на познание и мышление как на естественно-исторический процесс, управляемый законами, независящими от желаний человека³.

К проблеме логического противоречия философию вновь и вновь возвращает развитие знания, развитие науки. Вопрос о противоречии, о его реальном смысле, об источнике и причине его появления в мышлении встает именно там, где наука подходит к систематическому выражению предмета в понятии, где мышлению приходится строить систему теоретических определений. Там, где налицо бессистемное пересказывание явлений, вопрос о противоречии не возникает. Простейшая попытка систематизировать знания сразу же приводит к проблеме противоречия.

Мы уже видели, в каких пунктах исследования с этой проблемой с необходимостью столкнулось развитие теории трудовой стоимости: у Рикардо, помимо его желания, возникает система теоретических противоречий именно потому, что он старается развить все категории из одного принципа – из принципа определения стоимости количеством рабочего времени. Одни логические противоречия в своей системе он заметил уже сам, другие – со злорадством констатировали враги трудовой теории стоимости.

Основным видом логического противоречия, вокруг которого развернулась борьба за и против трудовой теории стоимости, оказалось как раз противоречие между всеобщим законом и эмпирически-всеобщими формами его собственного осуществления.

Попытки вывести из всеобщего закона теоретические определения развитых конкретных явлений, закономерно и постоянно повторяющихся на поверхности товарно-капиталистического производства и распределения, на каждом шагу стали приводить к парадоксальным результатам.

Явление (скажем, прибыль), с одной стороны, «подводится» под закон стоимости, его необходимые теоретические определения «вы-

³ Необходимо помнить, что и здесь и далее речь идет о тех противоречиях в определениях, которые возникают в ходе самого правильного движения мысли по логике предмета, т.е. о диалектических противоречиях в мышлении. Логических противоречий в узком смысле этого слова, т.е. словесных, надуманных, субъективных противоречий, как отмечал Ленин, быть, конечно, не должно ни в каком исследовании. О выработке правил, освобождающих от таких противоречий, и должна позаботиться формальная логика.

водятся» из закона стоимости, но, с другой стороны, его специфическое отличие оказывается заключенным в таком определении, которое прямо и непосредственно и притом взаимоисключающим образом противоречит формуле всеобщего закона. И это роковое противоречие проявлялось тем острее, чем больше стараний затрачивалось на то, чтобы от него избавиться.

Наличие противоречий вовсе не является «привилегией» политической экономии, исследующей классово-антагонистическую действительность экономических отношений.

Противоречие знакомо любой современной науке. Стоит вспомнить хотя бы обстоятельства, внутри которых родилась теория относительности. Попытки усвоить с помощью категорий классической механики определенные явления, выявленные в экспериментах Майкельсона, привели к тому, что внутри системы понятий классической механики появились нелепые, парадоксальные противоречия, принципиально неразрешимые с помощью ее категорий, – и именно в качестве способа разрешения этих противоречий родилась гениальная гипотеза Эйнштейна.

Но и с появлением теории относительности противоречия, конечно, не исчезли из физики. Можно указать хотя бы на известный парадокс, заключающийся в теоретических определениях вращающегося тела. Теория относительности, связывающая пространственные характеристики тел с их движением, выразила эту связь в формуле, согласно которой длина тела сокращается в направлении движения тем более, чем скорее движется тело. Это выражение всеобщего закона движения тела в пространстве вошло в математический арсенал современной физики как прочное теоретическое завоевание.

Но попытка с его помощью теоретически обработать, теоретически усвоить такой реальный физический случай, как вращение твердого диска вокруг оси, приводит к парадоксу. Получается, что окружность вращающегося диска сокращается тем более, чем больше скорость вращения, а длина радиуса, согласно той же формуле, необходимо остается неизменной.

Заметим, что этот парадокс – не просто курьез, а случай, в котором остро ставится вопрос о *физической реальности* всеобщих формул Эйнштейна. Если всеобщая формула выражает объективный закон предметной реальности, исследуемой в физике, то в самой реальности следует допустить объективно парадоксальное соотношение между радиусом и окружностью вращающегося тела – даже

в случае вращения детского волчка, — потому что ничтожность сокращения окружности ничего не меняет в принципиальной постановке вопроса.

Убеждение в том, что в самой физической реальности такого парадоксального соотношения «не может быть», равносильно отказу от признания физической реальности всеобщего закона, выраженно-го формулой Эйнштейна. А это — путь к чисто инструменталистскому оправданию всеобщего закона. Служит закон теории и практике — ну и хорошо, и нечего задаваться пустым вопросом о том, соответствует ему что-либо в «вещах в себе» или нет.

Можно привести еще немало примеров, удостоверяющих, что предметная реальность всегда раскрывается перед теоретическим мышлением как реальность противоречивая. История науки от Зенона Элейского до Альберта Эйнштейна независимо ни от какой философии показывает это обстоятельство как бесспорный эмпирически констатируемый факт.

Вернемся к реальности товарно-капиталистического хозяйства и к процессу его теоретического выражения в политической экономике. Этот пример хорош потому, что он чрезвычайно типичен, — он наглядно демонстрирует те тупики, в которые неизбежно приводит метафизическое мышление, стараясь разрешить основную задачу науки — развернуть систематическое выражение предмета в понятие, в системе теоретических определений предмета, в системе, развитой из одного общего теоретического принципа. Это во-первых. А во-вторых, — и это, пожалуй, самое важное — потому, что в «Капитале» Маркса мы находим рациональный выход из трудностей и противоречий, диалектико-материалистическое разрешение тех антиномий, которые разрушили трудовую теорию стоимости в ее классической, рикардианской форме.

Противоречия трудовой теории стоимости и их диалектическое разрешение у Маркса

Напомним, что логически-теоретические противоречия системы Рикардо — это плод его стремления выразить все явления через категорию стоимости, понять из одного принципа.

Там, где такого стремления нет, нет и противоречий. Формула вульгарной «науки» (капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата) не противоречит ни сама себе, ни очевидным эмпири-

ческим фактам. Однако именно поэтому она не содержит в себе и крупницы теоретического понимания вещей. Противоречий тут нет только потому, что между капиталом и процентом, между трудом и заработной платой, между землей и рентой эта формула не устанавливает вообще никакой внутренней связи, потому, что определения всех этих категорий вульгарная «наука» даже и не пытается вывести из какого-то одного принципа. Они не показаны как необходимые различия, возникающие с необходимостью внутри некоторой общей субстанции, не поняты как модификации этой субстанции. Неудивительно, что никакого внутреннего противоречия здесь нет, а есть только внешнее противоречие между разными внутренне непротиворечивыми вещами. А с таким положением метафизик прекрасно мирится. Они не противоречат друг другу только потому, что вообще не стоят ни в каком внутренне необходимом отношении. Поэтому и формула вульгарной науки имеет приблизительно такую же теоретическую ценность, какая была свойственна изречениям известного учителя гимназии, любившего постоянно повторять, что лошади кушают овес и сено и что Волга впадает в Каспийское море.

Рикардо, в отличие от вульгарных экономистов, пытался развить всю систему теоретических определений из принципов трудовой теории стоимости. И именно поэтому вся действительность предстанет в его изображении как система конфликтов, антагонизмов, антиномически взаимоисключающих тенденций, противоположно направленных сил, которые именно противоположностью своей создают то целое, которое он рассматривает.

Логические противоречия, в которых экономисты и философы из буржуазного лагеря видели признак слабости, свидетельство неразработанности его теории, выражали как раз обратное – силу и объективность его способа теоретического выражения вещей. Рикардо заботился прежде всего о соответствии теоретических положений и выводов реальному положению дел, а уж затем о соответствии известному постулату метафизического мышления, согласно которому предмет не может противоречить сам себе, а его отдельные теоретические определения – друг другу.

Он смело (даже, как говорил Маркс, цинично) выражал реальное положение вещей, и это реально противоречивое положение вещей отражалось в его системе в виде противоречий в определениях. Когда же его ученики и последователи делали своей главной заботой уже не столько теоретическое выражение фактов, сколько формальное согласование уже выработанных определений между собой,

подчиняющееся, как верховному принципу, принципу запрещения противоречий в определениях, то с этого пункта как раз и начинается процесс разложения трудовой теории стоимости.

Анализируя взгляды Джемса Милля, Маркс констатирует: «К чему он стремится – это формальная логическая последовательность. С него поэтому [поэтому! – Э.И.] начинается *разложение* рикардианской школы»⁴.

Само по себе стремление оправдать теорию Рикардо перед судом канонов формально-логической последовательности проистекает, разумеется, вовсе не из платонической любви к формальной логике. Стимулом этого занятия является другое – стремление представить систему товарно-капиталистического производства не как исторически возникшую, а потому и могущую превратиться в некоторую другую, более высокую систему, а как от века и навек равную себе, вечную форму производства.

И если то или иное явление, будучи выражено и понято через всеобщий закон стоимости, вдруг встает в отношении теоретического (логического) противоречия с формулой всеобщего закона (определение стоимости количеством рабочего времени), то в глазах буржуазного теоретика это выглядит как свидетельство его несоответствия вечным и неизменным устоям экономического бытия. Стараются и направляют на то, чтобы доказать прямое соответствие явления всеобщему закону, который сам по себе понят без противоречия, как вечная и неизменная форма экономики.

Острее всего буржуазные экономисты чувствуют противоречие между всеобщим законом стоимости у Рикардо и *прибылью*. Попытка выразить явления прибыли через категорию стоимости, подвести прибыль под теорию трудовой стоимости уже у Рикардо обнаруживает противоречие в определении. И поскольку прибыль как раз есть «святая святых» религии частной собственности, постольку экономисты и направляют все свои теоретические усилия на то, чтобы согласовать ее определения со всеобщим законом стоимости.

Но если хотят прямо и непосредственно согласовать теоретические определения стоимости с теоретическими определениями прибыли как особой формы, особой модификации (вида) стоимости, то тут открываются два пути.

Первый путь – изменить выражение *прибыли* с таким расчетом, чтобы оно подводилось без противоречия под категорию стоимости,

⁴ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Т. III. М.: Партиздат, 1936. С. 63.

под ее всеобщие определения. Второй путь – изменить выражение *стоимости*, так «уточнить» его, чтобы определения прибыли подводились под него без противоречия.

Эти оба пути вели к разложению школы Рикардо. Для вульгарной политической экономии предпочтительнее был второй путь, путь «уточнения» определений стоимости, ибо лозунгом эмпиризма всегда является: приводи *всеобщую* формулу закона к соответствию с эмпирически бесспорным положением дел, с одинаковым в фактах, в данном случае – с эмпирической формой существования прибыли.

Эта философская позиция кажется на первый взгляд самой очевидной и здравой. Но ее реализация невозможна без принесения в жертву всеобщих теоретических положений трудовой теории стоимости, самого *понятия* стоимости.

Рассмотрим детально, как и почему это с необходимостью получается.

В парадоксальное отношение между теоретическими определениями стоимости и прибыли упирается сам Рикардо. Его закон стоимости гласит, что живой труд, труд человека есть единственный источник стоимости, а время, затраченное на производство продукта, составляет единственную объективную меру стоимости.

Что, однако, получится, если подвести под этот всеобщий закон, который не может быть ни нарушен, ни отменен, ни изменен (поскольку он выражает всеобщую сокровенную природу любого экономического явления), эмпирически бесспорный факт существования прибыли?

Рикардо отчетливо понимал, что одним законом стоимости прибыль не объяснишь, что он не исчерпывает всей сложности ее состава. В качестве второго решающего фактора, во взаимодействии с которым закон стоимости может объяснить прибыль, Рикардо брал закон средней нормы прибыли, всеобщую норму прибыли.

Всеобщая норма прибыли – это чисто эмпирический, а потому бесспорный факт. Суть его состоит в том, что величина прибыли зависит исключительно от совокупной величины капитала и ни в коем случае от той пропорции, в которой капитал делится на основной и оборотный, на постоянный и переменный и т.д.

Этот эмпирически всеобщий закон Рикардо и привлекает для объяснения механизма производства прибыли как фактор, который видоизменяет, осложняет действие закона стоимости. Что это за фактор, откуда он взялся, в каком внутреннем отношении он нахо-

дится ко всеобщему закону, – все это Рикардо не исследует. Его существование предполагается им абсолютно некритически, как эмпирически бесспорный факт.

Но мало-мальски внимательный анализ сразу обнаруживает, что закон средней нормы прибыли прямо и непосредственно противоречит (при том исключаящим образом) всеобщему закону стоимости, определению стоимости рабочим временем.

«Вместо того чтобы *заранее предполагать* эту *общую норму прибыли*, Рикардо, наоборот, должен был бы исследовать, в какой мере вообще ее *существование* соответствует определению стоимостей рабочим временем, и тогда он нашел бы, что, вместо того чтобы соответствовать этому определению, она *prima facie* ему *противоречит*...»⁵

Противоречие это заключается в следующем: закон средней нормы прибыли устанавливает зависимость величины прибыли исключительно от величины капитала в целом, устанавливает, что величина прибыли абсолютно не зависит от того, какая доля капитала затрачивается на заработную плату, превращается в живой труд наемного рабочего. Но всеобщий закон стоимости прямо утверждает, что новая стоимость может быть продуктом лишь живого труда и ни в коем случае не мертвого, ибо мертвый труд (т.е. труд, опредмеченный ранее в виде машин, зданий, сырья и т.п.) никакой новой стоимости не создает, а лишь пассивно переносит по частям свою собственную стоимость на продукт.

Рикардо и сам видел здесь трудность. Но совершенно в духе метафизического мышления высказывал и толковал ее не как противоречие в определениях закона, а как «исключение из правила». Но это, конечно, дела не меняет, и по этому поводу Мальтус справедливо замечает, что в процессе развития индустрии правило становится исключением и исключение правилом⁶.

Так создается проблема, совершенно неразрешимая для метафизического мышления. Всеобщий закон в глазах метафизически мыслящего теоретика может быть оправдан только как эмпирически всеобщее правило, которому подчиняются непосредственно все без исключения явления. Но в данном случае оказывается, что всеобщим эмпирическим правилом становится как раз нечто противоположное всеобщему закону стоимости, как раз отрицание закона стоимости.

⁵ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. II. С. 168.

⁶ Там же. С. 185.

Теоретически выявленный всеобщий закон приходит к антиномически неразрешимому противоречию с эмпирически-всеобщим правилом, с эмпирически-всеобщим в фактах. И когда при этом продолжают пытаться все-таки согласовать всеобщий закон с непосредственно-общим, отвлеченным от фактов, то и получают проблему, «разрешение которой гораздо более невозможно, чем квадратура круга... Это просто попытка представить существующим то, чего нет»⁷.

Вопрос об отношении всеобщего и особенного, всеобщего закона и эмпирически очевидной формы его собственного проявления (общего в фактах), *теоретической* абстракции и абстракции *эмпирической* и явился в истории политической экономии одним из тех камней преткновения, через который буржуазная теория перешагнуть так и не смогла.

Факты – упрямая вещь. И здесь факт остается фактом: всеобщий закон (закон стоимости) стоит в отношении взаимоисключающего противоречия с эмпирически-всеобщей формой своего собственного проявления, с законом средней нормы прибыли. Непосредственно одно с другим согласовать нельзя именно потому, что такого согласия, такого соответствия между ними нет в самой экономической действительности.

Метафизически же мыслящий теоретик, столкнувшись с таким фактом как с неожиданным сюрпризом, с парадоксом, неизбежно толкует его как результат ошибок, допущенных мыслью ранее, в теоретическом выражении фактов. Естественно, что и разрешение этого парадокса он ищет на пути чисто формального анализа теории, на пути «уточнения понятий», «исправления выражений». Постулат, согласно которому предметная реальность не может сама по себе, внутри себя противоречить самой себе, для него – высший и непрекаемый закон, в угоду которому он готов принести в жертву все на свете.

Разоблачая полнейшую антинаучность подобных установок, полнейшую несовместимость их с теоретическим подходом к делу, Маркс замечает:

«Противоречие между общим законом и развитыми далее конкретными отношениями должно здесь разрешаться... путем прямого подчинения и непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И это именно должно быть достигнуто путем *словесной*

⁷ Там же. С. 65–66.

фикции, путем изменения правильных названий вещей. Здесь в действительности получается словопрение, так как реальные противоречия, которые не разрешены реально, должны быть разрешены фразами»⁸.

Закон запрещения противоречия в определении торжествует, но зато погибает теория, превращаясь в чистое словопрение, в систему семантических фокусов.

Констатация противоречий в теоретических определениях предмета сама по себе вовсе не составляет «привилегии» сознательной диалектики. Диалектика вовсе не заключается в стремлении нагромождать противоречия, антиномии и парадоксы в теоретических определениях вещей. Это с гораздо большим успехом (правда, вопреки своему намерению) проделывает метафизическое мышление.

Напротив, диалектическое мышление возникает тогда, когда метафизическое мышление окончательно и безвыходно запутывается в противоречиях с самим собой, в противоречиях одних своих выводов с другими.

Стремление избавиться от противоречий в определениях путем «уточнения» названий и выражений есть метафизический способ разрешения противоречий в теории. Как таковой он в итоге приводит не к развитию теории, а к ее разложению. Поскольку же жизнь заставляет все-таки развивать теорию, в конце концов всегда оказывается, что попытки построить теорию, в которой не было бы противоречий, приводят к нагромождению новых противоречий, но только еще более нелепых и неразрешимых, нежели те, от которых по видимости избавились.

Так что, повторяем, задача не может состоять в простом доказательстве того факта, что предметная реальность всегда раскрывает себя перед теоретическим мышлением как живое и требующее своего разрешения противоречие, как система противоречий. В XX в. этот факт доказывать уже не приходится, новые примеры тут уже ничего прибавить не могут. Ныне это факт очевиден для самого закоренелого и убежденного метафизика.

Но метафизик наших дней, отправляясь от этого факта, все старания направляет на то, чтобы оправдать этот факт как результат органических недостатков познавательной способности человека, как результат «неотработанности» понятий, определений, относительно, нечеткости терминов, выражений и т.п. С фактом противоречия

⁸ Там же. С. 66.

метафизик ныне примиряется, но лишь как с неизбежным субъективным злом – не более. Он по-прежнему – как и во времена Канта – не может допустить, что в этом факте выражается внутренняя противоречивость самих вещей «в себе», самой объективной предметной реальности. Поэтому-то метафизика в наши дни и стала на службу агностицизму и субъективизму релятивистского характера.

Диалектика исходит из прямо противоположного взгляда. Она базирует свое решение проблемы прежде всего на том, что сам предметный мир, объективная предметная реальность есть живая система, развертывающаяся через возникновение и разрешение своих внутренних противоречий. Диалектический метод, диалектическая логика обязывают не только не бояться противоречий в теоретическом определении объекта, но прямо и непосредственно требуют целенаправленно отыскивать и точно фиксировать эти противоречия. Но не для того, разумеется, чтобы нагромождать горы антиномий и парадоксов в теоретических определениях вещи, а для того чтобы отыскать их рациональное разрешение.

А рациональное разрешение противоречий в теоретическом определении может состоять только в том, чтобы проследить тот способ, которым они разрешаются *движением самой предметной, объективной реальности, движением и развитием мира вещей «в себе»*.

Вернемся к политической экономии, чтобы посмотреть, как решает Маркс все те антиномии, которые, вопреки своему сознательно философскому намерению, зафиксировала школа Рикардо.

Прежде всего Маркс отказывается от попыток непосредственно и прямо согласовать всеобщий закон (закон стоимости) с эмпирическими формами его собственного обнаружения на поверхности явлений, т.е. с абстрактно-всеобщим выражением фактов, с непосредственно-общим, которое может быть индуктивно усмотрено в фактах.

Такого прямого и непосредственного совпадения того и другого, как показывает Маркс, нет в самой действительности экономического развития. Между всеобщим законом и его собственным эмпирическим обнаружением есть на самом деле отношение взаимоисключающего противоречия. Закон стоимости на самом деле – а вовсе не только и не столько в голове Рикардо – прямо противоречит закону средней нормы прибыли.

И при попытке все же доказать их прямое и непосредственное совпадение «грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон»⁹.

Поняв в конце концов невозможность это проделать, эмпирик всегда в таком случае делает вывод о неправильности формулировки всеобщего закона, начнет «исправлять» ее. На этом пути буржуазная наука и выхолостила теоретический смысл рикардианского закона стоимости, утратила, как отмечал Маркс, и самое понятие стоимости.

Эта утрата понятия стоимости происходит так: для того чтобы согласовать закон стоимости с законом средней нормы прибыли и другими противоречащими ему неопровержимыми явлениями экономической действительности, Мак-Куллох изменяет понятие труда как субстанции стоимости. Вот его определение труда:

«Труд мы можем с полным правом определять как род действия, или операции, безразлично, выполняется ли он людьми, низшими животными, машинами или силами природы, которые стремятся к тому, чтобы вызвать известный результат»¹⁰.

С помощью такого определения труда Мак-Куллох и избавляется от противоречий Рикардо.

«И у других хватило смелости говорить, что жалкий Мак разбил Рикардо наголову... Мак, который теряет само понятие труда!» — квалифицирует это рассуждение Маркс¹¹.

А такая «утрата понятия» неизбежна, если хотят построить систему теоретических определений, в которой не было бы противоречий между всеобщим законом и эмпирической формой его собственного обнаружения, проявления.

Принципиально по-иному поступает Маркс. В его системе в теоретических определениях вовсе не исчезают и не ликвидируются те противоречия, которые приводят в ужас метафизика, не знающего иной логики, кроме формальной.

Если взять теоретическое положение из первого тома «Капитала» и непосредственно, лицом к лицу, столкнуть его с теоретическим

⁹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. I. С. 57.

¹⁰ Там же. Т. III. С. 140.

¹¹ Там же. С. 142.

положением из третьего тома того же «Капитала», то окажется, что между ними по-прежнему сохранилось отношение логического противоречия.

В первом томе, например, показано, что прибавочная стоимость есть исключительный продукт той части капитала, которая затрачена на заработную плату, превратилась в живой труд наемного рабочего, т.е. переменной его части и только ее.

Положение из третьего тома, однако, гласит: «Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость ведет свое происхождение *одновременно от всех* частей приложенного капитала»¹².

Противоречие, выявленное уже школой Рикардо, здесь, таким образом, не только не исчезло, но, наоборот, показано как *необходимое* противоречие самой сущности процесса производства прибавочной стоимости. Именно поэтому буржуазные экономисты после опубликования третьего тома «Капитала» с торжеством констатировали, что Маркс не смог разрешить антиномий трудовой теории стоимости, что он не выполнил обещаний, данных в первом томе, и что весь «Капитал» – не более как спекулятивно-диалектический фокус.

Логически-философской подоплекой этих упреков оставалось по-прежнему метафизическое представление, согласно которому всеобщий закон доказывается в фактах только тогда и тем, когда удастся *без противоречия* согласовать его непосредственно с общей эмпирической формой явления, с общим в фактах, открытых непосредственному созерцанию.

Но как раз этого в «Капитале» и нет, и вульгарный экономист вопит, что положения третьего тома опровергают положения первого, поскольку они находятся с ними в отношении взаимоисключающего противоречия. Это положение в глазах эмпирика предстает как свидетельство неистинности закона стоимости, доказательство того, что этот закон есть «чистейшая мистификация», противоречащая действительности и не имеющая с ней ничего общего.

В этом пункте вульгарный эмпиризм буржуазных экономистов нашел поддержку у кантианцев. Например, Конрад Шмидт формально согласен с анализом Маркса, но с той оговоркой, что всеобщий закон стоимости является «в пределах капиталистической формы производства *фикцией, хотя и теоретически необходимой*»¹³.

¹² Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат, 1955. Т. III. С. 40 (курсив наш. – Э. И.).

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI, ч. 2. С. 495 (курсив наш. – Э. И.).

Фикцией, умозрительно-искусственной гипотезой этот закон для кантианцев оказывается опять-таки потому, что он не может быть оправдан через непосредственно-общее в эмпирически бесспорных явлениях.

Общее в явлениях – закон средней нормы прибыли – есть как раз нечто прямо противоположное закону стоимости, нечто противоречащее ему взаимоисключающим образом. Поэтому в глазах кантианца он и есть не более чем искусственно построенная гипотеза, теоретически необходимая фикция, но ни в коем случае не теоретическое выражение объективно-всеобщего закона, которому подчиняются явления.

Конкретное, таким образом, противоречит абстрактному в «Капитале» Маркса, и противоречие это не только не исчезает от того, что между тем и другим установлена целая цепь опосредующих звеньев, но доказывается как необходимое противоречие самой экономической реальности, а не как следствие теоретических недостатков рикардианского понимания закона стоимости.

Логическую природу этого явления можно легко продемонстрировать и на более легком примере, не требующем специальной грамотности в области политической экономии.

При количественно-математической обработке определенных явлений очень часто получается противоречащая себе система уравнений, в которой уравнений больше, чем неизвестных, например:

$$\begin{cases} x + x = 2, \\ 50x + 50x = 103x. \end{cases}$$

Логическое противоречие здесь налицо. Тем не менее эта система уравнений вполне реальна. Реальность ее станет очевидной при условии, что под значком x здесь скрывается одна копейка, а сложение копеек происходит не только в голове, и не столько в голове, сколько в сберегательной кассе, начисляющей ежегодно 3 % на вложенную сумму.

В этих конкретных – и вполне реальных – условиях сложение копеек совершенно точно выражается приведенной «противоречивой» системой уравнений. Противоречие здесь является непосредственным выражением того факта, что в реальности всегда подвергаются сложению (вычитанию, делению, возведению в степень и т.д.) не умозрительно-чистые «количества», а качественно определенные величины, и что чисто количественное прибавление этих величин дает в каком-то пункте качественный скачок, ломающий иде-

альный количественный процесс, приводит к парадоксу в теоретическом выражении.

Любая наука сталкивается с этим на каждом шагу. Простой пример. Было выяснено, что при понижении температуры газа на 1° его объем уменьшается на $\frac{1}{273}$; в известных пределах поведение газа строго согласуется с этим законом. Однако при очень низких температурах цифры получаются совсем другие. Противоречие между исходным законом и математическим выражением его действия при низкой температуре свидетельствует о том, что где-то появляется новый фактор, вызванный тем же понижением температуры, который корректирует пропорцию, – а вовсе не о «неправильности» противоречащих друг другу цифровых выражений. Наука давно научилась правильно относиться к таким противоречиям. Но нежелание или неумение сознательно применить здесь диалектику приводит к тому, что математика начинает представляться «теоретически необходимой фикцией», чисто искусственным инструментом рассудка.

Современные позитивисты рассуждают о математике, на каждом шагу сталкивающейся с такого же рода парадоксами, совершенно в манере рассуждений Конрада Шмидта о стоимости. «Чистую математику» они оправдывают тоже чисто прагматически, инструменталистски – лишь как искусственно изобретенный способ духовной деятельности субъекта, который почему-то (а почему – неизвестно) приводит к желаемому результату. Основанием такого отношения к математике является опять то реальное обстоятельство, что прямое и непосредственное приложение всеобщих математических формул к реальному количественно-качественному процессу развития явлений, к реальной конкретности, всегда неизбежно ведет к парадоксу, к логическому противоречию в математическом выражении.

Но и в данном случае (как и в политической экономии) данное противоречие вовсе не есть результат неправильностей, допущенных мышлением в процессе теоретического выражения явления. Это есть прямое и непосредственное выражение диалектики самих явлений. Реальное «разрешение» подобного противоречия может состоять только в дальнейшем анализе всех тех конкретных условий и обстоятельств, внутри которых осуществляется явление, в выявлении тех качественных параметров, которые в определенном пункте ломают чисто количественный ряд. Противоречие в данном случае показывает не ложность математического выражения, не ошибочность его, а нечто совсем иное: ложность мнения, согласно которому данное выражение определяет явление исчерпывающим образом.

Уравнение $x + x = 2$, а $50x + 50x = 103$ совершенно точно выражает количественную сторону предположенного нами факта, и кажется нелепым только до тех пор, пока мы не раскрыли конкретное предметное значение неизвестного и не выявили тех конкретных условий, внутри которых происходит сложение этих неизвестных.

Конечно, можно представить себе и такой случай, когда противоречие в уравнении, подобное приведенному, окажется показателем и формой проявления неточностей или неправильностей, допущенных субъектом. Предположим, что реальное значение икса объективно, независимо от измеряющего субъекта, от масштаба измерения и от точности измерительного прибора равно, например, 1,0286 и что никакого качественного изменения в результате сложения таких иксов не происходит. В этом случае логическое противоречие в математическом выражении будет и по происхождению и по предметному значению совсем иным, чем в первом случае. В данном случае оно будет свидетельствовать просто об ошибке или неточности, допущенной при измерении, о недостаточной точности измерительного прибора, о грубости масштаба и т.д. В данном случае в появлении противоречия виноват субъект и только субъект, который при измерении суммы двух иксов не смог уловить и выразить разницы между 2 и 2,056, а при измерении суммы ста таких иксов получил результат, в котором эта разница уже явственно обнаружилась. Здесь логическое противоречие разрешается, естественно, совсем иначе, чем в первом случае.

Однако решить, с каким именно случаем мы столкнулись и на каком пути следует разрешить противоречие, по одной лишь формально-математической структуре уравнения невозможно. В обоих случаях нужен дополнительный конкретный анализ той действительности, в выражении которой появилось противоречие.

Различие диалектики и метафизики в этом пункте состоит вовсе не в том, что метафизика любое противоречие в определениях предмета сразу же объявляет нетерпимым злом, а диалектика любое же противоречие объявляет благом, истиной. Относительно метафизической логики это справедливо. Но диалектика вовсе не заключается в том, чтобы утверждать как раз обратное. Это была бы не диалектика, а та же метафизика с обратным знаком, т.е. софистика.

Диалектика вовсе не отрицает того, что в познании могут появляться и очень часто появляются чисто субъективные противоречия, от которых следует как можно скорее избавляться. Однако решить, с каким именно противоречием мы имеем дело в каждом отдельном

случае, нельзя по внешней (формально-математической или словесно-синтаксической) форме уравнения или суждения. Если метафизическая логика в любом случае рассматривает противоречие в определениях как чисто субъективное зло, как результат ошибок и неточностей, допущенных мыслью ранее, то для нее появление противоречия на пути движения мысли становится непреодолимым препятствием. Если на этом пути появилось противоречие, метафизическая логика запрещает развивать мысль дальше, рекомендует вернуться назад и во что бы то ни стало обнаружить в предшествующем рассуждении ошибку, которая привела к противоречию. Пока противоречие не показано как результат ошибки субъекта, мысль не имеет права идти дальше.

Диалектика вовсе не отрицает известной пользы от проверки и перепроверки предшествующего хода размышления, не отрицает и того, что в известных случаях эта проверка покажет встретившееся противоречие как результат ошибки, неточности.

Отрицает диалектика совсем другое, и именно то мнение, будто бы можно выработать такую формулу, которая позволяла бы сразу, минуя всякий анализ знания по его реальному, предметному содержанию, распознать «логические» (т.е. субъективные, из неточности или неряшливости выражения проистекающие) противоречия. Именно такая претензия лежит в основе обеих классических формулировок «запрета противоречия» – как аристотелевской, так и лейбницевско-кантовской. Согласно первой, запрету подлежит *всякое* высказывание, в котором выражено противоречие предмета самому себе «в одно и то же время и в одном и том же отношении». Согласно второй – *всякое* высказывание (или суждение), которое приписывает понятию противоречащий ему предикат (признак).

Под запрет, выраженный в его аристотелевской редакции, подпадает, как давно выяснено, суждение, выражающее знаменитый парадокс Зенона относительно летящей стрелы. Именно поэтому все логики, старающиеся придать абсолютный характер запрету в его аристотелевском виде, две тысячи лет пытаются столь же упорно, сколь и безуспешно, изобразить этот парадокс как результат неправильностей в выражении фактов. Они рискуют потратить на это еще две тысячи лет безрезультатных усилий, ибо Зенон высказал в единственно возможной (а потому и единственно «правильной») форме крайне типичный случай диалектического противоречия, заключенного в любом факте перехода, движения, изменения, превращения.

С другой стороны, формула Лейбница – Канта безусловно запретит такое, например, суждение: *идеальное* есть *материальное*, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней^{xxxvii}. Это суждение также выражает переход противоположностей друг в друга. Поэтому оно, естественно, определяет субъект через предикат, который непосредственно с ним несоединим. *Идеальное* как таковое непосредственно не есть материальное, есть не-материальное, как и наоборот.

Всякое высказывание, выражающее самый момент, самый акт перехода (а не *результат* этого перехода только), неизбежно заключает в себе явно или неявно выраженное противоречие, – притом противоречие «в одно и то же время» (а именно во время перехода, в момент перехода) и «в одном и том же отношении» (именно в самом отношении перехода противоположностей друг в друга).

Именно поэтому заранее обречена на провал всякая попытка сформулировать запрет противоречия в виде абсолютно непререкаемого формального (т.е. безотносительного к конкретному содержанию высказываний) правила. Такое правило либо запретит заодно с «логически противоречивыми» высказываниями также и все высказывания, выражающие противоречия реального изменения, реального перехода противоположностей, либо заодно со вторыми разрешит и первые. Это совершенно неизбежно, ибо по форме выражения в речи, в высказывании одни от других отличить вообще невозможно. Предметная реальность сплошь и рядом включает в себе внутреннее противоречие как раз «в одно и то же время и в одном и том же отношении», и высказывание, соответствующее такому положению дел, диалектическая логика расценивает как совершенно правильное, несмотря на все вопли метафизиков.

Таким образом, если противоречие в определениях вещи появилось с необходимостью в результате движения мысли по логике фактов, характеризующих движение, изменение, развитие вещи, переход различных ее моментов друг в друга, – то это не «логическое» противоречие, хотя бы оно и обладало всеми формальными признаками такового, а совершенно правильное выражение объективного диалектического противоречия.

В этом случае противоречие оказывается не непроходимым барьером на пути движения исследующей мысли, а наоборот, трамплином, позволяющим сделать решительный скачок вперед в конкретном исследовании, в процессе дальнейшей переработки эмпирических данных в понятия.

Но этот скачок, характерный для диалектического развития понятий, становится возможным только потому, что в виде такого противоречия перед мышлением всегда вырастает реальная проблема, решение которой осуществляется через дальнейший конкретный анализ конкретных фактов, через отыскание тех реальных опосредующих звеньев, благодаря которым и посредством которых противоречие разрешается в действительности. Так решались всегда действительно серьезные проблемы в науке.

Например, философия диалектического материализма впервые смогла поставить и решить проблему сознания именно потому, что подошла к ней с диалектическим пониманием противоречия. Старый метафизический материализм упирался в данном пункте в явное противоречие. С одной стороны, тезис всякого материализма гласил, что материя (объективная реальность) первична, а сознание есть отражение этой реальности, т.е. вторично. Но если абстрактно взять отдельный изолированный факт целесообразной деятельности человека, то отношение между сознанием и предметностью выглядит как раз обратным. Архитектор сначала строит дом в сознании, а затем приводит объективную реальность (с помощью рук рабочих) к соответствию с разработанным идеальным планом. Если выразить это положение дел в философских категориях, то оно приходит, по видимости, в противоречие с общим тезисом материализма, «логически противоречит» ему. Здесь первично сознание, идеальный план деятельности, а чувственно-предметное воплощение этого плана выступает как нечто вторичное, производное.

Материалисты домарксовской эпохи в философии, как известно, не смогли справиться с этим противоречием. Когда речь шла о теоретическом сознании, они отстаивали точку зрения отражения, тезис о первичности бытия и вторичности сознания. Однако как только речь заходила об активной целенаправленной деятельности человека, метафизический материализм не мог связать концы с концами. Не случайно все материалисты до Маркса были чистейшими идеалистами в понимании истории общества. Здесь ими принимался прямо противоположный исходный принцип объяснения, никак с принципом отражения не связанный. В теориях французских просветителей мирно соседствовали два непримиренных антиномичных принципа объяснения человеческого познания и деятельности.

Маркс и Энгельс показали, что метафизический материализм постоянно впадал в это противоречие потому, что не видел реального опосредующего звена между объективной реальностью и созна-

нием – не понимал роли практики. Отыскав это опосредующее звено между вещью и сознанием, диалектический материализм и решил проблему конкретно, объяснил самую активность субъекта из одного всеобщего принципа, чем и провел принцип материализма полностью в понимание истории. Противоречие тем самым было снято, конкретно разрешено, объяснено в необходимости его появления.

Метафизический материализм это противоречие устранял путем абстрактного сведения определений сознания к определениям материи. Но такое «разрешение» оставляло реальную проблему нетронутой. Факты, которые прямо и абстрактно не подводились под тезис о первичности материи (факты сознательной активной деятельности человека), этим, разумеется, не устранялись из действительности. Они устранялись лишь из сознания материалиста. В итоге материализм не мог окончательно справиться с идеализмом даже внутри своей теории.

Метафизический материализм поэтому и не устранял ту реальную почву, на которой вновь и вновь возникали идеалистические концепции относительно взаимоотношения материи и духа.

Лишь диалектический материализм Маркса – Энгельса – Ленина смог разрешить это противоречие, сохранив исходный тезис всякого материализма, но проводя этот тезис конкретно в понимании процесса рождения сознания из активной практической чувственной деятельности, изменяющей вещи.

Противоречие тем самым было не устранено, не объявлено ложным и выдуманым, а показано как необходимое выражение реального факта в его возникновении. Тем самым идеализм был выбит из самого прочного его убежища – спекуляции на фактах, касающихся активности субъекта в практике и в познании.

Таков и вообще способ разрешения теоретических противоречий в диалектике. Они не отрицаются, не устраняются, а конкретно разрешаются внутри нового, более глубокого понимания этих фактов, в прослеживании всей цепи опосредующих звеньев, которая замыкает взаимоисключающие абстрактные положения.

Метафизик всегда старается выбрать между двумя абстрактными тезисами один, так и оставляя его абстрактным, – в этом и заключается смысл формулы «или – или».

Диалектика же, обязывая мыслить по формуле «и – и», вовсе не ориентирует мышление на эклектическое примирение двух взаимоисключающих тезисов, как это в полемическом задоре часто стара-

ются изобразить метафизику. Она ориентирует на более конкретное исследование фактов, в выражении которых появилось противоречие. В этом конкретном исследовании фактов, в прослеживании всей цепи опосредующих звеньев между реально противоречащими друг другу сторонами действительности диалектика и ищет разрешения противоречия.

При этом каждый из тезисов, ранее абстрактных, превращается в момент конкретного понимания фактов и объясняется как одно-стороннее выражение реальной противоречивой конкретности предмета, и притом конкретности в ее развитии. В развитии же всегда и везде в определенном пункте появляется новая реальность, которая хотя и развита на основе ей предшествующих форм, но тем не менее отрицает эти предшествующие формы, обладает характеристиками, противоречащими характеристикам менее развитой реальности.

Противоречие как принцип развития теории

Проанализируем далее принципиальное отличие процесса вывода (дедукции) категорий в «Капитале» от формально-логической дедукции, т.е. конкретное существо способа восхождения от абстрактного к конкретному.

Мы установили, что понятие стоимости у Рикардо, т.е. всеобщая категория системы науки, есть абстракция, которая не только неполна, но и формальна, в силу чего и неверна. Понимая стоимость как понятие, выражающее то абстрактно-общее, чем обладает каждая из развитых категорий, каждое из конкретных явлений, им обнимаемых, Рикардо и не исследует стоимость специально, в строжайшем отвлечении от всех остальных категорий.

Таким образом уже здесь – в теоретических определениях исходной всеобщей категории и в способах ее определения – содержится, как в зародыше, вся разница между дедукцией категорий у метафизика Рикардо и способом восхождения от абстрактного к конкретному у диалектика Маркса.

Маркс вполне сознательно образует теоретические определения стоимости детальнейшим конкретным анализом простого товарного обмена, оставляя в стороне, как не имеющее отношения к делу, все остальное богатство развитых на его основе явлений и выражающих

эти явления категорий. Это и есть, с одной стороны, действительно полная, а с другой стороны, действительно содержательная, а не формальная («родовая») абстракция. И только при таком понимании, предполагающем конкретно-исторический подход к вещам, становится возможным специальный анализ формы стоимости, специальное исследование конкретного содержания всеобщей категории – анализ стоимости не как понятия, а как *конкретной чувственно данной реальности, как простейшей экономической конкретности*.

Стоимость анализируется не как умственное отвлечение общего, а как вполне специфическая экономическая *реальность*, фактически находящаяся перед глазами и поэтому могущая быть специально исследованной, как реальность, обладающая своим собственным конкретно-историческим содержанием, теоретическое раскрытие которого и совпадает с выработкой определений *понятия* стоимости.

Маркс показывает, что реальным содержанием формы стоимости является не просто абстрактно-количественное тождество порций труда, как думал Рикардо, а диалектически-противоречивое *тождество противоположностей* относительной и эквивалентной форм выражения стоимости каждого из вступающих в отношение обмена товаров. Именно в раскрытии *внутреннего противоречия* простой товарной формы и заключается тот пункт, по которому диалектика Маркса противостоит метафизическому способу мышления Рикардо.

Содержание всеобщей категории, конкретного понятия стоимости у Маркса вырабатывается, иными словами, не на основе принципа абстрактного тождества, а на основе диалектического принципа тождества взаимопредполагающих полюсов, взаимоисключающих определений.

Это значит, что содержание категории стоимости раскрывается через выявление внутренних противоречий простой формы стоимости, осуществляющейся в виде обмена товара на товар. Товар предстает в изображении Маркса как живое противоречие реальности, обозначаемой этим термином, как живой неразрешенный антагонизм внутри этой реальности. Товар содержит противоречие внутри себя, в себе самом, в своих имманентных экономических определениях.

Заметим, что внутренней раздвоенностью на взаимоисключающие и одновременно взаимопредполагающие моменты обладает, как

показывает Маркс, *каждый* из двух сталкивающихся в акте обмена товаров.

Каждый из них заключает в себе экономическую форму стоимости, как свою имманентную экономическую определенность. В обмене – в акте замещения одного товара другим – эта внутренняя экономическая определенность каждого из товаров только *проявляется*, только *выражается* и ни в коем случае *не создается*. Это – центральный пункт, от понимания которого зависит не только проблема стоимости, но и логическая проблема конкретного понятия как единства взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих определений.

В явлении реального обмена дана следующая картина: один товар замещается в руках товаровладельца другим, и замещение это – взаимное. Замещение может совершиться только в том случае, если оба взаимозамещающих товара приравниваются друг другу как стоимости. Вопрос поэтому встает так: что такое стоимость?

Что это за экономическая реальность, природу которой выявляет обмен? Как ее выразить в понятии? Фактически совершающийся обмен показывает, что каждый из товаров представляет собой по отношению к своему владельцу лишь меновую стоимость, а никак не потребительную. В руках другого владельца каждый из участников обмена, напротив, видит только потребительную стоимость, т.е. вещь, могущую удовлетворить его потребность. Поэтому он и стремится ею овладеть. И это отношение абсолютно одинаково с обеих сторон.

С точки зрения одного товаровладельца, каждый из товаров выступает в различной и именно в прямо противоположной форме: принадлежащий ему товар (холст) есть *только меновая* стоимость и ни в коем случае не потребительная – иначе он не стал бы ее отчуждать, менять. Другой же товар (сюртук) для него, по отношению к нему есть, напротив, *только потребительная* стоимость, *только эквивалент* его собственного товара.

Во взаимозамещении меновой и потребительной стоимостей, относительной и эквивалентной форм, и заключается смысл реального обмена. Это взаимозамещение, взаимопревращение полярных, исключających друг друга, противоположных экономических форм продукта труда есть самое что ни на есть фактическое превращение, происходящее вне головы теоретика и совершенно независимо от нее.

В этом взаимопревращении противоположностей и реализуется и осуществляется *стоимость*. Обмен предстает как та единственно

возможная форма, в которой проявляется, выражается в явлении, стоимостная природа *каждого из товаров*.

Фактически ясно, что *проявиться, обнаружиться* эта таинственная природа может только через взаимопревращение противоположностей меновой и потребительной стоимостей, через взаимозамещение относительной и эквивалентной форм. Иными словами, только тем путем, что один товар (холст) выступает как меновая стоимость, а другой (сюртук) – как потребительная, один принимает на себя относительную форму выражения стоимости, а другой – противоположную, эквивалентную. Обе эти формы совместиться в одном товаре не могут, иначе исчезает всякая необходимость в обмене. Отчуждают путем обмена только то, что не представляет собой непосредственно потребительной стоимости, а является только меновой.

Это фактическое положение дел Маркс и фиксирует теоретически: «Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга»¹⁴.

Метафизик, несомненно, обрадуется, прочитав это положение. Два взаимоисключающих определения не могут совместиться реально в одном товаре! Товар может находиться только в одной из взаимоисключающих экономических форм, но ни в коем случае не в обеих одновременно!

Значит, диалектик Маркс отрицает возможность совмещения полярных определений в *понятии*? На первый взгляд действительно может показаться так. Но ближайший же анализ движения мысли Маркса показывает, что дело обстоит не так просто. Дело в том, что приведенный отрывок венчает собой анализ эмпирической формы обнаружения стоимости и лишь подводит к проблеме стоимости как имманентного содержания каждого из товаров. Выработка понятия, выражающего это последнее, еще впереди. Мышление, фиксирующее пока лишь форму эмпирического обнаружения стоимости, а не внутреннее содержание этой категории, и констатирует тот факт, что каждый из товаров может принимать в этом проявлении стоимости только одну из ее полярных форм, а не обе одновременно.

Но та форма, которую принимает каждый из столкнувшихся товаров, *и не есть стоимость*, а только абстрактно одностороннее *обнаружение* последней. *Стоимость же сама по себе*, понятие о ко-

¹⁴ Маркс К. Капитал. Т. I. М.: Госполитиздат, 1955. С. 55.

торой только предстоит выразить, есть нечто третье, не совпадающее ни с одной из своих полярных форм, взятых порознь, ни с их механическим сочетанием.

Ближайшее рассмотрение обмена показывает, что зафиксированная выше «невозможность» совпадения в одном товаре двух полярных, взаимоисключающих экономических характеристик есть не что иное, как необходимая *форма обнаружения* стоимости на поверхности явлений.

«Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т.е. через отношение двух товаров, в котором один товар – тот, стоимость *которого* выражается, – непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар – тот, в *котором* стоимость выражается, – непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости»¹⁵.

Поскольку же речь заходит уже не о внешней форме обнаружения стоимости, а о ней самой как об объективной экономической реальности, скрывающейся в каждом из сталкивающихся в обмене товаров и составляющей скрытую, внутреннюю природу каждого из них, постольку дело выглядит иначе.

Принцип, запрещающий непосредственное совпадение взаимоисключающих форм существования в одной и той же вещи в одно и то же время (а следовательно, и в теоретическом выражении этой вещи), оказывается соблюденным там, где речь идет о внешней эмпирической форме проявления исследуемой реальности, – в данном случае стоимости, – но прямо отрицается там, где речь идет о внутреннем содержании этой реальности, о теоретических определениях стоимости как таковой.

Внутренняя природа стоимости теоретически выражается лишь в *понятии* стоимости. И отличительной чертой марковского *понятия* стоимости выступает как раз то, что оно раскрывается через тождество взаимоисключающих теоретических определений.

В понятии стоимости выражается не внешнее отношение одного товара к другому товару (здесь внутреннее противоречие непосредственно не выступает, а расщеплено на противоречия «в разных от-

¹⁵ Там же. С. 68.

ношениях»: «в одном отношении» – к своему владельцу – товар выступает только как меновая стоимость, а в «другом отношении» – к владельцу другого товара – только как потребительная, хотя объективно здесь не два отношения, а одно), но внутреннее отношение товарной формы. Иными словами, товар здесь рассматривается уже не в отношении к другому товару, а в отношении «к самому себе», рефлексированном через отношение к другому товару.

В этом пункте заключена тайна марксовской диалектики, и без четкого понимания этого пункта, этого решающего ядра логики «Капитала», невозможно ничего понять ни в «Капитале», ни в его логике.

В отношении к другому товару лишь проявляется, лишь выражается («рефлектируется») внутренняя сущность каждого из товаров – стоимость. И эта стоимость – объективная экономическая реальность – в обмене не создается, не рождается, а только проявляется, односторонне отражаясь в другом товаре, как в зеркале, которое способно отразить лишь ту сторону, которая обращена к нему. Так и настоящее зеркало отражает только лицо человека, хотя у него есть и затылок.

Будучи «рефлектированной вовне», стоимость и выступает в виде внешних, не совмещающихся в одном товаре противоположностей – меновой и потребительной стоимостей, относительной и эквивалентной форм выражения.

Но при этом каждый из товаров, поскольку он представляет собой стоимость, есть непосредственное *единство* взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих экономических форм. В явлении же (в акте обмена) и в его теоретическом выражении эта конкретная двойственная экономическая природа всегда и везде выступает как бы распавшейся на два своих абстрактных, противостоящих друг другу момента, каждый из которых взаимно исключает другой и одновременно предполагает его в качестве необходимого условия своего существования, условия, находящегося не в нем самом, а вне его.

В *понятии* стоимости эти абстрактно противостоящие в явлении противоположности вновь объединяются, но объединяются не механически, а именно так, как они объединены в самой экономической реальности товара – в виде живых взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих экономических форм существования *каждого товара*, его имманентного содержания – стоимости.

Иными словами, в понятии стоимости фиксируется «внутреннее беспокойство» товарной формы, внутренний стимул ее движения, ее саморазвития – внутренне присущее товару до всякого обмена, вне всякого отношения к другому товару экономическое содержание.

Исходя из выявленного понятия стоимости как живого, диалектически противоречивого совпадения противоположностей внутри каждого отдельного товара, Маркс уверенно и отчетливо вскрывает далее эволюцию простой товарной формы в денежную, процесс порождения денег движением простого товарного рынка.

В чем тут дело, в чем видит Маркс необходимость перехода от простого, прямого, безденежного обмена товара на товар – к обмену, опосредованному деньгами?

Необходимость этого перехода выводится прямо и непосредственно из невозможности разрешить противоречие простой формы стоимости, оставаясь в пределах этой простой формы.

Дело в том, что каждый из товаров, вступающих между собой в меновое отношение, представляет живую антиномию. Товар *A* может находиться только в одной форме стоимости и не может одновременно находиться в обеих. Но если обмен совершается в действительности, то это значит, что каждый из двух товаров взаимно полагает в другом ту самую форму, в которой тот находится не может потому, что он уже находится в противоположной. Ведь другой товаровладелец вынес свой товар на рынок вовсе не для того, чтобы кто-то мог измерять в нем стоимость своего товара. Он сам должен и хочет измерять в другом товаре стоимость своего, т.е. полагать противостоящий ему товар как эквивалент. Но тот не может быть эквивалентом потому, что уже находится в относительной форме.

И такое отношение абсолютно одинаково с обеих сторон. Владелец холста рассматривает товар – сюртук – только как эквивалент, а свой товар – как только относительную форму. Но владелец сюртука мыслит как раз наоборот: для него холст – эквивалент, а сюртук – только меновая стоимость, только относительная форма. И если обмен все-таки совершается, то это значит (если выразить факт обмена теоретически), что оба товара взаимно *измеряют свою стоимость* и столь же взаимно служат материалом, в котором стоимость измеряется. Иными словами, и сюртук, и холст взаимно полагают друг друга в ту самую форму выражения стоимости, в которой они не могут находиться именно потому, что уже находятся в другой.

Холст измеряет свою стоимость в сюртуке (т.е. делает его эквивалентом), а сюртук измеряет свою стоимость в холсте (т.е. делает его эквивалентом). Но ведь и холст и сюртук уже находятся в относительной форме стоимости, оба измеряют *свою* стоимость в другом и, следовательно, не могут принять на себя форму эквивалента. Но если обмен реально произошел, то это значит, что оба товара взаимно измерили свою стоимость друг в друге, взаимно признали друг друга эквивалентными стоимостями, несмотря на то что оба уже находились до этого в относительной форме, которая исключает возможность находиться в противоположной, в эквивалентной. Таким образом, реальный обмен и есть реальное, фактически совершающееся совпадение двух полярно исключающих форм выражения стоимости в каждом из товаров.

Но этого же не может быть, скажет метафизик: как же так, выходит, Маркс противоречит сам себе? То говорит, что товар не может находиться в обеих полярных формах стоимости, то говорит, что в реальном обмене он вынужден находиться сразу в обеих?

Это не только может быть, но и реально происходит, отвечает Маркс. Это и есть теоретическое выражение того факта, что прямой товарный обмен не может служить такой формой общественного обмена веществ, в которой он мог бы совершаться гладко, без трений, без препятствий, без конфликтов и противоречий. Это есть не что иное, как теоретическое выражение реальной невозможности, в которую упирается само движение товарного рынка, – невозможности обеспечить точное установление пропорций, в которых затрачивается общественно-необходимый труд в разных отраслях общественно-разделенного труда, связанных между собой только товарным рынком, т.е. точное выражение стоимости.

Прямой обмен товара на товар оказывается неспособным выразить общественно-необходимую меру затраты труда в различных сферах общественного производства (стоимость). Поэтому антиномия стоимости в пределах простой товарной формы так и остается неразрешенной и неразрешимой. Здесь товар *и должен – и не может* находиться в обеих взаимоисключающих экономических формах. Иначе обмен *по стоимости* невозможен. Но он никак не может одновременно находиться в обеих формах. Антиномия безвыходная, неразрешимая в пределах простой формы стоимости. И весь диалектический гений Маркса проявился как раз в том, что он ее понял и выразил как таковую.

Но поскольку обмен по стоимости должен все-таки как-то совершаться, постольку антиномия стоимости должна так или иначе находить свое реальное относительное разрешение.

И это разрешение находит само движение простого товарного рынка, порождая деньги, денежную форму выражения стоимости. Деньги в анализе Маркса и предстают как та естественная форма, в которой само движение рынка находит средство разрешения противоречия простой формы стоимости, прямого обмена одного товара на другой товар.

В этом пункте очень прозрачно выступает принципиальное отличие диалектико-материалистического способа разрешать противоречия от всех тех способов, которые известны метафизическому мышлению.

Как поступает метафизик в том случае, если в теоретическом выражении определенной реальности появилось противоречие в определении? Он всегда постарается разрешить его на пути «уточнения понятий», более строгого ограничения терминов и т.д., всегда постарается истолковать его не как внутреннее противоречие, а как внешнее, как противоречие в разных отношениях, с которым метафизика прекрасно мирится. Иными словами, на пути изменения выражения той же самой реальности, в которой обнаружилось противоречие.

Совершенно по-иному поступает в подобном случае Маркс. Он исходит из того, что в пределах простой формы стоимости установленная антиномия в определениях не разрешена и не может быть разрешена *объективно*. Поэтому нечего искать ее разрешения в рассмотрении все той же простой формы стоимости. В пределах прямого обмена товара на товар эта антиномия неразрешима ни объективно (т.е. движением самого товарного рынка), ни субъективно (т.е. в теории). Поэтому нужно искать ее разрешения не на пути дальнейшего рефлексирования по поводу все той же простой формы стоимости, а на пути прослеживания той объективной стихийной необходимости, с которой сам товарный рынок находит, создает, вырабатывает реальное средство ее относительного разрешения. Таким образом, диалектико-материалистический способ разрешения противоречия в теоретических определениях заключается в прослеживании того процесса, которым само движение реальности разрешает его в новую форму выражения. Если выразить это с объективной стороны, то дело сводится к тому, чтобы посредством анализа

новых эмпирических материалов проследить процесс порождения реальности, внутри которой противоречие, выявленное ранее, находит свое относительное разрешение в новой объективной форме своего осуществления.

Так Маркс и поступает в анализе денег. Деньги предстают как тот естественно возникающий способ, с помощью которого начинается совершаться взаимопревращение потребительной стоимости в меновую стоимость и обратно.

Если до появления денег каждый из сталкивающихся в обмене товаров вынужден был одновременно, внутри одного и того же единичного отношения совершать обе взаимоисключающие метаморфозы – из формы потребительной стоимости превращаться в форму меновой стоимости и в тот же самый момент, внутри того же акта совершать обратное превращение, – то теперь это выглядит по-иному. Теперь это двоякое превращение осуществляется уже не в форме непосредственного совпадения обеих взаимоисключающих форм, а опосредованно – через превращение в деньги, во всеобщий эквивалент.

Превращение потребительной стоимости в стоимость уже не совпадает непосредственно с противоположным превращением – с превращением стоимости в потребительную стоимость. Обмен товара на товар распадается на два различных, уже не совпадающих в одной точке пространства и времени, противоположных акта превращения. Товар превращается в деньги, а не в другой товар. Потребительная стоимость превращается в меновую – и только, а где-то в другой точке рынка, может быть, в другое время, деньги превращаются в товар, стоимость превращается в потребительную стоимость, замещается ею. Совпадение двух полярно направленных превращений теперь в самой реальности обмена распадается на два разных, уже не совпадающих ни по времени, ни по месту превращения – на акт продажи (превращение потребительной стоимости в стоимость) и на акт покупки (превращение стоимости в потребительную стоимость).

Деньги полностью монополизируют экономическую форму эквивалента, становятся чистым воплощением стоимости как таковой, а на долю всех других товаров остается только форма относительной стоимости. Они противостоят деньгам лишь как потребительные стоимости.

Антиномия в теоретическом выражении товарного обмена как будто оказалась разрешенной: противоречие (как непосредственное

совпадение двух полярно исключаящих противоположностей экономической формы) теперь предстало как бы расщепленным между двумя разными вещами – между товаром и деньгами.

Но на самом деле противоречие стоимости с появлением денежной формы стоимости вовсе не испарилось, вовсе не исчезло, а лишь приняло новую форму своего выражения. Оно по-прежнему – хотя и неочевидным образом – остается *внутренним* противоречием, пронизывающим и деньги, и товар, а следовательно, и их теоретические определения.

В самом деле: товар, противостоящий деньгам, стал, как будто, только потребительной стоимостью, а деньги – чистым выражением меновой стоимости. Но ведь, с другой стороны, каждый товар в отношении к деньгам выступает только как меновая стоимость. Он ведь и продается за деньги именно потому, что он не представляет собой потребительной стоимости для своего владельца. А деньги играют роль эквивалента именно потому, что они по-прежнему противостоят любому товару как всеобщий образ потребительной стоимости. Весь смысл эквивалентной формы и заключается в том, что она выражает меновую стоимость другого товара как *потребительная* стоимость.

Первоначально выявленная антиномия простого товарного обмена сохранилась, таким образом, и в деньгах, и в товаре, она по-прежнему составляет простую сущность и того и другого, хотя на поверхности явлений эта внутренняя противоречивость и денежной и товарной формы оказалась погашенной.

«Мы видели, – говорит Маркс, – что процесс обмена товаров включает в себе противоречащие и исключаящие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается»¹⁶.

Маркс от *внешнего* противоречия потребительной и меновой стоимости переходит к выявлению *внутреннего* противоречия, заключенного непосредственно в *каждом* из двух товаров. Для него как раз тот

¹⁶ Там же. С. 110–111.

факт, что противоречие предстает вначале как противоречие в разных отношениях (в отношении к одному товаровладельцу – меновая, а в отношении к другому – потребительная стоимость) есть показатель абстрактности, недостаточной полноты и конкретности знания. Конкретность же знания заключается в понимании этого внешнего противоречия как *поверхностного* способа обнаружения чего-то иного. И этим «иным» оказывается внутреннее противоречие, совпадение взаимоисключающих теоретических определений в конкретном понятии стоимости.

Пояснить его значение можно, например, сопоставляя анализ стоимости у Маркса и рассуждения о стоимости у английского эмпирика Бэли.

Последний, принимающий внешнюю форму обнаружения стоимости в обмене за ее единственную подлинную экономическую реальность и считающий все разговоры о стоимости как таковой абстрактно-диалектической схоластикой, заявляет: «Стоимость не есть нечто внутренне свойственное и абсолютное». Обосновывает он это заявление тем, что «невозможно обозначить или выразить стоимость товара иначе, как количеством другого товара». «Так же невозможно, как невозможно обозначить или выразить ход мыслей иначе, как рядом слогов, – отвечает ему Маркс. – Отсюда Бэли заключит, что мысль есть не что иное, как – слог»¹⁷.

Бэли в данном случае старался представить стоимость как отношение одного товара к другому, как внешнюю форму вещи, положенную ее отношением к другой вещи, тогда как и Рикардо и Маркс пытались найти выражение стоимости как *внутреннего содержания* каждой обмениваемой, каждой вступающей в отношение обмена вещи. В виде *отношения* одной вещи к другой только проявляется – и ни в коем случае не создается – ее собственная, имманентно ей присущая стоимость.

Бэли, будучи эмпириком, старается представить внутреннее отношение вещи в себе самой как внешнее отношение вещи к другой вещи.

Рикардо и Маркс – и в этом состоит *теоретический* характер их подхода – стараются через отношение одной вещи к другой разглядеть *внутреннее* отношение вещи к самой себе – стоимость как сущность товара, лишь проявляющуюся в обмене через внешнее отношение этого товара к другому.

¹⁷ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Т. III. С. 114.

Метафизик всегда старается «свести» внутреннее противоречие вещи к внешнему противоречию этой вещи другой вещи, к противоречию в разных отношениях, т.е. к такой форме выражения, в которой указанное противоречие устраняется из понятия о вещи, Маркс же – как раз наоборот – всегда старается увидеть во внешнем противоречии только поверхностное обнаружение внутреннего противоречия, имманентно свойственного каждой вещи, сталкивающейся с другой в отношении внешнего противоречия. В этом проявляется различие между подлинно теоретическим подходом и эмпирическим описыванием явлений.

Диалектика и заключается в умении разглядеть внутреннее противоречие вещи, стимул ее саморазвития там, где метафизик видит лишь внешнее противоречие как результат более или менее случайного столкновения двух внутренне непротиворечивых вещей.

Диалектика в данном случае обязывает истолковать внешнее противоречие двух вещей как взаимно необходимое проявление внутреннего противоречия каждой из них. Внешнее противоречие предстает как опосредованное через отношение к другому, как рефлексированное через другое внутреннее тождество взаимоисключающих моментов, внутренне противоречивое отношение вещи к себе самой, т.е. как противоречие в одном отношении и в один и тот же момент. Маркс идет от внешнего проявления противоречия к выяснению внутренней основы этого противоречия, идет *от явления к сущности* этого противоречия, в то время как метафизик всегда старается поступать наоборот и опровергает теоретическое выражение сущности вещи с позиций внешней видимости, которую он считает единственной реальностью.

Так поступал Бэли в приведенном нами рассуждении. Так поступает и метафизик, всегда старающийся представить истину противоречия в истолковании его как противоречия в разных отношениях. И это всегда ведет к умерщвлению элементарно-теоретического подхода к вещам.

У Маркса стоимость рассматривается не как отношение товара к другому товару, а как отношение товара к себе самому, и здесь-то она и предстает как живое, неразрешенное и неразрешимое внутреннее противоречие. Это противоречие не разрешается от того, что на поверхности явлений оно выступает как противоречие в двух разных отношениях, как два разных превращения – как покупка и продажа. Весь смысл анализа Маркса и состоит в том, чтобы пока-

зать, что противоречие стоимости принципиально неразрешимо в пределах простого товарного обмена, что стоимость неизбежно предстает здесь как живая антиномия в себе самой, сколько ни уточняй понятия, сколько ни рассматривай ее, сколько ни рефлектируй по ее поводу.

Товар как воплощение стоимости и не может одновременно находиться в обеих взаимоисключающих формах стоимости и реально находится одновременно в обеих формах в том случае, если обмен по стоимости все-таки совершается.

В этой теоретической антиномии выражено не что иное, как реальная невозможность, с которой сталкивается каждый миг движение простого товарного рынка. А невозможность есть невозможность. Она не исчезнет от того, что ее в теории изобразят как возможность, как нечто непротиворечивое.

Реальный рынок своим движением оставляет позади форму непосредственного обмена товара на товар. Маркс, рассматривая обширные эмпирические данные, выражающие это движение, переходит к теоретическому анализу тех более сложных форм, при помощи которых рынок осуществляет и одновременно разрешает данное противоречие. В этом и заключается необходимость перехода к деньгам.

Если на дело взглянуть с философской точки зрения, то станет ясно, что в этом выражается *материализм* марксовского способа разрешения противоречий в теоретическом выражении объективной реальности. При указанном способе противоречие разрешается не путем устранения его из теории. Наоборот, этот способ исходит из того, что противоречие в самом объекте не может быть разрешено и не разрешается иначе, как в процессе развития той реальности, которая им чревата, — в другую, более высокую и развитую реальность.

Антиномия стоимости находит свое относительное разрешение в деньгах. Но деньги опять-таки не устраняют антиномии стоимости, а лишь создают форму, в которой эта антиномия по-прежнему осуществляется и выражается. Такой способ теоретического изображения реального процесса и есть единственно адекватная логическая форма, при помощи которой может быть теоретически выражено диалектическое развитие объекта — его *саморазвитие через противоречия*.

Материалистический характер того способа, которым Маркс «разрешал» теоретические противоречия в определении предмета, прекрасно объяснил Энгельс в своих комментариях:

«При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мысли, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, когда-либо совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое решение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения и что теперь нам надо развивать две противоположные стороны этого нового отношения и т.д.»¹⁸.

Именно объективная невозможность разрешить противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения его продукта посредством прямого, безденежного обмена товара на товар и выражается теоретически в виде антиномии, в виде неразрешимого противоречия простой формы стоимости, в виде неразрешимого противоречия ее теоретических определений. Именно поэтому Маркс и не пытался избавиться от противоречия в определении стоимости. Стоимость так и остается антиномией, неразрешенным и неразрешимым противоречием, непосредственным совпадением полярно исключающих теоретических определений. Единственный реальный способ ее разрешения — это социалистическая революция, упраздняющая частный характер присвоения продукта общественного труда, присвоения, совершающегося через товарный рынок.

Объективная невозможность разрешить противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения его продуктов при необходимости ежедневно и ежечасно осуществлять общественный обмен веществ через товарный рынок вынуждает изыскивать естественные способы и средства, с помощью которых это можно сделать. Именно это приводит в конце концов к рождению денег.

Как в реальном движении товарного рынка деньги рождаются в качестве естественного средства разрешения противоречий прямого товарного обмена, так и теоретические определения денег в «Капитале» вырабатываются в качестве средств разрешения противоречия

¹⁸ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 236.

в определении стоимости. Здесь перед нами выступает важнейший момент диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному у Маркса, диалектико-материалистической дедукции категорий. Движущим стимулом теоретического развития, движущей пружиной развертывания системы теоретических определений вещи оказывается *внутреннее противоречие* теории. И таковым оно является именно потому и тогда, когда оно *непосредственно* отражает внутреннее противоречие предмета, составляющее внутренний стимул его развертывания, его усложнения, развития форм его существования. И естественно, что теоретическому выражению этого стимула в понятии предшествует большая и кропотливая работа по подбору и анализу тех эмпирических данных, которые характеризуют развитие этих форм.

С этой точки зрения, вся логическая структура «Капитала» предстает с новой, принципиально интересной стороны: все движение теоретической мысли в «Капитале» оказывается как бы замкнутым между двумя первоначально выявленными полюсами выражения стоимости.

Уже первая конкретная категория, следующая за стоимостью, — деньги — предстает как реальный способ взаимопревращения полюсов выражения стоимости, как та метаморфоза, через которую оказываются вынужденными проходить два тяготеющих друг к другу — и одновременно взаимоисключающих друг друга — полюса стоимости в процессе их взаимного превращения.

И это объективно ориентирует мышление, когда оно оказывается перед задачей выявить всеобщие и необходимые теоретические определения денег: при рассмотрении всей совокупности эмпирических, конкретно-чувственных данных выделяются и фиксируются только те характеристики, которые с необходимостью полагаются процессом превращения стоимости в потребительную стоимость и обратно, и оставляются в стороне все те эмпирические особенности денежной формы, которые из процесса этого взаимопревращения с необходимостью не вытекают, не выводятся.

Здесь обнаруживается принципиальное различие диалектико-материалистической дедукции категорий и абстрактно-рассудочной дедукции.

Последняя имеет своим основанием абстрактно-общее, родовое понятие. Под него подводится особенное явление, и в его рассмотрении затем прочитываются признаки, составляющие отличитель-

ные особенности данного вида. В итоге получается видимость выведения. Например, под абстракцию «лошадь вообще» подводится порода «орловский рысак». В определение этой особой породы вводятся такие ее признаки, которые позволяют отличить орловского рысака от любой другой породы лошадей. Но совершенно ясно, что в абстракции «лошадь вообще» специфические признаки «орловского рысака» вовсе не заключены, и поэтому никак выведенными из него быть не могут. Они пристегиваются к определениям «лошади вообще» чисто механически. А благодаря этому формальная дедукция и не дает никакой гарантии на тот счет, что эти специфические отличия прочитаны правильно, что они с *необходимостью* принадлежат рассматриваемой породе. Очень может быть, что эти специфические отличия орловского рысака усмотрены в том, что ему одинаково обще с рысаком из штата Оклахома.

То же самое, как мы видели, получается у Рикардо с его теоретическими определениями денег. Из стоимости в его понимании специфические отличия денежной формы никак не выводятся, не дедуцируются. Он поэтому и не в состоянии отличить действительно необходимые экономические характеристики денег как таковых от тех их свойств, которые эмпирически наблюдаемым деньгам принадлежат благодаря тому, что в них воплощается движение капитала. Поэтому он сплошь и рядом за специфические определения денег принимает характеристики совсем иного явления – процесса обращения капиталов.

Совсем иное получилось у Маркса. То обстоятельство, что стоимость в его теории была понята в движении противоположностей, что теоретическое определение «стоимости вообще» содержит в себе противоречие, позволило ему прочесть в эмпирически наблюдаемых явлениях денежного обращения *именно те и только те* признаки, которые с *необходимостью* принадлежат деньгам как деньгам и притом *исчерпывающим* образом определяют деньги как специфическую форму движения стоимости.

В теоретическое определение денег у Маркса входят лишь те признаки денежного обращения, которые с *необходимостью* выводятся из противоречий стоимости, с *необходимостью* порождаются движением простого товарного обмена.

Это и называется у Маркса *дедукцией*. Нетрудно теперь констатировать, что *такая* дедукция становится возможной только в том случае, если в качестве ее большой посылки лежит не абстрактно-

общее понятие, а *конкретно-всеобщее*, понимаемое как единство, тождество взаимопревращающихся противоположностей, как понятие, отражающее реальное противоречие предмета.

При этом необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что в основании этой теоретической дедукции лежит детальнейшее и всестороннее рассмотрение системы эмпирических фактов и явлений, которые составляют экономическую реальность, являющуюся объектом теории.

На этом пути только и могли быть получены действительно полные, и притом не формальные, а *содержательные* абстракции, раскрывающие специфическое существо денежной формы. Маркс и получил теоретические определения денег, «рассматривая процесс *абстрактно*, т.е. *оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов* простого товарного обращения...»¹⁹.

Обстоятельства, вытекающие из имманентных законов простого товарного обращения, суть именно продукты внутреннего противоречия стоимости как таковой, простой формы стоимости.

Диалектика абстрактного и конкретного здесь проявляется самым очевидным и наглядным образом: как раз потому, что деньги рассматриваются абстрактно, получают *конкретные* теоретические определения, выражающие конкретно-историческую природу денег как особенного явления.

Под абстрактно-общее понятие «круглое» легко подвести и футбольный мяч, и планету Марс, и шарикоподшипник. Но ни форму мяча, ни форму Марса, ни форму шарикоподшипника нельзя вывести из понятия «круглого вообще» никакими усилиями логической мысли, потому что ни одна из этих форм *не происходит* из той реальности, которая отражена в понятии «круглое вообще», т.е. из реального сходства, тождества всех круглых тел.

А из понятия «стоимость» (в ее марксовском понимании) экономическая форма денег выводится самым строгим образом. И выводится она именно потому, что в объективной экономической реальности, отражаемой категорией «стоимости вообще», заключена реальная объективная необходимость порождения денег.

Эта необходимость есть не что иное, как внутреннее противоречие стоимости, неразрешимое в рамках простого обмена товара на

¹⁹ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 164 (курсив наш. – Э. И.).

товар. Категория стоимости у Маркса есть конкретно-всеобщая категория именно потому, что она содержит в своих определениях внутреннее противоречие, раскрывается как единство, как тождество взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих теоретических определений.

Конкретность всеобщего понятия у Маркса неразрывно связана с противоречием в его определении. Конкретность есть вообще *тождество противоположностей*, в то время как абстрактно-общее получается по принципу голого тождества, тождества без противоположностей.

Если внимательно рассмотреть движение мысли Маркса от товара, от стоимости вообще к деньгам и сравнить его с аналогичным движением мысли Рикардо, то получится ясная картина различия диалектики и метафизики в вопросе о движущих пружинах процесса развертывания системы категорий.

Рикардо ведет вперед противоречие между неполнотой, бедностью, односторонностью всеобщей абстракции (стоимости вообще) и полнотой, богатством, многосторонностью явлений денежного обращения. Подводя деньги (как и все остальные категории) под всеобщую формулу закона стоимости, Рикардо убеждается, что они, с одной стороны, подводятся под категорию стоимости (деньги — тоже товар), но, с другой стороны, обладают еще многими особенностями, не выраженными в абстракции стоимости вообще. Короче говоря, он видит, что в деньгах, кроме общего, зафиксированного в категории стоимости, есть также и различия, которые он далее и выясняет. И так он поступает по отношению ко всем развитым категориям. Что из этого получается, мы уже выяснили: эмпирия усваивается в теоретически непереваренном виде.

Иное у Маркса. В «Капитале» движение мысли вперед, к новым и новым определениям стимулируется непосредственно вовсе не противоречием между «неполнотой абстракции» и «полнотой чувственно-конкретного образа» действительности. Такое представление о движущем противоречии теории не выводило бы нас ни на шаг за пределы локковского понимания процесса теоретического осмысления действительности и полностью отождествляло бы метод Маркса с методом Рикардо. Теоретическое развитие категорий в «Капитале» основывается на более конкретном понимании противоречия, непосредственно движущего мысль вперед. Мышление руководствуется здесь таким принципом: *объективное противоречие*

отражается в виде противоречия субъективного – теоретического, логического противоречия, – и в таком виде ставит перед мышлением теоретическую проблему, логическую задачу, которая может быть решена только путем дальнейшего исследования эмпирических фактов, чувственных данных.

Это дальнейшее рассмотрение эмпирических фактов осуществляется уже не вслепую, а в свете строго и конкретно сформулированной теоретической задачи, проблемы. Проблема же каждый раз формулируется в виде логического, т.е. формально неразрешимого противоречия.

Мы уже проанализировали переход от рассмотрения стоимости к рассмотрению денег и выяснили, что в реальных, эмпирически данных явлениях развитого денежного обращения Маркс выделяет лишь те и именно те определения, которые делают деньги понятными как средство относительного разрешения внутреннего противоречия товарного обмена. Далее мысль оказывается перед новым теоретическим противоречием, перед новой *теоретической проблемой*: анализ товарно-денежного обращения показал, что эта сфера не содержит внутри себя условий, при которых обращение стоимости могло бы породить новую, прибавочную стоимость.

«Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются не-эквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости»²⁰.

Но это обобщение стоит в отношении опять-таки взаимоисключающего противоречия с другим не менее очевидным фактом – с тем, что деньги, пущенные в оборот, приносят прибыль. Этот факт тоже остается фактом, «как ни вертись», притом фактом очень древним, одного возраста с ростовщицеством, а последнее столь же древне, как и сами деньги. Иными словами, анализ товарно-денежной сферы привел к выводу, что ростовщический капитал невозможен. Но он не только не невозможен, но представляет собой факт, систематически встречающийся не только при капитализме, но и во всех более ранних экономических системах – и при рабовладельческом строе, и при феодализме.

И эта новая антиномия – противоречие теоретической мысли самой себе – как раз и заключала *формулировку проблемы*, теоретиче-

²⁰ Там же. С. 170.

ской задачи, которую Маркс смог решить первый в истории экономической мысли именно потому, что первым правильно поставил вопрос, правильно сформулировал проблему.

Умение правильно поставить вопрос – значит наполовину ответить на него. Старая логика, как известно, вообще не занималась вопросом как логической формой, как необходимой формой логического процесса. И на этом недостатке старой логики умело спекулировал идеализм. Так, Кант констатировал, что природа отвечает нам только на те вопросы, которые мы ей задаем, и превратил этот факт в аргумент в пользу своей априористической концепции теоретического познания: ответ на вопрос существенно зависит от того, как сформулирован вопрос, а формулирует его субъект.

Умение правильно задавать вопрос, правильно формулировать проблему является одной из важнейших задач диалектико-материалистической логики. Маркс конкретно показал в «Капитале», что значит поставить перед исследованием *конкретный* вопрос и как найти на него соответственно конкретный ответ.

В постановке и решении вопроса о возникновении прибавочной стоимости логика Маркса выступает очень явственно. Вопрос здесь формулируется не произвольно, а на основе объективного анализа законов товарно-денежного обращения. И это происходит в той форме, что исследование имманентных законов товарно-денежного обращения приводит к *теоретическому противоречию*.

«Итак, капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении... Таковы условия проблемы. *Hic Rhodus, hic salta!* [Здесь Родос, здесь прыгай!]²¹».

Такая форма постановки проблемы у Маркса не случайна и вовсе не есть лишь внешний риторический прием. Она связана с самым существом диалектики как метода конкретного анализа, как метода, который следует за развитием самой исследуемой реальности, развивающейся через противоречия.

Как развитие реальности совершается через возникновение противоречий и их разрешение, так совершается и мышление, воспроизводящее ее развитие. Эта особенность диалектического метода позволяет не только правильно задать вопрос, но и найти его теоретическое разрешение.

²¹ Там же. С. 172–173.

Объективное исследование товарно-денежного обращения показало, что эта сфера не содержит внутри себя условий, при которых возможен и – более того – необходим очевидный, бесспорный и повсеместный экономический факт: самовозрастание стоимости. Поэтому мысль направляется на определение того реального экономически необходимого условия, при наличии которого товарно-денежное обращение превращается в обращение товарно-капиталистическое.

Это искомое должно строго соответствовать целому ряду условий, должно подводиться под них. И эти условия теоретической задачи выявлены исследованием товарно-денежного обращения как всеобщего основания товарно-капиталистической системы. В этом плане мысль движется в полном смысле дедуктивно – от всеобщего к особенному, от абстрактного к конкретному, что и создает ее целенаправленность.

Маркс так формулирует задачу: прибавочная стоимость возможна без нарушения закона стоимости только в том единственном случае, если удастся найти «в пределах сферы обращения, т.е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, – такой товар, фактическое потребление которого было бы процессом овеществления труда, а следовательно, процессом созидания стоимости»²².

В этом пункте резко обозначается принципиальная противоположность диалектики Маркса, как диалектики материалистической, спекулятивно-идеалистической диалектике Гегеля, его методу конструирования реальности из понятия.

Аксиома и непререкаемый принцип гегелевской диалектики заключается в том, что вся система категорий должна быть развита из имманентных противоречий исходного понятия. Если бы развитие товарно-денежного обращения в товарно-капиталистическое изображал правоверный последователь гегелевской логики, он должен был бы – в духе этой логики – доказать, что имманентные противоречия товарной сферы сами по себе рождают все условия, при которых стоимость становится самовозрастающей стоимостью.

Маркс делает как раз обратное: он показывает, что товарно-денежное обращение – сколько бы оно внутри себя ни вращалось –

²² Там же. С. 173.

не может увеличить совокупную стоимость обмениваемых товаров, не может создать своим движением условий, при которых деньги, брошенные в обращение, приносили бы с необходимостью новые деньги.

В этом решающем пункте анализа мысль вновь обращается к *эмпирии* товарно-капиталистического рынка. Именно в *эмпирии* отыскивается та экономическая реальность, которая превращает движение товарно-денежного рынка в процесс производства и накопления прибавочной стоимости. Единственный товар, который одновременно и подводится под закон стоимости и – без какого бы то ни было нарушения этого закона – делает возможным и необходимым прибавочную стоимость, прямо противоречащую закону стоимости, – это рабочая сила.

Но здесь снова обнаруживается, какую огромную теоретическую важность имеет тот факт, что товар раскрыт Марксом как непосредственное единство, как тождество противоположностей стоимости и потребительной стоимости.

Сущность товара рабочая сила также раскрывается в «Капитале» как непосредственное тождество взаимоисключающих определений стоимости и потребительной стоимости: потребительная стоимость рабочей силы – ее специфическое качество – заключается в том и только в том, что она в ходе ее потребления превращается в свою собственную противоположность – в стоимость.

Экономические определения рабочей силы внутри товарно-капиталистической системы условий производства заключаются в этом единстве взаимоисключающих противоположностей, в их антиномическом совмещении в одном и том же товаре, потребительная стоимость которого состоит исключительно в способности превращаться в стоимость, притом в самом акте потребления.

В тот момент, когда рабочая сила фигурирует как потребительная стоимость (акт ее потребления капиталистом), она одновременно выступает как стоимость, овеществляемая в продукте труда. Это опять противоречие в одном и том же отношении, в отношении к процессу производства и накопления прибавочной стоимости, внутреннее противоречие капиталистического процесса.

С точки зрения логики, здесь можно подметить одно важнейшее обстоятельство: *любая* конкретная категория «Капитала» предстает как одна из форм *взаимопревращения* стоимости и потребительной стоимости, т.е. тех двух взаимоисключающих полюсов, которые бы-

ли выявлены в начале исследования, при анализе «клеточки» исследуемого организма, тех двух полюсов, которые в своем антагонистическом единстве составляют содержание исходной, всеобщей категории, лежащей в основании всей дальнейшей дедукции категорий. Вся дедукция категорий предстает с этой стороны как процесс усложнения той цепи опосредующих звеньев, через которые должны проходить оба полюса стоимости в процессе их взаимного превращения.

Становление капиталистического организма выступает как процесс нарастания «напряжения» между двумя полюсами исходной категории. Путь взаимного превращения противоположностей – стоимости и потребительной стоимости – становится все сложнее. Если в акте простого обмена товара на товар взаимопревращение стоимости и потребительной стоимости совершается как непосредственный акт, то с появлением денег каждый из полюсов должен сначала превратиться в деньги, а уже потом в свою собственную противоположность. Рабочая сила предстает как новое опосредующее звено взаимопревращения форм стоимости, как новая форма ее осуществления.

Взаимно тяготеющие друг к другу полюса стоимости остаются двумя крайними точками, между которыми возникают все новые и новые экономические формы. Любая новая экономическая реальность приобретает смысл и значение лишь в том случае, если она служит взаимопревращению стоимости и потребительной стоимости, если она становится формой осуществления стоимости как живого антагонистического единства ее внутренних противоположностей.

Стоимость превращается в верховного судью всех экономических судеб, [становится] высшим критерием экономической необходимости любого явления, попадающего в процесс ее движения. Сам человек – субъект производственного процесса – превращается в пассивную игрушку, в «объект» стоимости, которая становится «автоматически действующим субъектом» процесса в целом, «самовозрастающим субъектом этого процесса»²³.

«Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно выступает как самораз-

²³ Там же. С. 160–161.

вивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы»²⁴, – говорит Маркс о роли стоимости в процессе товарно-капиталистического способа производства.

В этих выражениях Маркса нетрудно усмотреть скрытую полемику с самим существом гегелевской философии, с ее фундаментальным обоснованием в «Феноменологии духа». В этом произведении, заключающем всю тайну гегелевской философии, идеалист-диалектик выдвигал такое требование к науке: «Постигать и выражать истинное не только как субстанцию, но не в меньшей мере и как субъект»^{25, xxxviii}.

Субъект для Гегеля равнозначен реальности, развивающейся через противоречия, саморазвивающейся реальности. Но все дело в том, что такого качества Гегель не признавал за объективной реальностью, существующей вне духа и независимо от него. Единственная саморазвивающаяся субстанция для него – это логическая идея; поэтому у Гегеля и предполагается, и обосновывается, что требование «познавать и выражать истинное не только как субстанцию, но не в меньшей мере и как субъект», может быть реализовано лишь в науке о мышлении, лишь в философии, и притом в объективно-идеалистической философии.

Пользуясь в «Капитале» терминологией Гегеля, Маркс тем самым подчеркивает принципиальную противоположность своих философских позиций позициям гегельянства, показывает образец материалистической диалектики как науки о развитии через внутренние противоречия.

И если с помощью философской терминологии выразить существо переворота в политической экономии, произведенного Марксом, то можно сказать так: в его теории впервые была понята не только субстанция стоимости – труд (это понимал и Рикардо), но стоимость была понята одновременно и как субъект всего развития, т.е. как реальность, развивающаяся через свои внутренние противоречия в целую систему экономических форм. Последнего Рикардо не понимал. Чтобы это понять, надо было стать на позиции сознательной материалистической диалектики.

Только на основе такого понимания объективных законов развития, как развития через противоречия, можно понять существо логи-

²⁴ Там же. С. 161.

²⁵ Hegel G.F.W. Phänomenologie des Geistes. Leipzig, Verlag von F. Meiner, 1921. S. 12–13.

ки исследования, применяемой в «Капитале», существо способа восхождения от абстрактного к конкретному.

На первый взгляд, со стороны внешней формы, это чистая дедукция, движение от всеобщей категории (стоимость) к особым (деньги, прибавочная стоимость, прибыль, заработная плата и т.д.). Внешне движение мысли очень похоже на традиционную дедукцию – деньги (а затем и прибавочная стоимость и другие категории) выступают как более конкретный образ стоимости вообще, как особенное существование стоимости. Стоимость на первый взгляд может показаться родовым понятием, абстрактно-общим, а деньги и прочее – видами стоимости.

Но анализ обнаруживает, что отношения рода и вида тут нет. В самом деле, «стоимость вообще» раскрывает свое содержание как непосредственное противоречивое единство стоимости и потребительной стоимости. Деньги же – а особенно бумажные деньги – потребительной стоимостью уже не обладают. Они реализуют в своих экономических функциях только одно из двух определений «стоимости вообще» – функцию всеобщего эквивалента. «Стоимость вообще» оказывается богаче по содержанию, чем ее собственный вид – деньги. Всеобщая категория обладает таким признаком, который отсутствует у особенной категории. Деньги, таким образом, лишь односторонне (абстрактно) реализуют двустороннюю природу стоимости. И тем не менее деньги – более конкретное, более сложное исторически производное экономическое явление, нежели стоимость. С точки зрения традиционного понимания дедукции, это парадокс и уже не дедукция, а что-то иное.

Это и в самом деле не дедукция в смысле старой логики, а такое движение мысли, которое органически сочетает в себе и переход от всеобщего к особенному, и обратно – от особенного ко всеобщему, движение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному.

Каждая экономическая реальность, отражаемая категориями «Капитала», – и товар, и деньги, и рабочая сила, и прибавочная стоимость, и рента – все они представляют собой объективно, независимо от процесса их теоретического осмысления и абстрактное и конкретное. Каждая из этих категорий отражает вполне конкретное экономическое образование, явление. И одновременно каждая из них отражает такую реальность, которая лишь односторонне (абстрактно) осуществляет природу того целого, в состав которого она

органически входит, являясь исчезающим моментом в движении этого целого, его абстрактным проявлением.

Дедукция же воспроизводит реальный процесс становления как каждой из категорий (т.е. каждого реального экономического образования), так и всей их системы в целом, обнаруживая реальную генетическую связь, генетическое единство там, где на поверхности выступают, на первый взгляд, не связанные между собой явления и даже явления, противоречащие друг другу.

Отсюда и проистекает принципиальная разница между формально-логической, силлогистической дедукцией и способом восхождения от абстрактного к конкретному.

В основании первой, в качестве ее большей посылки, лежит абстрактно-общее, родовое понятие, наиболее скудное по содержанию и наиболее широкое по объему. Под такое понятие можно подвести только такие особенные явления, которые не содержат в себе признака, противоречащего признакам всеобщего понятия. Кроме того, под такое понятие нельзя подводить явление, у которого *отсутствует* хотя бы один признак, входящий в определение содержания всеобщего понятия. Такое явление будет расценено, с точки зрения старой логики, как относящееся к какой-то другой системе, к другому «роду» явлений.

Аксиома старой дедукции гласит: каждое из особенных явлений, могущих быть подведенными под абстрактно-общее понятие, должно обладать *всеми* признаками, заключенными в определении всеобщего понятия, и не должно заключать в себе признака, противоречащего признакам всеобщего понятия. Только явления, соответствующие этому требованию, старая дедукция и признает относящимися к тому роду явлений, который определен всеобщим понятием. Всеобщее понятие тут оказывается критерием отбора явлений, которые следует учитывать при рассмотрении определенного рода явлений, и с самого начала, как выражаются логики, предопределяет плоскость абстракции, угол зрения на вещи. Но стоит только применить эту аксиому к категориям политической экономии, чтобы сразу стали ясны ее крайняя искусственность и субъективность.

Так, деньги страдают отсутствием одного из атрибутивных признаков «стоимости вообще». Они не обладают непосредственно потребительной стоимостью. Товарно-капиталистическое обращение содержит в себе признак, прямо и непосредственно противоречащий закону стоимости, закону обмена эквивалентов – способность созда-

вать *прибавочную* стоимость, которую не подведешь без противоречия под категорию стоимости. Она поэтому начинает представляться явлением какого-то другого мира, чем сфера движения стоимости.

Подобные парадоксы и приводили в смущение буржуазных экономистов, не признававших иной логики, кроме формальной, и иной дедукции, кроме силлогистической.

Теоретическая задача, объективно поставленная развитием домарксовской политической экономии, состояла в том, чтобы показать, как на основе закона стоимости и без какого бы то ни было его нарушения становятся не только возможными, но и необходимыми явления, прямо и непосредственно противоречащие трудовой теории стоимости.

Мы уже показали достаточно подробно, что эта задача абсолютно неразрешима до тех пор, пока стоимость понимается как *абстрактно-общее, родовое понятие*, и рационально решается при условии, если стоимость раскрыта как *конкретно-всеобщая категория*, отражающая совершенно конкретную экономическую реальность (обмен товара непосредственно на товар), содержащую в себе противоречие.

Такое понимание стоимости и дало Марксу ключ к решению всех тех теоретических трудностей, в которые всегда упирался теоретический анализ, рассматривающий живую действительность, развивающуюся через противоречия.

В самой стоимости, в исходной категории теоретического развития, анализ Маркса обнаруживает возможность тех противоречий, которые на поверхности развитого капитализма выступают очевидным образом, в виде разрушительных кризисов перепроизводства, острейшего антагонизма чрезмерного богатства на одном полюсе общества и невыносимой нищеты на другом его полюсе, в виде непосредственной борьбы классов, находящей свое окончательное разрешение лишь в революции.

В теоретическом изображении это предстает как неизбежный результат развития того самого противоречия, которое заключено в простом товарном обмене, в «клеточке» всей системы, в стоимости, как в зародыше, как в зерне.

Становится понятным, почему стоимость в ходе теоретического развития категорий капиталистической экономики оказывается строгим ориентиром, позволяющим абстрактно выделять лишь та-

кие черты рассматриваемой реальности, которые связаны с нею атрибутивным образом, представляют собою всеобщие и необходимые формы существования капиталистической системы. В состав теоретического изображения этой системы вводятся только такие обобщения, которые могут быть подведены под определения стоимости. Но это подведение, осуществляемое в «Капитале», по самому своему существу чуждо формальному подведению понятий под понятия. Если рабочая сила подводится под категорию стоимости, то это непосредственно отражает факт реального становления товарно-капиталистической системы отношений.

Анализ этой системы показал, что товарно-денежное обращение представляет собой всеобщую основу, простейшее всеобщее и необходимое условие, без наличия которого капитализм ни возникнуть, ни существовать, ни развиваться объективно не может. Тем самым теоретические определения товарно-денежного обращения показаны в качестве отражения тех объективных всеобщих условий, которым должно удовлетворять все то, что вообще могло или может быть когда-либо включено в процесс движения товарно-капиталистического организма.

Если же явление не подводится под условия, диктуемые законами товарно-денежного обращения, — значит оно не могло и не может вообще включиться в этот процесс, стать формой товарно-капиталистического обмена веществ в обществе.

Таким образом, в определениях стоимости теоретическое мышление обретает строгий критерий различения, отбора тех явлений, тех экономических форм, которые представляют собой формы, внутренне присущие капитализму.

Только то, что *реально*, независимо от мышления, подводится под условия, диктуемые имманентными законами товарно-денежной сферы, только то, что может быть усвоено, ассимилировано этой сферой и может принять на себя экономическую форму стоимости, — только такая реальность и может превратиться в форму движения *капиталистической* системы. Поэтому и мышление, абстрагирующее из безбрежного океана эмпирических фактов лишь ту их конкретно-историческую определенность, которой они обязаны капитализму как экономической системе, вправе абстрагировать только такие черты рассматриваемой реальности, которые подводятся под определения стоимости.

Если же тот или иной факт не подводится под эти определения, не отвечает требованиям, аналитически выявленным в анализе товарно-денежной сферы и теоретически выраженным категорией стоимости, то это первый и категорический признак того, что он объективно не относится к тому роду фактов, на обобщении которых должна строиться теория, система конкретно-исторических определений капитала. Все то, что не может принять на себя форму стоимости, не может превратиться и в капитал.

Весь смысл категории стоимости в теории Маркса и заключается в том, что она отражает всеобщий и необходимый момент, элемент, «клеточку» *капитала*, представляет собой всеобщее, абстрактнейшее выражение специфики капитала, хотя одновременно с этим и совершенно конкретный экономический факт, непосредственный обмен товара на другой товар.

В свете этого крайне показателен теоретический переход от рассмотрения товарно-денежной сферы к анализу процесса производства прибавочной стоимости.

На чем основывается строжайшая логическая необходимость этого перехода?

Прежде всего на том, что к анализу процесса производства прибавочной стоимости мысль подходит от определений, выявленных анализом товарно-денежной сферы. И, во-вторых, на том, что в данном случае *аналитически исследуется реальный факт* – тот факт, что деньги, брошенные в *капиталистическое* обращение, пройдя все его метаморфозы, возвращаются с приращением, приносят прибавочную стоимость. Мысль возвращается к выяснению условий возможности этого факта. Но одно из условий этой возможности, при этом абсолютно необходимое, уже выяснено анализом товарно-денежной сферы. Это – закон стоимости, относительно которого показано, что он, с одной стороны, абсолютно всеобщий закон исследуемого целого, но, с другой стороны, не включает в себе всех необходимых условий, при которых объективно возможна прибавочная стоимость.

Какого-то необходимого условия аналитически исследуемого экономического факта по-прежнему недостает. И мысль *целенаправленно* начинает искать это недостающее условие, необходимое условие возможности прибавочной стоимости.

Задача формулируется, как известно, так: это искомое должно быть найдено не путем логического конструирования, а *в ряду ре-*

альных экономических фактов, в эмпирической действительности развитого капитализма. Что это за факт – мы пока не знаем. Но вместе с тем мы уже знаем о нем нечто чрезвычайно важное. Он, во всяком случае, должен быть также товаром, т.е. экономической реальностью, подчиненной безоговорочно закону стоимости, его непререкаемым требованиям. Но этот товар должен обладать одной особенностью: его потребительная стоимость должна заключаться именно в способности превращаться в стоимость в самом акте потребления. Это второе требование, которому должно удовлетворять искомое, есть – как нетрудно понять – аналитически выявленное условие возможности *прибавочной стоимости*, капитала.

Эмпирическое рассмотрение развитого товарно-капиталистического обращения показывает, что этим двум условиям удовлетворяет только одна экономическая реальность, а именно – рабочая сила. Логически правильно поставленный вопрос здесь дает единственно возможное решение: искомое, удовлетворяющее теоретически выявленным условиям, есть рабочая сила.

Этот вывод, это теоретическое обобщение *реальных фактов* обладает всеми достоинствами самой совершенной индукции, если понимать под индукцией обобщение, исходящее из реальных фактов. Но это обобщение одновременно соответствует самым придиричьим требованиям сторонников дедуктивного характера научно-теоретического знания.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному позволяет строго выявить и абстрактно выразить лишь абсолютно необходимые условия возможности объекта, данного в созерцании. «Капитал» в деталях показывает ту необходимость, с которой осуществляется прибавочная стоимость, если имеются налицо развитое товарно-денежное обращение и свободная рабочая сила.

Совокупность всех необходимых условий выступает при этом методе анализа как реальная, как *конкретная* возможность, в то время как развитое товарно-денежное обращение показано как *абстрактная* возможность прибавочной стоимости. Но эта абстрактная возможность для логического мышления выступает как *невозможность*: анализ товарно-денежной сферы показывает, что ее имманентные законы находятся с фактом прибавочной стоимости в отношении *взаимоисключающего противоречия*. Точно так же и исследование природы рабочей силы как таковой обнаруживает, что в ней нельзя видеть источник прибавочной стоимости. «Труд вооб-

ще» создает продукт, потребительную стоимость, но ни в коем случае не стоимость.

Научно-теоретическое понимание прибавочной стоимости сводится при этом методе к выяснению таких необходимых условий, которые лишь в их *конкретно-историческом взаимодействии* делают ее возможной. Каждое же из них, рассмотренное абстрактно – вне его конкретного взаимодействия с другим, принципиально исключает самую возможность прибавочной стоимости. Для мышления это выступает в виде взаимоисключающего противоречия между законом стоимости (как абстрактной возможностью факта) и самим фактом – прибавочной стоимостью.

Реальна только *конкретная* возможность, только совокупность *всех* необходимых условий бытия вещи в их конкретно-исторической взаимообусловленности. И только на пути раскрытия этой конкретной совокупности условий мышление может найти действительное разрешение противоречия между всеобщим законом и эмпирической формой его собственного осуществления, между абстракцией и конкретным фактом. Абстрактно выраженный всеобщий закон неизбежно встает с исследуемым фактом в отношение взаимоисключающего противоречия. И в этом, с точки зрения диалектической логики, нет ничего страшного. Напротив, в данном случае логическое противоречие оказывается показателем и признаком того факта, что анализируемый предмет понят лишь абстрактно и не понят конкретно, что не вскрыты еще все необходимые условия, внутри которых он существует. Логические противоречия, необходимо возникающие в ходе познания, разрешаются, таким образом, лишь в ходе разворачивания конкретной системы категорий, воспроизводящей предмет во всей полноте его необходимых характеристик, объективных условий его бытия.

Но конкретное понимание вовсе не устраняет без остатка выявленные противоречия. Наоборот, оно детально показывает, что эти противоречия суть логически правильные формы отражения объективной реальности, развивающейся через противоречия. Конкретное теоретическое знание показывает необходимость того обстоятельства, что на основе всеобщего закона – без какого бы то ни было его нарушения, изменения или превращения – возникают явления, прямо и непосредственно ему противоречащие.

При этом все необходимые условия возможности анализируемого явления не просто перечисляются, не просто ставятся рядом друг

с другим, а постигаются в их конкретно-исторической взаимосвязи, в генетической связи одного с другим.

Простая механическая сумма условий прибавочной стоимости – развитое товарно-денежное обращение и рабочая сила – еще не составляет реальной, конкретной ее природы. Прибавочная стоимость есть продукт органического взаимодействия того и другого, есть качественно новая экономическая реальность, и ее конкретное понимание не складывается просто из тех характеристик, которые можно было бы получить из рассмотрения товарно-денежного обращения и рабочей силы. Рабочая сила становится фактором производства прибавочной стоимости только в том случае, если она начинает функционировать в той общественной форме, которая развита движением товарно-денежного рынка, – в форме товара. Но экономическая форма товара тоже становится формой движения капитала только в том случае, если подчиняет себе движение рабочей силы. Взаимодействие законов товарно-денежного обращения и рабочей силы рождает некоторую новую экономическую реальность, которой не содержалось ни в том, ни в другом, взятом порознь, вне их конкретного взаимодействия.

Поэтому движение логической мысли, воспроизводящее необходимые моменты развития прибавочной стоимости, и не может состоять в формальном соединении, синтезировании тех теоретических определений, которые получены в анализе ее составляющих, т.е. определений товарно-денежной сферы, с одной стороны, и товара рабочая сила – с другой. Дальнейшее движение мысли, постигающей прибавочную стоимость, может совершаться только через *новый анализ новых фактов* – фактов движения прибавочной стоимости как особого экономического явления, принципиально несводимого к ее составляющим.

Но, с другой стороны, это дальнейшее *теоретическое* рассмотрение фактов движения прибавочной стоимости не могло бы совершиться без категорий, развитых в исследовании законов движения товарно-денежного рынка и особенностей товара рабочая сила. Если эти категории предварительно не развиты, то невозможен теоретический анализ эмпирических фактов движения прибавочной стоимости. В этом случае будут достигнуты лишь абстрактные характеристики процесса производства прибавочной стоимости, в которых отразится лишь внешняя видимость этого процесса, а не конкретные теоретические определения.

Теоретический анализ, непосредственно совпадающий с теоретическим синтезом абстрактных определений прибавочной стоимости, выявленных ранее, выражает не абстрактные поверхностные формы ее движения, а те необходимые изменения, которые происходят в движении товарно-денежного рынка тогда, когда в это движение включается такой своеобразный товар, как рабочая сила. Этот своеобразный товар вносит в движение товарно-денежного обращения именно те изменения, которые превращают товарно-денежное обращение в сферу производства *прибавочной стоимости*.

Но и сама рабочая сила при этом берется не в ее вечной (одинаковой для всех формаций) характеристике, а в ее конкретно-исторической определенности *как товара*. Это значит, что в ней вскрывается (и фиксируется в понятии) прежде всего та *исторически-определенная* форма, которую она приобретает лишь внутри сферы товарно-денежного обращения.

Этим и отличается *научно-теоретическое воспроизведение* процесса производства прибавочной стоимости от *абстрактного описания* этого процесса, от простого абстрактного выражения его явлений, данных на поверхности.

Для того чтобы понять, *выразить в понятиях* сущность капиталистического производства, труда, производящего прибавочную стоимость, надо предварительно выявить всю ту совокупность необходимых условий, на основе которых *такой* труд вообще становится возможным, а уж затем проследить, какие именно изменения он вносит в самые условия своего осуществления.

Поэтому анализ изменений, вносимых рабочей силой в процесс товарно-денежного обращения, в процесс производства стоимости, предполагает предварительный анализ тех условий, в *которые* вносится это изменение, т.е. анализ процесса производства *стоимости* – процесса, который *наемный* труд застает уже готовым. Без этого процесс *возникновения* прибавочной стоимости понять принципиально невозможно.

Такой способ осмысления явлений позволяет не просто описать их в том виде, в каком они даны непосредственному созерцанию на поверхности развитой стадии существования, но в полном смысле этого слова *воспроизвести* их становление, проследить процесс их возникновения и развития до нынешнего состояния, и притом только в строго необходимых моментах.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному опирается в этом пункте на то реальное обстоятельство, что действительно необходимые и всеобщие условия *возникновения и развития* предмета сохраняются в каждый данный момент в качестве форм его *существования*. Поэтому мышление может прочесть при анализе развитого предмета «снятую» его историю. И иначе, как с помощью способа восхождения от абстрактного к конкретному, исторический подход к исследованию предмета осуществить невозможно.

Но поэтому картина, которую рисуют наиболее абстрактные разделы теории (например, первая глава «Капитала»), в наибольшей мере расходится с той картиной, которую являет непосредственному созерцанию и представлению развитая стадия процесса. И наоборот, чем больше закономерных влияний, тенденций и воздействий привлекается в ходе восхождения от абстрактного к конкретному, чем конкретнее становится изображение, тем оно ближе и ближе подходит к совпадению с той картиной, которая дана непосредственному созерцанию и представлению.

В итоге «Капитал» К. Маркса показывает не только «экономический скелет» общественного организма, не только его «внутреннюю структуру». В.И. Ленин видел огромное преимущество метода Маркса в том, что, «*объясняя строение и развитие данной общественной формации исключительно производственными отношениями*, — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью». «Капитал», отмечает Ленин, показал «*всю капиталистическую формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т.д. и т.п., с буржуазными семейными отношениями*»²⁶.

При этом «Капитал» доказывает, что иными эти фактические отношения не могут быть, пока в основе всей общественной жизни лежит частнособственническая, товарно-капиталистическая экономика, как не может сделаться стройным человек с кривым позвоночником. Исправить эти фактические отношения может только могила. До тех пор, пока действует закон прибавочной стоимости,

²⁶ Ленин В.И. Соч. Т. 1. С. 124.

неизбежны кризисы, неизбежна безработица, неизбежно относительное и абсолютное обнищание трудящихся масс, неизбежны ложь и лицемерие в идеологии, в быту, в личной жизни, ибо все это – лишь внешние формы обнаружения самой глубокой сущности товарно-капиталистического организма – противоречий процесса накопления прибавочной стоимости. Эти противоречия так же органически свойственны капитализму, как белковый обмен – живому телу. Они – не «пятна» на поверхности, а выражение самой его сути. Это и доказывает «Капитал», этому и служит его метод – метод выведения понимания явлений из понимания их всеобщей сущности, метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Приняв метод Маркса, невозможно уже не принять и все выводы «Капитала». Поэтому-то, собственно, так и ненавидят его апологеты современного капитализма. Он доказывает, что кризисы перепроизводства, наличие резервной армии безработных и все подобные формы буржуазного «богатства» суть всеобщие и абсолютные формы процесса производства и накопления прибавочной стоимости, его органические формы, не только следствия, но и необходимые условия протекания этого процесса.

Поэтому буржуазные философы и логики давно стараются дискредитировать метод Маркса, называя его «спекулятивным конструированием», «гегелевской формой мышления», некритически-де перенятой Марксом, и т.д., хотя, как мы старались показать, с гегелевским методом сходства тут чисто внешние, формальные. То «выведение», которое продельывает Маркс, есть просто синоним материалистического метода, метода объяснения духовно-идеологических, политических, правовых, нравственных и других отношений из отношений материальных, из отношений производства.

В «Капитале» Маркс категорически указывал на это обстоятельство: «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»²⁷.

Это – тот же самый метод, который указывает задачу научного познания денег не в том, чтобы понять, что деньги – тоже товар, а в том чтобы проследить, как и почему товар превращается в день-

²⁷ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 378.

ги. Это гораздо труднее, но зато и вернее. Этот метод показывает не только те отношения реальной жизни, которые отражены в известных идеологических формах, но и объясняет, почему именно развились как раз такие, а не какие-нибудь другие идеологические, политические, правовые и научные формы. Все эти формы буквально «выводятся» из отношений реальной жизни, из ее противоречий (из «саморазорванности светской основы»^{xxxix}). В этом как раз и заключается глубокая разница между марксовской и фейербаховской критикой форм религиозного сознания. В этом и состоит главное преимущество диалектического метода Маркса, Энгельса и Ленина, и одновременно – его материалистический характер, в применении к любой области исследований – от политической экономии до теории познания и эстетики.

«Капитал» Карла Маркса представляет собой настоящую высшую школу теоретического мышления. Ученый любой области может почерпнуть здесь для себя чрезвычайно ценные идеи в отношении метода теоретического исследования. Философы и логики должны облегчить ему доступ в эту сокровищницу. Разумеется, один автор и одна книга лишь в очень малой мере могут решить эту задачу. В силу своей сложности и объема она под силу только коллективу. Данная книга лишь в определенной степени заполняет пробел, имеющийся в нашей философской литературе в этом отношении, развивая и конкретизируя один из разделов работы М.М. Розенталя «Вопросы диалектики в “Капитале” К. Маркса», единственной до сих пор работы, посвященной этому важнейшему и труднейшему вопросу. Дальнейшие исследования в этом плане, надо надеяться, не заставят ждать себя слишком долго.

Работы 1960-х годов

Логическое и историческое

Вопрос об отношении логического к историческому или, как сформулировал его К. Маркс, об отношении научного развития к действительному развитию – это один из сравнительно молодых философских вопросов. В истории философии известны два способа постановки и решения проблемы исторического и логического. Имеются в виду в данном случае немецкая идеалистическая диалектика, наиболее полно представленная в системе Гегеля, и марксистская материалистическая диалектика.

Немецкая классическая философия ставила проблему с самого начала узко (по сравнению с ее подлинным объемом). Действительное развитие, действительная история усматривались ею в полной мере лишь в сфере духовных явлений. Лишь дух, но не природа сама по себе, рассматривался представителями немецкой классической философии как реальность, переживающая историю в строгом смысле этого слова. Природа приобщается к развитию постольку, поскольку она вовлекается в процесс развития духа, превращается во внешнюю форму, в материал воплощения исторического развития духа. Развитие духовной культуры человечества рисуется на фоне неподвижной, застывшей во времени, от века и навеки равной себе материальной природы.

Последовательное и неуклонное проведение этой точки зрения и было осуществлено в гегелевской концепции. Научные системы, формы правового и политического устройства, системы норм морали и нравственности, этапы развития искусства и промышленности – все это изображалось в качестве продуктов деятельности логического разума, составляющего стержень, ядро, «сущность» человеческого существа.

«Логическое», т.е. законы и формы деятельности мышления, превращается в глазах идеалиста в первоначало, в верховный закон, управляющий историческим развитием человечества. «Историческое» вообще предстает как нечто вторичное, производное от «логического», изображается как его внешнее проявление, обнаружение, видимость.

При этом гегелевская концепция захватывает в орбиту своего истолкования и природу вне человека. Правда, развитие природы, взятой самой по себе, в расчет этой концепцией не принимается, оно вообще остается вне поля зрения Гегеля. Но, принимая во внимание активную деятельность человека, направленную на изменение природы, Гегель идеалистически вводит идею развития и в понимание природы, т.е. учитывает развитие знаний о природе. А здесь, как и везде, он в качестве внутреннего закона открывает опять-таки логический закон.

О чем бы Гегель ни говорил, речь по существу идет об отношении логики развитого мышления к истории формирования этой логики. Естественно, что реальная история при этом понимается крайне односторонне и абстрактно, как ряд ступеней, по которым человеческое сознание восходит к пониманию закона своего собственного развития, своей собственной деятельности.

Система форм и категорий логики превращается тем самым в целевую причину реального исторического процесса. Все богатство реальных исторических событий низводится до роли средства обнаружения логической природы абсолютного духа, воплощающегося в самосознании человека. Логический разум «отчуждает» себя во вне, в виде исторических событий и созерцает в них затем самого себя, приходя таким образом к самопознанию. В ходе этого самопознания он заодно бессознательно и автоматически творит и эмпирическую историю как некоторый побочный продукт, как орудие, с помощью которого совершается это самопознание. Предметная эмпирическая реальность начинает казаться лишь пассивным зеркалом, в котором отражается эволюция развивающегося логического разума.

«Историческое» оказывается отражением «логического», т.е. реальное их отношение перевертывается.

Но, как ни мистично было это понимание, в нем впервые был поставлен вопрос о диалектическом совпадении логического развития и реального исторического процесса – вопрос, который никем до этого не ставился.

В решении Гегелем вопроса об историческом и логическом, которое, как казалось, решалось совершенно на этой ложной основе, заключалось рациональное зерно, отмеченное В.И. Лениным.

Логика развитого мышления (следовательно, и логика как теория) есть на самом деле результат, итог, вывод всей истории практи-

ческого и духовного развития человечества, обобщенное выражение реальных закономерностей, которым подчиняется развитие человеческой культуры в целом.

Но поскольку развитие материальной и духовной культуры человечества в общем и целом подчинено тем же самым всеобщим законам, что и любой другой процесс, так же осуществляется на основе законов природы и никогда не может выйти за их границы, то, находя самое общее выражение для закона развития человеческой культуры, философия тем самым находит те законы, которым одинаково подчиняется развитие любого процесса – природного, общественно-го или духовного.

Таким образом, в логике, совпадающей с объективной диалектикой, философия и находит выражение той всеобщей форме, в которой совершается историческое развитие природы, общественного организма и самой способности мыслить. Но эта форма в силу своей абсолютной всеобщности оказывается по отношению к любому частному процессу развития, взятому в отдельности, чем-то по существу, «по природе», первым.

Разумеется, что в этом рациональном виде смысл и значение гегелевской постановки вопроса об отношении логического к историческому был понят только в результате критики ее с позиции диалектического материализма.

Одновременно с выяснением рационального зерна стала очевидной и крайняя ограниченность гегелевской постановки вопроса.

У Маркса и Энгельса вопрос ставится на совершенно новой основе. Прежде всего сама проблема отношения исторического к логическому выступает, с точки зрения материалистической диалектики, более сложной, более многоплановой проблемой, нежели она казалась с гегелевских позиций. В число условий проблемы включается здесь еще один и притом самый важный и сложный фактор, которого Гегель в своих исследованиях по существу не учитывал. Это – историческое развитие самой предметной объективной реальности, совершающееся совершенно независимо от сознания и воли человека.

Гегель абстрактно отождествил историю предмета с историей человеческих знаний о нем. Поэтому весь вопрос у него, по существу, сводился к выяснению той закономерной связи, в которой стоят друг к другу теоретическое знание и история становления этого знания.

С точки зрения диалектического материализма проблема выглядит сложнее. Развивается, переживает действительную историю прежде всего сам предмет, а затем развиваются знания о нем.

Итак, вопрос состоит в том, чтобы понять ту закономерную связь, в которой теория находится, во-первых, с историей предмета, во-вторых, с историей человеческих знаний о нем, с историей теории.

Здесь мы сразу же сталкиваемся со специфической трудностью. Научное развитие, научный анализ объективных форм существования предмета, как правило, вообще «избирает путь, противоположный их действительному развитию»¹.

Наука вообще появляется тогда, когда исторический процесс уже дал некоторые результаты. Исходя из этих результатов, наука лишь постепенно приходит к их реальным истокам. Она задним числом воспроизводит действительное развитие в мышлении, в понятии. Отсюда и получается, что «историческое развитие всех наук только через множество перекрещивающихся и окольных путей приводит к их действительной исходной точке. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем она заложила его фундамент»².

Естественно возникает вопрос: если задачей научной теории является познание предмета в его историческом развитии, то не будет ли правильнее в таком случае вообще оставить в покое историю того, что уже написано, т.е. человеческих знаний об этом предмете? Не следует ли прямо обратиться к фактам и в их рассмотрении решить задачу?

Такой вывод может показаться естественным, здравым и материалистическим. Но таким он кажется только на первый взгляд. Дело в том, что рассмотрение фактов, касающихся истории возникновения и развития предмета, оказывается невозможным без скольконибудь отчетливого представления о том, что такое тот предмет, историю которого предстоит исследовать. Иначе вообще нельзя решить, относится данный факт к истории исследуемого предмета или нет, следует его учитывать при исследовании или же надо оставить в покое. Анализ теоретических представлений о предмете поэтому оказывается тесно связанным с анализом исторических фактов и в значительной мере предопределяет его характер.

¹ Маркс К. Капитал. Т. I. М.: Госполитиздат, 1955. С. 82.

² Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 46.

* * *

Вопрос об отношении логического развития теории к реальному историческому развитию встал перед Марксом непосредственно в ходе его занятий политической экономией в связи с тем, что «Критику политической экономии даже и согласно приобретенному методу можно было проводить двояким образом: исторически или логически»³.

Дело в том, что сведение критических счетов с предшествующими теориями было для К. Маркса вовсе не побочным, второстепенной важности занятием, а прежде всего той единственно возможной формой, в которой может быть осуществлен теоретический анализ эмпирических фактов. «Капитал» не случайно имеет второе название (подзаголовок) – «Критика политической экономии».

Марксу был всегда решительно чужд тот вульгарно-эмпирический взгляд, согласно которому науку можно развивать «прямо из фактов», игнорируя все предшествующее развитие теории, понятий и категорий, выражающих существо этих фактов. Этому убеждению Маркс всегда противопоставлял свой взгляд на развитие теории как на исторический процесс, в ходе которого новая теория – новое «логическое» понимание фактов – может возникнуть только через усвоение и критику предшествующих теорий.

Самая революционная теория возникает на основе всего предшествующего теоретического развития и в максимальной мере усваивает путем творчески-конструктивной критики все действительные завоевания этого развития, проверяя их практикой. Эту особенность марксизма не раз подчеркивал В.И. Ленин в борьбе против пролеткультовского нигилизма по отношению к предшествующей культуре.

Иными словами, теоретический анализ фактов и сведение критических счетов с предшествующими теориями – это две неразрывно связанные между собой стороны исследования, одна без другой совершенно невозможные. Поэтому и вопрос о способе критики предшествующей теории был одновременно и вопросом о способе анализа эмпирических фактов, о способе развития теории.

В обоих случаях категории, ранее развитые наукой, подвергаются критическому сопоставлению с реальными фактами, данными в созерцании и представлении, с эмпирическими фактами, с новой практикой. В этом отношении никакого различия между «логиче-

³ Там же. С. 235.

ским» и «историческим» способами анализа категорий и фактов нет и быть не может.

Различие заключается лишь в следующем. При так называемом «историческом способе» имеющаяся теория непосредственно критически сопоставляется с теми самыми историческими фактами, на основе которых она возникла. Например, если бы К. Маркс выбрал этот способ, то трудовая теория стоимости Смита и Рикардо сравнивалась бы с фактами, современными Смигу и Рикардо. При «логическом» же способе критики этой теории, который и избрал К. Маркс, категории трудовой теории стоимости непосредственно сопоставлялись им с фактами, которые он наблюдал сам, с современной ему экономической действительностью, т.е. сопоставлялись с фактами и практикой, наблюдаемыми на более развитой стадии истории капитализма. Этот способ критики, как показал Ф. Энгельс, имел целый ряд преимуществ перед «историческим» способом. Во-первых, современные Марксу факты были ему гораздо лучше известны и при необходимости могли быть тщательнее проверены, нежели факты более или менее отдаленного прошлого. Во-вторых, они гораздо ярче и отчетливее выявляли все необходимые тенденции капиталистического развития, чем те факты, которые знали и теоретически выражали Смит и Рикардо.

Ведь все те законы и формы капиталистического хозяйства, которые в конце XVIII и начале XIX в. проявлялись еще недостаточно ясно, к середине XIX в. приобрели гораздо более зрелую и классически отчетливую форму выражения. Достаточно указать на кризисные явления.

«Логический» способ позволяет рассматривать каждое экономическое (когда речь идет о политической экономии) явление именно в той точке, где оно достигло максимально полного и зрелого выражения. Ясно, что в сопоставлении с фактами развитого капитализма гораздо легче было обнаружить как «рациональное зерно» трудовой теории стоимости, так и ложность ее теоретических построений. Кроме того, этот способ критики давал в качестве своего непосредственного результата теоретическое понимание современных Марксу актуальных эмпирических фактов и практических проблем, тогда как при «историческом» способе были бы непосредственно поняты факты, современные Смигу и Рикардо. Понимание же современности осталось бы задачей, которую пришлось бы решать специально.

Но эти преимущества, с философской точки зрения, останутся непонятными, если не показать, как и почему «логический» анализ

(т.е. анализ, исходящий из фактов, относящихся к исторически высшей ступени развития предмета, из результатов развития) может сам по себе давать историческое по существу, хотя и логическое по форме, понимание даже в том случае, когда реальная история, приведшая к этим результатам, специально и не исследуется.

Если речь идет об отношении теории к реальному историческому процессу, то оказывается, что принципиально возможны два случая. 1. Теория развивается слишком быстро для того, чтобы сам предмет мог сколько-нибудь существенно измениться. Это характерно для естественных наук – для астрономии, для физики, химии, биологии и т.д. 2. Предмет исследования развивается таким образом, что сроки его развития сравнимы со сроками развития теории. Разные ступени развития науки отражают существенно различные ступени развития предмета, крупные исторические перемены в его строении. Это характерно не только для политической экономии, но и для всех общественных наук – истории, эстетики, правоведения, логики, теории познания и т.д.

В первом случае применение логического способа критики предшествующих теорий, с точки зрения философии, вообще является единственно возможным. Так теоретики разных столетий – Ньютон, Эйнштейн, Кант, Лаплас, О.Ю. Шмидт – имели дело с одним и тем же объектом и на одной и той же ступени его исторического развития, с объектом, который совершенно не изменился. Солнечная система или законы соотношения движения, времени и пространства не претерпели никаких существенных перемен, изменений за время, протекавшее между Ньютоном – Кантом и Эйнштейном – Шмидтом. Строение атома ныне остается почти тем же, что и во времена Демокрита.

Здесь мы имеем дело с тем случаем, который был принципиально учтен гегелевской постановкой вопроса об отношении «логического» к «историческому»: предмет представляет собой в течение данного промежутка времени неизменную картину, а знания о нем, теория о нем развивается. В данном случае понятно и оправдано применение логического способа критики теорий, созданных десятилетиями, сотнями и даже тысячами лет назад. Старая теория и ее категории, будучи сопоставлены с фактами, наблюдаемыми сегодня, естественно, и истолковываются как неполное, как одностороннее, как абстрактное отражение предмета. Новая же теория предстает в этом случае как более полное, более конкретное теоретическое выражение того же самого предмета. Поэтому все положительное прежней

теории включается в новую теорию на правах абстрактного момента. Отбрасывается лишь представление, что старое понимание было исчерпывающим и конкретным, каким оно казалось создавшему ее теоретику.

Старая теория (не вся целиком, а все то, что приемлемо в ней, т.е. заключающаяся в ней относительная истина) превращается в один из частных случаев новой теории. При этом положения, казавшиеся в определенное время «логически» первичным выражением всеобщего закона существования предмета, внутри новой теории предстают как производные выражения какой-то более глубоко заложенной в предмете закономерности, как абстрактное проявление иного конкретно-всеобщего закона.

Характерным примером такого отношения между положениями старой и новой теории может служить хотя бы известный «принцип соответствия», к которому подошла современная физика¹.

Иначе обстоит дело во втором случае. Здесь может возникнуть сомнение: не мы ли допустили ошибку и несправедливость по отношению к предмету и к исследователям прошлого, если будем критиковать теорию, созданную десятки, сотни или тысячи лет назад, с точки зрения тех фактов, которые наблюдаем сегодня?

Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что мы имеем дело с одним и тем же предметом, но только на разных ступенях его исторического развития, его исторической зрелости и, следовательно, второй случай не только можно, но и должно методологически свести к первому как к более простому. Ведь теория, т.е. логическое, систематически развитое понимание предмета, имеет дело исключительно с всеобщими формами и законами предмета, которые составляют в своей конкретной совокупности внутренне присущую ему структуру. Они не могут исчезнуть без того, чтобы не исчез, не «развалился» сам предмет как данный, конкретный специфический объект.

С другой стороны, те формы и закономерности, которые имеют место на одной ступени исторического развития предмета и бесследно исчезают на другой, уже самым фактом своего исчезновения объективно доказывают, что не принадлежат к числу внутренне необходимых условий его конкретного бытия, к числу всеобщих и необходимых условий его развития.

Поэтому применение «логического» способа анализа фактов и понятий (категорий) полностью оправдывается и во втором случае. И здесь не только можно, но и должно подвергать критике катего-

рии, созданные наукой десятки, сотни и даже тысячи лет назад, с точки зрения их соответствия фактам, современным теоретикам, относящимся к развитой зрелой стадии развития того же самого предмета.

К. Маркс в логическом анализе теорий своих предшественников сознательно и систематически руководствовался этим соображением. Это, конечно, не означает, что «исторический» способ критики полностью им игнорировался. Там, где это возможно, К. Маркс постоянно обращался к нему, выявляя исторические обстоятельства, при которых родились разбираемые им теории и категории, рисуя конкретно-исторический фон их возникновения. Однако «исторический» способ у К. Маркса играет везде лишь подчиненную роль, роль вспомогательного средства, роль проверочной инстанции. Столбовой дорогой критического анализа фактов и категорий все время остается «логический» способ критики. Особенно ясно это видно в «Капитале». В таком понимании «логический» способ анализа открывает пути и для правильного понимания истории, фактов прошлого, дает верные методологические ключи к его пониманию. «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны»⁴, – афористически выражает это обстоятельство Маркс. «Намеки на высшее», «зародыш» этого высшего, могут быть усмотрены в прошлом лишь тогда, когда это «высшее» само по себе проанализировано, познано, известно. Сама эмпирическая история постигается правильно лишь в том случае, если правильно (т.е. конкретно-исторически) постигнута «сущность» предмета, историю которого хотят рассмотреть. Последняя же может быть найдена только «логическим» способом. Маркс конкретно доказал правильность этого пути в «Капитале».

Как известно, исторический очерк эпохи «первоначального накопления» дан в «Капитале» в XXIV главе. Этому предшествуют двадцать три главы, посвященные «логическому» выяснению сущности капиталистических отношений. Ответ на вопрос об исторических обстоятельствах рождения капитала дается после того, как получен четкий ответ на вопрос: «что такое капитал?». В обратном порядке невозможно было бы сделать ни то ни другое.

Таким образом, вопрос об отношении «логического» к «историческому» непосредственно примыкает к вопросу о том, как и почему «логический» анализ (т.е. анализ фактов, относящихся к высшей,

⁴ Маркс К. К критике политической экономии. С. 219.

развитой стадии исторической зрелости предмета) может давать конкретно-историческое понимание даже в том случае, если история, «прошрое», лежащее позади «настоящего», специально и не рассматривается⁵.

Все дело, стало быть, заключается в том, чтобы понять «настоящее» по существу, исторически. И для того чтобы это сделать, вовсе не обязательно забираться в глубину веков и исследовать в деталях эмпирическую историю, предшествующую настоящему. Скорее, наоборот, правильное понимание настоящего приоткрывает тайну над его прошлым.

«... Для того чтобы развить законы буржуазной экономики, нет надобности писать действительную историю производственных отношений. Напротив, правильное созерцание и дедукция производственных отношений, которые сами сложились исторически, всегда ведут к некоторым первым соотношениям (на манер того, как эмпирически найденные числа в естествознании), к указанию на прошлое, лежащее позади этой системы. Эти указания, вместе с правильным пониманием настоящего, дают также и ключ к пониманию прошлого...»⁶ – отмечал К. Маркс в подготовительных работах к «Капиталу».

Немало сделал в этом отношении Ф. Энгельс. На материалах истории русского капитализма написал свой бессмертный труд «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин.

Следовательно, «исторический момент» заключен в самой форме «логического» анализа. Кроме того, «логический» способ анализа в его диалектико-материалистическом понимании для К. Маркса был «не чем иным, как тем же историческим способом, только освобожденным от его исторической формы и от нарушающих его случайностей»⁷.

Что это значит? На чем основывается эта таинственная способность «логического способа критики» давать историческое понимание фактов даже в том случае, если «история» их возникновения

⁵ Не рассматривается потому, что история либо известна хуже, чем «настоящее», либо вовсе неизвестна. С последним случаем сталкивается, например, космогония, которая на основе исследования современного состояния космических систем старается логически воспроизвести картину их исторического становления и развития.

⁶ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf) 1857–1858. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1939. S. 364–365.

⁷ Маркс К. К критике политической экономии. С. 236.

и развития и не исследуется? Понятно, что этот способ может опираться только на то реальное обстоятельство, что в результатах исторического процесса каким-то образом, в каком-то измененном виде содержится, «сохраняется» история их происхождения. Поэтому проблема, которая на первый взгляд представляется чисто «гносеологической», реально оборачивается в другую проблему – в проблему того объективного закономерного отношения, в котором находятся друг к другу реальный процесс исторического развития и его собственные результаты.

Выше мы отметили, что все действительно необходимые (всеобщие) моменты, характеризующие предмет как данное конкретно-историческое «целое», сохраняются в нем на всем протяжении его исторического развития, составляя закон его существования и развития.

Следовательно, необходимо выяснить, в каком именно виде сохраняются на высших ступенях развития предмета всеобщие и необходимые условия его исторического возникновения и развития, в каком виде они объективно воспроизводятся в каждой точке развития, на каждой стадии исторической зрелости исследуемого предмета.

Любой конкретно-исторический процесс реального развития начинается не на пустом месте, тем более не в эфире чистого разума, а внутри и на основе определенных предпосылок, созданных предшествующими ему во времени процессами. Биологическое развитие (история жизни) предполагает совершенно независимо от жизни сложившиеся химические предпосылки, не говоря уже о специфических условиях, складывающихся на немногих небесных телах. Общество начинает свою историю на основе предпосылок и условий, созданных природой. И вся его история и состоит в том, что эти условия и предпосылки пересоздаются, преобразуются человеком. Вообще всякая новая, более поздняя по времени своего появления, а по природе своей более высокая и сложноорганизованная форма движения возникает на основе менее сложных и продолжает свое развитие в постоянном и очень сложном взаимодействии с ними. Но здесь и начинается диалектика развития.

Дело в том, что новая, исторически позднейшая и более сложная форма развития вовсе не остается только «результатом», только пассивным «следствием» предшествующего процесса развития. «Результат» активно преобразует те условия, внутри которых он первоначально возник. Более того, если эта выявившаяся форма раз-

вития (в природе ли, в обществе или в мышлении) оказывается действительно началом нового направления в развитии, началом качественно новой формы взаимодействия, то она с необходимостью превращает исторически предшествующие ей формы развития во внешние формы своего собственного осуществления, в побочные формы своего конкретного бытия, в «органы своего тела».

Каждая новая, высшая форма развития начинает своим собственным движением сохранять и воспроизводить все действительно необходимые условия своего существования, начинает «порождать» из себя все, что было создано до нее предшествующим развитием. Она активно воспроизводит унаследованные от предшествующего развития необходимые условия своего конкретного бытия. Движение в данном случае идет по спирали, характерной для всякого действительно диалектического поступательного развития.

В «Капитале» К. Маркс конкретно и в мельчайших деталях показал, как это происходит, одновременно раскрыв всеобщий диалектический закон (а потому и закон логики). Капитал утверждает себя как новую, качественно высшую ступень в экономическом развитии тем, что подчиняет своему движению, требованиям, заключенным в его специфической природе, все те необходимые предпосылки и условия, внутри которых он первоначально возник. Он начинает активно воспроизводить все действительно необходимые условия своего существования. Тем самым он одновременно стирает с них ту историческую форму, в которой они существовали до него. Рабочая сила как таковая, как вообще способность человека к труду, принадлежит к числу исторических предпосылок возникновения капитала так же, как и земля, как и полезные ископаемые, как воздух, солнце или машины. Капитал не воспроизводит рабочую силу как таковую. Он воспроизводит рабочую силу как товар, т.е. ту форму, в которой рабочая сила функционирует в качестве элемента капитала. Теория и отражает эту конкретно-историческую форму.

Таким образом, выявляются конкретно-исторические условия бытия капитала в отличие от просто «исторических» условий его бытия, «предпосылок». То же происходит и с товарной формой, и с деньгами, и с торговой прибылью, и с рентой. Как таковые, они возникают раньше, чем капитал, производятся движением самого капитала, отражают по-своему его специфическое движение.

Отсюда и получается, что все действительно необходимые условия и предпосылки исторического возникновения капитала наблюдаются на поверхности развитого капитала. Они наблюдаются здесь

в «очищенном от исторической формы» виде. Те же условия и предпосылки, которые не были абсолютно необходимыми условиями для рождения капитала, хотя при этом и повсеместно присутствовали, — все они исчезают в процессе развития капитала, «растворяются» в нем и не проявляются на высших ступенях его исторической зрелости.

И именно поэтому «логическому» анализу не приходится специально «очищать» «логику предмета» от чисто исторических случайностей, а также от чисто исторической формы проявления. Такое «очищение» за теоретика продельывает сам объективный исторический процесс. К. Маркс в подготовительных работах к «Капиталу» отметил по этому поводу следующее: «Если в развитой буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазной экономической форме и если, таким образом, каждое полагаемое (*jedes Gesetzte*) есть одновременно предполагаемое (*Voraussetzung*), то это отношение имеет место в любой органической системе»⁸.

Это указание интересно тем, что закон, согласно которому каждое конкретно-историческое условие бытия вещи выступает одновременно как конкретно-исторический продукт, как обусловленное существованием вещи следствие, прямо утверждается как всеобщий диалектический закон, относящийся к «любой органической системе».

И действительно, реальная «органическая система» (конкретная система взаимодействующих явлений) не может вообще возникнуть, если не происходит диалектического «перевертывания» условий существования предметов в следствия. Это происходит и в природе, и в общественном развитии, и в истории познания.

Первоначальное белковое тело, клеточка жизни, возникает совершенно независимо от каких бы то ни было биологических процессов как продукт химизма, притом как крайне неустойчивый в химическом отношении продукт. Мы не знаем достаточно точно, как первоначально возникла на Земле простейшая белковая структура. Химия до сих пор не в состоянии искусственно воспроизвести условия, при которых неживое с необходимостью превращалось бы в живое. Но внутри любого живого тела имеется необходимая совокупность этих условий, организм сам активно преобразует вещества, попавшие в него извне, не дожидаясь, пока вне и независимо от него

⁸ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. S. 189.

существующая химическая среда породит живую белковую молекулу. Эта молекула, простейшая форма жизни, воссоздается внутри организма и его силами. Если бы этого не было, если бы простейшая форма жизни не воспроизводилась как следствие, как продукт самой жизни, а порождалась бы по-прежнему, как и на заре биологического развития – вне организма и совершенно независимо от него, чисто химическим путем, – то эволюция жизни вообще не сдвинулась бы с места. Жизнь навсегда так и осталась бы всего-навсего побочным более или менее часто встречающимся продуктом химизма, который в силу своей неустойчивости все время превращался бы в первоначальное состояние и ни в коем случае не в более высокоорганизованные формы существования белковых тел. Жизнь же утвердилась, поскольку живой организм активно воспроизводит клетки, поскольку химические процессы превращаются в «побочные» формы осуществления жизненного процесса.

Человек своим трудом сохраняет, воспроизводит и производит все необходимые условия своего специфически человеческого бытия, т.е. активно преобразует условия, данные ему природой, в условия, представляющие собой продукт его собственного существования в той мере, в какой природные условия пересозданы человеком, они и являются подлинными условиями его специфически человеческого бытия.

К. Маркс в деталях показал диалектику возникновения и развития капитала. Капитал возникает в недрах докапиталистических формаций и зависит от условий, которые не им созданы. Вначале его существование полностью зависит, например, от числа крепостных, сбежавших в город из феодальной деревни. Сначала источники рабочей силы были разнообразны. Рабочим мог стать крепостной, сбежавший от феодала, разорившийся ремесленник, бродяга и т.д. Но когда они попадали в процесс производства прибавочной стоимости, то и сами становились условием возникновения капитала. Далее капитализм выпускает их из своей реторты такими же свободными от собственности на условия труда, какими они туда первоначально попали.

И поскольку капитал способен в своем развитии воспроизвести условие своего специфического существования, которое первоначально было создано не им, а какими-то другими, не зависящими от него процессами, постольку лишь и становится он «на свои собственные ноги». Только здесь капитал и становится независимым от милости других, неподвластных ему обстоятельств, подчиняет их

себе и активно создает нужные ему условия. Этот акт и знаменует собой действительное начало его подлинной истории.

В развитии мышления вновь открытый теоретический принцип (новое понятие, новая теория), возникая на основе всего предшествующего развития знания, всех прежде развитых понятий и представлений, также не остается (если он верен) лишь его результатом, его итогом, лишь его следствием.

Новый теоретический принцип, представляющий собой конечный вывод из всего предшествующего теоретического развития, превращается из абстрактной гипотезы в конкретно развитую теорию, когда с его помощью достигается объяснение всех тех частных явлений, которые ранее объяснялись с точки зрения других принципов. Именно так толкует В.И. Ленин и историю превращения принципов исторического материализма из гипотезы в доказанную теорию. Новая теория, исходящая из вновь найденного принципа, вытесняет старую только тогда, когда она дает новое конкретное объяснение всем тем «частным» случаям, которые объяснялись старой неполно, абстрактно. Без этого новый теоретический принцип остается лишь гипотезой, а старая развернутая теория непоколебленной. Человек, остроумно заметил Гегель, не удовлетворяется, когда ему вместо дуба показывают желудь — неразвернутый, абстрактный принцип вместо системы конкретно истолкованных с его помощью фактов.

К. Маркс в «Капитале» наглядно и конкретно показал, что лишь с такой точки зрения в познании может быть осуществлен подлинный, т.е. конкретный по существу, историзм понимания вещей. Историзм «вообще», абстрактный историзм, столь же стар, как и сама философия. Такой «историзм» не чужд метафизическому миропониманию.

В наши дни идею развития вообще признает любой метафизик, который охотно рассуждает о необходимости «исторического» подхода к делу, охотно совершает экскурсы в «историю» предмета, подводит под свои представления «исторические» обоснования. И отличить подлинный — конкретный, диалектический — историзм от абстрактного «историзма» метафизики могут не так легко, как может показаться на первый взгляд.

На точку зрения абстрактного историзма (псевдоисторизма) сползти очень нетрудно, она кажется, на первый взгляд, естественной. Хочешь понять явление исторически — рассмотри историю его возникновения. Однако попытка это осуществить упирается в труд-

ность, без помощи диалектики неразрешимую. Ведь любая конкретно-историческая реальность имеет за собой всю бесконечную историю мироздания. Поэтому попытка понять явление «исторически» в смысле рассмотрения всех тех процессов, которые так или иначе подготовили его рождение, неизбежно ведет в «дурную бесконечность», что не может привести к какому-либо конкретному и определенному научному результату.

Идя «назад» в прошлое, в историю явления, приходится где-то остановиться, чтобы хоть с чего-то «начать». Лозунг абстрактного «историзма» никаких преград для субъективного произвола в этом отношении не выставляет и выставить не может. Но этого мало. Точка зрения абстрактного «историзма» неизбежно, помимо желаний теоретика, приводит к тому, что под видом «исторического» подхода к делу осуществляется самый грубейший антиисторизм.

Ведь ясно, что процесс возникновения и развития, например, капитала нельзя проследить, не обладая тем или иным, хотя бы самым приблизительным, пониманием того, что такое капитал. Если теоретик думает, что капитал – это «накопленный труд вообще», то совершенно естественно, что он обнаружит исторический пункт его рождения там, где неандерталец взял в руки дубину. Ведь дубина – это тоже «накопленный труд». Если же капитал понимается как деньги, приносящие, будучи пущенными в оборот, новые деньги, то его рождение будет усмотрено где-то в древней Финикии или Египте времен фараонов. За исторические законы возникновения капитала тем самым будут приняты законы возникновения совсем иных экономических (и даже доэкономических) форм, а капитал тем самым будет превращен в неисторическую категорию, в отношение если и не «вечное», то, во всяком случае, гораздо более древнее, чем оно есть на самом деле.

Рассмотрим детально этот вульгарно-исторический, ошибочный ход рассуждения, взяв в качестве характерного примера так называемое первоначальное накопление в понимании буржуазных экономистов и в понимании К. Маркса.

Буржуазные экономисты времен К. Маркса тоже были вынуждены рассматривать капитал «исторически» и согласиться с тем, что капитал – не «вечное» явление, что он когда-то и где-то возник. Где и когда? «Исторически» капитал возник, во всяком случае, путем скопления средств производства в руках немногих. Как это конкретно произошло? Самыми различными путями. Здесь и пресловутая «бережливость», и наследство, доставшееся от феодального

строю, и удачные торговые операции, надувательство и даже грабеж. Во всяком случае, капитал исторически возникает какими угодно путями, кроме одного, кроме присвоения прибавочной стоимости путем эксплуатации наемного рабочего.

Буржуазные экономисты отсюда и делают «исторически обоснованный», «логический» вывод, что капитал по своему происхождению, а следовательно, по своей «исторической природе», — это все что угодно, только не продукт присвоения капиталистом прибавочной стоимости, не следствие капиталистической эксплуатации. Это есть труд вообще (присвоенный самыми различными путями и способами), который превращен затем в труд наемного рабочего. С другой стороны, наемный рабочий исторически произошел от сбежавшего крепостного, от бродяги, от разорившегося ремесленника и т.д., т.е. наемный рабочий — это «исторический продукт» каких угодно обстоятельств, кроме капиталистической эксплуатации. И когда капиталист предлагает бродяге трудиться за вознаграждение на фабрике вместо того, чтобы голодным слоняться по дорогам, то он, по словам буржуазных экономистов, оказывает только благодеяние.

Капитал изображается естественным и вечным отношением именно с помощью «исторических» аргументов. Фокус заключается в том, что процесс создания исторических предпосылок возникновения капитала выдается за первую стадию конкретной истории самого капитала. За факты истории капитала как конкретно-исторического явления выдаются факты, относящиеся к совершенно иной истории, к истории тех предшествующих форм экономики, которые разрушаются с развитием капитала и на обломках которых капитал начинает свою конкретную историю. К. Маркс показал, что реальное конкретно-историческое развитие капитала возникает тогда, когда капитал начинает «строить свое тело» из неоплаченного труда наемного рабочего.

Первоначально же накопление «богатства» в руках будущего капиталиста может совершаться какими угодно путями и способами. Но все эти пути и способы накопления вовсе и не относятся к истории капитала. Человек, совершающий накопление, еще не капиталист. Процесс накопления находится где-то за «нижней границей» истории капитала, подобно тому как биологическая эволюция обезьяноподобных предков человека не является ни первой, ни какой-нибудь иной стадией человеческой истории, а есть лишь ее предыстория, история созревания исторических предпосылок появления человеческого общества.

Тот же самый антидиалектический взгляд на вещи свойствен современным правым социалистам, которые выдают процесс вызревания экономических предпосылок социализма (происходящий, как показал К. Маркс, внутри капитализма) за «первую стадию» истории социализма, за «социализацию» средств производства. С помощью такого «логического» трюка теоретики типа К. Реннера, Д. Коула, Б. Каутского и т.п. стараются упразднить тезис К. Маркса о том, что только революционная диктатура пролетариата способна положить конец капиталистическому развитию и тем самым положить начало принципиально новой исторической фазе – социализма. Вся история событий XX века толкуется этими теоретиками как единый процесс «социализации вообще», происходящей равно и в США, и в СССР. Однако если в США этот процесс совершается «естественными» путями, то в СССР методы и способы этой «социализации» «искусственные» и «насильственные». Главная противоположность, определяющая лицо современного мира, – противоположность лагеря стран социализма лагерю стран, застрявших на предшествующей ступени исторического развития, – толкуется этими теоретиками как ненормальность, как результат субъективного заблуждения марксистско-ленинских политиков, как продукт их «упрямого доктринерства»...

Это и есть та «логика», следуя которой пришлось бы в человеке видеть только уродливую обезьяну, а все специфически человеческие черты объявлять отклонениями, болезненными и искусственными от естественной обезьяньей нормы.

В несколько более смягченной форме та же самая логика действует и при изготовлении новейших ревизионистских теорий, которые стараются представить дело так, будто между социалистическим строем и империализмом по существу мало отличий. В обоих случаях имеется государство, заработная плата и т.д. и т.п. Мысль ориентируется здесь на абстракциях, в которых тщательно удерживается «общее» между двумя принципиально разными фазами исторического развития. В итоге не понимается правильно ни империализм, ни социализм. «Социализм» же, согласно этим теориям, начинается там и только там, где исчезает, «отмирает» государство и общегосударственное планирование. Понятно, что на практике «отмирание» общегосударственного планирования не может привести ни к чему иному, как только к возврату в то состояние, которое предшествует социализму, а именно: к стихии товарно-капиталистической собственности.

Здесь опять та же логика, которая выдает исторические предпосылки за «естественные» формы развития и потому направлена против действительных форм исторического развития, как против искусственных. Эта логика под стать обезьяне, которая не желает превращаться в человека и видит в обезьяньих формах жизни «естественный» идеал. И это является неизбежным последствием и формой псевдоисторизма, абстрактного историзма.

Историзм в диалектико-материалистическом смысле конкретен. Он обязывает рассуждать не об истории «вообще», а о конкретной истории конкретного объекта, требует понимать историю не как плавный эволюционный ряд, а как очередь сменяющих друг друга качественно особых состояний. При этом каждая из конкретно-исторических стадий развития (в природе, в обществе или в мышлении) понимается как стадия, для которой характерны специфические закономерности. Конкретная история каждой из таких стадий имеет свое объективно констатируемое всеобщее «начало», возникновение которого знаменует собой качественный перелом в ходе всеобщего развития, «скачок», революцию.

Это новое «начало», возникая лишь как один из «побочных» продуктов предшествующей истории, затем приобретает роль всеобщего, господствующего и определяющего принципа, который и превращает все ранее развитые предпосылки в побочные формы своего собственного осуществления, частью ломая их без остатка, частью продолжая влечь их за собой, развивая до полного значения то, что имело в них в виде неразвитых тенденций и возможностей. Исторический процесс поэтому предстает как непрерывный ряд органических преобразований, в ходе которых исторически предшествующее превращается в «побочную» форму своего собственного исторического продукта, в «логически последующее». Это «перевертывание» исторически предшествующего в логически последующее выражает объективно-реальное «перевертывание» роли определенных явлений внутри исторически складывающейся системы взаимодействующих явлений. Это вовсе не искусственный «прием» логического исследования, а непосредственное выражение реальной диалектики конкретно-исторического развития. «Логическая» последовательность категорий в системе науки выражает реальную последовательность процесса формирования той конкретно-исторической системы взаимодействующих явлений, которая исследуется в данном случае.

И все дело в том, что эту реальную, объективную «последовательность», в которой происходит образование внутренней структуры предмета, не так легко выделить в созерцании многосложной и крайне запутанной картины исторического процесса. Это нельзя сделать без сознательного диалектического подхода.

Так называемая «естественная» последовательность развития событий во времени, т.е. та последовательность, которую можно наблюдать на поверхности исторического процесса теоретически «невооруженным глазом», ни в коем случае не совпадает с подлинной, скрытой последовательностью этих событий в их «сущности». Кроме того, порядок развития событий «в сущности» оказывается иногда прямо обратным порядку их развития в явлении. Например, всеобщий кризис перепроизводства раньше всего обнаруживается в виде коллизий и неприятностей в сфере денежных расчетов, банковских операций, затем он захватывает торговлю и в конце концов проявляет себя в виде перепроизводства товаров. Поверхностный наблюдатель, для которого так называемая «естественная последовательность» событий во времени кажется точкой зрения «трезвого историзма», отсюда и делает вывод, что «причиной», исходным пунктом и «началом» всеобщего кризиса является кризис в сфере денежных отношений. В итоге «трезвый эмпиризм» приводит к тому же самому результату, что и изощренно-рафинированная схоластика: подлинная «причина» событий начинает казаться следствием своего собственного следствия. Грубый эмпиризм вообще неизбежно превращается в чистейшую схоластику, как только его делают принципом теоретического объяснения событий.

С точки же зрения подлинного, конкретного историзма, дело выглядит как раз наоборот. Совершенно очевидно, что перепроизводство товаров на самом деле случилось раньше, чем оно выявилось в форме денежного кризиса. Ясно, что денежный кризис лишь выразил своим специфическим языком уже до этого реально совершившийся факт, но ни в коем случае его не создал. Здесь проступает «логическое» выражение порядка развертывания событий во времени, которое противоречит вовсе не подлинному, не объективному (хотя и скрытому от эмпирического взора) порядку их следования, а поверхностной видимости, кажимости. Это явление также объективно, это не иллюзия, возникающая лишь в сознании, но поверхностная форма обнаружения «сущности» процесса. И если поверхностную форму протекания исторических событий принимают за «естественную» форму исторического развития событий во времени,

если ее берут в качестве руководящей нити «логического» выражения истории, то в итоге неизбежно получается не совпадение «логического» с «историческим», а обратный эффект.

«Логическое» выражение истории, руководствующееся этим убогим принципом, необходимо окажется антиисторическим по своему существу. И наоборот, «логическое» развитие категорий, которое, на первый взгляд, расходится с «исторической» (временной) последовательностью, представляет верное, объективное выражение истории предмета. «Логически» выявленный порядок развития событий (явлений) при этом впервые открывает тайну действительно исторического порядка их развертывания, совпадает с «историческим», понятым и выраженным в его «сущности». Кроме того, он дает возможность понять и самую временную последовательность событий, научно, а не эмпирически, не обывательски. К. Маркс категорически формулирует это обстоятельство, имеющее решающее значение с точки зрения метода исторического исследования фактов: «...Недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития»⁹.

Иными словами, к раскрытию подлинного «исторического» порядка развития одних форм существования предмета из других его форм можно прийти только через «логический» анализ предмета на высшей ступени его зрелости. Исторический процесс выступает в своих объективных результатах в такой форме, которая обнажает его собственную «сущность». Исследование «настоящего» бросает свет на «прошлое».

Теоретическое понимание «настоящего» (т.е. «логически-систематическое» его рассмотрение) оказывается ключом к соответственному теоретическому пониманию прошлого. Этот подход дает возможность рассматривать исторический процесс («прошлое») с точки зрения его собственных объективных результатов, в его строго необходимых тенденциях, в его закономерности, пробивающей себе дорогу через массу чуждых и внешних обстоятельств.

⁹ Маркс К. К критике политической экономии. С. 221.

В «логическом» исследовании высшей ступени развития предмета раскрывается прежде всего подлинное «начало» того процесса, который этот предмет реально создал. Объективное конкретно-историческое «начало» истории данного предмета здесь выступает как всеобщая, доминирующая над всем остальным, форма взаимодействия, как простейшая «субстанция» всех остальных форм существования предмета. Касаясь общественно-экономического развития, К. Маркс писал: «Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных и отношения которого определяют место и влияние всех остальных. Это – общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это – особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося»¹⁰.

Это отношение присуще не только истории человечества. В природе (а также в мышлении) действительное диалектическое развитие происходит таким же образом и не может происходить иначе. В процессе развития органической жизни тоже создается «особый эфир, определяющий удельный вес всякого существа, в нем находящегося». И этот «особый эфир», т.е. конкретно-историческое «начало» новой, высшей (более сложной по степени организации и позднейшей по времени своего рождения) формы движения, ни в коем случае не может быть понят как продукт плавной эволюции исторически предшествующих ей форм движения. Оно может быть научно понято только «из самого себя», должно быть рассмотрено до, вне и совершенно независимо от тех форм, которые не только предшествуют ему во времени, но даже составляют историческую предпосылку его появления.

Рента как форма товарно-капиталистической экономики не может быть понята раньше капитала, в отвлечении от него. Но нельзя понять, в чем сущность ренты, не поняв, что такое капитал, хотя исторически она родилась раньше капитала и повсеместно служила «историческим» условием его возникновения. Ведь было немало помещиков, которые, скопив феодальную ренту, стали использовать ее в качестве капитала. Точно так же и с торговой прибылью.

Историческая судьба ренты и торговой прибыли может быть для наглядности уподоблена судьбе куска мрамора, из которого ваятель высекает статую. Конкретная форма, которую получил кусок мрамора

¹⁰ Там же. С. 220.

мора, никак не может быть объяснена из природных свойств мрамора. Ее можно понять (научно объяснить) из особенностей художественного развития, из процесса, начавшегося по времени гораздо позже, чем природная, физико-химическая история куска мрамора.

Таким образом, «логический» порядок развития категорий в науке противоречит вовсе не действительной конкретной истории предмета, а лишь внешней видимости исторического процесса, лишь абстрактно (т.е. неверно) понятой и выраженной «истории вообще».

На поверхности явлений промышленный капитал – капитал, который реально создает прибавочную стоимость, – выступает как «исторический продукт», как следствие развития торгового капитала или ренты. Но в действительности сущность этого факта заключается в обратном процессе: в том, что промышленный капитал подчиняет себе форму торгового капитала, преобразует его в побочную форму выражения своего собственного движения, в продукт и следствие своего бытия, в «орган своего тела».

Ясно, что подлинное, конкретно-историческое «начало» новой, более высокой формы развития может быть обнаружено тем легче, чем дальше зашло развитие и чем более полно это «начало» подчинило себе и преобразовало в формы своего выражения, в следствия своего бытия все исторически предшествующие условия и предпосылки своего рождения.

На этом и основывается известное методологическое соображение К. Маркса о том, что подлинно историческое понимание предмета может быть достигнуто только путем «логического» анализа предмета на высшей точке его развития.

* * *

Логически конкретное понимание «настоящего», т.е. понимание «логическое» по форме и «историческое» по существу, оказывается единственно верным путем к исторически конкретному пониманию «прошлого» (к «историческому» по существу и по форме пониманию). Все дело, стало быть, заключается в том, чтобы «исторический» подход осуществлялся прежде всего по отношению к современности, к настоящему.

Неисторическое понимание настоящего с абсолютной неизбежностью ведет к соответственно неисторическому пониманию прошлого, к антиисторическому представлению о самой истории. «История» при этом оказывается лишь средством, с помощью которого

«настоящее» изображается как венец развития, неспособным к дальнейшей эволюции.

«Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе и всегда понимает ее односторонне, ибо лишь весьма редко и при вполне определенных условиях она бывает способна к самокритике...»¹¹.

Критически-революционное отношение к настоящему – это условие, без которого нет и не может быть объективно-исторического подхода к прошлому (как предметной реальности, так и науки о ней).

Апологетически-обывательское отношение к существующему, к данной ступени развития, выражается в том, что это существующее представляется без противоречий, составляющих пружину дальнейшего развития. Существующее превращается в некоторый идеал, а все предшествующее развитие начинает казаться лишь процессом постепенного приближения действительности к этому «идеалу». При этом любая прежде пройденная ступень развития освещается крайне односторонне и лишь с той стороны, с какой она может быть истолкована как не до конца оформившееся настоящее. Все остальное игнорируется как «несущественное». Между тем в разряд «несущественного» как раз попадают те конкретно-исторические противоречия, которые эту пройденную ступень породили и исчезли вместе с нею, уступив место другим конкретно-историческим противоречиям.

Такой абстрактный и потому ложный «историзм» характерен для всей буржуазной науки и философии и соответствует сущности буржуазного отношения к настоящему, прошлому и будущему. Этот подход наложил свою печать и на гегелевское понимание проблемы отношения логического к историческому. Современная Гегелю действительность, сведенная к абстрактно-логическому выражению (идеализированная в форме логики), выступает в его системе как имманентная цель всего развития природы, общества и мышления.

История, согласно Гегелю, относится лишь к прошлому, но не к настоящему и тем более не к будущему. Категории, которые на деле выражают лишь конкретно-исторические формы бытия современной Гегелю буржуазной действительности, такие как «свобода», «равенство», «право», «стоимость», «капитал» и пр., превращаются в кате-

¹¹ Там же. С. 219.

гории надысторические, вечные, выражающие якобы «подлинный», скрытый смысл всей предшествующей истории.

История, понятая абстрактно-односторонне, с одной стороны, и апологетическое отношение к современности – с другой, дополняют друг друга. Мышление тем самым замыкается в круг, не давая конкретного понимания прошлого, настоящего, а тем более будущего.

К. Марксу удалось разорвать этот логически безвыходный круг не только благодаря силе теоретического ума, но и прежде всего революционно-критическому отношению к существующему.

В науке (в логически-теоретическом исследовании) это революционно-критическое отношение выражается прежде всего в том, что современное состояние (общественной жизни, определенной сферы природного бытия или научного развития) рассматривается как исторически переходная ступень к следующему, более высокому состоянию.

Иными словами, прошлое, во-первых, рассматривается с точки зрения достигнутого результата (с точки зрения настоящего) и, во-вторых, настоящее рассматривается прежде всего с точки зрения будущего, которым оно само чревато.

Образ будущего обнаруживается в настоящем в виде тех внутренне присущих ему конкретно-исторических противоречий, которые требуют все настоятельнее своего реального разрешения. Единственной же формой разрешения противоречий настоящего является переход к новому состоянию, в котором эти противоречия исчезают, заменяются другими.

Но этот подход создает совершенно новый угол зрения и на прошлое. Исторически предшествующие эпохи развития уже не кажутся лишь ступенями вызревания настоящего, лишь ступенями приближения к современному состоянию. Они постигаются как своеобразные исторические этапы, каждый из которых возник на развалинах ему предшествующего, пережил эру своей молодости, пору своей зрелости и, наконец, время заката, подготовив тем самым условия и предпосылки для рождения следующей, более высокой формы развития. Каждая ступень исторического развития (в природе, в обществе и в развитии знания) постигается в ее собственных, в имманентных ей противоречиях и конкретно-исторических закономерностях, вместе с нею рождающихся и вместе с нею исчезающих. («Исчезновение» это может происходить и в буквальном смысле, и путем превращения их в «побочные» формы более высокораз-

витой системы, как, например, химические закономерности «исчезают» в развитии жизни).

В этом и заключается отличительная особенность действительно исторического подхода к вещам. В таком виде историзм логического исследования свойствен в полной мере только материалистической диалектике Маркса – Энгельса – Ленина.

Ключом к пониманию прошлого здесь оказывается уже не просто «настоящее», а историческое понимание настоящего. Современное положение вещей, с точки зрения которого оценивается и анализируется протекшая история, берется прежде всего со стороны объективных тенденций развития. А они всегда осуществляются в форме назревших в самом ходе исторического процесса противоречий, требующих своего практического и теоретического разрешения.

Современное положение вещей (как в действительности, так и в науке, в ее теоретическом отражении) здесь уже не идеализируется, как это неизбежно получается у буржуазных историков и философов, а рассматривается как преходящая фаза исторического движения, как этап борьбы нового со старым, настоящего с прошлым.

Нетрудно заметить, что такой историзм органически связан с точкой зрения практики, с точкой зрения революционного преобразования мира в том направлении, которое диктует сам исторический процесс.

Эта особенность марксистско-ленинского историзма ярко выступает в таких произведениях, как «18-е брюмера» К. Маркса, как «Две тактики...» или «Крах II Интернационала» В.И. Ленина. История пишется здесь «по горячим следам», в самый разгар событий, вооружая участников этих событий пониманием смысла их собственного исторического творчества.

Конкретно-историческим подходом к анализу современности проникнуты и замечательные исторические документы нашей современности, решения съездов КПСС.

В докладе Н.С. Хрущева на XXI съезде партии в решениях, принятых по этому докладу, строго научный анализ существующего положения вещей органически связан с выяснением необходимых перспектив дальнейшего развития исторических событий. Эти документы еще раз убедительно доказывают, что коммунизм – это прежде всего исторически назревшая необходимость, определяющая все лицо современного мира, направление и характер всех значительных событий наших дней, а вовсе не «этический идеал», как стараются

представить буржуазные и ревизионистские критики марксизма-ленинизма, обвиняющие коммунистов в субъективизме и «доктринерстве».

Все дело в том, что теоретический («логический») анализ событий выявляет главную, стержневую тенденцию исторического развития, является ее выражением. Тем самым он дает возможность точной оценки роли и места отдельных событий, их удельного веса в общей картине исторического процесса, позволяет зорко замечать ростки будущего общества, выделять подлинно прогрессивные явления и помогать их развертыванию.

* * *

Только на основе диалектического решения вопроса об отношении логического к историческому было найдено и решение вопроса о научном предвидении будущего.

Вопрос этот возникает в науке, когда прошлое начинают рассматривать «задним числом», с точки зрения его результата: заключена ли в исходном, в данном состоянии вещей какая-либо необходимость того, что в конце получится определенный результат, который можно заранее предвидеть?

Метафизическое мышление с этой проблемой справиться не в состоянии. Оно либо становится на грубо-телеологическую точку зрения, либо вынуждено отвергать вместе с представлением о «целевой причине» и самую возможность строго научного предвидения. В самом деле, если история сводится к простому ряду причинно обусловленных событий, то тем самым вообще снимается вопрос о всеобщей тенденции развития, в направлении которой совершается все развитие в целом. Ведь свести необходимость к метафизически понимаемой «причинности» — значит свести ее к чистой случайности.

Так, для материалиста XVIII века порождение мозга материей в процессе своего развития есть чистая случайность, хотя и причинно обусловленная.

С точки зрения такого абстрактного понимания необходимости, нельзя вообще говорить о том, что в данном настоящем состоянии вещей заключено объективно определенное (а потому и научно определяемое) будущее. Направление развития ставится в полную зависимость от того, какие «действующие причины» и в каком случайном сочетании будут они иметь место. А этого заранее предвидеть нельзя.

Материалистическая диалектика, отвергая телеологическое представление, дает рациональное объяснение тому факту, что любая данная ступень развития (любое состояние вещей) включает в себе, как в «зародыше», объективно определенное, а потому научно определяемое будущее.

Категории «действующей» и «целевой» причин материалистическая диалектика снимает в категории «взаимодействия». Исторический процесс в целом начинает выглядеть не как плавный эволюционный ряд событий, но как процесс постоянного органического перерождения одной системы взаимодействующих явлений, одной «конкретности» в другую «конкретность», в другую конкретно-исторически определенную систему взаимодействия.

Естественно, что та форма взаимодействия, которая впоследствии станет всеобщей господствующей, доминирующей (тем самым «особым эфиром, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося»), первоначально возникает в качестве одной из частных сторон предшествующей конкретно-исторической системы взаимодействующих явлений, в качестве одного из ее особенных «следствий».

Дальнейший процесс выглядит с такой точки зрения как превращение этой формы взаимодействия из потенциально господствующей, из потенциально всеобщей – в актуально господствующую, в актуально всеобщую.

Стало быть, научное предвидение сводится к отысканию той реальной формы взаимодействия, которая в тенденции своей является господствующей и всеобщей, хотя реально не является еще ни господствующей, ни всеобщей, а лишь абстрактно подчиненным моментом существующей исторической конкретности.

Но уже в этом пункте можно теоретически предусмотреть, к чему ведет в тенденции процесс ее превращения в реально, в актуально всеобщую форму взаимодействия, можно теоретически предвидеть (конечно, в самых общих контурах) образ той реальности, которая получится в итоге этого процесса.

Поэтому мы, люди середины XX столетия, можем на основе теоретического анализа современных нам фактов выработать общее представление о структуре будущего коммунистического общества, той конкретно-исторической формы общественной жизни, законы которой могут быть сформулированы тогда, когда принцип общенародной собственности окончательно подчинит себе и преобразует в соответствии со своими требованиями все сферы общественной жизни.

* * *

Диалектико-материалистическое решение вопроса об отношении логического к историческому, основывающееся на признании примата реального исторического развития перед логически-теоретическим развитием, в то же время раскрывает всю сложность их закономерного отношения. Совпадение «логического» с историческим понимается впервые на основе материалистической теории отражения и составляет исходный принцип логики марксизма-ленинизма.

Отношение логики развитого мышления (диалектической логики) к истории мышления, а их обеих – к реальной истории природы и общества, это и есть проблема, которая совпадает с вопросом о структуре диалектики как логики, как теории познания марксизма-ленинизма. Этот вопрос о последовательности элементов диалектики в систематическом ее изложении. «Логическое» выступает как очищенное от исторической формы и от нарушающих его случайностей обобщенно-теоретическое выражение реальности исторического процесса становления конкретной действительности.

На этой основе понимается и отношение теории предмета к истории того же предмета. Здесь также осуществляется совпадение в самом существе дела. Теория (логически систематическая форма знания) раскрывает законы развития. История как наука также раскрывает законы развития – иначе это не наука, а лишь беспорядочно-эклектическое нагромождение случайно вырванных фактов.

Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике

Термины «абстрактное» и «конкретное» употребляются и в разговорном языке, и в специальной литературе весьма неоднозначно. Так, говорят о «конкретных фактах» и о «конкретной музыке», об «абстрактном мышлении» и об «абстрактной живописи», о «конкретной истине» и об «абстрактном труде». В каждом случае такое словоупотребление, по-видимому, имеет свое оправдание в том или ином оттенке этих слов, и требовать полной унификации словоупотребления было бы смешным педантизмом.

Но если речь идет не просто о словах, не просто о терминах, а о содержании научных категорий, исторически сросшихся с этими терминами, то дело обстоит уже по-иному. Определения абстракт-

ного и конкретного как категорий логики в пределах этой науки должны быть устойчивыми и однозначными, так как с их помощью раскрываются важнейшие принципы научного мышления. Диалектическая логика выражает через эти термины ряд своих фундаментальных принципов («абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», тезис о «восхождении от абстрактного к конкретному» и др.). Поэтому в диалектической логике категории абстрактного и конкретного имеют вполне определенное значение, неразрывно связанное с диалектико-материалистическим пониманием истины, отношения мышления к действительности, способа теоретического воспроизведения действительности в мышлении и т.д. И если речь идет не о словах, а о категориях диалектики, с этими словами связанными, то любая вольность, нечеткость или неустойчивость в их определениях (а тем более неправильность) обязательно поведут к искаженному пониманию существа дела. По этой причине и необходимо очистить категории абстрактного и конкретного от всех наслоений, которые по традиции, по привычке или просто по недоразумению тянутся за ними через века и сочинения, часто мешая правильному пониманию положений диалектической логики.

1. Категории абстрактного и конкретного в формальной логике

Вопрос об отношении абстрактного и конкретного в его общей форме в пределах формальной логики не ставится и не решается, так как представляет собой чисто философский, гносеологический вопрос, выходящий за пределы ее компетенции. Однако там, где речь идет о классификации понятий, и именно о делении понятий на «абстрактные» и «конкретные», формальная логика необходимо предполагает совершенно определенное понимание соответствующих категорий. Это понимание выступает в качестве основания деления и потому может быть выявлено анализом.

Поскольку наша учебно-педагогическая литература по формальной логике ориентируется в своих гносеологических установках на философию диалектического материализма, постольку традиционное деление понятий на абстрактные и конкретные бесполезно подвергнуть критической проверке, — насколько оно оправдано с диалектико-материалистической точки зрения на мышление и понятие, не требует ли оно известных «поправок», не сохраняются ли на нем следы традиции, несовместимой с философией диалектиче-

ского материализма. Иначе может случиться, что вместе с разделением понятий на абстрактные и конкретные в сознание учащегося проникнет и неправильное понимание философских категорий абстрактного и конкретного, которое позже – при усвоении логики диалектической – может стать помехой, повести к недоразумениям и путанице и даже к искаженному пониманию ее важнейших положений.

Анализ учебно-педагогической литературы, изданной у нас в течение последних 10–15 лет, показывает, что в данном пункте большинство авторов довольно единодушно примыкает к известной традиции, хотя и с определенными оговорками, с «поправками». Согласно этому традиционному взгляду, понятия (или мысли) делятся на абстрактные и конкретные следующим образом:

«Конкретным понятием называется такое понятие, в котором отображен реально существующий, определенный предмет или класс предметов... Абстрактным понятием называется такое понятие, в котором отображено какое-либо свойство предметов, отвлеченное мысленно от самих предметов»¹.

«Конкретное понятие – это такое понятие, которое относится к группам, классам вещей, предметов, явлений или к отдельным вещам, предметам, явлениям... Абстрактное понятие – это понятие о свойствах предметов или явлений, когда эти свойства взяты как самостоятельный объект мысли»².

«Конкретными называются понятия, предметы которых реально существуют в качестве вещей материального мира... Абстрактными, или отвлеченными, называются понятия, в которых мыслится не целый предмет, а какой-либо один из признаков предмета, отдельно взятый от самого предмета»³.

Примеры, которые приводятся в подтверждение, в большинстве случаев однотипны. В рубрику конкретных понятий обыкновенно зачисляются такие понятия, как: «книга», «Жучка», «дерево», «самолет», «товар», под названием абстрактных фигурируют «белизна», «храбрость», «добродетель», «скорость», «стоимость» и т.д.

Фактически (по составу примеров) деление остается тем же самым, что и в учебнике Г.И. Челпанова¹. Поправки, которые делаются к челпановскому толкованию, касаются, как правило, не самого де-

¹ Кондаков Н.И. Логика. М.: Учпедгиз, 1954. С. 300.

² Строгович М.С. Логика. М.: Госполитиздат, 1949. С. 87.

³ Асмус В.Ф. Логика. М.: ОГИЗ, 1947. С. 36.

ления, а его философско-гносеологического основания, поскольку в философии Челпанов был типичным субъективным идеалистом.

Вот его версия деления понятий на абстрактные и конкретные:

«Абстрактные термины – это такие термины, которые служат для обозначения *качеств или свойств, состояний, действия* вещей. Они обозначают качества, которые рассматриваются сами по себе, без вещей... Конкретными являются понятия *вещей, предметов, лиц, фактов, событий, состояний сознания*, если мы рассматриваем их имеющими определенное существование...»⁴

Для Челпанова было безразлично – говорить о понятии или о термине. «Состояния сознания» у него находятся в одной категории с фактами, вещами и событиями. «Иметь определенное существование» – для него одно и то же, что иметь определенное существование в *непосредственном сознании индивидуума*, т.е. в его созерцании, в представлении или хотя бы в воображении.

Поэтому Челпанов именуется конкретным все то, что можно представить (вообразить) в виде отдельно существующей единичной вещи, образа, а абстрактным – то, что в таком виде вообразить невозможно, то, что можно таковым лишь мыслить.

Подлинным критерием деления на абстрактное и конкретное у Челпанова тем самым и оказывается способность или неспособность индивидуума наглядно представить себе что-либо. Такое деление, хотя с философской точки зрения, и шаткое, но довольно определенное.

Поскольку же наши авторы попытались исправить философско-гносеологическое толкование классификации, не затрагивая при этом фактический состав примеров, эта классификация осталась уязвимой.

Если под конкретными понятиями понимать только те, которые относятся к вещам материального мира, то, само собой понятно, кентавр или Афина Паллада попадут в рубрику абстрактных вместе с храбростью и добродетелью, а Жучка и Марфа-Посадница окажутся в числе конкретных заодно со стоимостью – этой «чувственно-сверхчувственной» *вещью* материального мира.

Какой смысл для логического анализа может иметь такая классификация? Традиционная классификация такой поправкой разрушается, спутывается, ибо в нее вводится совершенно чужеродный

⁴ Челпанов Г.И. Учебник логики. М.: Госполитиздат, 1946. С. 10–11.

ей элемент. Никакой новой строгой классификации, с другой стороны, не получается.

Невозможно посчитать удачными и те попытки противопоставить Челпанову новый принцип (основание) деления, которые делают некоторые авторы.

Н.И. Кондаков, например, считает, что деление понятий на абстрактные и конкретные должно выражать различие понятий «по содержанию»⁵. Это значит, что конкретные понятия должны отражать вещи, а абстрактные – свойства и отношения этих вещей. Если деление должно быть полным, то в конкретном понятии, согласно Н.И. Кондакову, ни свойства, ни отношения вещей мыслить нельзя. Однако как вообще можно мыслить вещь или класс иначе, чем мысля об их свойствах и отношениях, – это остается неясным. Ведь любая мысль о вещи на поверку неизбежно окажется мыслью о том или ином ее свойстве, ибо осмыслить вещь – это и значит осмыслить всю совокупность ее свойств и отношений.

Если же очистить мысль о вещи от всех мыслей о свойствах этой вещи, то от мысли вообще не останется ничего, кроме названия. Иными словами, деление по содержанию на самом деле значит: конкретное понятие – это понятие без содержания, а абстрактное – с содержанием, хотя и тощим. Иначе деление неполно, стало быть, неверно.

Не более удачно то основание деления, которое предлагает В.Ф. Асмус: *«реальное существование предметов понятий»*⁶.

Как это понимать? Что предметы конкретных понятий реально существуют, а предметы абстрактных – нет? Но ведь в категорию абстрактных понятий зачисляются не только добродетель, но и стоимость, и тяжесть, и скорость, т.е. предметы, существующие не менее реально, чем самолет или дом. Если этим хотят сказать, что протяженность, стоимость или скорость в реальности не существуют без дома, дерева, самолета и других единичных вещей, то ведь и единичные вещи существуют без протяженности, без тяжести и прочих атрибутов материального мира тоже лишь в голове, лишь в субъективной абстракции.

Следовательно, реальное существование здесь совсем не при чем, тем более невозможно его сделать критерием разделения понятий на абстрактные и конкретные. Это может лишь создать ложное

⁵ См.: Кондаков Н.И. Логика. С. 300–301.

⁶ См.: Асмус В.Ф. Логика. С. 36.

впечатление, будто единичные вещи более реальны, нежели всеобщие законы и формы существования этих вещейⁱⁱ. С действительностью такое представление не имеет ничего общего.

Все это говорит о том, что поправки к разграничению Челпанова, сделанные нашими авторами, крайне недостаточны и формальны, что критически-материалистического анализа этого разграничения авторы книг по логике так и не дали, а остановились на частичных коррективах, которые только запутали традиционную классификацию, отнюдь ее не исправив.

Поэтому приходится совершить небольшой экскурс в историю понятий абстрактного и конкретного, чтобы внести здесь ясность.

2. История понятий абстрактного и конкретного

Определение абстрактного понятия, разделяемое Челпановым, в четкой форме встречается у [Христиана] Вольфа. Согласно Вольфу, «абстрактное понятие – это такое понятие, которое имеет своим содержанием свойства, отношения и состояния вещей, обособленные (в уме) от вещей» и «представленные как самостоятельный объект»^{7, iii}.

Х. Вольф – не первоисточник. Он лишь воспроизводит взгляд, сложившийся еще в логических трактатах средневековой схоластики. Схоласты называли абстрактными все имена-понятия (имя от понятия они тоже не отличали), обозначающие свойства и отношения вещей, в то время как названия вещей они называли конкретными⁸.

Это словоупотребление первоначально было связано с простой этимологией. Конкретное на латинском языке означает попросту смешанное, сращенное, составленное, сложенное; абстрактное же по-латыни означает изъятое, вынудое, извлеченное (или отвлеченное), отрешенное. Ничего больше и не заключается в первоначальном этимологическом значении этих слов. Все остальное уже принадлежит составу той философской концепции, которую через них начинают выражать.

Противоположность средневекового реализма и номинализма не касается непосредственно-этимологического значения слов «аб-

⁷ Определение Х. Вольфа процитировано по словарю-справочнику Р. Эйслера.

⁸ См.: *Prantl K. Geschichte der Logik im Abendlande*. Berlin: Akademie-Verlag, 1957. Bd. 3. S. 363.

страктное» и «конкретное». И номиналисты, и реалисты одинаково называют конкретным отдельные, чувственно воспринимаемые, наглядно представляемые «вещи», единичные предметы, а абстрактным — все понятия и имена, обозначающие или выражающие их общие «формы». Различие их состоит в том, что первые считают «имена» только субъективными *обозначениями* единичных конкретных вещей. Вторые же полагают, что эти абстрактные имена выражают вечные и неизменные «формы», пребывающие в лоне божественного разума прообразы, в соответствии с которыми божественная мощь создает единичные вещи.

Характерное для христианского мировоззрения вообще презрение к миру чувственно воспринимаемых вещей, к «плоти», особенно отчетливо выступающее у реалистов, и связано с тем, что абстрактное — отрешенное от плоти, от чувственности, чисто мыслимое — считается чем-то гораздо более ценным (и в нравственном и в теоретико-познавательном отношении), нежели конкретное.

Конкретное здесь является полным синонимом чувственно воспринимаемого, единичного, плотского, мирского, преходящего («сложенного», потому и обреченного на распадение, на исчезновение). Абстрактное же выступает как синоним вечного, нетленного, неделимого, божественно учрежденного, всеобщего, абсолютного и т.д. Отдельное «круглое тело» пропадает, но «круглое вообще» существует вечно, как форма, как энтелехия, создающая новые круглые тела. Конкретное преходяще, неуловимо, мимолетно. Абстрактное пребывает, не изменяется, составляя сущность, невидимую схему, по которой устроен мир.

Именно со схоластическим пониманием абстрактного и конкретного как раз и связано то антикварное почтение к абстрактному, которое впоследствии так едко вышучивал Гегель.

Материалистическая философия XVI–XVII вв., начавшая в союзе с естествознанием разрушать устои религиозно-схоластического мировоззрения, по существу переосмыслила и категории абстрактного и конкретного.

Непосредственный смысл *терминов* остался тем же самым: конкретным, как и в схоластических учениях, по-прежнему назывались единичные, чувственно воспринимаемые вещи и наглядные их образы, а абстрактным — общие формы этих вещей, одинаково повторяющиеся свойства и закономерные отношения этих вещей, выражаемые в терминах, в именах и числах. Однако философско-теоретическое содержание категорий оказывалось прямо противополож-

ным схоластическому. Конкретное, данное человеку в чувственном опыте, стало представляться единственно достойной внимания и изучения реальностью, а абстрактное – лишь субъективно-психологической тенью этой реальности, его обедненной мысленной схемой. Абстрактное стало синонимом словесно-цифрового выражения чувственно-эмпирических данных, знакового описания конкретного.

Это понимание отношений абстрактного к конкретному, характерное для первых шагов естествознания и материалистической философии, очень быстро, однако, встало в противоречие с практикой естественнонаучного исследования. Естествознание и материалистическая философия XVI–XVII вв. все отчетливее приобретали односторонне механистическую форму. А это означало, что *единственно объективными* качествами и отношениями вещей и явлений стали признаваться только их временно-пространственные характеристики, только *абстрактные геометрические* формы. Все остальное начинает казаться лишь субъективной иллюзией, создаваемой органами чувств человека.

Иными словами, все «конкретное» стало пониматься как продукт деятельности органов чувств, как известное психофизиологическое состояние субъекта, как субъективно окрашенная копия с бесцветного, абстрактного геометрического оригинала. По-иному представилась и основная задача познания: для того чтобы получить истину, нужно стереть, смыть с чувственно-наглядного образа вещей все привнесенные чувственностью краски и обнажить абстрактный геометрический скелет, схему.

Теперь конкретное было истолковано как субъективная иллюзия, лишь как состояние органов чувств, а предмет вне сознания превращался в нечто совершенно абстрактное.

Картина получалась такая: вне сознания человека существуют только вечно неизменные абстрактно-геометрические частицы, сочетающиеся по одним и тем же вечным и неизменным абстрактно-математическим схемам, а конкретное имеет место лишь в субъекте, как форма чувственного восприятия абстрактно-геометрических тел. Отсюда и формула: единственно верным путем к истине является воспарение от конкретного (как неистинного, ложного, субъективного) к абстрактному (как выражению вечных и неизменных схем строения тел).

С этим связана и сильная номиналистическая струя в философии XVI–XVIII вв. Любое понятие – за исключением математических – толкуется просто как искусственно изобретенный знак, как имя,

служащее для удобства запоминания, для упорядочивания многообразных данных опыта, для общения с другим человеком и т.д.

Субъективные идеалисты этой эпохи Дж. Беркли и Д. Юм прямо сводят понятие к имени, к названию, к условному знаку-символу, за которым нелепо искать какого-либо иного содержания, кроме известного сходства рядов чувственных впечатлений, кроме «общего в опыте». Эта тенденция особенно прочно укоренилась на английской почве и доживает ныне свои дни в виде неопозитивистских концепций.

Слабость такого подхода, в законченной форме характерного для субъективного идеализма, была свойственна и многим материалистам той эпохи. В этом отношении характерны исследования Дж. Локка. Не чужда она и Т. Гоббсу, и К.А. Гельвецию. Здесь она присутствует как тенденция, притупляющая их материалистическую основную позицию.

В доведенной до конца форме такой взгляд приводил к тому, что логические категории растворяются в психологических и даже в лингвистически-грамматических категориях. Так, согласно Гельвецию, метод абстракции прямо определяется как способ, облегчающий «запоминание наибольшего количества предметов»⁹. В «неправильном употреблении имен» Гельвеций усматривает одну из самых важных причин заблуждения. Аналогично мыслит Гоббс:

«Подобно тому, как люди обязаны всем своим истинным познанием правильному пониманию словесных выражений, так и основание всех их заблуждений кроется в неправильном понимании последних»¹⁰.

В итоге, если рациональное познание внешнего мира сводится к чисто количественной, математической обработке данных, а в остальном — лишь к упорядочиванию и словесной фиксации чувственных образов, то, естественно, место логики занимает, с одной стороны, математика, а с другой — наука о правилах сочетания и разделения терминов и высказываний, «о правильном употреблении созданных нами самими слов», как определяет задачу логики Гоббс¹¹.

Это номиналистическое сведение понятия к слову, к термину, а мышления — к способности «правильного употребления созданных

⁹ Гельвеций К.А. Об уме. М.: ОГИЗ, 1938. С. 6.

¹⁰ Гоббс Т. Избр. соч.. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 27.

¹¹ Там же.

нами самими слов», ставило под удар самый материалистический принцип. Уже Локк, классик и родоначальник такого взгляда, убеждается, что понятие субстанции невозможно ни объяснить, ни оправдать в качестве просто «общего в опыте», в качестве предельно широкой «универсалии», абстракции от единичных вещей. И Беркли совсем не случайно бьет в эту брешь, поворачивая локковскую теорию образования понятий против материализма, против самого понятия субстанции. Он объявляет ее просто бессодержательным именем. Юм, продолжая его анализ основных понятий философии, доказывает, что и объективность такого понятия, как причинность, нельзя ни доказать, ни проверить ссылкой на то, что оно выражает «общее в опыте». Ибо абстракция от чувственно данных единичных предметов и явлений, от конкретного с одинаковым успехом может выражать одинаковость психофизиологической структуры субъекта, воспринимающего вещи, а вовсе не одинаковость самих вещей.

Узкоэмпирическая теория понятия, сводящая понятие к простой абстракции от единичных явлений и восприятий, фиксировала лишь психологическую поверхность процесса рационального познания. На этой поверхности мышление действительно предстает как процесс отвлечения «одинакового» от единичных вещей, как процесс воспарения ко все более и более широким и универсальным абстракциям. Однако такая теория с одинаковым успехом может служить прямо противоположным философским концепциям, так как оставляет в тени самый важный пункт – вопрос об объективной истинности всеобщих понятий.

Последовательные материалисты прекрасно понимали слабость номиналистического взгляда на понятие, его полную неспособность противостоять идеалистическим спекуляциям и заблуждениям. Спиноза неоднократно подчеркивает, что понятие субстанции, выражающее «начало Природы», «не может быть ни конципировано^{iv} абстрактно или универсально (*abstracte sive universaliter*), ни быть более широко взято в интеллекте, чем оно есть на самом деле...»^{12, v}.

Через весь трактат Спинозы красной нитью проходит мысль, что простые «универсалии», простые отвлечения от чувственно данного многообразия, зафиксированные в именах и терминах, представляют собой лишь форму смутного, имажинативного познания. Подлинно научные, «истинные идеи» таким путем не возникают. Процесс

¹² Спиноза Б. Трактат об очищении интеллекта. М., 1914. С. 135.

установления «сходств, различий и противоположности вещей» – это, по Спинозе, путь «беспорядочного опыта», никак не управляемый разумом. «Помимо того, что он весьма недостоверен и не закончен, через его посредство к тому же, никем и никогда, не перцепируется^{vi} в естественных вещах ничего, кроме случайных признаков (*praeter accidentia*), которые не могут быть ясно поняты, если им не предшествовало познание сущностей»¹³.

«Беспорядочный опыт», образующий универсалии, во-первых, никогда не закончен. Таким образом, любой новый встречный факт может опрокинуть абстракцию. Во-вторых, он не включает в себе никакой гарантии на тот счет, что в универсалии выражена действительно истинная всеобщая форма вещей, а не просто субъективная фикция.

«Беспорядочному опыту» и его философскому оправданию в концепциях эмпириков Спиноза противопоставляет высший путь познания, опирающийся на строго выверенные принципы, на понятия, выражающие «реальную сущность вещей». Это уже не «универсалии», не абстракции от чувственного данного многообразия. Как же они образуются и откуда берутся?

Нередко Спинозу комментируют так: эти идеи (принципы, всеобщие понятия) заключены в человеческом интеллекте априорно и выявляются актом интуиции, самосозерцания. Позиция Спинозы при такой интерпретации становится весьма похожей на позиции Лейбница и Канта и весьма мало похожей на материализм. Однако это не совсем так, и даже совсем не так. Мышление, о котором идет речь у Спинозы, – это никак не мышление отдельного человеческого индивидуума. Это понятие скроено у него вовсе не по мерке индивидуального самосознания, а ориентируется на теоретическое самосознание человечества, на духовно-теоретическую культуру в целом. Индивидуальное сознание принимается тут в расчет лишь в той мере, в какой оно оказывается воплощением *этого* мышления, т.е. мышления, согласующегося с природой вещей. В интеллекте отдельного индивидуума идеи разума вовсе с необходимостью не заключены, и никакое, самое тщательное самосозерцание их там обнаружить не может.

Они вызревают и откristаллизовываются в человеческом интеллекте постепенно, в результате неустанной работы разума над своим

¹³ Там же. С. 80.

собственным совершенствованием. Для интеллекта, не развитого подобным трудом, эти понятия вовсе не очевидны. Их в нем попросту нет. Только развитие разумного познания, взятое во всем его объеме, вырабатывает подобные понятия. Спиноза категорически утверждает этот взгляд аналогией с процессом усовершенствований орудий материального труда.

«С методом познания дело обстоит так же, как с естественными орудиями труда... Чтобы выковать железо, надобен молот; чтобы иметь молот, необходимо, чтобы он был сделан; для этого нужно опять иметь молот и другие орудия; чтобы иметь эти орудия, опять-таки понадобились бы еще другие орудия и т.д. до бесконечности; на этом основании кто-нибудь мог бы бесплодно пытаться доказывать, что люди не имели никакой возможности выковать железо.

Однако, так же как люди вначале, с помощью врожденных им [естественных] орудий (*innatis instrumentis*) сумели создать нечто весьма легкое, хотя с большим трудом и малосовершенным образом, а выполнив это, выполнили следующее, более трудное, уже с меньшей затратой труда и с большим совершенством... точно так же и интеллект, путем прирожденной ему силы (*vi sua nativa*), создает себе интеллектуальные орудия (*instrumenta intellectualia*), с помощью которых приобретает новые силы для новых интеллектуальных творений, а путем этих последних – новые орудия или возможность к дальнейшим изысканиям, и таким образом постепенно идет вперед, пока не достигнет наивысшей точки мудрости»¹⁴.

При всем желании это рассуждение трудно уподобить взгляду Декарта, согласно которому высшие идеи интуиции непосредственно заключены в интеллекте, или взгляду Лейбница, согласно которому эти идеи представляют собой нечто вроде прожилков в мраморе. Врождены они, по Спинозе, совершенно особым образом – в виде *естественных*, т.е. *от природы* человеку свойственных, интеллектуальных задатков, совершенно аналогично тому, как рука человека есть первоначальное «естественное орудие».

Врожденность «интеллектуальных орудий» Спиноза пытается здесь истолковать принципиально *материалистически*, выводя ее из естественной, природной организации человеческого существа, а не из «бога» в смысле Декарта или Лейбница.

¹⁴ Там же. С. 82–84.

Чего Спиноза не понимал – так это того, что первоначальные несовершенные «интеллектуальные орудия» есть продукты *материального труда*, а не продукты *природы*. Он считает их продуктами *природы*. И в этом – не в чем ином – заключается слабость его позиции. Но эту слабость он разделяет даже с Фейербахом. Идеалистическими шатаниями этот недостаток назвать никак нельзя. Это просто органический недостаток всего старого материализма^{vii}.

Поэтому рационализм Спинозы следует четко отличать от рационализма и Декарта и Лейбница. Он заключается в том, что способность мыслить врождена человеку *природой*, и объясняется из субстанции, толкуемой явным образом *материалистически*.

И когда Спиноза называет мышление атрибутом, то это означает исключительно следующее: сущность субстанции нельзя сводить только к протяженности, мышление принадлежит к той же самой природе, что и протяженность, – это такое же не отделимое от *природы* (от субстанции) свойство, как и протяженность, телесность. *Отдельно* ее представлять себе нельзя.

Именно с этим взглядом и связана спинозистская критика «абстрактных универсалий», тех путей, на которых субстанцию стараются объяснить схоласты, окказионалисты и эмпирики-номиналисты. Путь *от конкретного существования к абстрактной универсалии* Спиноза потому-то и расценивает очень невысоко. Проблему субстанции этот путь раскрыть не в силах, он всегда оставляет почву для схоластических, религиозных построений.

Такой путь, ведущий от конкретного существования к пустой универсалии, путь, объясняющий конкретное сведением к пустой абстракции, Спиноза по праву считает малоценным в научном отношении.

«Чем более обще (*generalius*) конципируется существование, тем в то же время оно конципируется более смутно (*confusius*) и тем легче оно может быть фиктивно отнесено к любой вещи, и обратно, чем оно конципируется более специально (*particularius*), тем яснее оно понимается, и тем труднее отнести его фиктивно к некоторой другой, а не к самой исследуемой вещи...»¹⁵.

Без комментариев ясно, насколько ближе к истине этот взгляд, чем взгляд узкого эмпиризма, согласно которому сущность рационального познания вещей заключается в систематическом воспаре-

¹⁵ Там же. С. 106.

нии ко все более и более общим и пустым абстракциям, в удалении от конкретной, специфичной сущности исследуемых вещей. Согласно Спинозе, этот путь не ведет от смутного к ясному, а наоборот, уводит от цели.

Путь рационального познания как раз обратен. Он начинается с ясно установленного всеобщего принципа (но ни в коем случае не с абстрактной универсалии) и протекает как процесс постепенной мысленной реконструкции вещи, как рассуждение, посредством которого частные свойства вещи выводятся из ее всеобщей причины (в конце концов из субстанции). В истинной идее, в отличие от простой абстрактной универсалии, должна заключаться необходимость, следуя которой можно объяснить все наглядно данные свойства вещи. «Универсалиа» же фиксирует одно из более или менее случайных свойств, из которого другие свойства никак не вытекают.

Спиноза поясняет это свое понимание примером из геометрии, примером определения сущности окружности. Если мы скажем, что это фигура, в которой «линии, проведенные от центра к окружности, будут равны между собой», то всякий увидит, что такое определение нимало не выражает сущности круга, но только некоторое его свойство. Зато согласно правильному способу определения, «круг есть такая фигура, которая описывается некоторой любой линией, один конец которой закреплен, другой движется...» Такое определение, указывающее *способ возникновения вещи* и заключающее в себе понимание ее «ближайшей причины», а тем самым – способа мысленной реконструкции, дает возможность понять все остальные свойства ее, в том числе и вышеуказанное¹⁶.

Итак, надо исходить не из «универсалии», а из понятия, выражающего реальную, действительную *причину* вещи, ее конкретную сущность. В этом вся суть метода Спинозы.

«Поскольку мы имеем дело с исследованием вещей, никогда не будет допустимым делать какие-либо заключения на основании абстракций (*ex abstractis*); и мы в особенности должны будем остерегаться того, чтобы не смешивать содержаний, которые находятся исключительно в интеллекте, с теми, которые присущи вещи»¹⁷.

Не «сведение конкретного к абстрактному», не объяснение конкретного путем его подведения под универсалию, а наоборот, путь

¹⁶ Там же. С. 164.

¹⁷ Там же. С. 157–158.

выведения частных свойств из реально-всеобщей причины ведет к истине. В связи с этим Спиноза и различает два вида общих идей: *notiones communes* – понятия, выражающие действительно всеобщую причину рождения вещи, и простые абстрактные универсалии, выражающие простые сходства или различия многих единичных вещей, *notiones generales, universales*. К первым относится субстанция, ко вторым – например, «существование вообще».

Подвести любую вещь под общую «универсалию» существующего – значит ровно ничего не объяснить в ней. Схоластика и занималась этим бесплодным делом. Еще хуже, когда свойства вещей дедуцируются по формальным правилам силлогистики *ex abstractis* – «из универсалии».

Зато трудно исследовать и реконструировать мысленно весь путь возникновения всех частных, особенных свойств вещи из одной и той же действительно всеобщей реальной причины, выражаемой в интеллекте с помощью *notiones communes*. Такая «дедукция» есть лишь форма реконструкции в интеллекте действительного процесса возникновения вещи из природы, из «субстанции». Такая дедукция совершается не по правилам силлогистики, а по «норме истины», по норме согласия, единства мышления и протяженности, интеллекта и внешнего мира.

О недостатках спинозовского понимания здесь говорить излишне, они известны: это прежде всего отсутствие понимания связи мышления с предметно-практической деятельностью, теории с практикой, непонимание практики как единственно объективного критерия истинности конкретного понятия. Но с формальной стороны взгляд Спинозы, конечно, несравненно глубже и ближе к истине, чем взгляд Локка.

От локковской теории можно было с легкостью перейти к Беркли и Юму, почти ничего в ней по существу не меняя, а только интерпретируя ее положения. Позиция Спинозы такой интерпретации принципиально не поддается. И не случайно современные позитивисты клеймят эту теорию как «непроходимую метафизику», в то время как Локку время от времени отвечивают вежливые поклоны.

В понимании природы и формального состава конкретно-всеобщих понятий (так, пожалуй, можно передать его термин «*notiones communes*») – в противоположность простой абстрактной универсалии – у Спинозы то и дело встречаются блестящие диалектические догадки. Например, понятие «субстанции» – типичный и основной

случай такого понятия – у него явно представляется как единство двух взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих определений.

Между мышлением и протяженностью – двумя атрибутами, двумя способами осуществления субстанции – нет и не может быть ничего *абстрактно-общего*. Нет, иными словами, такого абстрактного признака, который одновременно входил бы и в состав определения мышления, и в состав определения внешнего мира («протяженного мира»).

Такой признак был бы той самой «универсалией», которая шире и определения внешнего мира, и определения мышления. Ни природы мышления, ни природы протяженности такой признак не выражал бы. Ему не соответствовало бы вне интеллекта ничего реального. Представление о «боге», характерное для схоластики, как раз и конструируется из подобных «признаков».

И вещи протяженные и вещи мыслимые, согласно Н. Мальбраншу, начинают «созерцать в боге» – в том общем, что, как средний член, как общий и тому и другому признак, опосредует идею с вещью. А такого общего (в смысле абстрактной универсалии) между мышлением и протяженностью нет. Общее между ними – как раз их изначальное единство. Бог Спинозы поэтому и есть *природа плюс мышление, единство противоположностей, единство двух атрибутов*. Но тогда от традиционного бога вообще ничего не остается. Богом называется только вся протяженная природа в целом, обладающая мышлением как стороной своей сущности. Лишь вся *природа в целом* обладает мышлением как *атрибутом*, как абсолютно необходимым свойством. Отдельная, ограниченная часть протяженного мира этим свойством с *необходимостью* не обладает. Камень, например, как модус вовсе не «мыслит». Но в «субстанцию», которая мыслит, он входит, он есть *ее* модус, ее частичка, и вполне *может мыслить*, если войдет в состав подходящей для этого организации, – скажем, станет частичкой человеческого тела. (Так и расшифровал основную идею спинозизма Дидро. Может камень ощущать? – Может. Надо его растолочь, вырастить на нем растение и съесть это растение, превратить материю камня в материю ощущающего тела.)

Но блестящие *диалектические* догадки Спинозы, сочетавшиеся с принципиально *материалистическим* взглядом на человеческий интеллект, оказались похороненными, утонули в общем потоке мета-

физического мышления XVII–XVIII вв. Локковская теория абстракции, клонящаяся к номинализму, по ряду причин оказалась более приемлемой для естествознания и общественных наук той эпохи. Рациональные зерна диалектики Спинозы всплыли только на рубеже XVIII–XIX вв. в немецкой классической философии и развиты на материалистической основе лишь Марксом и Энгельсом.

И. Кант, предпринявший попытку примирить принципы рационализма и эмпиризма на основе субъективно-идеалистических взглядов на познание, вынужден был прийти к выводу, что понятия вообще невозможно раз и навсегда рассортировать на два класса – на абстрактные и конкретные. Про отдельное понятие, рассматриваемое вне связи его с другими понятиями, вне его употребления, как выражается Кант, нелепо спрашивать – абстрактно оно или конкретно.

«Выражения *абстрактный* и *конкретный* относятся не столько к понятиям самим по себе – ибо всякое понятие есть абстрактное понятие, – сколько лишь к их *употреблению*. А это употребление опять-таки может иметь различные степени – соответственно тому, как понятие трактуется: то более, то менее абстрактно или конкретно, т.е. то больше, то меньше отбрасывается от него или соединяется с ним определений», – говорит он в своей «Логике»¹⁸.

Понятие, если это действительно понятие, а не просто пустое название, имя единичной вещи, всегда выражает нечто общее, родовую или видовую определенность вещи и, стало быть, всегда абстрактно – будь то субстанция или мел, белизна или добродетель. С другой же стороны, любое такое понятие всегда так или иначе определено «внутри себя», через ряд своих признаков. Чем больше таких признаков-определений присоединяется к понятию, тем оно, по Канту, конкретнее, т.е. определеннее, богаче определениями. А чем оно конкретнее, тем полнее оно характеризует эмпирически данные единичные вещи. Если же понятие определяется путем его подведения под «высшие роды», путем «логической абстракции», то оно употребляется *in abstracto* и к большему числу единичных вещей и видов обретает отношение, – но тем меньше определений сохраняется в его составе.

«При абстрактном употреблении понятие приближается к высшему роду; напротив, при конкретном употреблении – к индивиду-

¹⁸ Кант И. Логика. Пг., 1915. С. 92.

уму... Посредством более абстрактных понятий мы познаем *немного* во многих вещах; посредством более конкретных понятий мы познаем *много* в немногих вещах, следовательно, что получаем на одной стороне, то снова теряем на другой»¹⁹.

Пределом конкретности, таким образом, здесь выступает чувственно-созерцаемая единичная вещь, отдельное явление. Этого предела понятие, однако, никогда не достигает. С другой стороны, самое высокое и абстрактнейшее понятие всегда сохраняет в своем составе некоторое единство, некоторый синтез различных определений, который нельзя разорвать (путем отмысливания последнего определения), не обесмысливая, не уничтожая тем самым понятия как такового. Поэтому определенная степень конкретности свойственна и самому высокому родовому понятию.

Здесь явственно проглядывает тенденция эмпиризма, традиция Локка. Однако с нею Кант соединяет предельно рационалистический взгляд на природу «синтеза определений понятия». Этот синтез, соединение определений в составе понятия (т.е. конкретность понятия) не может, естественно, ориентироваться просто на чувственно данное эмпирическое многообразие явлений. Чтобы претендовать на теоретическое значение, этот синтез должен опираться на другой принцип – на способность соединить определения «априори», независимо от эмпирического опыта. Тем самым «конкретность» понятия (т.е. то единство во многообразии, единство различных определений, которое обладает всеобщим и необходимым значением) объясняется и выводится Кантом из природы человеческого сознания, которое якобы обладает изначальным единством – трансцендентальным единством апперцепции. Это последнее и есть истинное основание конкретности понятия. К вещам «в себе», к чувственно данной конкретности конкретность понятия тем самым никакого прочного отношения не имеет.

Гегель также исходил из того, что абстрактно *всякое* понятие, – если понимать под абстрактностью тот факт, что понятие никогда не выражает в своих определениях всю полноту чувственно созерцаемой действительности. В этом смысле Гегель стоял гораздо ближе к Локку, чем к Миллю и средневековому номинализму. Он прекрасно понимал, что определения понятия всегда заключают в себе выражение некоторого общего – уже потому, что понятие всегда осу-

¹⁹ Там же.

ществляется через слово, а слово всегда абстрактно, всегда выражает нечто общее и не может выразить абсолютно единичного, неповторимого.

Поэтому абстрактно мыслит всякий, и тем абстрактнее, чем беднее определениями те понятия, которыми он пользуется. Мыслить абстрактно – это вовсе не достоинство, а наоборот, недостаток. Вся хитрость в том, чтобы мыслить конкретно, чтобы выражать через абстракции конкретную, специфичную природу вещей, не просто сходство, не просто общее между различными вещами.

Конкретное понимается Гегелем как единство в многообразии, как единство различных и противоположных определений, как мысленное выражение органической связи, сращенности отдельных абстрактных определенностей предмета в составе данного, специфического предмета.

Под абстрактным же Гегель понимает (как и Локк, но не так, как Милль и схоластики) *любое общее*, выраженное в слове и в понятии *сходство*, простое *тождество* ряда вещей друг другу, – будь то дом или белизна, будь то человек или стоимость, собака или добродетель.

Понятие «дом» в этом смысле ровно ничем не отличается от понятия «доброта». И то и другое фиксируют в своих определениях то общее, что свойственно целому классу, ряду, роду или виду единичных вещей, явлений, духовных состояний и пр.

И если в слове, в термине, в символе, в названии выражено только это – только *абстрактное сходство* ряда единичных вещей, явлений или образов сознания, то это и не есть еще, по Гегелю, *понятие*. Это всего-навсего абстрактно-общее *представление*, форма эмпирического знания, чувственной ступени сознания. Смыслом, значением этого псевдопонятия всегда оказывается то или иное *чувственно-наглядное представление*.

Понятие же выражает не просто общее, но «общее такое, которое включает в себе богатство частных»^{viii}, постигнутое в их единстве. Иными словами, подлинное понятие не только *абстрактно* (чего Гегель, конечно, не отрицает), но и *конкретно* – в том смысле, что его определения (то, что старая логика именует признаками) сочетаются в нем в единый комплекс, выражающий *единство вещей*, а не просто соединяются по правилам грамматики.

Единство определений, их смысловая связь, через которую только и раскрывается содержание понятия, это и есть его *конкрет-*

ность, по Гегелю. Вырванное из контекста, отдельное словесное определение абстрактно и только абстрактно. Введенное же в контекст научно-теоретического размышления, любое абстрактное определение становится *конкретным* определением.

Подлинный смысл, подлинное *содержание* каждого отдельно взятого абстрактного определения раскрывается через его связь с другими такими же определениями, через конкретное единство абстрактных определений. Поэтому конкретное существо дела всегда выражается не в абстрактной «дефиниции», а через развертывание всех необходимых определений предмета в их связи.

Поэтому-то понятие, по Гегелю, и не существует в виде отдельного слова, отдельного термина, символа. Оно существует только в процессе его раскрытия через суждение, через умозаключение, выражающее связь отдельных определений, и в конце концов – только через систему суждений и умозаключений, только через целостную развернутую теорию. Если же понятие вырвать из такой связи, то от него остается только его словесная оболочка, лингвистический символ. Содержание понятия, его смысл остался вне его – в рядах других определений, ибо отдельно взятое слово способно только *обозначать* предмет, называть его, способно служить только знаком, символом, меткой, признаком.

Таким образом, конкретный смысл отдельного словесного определения всегда заключается в чем-то *другом* – будь то чувственно-наглядный образ или развитая система теоретических определений, выражающих существо дела, суть предмета, явления или бытия.

Если определение существует в голове отдельно, обособленно от чувственно-созерцаемого образа, вне связи с ним или с системой других определений, то оно и мыслится абстрактно. Разумеется, ничего хорошего в таком мышлении нет. Мыслить абстрактно – это просто-напросто мыслить бессвязно, мыслить отдельное свойство вещи без понимания его связи с другими свойствами, без понимания места и роли этого свойства в действительности.

«Кто мыслит абстрактно?» – спрашивает Гегель, и отвечает: «Необразованный человек, а не образованный». Мыслит абстрактно (т.е. односторонне, случайными и несвязанными определениями) рыночная торговка, рассматривающая всех людей исключительно со своей узкопрагматической точки зрения и видящая в них только объект надувательства, мыслит абстрактно солдафон-офицер, видя-

ший в солдате только объект побоев, мыслит абстрактно уличный зевака, видящий в человеке, которого везут на казнь, только убийцу и не видящий в нем никаких других качеств, не интересующийся историей его жизни, причинами преступления и т.д.^{ix}

И наоборот, «знаток людей», мыслящий конкретно, не удовлетворяется навешиванием на явление абстрактного ярлыка – убийца, солдат, покупатель. Тем более «знаток людей» не видит в этих абстрактно-общих словечках выражение *сущности* предмета, явления, человека, события.

Понятие, раскрывающее суть дела, развертывается только через систему, через ряды определений, выражающих отдельные моменты, стороны, свойства, качества, отношения единичного предмета, причем все эти отдельные стороны в понятии соединяются логической связью, а не просто грамматически (с помощью словечек «и», «или», «если... то», «есть» и пр.) сцепляются в некоторый формальный комплекс.

Идеализм гегелевской концепции абстрактного и конкретного заключается в том, что способность к синтезу абстрактных определений толкуется им как изначальное свойство мышления, как дар божий, а не как выраженная в сознании всеобщая связь реальной, объективной, не зависимой от какого бы то ни было мышления чувственно-предметной действительности. Конкретное в итоге толкуется им как *продукт мышления*.

Это, конечно, тоже идеализм, но только гораздо более «умный», чем субъективный идеализм Канта.

Буржуазная философия XIX в., постепенно сползавшая к позитивизму, оказалась неспособной даже просто вспомнить не только о взглядах Спинозы и Гегеля, но и Канта и Локка. Блестящий пример тому – Милль, который даже локковскую теорию абстракции и ее отношение к конкретности считает «злоупотреблением» теми понятиями, которые окончательно и бесповоротно, по его мнению, установила средневековая схоластика.

«Я употребляю слова “конкретный” и “отвлеченный” в том смысле, который им придали схоластики, которые, несмотря на недостатки их философии, не имеют себе соперников в создании специальной терминологии... по крайней мере, в области логики их, по моему мнению, редко можно изменить без ущерба для дела». Школа Локка, по мнению Милля, совершила непростительный грех, распространив название «абстрактное» на *все «общие имена»*, т.е. на

все «понятия», рождающиеся «в результате отвлечения или обобщения»²⁰.

В итоге Милль заявляет: «А потому я разумею (специально в логике) под *отвлеченным* всегда противоположное *конкретному*: под отвлеченным именем – название признака, под конкретным – название предмета»²¹.

Такое «словоупотребление» у Милля теснейшим образом связано с субъективно-идеалистическим пониманием отношения между мышлением и предметной реальностью.

Милль недоволен Локком за то, что тот *все* понятия (за исключением индивидуальных имен) рассматривает как абстрактные на том основании, что все они суть продукты отвлечения одинакового признака, общей формы многих единичных вещей.

Согласно Миллю, такое словоупотребление «лишает краткого специфического обозначения целый класс слов», а именно – «названия атрибутов». Под атрибутами, или признаками, Милль разумеет такие общие свойства, качества или отношения между единичными вещами, которые *не только можно, но и нужно* мыслить абстрактно, т.е. *отдельно* от единичных вещей, как особые предметы.

Так, понятие «дом» или «пожар», «человек» или «стул» нельзя мыслить иначе, как общее свойство единичных вещей. «Дом», «пожар», «белое», «круглое» всегда относятся к той или иной единичной вещи в качестве их характеристики. Мыслить «пожар» как нечто, существующее отдельно от единичных пожаров, нельзя. «Белое» так же нельзя мыслить как особо – вне и независимо от единичных вещей – существующее нечто. Все эти общие свойства существуют только как общие формы единичных предметов, только в единичном и через единичное. Поэтому мыслить их *абстрактно* – значит мыслить их *неверно*.

Иное дело – абстрактные имена, названия «атрибутов». Абстрактные *имена* (или *понятия*, что для Милля одно и то же) выражают такие общие свойства, качества или отношения, которые не только можно, но и *нужно мыслить независимо от единичных предметов*, как особые предметы, хотя в непосредственном созер-

²⁰ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Леман, 1914. С. 24.

²¹ Там же.

цании они и кажутся такими же общими признаками *единичных* вещей, как и «белое», «деревянное», как «пожар» или «джентльмен».

К таким понятиям Милль относит «белизну», «храбрость», «равенство», «сходство», «квадратность», «видимость», «стоимость» и т.п. Это – тоже общие имена. Но предметы этих имен (или, как еще выражаются в формальной логике, содержание этих понятий) не следует мыслить как общие свойства *единичных вещей*. Все эти свойства, качества или отношения якобы лишь по ошибке принимают за «общие свойства самих (единичных) вещей». На самом-то деле эти «предметы» находятся вовсе не в вещах, а вне их, существуют независимо от единичных вещей, хотя в акте восприятия и сливаются с ними, кажутся общими признаками единичных вещей.

Где же эти предметы в таком случае существуют, если не в единичных вещах?

В нашем собственном духе, отвечает Милль. Это либо «способы восприятия», либо «устойчивые состояния духа», либо «духовные сущности, испытывающие эти состояния», либо «последовательности и сосуществования, сходства или несходства между состояниями сознания»²².

Все эти предметы и следует мыслить *абстрактно*, т.е. *отдельно* от вещей, именно потому, что они *не есть* свойства, качества или отношения этих вещей. Мыслить их отдельно от вещей и значит мыслить их *правильно*.

Принципиальная порочность этого разграничения заключается в том, что оно одни понятия обязывает мыслить в связи с единичными вещами (явлениями), данными в созерцании, а другие – вне этой связи, как особые предметы, мыслимые вполне независимо от каких бы то ни было единичных явлений.

Согласно Миллю, например, стоимость вообще, стоимость как таковую, можно мыслить абстрактно, т.е. не анализируя ни одного из видов ее существования вне головы. Это можно и нужно делать именно потому, что вне головы как реальное свойство предметов она не существует. Существует она только как искусственный способ оценки или измерения, как некоторый общий принцип субъективного отношения человека к миру вещей, т.е. как известная нравственная установка. Как признак самих вещей вне головы, вне сознания ее поэтому рассматривать нельзя.

²² Там же. С. 66.

Согласно той логике, классиком которой является Милль, стоимость как таковую поэтому-то и следует рассматривать только как понятие, только как априорный нравственный феномен, не зависящий от объективных свойств вещей вне головы и им противостоящий. Как таковая она только в самосознании, в абстрактном мышлении и существует. Поэтому ее и можно мыслить «абстрактно», и это будет правильным способом ее рассмотрения.

Мы остановились так подробно на взглядах Милля только потому, что они ярче и последовательнее других представляют антидиалектическую традицию в понимании абстрактного и конкретного как логических категорий. Эта традиция проявляется не только как антидиалектическая, но и вообще как антифилософская. Милль сознательно не желает считаться с соображениями, развивавшимися мировой философией на протяжении последних столетий. Для него не существует не только Гегеля и Канта – даже исследования Локка кажутся ему чем-то вроде излишнего мудрствования по поводу вещей, абсолютно строго и навсегда установленных средневековой схоластикой. Поэтому для него все просто. Конкретное – это то, что непосредственно дано в индивидуальном опыте в виде «единичной вещи», в виде единичного переживания, а конкретное понятие – это такой словесный символ, который может быть использован в качестве имени индивидуального объекта. Тот символ, который в качестве непосредственного имени для единичной вещи использован быть не может, есть «абстрактное». Можно сказать: «Это – красное пятно». Нельзя сказать: «Это – краснота». Первое поэтому – конкретное, второе – абстрактное. Вот и вся премудрость.

То же самое различие сохраняет и весь неопозитивизм, с той лишь разницей, что абстрактное и конкретное превращаются здесь (как и все философские категории) в лингвистические категории, и вопрос о том, допустимы или недопустимы обороты речи, выражающие так называемые «абстрактные объекты», сводится к вопросу о плодотворности и целесообразности их использования при построении «языковых каркасов». Под «абстрактным» здесь последовательно понимается все то, что не дано индивидуальному переживанию в виде индивидуальной вещи и не может определяться «в терминах тех типов объектов, которые даны в опыте», не может относиться в качестве прямого наименования для единичных объектов, к тому же толкуемых субъективно-идеалистически.

Такое использование терминов «абстрактное» и «конкретное» не имеет ничего общего с философской терминологией, откristаллизовавшейся в течение тысячелетий в мировой философии, и может быть расценено (поскольку оно претендует на философское значение) только как антикварный курьез.

3. Трактовка понятий абстрактного и конкретного в диалектической логике

Марксистско-ленинская философия, развивающая лучшие, передовые традиции мировой философской мысли на почве последовательного материализма, раскрыла сложную и богатую диалектику в отношении между абстрактным и конкретным в процессе теоретического познания.

Раскрыть и изложить в одной статье все содержание этой диалектики, естественно, невозможно, так как диалектико-материалистическое решение вопроса об абстрактном и конкретном органически переплетается со многими другими логическими проблемами: с вопросом о конкретности истины, с вопросом об отношении всеобщего к особенному и единичному, с проблемой отношения мышления к созерцанию и практике и т.д.²³

Здесь мы затронем только один аспект проблемы – вопрос о том, как выглядят эти категории в их применении к анализу понятия, т.е. в том пункте, где интересы диалектической логики непосредственно пересекаются с интересами логики формальной. Здесь исследователь сталкивается с конфликтной ситуацией. Оказывается, что в ряде случаев квалификация того или иного понятия как абстрактного или как конкретного с точки зрения диалектики будет обратной квалификации, принятой в нашей учебно-педагогической литературе по формальной логике.

Этот факт требует, очевидно, обсуждения. Не претендуя на окончательный вывод, мы тем не менее считаем необходимым высказать свою оценку этой ситуации и предложить определенное решение, которое устранило бы возможность конфликта между диалектикой и формальной логикой в этом пункте.

²³ Попытка осветить диалектико-материалистическое решение этих вопросов в их связи предпринята в нашей монографии (см.: Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960).

Конкретное, если придерживаться определения К. Маркса, ни в коем случае не есть синоним единичной вещи, данной непосредственному созерцанию. Это прежде всего единство во многообразии, т.е. объективно-реальное множество взаимодействующих «вещей». Под это всеобщее (логическое) определение конкретности подводится, как само собой понятно, также и то, что воспринимается индивидуумом в виде «отдельной вещи», ибо каждая, на первый взгляд самая несложная, единичная вещь всегда окажется на поверку весьма сложным образованием. Не биологический, так химический, не химический, так физический анализ покажет в ней и составные части, и способ их соединения в целое, и закономерности, управляющие ее рождением и исчезновением, и т.д.

Естественно, что так понимаемая конкретность не может быть выражена в мышлении с помощью одного-единственного определения. В мышлении (в понятии) конкретное может быть выражено только через сложную систему логически связанных определений, в виде единства многообразных определений, каждое из которых, само собой понятно, выражает лишь сторону, фрагмент, «кусочек» конкретного целого и в этом смысле абстрактно. Конкретность, иными словами, принадлежит не отдельному определению, а только определению в составе теории, в составе сложного синтеза абстрактных определений. Отдельное, вырванное из связи определение абстрактно в самом строгом и точном смысле слова, хотя бы оно и было связано с наглядно представляемой деталью или стороной конкретного целого. Строго говоря, вырванное из контекста определение утрачивает и качество теоретического (логического) определения, превращается в простое словесное наименование соответствующего чувственного образа, представления, становится словесной формой выражения представления, а вовсе не понятия, – если, конечно, не возводить в ранг понятия любое слово, имеющее какое-то общепринятое значение. И если исходить из того определения конкретного и абстрактного, которое принято (и совсем не случайно) в материалистической диалектике, то логическая характеристика понятий сплошь и рядом окажется как раз обратной по сравнению с той, которая получается с точки зрения определений, принятых в литературе по формальной логике. Абстрактными придется называть все понятия, в определениях которых выражено лишь абстрактное тождество многих единичных «вещей», будь то «собака» или «храбрость», «книга» или «полезность». С другой стороны, то поня-

тие, которое авторы руководств по формальной логике дружно заносят в разряд абстрактных, — понятие стоимости — выступит характернейшим образцом конкретного понятия, так как в его определениях выражено не простое абстрактное тождество, а конкретно-всеобщее единство, закон, организующий товарное производство²⁴. Точно так же неразумно было бы раз и навсегда объявлять абстрактным и такое понятие, как «храбрость»: если этика или психология развернут научное, материалистическое понимание предмета, именуемого этим словом, то определения понятия станут совершенно конкретными. Вообще конкретность понятия — это синоним его истинности, согласия его определений с конкретной определенностью предмета.

Ведь определить понятие — вовсе не значит раскрыть тот смысл, который вкладывают люди в соответствующий термин. Определить понятие — значит определить предмет. С точки зрения материализма это одно и то же. Поэтому единственно правильной дефиницией является только раскрытие существа дела.

Относительно смысла или значения термина всегда можно условиться, договориться; совсем по-иному дело обстоит с содержанием понятия. Хотя содержание понятия всегда непосредственно раскрывается как «значение термина», это совсем не одно и то же.

Это крайне важный пункт, тесно связанный с проблемой конкретности понятия, как ее понимает материалистическая диалектика (диалектическая логика).

Неопозитивисты, для которых проблема определения понятия сводится к установлению значения термина в системе терминов, построенной по формальным правилам, вообще снимают вопрос о соответствии определений понятия его предмету, существующему вне и независимо от сознания, т.е. от определения. В итоге они получают абсолютно не разрешимую проблему так называемого «абстрактного предмета». Под этим названием здесь фигурирует значение такого термина, который нельзя отнести в качестве названия к единичной вещи, данной в непосредственно-чувственном опыте индивидуума. Заметим, что последний, т.е. чувственный образ единичной вещи в сознании индивидуума, здесь опять именуется «конкрет-

²⁴ О различии абстрактного и конкретного тождества см. статью Н. Карабанова и В. Лекторского в кн.: Диалектика и логика. Законы мышления. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1862.

ным предметом», что вполне соответствует вековым традициям крайнего эмпиризма.

Поскольку же реальная наука сплошь состоит из такого рода определений, которые непосредственного эквивалента в чувственном опыте индивидуума не имеют (т.е. имеют в качестве своего значения некоторый «абстрактный предмет»), то вопрос об отношении абстрактного к конкретному превращается в вопрос об отношении общего термина к единичному образу в сознании. Как вопрос логики он тем самым тоже снимается, подменяется вопросом отчасти психологического, отчасти формально-лингвистического порядка. Но в этом плане вопрос о предметной истинности любого общего понятия и в самом деле разрешить невозможно, ибо сама постановка вопроса заранее исключает возможность ответа на него. Неопозитивистская «логика», замыкаясь в исследовании связи и перехода от одного понятия к другому понятию (на самом деле от термина к термину), заранее предполагает, что перехода от понятия к предмету вне сознания (т.е. вне определения и вне чувственного переживания) нет и быть не может. Переходя от термина к термину, эта логика нигде не может обнаружить моста от термина не к термину же, а от термина – к предмету, к «конкретности» в ее подлинном смысле, а не к единичной вещи, данной индивидууму в его непосредственном переживании.

Единственным мостом, по которому только и можно перейти от термина к предмету, от абстрактного к конкретному и обратно, и установить прочную однозначную связь между тем и другим, является, как показали Маркс и Энгельс еще в «Немецкой идеологии», предметно-практическая деятельность, предметное бытие вещей и людей. Чисто теоретического акта здесь недостаточно.

«Для философов одна из наиболее трудных задач – спуститься из мира мысли в действительный мир. *Язык* есть непосредственная действительность мысли. Так же, как философы обособили мышление в самостоятельную силу, так должны были они обособить и язык в некое самостоятельное, особое царство. В этом тайна философского языка, в котором мысли, в форме слов, обладают своим собственным содержанием»²⁵, – писал Маркс еще в 1845 г., почти за сто лет до новейших позитивистских открытий в области логики. В результате же такой операции «задача спуститься из мира мыслей

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 448.

в действительный мир превращается в задачу спуститься с высот языка к жизни»²⁶ и воспринимается философами подобного направления как задача, подлежащая опять-таки словесному решению, как задача изобретения особых, магических слов, которые, оставаясь словами, тем не менее есть что-то большее, чем только слова.

К. Маркс и Ф. Энгельс блестяще показали в «Немецкой идеологии», что сама задача эта – мнимая, возникающая только на почве того представления, что мысль и язык есть особые сферы, организованные по своим имманентным правилам и закономерностям, а не формы выражения действительной жизни, предметного бытия людей и вещей.

«Мы видели, что вся задача перехода от мышления к действительности и, значит, от языка к жизни существует только в философской иллюзии... Эта великая проблема... должна была, конечно, в конце концов заставить одного из этих странствующих рыцарей отправиться в путь в поисках слова, которое в качестве слова образует искомый переход, в качестве слова перестает быть просто словом и указывает таинственным сверхязыковым образом выход из языка к действительному объекту, им обозначаемому...»²⁷.

Переход от знака к десигнату многие философы и в наши дни стараются найти на том же самом направлении, что и «Единственный» странствующий рыцарь левогегельянства^x, не подозревая, что сама проблема, которую они решают, есть псевдопроблема, возникающая только на базисе представления, будто вся грандиозная система «абстрактных понятий» зиждется на таком жиденьком и неустойчивом основании, как единичный образ в восприятии индивидуума, как «единственное индивидуальное», которое к тому же именуется «конкретным» предметом. Это – все те же поиски абсолюта. Но если Гегель искал этот абсолют в понятии, то неопозитивисты ищут его в сфере слов, знаков, сочетаемых по абсолютным же правилам.

К. Маркс и Ф. Энгельс, решительно отбросив идеализм в философии, увидели в мышлении и языке «только проявления действительной жизни»²⁸, а в определениях понятий – словесно зафиксированные определения действительности. Но под действительностью

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 451.

²⁸ Там же. С. 449.

здесь понималось уже не просто море «единичных» вещей, из которого единичные же индивидуумы вылавливают сетями абстракции те или иные абстрактно-общие определения, а организованная в себе самой конкретность, т.е. закономерно расчлененная система отношений людей к природе. Непосредственным выражением (формой проявления) этой системы людей и вещей как раз и являются и язык и мысль.

На этой основе Марксом и Энгельсом и была решена проблема предметного значения всех тех «абстракций», которые до сих пор кажутся идеалистической философии (в том числе и неопозитивистской) особыми, самостоятельно существующими в языке «абстрактными предметами».

Все те таинственные абстракции, которые, согласно идеалистической философии, существуют только в сознании, в мышлении и языке, Маркс и Энгельс истолковали материалистически, отыскав их предметные, фактические эквиваленты в конкретной действительности. Проблема отношения абстрактного к конкретному тем самым перестала для них быть проблемой отношения словесно выраженной абстракции к единичной, чувственно данной вещи. Она выступила непосредственно как проблема внутреннего расчленения конкретной действительности внутри нее самой, как проблема отношения различных дискретных моментов этой действительности друг к другу.

Решение проблемы Маркс и Энгельс нашли самое, казалось бы, простое: определения понятий есть не что иное, как определения различных моментов действительной конкретности, т.е. закономерно организованной системы отношений человека к человеку и человека к вещи. В научном исследовании этой конкретной действительности и должны быть получены «абстрактные» определения понятий, выражающих ее структуру, ее организацию. Каждое абстрактное определение понятия должно выражать действительно (объективно) выделяющийся в составе конкретной действительности ее дискретный момент. Решение, на первый взгляд, очень простое, но оно сразу же разрушает гордиев узел проблем, которые до сих пор не может распутать идеалистическая философия.

Абстрактное, с этой точки зрения, вовсе не есть уже синоним чисто мыслимого, обитающего только в сознании, под черепной крышкой человека – в виде смысла или значения слова-знака. С полным правом этот термин применяется Марксом также и в ка-

честве характеристики действительности вне сознания, например: абстрактный человеческий труд²⁹, или абстрактный – *изолированный* – человеческий индивид³⁰, или «золото есть *материальное бытие абстрактного богатства*»³¹, и т.д.

Для логики и философии, для которой абстрактное – синоним чисто мыслимого, а конкретное – синоним единичного, чувственно воспринимаемого, все эти выражения покажутся несуразными и непонятными. Но это только потому, что с помощью подобной логики никогда нельзя было бы решить ту диалектическую задачу, которую ставит перед мышлением конкретная действительность товарно-капиталистических отношений. Для школьной логики эта действительность кажется сплошь мистической. Здесь, например, не «абстрактное» имеет значение стороны или свойства «конкретного», а как раз наоборот: чувственно-конкретное имеет значение лишь формы проявления абстрактно-всеобщего. В этом перевертывании, суть которого смог рассмотреть только Маркс, заключается вся трудность понимания формы стоимости.

«Это перевертывание, посредством которого чувственно-конкретное имеет значение лишь формы проявления абстрактно-всеобщего, а не наоборот, не абстрактно-всеобщее – значение свойства конкретного, и характеризует выражение стоимости. Это и делает трудным его понимание. Если я скажу: римское право и немецкое право суть оба “право”, то это понятно само собой. Если же я скажу, наоборот, что Право (*Das Recht*) – этот абстракт – *осуществляется* в римском праве и в немецком праве, в этих конкретных правах, то отношение делается мистическим...»^{32, xi}.

И это – не просто мистифицирующая форма выражения фактов в речи, в языке, и вовсе не спекулятивно-гегельянский оборот речи, а совершенно точное словесное выражение действительного «перевертывания» связанных друг с другом моментов действительности. В этом выражается не что иное, как реальный факт всеобщей зависимости отдельных разрозненных звеньев общественного производства друг от друга, факт, совершенно не зависимый ни от сознания, ни от воли людей. Людям же этот факт неизбежно кажется мистиче-

²⁹ См.: Маркс К. Капитал. Т. I. М.: Госполитиздат, 1955. С. 44.

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

³¹ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 120.

³² Marx K. Das Kapital. Hamburg: Otto Meissner, 1867. Bd. I. S. 771.

ской властью «абстрактного» над «конкретным», т.е. всеобщего закона, управляющего движением отдельных (единичных) вещей и людей, над каждым единичным человеком и над каждой единичной вещью.

В этом «мистическом» обороте речи, так напоминающем гегелевский способ выражения, отражена реальная диалектика «вещи» и «отношений», внутри которых эта вещь существует. Но, что самое интересное, мистический характер этого выражения получается как раз в силу того, что «абстрактное» и «конкретное» употребляются в том смысле, какой им придает школьная логика.

В самом деле, если «конкретным» называется определение вещи, а «абстрактным» – определение отношения между вещами, рассматриваемого как особый, самостоятельный предмет мысли и определения, то такой факт, как деньги, сразу же начинает выглядеть крайне мистически. Ибо объективно, независимо от иллюзий, которые можно составить на их счет, деньги есть «общественное отношение производства, но в форме естественной *вещи* с определенными свойствами»³³. В силу этого буржуазные экономисты, как замечает Маркс, постоянно впадают в изумление, «когда то, что они только что, как им казалось, определили как вещь, вдруг выступает пред ними в качестве общественного отношения, а затем то, что они едва успели зафиксировать как общественное отношение, вновь дразнит их в качестве вещи»³⁴.

Заметим, что эта «мистика» вовсе не есть нечто специфическое для товарно-капиталистического производства. Диалектика отношения между отдельной «вещью» (т.е. предметом «конкретного понятия») и тем «отношением», внутри которого эта вещь является именно данной вещью (т.е. предметом «абстрактного понятия»), – это универсальное отношение. В этом проявляется тот объективно всеобщий факт, что в мире нет вообще изолированных, вне всеобщей связи существующих «вещей», а есть всегда вещи в системе отношений друг к другу. И эта система вещей, взаимодействующих друг с другом (то, что Маркс и называет конкретностью), всегда есть нечто определяющее, а стало быть, и логически первое по отношению к каждой отдельной чувственно воспринимаемой вещи. Благодаря этой диалектике постоянно и возникает то оригинальное поло-

³³ Маркс К. К критике политической экономии. С. 20 (курсив мой. – Э. И.).

³⁴ Там же.

жение, когда «отношение» принимают за «вещь», а «вещь» – за «отношение».

Всегда в виде отдельной чувственно воспринимаемой вещи перед созерцанием выступает некоторая система взаимодействующих вещей, некоторая закономерная система их отношений (т.е. «конкретное»), но только в каком-то фрагментарном, частном ее проявлении, т.е. абстрактно. И вся трудность теоретического анализа заключается в том, чтобы ни «отношение» между вещами не рассматривать абстрактно, как особый, самостоятельный предмет, ни, наоборот, «вещь» – как особый, вне системы отношений к другим вещам существующий предмет; а понять каждую вещь как элемент, как момент некоторой конкретной системы взаимодействующих вещей, как конкретно-единичное проявление известной системы «отношений».

В виде словесного оборота, изображающего «конкретное» как нечто подчиненное «абстрактному» и даже как его продукт (а в этом и лежит корень всей гегелевской мистификации проблемы всеобщего, особенного и единичного), выражается на самом деле не что иное, как тот совершенно реальный факт, что каждое единичное явление (вещь, событие и т.д.) всегда рождается, существует в своей определенности, а затем погибает в лоне того или иного конкретно-целого, внутри той или иной закономерно развивающейся системы единичных вещей. «Власть» или определяющее действие закона (а реальность всеобщего в природе и в обществе и есть закон) по отношению к каждой единичной вещи, определяющее значение целого по отношению к своим частям, как раз и воспринимается как власть «абстрактного» над «конкретным». В итоге получается мистифицирующее выражение.

К. Маркс разоблачил эту мистификацию тем, что показал реальность «конкретного» не в виде единичной, изолированной вещи, а в образе целой, развившейся и развивающейся системы взаимодействующих вещей, закономерно расчлененного целого, «тотальности». При таком понимании исчезает всякая мистификация.

Конкретное (а не абстрактное) – как действительность, взятая в ее целом, в ее развитии, в ее закономерном расчленении – всегда есть нечто первое по отношению к абстрактному (толкуется ли это абстрактное как отдельный, относительно изолированный момент действительности или как его мысленное, словесно зафиксированное отражение). Вместе с тем любая конкретность существует толь-

ко через свои собственные дискретные моменты (вещи, отношения), как их своеобразное сочетание, синтез, единство.

Именно поэтому в мышлении конкретное отражается только в виде единства многообразных определений, каждое из которых точно фиксирует один из моментов, реально выделяющихся в его составе. Последовательное мысленное воспроизведение конкретного поэтому именно и совершается как процесс «восхождения от абстрактного к конкретному», т.е. как процесс логического соединения (синтеза) частных определений в совокупную, общую теоретическую картину действительности, как движение мысли от частного к общему.

При этом процесс выделения отдельных (частных) определений и связывания выделяемых определений друг с другом вовсе не произволен по своей последовательности. Общую детерминацию этой последовательности, как показали классики марксизма-ленинизма, задает исторический процесс рождения, формирования и усложнения той конкретной сферы действительности, которая в данном случае воспроизводится в мысли. Фундаментальные, исходные, всеобще-абстрактные определения целого, с которых всегда должно начинаться теоретическое построение, образуются здесь вовсе не путем простой формальной абстракции от всех без исключения «частностей», входящих в состав целого.

Так, исходная всеобщая категория «Капитала» – стоимость – определяется вовсе не через абстракции, в которых было бы удержано то общее, что одинаково свойственно и товару, и деньгам, и капиталу, и прибыли, и ренте, а через точнейшие теоретические определения одной «частности», и именно товара. (Но при стройжайшем отвлечении от всех других частностей.)

Анализ товара – этой простейшей экономической конкретности – дает всеобщие (и в этом смысле абстрактные) определения, относящиеся к любой другой «частной» форме экономических отношений. Все же дело в том, что товар – это такая частность, которая одновременно есть всеобщее условие существования всех остальных частностей, фиксируемых в других категориях. Это – такое особенное, вся особенность которого заключается как раз в том, что оно есть всеобщее, абстрактное, т.е. неразвитое, простое, «клеточное» образование, развивающееся в силу имманентно присущих ему противоречий в другие, более сложные и развитые образования.

Диалектика абстрактного и конкретного в понятии здесь совершенно точно выражает объективную диалектику развития одних фактических (исторически определенных) отношений между людьми – в другие фактические же отношения, опосредствованные вещами. Поэтому все движение мысли от абстрактного к конкретному является вместе с тем совершенно строгим движением мысли по фактам, переходом от рассмотрения одного факта к рассмотрению другого, а не движением «от понятия к понятию».

Эту особенность метода Маркса классики марксизма постоянно были вынуждены подчеркивать в спорах против кантианских интерпретаций логики «Капитала». Заключается эта особенность в том, что при этом методе «дело идет не о чисто логическом лишь процессе, но об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей»³⁵.

Только на основе такого подхода правильно решается вопрос об отношении абстрактного и конкретного в понятии. Каждое понятие абстрактно в том смысле, что фиксирует далеко не всю полноту конкретной действительности, а только какой-то один из ее частных моментов. Но каждое же понятие конкретно, так как фиксирует не формально-общие «признаки» разнородных фактов, а точно выражает конкретную определенность того факта, к которому оно относится, его особенность, благодаря которой он играет в совокупном составе действительности именно такую, а не какую-нибудь иную функцию и роль, имеет именно такое «значение», а не иное.

Поэтому каждое понятие (если это действительно разработанное понятие, а не просто словесно зафиксированное общее представление) есть конкретная абстракция, как бы «противоречиво» ни звучало это положение с точки зрения старой логики. В нем находит выражение всегда «вещь» (т.е. чувственно-эмпирически констатируемый факт), но вещь со стороны того ее «свойства», которое ей специфически принадлежит как элементу данной конкретной системы взаимодействующих вещей (фактов), а не просто как абстрактной «вещи», неизвестно к какой конкретной сфере действительности относящейся. Вещь, рассматриваемая вне всякой конкретной системы отношений ее с другими вещами, есть тоже абстракция – ничуть

³⁵ *Энгельс Ф.* Дополнения к третьему тому «Капитала» // *Маркс К.* Капитал. М.: Госполитиздат, 1955. Т. III. С. 908.

не лучшая, чем «отношение» или «свойство», рассматриваемые как особый предмет, отдельно от вещей, их материальных носителей.

Дальнейшую разработку марксистского понимания категорий абстрактного и конкретного как логических (универсальных) категорий мы находим в многочисленных философских работах и фрагментах В.И. Ленина, а также в тех экскурсах в логику, которые он предпринимал по ходу рассмотрения социальных, политико-экономических и политических проблем. Но это тема для особой статьи, особого исследования. Здесь же важно констатировать одно. Везде, где речь заходила об этих категориях, Ленин категорически защищал взгляды, развитые Марксом и Энгельсом, подчеркивая предметное значение теоретических абстракций, резко возражая против пустых, формальных абстракций, фиксирующих в словесной форме произвольно выбранные формальные сходства, «аналогичные признаки» разнородных, на самом деле не связанных между собой явлений. В этом смысле «абстрактное» всегда было для Ленина синонимом оторванной от жизни фразы, синонимом формального словотворчества, пустого и неистинного определения, которому в действительности не соответствует никакой определенный факт. И наоборот, Ленин всегда настаивал на тезисе конкретности истины, конкретности понятий, в которых выражается действительность, на неразрывной связи слова с делом, ибо только эта связь и обеспечивает действительный разумный синтез абстрактного с конкретным, всеобщего – с особенным и единичным. Взгляды Ленина по этому вопросу представляют огромную важность для логики и требуют тщательнейшего изучения и обобщения, сведения в систему. Нетрудно заметить, что эти взгляды не имеют ничего общего с метафизическим, раз и навсегда прочерченным делением понятий на «абстрактные» (как понятия об отдельных вещах или фактах) и «конкретные» (как относящиеся к отношениям и свойствам, рассматриваемым «отдельно от вещей», как «особые предметы»). И те и другие понятия Ленин всегда расценивал как одинаково абстрактные, т.е. весьма невысоко, и всегда требовал понимать факты и вещи в их совокупном сцеплении, в их конкретном взаимодействии (т.е. «в отношениях»), а всякое рассмотрение общественных отношений требовал проводить на основе самого тщательного и бережного отношения к «вещам», к строго фактически удостоверенным фактам, а не как «особый предмет», рассматриваемый отдельно от вещей и фактов. Иными словами, Ленин в каждом случае обяза-

вал мыслить конкретно, ибо конкретность для него, как и для Маркса, всегда была синонимом предметного значения, истинности понятий, а абстрактность – синонимом их пустоты.

* * *

Из сказанного можно сделать следующий вывод: ни в диалектической, ни в формальной логике не допустимо раз и навсегда делить понятия на два класса – абстрактные и конкретные. Такое деление связано с далеко не лучшими традициями в философии, как раз с теми традициями, против которых боролись не только Ленин и Маркс, но и Гегель, и Спиноза, и вообще все те мыслители, которые понимали, что понятие (как форма мышления) и термин (словесный символ) – это вещи по существу разные. Если термины еще можно с известным основанием делить на имена отдельных чувственно воспринимаемых индивидуумов вещей и на имена их «общих» свойств и отношений, то такое деление не имеет смысла в отношении понятий. Это – не логическое деление. В логике для него основания нет.

Данный вывод подтверждается и анализом учебно-педагогической литературы по формальной логике, нами упоминавшейся. Это деление, даваемое в разделе о классификации понятий, не играет в дальнейшем изложении аппарата формальной логики никакой роли. Оно оказывается ненужным самим авторам. Так стоит ли его вообще воспроизводить, если оно с философской точки зрения просто неверно?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Неопубликованные фрагменты

[Из первого варианта, стр. 1–4, 31–37, 42–52]

АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ КАК КАТЕГОРИИ ЛОГИКИ

Самый поверхностный обзор взглядов по поводу этих категорий показывает, насколько неустойчиво и неоднозначно они употребляются и в разговорном языке, и в специальной литературе, посвященной мышлению. Не будет преувеличением сказать, что различных значений терминов «абстрактное» и «конкретное» можно при желании насчитать столько же, сколько было философско-логических школ в истории мысли. Это, естественно, приводило и приводит

к массе недоразумений. На этом основании многие представители так называемой «современной» логики вообще стараются избегать их употребления. Но это может показаться выходом лишь тому, кто сводит задачу «определения понятий» в науке к установлению однозначного «значения употребляемых терминов».

На самом деле за этим спором «о словах» кроется спор далеко не словесный, ибо каждый термин, входя в научный обиход, наполняется «значением» той концепции, которую с его помощью начинают излагать.

Диалектическая логика выражает через эти категории один из самых своих важных принципов: «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» (В.И. Ленин). Правильно усвоить этот принцип в его подлинном содержании – и значит автоматически усвоить тот «смысл», который придается соответствующей терминологии в составе диалектической логики и теории познания. Терминология вообще вещь производная. В диалектике, как логике и теории познания марксизма-ленинизма, категории «абстрактного» и «конкретного» имеют вполне однозначный смысл. И любая вольность или нечеткость в словоупотреблении чревата здесь искажением принципа.

Поэтому и необходимо очистить эти категории от всех тех наслоений, которые по традиции, по привычке или просто по недоразумению тянутся за ними через века и сочинения и не имеют ничего общего с принципами диалектической логики, с системой взглядов, изложенной в сочинениях Маркса, Энгельса и Ленина.

* * *

Приходится констатировать, что в большинстве книг и руководств по логике, изданных у нас за последние годы, принимаются и излагаются такие определения категорий «абстрактного» и «конкретного», которые весьма трудно, если не невозможно, хоть как-то увязать с тезисом диалектики о конкретности истины. Некоторым оправданием для авторов этих работ может явиться, может быть, тот факт, что эти определения, даваемые мимоходом вначале, в разделе о классификации «понятий», не играют в дальнейшем изложении ровно никакой роли, а потому могут быть совершенно безболезненно для этого последнего исправлены или даже вовсе опущены.

Понятия (или «мысли»), согласно этому традиционному взгляду, делятся на «абстрактные» и «конкретные» так:

«Понятие, посредством признаков которого предмет мыслится как таковой и как *данный* предмет, называется *конкретным*. Понятие, посредством признаков которого мыслится не данный предмет как таковой, а некоторое свойство предмета или отношение предметов, называется *абстрактным*»³⁶.

[Далее следуют еще три цитаты – из учебников логики Кондакова, Строговича и Асмуса, – сохранившиеся и в опубликованном варианте текста (см. наст. изд., стр. 298).]

Если оставить в стороне разночтения (с известной точки зрения довольно существенные), то под «конкретными понятиями» во всех случаях понимаются такие «понятия», которые можно отнести в качестве названия к отдельным непосредственно-воспринимаемым «вещам, предметам, явлениям», все «имена» родов и видов. Под «абстрактными понятиями», с другой стороны, имеются в виду такие «термины», которые обозначают роды и виды «признаков». Это ясно видно по тем примерам, которые фигурируют во всех четырех учебниках.

[Из раздела о логике Милля (см. наст. изд., стр. 318).]

...Мыслить их отдельно от вещей и значит мыслить их *правильно*.

А вот «пожар», «дом», «человек», «собака» и тому подобное – это уже не только способы восприятия, но «признаки» единичных вещей – разумеется, «как они даны в восприятии». Эти «общие признаки» нельзя мыслить отдельно от таковых вещей, их надо обязательно мыслить «конкретно», в связи с теми или иными единичными объектами восприятия.

«Белое» всегда мыслится как свойство той или иной единичной вещи. Это «общее» существует только в единичном и через единичное. Другое дело «белизна». Это – субъективный способ восприятия, форма восприятия, характеристика психофизиологического аппарата, его имманентное свойство. В акте восприятия единичных вещей как «белых» это специфическое свойство аппарата восприятия только «проявляется»; существует же оно особо, отдельно от воспринимаемых единичных вещей. Поэтому-то его и надо «мыслить абстрактно, то есть как особый предмет».

Точно то же со «сходством». «Сходство есть не что иное, как наше чувство сходства» – а вовсе не реальное отношение вещей вне

³⁶ Логика / под ред. Д.П. Горского и П.В. Таванца. М.: Госполитиздат, 1956. С. 47.

сознания³⁷. Поэтому «сходство», «равенство», «величина», «мудрость», «стоимость» и т.д. и т.п. и надо мыслить «абстрактно». Все это – чистые априорные формы восприятия, оценки или рассудка.

«Пожар» же, «человек» или «дом» – это продукты смешения априорных форм сознания с «внешними впечатлениями». Их можно «мыслить» только как таковые – как «смешанные» с единичной природой, то есть «конкретно». Мыслить их как «особые предметы» нельзя, ибо они и не существуют «особо и отдельно» от данных в восприятии единичных вещей...

Вот в этом-то и заключается миллевское «основание» деления понятий на «абстрактные» и «конкретные».

В устах субъективного идеалиста и эклектика оно совершенно понятно. Но совершенно необъяснимо это деление в устах автора, стоящего на точке зрения материализма, на точке зрения отрицания.

Что должно означать в устах материалиста выражение: «Мыслить признак вещи отдельно от самой вещи, как особый предмет»?

«Абстрактное понятие – это понятие о свойствах предметов или явлений, когда эти свойства взяты как самостоятельный объект мысли»³⁸.

«Абстрактным понятием называется такое понятие, в котором отображено какое-либо свойство предметов, отвлеченное мысленно от самих предметов»³⁹.

«Если отвлечение выделяет в предмете один какой-нибудь признак и делает этот признак предметом рассмотрения, рассматривает его как *особый* предмет, то возникает понятие *абстрактное*...»⁴⁰

Что *здесь* должно обозначать выражение «мыслить свойства предмета как особый предмет», как «отвлеченное мысленно от самих предметов», – это, в отличие от Милля, остается загадкой.

С точки зрения материализма, «мыслить свойство предмета отдельно от самого предмета» может означать лишь одно: это значит мыслить его не так, как оно существует в действительности. Это значит мыслить его ложно, неправильно, ибо «свойство» не существует отдельно от предмета, от его носителя, и может мыслиться

³⁷ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. С. 63.

³⁸ Строгович М. С. Логика. С. 87.

³⁹ Кондаков Н. И. Логика. С. 300.

⁴⁰ Логика / под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца. С. 47.

правильно только как его – предмета – «свойство», как абстрактно выделенная сторона, момент конкретной полноты вещи.

Если же этим хотят сказать что-нибудь другое, то не мешало бы разъяснить это подробнее и не в терминах логики Милля и средневековой схоластики, а в понятиях теории отражения.

Однако в таком случае разграничение «абстрактных» и «конкретных» понятий сразу же теряет весь свой смысл. Оказывается, что все понятия (как «белизна», так и «дом») в известном смысле «абстрактны», а в известном смысле «конкретны». «Дом» – такое же «абстрактное» понятие, как и «храбрость», так как то и другое вовсе не выражают в своих определениях «всю полноту» чувственно созерцаемых единичных домов или проявлений храбрости. Но они одинаково фиксируют общие «признаки» единичных домов и храбрых поступков, и в этом смысле выражают «конкретное».

Кондаков в своей «Логике» это отмечает и даже говорит, что разграничение понятий на «абстрактные» и «конкретные» терминологически крайне неудачно. Однако само разграничение он считает вполне рациональным, правда, не разъясняя – почему... Он хочет отбросить терминологию Милля, но на самое различие не покушается, между тем как главная порочность этого разграничения заключается именно в его сути, а вовсе не в названиях «абстрактное» и «конкретное».

Порочность этого разграничения заключается в том, что одни понятия оно обязывает мыслить в связи с единичными, чувственно воспринимаемыми предметами, а другие – вне этой связи, отдельно от рассмотрения конкретной полноты явлений, чувственно созерцаемой конкретности, «отвлеченно» от нее, «как особый предмет».

«Дом», «стол» или «человека» это разграничение обязывает толковать как общую форму единичных, данных в созерцании вещей, а «белизну», «храбрость» или «стоимость» – как «особый предмет», имеющий существование, отдельное от единичных вещей. Разумеется, поскольку авторы не разделяют точку зрения средневекового реализма, они не допускают, что храбрость или белизна «как таковые» существуют где-либо, кроме сознания. Но это если и не взгляд средневекового реализма, то типичнейший убогий взгляд средневекового же номинализма, тот самый взгляд, который Д.С. Милль и постарался возродить в XIX веке.

Согласно этому взгляду «стоимость как таковую» (как и «храбрость») самое по себе, отдельно от особенных и единичных проявле-

ний храбрости) можно исследовать только как «понятие», ибо «как таковая» она лишь в абстрагирующей голове, лишь в виде «имени» и существует.

С этой точки зрения все, что делает в «Капитале» К. Маркс, анализируя «стоимость как таковую», «самое по себе», независимо от ее собственных «видов» (прибавочной стоимости, прибыли, денег или ренты) представляется неправомерным и ложным.

«Стоимость как таковая» – это не «вещь». Но так же мало и «отношение», ибо в отношениях вещей она только «проявляется», существуя в вещи и до того, как последняя вступила в «отношение» (в обмен). С одной стороны – это «вещь», с другой – чистейшее «отношение». На деле она – ни то ни другое. Так что ни под рубрику «конкретных», ни под рубрику «абстрактных» понятий ее не подведешь. Она вообще не лезет в миллевскую классификацию. Стоимость и не «свойство» вещей. Она есть нечто большее, чем «свойство» вещей. Она – «субъект» всех свойств, а не «предикат».

Маркс исследует «стоимость как таковую» в строжайшем отвлечении от ее собственных «видов» – от прибыли, от процента и ренты. И тем не менее, он исследует вовсе не «понятие», а реальный экономический факт – «простейшую экономическую конкретность», которая в отношениях лишь обнаруживается, но ни в коем случае не создается, хотя как «вещь» ее ни пощупать, ни рассмотреть невозможно.

В результате с точки зрения схоластически-миллевской логики, весь анализ Маркса исходит из «неправильной точки зрения» – из допущения, что «стоимость как таковая» может существовать где-либо кроме сознания, иначе как «абстрактное понятие».

С точки зрения Милля (как экономиста и как логика), «стоимость» есть чистейшее «отношение», рассматриваемое как особый предмет, отдельно от тех единичных вещей, «свойством» которых она является. Как таковая она существует только в сознании. «В действительности» же стоимость существует только как «один из признаков» денег, прибыли, заработной платы, ренты и т.д. и т.п., т.е. как абстрактно-общий всем этим «конкретным» предметам признак...

Поэтому-то как реальный, вне сознания существующий экономический факт «стоимость как таковую» рассматривать и нельзя.

Маркс же рассматривает «стоимость как таковую» именно так – как реальность, совершенно независимую от своих собственных

«видов», «абстрактно», и тем не менее – как объективный «предмет» мысли.

Категория стоимости сразу же ломает все метафизические границы между «вещью» и «свойством», между «вещью» и «отношением», между «общим» и «особенным». Для формально-схоластической логики Милля с ее представлением об «абстрактном» и «конкретном» весь анализ Маркса неизбежно представляется чистейшей мистикой, мышлением в духе средневекового «реализма», допускающего реальность «абстрактного» вне сознания человека.

Но Маркс подчеркивает, что сведение всех видов человеческого труда к «абстрактному труду» – это такой процесс, который осуществляется вовсе не в абстрагирующей голове теоретика, а как раз вне ее, повседневно и ежечасно. Эта «абстракция» не менее реальна, чем превращение всех органических тел в воздух, в газы...^{xii}

Поэтому-то «субстанцию стоимости» теоретик и имеет право рассматривать так же независимо от форм ее проявления, как химик – воздух, входящий в состав органических тел...

Все это говорит о том, что ни «Капитал» К. Маркса, ни другие современные теории нельзя понять, оставаясь при схоластически-миллевском представлении об «абстрактном» и «конкретном». Это разграничение только путает и мешает выразить логическое существо умственных операций, имеющих здесь место.

Здесь может помочь только диалектика, только диалектическое понимание как «абстрактного» и «конкретного», так и их «отношения».

В диалектике же разграничение между «абстрактным» и «конкретным» проходит совсем не там, где его проводит Милль вслед за схоластикой. Представители диалектической традиции в философии и логике всегда весьма невысоко расценивали «абстрактное» рассмотрение. Мы показали точку зрения Спинозы на этот счет. В том же духе рассуждал и Гегель, с чем, в частности, и связан его тезис «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», – тезис, который одинаково разделяет и материалистическая диалектика Маркса, Энгельса и Ленина.

[Концовка первого варианта рукописи, с учетом правки, сделанной во втором варианте (см. наст. изд., стр. 316).]

... Конкретное в итоге толкуется им как *продукт мышления*.

Это, конечно, тоже идеализм, но только гораздо более умный, нежели пошлый идеализм Милля, определения которого – видимо,

по недоразумению – некритически воспроизводятся во многих нынешних учебниках логики^{xiii}.

Маркс и Ленин, остро критикуя идеализм гегелевской логики, всегда тщательнейшим образом выуживали диалектические моменты его анализа. И в отношении формального определения «абстрактного» и «конкретного» Маркс и Ленин примыкают к Гегелю, к его словоупотреблению, а вовсе не к Миллю и средневековым номиналистам.

«Конкретное», согласно Марксу, – это прежде всего объективное, *чувственно-предметное* «единство во многообразии». Естественно, что в мышлении (в понятии) это единство может быть отражено и выражено не через отдельное слово («дом» или «Жучка»), а только через сложную, диалектически развитую *систему определений*, каждое из которых, взятое в отдельности, конечно, «абстрактно», но в сочетании с другими определениями уже не «абстрактно», а конкретно в полном смысле слова, то есть отражает сторону, момент сложной конкретной действительности в ее связи с другими сторонами и моментами.

Если пользоваться этим – Марксовым – словоупотреблением, то скорее «дом» или «Жучка» должны будут называться «абстрактными понятиями», а то понятие, которое старая формальная логика именovala «абстрактным» – понятие стоимости – предстанет как ярчайший пример конкретного понятия. Ибо в его определениях выражено не абстрактное сходство, внешнее подобие явлений друг другу, а конкретно-всеобщий закон, управляющий движением пестрых рыночных цен. Точно так же к «конкретным понятиям» придется отнести такие понятия, как «условный рефлекс», как «жизнь» или «биологический вид», – ибо определения этих понятий раскрывают действительную суть дела, а не абстрактное сходство единичных явлений.

И наоборот, такие понятия, которые авторы книг по формальной логике дружно относят в класс «конкретных» на том основании, что они непосредственно обозначают единичные чувственно созерцаемые вещи – как то: «пожар» или «доллар», «человек (вообще)» или «банкнота», – на самом-то деле, с точки зрения заключенного в них «богатства» теоретических определений, окажутся самыми бедными, тощими и бессодержательными, – а диалектика это и называет «абстрактным».

Конечно, грань эта подвижна. Человек, ошупавший и рассмотревший «банкноту», приобретает о ней чувственно-наглядное пред-

ставление. Состав этого представления и будет «содержанием», которое он свяжет с названием «банкнота». И если он не обретет никакого знания о ней сверх этого, он и останется при абстрактнейшем представлении о ней – он не поймет ни ее «сущности», роли в системе товарно-денежной экономики, ни ее связи с металлическими деньгами, с потребительной стоимостью, с капиталом и его обращением.

Но понимание той же самой банкноты в «Капитале» Карла Маркса совершенно *конкретно*. Здесь понят и выражен закон ее происхождения и движения, ее своеобразие, конкретно определенная природа и роль в составе экономического организма.

Иными словами, в «Капитале» налицо конкретное понятие банкноты, а в голове человека, тысячи раз видевшего и даже трогавшего реальные банкноты, имеется лишь бедное и одностороннее (абстрактное) представление о них.

Слово, термин в обоих случаях один и тот же. «Понятия» же – разные. В одном случае – конкретное, в другом – абстрактное, настолько абстрактное, что и «понятием»-то его назвать трудно – если не называть «понятием» любое словечко, выражающее нечто «общее», любой «термин», имеющий какой-то смысл.

Учение материалистической диалектики о «конкретном понятии» – это вопрос слишком сложный, чтобы его можно было исчерпать в небольшой статье. Но и сказанного достаточно, чтобы сделать бесспорный вывод: то метафизическое разграничение понятий на «абстрактные» и «конкретные», которое многие авторы книг по логике некритически унаследовали через Милля и Челпанова от средневековой схоластики, является совершенно не оправданным с точки зрения диалектики, не вяжется с теорией отражения.

Это разграничение нужно либо решительно вычистить из школьных учебников (поскольку оно ровно никакой роли не играет в дальнейшем изложении и даже не упоминается в разделах о суждении и силлогизме), либо – что было бы лучше – заменить кратким изложением марксистско-ленинского взгляда на отношение «абстрактного» и «конкретного» в процессе мышления.

В своем традиционно-схоластическом виде это разграничение способно лишь дезориентировать читателя, внушая ему мысль, что одни понятия можно мыслить лишь в связи с реально существующими (особенными и единичными) вещами и явлениями, а другие можно мыслить и вне таковой связи, «отдельно», как «самостоятельный предмет».

Пусть авторы, внушающие читателю это разграничение, на минуту представят себе доверчивого ученика, который сидит за партой и силится мыслить себе белизну «абстрактно», т.е. как «особый предмет»...^{xiv}

Такому ученику остается лишь посочувствовать^{xv}.

Гораздо правильнее было бы прямо объяснить школьнику, что мыслить известное свойство вещей отдельно от вещей («абстрактно») – это значит мыслить его не так, как оно существует в реальности, то есть мыслить ложно.

Даже не очень ладивший с диалектикой материалист Л. Фейербах понимал, что если известное свойство человека, а именно «мышление», «помыслить абстрактно», то в результате такой операции получится не что иное, как основное понятие спекулятивной теологии, понятие бога.

Бог (а также «Идея» спекулятивной философии) и есть «свойство» человека, помысленное отдельно от самого человека, «как особый объект»; по Фейербаху, Бог – это и есть «предикат», выданный за «субъект».

Так стоит ли в наш материалистический век обосновывать право мыслить «признаки» («предикаты», «свойства», «качества» или «отношения») абстрактно, отвлеченно от их реального субъекта?

Не лучше ли с самого начала учить школьника мыслить их всегда и при всех условиях *конкретно*, то есть именно как «свойства», неотделимые от реальных носителей этих свойств?

Все это, конечно, вовсе не отнимает у теоретика права и возможности мыслить известные объекты «абстрактно». Однако у Маркса и Ленина это означает совершенно не то, что у схоластиков и у Милля.

Если Маркс мыслит определенный объект «абстрактно», то это значит, что он рассматривает его с точки зрения его внутренней структуры, временно отвлекаясь при этом от всей совокупности тех внешних влияний, которые на него оказывает окружающая «среда».

Так, например, он рассматривает «абстрактно» законы товарного обращения, явления, связанные с ним.

«Рассматривая процесс абстрактно, то есть оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения»⁴¹, Маркс и получает содержательные,

⁴¹ Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат 1955. Т. 1. С. 164.

конкретные определения этого процесса, а не пустышки вроде «белизны» вообще, «храбрости» и т.п.

Мыслить «белизну», «храбрость» или «интенсивность» как таковые, как «особые объекты», Маркс, как известно, не пытался ни разу в жизни. Он справедливо считал такое занятие бессмысленным.

Однако «стоимость» он мыслил как «особый объект», то есть как вполне особую, независимую от «прибыли», «ренты» и тому подобных более сложных категорий экономическую реальность. Здесь право мыслить объект «абстрактно», т.е. в строжайшем отвлечении от других объектов («вещей» или «свойств», «качеств», или «отношений»), оправдано природой предмета исследования. Известные объекты надо мыслить абстрактно, чтобы понять конкретно – с точки зрения их внутренней специфической определенности, их места в составе целого.

Надо ли доказывать, что мышление Маркса в этом отношении совсем не было похоже на потуги Милля «мыслить белизну»?

В одном случае налицо «сила абстракции», а в другом – ее бессилие.

* * *

В заключение покажем, насколько шатки рассуждения авторов, пытающихся определить ту точку зрения, с которой проанализированное разграничение имеет якобы смысл. Для разграничения требуется, как известно, «основание деления». И здесь единодушия у наших авторов нет.

Н.И. Кондаков, например, считает, что это разграничение выражает различие понятий «по содержанию».

В.Ф. Асмус, напротив, полагает, что это разграничение производится «с точки зрения *реального существования предметов понятий*».

Если деление должно быть «полным», то, согласно Н.И. Кондакову, «конкретное понятие» должно отражать «предмет или класс предметов» и ни в коем случае не «свойства» этих предметов и их «классов». В этом и должно заключаться его отличие «по содержанию» от абстрактных понятий. Последние же должны в таком случае выражать «свойства» и не выражать «предметы». Иначе деление будет неполным, т.е. неправильным...

Однако как можно мыслить «предмет» (или класс), не мысля о его «свойствах», – это остается тайной изобретателя деления «по

содержанию». До сих пор считалось, что «мыслить о предмете» можно только мысля о его «свойствах», и наоборот. До сих пор считалось, что «по содержанию» это во всяком случае одно и то же.

Даже идеалист Гегель, опровергая кантовское понятие «вещи в себе», прекрасно понимал, что осмыслить «предмет» – это и значит осмыслить его «свойства». В противном случае «предмет» превращается в нечто немислимое. То, что Н.И. Кондаков выдает за «мысль о предмете», всегда на поверку окажется мыслью о некотором его «свойстве», – тем более что под «свойством» автор явно понимает все что угодно, любую определенность «предмета» – будь то цвет или геометрическая форма, внутренне присущая предмету структура или внешняя форма ее обнаружения, закон существования или случайный «признак»...

Под свойством тут явно понимается всякая определенность предмета. В таком случае предмет (или класс) оказывается чем-то абсолютно лишенным какой бы то ни было «определенности», а потому чем-то абсолютно неосмысленным и немислимым.

Иными словами, различие «по содержанию» здесь на поверку значит: «конкретное понятие» есть понятие без содержания, а абстрактное понятие – с содержанием, хотя и тощим.

Ибо, что же остается от «мысли о предмете или классе предметов», если из этой мысли старательно вычистить все мысли «о свойствах»?

Не более вразумительным оказывается и тот критерий (основание) деления, которое выставляет В.Ф. Асмус: *«реальное существование предметов понятий»*.

Как это изволите понимать? Что предметы одних (конкретных) понятий реально «существуют», а предметы других (абстрактных) – нет?

Но до сих пор считалось что «предметы» таких понятий, как «тяжесть» или «стоимость», как «протяженность» или «скорость», существуют не менее «реально», чем предметы таких понятий, как «книга», «дерево» или «самолет».

Если этим хотят сказать, что «протяженность», «стоимость» или «тяжесть» в реальности не существуют без «книги», «самолета», «дерева» и вообще «вещей материального мира», то не надо забывать, что и «книга», и «дерево», и «самолет», со своей стороны, существуют без «тяжести», «протяженности» и прочих всеобщих ат-

рибутов «материального мира» тоже лишь в голове, лишь в виде абстракции.

Под «предметами конкретных понятий» здесь явно понимаются *единичные вещи*, чувственно созерцаемые отдельные объекты. Поэтому «реальное существование» здесь может значить только одно – существование в *непосредственном созерцании*, в чувственном восприятии.

Но существовать в восприятии (быть воспринимаемым) – это не то же самое, что «реально существовать»^{xvi}.

«Реально существуют» и тяжесть, и стоимость, и протяженность – хотя и не «в качестве вещей материального мира», а «в качестве» всеобщих закономерностей и форм движения этого же мира, – и «всеобщее» (которое в природе реально именно как закон^{xvii}), хотя оно непосредственному восприятию и не дано, тоже «реально существует» не только в виде абстракции, а и в виде самой что ни на есть объективной реальности.

Так что «реальное существование» здесь совершенно не при чем, тем более оно не может служить основанием для разграничения понятий на «конкретные» и «абстрактные». Оно только запутывает вопрос, перепутывает его с вопросом об отношении между «единичным» и «общим» в действительности и в мышлении (в понятии) и создает впечатление, будто бы «единичное» более «реально», нежели «общее», «всеобщее». А это уже представление, с диалектикой никак не вяжущееся.

Мы вполне согласны со Строговичем, что деление понятий на «абстрактные» и «конкретные» никак не совпадает с делением их на «общие» и «единичные» (хотя, заметим в скобках, мы никак не можем взять в толк, что такое, собственно, «единичные понятия», если это не просто индивидуальные имена, названия вроде «Жучки» или «Тобика»). Поэтому мы и не связывали критику разграничения понятий на «абстрактные» и «конкретные» с анализом вопроса об отношении всеобщего, особенного и единичного в понятии и в действительности.

Это – другой вопрос, требующий особого анализа, тем более что это разграничение (в отличие от разграничения понятий на «абстрактные» и «конкретные») играет действительную, и весьма немаловажную, роль во всех построениях формальной логики, в учении о суждении и силлогизмах. Надо проанализировать особо, насколько

это последнее различие согласовано с материалистической диалектикой и не требует ли и оно корректив.

25.XI.1959

[Концовка второго варианта, стр. 48. Окончание рукописи не сохранилось.]

* * *

Все это говорит о том, что традиционная манера раз и навсегда делить все понятия на два класса, на «абстрактные» и «конкретные», по самому своему существу беспочвенна. Любое «конкретное» понятие осуществляется через систему абстрактных определений («понятий»), и наоборот, любое «абстрактное» определение лишь тогда становится формой движения понятия, когда оно входит в связную систему определений. Любое понятие (если это, конечно, действительно понятие, а не просто выраженное в речи общее представление), всегда включает в себе сложное диалектическое единство «абстрактного» и «конкретного».

Поэтому-то любая попытка раз и навсегда зачислить одни понятия в разряд «абстрактных», а другие — в разряд «конкретных», не обращая внимания на контекст, на исторически меняющееся содержание этих понятий, и т.д. и т.п., на почве диалектики вообще не находит себе оправдания. Развитие познания постоянно будет разрушать и путать подобную классификацию. Если этика или психология даст научно разработанное понимание «храбрости», то и это понятие придется, по-видимому, признать «конкретным», ничуть не менее конкретным, чем «лошадь вообще» или «треугольник». <...>

Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии

Вопрос о тождестве мышления и бытия занимает важное место в истории философии. Касаясь этого вопроса, Ф. Энгельс писал: «В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления

и бытия. Громадное большинство философов утвердительно решает этот вопрос»¹.

Однако иногда можно услышать и такие высказывания: наше мышление в состоянии познать действительный мир, наши представления и понятия могут быть верными отражениями этого мира, но зачем называть это «тождеством мышления и бытия», зачем прибегать при этом к особому «философскому языку»? Такие высказывания – следствие недоразумения. Философский язык – не просто запас терминов, о значении которых можно договориться, не результат конвенции. Это – продукт борьбы, не оконченной и сегодня. О философских проблемах на философском языке предпочитали говорить и писать не только Аристотель, Спиноза и Гегель. Не зная философского языка, нельзя правильно понять и «Капитал» К. Маркса и «Философские тетради» В.И. Ленина.

В частности, правильному пониманию ленинского тезиса о совпадении диалектики, логики и теории познания сильно мешало неверное представление о «тождестве мышления и бытия» как гегельянском принципе, утвердившееся в нашей философской литературе в годы господства культа личности Сталина. Рассуждение, основывающееся на этом представлении, строилось примерно следующим образом. Диалектика и логика не одно и то же; ведь диалектика – это учение о бытии, а логика – учение о мышлении, а поскольку мышление и бытие – вещи разные, постольку нельзя говорить об их тождестве. Здесь сказывается именно боязнь принципа «тождества мышления и бытия» как проявления якобы «гегельянщины». Рождена же эта боязнь простой неосведомленностью. Развеять эту боязнь необходимо, и для этого целесообразно обратиться, в частности, к истории домарксистской философии.

1. Идеалистическое и материалистическое понимание тождества мышления и бытия. Взгляды Спинозы

Прежде всего нужно установить некоторые бесспорные факты. Первый: в тезисе о тождестве мышления и бытия ничего специфически гегелевского не было и нет. Этот тезис принимали, кроме Гегеля, и Спиноза, и Фейербах. И второй факт: тождество в диалектике

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв.: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1953. Т. II. С. 351.

вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое «одно и то же». Это всегда тождество различного, тождество противоположностей.

Диалектика вообще усматривает реальное тождество в акте перехода, превращения противоположностей друг в друга, в данном случае – в акте перехода или превращения действительности (бытия) в мысль, а мысли в действительность. И такое тождество – повседневно осуществляемый каждым человеком факт. Каждый, познавая вещь, превращает ее в понятие; и каждый, реализуя свой замысел в поступке, в акте изменения вещи, превращает свое понятие в вещь. Никакой «гегельянщины» в этом, конечно, нет.

Специфическая мистика «гегельянщины» заключается вовсе не в констатации факта этого перехода, а в его объективно-идеалистической интерпретации. Но существует и материалистическая интерпретация того же факта. Принципиальное различие между той и другой кажется несущественным и маловажным представителям агностицизма, для коего материализм и идеализм – лишь пустые слова. Для агностиков и объективно-идеалистическая и материалистическая интерпретации – одинаково «гегельянщина». Кантианцы и позитивисты поэтому любят запугивать доверчивого читателя жупелом «гегельянщины». Например: «Чистый или абсолютный материализм точно так же спиритуалистичен, как и чистый или абсолютный идеализм. Оба просто предполагают, хотя и с различных точек зрения, что мышление и бытие идентичны... Напротив, новые материалисты становятся принципиально так же решительно на точку зрения Канта, как это сделало большинство величайших современных естествоиспытателей»².

Этот «новый» материалист – Эдуард Бернштейн. Материализм Маркса и Энгельса его не устраивал по той причине, что он слишком сильно-де подпорчен «мистикой» (Бернштейн имеет в виду диалектику, учение о тождестве противоположностей вообще, о тождестве мышления и бытия – в частности). Этот оборот мысли не случаен и весьма типичен, и небезынтересно посмотреть, в чем же дело, почему мыслителям подобного сорта мешает именно принцип тождества мысли и действительности? Дело, конечно, не в названии, а в определенном способе подхода к решению одной существенной философской проблемы, действительной трудности. И заключается

² Цит. по кн.: Плеханов Г.В. Соч. М.; Пг.: Госиздат, 1923. Т. XI. С. 9.

эта трудность, постоянно возникающая перед каждым теоретиком, в том отношении, в котором находятся друг к другу знание (совокупность понятий, теоретических построений, представлений) и предмет этого знания. Как проверить, согласуется одно с другим или нет? И можно ли вообще это сделать? И что это значит?

Основная идея Канта и кантианства состоит в том, что человек вообще никогда не может проверить, соответствует ли понятиям, какими он оперирует, что-либо реальное, что-либо находящееся вне его сознания. Аргументация такова: поскольку предмет («вещь в себе») в процессе его осознания преломляется сквозь призму «специфической природы» органов восприятия и рассудка, постольку мы знаем любой предмет лишь в том виде, какой он приобрел в результате такого преломления. «Бытие» вещей вне сознания Кант не отвергал. Отвергал он «лишь» одно – возможность проверить, таковы вещи «на самом деле», какими мы их знаем и осознаем, или же нет. Вещь, какой она дана в сознании, нельзя сравнить с вещью вне сознания. Невозможно сравнивать то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет; нельзя сопоставлять то, что я знаю, с тем, чего я не знаю, не вижу, не воспринимаю, не осознаю. Прежде чем я смогу сравнивать свое представление о вещи с вещью, я должен эту вещь также осознать, т.е. также превратить в представление. В итоге я всегда сравниваю и сопоставляю представление с представлением, хотя и думаю при этом, что сравниваю представление с вещью. Я всегда сопоставляю представление о вещи с *осознанной* вещью, т.е. уже не с вещью, а с очередным представлением о ней.

Естественно, сравнивать и сопоставлять можно только однородные вещи. Бессмысленно сравнивать пуды с аршинами, а вкус бифштекса – с диагональю квадрата. Это вещи разные. И если нам все-таки захочется сравнить бифштекс с квадратом, то мы будем сравнивать уже не «бифштекс» и «квадрат», а два предмета, одинаково обладающие геометрической, пространственной формой. «Специфические» свойства того и другого в этом сопоставлении вообще участвовать не могут.

«Что такое расстояние между буквой А и столом? Вопрос бессмысленный. Когда мы говорим о расстоянии между двумя вещами, мы говорим об их различии в пространстве... Мы делаем их одинаковыми между собой как части пространства, и лишь после того как мы их сделали одинаковыми, *sub specie spatii* [с точки зрения пространства], мы их различаем как различные точки простран-

ства. В их принадлежности к пространству заключается их единство»³.

Иными словами, когда хотят установить какое-либо отношение между двумя объектами, то сопоставляют всегда не те «специфические» качества, которые делают один объект «буквой А», а другой – «столом», «бифштексом» или «квадратом», а только те свойства, которые выражают нечто «третье», отличное от их бытия в качестве перечисленных вещей. Сопоставляемые вещи рассматриваются при этом как различные модификации этого «третьего», общего им обоим свойства, будь то принадлежность к пространству или к стоимости. Холст сравнивается с сюртуком лишь постольку, поскольку и тот и другой – товар, т.е. сгусток определенного вида труда, выражение общей и тому и другому субстанции. Пуд можно сравнивать с аршином, но лишь постольку, поскольку и пуд и аршин выражают разными способами измерения «одно и то же», скажем, известное количество воды или пшеницы. Нет этого «одного и того же» – нет и возможности сопоставления. Тогда это вещи разные и только. Если в природе двух вещей нет общего им обоим «третьего», то самые различия между ними становятся совершенно бессмысленными с логической точки зрения.

Когда буржуазная политическая экономия выразила в своей печально знаменитой формуле различия трех источников дохода¹, то эта формула была абсолютно бессодержательна, несмотря на свою эмпирическую очевидность. Капитал действительно дает прибыль, земля – ренту, а труд – заработную плату. Но теоретически эта формула столь же бессмысленна, как и суждение, устанавливающее различие между снегом и Нью-Йорком на том основании, что снег бел, а Нью-Йорк огромен.

Различия между прибылью, рентой и заработной платой выясняются действительно только тогда, когда все они поняты как различные модификации *одного и того же* – труда, создающего стоимость. У Маркса ясно, внутри чего существуют их различия. В триединой формуле ничего подобного не выявлено, потому она бессмысленна.

Внутри чего же соотносятся между собой такие объекты, как «понятие» («мысль») и «вещь»? В каком особом «пространстве» они

³ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Л.: Партиздат, 1936. Т. III. С. 111–112.

могут сопоставляться, сравниваться и различаться? Есть ли тут вообще то «третье», в котором они суть «одно и то же», несмотря на все свои непосредственно очевидные различия?

Если такой общей субстанции, выражающейся и в мысли и в вещи разными способами, нет, то между ними нельзя установить никакого внутренне необходимого соотношения. В лучшем случае можно установить лишь внешнее отношение вроде того, какое когда-то устанавливали между расположением светил на небосклоне и событиями в личной жизни, т.е. отношение между двумя рядами совершенно разнородных событий, каждый из коих протекает по своим, сугубо специфическим законам. И тогда будет прав Витгенштейн, объявивший логические формы мистическими, невыразимыми.

Но в случае отношения между мыслью и действительностью встает еще одна дополнительная трудность. Известно, к чему могут привести и приводят попытки установить какую-то особую сущность, которая была бы и не мышлением, и не материальной действительностью, но в то же время составляла их общую субстанцию, то «третье», которое один раз проявлялось бы как мысль, а другой раз — как бытие.

Ведь в философии мысль и бытие суть понятия взаимоисключающие. То, что есть мысль, не есть бытие, и наоборот. Как же в таком случае их вообще можно сопоставить друг с другом? В чем вообще может быть основание их взаимодействия, то, в чем они суть «одно и то же»?

В обнаженно логической форме эта трудность была резко выражена Декартом. Если бытие вещей определяется через их протяженность и пространственно-геометрическая форма вещи есть единственно объективная форма их бытия вне субъекта, то мышление никак не раскрывается через его описание в формах пространства. «Пространственная» характеристика мысли вообще не имеет никакого отношения к ее специфической природе. Природа мышления раскрывается через понятия, не имеющие ничего общего с выражением каких-либо пространственно-геометрических образов. У Декарта этот взгляд имеет и следующее выражение: мышление и протяженность суть две различные субстанции, а субстанция есть то, что существует и определяется только через самое себя, а не через «другое». Ничего «общего», что можно было бы выразить в особом определении, между мышлением и протяженностью нет. Иначе

говоря, в ряду определений мышления нет ни одного признака, который входил бы в определение протяженности, и наоборот. Но если такого общего признака нет, невозможно и рационально умозаключать от мышления к бытию и наоборот, так как умозаключение требует «среднего термина», т.е. такого, который входил бы и в ряд определений мысли, и в ряд определений бытия вещей вне сознания, вне мысли.

Мысль и бытие не могут вообще соприкоснуться друг с другом, ибо в таком случае их граница как раз и была бы тем, что одновременно и разделяет и связывает их между собой.

Ввиду отсутствия такой границы мысль не может ограничивать протяженную вещь, а вещь — идею, мысленное выражение. Они как бы свободно проникают, пронизывают друг друга, нигде не встречая границу. Мысль как таковая неспособна взаимодействовать с протяженной вещью, а вещь — с мыслью, каждая вращается «внутри себя».

Сразу возникает проблема: как же связаны между собой в человеческом индивидууме мысль и телесные отправления? Что они связаны, это просто очевидный факт. Человек может осмысленно управлять своим пространственно определенным телом среди других таких же тел, его духовные импульсы превращаются в пространственные движения, а движения тел, вызывая изменения в человеческом организме (ощущения), преобразуются в мысленные образы.

Значит, мысль и протяженное тело все-таки как-то взаимодействуют? Но как? В чем природа этого взаимодействия? Как они «определяют», т.е. «ограничивают», друг друга?

Но такого перехода, по Декарту, нет и быть не может. Ибо «логически» это значило бы как раз допустить и в мышлении, и в протяженных телах общий им тождественный признак, который мог бы служить «средним термином». Поэтому-то и остается загадкой, как же протяженная вещь может существовать и определяться через формы мышления и обратно, как может мысль, лишенная какого бы то ни было «пространственного» признака, вдруг выступать как пространственно определенное изменение, движение?

Спиноза преодолел эту трудность, определив мышление и протяженность не как две субстанции, а как два атрибута, выражающих одну и ту же субстанцию. Смысл этого схоластически звучащего определения был весьма глубоким. Если перевести это специфическое для философии эпохи Спинозы выражение на современный фи-

лософский язык, то оно означает следующее. Ни протяженность, ни мышление не есть самостоятельно существующие объекты. Они суть лишь «стороны», формы проявления, способы существования чего-то третьего. Что же такое это третье?

Реальная бесконечная природа, отвечал Спиноза. Вся трудность картезианской метафизики получается оттого, что специфическое отличие реального мира от воображаемого усматривается в «протяженности», в пространственно-геометрической определенности. Между тем протяженность как таковая как раз и существует лишь в воображении. Ведь как таковую ее можно мыслить только в виде абсолютной пустоты, т.е. чисто негативно, как отсутствие всякой определенной геометрической формы. То же рассуждение относится и к мышлению. Мышление как таковое было бы не в состоянии определять, «ограничивать» тела, но только потому, что оно вообще ничего не могло бы определять, в том числе и самое себя.

Иными словами, о мышлении вообще, о мышлении как таковом можно сказать очень немного, — то же самое, что и о протяженности вообще: это не самостоятельно существующая реальность, а форма существования чего-то другого. Реально существуют не мышление и не протяженность, а только природа, обладающая и тем и другой.

Этим простым оборотом мысли Спиноза и разрушает гордиев узел знаменитой психофизической проблемы, показывая, что ответа на эту проблему невозможно найти потому только, что сама проблема есть плод воображения.

Когда спрашивают, каким образом бестелесная, никак не причастная к пространству мысль превращается в пространственно выраженное изменение (движение человеческого тела) или, наоборот, каким образом движение человеческого тела, возбужденное другим телом, преобразуется в идеи, уже заранее исходят из абсолютно ложных предпосылок. При этом молчаливо предполагают, что реально существующая природа (в философии Спинозы она же «субстанция», «бог») есть нечто такое, что органически не способно к мышлению.

Но тем самым уже мыслят эту природу крайне несовершенным образом, заранее отрицая за ней одно из ее «совершенств».

Между тем в человеке, через него, природа как раз и совершает то самое действие, которое называют «мышлением». В человеке «мыслит» сама природа, а не особое, противостоящее ей существ-

во, неизвестно откуда и как вселяющееся в природу. В этом – вся суть Спинозизма.

Но если мышление есть действие, совершаемое природным, стало быть, пространственно организованным, телом, то оно само есть вполне пространственно выраженное действие этого тела.

Именно поэтому между «мышлением» и «телом» нет и не может быть причинного отношения, отношения причины и следствия. Не может его быть потому, что это не две разные, самостоятельно существующие вещи, а «одна и та же вещь», только «выраженная двумя способами» или рассматриваемая в двух разных аспектах. Между мыслящим телом и мышлением существует не отношение причины и следствия, а отношение органа к функции, к способу его действий.

Мыслящее тело не может вызывать изменений в мышлении просто потому, что самое его существование в качестве мыслящего, т.е. действующего, тела и есть непосредственно мышление.

Если мыслящее тело бездействует, то оно и не есть мыслящее тело, а просто тело. Если оно действует, то никак не на мышление, ибо самое его действие и есть мышление.

Мышление не может отделяться от мыслящего тела в качестве особой «субстанции», как желчь отделяется от печени или пот от потовых желез. Это не продукт действий, а самое действие, как, например, ходьба есть способ действия ног. Продуктом мышления может быть опять только пространственно выраженное изменение геометрической формы или положения тела по отношению к другим телам.

Поэтому изменения в способе действий мыслящего тела вполне адекватно выражаются в изменениях пространственно-геометрической организации, структуры, положения тела.

Нельзя говорить, что одно вызывает другое. Мышление не «вызывает» движения пространственной структуры, а существует через него, точно так же, как и всякое тончайшее изменение в структуре мыслящего тела адекватно выражается в виде изменения в мышлении.

С этим связан чрезвычайно важный момент в позиции Спинозы: в виде структурно-пространственных изменений внутри мыслящего тела выражается вовсе не мысль, вовсе не мышление, как и обратно – в изменениях мысли выражаются вовсе не имманентные шевеления мыслящего органа. Поэтому ни мышление нельзя понять че-

рез рассмотрение, пусть самое тщательное, тех сдвигов, которые возникают внутри мыслящего тела, ни, наоборот, эти последние – через исследование акта «чистой мысли».

Нельзя именно потому, что это – «одно и то же, только выраженное двумя способами», как постоянно повторяет Спиноза.

Пытаться объяснять одно через другое – значит попросту удваивать описание по-прежнему непонятного факта. Это все равно, как если бы мы, увидев едущую коляску, сказали: она едет потому, что у нее «колеса крутятся», или, наоборот, колеса крутятся потому, что «она едет». Одно объяснение стоило бы другого. Этот детский способ объяснения не вскрывает действительной причины движения коляски, того факта, что эту коляску тащит лошадь.

Гениальную простоту решения трудно переоценить. Такое решение с самого начала принципиально исключает любую попытку объяснить «природу мышления» с помощью идеалистических и дуалистических концепций. Это и есть та самая точка зрения «тождества мышления и бытия», которую иные мыслители по сей день стараются дискредитировать ярлыком «гегельянщины». На деле это просто позиция, которая только позволяет найти действительный выход из тупика как дуализма, так и специфической «гегельянщины». Не случайно, что эту глубокую идею спинозизма смогли по достоинству оценить только Маркс и Энгельс. Даже Гегелю она оказалась не по зубам. В данном вопросе он возвращается к представлению Декарта о том, что «чистая непротяженная мысль» есть активная причина изменений, возникающих в «теле мысли» – в мозгу и органах чувств человека, языке, поступках, продуктах труда и пр. Иными словами, единственной альтернативой к спинозистскому пониманию «тождества мышления и телесного бытия» оказывается представление, будто бы «мысль» может вообще как-то и где-то существовать без какого бы то ни было «тела мысли», а уже потом «выражать себя» в подходящем для этого теле, будь то мозг, язык и т.п.

Согласно точке зрения Спинозы, мышление не есть особая пространственная структура. Так же мало оно есть структура непротяженная. Это есть способ действий, способ функционирования пространственно организованной структуры. Просто? Просто. Но раз так, то глупо думать, что можно понять природу «мышления» через рассмотрение пространственной структуры «мыслящего тела».

Само собой понятно, что любой орган структурно приспособлен к выполнению определенной функции, более того, структурно орга-

низован в соответствии с этой функцией. И тем не менее способ действия органа, его функция определены не его имманентным строением, а природой того организма, органом которого он является.

Сколько бы мы ни копались в физиологическом строении или в физико-химической структуре печени, мы никогда не поймем ее роли в теле животного, если не узнаем «смысла» ее отправлений по отношению к телу в целом. Внутри печени мы этого «смысла» не обнаружим, ибо он заключен вовсе и не здесь, хотя и выражается в ней.

Пытаться понять природу мышления через структурный анализ мыслящего тела – значит совершать абсолютно бесплодный шаг. Это такая же нелепая затея, как и попытка умозаключать от отдельного, очищенного от всякого контекста термина к тем идеям, которые с его помощью выражены в тексте «Илиады» или даже в «Логической конструкции мира» Р. Карнапа.

Чтобы понять мышление, надо понять способ бытия мыслящего тела, а не строение этого тела в его бездействующем состоянии. В этом весь смысл позиции Спинозы.

Что значит понять способ бытия мыслящего тела? Это значит раскрыть способ его взаимодействия с другими телами, как мыслящими, так и немыслящими. Чтобы понять функцию печени или сердца, достаточно раскрыть их роль в системе органов тела человека или животного. Понять мышление как функцию мыслящего тела – значит выйти за пределы этого тела в пределы системы «мыслящее тело – природа». Внутри этой более широкой системы можно понять специфический способ его действий.

При этом имеется в виду природа в целом, а не та или иная сколь угодно широкая, но ограниченная ее сфера. Дело в том, что мыслящее тело вовсе не связано своей структурно-анатомической организацией с каким-либо «частным» способом действий и через него – с какой бы то ни было «частной» формой природных тел. Способ действий мыслящего тела имеет ясно выраженный универсальный характер, т.е. может изменяться применительно к любой из частных форм внешних тел.

Так, человеческая рука может совершать движение по контуру и круга, и прямоугольника, и треугольника, и любой сколь угодно замысловатой фигуры. Это значит, что в способе действий среди тел «собственная форма руки» никак не сказывается или, лучше сказать,

сказывается именно в том, что не заключает в себе раз и навсегда заданной схемы движения, и поэтому она пластично приспособливается к действию по любой схеме.

Это то свойство мыслящего тела, которое Аристотель метко назвал «формой форм», универсальной формой, приписав это свойство божественной природе «души» как частице божественного разума, как энтелехии.

Тело немыслящее, структурно обреченное на движение, например по кругу, будет выражать в действии эту свою «эгоцентрическую» природу в любом случае, даже тогда, когда такое движение среди других тел невозможно. В результате оно упрется в преодолимое сопротивление этих других тел, которое либо приостановит способ его действия, либо изменит его.

Иными словами, движение (действие) по форме другого тела немыслящее тело продельывает несвободно: не по внутренне заложенной в нем необходимости, а только по внешнему принуждению, «страдательно».

Тело мыслящее делает это свободно, двигаясь в согласии с совокупной необходимостью природы, активно и заранее с нею считаясь. Оно действует в согласии с формой внешнего тела, сознательно организуя способ своего действия среди других тел, не дожидаясь, когда непосредственное сопротивление действительности насильно заставит изменить схему действий.

Это значит, что мыслящее тело как бы держит перед своими глазами своеобразную географическую карту, изображающую совокупное расположение всех других тел, в том числе тех, с которыми оно еще непосредственно в пространственный контакт и не вошло. Универсальная пластичность и гибкость действий мыслящего тела – это вовсе не пассивная аморфность глины или воды. Как раз наоборот, это – проявление «свободного» формообразования, активного действия мыслящего тела в согласии с совокупной необходимостью.

На этой гениально простой идее держится вся конструкция учения Спинозы об «аффектах», вся его поразительно меткая критика теологического способа объяснения природы и – что в плане нашей темы особенно важно – его глубокая теория истины и заблуждения, тщательно развитая им и в «Этике», «Трактате об очищении интеллекта», «Богословско-политическом трактате» и многочисленных письмах.

Если способ действия мыслящего тела целиком определяется формой вещей, а не «имманентной структурой» этого тела, то возникает вопрос: как же быть с «заблуждением»? Вопрос этот становится тем острее, что в этике и теологии он выступал как проблема «греха» и «зла». Критика Спинозизма со стороны теологов неизменно направлялась на этот пункт: учение Спинозы обесмысливает-де самое различие «добра и зла», «греха и праведности», «истины и заблуждения». В самом деле, чем тогда они различаются?

Ответ Спинозы опять до удивления прост, как всякий принципиально верный ответ.

«Заблуждение» (а стало быть, и «зло», и «грех») не есть характеристика идеи и действия по их собственному составу, не есть их положительное свойство. Заблуждающийся человек тоже действует в строгом согласии с формой вещи, но вопрос в том, что это за вещь. Если она «ничтожна», «несовершенна» сама по себе, т.е. случайна, то способ действия, приспособленный к ней, также несовершенен. И если человек переносит этот способ действия на другую вещь, он и попадает впросак.

Заблуждение, следовательно, начинается только там, где ограниченно верному способу действий придается универсальное значение, там, где относительное принимают за абсолютное. На этом основании Спиноза очень невысоко расценивает действие по абстрактно-формальной аналогии, формальное умозаключение, опирающееся на абстрактную универсалию.

В абстрактной «идее» зафиксировано то, что чаще всего «лезло в глаза». Но ведь это могут быть совершенно случайные свойство и форма вещи.

Поэтому-то чем более узкой была та сфера природного целого, с которой имел дело человек, тем больше мера заблуждения, тем меньше мера истины. По той же причине «активность» мыслящего тела находится в прямой пропорции к адекватности его идей.

Чем «пассивнее» мыслящее тело, тем больше власть ближайших, чисто внешних обстоятельств над ним, тем больше его способ действия определяется случайными формами вещей. И наоборот, чем активнее мыслящее тело расширяет сферу природы, определяющую его действия, тем «адекватнее» его идеи.

Поэтому самодовольная пассивность обывателя и есть наихудший грех...

Идеальный случай, предел «совершенства» мыслящего тела – способ действия, который определяется всей совокупной необходимостью природного целого. Земному человеку до этого, само собой понятно, далеко. Однако «идея» субстанции с ее всеобъемлющей необходимостью выступает в качестве принципа постоянного совершенствования интеллекта. Как такой принцип совершенствования, идея субстанции имеет огромное значение. Каждая «конечная» вещь правильно понимается только в качестве «исчезающего момента» в лоне бесконечной субстанции, поэтому ни одной из «частных форм», сколь бы часто она ни встречалась, не следует придавать универсального значения. Для раскрытия подлинно общих, истинно универсальных форм вещей, в согласии с которыми должно действовать «совершенное» мыслящее тело, требуются иной критерий и иной способ познания, нежели формальная абстракция.

Идея субстанции образуется не путем отвлечения одинакового признака, который принадлежит и мышлению и протяженности. Абстрактно-общее между тем и другой – лишь то, что они «существуют», «существование вообще», т.е. абсолютно пустое определение, никак не раскрывающее природу ни того, ни другого.

Понять действительно «общее» (бесконечное, универсальное) отношение между мышлением и пространственно-геометрической реальностью, т.е. прийти к идее субстанции, можно только через действительное понимание *способа их взаимоотношения внутри природы*. Все учение Спинозы как раз и раскрывает это «бесконечное» отношение.

«Субстанция» оказывается абсолютно необходимым условием, без допущения коего принципиально невозможно понять способ взаимодействия между мыслящим телом и тем миром, внутри которого оно действует в качестве мыслящего тела. Это глубоко диалектический момент.

Поэтому-то, отправляясь от идеи субстанции, мыслящее тело только и может понять как самое себя, так и ту действительность, внутри которой и с которой оно действует, «о которой оно мыслит». Без этой идеи мыслящее тело не может понять ни себя, ни мира, ни своего способа отношения к нему и потому вынуждено прибегать к идее посторонней силы, к теологически толкуемому «богу», к чуду. А это свидетельствует лишь о том, что оно ничего вразумительного и рационального по сему поводу сказать не в состоянии, что оно не понимает самое себя, способа своих собственных действий с внешними телами, т.е. мышления.

Поняв способ своих собственных действий (т.е. мышление), мыслящее тело как раз и постигает «субстанцию» как абсолютно необходимое условие своего собственного взаимодействия с внешним миром.

Это и есть тот способ познания, который у Спинозы называется «интуитивным». Создавая «адекватную идею» о самом себе, т.е. о форме своего собственного движения по контурам внешних предметов, мыслящее тело создает тем самым и адекватную идею о формах, контурах этих предметов. Ибо это *одна и та же* форма, один и тот же контур. Создавая адекватную идею о способе своего собственного взаимодействия с внешним миром вообще, оно создает и адекватную идею о внешнем мире вообще. В этом понимании интуиции нет абсолютно ничего похожего на субъективную интроспекцию. Как раз наоборот. В устах Спинозы это просто синоним рационального понимания мыслящим телом общей закономерности своего собственного «поведения» внутри природного целого, понимание им способа своих действий внутри природы, ее тел. Отдавая себе рациональный отчет в том, что и как оно на самом деле делает, мыслящее тело образует одновременно и истинную идею о предмете своей деятельности.

Мы не будем здесь останавливаться на исторически обусловленных, а потому неизбежных слабостях позиции Спинозы. В общем и целом они те же самые, что и слабости всего домарксовского материализма, включая материализм Фейербаха. Это прежде всего непонимание роли активно-практической деятельности как деятельности, изменяющей Природу. Спиноза имеет в виду только движение мыслящего тела по готовым «контурам» природных тел. Этим упускается из виду тот момент, который против Спинозы (а тем самым и вообще против всей им представляемой формы материализма) выставил Фихте, тот факт, что человек (мыслящее тело) движется не по готовым, извне, природой заданным формам и контурам, а активно творит новые формы, самой природе не свойственные, и движется вдоль них, преодолевая «сопротивление» внешнего мира, готовых, заданных форм, отрицая их.

Значения этого момента мы коснемся ниже, в связи с критикой Марксом философии Фейербаха, мыслителя очень к Спинозе близкого. У Фейербаха и сила, и слабости спинозизма выступают гораздо отчетливее, чем у Спинозы.

2. Идеалистическое и материалистическое понимание тождества мышления и бытия.

Взгляды Фейербаха

Как и Спиноза, Фейербах борется против дуалистического противопоставления мышления бытию в качестве исходного принципа философии. Поэтому в ходе его рассуждений, естественно, воспроизводятся решающие аргументы Спинозы против картезианского дуализма. Правда, это направление полемики приходится выделять путем анализа, так как Фейербаху все время приходится иметь в виду не только дуализм в той чистой форме, в какой он представлен Кантом, но и философию Фихте, Шеллинга и Гегеля, т.е. систематически проведенную попытку преодолеть этот дуализм «справа», в форме идеалистического монизма. Однако Фейербах старается показать, что такое преодоление дуализма неизбежно остается фиктивным, формальным, словесным, что идеализм вообще не покушается и не может покушаться на фундаментальные предпосылки кантовской системы; в Шеллинге и Гегеле он поэтому усматривает прежде всего непреодоленного Канта.

«Философия Гегеля есть устранение противоречия между мышлением и бытием, как оно было высказано в особенности *Кантом*, но – заметьте себе! – это только устранение данного противоречия в пределах самого противоречия, в пределах одного элемента, в пределах мышления»⁴.

Так называемая философия абсолютного тождества есть на самом деле философия тождества мышления самому себе; между этим мышлением и бытием вне мышления по-прежнему зияет ничем не заполненная пропасть. Видимость решения проблемы достигается здесь только тем путем, что вместо действительного бытия повсюду подставляется *мыслимое* бытие, т.е. бытие в том виде, в каком оно уже выражено в мышлении. Поэтому под грандиозно глубокомысленной конструкцией гегелевской философии скрывается на самом деле пустая тавтология: мы мыслим окружающий мир так и таким, как и каким мы его мыслим.

Так что на деле никакого, а не только «абсолютного» тождества мышления и бытия шеллинговско-гегелевская философия не уста-

⁴ Фейербах Л. Избр. философ. произв.: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1955. Т. I. С. 127.

новила, ибо «бытие как таковое», свободное, самостоятельное, самодовлеющее бытие, вне мышления и независимо от мышления существующее, здесь попросту не принимается в расчет и остается чем-то всецело потусторонним и неопределенным.

Фундаментальный принцип кантовского дуализма и здесь остается нетронутым. Мыслящий дух с самого начала рассматривается как нечто абсолютно противоположное всему чувственному, телесному, материальному, как особое имматериальное существо, само в себе организованное и оформленное по имманентно-логическим законам и схемам, как нечто самостоятельное и самодовлеющее. Гегелевская «Логика» и изображает мышление как деятельность такого сверх- и внеприродного субъекта, который извне вынужден вступать затем в особые отношения «опосредствования» с природой и человеком, чтобы формировать их по своему образу и подобию.

Вместе с тем такое представление о мыслящем духе с необходимостью предполагает, что природа и человек в качестве «противоположности» этого духа, в качестве объекта и материала этой формирующей его деятельности изображаются как нечто само по себе бесформенное, пассивное, глинообразное. Лишь в результате формирующей деятельности мыслящего духа природа и человек становятся тем, что они есть, приобретают известные всем конкретные формы.

В виде продукта деятельности мыслящего духа здесь изображается не что иное, как эмпирически очевидное положение дел в реальном мире, а вся сложная «магия опосредствования» служит лишь тому, чтобы вновь, под видом «дара божьего», возратить природе и человеку те самые определения, которые предварительно у них же и были отобраны актом абстракции.

Без такого предварительного «ограбления» природы и человека спиритуалистическая философия не могла бы приписать мыслящему духу ни одного самого тощенького определения.

Фейербах видит в таком толковании вопроса об отношении мышления и бытия прежде всего схоластически переодетую, «рационализированную» теологию. Абсолютный мыслящий дух спиритуализма, как и библейский бог, есть фантастическое существо, сконструированное из определений, отчужденных актом абстракции от человека. Мышление, о котором идет речь в гегелевской «Логике», на самом деле есть человеческое мышление, но абстрагированное от человека и ему же противопоставленное в качестве деятельности особого, вне человека находящегося существа.

Исходя из такого, в общем и целом совершенно правильного, понимания коренных пороков гегелевского идеализма (а тем самым и идеализма вообще, поскольку гегелевская система – самое последовательное выражение идеалистической точки зрения), Фейербах переосмысливает и самую постановку вопроса об отношении мышления к бытию.

Неверна, показывает Фейербах, уже сама традиционная постановка этого вопроса. Невозможно спрашивать о том, как относится «мышление вообще» к «бытию вообще», ибо здесь уже предполагается, что мышление рассматривается в его отчужденной от человека форме как нечто самостоятельное, извне противостоящее бытию. Но ведь бытие, понимаемое не по-гегелевски, т.е. не как абстрактно-логическая категория, не как бытие в мышлении, а как реальный, чувственно-предметный мир природы и человека, уже включает в себя и мышление. Бытию принадлежат не только камни, деревья и звезды, но и мыслящее тело человека.

Таким образом, представлять себе бытие как нечто, лишенное мышления, – значит представлять его себе неверно, заранее исключать из него человека, способного мыслить. Это значит лишать бытие одного из важнейших его «предикатов», мыслить его себе «несовершенным образом».

Это рассуждение слово в слово повторяет ход мысли Спинозы, представляет собой его развернутую расшифровку, его перевод на язык более современной философской терминологии.

Весь вопрос, стало быть, сводится к тому, чтобы решить, можно ли вообще отделять мышление от человека как материального, чувственно-предметного существа, чтобы фиксировать и рассматривать его с самого начала как нечто самостоятельное, в противоположность всему телесному, чувственному, материальному, или же мышление следует понимать как неотделимое от человека свойство («предикат»).

Решающий аргумент в пользу материализма Фейербах усматривает в доводах естествознания, медицины и физиологии, в «медицинском аспекте человека». Материализм, опирающийся на медицину, и выступает «архимедовой точкой опоры в споре между материализмом и спиритуализмом, ибо в последнем счете здесь решается вопрос не о делимости или неделимости материи, а о делимости или неделимости человека, не о бытии или небытии бога, а о бытии или небытии человека, не о вечности или временности материи, а о веч-

ности или временности человека, не о материи, рассеянной вне человека на небе и на земле, а о материи, сосредоточенной в человеческом черепе. Короче говоря: в этом споре, если только он не ведется безмозгло, речь идет только о голове человека. Он один составляет как источник, так и конечную цель этого спора»⁵.

Фейербах считает, что только этим путем основной вопрос философии ставится на твердую почву фактов, и здесь, естественно, решается в пользу материализма.

Мышление есть деятельная функция живого мозга, от материи мозга не отделимая. И если в виду имеется материя мозга, то вообще нелепо спрашивать, как мышление «связано» с ней, как одно соединяется и «опосредствуется» с другим, ибо тут попросту нет «одного» и «другого», а есть одно и то же: реальное бытие живого мозга и есть мышление, а реальное мышление есть бытие живого мозга.

Этот факт, выраженный в философских категориях, раскрывается как «*непосредственное* единство души и тела, которое не допускает никакого промежуточного звена между материальной и имматериальной сущностью, никакого различия или противопоставления их, то есть тот пункт, где материя мыслит и тело есть дух и где, наоборот, дух есть тело, а мышление есть материя...»⁶.

Так понимаемое «тождество» мышления и бытия и должно составить, по Фейербаху, «аксиому истинной философии», т.е. факт, не требующий схоластических доказательств и «опосредствований».

Фейербах упрекает Шеллинга и Гегеля вовсе не за то, что они вообще признают единство мышления и бытия в мыслящем человеке, а за то, что они стараются изобразить этот факт, это непосредственное единство как результат «магии опосредствования противоположностей», как итоговое «единство противоположностей», как продукт соединения бесплотного мыслящего духа с бессмысленной и немыслящей плотью.

Он упрекает их, таким образом, за то, что они стараются склеить изображение реального факта из двух одинаково ложных абстракций, идут от иллюзий к факту, от абстракций к действительности.

Материалист же, повторяет Фейербах, должен идти как раз обратным путем, сделав своей исходной точкой непосредственно данный факт, чтобы из него объяснить возникновение тех лож-

⁵ Там же. С. 517.

⁶ Там же. С. 546.

ных абстракций, которые идеалисты некритически принимают за факты.

Шеллинг и Гегель исходят из тезиса об изначальной противоположности бесплотной мысли и бессмысленной плоти, чтобы в итоге прийти к «единству противоположностей». Это и есть ложный путь спиритуализма.

Материалист же должен идти от фактического, непосредственного единства (нераздельности) человеческого индивида, чтобы понять и показать, как и почему в голове этого индивида возникает иллюзия о мнимой противоположности мышления и телесного бытия.

Иллюзия о противоположности мыслящего духа и плоти вообще – это чисто субъективный факт, т.е. факт, существующий только в голове человеческого индивида, факт чисто психологический. Возникает эта иллюзия по совершенно естественной причине, а именно потому, что мыслящий мозг – такой же материальный, чувственный орган, как и любой другой орган человека.

Тут то же самое положение, что и с глазом – органом зрения. Если я с помощью глаза вижу звезды, то, само собой понятно, не могу одновременно видеть сам этот глаз; и наоборот, если я захочу рассмотреть глаз, хотя бы в зеркале, я вынужден буду отвести свой взор от звезд. Зрение вообще было бы невозможно, если бы вместе с объектом мне были бы видны все подробности устройства самого глаза, все те внутренние материальные условия, посредством которых осуществляется это зрение. Подобным же образом и «мозг не мог бы мыслить, если бы при процессе мышления объектами его сознания стали основания и условия мышления» – те самые материальные структуры и процессы, посредством которых это мышление осуществляется в теле мозга. Как таковые они становятся объектами только для физиологии и анатомии. Мозг как орган мышления структурно и функционально приспособлен как раз к тому, чтобы осуществлять деятельность, направленную на внешние объекты, чтобы «мыслить» не о себе, а о «другом», о предметном. И совершенно естественно, что «в пылу своей деятельности, направленной на свой предмет, орган теряет себя, забывает о себе, отрицает себя»⁷. Отсюда и возникает известная психологическая иллюзия о полной независимости мышления от всего телесного, материального, чувственного, в том числе и от мозга. Я могу мыслить о вещах вне

⁷ Там же. С. 516.

меня, абсолютно ничего не зная, что при этом происходит в моей голове.

Но само собой понятно, что эта иллюзия – вовсе не довод в пользу идеализма. Само по себе, независимо от неизбежных иллюзий, мышление всегда остается «материальной деятельностью» материального органа, «материальным процессом».

«...Что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то само по себе, или объективно, есть материальный, чувственный акт».

«В мозговом акте, как высочайшем акте, деятельность произвольная, субъективная, духовная и деятельность непроизвольная, объективная, материальная тождественны, неразличимы»⁸.

Таким образом, логика борьбы против дуализма и спиритуализма прямо заставляет Фейербаха высказать по существу диалектическое положение, признать, что живой мыслящий мозг – это такой факт, в котором оказываются непосредственно тождественными такие противоположности, как мышление и чувственно-предметное бытие, мыслящее и мыслимое, идеальное и реальное, духовное и материальное, субъективное и объективное. Мыслящий мозг – такой своеобразный предмет, который в философских категориях может быть правильно выражен только через непосредственное отождествление взаимоисключающих определений, через тезис, заключающий в своем составе непосредственное единство, т.е. тождество противоположных категорий.

Правда, не справившись с диалектикой в ее общей форме, Фейербах часто колеблется, то и дело допуская такие определения, которые ему тут же приходится исправлять, дополнять и оговаривать, и в итоге его изложение сильно уступает в этом пункте железной логике Спинозы, становится несколько туманным и двусмысленным. Суть, однако, остается той же.

Именно потому, что мышление есть материальный процесс, материальная деятельность материального органа, направленная на материальные же объекты, продукты этой деятельности («мысли») можно соотносить, сравнивать и сопоставлять с вещами в себе, с вещами вне мышления, как однородные вещи, что и делает каждый человек на каждом шагу без помощи опосредствующей деятельности бога или абсолютного духа. Понятия и образы существу-

⁸ Там же. С. 214.

ют в *том же самом* пространстве и в *том же самом* времени, что и реальные вещи. И мыслит и чувственно воспринимает окружающий мир один и тот же субъект, а именно человеческий индивид, тот же самый индивид, который внутри этого мира реально живет, существует в качестве чувственно-предметного существа. Единству (нераздельности) этого субъекта соответствует и единство (нераздельность) объекта, окружающего чувственно-предметного мира. Как мыслящий и чувственно созерцающий человек – это *один и тот же* человек, а не два разных существа, координирующих свои взаимоотношения с помощью бога или абсолютного духа, так и «мыслимый», с одной стороны, и «чувственно созерцаемый» мир, с другой, – это опять-таки *один и тот же* (а именно реальный) мир, а не два разных мира, между которыми приходилось бы искать особого перехода, моста, опосредствования через божественное начало.

Именно поэтому определения мира в мышлении (логические определения) суть прямо и непосредственно определения чувственно созерцаемого мира. Поэтому нелепо задавать вопрос, в каком особом отношении система логических определений находится к чувственно данному миру, к миру в созерцании и представлении. Эта логическая система и есть не что иное, как выражение определенности чувственно созерцаемого мира. Поэтому и вопрос об отношении «логики» к «метафизике» есть тоже мнимый, фиктивный вопрос. Нет такого отношения, ибо логика и метафизика суть непосредственно и прямо *одно и то же*. Универсальные определения мира в мышлении (логические определения, категории) суть не что иное, как выражение абстрактно-универсальной определенности вещей, данных в созерцании. И это именно потому, что и мышление и созерцание имеют дело с одним и тем же реальным миром.

И если под логикой разумеать не свод правил выражения мышления в речи, а науку о закономерностях развития действительного мышления, то под «логическими формами» как раз и следует понимать не абстрактные формы предложений и высказываний, а абстрактно-универсальные формы действительного содержания мышления, то есть чувственно данного человеку реального мира.

«Так называемые *логические* формы суждения и заключения не являются поэтому *активными* мыслительными формами, или, *ut ita dicam*, *причинными* условиями разума. Они *предполагают* метафизические понятия всеобщности, особенности, частности, целого и части, в качестве *Regula de omni*, предполагают понятия необхо-

димости, основания и следствия; они мыслимы только посредством этих понятий. Следовательно, они являются производными, выведенными, а не первоначальными мыслительными формами. Только метафизические отношения суть логические отношения, только метафизика как наука о категориях является истинной, эзотерической логикой. Такова глубокая мысль Гегеля. Так называемые логические формы суть только *абстрактные элементарнейшие формы речи*; но речь это не мышление, иначе величайшие болтуны должны были бы быть величайшими мыслителями»⁹.

Таким образом, Фейербах полностью соглашается с Гегелем в том, что логические формы и закономерности абсолютно тождественны «метафизическим», что это – *одно и то же*, хотя и понимает причину и основу этого обстоятельства совсем иначе, нежели идеалист Гегель.

Здесь мы имеем дело с остро выраженной материалистической интерпретацией принципа тождества законов и форм мышления и бытия. С материалистической точки зрения, этот принцип гласит, что логические формы и закономерности суть не что иное, как осознанные универсальные формы и закономерности «бытия», реально-го, чувственно данного человеку мира.

Вот за это-то неокантианцы типа Бернштейна и называли последовательный материализм «спиритуализмом наизнанку».

Вместе с тем эта фейербаховская трактовка тождества мышления и бытия остается верной и бесспорной для любого материалиста, в том числе и для марксиста.

Конечно, все это остается верным только в самой общей форме, до тех пор пока речь идет о фундаменте логики и теории познания, а не о деталях самого здания, на этом фундаменте воздвигнутого.

Поскольку же у Фейербаха далее начинается специфически антропологическая конкретизация этих общематериалистических истин, в его изложении появляются рассуждения, явно слабые не только по сравнению с марксистско-ленинским решением вопроса, но даже и по сравнению со Спинозовской концепцией.

Это как раз те рассуждения, которые впоследствии дали повод вульгарным материалистам, позитивистам и даже неокантианцам усмотреть в Фейербахе своего предшественника и – пусть не до конца последовательного – единомышленника. Несколько более по-

⁹ Фейербах Л. Соч.: в 3 т. М.; Пг.: Госиздат, 1923. Т. I. С. 13. Прим.

дробный анализ своеобразия феербаховского толкования тождества мышления и бытия небезынтересен по двум причинам.

Во-первых, потому что это – материализм. Во-вторых, потому что это – материализм без диалектики.

Материализм состоит в данном случае в категорическом признании того факта, что *мышление* есть способ деятельного существования материального тела, деятельность мыслящего тела в реальном пространстве и времени, внутри реального, материального (чувственно воспринимаемого) мира. Материализм выступает в признании того факта, что «умопостигаемый» и «чувственно воспринимаемый» мир – это *один и тот же* мир, а не два разных мира, между которыми приходилось бы искать «мост», переход, взаимодействие. Наконец, материализм Фейербаха выражается в том, что субъектом мышления признается тот же самый человек, который живет в реальном мире, а не особое, вне мира витающее существо, созерцающее и осмысливающее этот мир «со стороны».

Все это – аксиоматические положения материализма вообще, следовательно, и диалектического материализма. В чем же слабости позиции Фейербаха? «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и феербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно... Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самое человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность»¹⁰.

Это и приводит к тому, что человек (субъект познания) рассматривается как *пассивная* сторона отношения «объект – субъект», как «определяемый» член этого взаимоотношения.

Слабость эта выражается далее в том, что под «человеком» тут имеется в виду *отдельный*, вырванный из сплетения общественных отношений человеческий индивид. Поэтому отношение «человек – окружающий мир» толкуется как отношение «индивид – все остальное», все то, что находится вне индивидуального мозга и существует независимо от него. В этом-то и камень преткновения позиции Фейербаха. Вне индивида и независимо от его воли и сознания существует не только *природа*, но и общественно-историческая среда,

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1.

мир вещей, созданных трудом человека, и система отношений человека к человеку, складывающихся в процессе труда. Иными словами, вне индивида лежит не только природа сама по себе («в себе»), но и *очеловеченная*, переделанная трудом человека природа. С точки зрения индивида, «природа» и «очеловеченная природа» сливаются непосредственно в «окружающий мир».

К этому прибавляется еще и следующее обстоятельство: природа «сама по себе» вообще дана индивиду лишь постольку, поскольку она уже превращена в предмет, материал, средство производства материальной жизни. Даже звездное небо, в котором труд человека непосредственно ничего не изменяет, становится предметом его внимания (и созерцания) лишь там и тогда, где и когда оно превращается в естественные «часы», «календарь» и «компас», т.е. в средство и «инструмент» ориентации во времени и пространстве.

Для Фейербаха же «окружающий мир», данный в созерцании, как объект созерцания индивида, берется как *исходный пункт*. Предпосылки же этого факта Фейербах не исследует.

К. Маркс установил, что в «предмет созерцания» вообще превращается только то, что уже ранее превратилось в предмет *деятельности*, только то, что уже вовлечено в процесс жизнедеятельности общественного человека, процесс общественного труда, погружено в реторту производства. Поскольку «деятельность», о которой здесь идет речь, есть деятельность *общественного человека*, а не индивида, постольку для индивида все продукты этой деятельности выступают такими же «объектами», как звезды, камни, деревья и горы.

Иными словами, в «созерцании индивида» нет никакого различия между теми формами природного материала, которые ему свойственны «от природы», и теми его формами, которые наложены на него, как печати, деятельностью человека. И те и другие сливаются в понятие «окружающий (индивида) мир».

Поэтому, когда перед Фейербахом встает вопрос, где и как «человек» («мыслящее тело») находится в непосредственном единстве (контакте) с окружающим миром, он отвечает: в *созерцании*. В созерцании *индивида*, поскольку под «человеком» тут понимается именно индивид.

Тут-то и корень всех слабостей. Ибо в «созерцании» этому индивиду дан всегда *продукт деятельности всех других индивидов*, взаимодействующих между собой в процессе производства материаль-

ной жизни. Иными словами, в созерцании ему даны лишь те свойства и формы природы, которые уже ранее превращены в свойства и формы *деятельности* человека, ее предмета и продукта.

«Природа как таковая», которую Фейербах хочет «созерцать», на самом-то деле лежит как раз вне поля его зрения. Ибо эта «предшествующая человеческой истории природа – не та природа, в которой живет Фейербах, не та природа, которая, кроме разве отдельных австралийских коралловых островов новейшего происхождения, ныне нигде более не существует, а следовательно, не существует также и для Фейербаха»¹¹.

Отвлекается Фейербах и от реальных сложностей социальных отношений между теорией и практикой, от разделения труда, которое «отчуждает» мышление (в виде науки) от большинства индивидов и превращает его в силу, независимую от них и вне их существующую.

В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс и устанавливает, что в непосредственном созерцании индивид имеет дело не прямо с природой, а с очеловеченной природой, т.е. с природой, как она существует в деятельности и через деятельность человека. А до природы «самой по себе» надо еще добраться. В созерцании она не дана.

Значит, не в созерцании, а в предметно-практической деятельности человек находится в непосредственном контакте с природой, в непосредственном «единстве» или «тождестве» с нею. В созерцании индивид находится с нею в *опосредствованном* единстве, и опосредствующим звеном выступает *практика*.

В трактовке этого вопроса и заключается вся разница между фейербаховским пониманием «непосредственного единства субъекта и объекта» и пониманием его К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Фейербах видит это «непосредственное единство» (тождество) субъекта и объекта, мышления и бытия, понятия и предмета – в *созерцании*.

К Маркс и Ф. Энгельс видят это «непосредственное единство» (т.е. тождество) субъекта и объекта, мышления и бытия, понятия и предмета – в *практике*, в *предметно-практической деятельности*.

Разница состоит именно в этом и только в этом, но вовсе не в том, что в одном случае такое «тождество» признается, а в другом отрицается.

¹¹ Там же. С. 44.

А отсюда и два принципиально расходящихся пути решения проблемы, два пути исследования.

Поскольку Фейербах видит непосредственный контакт человека с природой в акте созерцания, постольку окончательного решения вопроса он, естественно, ждет от науки, исследующей механизмы, обеспечивающие акт созерцания, — от физиологии органов чувств и мышления. Анатомия и физиология мозга индивида, раскрывающие «материальные» условия акта созерцания, — вот где находится, по Фейербаху, ключ к решению кардинальной проблемы философии.

А это и есть путь, ведущий в тупик, в частности в тупик вульгарного материализма и позитивизма. Ибо на частную науку — анатомию и физиологию органов восприятия и мышления — взваливается непосильная для нее задача, так как «материальные условия» акта созерцания и мышления находятся вовсе не только и даже не столько под черепной крышкой индивида, а прежде всего вне ее.

Это как раз тот самый слабый пункт позиции Фейербаха, который дал повод и возможность вульгарным материалистам типа Бюхнера и Молешотта (а также некоторым неокантианцам) считать Фейербаха своим предшественником и «не до конца последовательным» единомышленником.

Этот слабый пункт — антропологическая интерпретация «тождества мышления и бытия», мышления и материи мозга индивида; тезис, согласно которому мышление есть материальный процесс, протекающий в коре головного мозга, т.е. анатомо-физиологическая реальность.

Сам по себе взятый, вне контекста философской теории этот тезис не включает в себе ничего ошибочного. С «медицинской точки зрения» он абсолютно справедлив: под черепной крышкой индивида действительно нет ничего, кроме совокупности нервно-физиологических структур и процессов. И пока человеческое мышление рассматривается с медицинской точки зрения, этот тезис отрицать нельзя, не переставая быть материалистом.

Но как только это антропологически-медицинское толкование «тождества мышления и материи» принимают за философское понимание и решение проблемы «тождества мышления и бытия», так материализм сразу же кончается.

И коварство такого оборота мысли заключается в том, что эта точка зрения продолжает казаться «материалистической». В самом деле, мышление человека — в отличие от гегелевских фантазий

о нем – есть вполне материальный процесс, протекающий в коре головного мозга; под черепом нет ничего, кроме совокупности вполне материальных явлений; как таковые эти явления вполне познаваемы; все познанное можно практически воспроизвести в виде материальной «модели». Такая материальная модель мозга способна совершать все акты мышления, наглядно представить нам полное, безоговорочное и абсолютное «тождество мышления и материи», т.е. практически решить задачу, которую разные философы-идеалисты раньше старались решить «спекулятивно». Чем это не материализм? В наши дни так же рассуждают некоторые поклонники кибернетики.

На материализм это, на первый взгляд, внешне похоже. И на подлинную позицию Фейербаха – тоже. На самом же деле, похоже лишь на *слабые стороны* его философской системы.

Однако эти и подобные рассуждения Фейербаха – лишь «кусочек» его действительной концепции «тождества мышления и бытия», как и вся философия Фейербаха – лишь «кусочек» материалистического толкования «тождества» мышления и предметности.

Настоящий Фейербах был умнее, чем некоторые его наследники, идущие от него «вперед» по пути вульгарного материализма.

Согласно Фейербаху, мыслят не «Я» и не «Разум». Это – его антитеза спиритуализму и субъективному идеализму. Но Фейербах прекрасно понимал, что истина и не в вульгарно-материалистическом понимании мышления. И положения, составляющие эту антитезу, в его концепции не менее важны.

Мыслят не «Я» и не «Разум». Но мыслит также и не «мозг», а лишь *человек с помощью мозга*. Мозг как таковой, как орган, вырезанный из человека (безразлично ножом хирурга или ножом абстракции), не мыслит и не может мыслить. Он «мыслит» только в непосредственном единстве со всем остальным телом человека: с органами чувств, «сердцем», легкими и руками.

Но и этого мало. Мыслит не мозг сам по себе, но также и не человек «сам по себе». Человек, изъятый из окружающего мира и помещенный в безвоздушное пространство абстракции, может мыслить так же мало, как и мозг, вырезанный из тела человека и помещенный в раствор формалина.

Иными словами, Фейербах прекрасно понимал, что «субъектом мышления» является не «мозг» как таковой и не «человек» как таковой, а лишь человек *в непосредственном единстве и контакте со всем остальным окружающим его миром*.

И если, таким образом, речь заходит о той системе материальных явлений, внутри которой только и осуществляется мышление, то эта система, по Фейербаху, включает в себя и человека *и его предмет*, т.е. природу (а непосредственно – ту часть природы, в которой он живет).

Вот поэтому-то Фейербах – материалист, *а не вульгарный материалист*. Поэтому-то от него, от его теории познания есть выход к Марксу. От вульгарной же интерпретации Фейербаха этого выхода уже нет.

3. Переход к марксистскому решению вопроса о тождестве мышления и бытия

Путь, на котором произошел переход от Фейербаха к Марксу, выглядел как прямое продолжение рассуждений Фейербаха. И если выразить это «продолжение» в терминах фейербаховской философии, то оно выглядит примерно так.

Мыслят не «Я», не «Разум». Но мыслит также и не «мозг». Мыслит человек с помощью мозга, при этом в единстве с природой и контакте с нею. Изъятый из этого единства, он уже не мыслит. Здесь Фейербах и останавливается.

Но мыслит также и не человек в непосредственном единстве с природой, продолжает К. Маркс. И этого мало. Мыслит лишь человек, находящийся в единстве с *обществом*, с общественно производящим свою материальную и духовную жизнь общественно-историческим коллективом. В этом принципиальное отличие Маркса от Фейербаха.

Человек, изъятый из *сплетения общественных отношений*, внутри и посредством которых он осуществляет свой *человеческий* контакт с природой (т.е. находится в *человеческом* единстве с нею), мыслит так же мало, как и «мозг», изъятый из тела человека.

Маркс, развивая сильные стороны концепции Фейербаха, ее действительно материалистические моменты, устранил все те слабости, которые вели к вульгарно-материалистическому взгляду на мышление. И прежде всего – тезис, согласно которому *созерцание* есть непосредственный контакт мыслящего человека с природой, с «вещью в себе».

Между «человеком вообще» (как созерцающим и мыслящим) и природой самой по себе, «природой вообще», есть еще одно важ-

ное упущенное Фейербахом «опосредствующее звено». Это опосредствующее звено, через которое природа превращается в мысль, а мысль – в тело природы, есть *практика, труд, производство*.

Именно производство (в самом широком смысле этого слова) превращает предмет природы в предмет созерцания и мышления.

«Даже предметы простейшей “чувственной достоверности” даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям»¹².

Поэтому-то, говорит Маркс, Фейербах и остается на точке зрения «созерцания» природы; то, что он принимает за природу самое по себе, есть в действительности природа, вовлеченная в процесс исторического развития человека. Иными словами, «Фейербах никогда не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой, чувственной *деятельности* составляющих его индивидов»¹³, не видит, что предмет его «созерцания» есть продукт совокупного человеческого труда.

И чтобы выделить образ «природы самой по себе», надо затратить несколько больше труда и усилий, чем простые усилия «незаинтересованного», эстетически развитого *созерцания*.

В непосредственном же созерцании, составляющем исходный пункт материализма Фейербаха (и всего предшествующего материализма), объективные черты «природы в себе» переплетены с теми чертами и формами, которые на природу наложены преобразующей деятельностью человека. И более того, все чисто объективные характеристики (формы и законы) природного материала даны созерцанию сквозь тот образ, который природный материал приобрел в ходе и в результате *субъективной* деятельности общественного человека.

Созерцание *непосредственно* имеет дело не с «объектом», а с предметной деятельностью человека, преобразующей этот объект, и с результатами этой субъективной (практической) деятельности.

Поэтому-то чисто объективная картина природы как таковой человеку раскрывается не в *созерцании*, а только через *деятельность* и в *деятельности* общественно производящего свою жизнь человека, общества. Поэтому мышление, задавшееся целью нарисовать образ природы самой по себе, т.е. вскрыть чисто объективные формы и законы природы, должно этот факт полностью учитывать.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Там же. С. 44.

Ибо та же самая *деятельность*, которая преобразует (изменяет, «искажает») «подлинный образ природы», только и может показать, каков этот образ до и без «субъективных искажений». Следовательно, *практика* и только *практика* – и ни в коем случае не «пассивное теоретическое созерцание» – способна разрешить вопрос, какие черты предмета, данного в созерцании, принадлежат самому предмету природы, а какие привнесены преобразующей деятельностью человека, т.е. «субъектом».

Поэтому «вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления», – записал К. Маркс во втором тезисе о Фейербахе. – «Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»¹⁴.

Здесь и заключается решение тех трудностей, на которые было указано в начале статьи, тех самых трудностей, из которых выросли, как результат неспособности их решить, и кантианские, и гегелевские, и неогегельянские концепции.

Как можно вообще сопоставить, сравнить представление с вещью, понятие с предметом?

В каком особом «пространстве» их можно «отождествить», чтобы вообще иметь право рассматривать как «однородные», сравнимые, сопоставимые вещи?

Кант отвечал: в пространстве *представления*. Надо превратить вещь в *представление*. Тогда ее можно сравнивать с другим *представлением*. И не раньше, не иначе. А «вещь в себе» (т.е. вещь вне представления) сравнивать и сопоставлять с «вещью в представлении» нельзя, невозможно – это все равно, что сравнивать пуды с аршинами. Нельзя сравнивать «вещь в представлении» («вещь для нас», «вещь в явлении») с вещью, которой в представлении нет, с вещью вне сознания, т.е. с не осознаваемой вещью.

Фихте отвечал: вообще представление о «вещи в себе», о «вещи вне сознания» – фикция. Мы сравниваем всегда один продукт нашего сознания с другим продуктом нашего же сознания – и ничего больше. На этой точке зрения застрял и поныне весь неопозитивизм, включая и Рассела, и Карнапа, и Витгенштейна.

¹⁴ Там же. С. 1–2.

Гегель отвечал: «вещь для нас» можно сравнивать и сопоставлять с «вещью в себе», с вещью вне индивидуального сознания. И именно потому что любая «вещь в себе», про которую мы думаем, что она нечто чуждое нашему мышлению, есть на самом деле продукт того же самого мышления, которое действует и внутри нас. «Вещь для нас» и «вещь в себе» – это лишь два продукта одного и того же рода, две ипостаси одной и той же субстанции-субъекта, абсолютного мышления, идеи.

Поэтому, сравнивая *понятие* (находящееся в нашей голове) с *предметом* (вне головы), мы в действительности сравниваем *понятие с понятием*: понятие, как оно существует под нашим черепом (в виде зрительно или словесно зафиксированного образа вещи), с понятием, как оно осуществлено вне нашего черепа (в виде пространственной формы вещи). Иными словами, мы сравниваем при этом лишь две формы проявления одного и того же понятия, сопоставляем понятие с самим собой, производим сравнение внутри понятия – субстанции-субъекта и вещи и представления. Логическая категория (чистая форма понятия) Гегелем и определяется в этой связи как «суть вещи и речи»ⁱⁱ.

Фейербах, который вслед за Спинозой пытается дать отпор всем этим попыткам разрешить трудность за счет самостоятельного бытия вещей вне представления, за счет превращения «мышления» в самостоятельную субстанцию, развивает следующий тезис.

Сравнивая представление с вещью, мы сравниваем однородные предметы, ибо представление – тоже вещь, только находящаяся в толще коры нашего мозга как состояние этого мозга, вполне материального, телесно-природного органа. Человек с его мозгом и со всеми состояниями этого мозга (т.е. представлениями) есть частичка, «модус» той же самой природы, что и вещи вне человека. Поэтому субстанцией является природа, а субстанцией-субъектом – реальный живой человек. Непосредственно это сравнение «представления» с «вещью» происходит в акте созерцания. Созерцание и есть акт отождествления образа представления с вещью. Таким образом, сопоставление представления с вещью происходит в пространстве созерцания. И в этом нет ничего дурного, ибо «пространство созерцания» есть не что иное, как реальное созерцаемое пространство, а не «априорная форма чувственного созерцания», как то изображал Кант.

И, наконец, решение этой проблемы К. Марксом.

Сравнивание понятия с предметом возможно, поскольку понятие (мышление) – есть не самостоятельный, вне мира витающий при-зрак, а форма деятельности реального человека в реальном про-странстве.

Понятие есть не состояние коры головного мозга, а форма дея-тельности общественного человека, преобразующего природу. Поэтому сравнение понятия с его предметом – не сравнение вещи с вещью (как получалось у Фейербаха), а формы деятельности че-ловека с продуктом и результатом этой деятельности. Прежде чем созерцать, человек практически действует с реальными веща-ми, и в процессе этого действованиа образуются все его представ-ления.

Реальная предметная деятельность человека, преобразующего природу, это и есть акт отождествления, или согласования, формы деятельности человека с формой вещи.

Между вещью (предметом) и представлением (понятием, теорией и т.д.) имеется реальный мост, действительный переход – чувствен-но-предметная деятельность общественно-исторического человека. Именно через этот переход вещь превращается в представление, а представление – в вещь. При этом – что самое важное – представ-ление возникает только в процессе действованиа человека с вещью, созданной человеком для человека, т.е. на основе предмета, создан-ного трудом или хотя бы только вовлеченного в этот труд в качестве средства, предмета или материала. На основе вещей, созданных че-ловеком, возникает далее и способность образовывать представле-ния о вещах, еще не опосредованных трудом, – о естественно-природных вещах. Но ни в коем случае не наоборот. На основе ве-щей непосредственной природы способность к образованию пред-ставлений у человека не возникает. Об этом свидетельствуют экспе-риментальные данные современной психологии.

Ребенок усваивает способность относиться по-человечески к ве-щам окружающего мира только через активное действие с предме-тами, созданными человеком для человека. Научаясь пользоваться таким нехитрым инструментом, как ложка, ребенок автоматически научается действовать – по-человечески же – и с камнем, и с палкой, и с любым другим предметом непосредственной природы. Но не наоборот. На камне или палке его невозможно научить действовать по-человечески ни с камнем, ни с палкой, ни тем более с ложкой. В обратном же порядке все идет гладко и «естественно».

Способность мыслить понятиями человек обретает через действие с теми вещами, форма которых сама по себе «умна», «разумна», «рациональна», т.е. с формами человечески преобразованной природы. Действуя внутри этого «разумного» мира, человек и становится «разумным».

Здесь таится и секрет «рационального зерна» гегелевской концепции, ибо форму вещи, созданной трудом (т.е. целесообразной деятельностью людей), всегда можно истолковать как «опредмеченное понятие», а акт производства человеческих представлений, понятий – как акт «обратного возвращения» этого «объективного понятия» в субъект.

Материалистическая интерпретация факта, абстрактно отраженного в гегелевской «Феноменологии духа», и раскрывает как раз секрет отношения представления к вещи. На основе этой материалистической интерпретации становится понятной и самая возможность сравнивать (сопоставлять) представление с вещью, понятие с предметом, мышление с действительностью.

Если я превращаю «мое» представление о вещи, т.е. словесно или зрительно зафиксированный образ вещи, в реальное дело, в действие с этой вещью вне меня, а через это дело – в форму внешней вещи, т.е. в предметно зафиксированный результат действия, то я в итоге имею перед собой (вне себя) две «вещи», вполне сопоставимые между собой в реальном пространстве.

Но из этих двух вещей одна – просто вещь, а другая – вещь, созданная по плану представления, или *овеществленное* (через действие) *представление*. Сравнивая эти две вещи, я их сравниваю между собой как два «внешних» предмета – *представление* и *вещь*, – чем и проверяю верность (правильность) представления.

То же самое и с истинностью понятия (теории). Если я, опираясь на понятие, создаю вне себя вещь, ему соответствующую, то это и значит, что мое понятие *истинно*, т.е. соответствует существу вещи, совпадает, согласуется с ним. Об этом говорит и хрестоматийный пример Ф. Энгельса с ализарином. Когда человек, опираясь на теоретическое понимание состава природного ализарина, изготовил искусственно *тот же самый* ализарин, то он доказал, что «понятие» тождественно вещи природы, так как это *опредмеченное понятие* (искусственно изготовленный ализарин) *полностью тождественно* предмету (естественно-природному ализарину).

И это сопоставление искусственно созданной (по мысленному плану) вещи с вещью естественно-природной совершается в *реальном пространстве*, а вовсе не в «трансцендентальном» пространстве восприятия, воображения.

На этой основе возникает и развивается и способность сравнивать представление (понятие) с вещью (с предметом) и в плане представления, в воображаемом (в мыслимом, «логическом») пространстве.

Когда я сравниваю мое представление о вещи с другим представлением, практически проверенным и удостоверенным в качестве «правильного» и «истинного» *образа реального предмета*, я тем самым – но уже опосредованно через этот правильный образ – сравниваю мое представление с самой вещью, а вовсе не только с очередным «субъективным представлением», как утверждает субъективный идеалист и агностик.

Марксизм учитывает и тот факт, что в условиях разделения труда и «отчуждения» мышления превращение бытия в мысль и мысли в бытие совершается через сложнейшую призму опосредований, имеющую чисто социальную природу. Но это уже особая тема.

Отождествление (т.е. тождество как акт, как действие, как процесс, а не как мертвое состояние) мысли и действительности, совершающееся в практике и через практику, и есть суть, существо марксистско-ленинской теории отражения.

Эта теория отнюдь не утверждает, как это стараются изобразить метафизически мыслящие неокантианцы и неопозитивисты, что «мышление» и «бытие» суть «одно и то же», неразличимое слепое «тождество».

Такой нелепости никогда не утверждал не только К. Маркс, не только Фейербах и Спиноза, но даже и абсолютный идеалист Гегель.

Ибо даже у Гегеля тождество мышления и бытия – это *тождество противоположностей*, так как мышление и бытие (понятие и его предмет) – типичнейшие диалектические противоположности. У Гегеля (у Маркса тем более) это *тождество* не только не упраздняет реального, непосредственно очевидного различия между ними, но и предполагает это различие как свою собственную противоположность, без и вне единства с которой оно превратилось бы в чистейшую глупость, метафизическую болтовню, фразу.

Практика как акт «отождествления предмета с понятием и понятия с предметом» и выступает поэтому *критерием истинности, действительности мышления, объективности понятия*.

Вот против этого-то в действительности и направляются выпады агностиков против «гегельянского тождества мысли и действительности», против «гегельянской мистики», не преодоленной, якобы, марксистско-ленинской философией. И тот, кто этого еще не понял, тот ровно ничего не понял ни в марксистско-ленинской теории отражения, ни в марксистско-ленинском отношении к гегелевской диалектике, ни в самой этой гегелевской диалектике, тот просто не умеет отличить в гегелевской диалектике «мистику» от «рационального зерна» и принимает рациональное зерно за «мистику», а мистику – за «рациональное зерно».

В таком случае не только «тождество мышления и бытия», но и вообще всякое тождество противоположностей (диалектика) начинает казаться «гегельянской мистикой». И та же самая практика доказывает также и *тождество логики с диалектикой*, т.е. тождество форм и закономерностей нашего мышления с формами и закономерностями развития природы и общества. Логические закономерности суть не что иное, как осознанные и превращенные в активные формы и принципы нашей субъективной деятельности универсальные формы и закономерности развития объективной реальности.

Единственное отличие «логических» закономерностей от объективных всеобщих закономерностей развития универсума через противоречия заключается, как прекрасно сформулировал Ф. Энгельс, в том, что «человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе – до сих пор большей частью и в человеческой истории – они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей»¹⁵.

В том, что в «голове» универсальные диалектические закономерности осуществляются преднамеренно, с сознанием, целесообразно, – и ни в чем ином, – заключается *единственное* различие «логических» закономерностей и закономерностей внешнего мира.

Поэтому-то «логика» есть не что иное, как осознанная и сознательно применяемая в науке и в жизни «диалектика». Это абсолютно *одно и то же*. Это и есть ленинская позиция, согласно которой «диалектика, логика и теория познания марксизма» – *это одна и та же наука*, а не три разные, хотя бы и «связанные» между собою науки.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. Т. II. С. 367.

Согласно В.И. Ленину тут «не надо» даже *трех разных слов*, а не только трех разных наук, разных и по предмету, и по методу, и по теоретическому содержанию.

Напротив, согласно юмистско-кантовскому тезису, мышление и бытие «не имеют между собою *ничего общего*», и, таким образом, любая попытка выявить в их составе *тождественность*, *тождество* есть «гегельянская мистика». В действительности борьбой против «мистики гегельянщины» всегда, начиная с Бернштейна, прикрывалась борьба против *диалектики* в пользу *агностицизма*.

Приписав и Марксу, и Гегелю глупый тезис, согласно коему мышление и бытие суть непосредственно, буквально и абсолютно «одно и то же», эти теоретизирующие кантианцы противопоставляют ему – уже в качестве своей собственной позиции – противоположный тезис: «Мышление и бытие – не одно и то же». Верно, мышление и бытие не одно и то же. Только это не вся правда, а лишь ее половина. Другая половина правды состоит в противоположном утверждении: *мышление и бытие суть одно и то же*.

И любая из этих двух половинок подлинной, конкретной правды, взятая без другой, действительно, есть вздор, нелепость, типичное заблуждение метафизического способа мышления.

Материалистическое решение проблемы *тождества* противоположностей мышления и действительности состоит в том, что действительность рассматривается как ведущая, определяющая сторона внутри этого тождества. Гегелевская же диалектика эту роль приписывает мышлению.

В этом – а не в том, что Гегель признает самое тождество противоположностей, а Маркс его отвергает, – и состоит действительная, а не мнимая противоположность материализма и мистики. Признают это тождество мышления и действительности как тождество противоположностей и Гегель, и Маркс. Только один его толкует идеалистически, а другой – материалистически. В этом-то и дело.

Нельзя забывать, что проблему *тождества мышления и бытия* можно решать и так, как ее решали Спиноза, Фейербах и Маркс, и так, как ее решали Фихте, Шеллинг и Гегель. А можно, конечно, и никак не решать, объявив эту проблему «псевдопроблемой», вечной и неразрешимой задачей. Это – тоже ответ, тоже решение, хотя и негативное. На нем и успокоились, как известно, Юм, Кант и их доживающие свой век запоздалые последователи, выдающие себя за

единственных представителей «современной философии науки» и «логики науки».

В действительности они путаются сами и запутывают других только потому, что органически не понимают ни «гегелянщины», ни различия между мистикой и диалектикой, ни диалектики как учения о тождестве противоположностей вообще, о тождестве мышления и действительности в частности.

* * *

Вывод из всего рассмотренного следует один. В принципе «тождества мышления и бытия» (или, другими словами, в утвердительном ответе на вопрос, существует ли такое тождество) заключается прежде всего признание факта превращения, перехода действительности в мысль, реального в идеальное, предмета в понятие и обратно. А это как раз тот факт, который всегда специально исследовала и исследует философия как наука. Законы этого «отождествления» мышления с действительностью и есть *логические* законы, законы *диалектической* логики. Поэтому можно сказать, что принцип диалектического тождества мышления и бытия – своего рода пароль на право входа в научную философию, в пределы ее предмета. Тот, кто этого принципа не принимает, будет заниматься либо чистой «онтологией», либо чистой «логикой», либо попеременно и тем и другим, но никогда не найдет действительного входа в диалектику как *логику и теорию познания*, в марксистско-ленинскую философию.

Предмет логики как науки в новой философии

Исторический анализ этой проблемы оказывается в наши дни весьма актуальным. Дело в том, что логикой ныне именуются учения, которые значительно расходятся в понимании границ предмета этой науки. Разумеется, каждое из них претендует не только и не столько на название, сколько на право считаться единственно современной ступенью в развитии мировой логической мысли. В связи с этим и приходится вновь поднимать историю вопроса.

Термин «логика» применительно к науке о мышлении впервые был введен стоиками, выделившими под этим названием лишь ту часть действительного учения Аристотеля, которая согласовывалась

с их собственными представлениями о природе мышления. Самое название «логика» производилось ими от греческого термина «логос» (который буквально означает «слово»), а указанная наука сближалась по предмету с грамматикой и риторикой. Средневековая схоластика, окончательно оформившая и узаконившая эту традицию в понимании логики, как раз и превратила эту науку в простой инструмент («органон») ведения словесных диспутов, в орудие истолкования текстов священного писания, в чисто формальный аппарат. В результате оказалось дискредитированным не только официальное толкование логики, но даже и самое название. Схоластически кастрированная «аристотелевская логика» поэтому и утратила кредит в глазах всех выдающихся естествоиспытателей и философов Нового времени. По той же причине большинство философов XVI–XVIII веков вообще избегает употреблять термин «логика» в качестве названия науки о мышлении, об интеллекте, о разуме. Это название не фигурирует вообще в заглавиях выдающихся сочинений о мышлении. Достаточно напомнить «Рассуждение о методе», «Трактат об усовершенствовании интеллекта», «Разыскание истины», «Опыт о человеческом разуме», «Новые опыты о человеческом разуме» и т.д. и т.п. — вплоть до таких эпигонских сочинений, как «Искусство мышления» (так называемая логика Пор-Рояля)¹.

Это произошло потому, что официальная, схоластически-формальная версия логики продемонстрировала свою полную непригодность в качестве «органона» действительного мышления, развития научного знания. «Логика, которой теперь пользуются, скорее служит укреплению и сохранению ошибок, имеющих свое основание в общепринятых понятиях, чем отысканию истины. Поэтому она более вредна, чем полезна», — констатирует Фрэнсис Бэкон¹. «В логике ее силлогизмы и большая часть других ее наставлений скорее помогают объяснять другим то, что нам известно, или даже, как в искусстве Луллия, бестолково рассуждать о том, чего не знаешь, вместо того чтобы изучать это», — вторит ему Рене Декарт². Это лейтмотив всей передовой философской мысли. Джон Локк полагает, что «силлогизм в лучшем случае есть лишь искусство биться тем небольшим знанием, какое есть у нас, не делая к нему никаких при-

¹ Бэкон Ф. Новый Органон. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 110.

² Декарт Р. Рассуждение о методе // Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1950. С. 271.

бавлений»³. На этом основании Декарт и Локк считали необходимым отнести всю проблематику прежней логики в область риторики. Поскольку же логика сохраняется как особая наука, то она единодушно толкуется не как наука о мышлении, а как наука о правильном употреблении слов, имен, знаков. Гоббс развивает концепцию логики как исчисления слов-знаков⁴.

Подытоживая свой «Опыт о человеческом разуме», Локк так и определяет предмет и задачу логики: «Задача логики рассмотреть природу знаков, которыми душа пользуется для уразумения вещей и передачи своего знания другим»⁵. Он толкует логику как «учение о знаках», как семиотику⁶.

Но философия, по счастью, не застряла на этом представлении. Лучшие умы этой эпохи прекрасно понимали, что если логику трактовать так, то она является чем угодно, но только не наукой о мышлении. Единственно, кого устраивало такое понимание логики в то время, — это представителей чисто механистического взгляда и на мир, и на мышление. Поскольку объективная реальность толковалась ими абстрактно-геометрически (то есть единственно объективными и научными считались лишь чисто количественные характеристики), то принципы мышления в математическом естествознании сливались в их глазах с логическими принципами мышления вообще. Эта тенденция в законченной форме выступает у Гоббса.

Гораздо осторожнее подходят к делу Декарт и Лейбниц. Им также импонировала идея создания «всеобщей математики» на месте прежней, высмеянной и дискредитированной логики. Эта идея и у них сочеталась с мечтой об учреждении «универсального языка», системы терминов, определенных строго и однозначно, а потому допускающих над собою чисто формальные операции.

Однако и Декарт и Лейбниц в отличие от Гоббса прекрасно видели принципиальные трудности, стоявшие на пути осуществления этой идеи. Декарт понимал, что определения терминов в «универсальном языке» не могут быть продуктом полюбовного соглашения, а должны быть получены только в результате тщательного анализа простых идей, из которых, как из кирпичиков, складывается весь

³ Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. М., 1898. С. 692.

⁴ Гоббс Т. Левиафан. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 59.

⁵ Опыт о человеческом разуме. С. 735–736.

⁶ См.: Там же.

интеллектуальный мир людей; что сам этот точный язык «всеобщей математики» может быть лишь чем-то производным «от истинной философии»^{7, ii}. Только при этом условии удалось бы заменить мышление о вещах, данных в воображении (то есть по тогдашней терминологии, в созерцании), вообще в реальном чувственно-предметном опыте людей, своего рода «исчислением терминов и утверждений», и сделать умозаключения столь же безошибочными, как и решения уравнений.

Присоединяясь в этом пункте к Декарту, Лейбниц категорически ограничивал область применения «всеобщей математики» лишь теми вещами, которые относятся к сфере действия «силы воображения». «Всеобщая математика» и должна представить, по его мысли, лишь, «так сказать, логику силы воображения». Но именно по этой причине из ее ведения исключаются как вся метафизика, так и «лишь рассудку соразмерные вещи, как мысль и действие, так и область обычной математики». Весьма существенное ограничение! Мышление, во всяком случае, здесь остается за пределами компетенции «всеобщей математики»⁸.

Поэтому Лейбниц с нескрываемой иронией относился к чисто номиналистической трактовке логики, изложенной у Локка, согласно которой логика понимается как особая наука о знаках. Лейбниц вскрывает трудности, связанные с таким пониманием логики. Прежде всего, констатирует Лейбниц, «наука о рассуждении, составлении суждения, изобретении, по-видимому, очень отлична от знания этимологии слов и словоупотребления, представляющего нечто неопределенное и произвольное. Кроме того, объясняя слова, приходится делать экскурсии в область самих наук, как это видно по словарям; с другой же стороны, нельзя заниматься науками, не давая в то же время определения терминов»⁹.

Поэтому вместо того разделения философии на три разные науки, которое Локк копирует у стоиков (логика, физика и этика), Лейбниц предпочитает говорить о трех разных аспектах, под которыми выступает одно и то же знание, одни и те же истины, — теоре-

⁷ См.: Письмо к Мерсенну от 20 ноября 1629 г.

⁸ См.: Лейбниц Г.В. Идея книги, которая должна быть названа: Новые элементы всеобщей математики (см.: *Leibniz G.W. Fragmente zur Logik*. Berlin: Akademie-Verlag, 1960. S. 452).

⁹ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 462.

тическом (физика), практическом (этика) и терминологическом (логика). Прежней логике здесь соответствует просто терминологический аспект знания, или, по выражению Лейбница, систематизация знания по терминам в справочнике¹⁰.

Разумеется, такая систематизация, даже самая лучшая, не есть наука о мышлении, ибо Лейбниц имел о мышлении более глубокое представление. Поэтому и подлинное учение о мышлении он относил к метафизике, следуя в этом смысле терминологии и сути логики Аристотеля, а не стоиков.

Огромную, далеко не до конца оцененную роль в развитии логики, в подготовке современного взгляда на предмет этой науки сыграл Спиноза. Как и Лейбниц, Спиноза высоко поднимался над механистической ограниченностью естествознания своей эпохи. Ему также совершенно чуждо было стремление непосредственно универсализировать частные, лишь в пределах механистически-математического естествознания пригодные формы и методы мышления. Логике, поскольку она сохраняется рядом с учением о субстанции, он толковал как прикладную дисциплину, по аналогии с медициной, так как ее заботой оказывается не изобретение искусственных правил, а согласование человеческого интеллекта с законами мышления, понимаемого как *«атрибут» природного целого*, лишь как *«способ выражения» всеобщего «порядка и связи вещей»*. Попытку разрабатывать логические проблемы на основе этого понимания Спиноза и осуществил в «Трактате об усовершенствовании разума», где им излагается глубокое, намного опередившее эпоху учение о научном понятии, которое Спиноза принципиально отличает от словесно зафиксированной абстракции, о научном определении и доказательстве, об истине и заблуждениях интеллекта и т.д.

Однако, несмотря на многочисленные попытки разрабатывать по существу новое учение о мышлении, новую логику, отличную от схоластической, традиционная логика оставалась все это время нетронутой. Чаще всего ее просто отбрасывали как обветшавший хлам, стараясь не связывать исследования в области мышления с ее дискредитированным багажом и наименованием. Учебники же логики продолжали оставаться на уровне Средневековья и даже ниже этого уровня, так что Гегель с полным правом констатировал уже в начале XIX века всеобщее и полное презрение к этой науке, которая

¹⁰ См.: Там же. С. 465.

«в продолжение веков и тысячелетий... столь же почиталась, сколь она теперь презирается»¹¹.

Заслуга восстановления исторической справедливости в отношении логики и даже в отношении наименования этой науки целиком принадлежит немецкой классической философии и связана с той радикальной реформой в понимании самого ее существа, которая возвратила логике и достоинство, и уважение.

Начало этой реформы было положено, как известно, И. Кантом. Кант впервые выделил проблему предмета и содержания логики и пытался решить ее путем критического анализа исторических судеб этой науки. Прежде всего он задался целью выявить в ее теоретическом багаже те бесспорные завоевания, которые ни у кого не вызывали сомнений, хотя ими и пренебрегали за их «самоочевидность».

Кант решил, иными словами, систематизировать тот теоретический багаж логики, который оставался незатронутым во всех спорах, составлявших историю борьбы направлений в философии XVI–XVIII веков, а потому может считаться независимым от различия позиций в понимании природы мышления, его происхождения и т.д. Выделив в истории логики этот «остаток», Кант убедился, что сохраняется не так-то уж много – ряд совершенно общих требований, сформулированных уже Аристотелем и его комментаторами. Отсюда его вывод о том, что логика со времен Аристотеля «не принуждена была сделать ни одного шага назад, если не принимать в расчет исключение некоторых ненужных тонкостей и более ясное изложение, так как эти улучшения ведут скорее к изяществу, чем к упрочению научности. Замечательно, что логика до сих пор не могла также сделать ни одного шага вперед и, по-видимому, имеет совершенно замкнутый, законченный характер»¹².

С той точки зрения, с которой Кант рассматривал историю логики, этот вывод был абсолютно правилен. Если искать в логике лишь то, в чем одинаково согласны все – от Спинозы до Беркли, от Гольбаха до авторов Пор-Рояля, – лишь те истины, которые одинаково приемлемы и для материалиста-естествоиспытателя и для теологизирующего попа, а все разногласия выносить за скобки, то внутри этих скобок ничего большего остаться и не может. В этой точке зре-

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 10. С. 305.

¹² Кант И. Критика чистого разума. Пг., 1915. С. 9.

ния отчетливо отразилось характерное стремление Канта стать выше материализма и идеализма в понимании природы мышления. Но Кант непосредственно отсюда делает теоретический вывод: «Границы логики совершенно точно определяются тем, что она есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая исключительно лишь формальные правила всякого мышления»¹³. «Формальные» означает здесь независимые «от того, имеет ли оно (то есть мышление. — Э. И.) априорный или эмпирический характер... от его происхождения или объекта, а также от того, встречает ли оно случайные или естественные препятствия в нашем духе»¹⁴.

Разумеется, никакого доказательства, тем более строгого, Кант этим правилам не представил. В теоретически-аподиктической манере здесь высказано чистейшее эмпирическое суждение о том, что ряд правил мышления казался самоочевидным для философов всех направлений в XVI–XVIII столетиях и оставался на протяжении всего этого периода общим для всех достоянием. Так и откристаллизовалась общая логика.

Очертив так границы общей логики, Кант тщательно исследует ее принципиальные возможности. Компетенция ее оказывается весьма узкой. В силу указанной формальности, то есть абсолютного безразличия к знаниям по содержанию, она по необходимости оставляет в стороне различия сталкивающихся представлений и остается нейтральной не только, скажем, в споре Спинозы и Беркли, но даже и в споре любого из этих мыслителей с любым дураком, вбившим себе в голову самую смешную нелепость. Она обязана и этой нелепости вынести логическую санкцию, если та согласна с самой собою, не противоречит себе. «Общая логика не содержит и не может содержать в себе никаких предписаний для способности суждения» как «способности *подводить* под правила, т.е. различать, подходит ли нечто под данное правило... или нет». Поэтому самое твердое знание правил еще не спасает от ошибок в их применении и «недостаток способности суждения есть собственно то, что называют глупостью; против этого недостатка нет лекарства»¹⁵. Во всяком случае, в аптеке общей логики.

Но именно поэтому она и не может быть не только «органомом», то есть орудием, инструментом, но даже и достаточным канонem, то

¹³ Кант И. Критика чистого разума.

¹⁴ Там же. С. 9–10.

¹⁵ Там же. С. 116–117.

есть формальным критерием проверки теоретических суждений, актов научного познания.

Для чего же тогда вообще годится общая логика? Только для проверки на правильность так называемых аналитических суждений, то есть суждений, лишь разъясняющих уже готовое, уже имеющееся в голове представление, каким бы нелепым и глупым оно само по себе ни было, констатирует Кант в полном согласии с Бэконом, Декартом и Лейбницем.

Очертив так границы правомочий общей логики, Кант уже тем самым поставил вопрос о разработке такого раздела логики, который специально имел бы в виду лишь теоретическое применение интеллекта и излагал бы те правила, соблюдение которых является необходимым условием для научно-теоретического применения правил общей логики. Но такой раздел логики становится возможным лишь в том случае, если во внимание будет принято различие знаний (представлений) по их содержанию, а стало быть, и по их происхождению, от которого принципиально отвлекается общая логика.

Научно-теоретические обобщения и суждения, во всяком случае, претендуют на всеобщность и необходимость, на то, что они могут быть подтверждены опытом всех людей, находящихся в здравом уме. Иначе вся человеческая наука имела бы не больше цены, чем восклицания дурака из сказки, который не вовремя и некстати произносит сентенции, уместные лишь в сугубо оговоренных обстоятельствах («таскать вам не перетаскать»), то есть бездумно выдает суждение, относящееся только к данному случаю, за безусловно всеобщее, применимое к любому другому случаю.

Научно-теоретическое обобщение должно четко оговаривать те условия, в которых обеспечиваются его всеобщность и необходимость, то есть строго указывать тот «объект», к которому оно относится, чтобы не пытались это обобщение сопоставлять с теми фактами опыта, к которым оно не имеет ровно никакого отношения. Но объектами теоретических обобщений оказываются вовсе не случайно-единичные вещи (явления), данные в любом опыте, а лишь те вещи (явления), которые подводятся под определения понятий, то есть явления строго оговоренного класса, вида или рода.

Суждение чисто эмпирического характера, где «субъектом» является чувственно-созерцаемый предмет, например суждение типа «все лебеди – белые», верно и правильно лишь с оговоркой: «белы

все лебеди, *до сих пор попадавшие в поле нашего зрения*». Тогда такое суждение бесспорно, ибо оно и не претендует на отношение к тем «лебедям», которых мы еще не видели, и потому дальнейший опыт вполне правомочен корректировать наше представление о лебедях. Научно-теоретическое же суждение претендует на большее; оно должно быть справедливо и без указанной оговорки, должно относиться не только к уже протекшему опыту, но и к будущему опыту относительно того же самого объекта. Иными словами, субъект такого суждения определяется в нем через такой предикат (или признак), который выражает неотъемлемое от него свойство, при отсутствии какового единичное явление вообще не может быть включено в границы данного вида или рода, в опыт относительно данного субъекта.

Так, если бы нам удалось строго сформулировать понятие вида «лебедь», указать тот признак, наличие которого только и позволяет зачислить встретившийся нам экземпляр птицы в разряд «лебедей», то мы были бы полностью гарантированы от угрозы опровержения нашего суждения будущим опытом, как бы долго он ни длился, по той простой причине, что любой, который может нам встретиться экземпляр, не обладающий указанным признаком, попросту будет рассматриваться нами как относящийся к какому-то другому виду и не имеющий никакого отношения к «лебедям», а стало быть, и не правомочный опровергать указанное определение вида.

Пока же суждение остается эмпирическим, оно не может быть выведено из-под контроля дальнейшего опыта. Иными словами, мы всегда должны оставлять возможность его опровержения опытом, то есть допускать, что вдруг появится экземпляр, который мы обязаны будем включить в опыт относительно данного вида, несмотря на то что он не обладает тем признаком, который мы до сих пор считали неотъемлемым признаком этого вида. По отношению к эмпирическим суждениям мы, стало быть, обязаны допускать такую ситуацию, когда под понятие *A* подводится явление, в котором признак *A* отсутствует, – явление с определением *не-A*...

Это значит, что в случае появления «логического противоречия» между эмпирическим знанием (понятием) и эмпирическим фактом это противоречие должно разрешаться не путем игнорирования факта, а путем исправления понятия, путем расширения или сужения его границ, путем замены предиката, определяющего субъект суждения. Иное дело – теоретические определения. В них выражен при-

знак, при отсутствии которого вообще не может идти речь о данном понятии. Эмпирический объект, этого признака не имеющий, предмет *не-А*, опровергать понятие с определением *А* просто неправомерно. Поэтому логическое противоречие между понятием *А* и эмпирическим объектом с определением *не-А* решается путем простого игнорирования данного объекта. В этом смысле теоретические определения априорны. Выражаемая ими связь представлений претендует на всеобщее и необходимое значение и предполагает, что эти представления будут всегда связываться точно таким же образом и в опыте всех других людей, как бы долго он ни длился и как бы широко он ни распространялся, что указанный предмет будет обязательно выглядеть точно так же во всяком возможном опыте, в сознании вообще.

«...Если мы имеем причины считать известное суждение за необходимо всеобщее... то мы должны признавать его и объективным, т.е. выражающим не простое отношение восприятия к субъекту, а свойство предмета», – пишет Кант в «Пролегоменах»¹⁶. Мы, правда, ничего еще не знаем о том, каков этот предмет сам по себе («в себе»), но объективное суждение должно выражать то, что в опыте всех будущих людей он будет выглядеть точно так же. Иначе наука не имела бы никакой цены. Она стоила бы ровно столько же, сколько и суждение «все лебеди – белы».

Отсюда Кант и делает вывод, что должна существовать логика, специально трактующая о принципах и правилах теоретического (по его терминологии, априорного) применения мышления или об условиях применения правил общей логики специально к решению теоретических задач, к производству объективных суждений. Эта логика (или, точнее, этот раздел логики) уже может и должна послужить достаточным каноном, если не «органом», для мышления, претендующего на всеобщность и необходимость своих выводов, обобщений и положений. Кант присваивает ей название «трансцендентальной логики», или «логики истины».

В центр внимания этого раздела, естественно, попадала проблема так называемых синтетических действий интеллекта, посредством которых достигается новое знание, а не просто разъясняется, словесно разворачивается уже готовое, имеющееся в голове знание.

¹⁶ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться в качестве науки. М.: Соцэкгиз, 1934. С. 172.

Понимая под синтезом вообще «акт присоединения различных представлений друг к другу и понимания их многообразия в едином знании»¹⁷, Кант отводил синтезу роль фундаментальной операции мышления, по существу и по времени предшествующей всякому анализу. «В самом деле, – говорит он, – где рассудок ничего раньше не соединил, там ему нечего также и разлагать»¹⁸, а потому «раньше всякого анализа представления должны быть уже даны, и ни одно понятие по *содержанию* не может возникнуть аналитически»¹⁹.

Ввиду этого первоначальными логическими формами и оказываются не принципы аналитических суждений (закон тождества и запрет противоречия в определениях), а всеобщие схемы соединения, единства различных представлений в составе знания, в сознании. «Первоначально это знание может быть еще грубым и спутанным и потому нуждается в анализе, но тем не менее именно синтез есть то, что собственно собирает элементы в форму знания и объединяет их в известном содержании»²⁰. Кант считал, что «логические моменты всех суждений суть различные возможные способы соединять представления в сознании. Если же они служат как понятия, то это понятия *необходимого* соединения представлений в сознании, или принципы суждений с объективным значением»²¹.

Коренной недостаток традиционной логики Кант усматривал в том, что она вообще не пыталась даже проанализировать эти первоначальные логические схемы и принципы деятельности мышления: «Я никогда не удовлетворялся объяснением суждения вообще, даваемым теми учеными, которые говорят, что суждение есть представление отношения между двумя понятиями, – пишет Кант. – Не вступая здесь в споры по поводу недостатка этого объяснения (хотя из него вытекают многие тяжелые последствия для логики)... я замечу только, что в этом определении не указано, в чем состоит это *отношение*»²².

Если же не отмахиваться от этого вопроса, то оказывается, что принципами связывания представлений в объективных суждениях, в отличие от суждений восприятия, всегда выступают *категории*.

¹⁷ Кант И. Критика чистого разума. С. 73.

¹⁸ Там же. С. 88.

¹⁹ Там же. С. 73.

²⁰ Там же. С. 74.

²¹ Прологомены. С. 181.

²² Кант И. Критика чистого разума. С. 102.

«Словечко *есть* в суждении, выражающее отношение, имеет целью именно отличить объективное единство данных представлений от субъективного... Согласно законам ассоциации я мог бы только сказать: если я несу тело, я чувствую давление тяжести, но не мог бы сказать: оно, тело, *есть* нечто тяжелое, следовательно, утверждать, что эти два представления связаны в объекте, т.е. без различия состояний субъекта, а не сосуществуют только (как бы часто это ни повторялось) в восприятии»²³.

Категории как раз и выражают те коренные, первоначальные формы работы мышления, благодаря которым вообще становится возможным связный опыт. «...Так как опыт есть познание посредством связанных между собою восприятий, – продолжает Кант, – то категории суть условия возможности опыта, и потому они имеют значение также для всех предметов опыта»²⁴. Поэтому любое суждение, претендующее на объективное (теоретическое) значение, всегда предполагает и заключает в себе – в явном или неявном виде – категорию, и «мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе, как с помощью категорий»²⁵.

Категории и являются фундаментальными первоначальными формами той самой способности, которая называется мышлением, и потому логика, если она хочет быть наукой о мышлении, должна развиваться именно как учение о категориях, как связанная система таких категорий.

Основоположником такого понимания логики Кант не без оснований считал Аристотеля, упрекая его лишь в том, что тот не дал никакой дедукции (то есть строгого доказательства и классификации) своей таблицы категорий, а просто перечислил те категории, которые нашел в наличном сознании своей эпохи, и к тому же принял эти категории не только за всеобщие формы мышления, но и за понятия, выражающие якобы всеобщие формы бытия, то есть гипотезировал чистейшие логические формы в виде метафизики. Но тем самым основное содержание аристотелевской логики Кант усмотрел именно в составе «Метафизики», а вовсе не только и даже не столько в «Органоне», обрубив тем самым раз и навсегда стоически-схоластическую традицию в толковании этой логики.

²³ Там же. С. 103.

²⁴ Там же. С. 112.

²⁵ Там же. С. 114.

В «Критике чистого разума» Кант не дает своей системы категориальных определений объективного мышления, заботясь здесь «не о полноте системы, а только о полноте принципов для системы»²⁶, то есть очерчивает лишь самые общие контуры нового понимания логики и самые общие ее категории («количество», «качество», «отношение» и «модальность», каждая из коих конкретизируется далее в трех производных). Он считает, что дальнейшая разработка подробностей уже не составляет труда, так как «полный словарь этих понятий со всеми необходимыми пояснениями не только возможен, но и легко осуществим». Кант считает, что эту задачу можно удовлетворительно выполнить, «если взять какой-либо учебник онтологии и присоединить, например, к категории причинности предикабилии силы, действия, страдания, к категории общения предикабилии присутствия и противодействия, к категориям модальности предикабилии возникновения, исчезновения, изменения и т.п.»²⁷. Наиболее полным и тщательно разработанным компендиумом категорий Кант считал «онтологию» вольфианца Баумгартена.

Таким образом, задача создания новой логики сводилась Кантом к чисто формальному преобразованию (переосмыслению) прежней метафизики, к выяснению чисто логического значения тех категорий, которые ранее, с легкой руки стоиков и схоластов, были вынесены в сферу метафизики и потому в качестве логических вообще не рассматривались.

Согласно Канту, категории — это чисто логические формы, то есть понятия, специфически характеризующие исключительно чистое мышление и ни в коем случае не предметный мир вне сознания людей, вещи «за пределами опыта». Они всеобщим образом характеризуют только «мыслимый предмет», то есть мир, *как и каким мы его сознаём*. Они характеризуют предмет лишь как *«предмет опыта»*, или вещь, какой она выглядит в результате ее осознания, ее преломления через призму человеческой чувственности (созерцания) и рассудка.

Категории, таким образом, выступают как всеобщие и необходимые схемы работы сознания, объединяющего разрозненные восприятия в лоне общего представления, претендующего на объективное значение, то есть *как формы производства понятий*, как условия

²⁶ Там же. С. 76.

²⁷ Там же.

превращения не связанных чувственных впечатлений в форму понятия. Таким образом, понимание категорий как специфически-логических форм работы человеческого сознания и их включение в границы предмета логики принадлежат вовсе не Гегелю, как это иногда утверждают. Гегелю принадлежат совсем иные заслуги, о которых мы будем говорить ниже.

Однако за пределами компетенции как общей логики, так и трансцендентальной логики истины оставалась еще одна проблема, перед которой постоянно оказывается мыслящее познание. Это проблема полного теоретического синтеза отдельных теоретических обобщений и суждений в составе единой теории, развитой из единого принципа. На этот счет «трансцендентальная аналитика» – «логика истины» – не дает и не может давать никаких указаний, никаких предписаний или критериев, ибо здесь речь идет уже не о единстве чувственных данных в составе понятия, не о формах единства (объединения) чувственно созерцаемых явлений в рассудке, а о единстве самого рассудка и продуктов его деятельности. В силу этого в логике Канта возникает еще один этаж, своего рода «металогика истины», ставящая под критический контроль не отдельные акты рассудочной деятельности, а весь рассудок в целом, так сказать, мышление с большой буквы, а не отдельные частные функции этого мышления.

Это стремление мышления к созданию единой, целостной теории относительно любого предмета естественно и неискоренимо. Мышление не может удовлетвориться простым агрегатом частных обобщений и всегда старается свести их воедино, увязать в составе единой теории, развитой из одного всеобщего принципа.

Но тут-то и оказывается, что мышление, в точности соблюдающее все без исключения нормы и правила логики, ни в одном пункте этих норм и правил не преступая, все же с необходимостью приходит к роковому противоречию с самим собой, как только оно берет-ся за решение указанной задачи.

Самое главное в анализе этой ситуации заключается в том, что к противоречию, к состоянию антиномии, мышление приходит вовсе не в силу неряшливости или недобросовестности тех лиц, которые его осуществляют, а именно потому, что оно неукоснительно соблюдает все заповеди логики там, где они бессильны.

Прежняя метафизика именно потому и билась целых две тысячи лет в безвыходных противоречиях, что старалась решить свою зада-

чу с недостаточными, явно негодными средствами. И этими негодными средствами оказываются как раз те самые принципы и правила, совокупность которых составляет общую и трансцендентальную логику. Правила, уместные и законные при решении определенных задач, оказываются беспомощными, как только на основе их – и только их – пытаются решить задачу полного синтеза всех частных теоретических обобщений, как только их начинают применять за границами их применимости, строго оговоренными в общей и трансцендентальной логике.

Способность (на деле оказывающуюся у Канта неспособностью) мышления организовать воедино, в составе целостной теории, все частные обобщения и суждения опыта, которая так же органически свойственна мышлению, как и все другие его способности, Кант называет разумом. Разум как высшая синтетическая функция интеллекта необходимо «стремится довести синтетическое единство, мыслимое в категориях, вплоть до абсолютно безусловного»²⁸. В этой своей функции мышление стремится к полному выяснению тех условий, при которых каждое частное обобщение рассудка может считаться справедливым безоговорочно и, таким образом, оказывается полностью гарантированным от угрозы опровержения новым опытом, новыми столь же правильными обобщениями.

Претензия на абсолютно полный, безусловно полный синтез (перечень, ряд) определений понятия и тем самым условий, при которых оно может считаться уже безоговорочно справедливым, равносильна претензии на познание «вещи в себе», а не только всех ее возможных явлений в нашем сознании, в нашем опыте. Это одно и то же, «так как абсолютная целостность условий есть понятие, неприменимое в опыте, потому что никакой опыт не бывает безусловным»²⁹.

В самом деле, если я рискую утверждать, что предмет *A* определяется предикатом *B* в абсолютно полном объеме, а не только в той части его, которая побывала или даже вообще может побывать в поле нашего опыта, в сознании вообще, то я уже не оговариваю в этом суждении такого условия его справедливости, как данность в сознании (в чувственном созерцании и рассудке) вообще. Я тем самым снимаю с него это ограничение рамками «всякого возможного опы-

²⁸ Там же. С. 215.

²⁹ Там же.

та», не обуславливаю его справедливость этими рамками. Я начинаю думать, что суждение, приписывающее предмету *A* предикат *B*, остается верным не только в рамках опыта, но и за его пределами, за его границами, что оно относится к самому предмету *A*, как он существует не только в сознании, но и вне сознания вообще.

Поэтому претензия на «абсолютный и безусловный синтез» всех частных обобщений в составе единой теории, развитой из единого принципа, равносильна агрессии в недозволенную область, в область познания вещей вне сознания вообще. Кант и называет этот незаконный ход мышления «трансцендентным применением рассудка», то есть таким его применением, которое ему принципиально противопоказано. Наказанием за это преступление и оказывается *логическое противоречие* внутри самого рассудка, разрушающее этот рассудок, «форму мышления вообще». Одновременно появление логического противоречия становится индикатором, показывающим, что рассудок взят за решение непосильной для него задачи, вздумал «объять необъятное»...

В состоянии логического противоречия (антиномии) рассудок, то есть мышление, неукоснительно соблюдающее все правила общей и трансцендентальной логики, впадает здесь вовсе не только потому, что опыт всегда незавершен, и не потому, что он на основе «части» опыта хочет сделать обобщение, касающееся всего бесконечного опыта в будущем, и выдает часть за целое. Это еще полбеда. Беда же в том, что при попытке произвести полный синтез всех эмпирических актов рассудка (то есть всех теоретических обобщений, сделанных логически безупречно на базе протекшего опыта) сразу же обнаруживается, что уже и сам этот протекший опыт внутри себя был необходимо антиномичен, если только его брать в целом, а не произвольно ограниченную его часть. И антиномичен он потому, что включает в себе обобщения (синтетические суждения), произведенные с помощью не только разных, но и прямо противоположных категорий, не совместимых друг с другом без противоречия.

В арсенале «инструментария» рассудка имеется, например, не только категория «тождество», но также и полярная ей категория «различие». Рядом с понятием «необходимость» в нем имеется понятие «случайность» и т.д. Каждая из этих категорий столь же правомерна, как и противоположная ей, и сфера ее применимости в рамках опыта столь же широка, как и сам опыт. В итоге любое явление (и сколь угодно широкая совокупность таких явлений) может

быть осмыслено как в той, так и в другой категории, а потому и дает в логическом выражении два противоположных, друг с другом не совместимых без противоречия «опытных суждения».

Поэтому относительно любого предмета всегда могут быть высказаны две взаимоисключающие точки зрения, а в пределе – две теории, каждая из которых создана в абсолютно строгом согласии как со всеми требованиями логики, так и со всей совокупностью эмпирических данных и которые тем не менее не совместимы друг с другом в составе одной непротиворечивой теории, одного полного синтеза.

Эту неизбежную антиномичность мышления можно было бы ликвидировать только одним путем, а именно: объявив одну из полярных категорий законной, а другую запретив как иллюзию. Тогда пришлось бы выкинуть из «инструментария» рассудка ровно половину всех его категорий, например оставить «необходимость» и выбросить «случайность», оставить «делимость» и выбросить понятие «простого», «неделимого далее» и т.д. и т.п. Прежняя метафизика именно так и делала. Она, например, объявляла «случайность» чисто субъективным понятием, характеризующим лишь то, причин чего мы до сих пор не смогли познать, и таким образом превращала «необходимость» в единственно объективную категорию. Точно так же она поступала и во всех других случаях, например объявляла «качество» чистой иллюзией чувственности ради того, чтобы превратить «количественные» характеристики явлений в единственно научные, единственно объективные и т.д.

Поэтому-то Гегель позднее и назвал указанный метод мышления метафизическим. Это действительно характерный метод прежней, докантовской, метафизики, избавлявшей себя от противоречий за счет простого игнорирования половины законных категорий, «принципов суждений с объективным значением». Прежняя метафизика упрямо старалась организовать сферу разума, то есть «безусловно полный синтез понятий», без нарушения высших законов мышления – закона тождества и закона запрета противоречия. Иными словами, она применяла эти законы к самим категориям, стараясь охватить все категории в единой непротиворечивой системе. А это принципиально невозможно. Это и значит, что рассудок не осознавал в ней границ своей законной применимости и залетал в такую область, где все его законы и предписания бессильны. За это он каждый раз и наказывался антиномичным саморазрушением, впадал

в «диалектические иллюзии». Эту антиномичность мышления в ходе решения высших синтетических задач познания Кант и назвал «естественным состоянием» разума по аналогии с тезисом Гоббса о «войне всех против всех» как «естественном состоянии» человечества. В этом «естественном», то есть не просветленном критикой, состоянии мышление мнит, будто оно способно, опираясь на ограниченный условиями пространства и времени опыт, выработать понятия и теории, имеющие *безусловно всеобщий* характер и потому справедливые не только по отношению к предметам всякого возможного опыта, но и к предметам, существующим вне и независимо от сознания (от опыта).

Вывод Канта таков: достаточно строгий анализ любой теории, заявляющей претензию на безусловную справедливость своих утверждений, на полный синтез логически безупречных обобщений, всегда обнаружит в ее составе более или менее ловко замаскированные антиномии.

Рассудок, просветленный критикой, то есть сознающий свои законные права и возможности и не пытающийся залететь в «трансцендентные» сферы, всегда будет стремиться к полному синтезу, но никогда не позволит себе утверждать, что он такого синтеза уже достиг. Поэтому теоретические противники, вместо того чтобы вести постоянную войну друг с другом и стремиться к полной победе над врагом, должны установить между собою что-то вроде мирного сосуществования, признавая равные права каждого на относительную истину. Они должны понять, что по отношению к предмету самому по себе они одинаково неправы, но в то же время одинаково правы в другом отношении – в том смысле, что рассудок «в целом» (то есть разум) внутри себя имеет противоположные интересы, одинаково законные и равноправные. Одну теорию, например, занимают тождественные черты двух рядов явлений, а другую – их различия (например, человека и животного, человека и машины и т.д. и т.п.). Каждая из этих теорий преследует вполне законный, но частный «интерес» разума, и ни одна поэтому не раскрывает объективной картины вещи, взятой вне сознания, независимо от каждого из этих «интересов».

«В естественном состоянии конец спору полагается *победой*, которой хвалятся обе партии и за которой следует большей частью лишь непрочный мир, устанавливаемый вмешавшимся в дело начальством; наоборот, в правовом состоянии дело кончается *сен-*

тенцией³⁰, которая, проникая здесь в самый источник споров, должна обеспечить вечный мир»³⁰. Таким образом, критика разума, «заимствуя все решения из основных правил его собственного устава, авторитет которого не может быть подвергнут никакому сомнению, доставляет нам покой правового состояния, при котором мы можем вести наши споры не иначе, как в форме *процесса*»³¹.

Это «правовое состояние» только и обеспечивает «законодательство», выведенное из исследования сферы разума. Таким образом, разум с его неизбежной диалектикой превращается в самый важный раздел логики, формулирует предписания, которые только и могут избавить реальное мышление от косного догматизма, в который неизбежно впадает рассудок, предоставленный сам себе (то есть мышление, безупречное с точки зрения формальной логики и логики истины), и от естественно дополняющего этот догматизм полного скепсиса.

Таким образом, структура логики как науки о мышлении была очерчена Кантом так:

1. Общая логика, компетенция которой ограничивается лишь аналитическими суждениями и потому крайне узка; по объему она совпадает с традиционной логикой.

2. Логика истины («трансцендентальная аналитика»), излагающая «принципы суждений с объективным значением», формы синтеза данных созерцания в рассудке, категории; она развивается как система (полный перечень, или «таблица») *категорий*.

3. «Трансцендентальная диалектика», осуществляющаяся как критика неправомерных претензий рассудка, то есть мышления, безупречного с точки зрения двух первых разделов логики, но старающегося превысить свои законные права, перейти за границы применимости своих правил и осуществить «полный синтез понятий», познать «вещь в себе»; это – учение о всеобщих принципах и условиях правильного употребления рассудка вообще.

После такого расширения предмета логики эта наука впервые обрела право называться *наукой о мышлении*, о всеобщих формах и закономерностях действительного мышления. Вместе с этим в состав логики была введена и диалектика, которая до этого казалась лишь «ошибкой», лишь «болезненным» состоянием интеллекта, ли-

³⁰ Там же. С. 417.

³¹ Там же.

бо результатом недобросовестности или неряшливости мышления отдельных лиц. Анализ Канта показал, что диалектика – это необходимая форма мышления, характеризующая «высшую ступень знания при реализации основных синтетических задач», как об этом хорошо сказано В.Ф. Асмусом в его книге «Диалектика Канта»¹.

Поскольку же именно эти задачи выдвигались на первый план в науке данного периода, постольку проблема противоречия (диалектики) и оказалась центральной проблемой логики как науки. Но Кант считал диалектическую форму мышления за симптом тщетности стремлений ученых понять (выразить в научных понятиях) положение вещей вне их собственного «я». Остановиться на этом пессимистическом выводе не могла ни наука, ни логика. Диалектика категорий требовала дальнейшего критического анализа. Яснее всех эту выросшую перед логикой проблему осознал Гегель. С его именем поэтому и связан последующий прогресс логических исследований, развитие логики как науки о мышлении.

К истории вопроса о предмете логики как науки (Статья вторая)

Гегелевское решение вопроса о предмете логики сыграло в истории этой науки совершенно особую роль. Гегелем впервые четко было проанализировано самое понятие мышления. «Что предмет логики есть *мышление*, – с этим все согласны»². Но тем более важно выяснить, что это такое.

На первый взгляд мышление представляется одной из субъективно-психических способностей человека наряду с другими способностями – созерцанием, представлением, памятью, волей и т.д., особого рода деятельностью, сознательно осуществляемой индивидом, одной из форм *сознания*. Мышление при этом отождествляется с размышлением, с рефлексией, то есть с психической деятельностью, в ходе осуществления которой человек отдает себе полный и ясный отчет в том, что и как он делает, то есть осознает те схемы и правила, в согласии с которыми он действует.

¹ Асмус В.Ф. Диалектика Канта. 2-е изд. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1930. С. 127.

² Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 1. С. 41.

В этом случае задачей логики оказываются упорядочение и классификация тех абстрактно-общих схем, которые каждый человек может при желании обнаружить в своем собственном *сознании*, тех правил, которыми он *сознательно* руководствуется в акте размышления. Как справедливо констатирует Гегель, здесь логика «не дала бы ничего такого, что не могло бы быть сделано так же хорошо и без нее. Прежняя логика в самом деле ставила себе эту задачу»³. Человек, изучивший такую логику, будет мыслить так же, как и до этого, разве что несколько методичней. Не смогли вырваться за пределы этого представления и последователи Канта. В результате «кантовская философия не могла оказать никакого влияния на научное исследование. Она оставляет *совершенно неприкосновенными категории и метод обычного познания*»⁴.

С этой точки зрения вся кантовская логика предстает своего рода честной исповедью «обычного познания», систематически изложенным его «самосознанием» и не более того, — его *самомнением*. Но как о человеке нельзя судить по тому, что он сам о себе думает и говорит, так и о мышлении. Гораздо вернее посмотреть, что и как в нем на самом деле происходит. Гегель был первым, кто решительно отбросил предрассудок, в плену которого находится и до сих пор масса логиков и логик, будто мышление как предмет исследования логики выражается (фиксируется, опредмечивается) *только в виде речи* — внешней или внутренней, устной или письменной. Предрассудок этот не случайный, так как мышление и в самом деле может рассмотреть самое себя только в том случае, если оно противопоставит самое себя самому себе, самое себя превратит в предмет, от себя самого отличный. И то полностью «сознательное» мышление, которое имела в виду прежняя логика, в самом деле предполагает язык, речь как форму своего выражения, в которой мышление может наблюдать самое себя как бы со стороны.

Иными словами, полного осознания схем своей собственной деятельности (или «самосознания») мышление достигает именно благодаря языку и в языке. Прежняя логика и в самом деле исследовала мышление лишь постольку, поскольку это мышление выступало в виде речи. Этот факт, впрочем, ясно осознавал не только Гегель, а и некоторые его противники. Например, А. Тренделенбург гово-

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 111.

рил, что формальная логика «осознала себя в языке и, во многих отношениях, может называться углубленной в себя грамматикой»⁵.

Сила (или способность) мышления, возражает этой логике Гегель, обнаруживает себя вовсе не только в речи, не только в виде ученых трактатов, но также и в реальных целенаправленных поступках людей, в актах разумной воли, в актах созидания вещей, а стало быть, и в созданных ими формах вещей, в формах орудий труда, машин, городов, государств с их политически-правовыми структурами и т.д.; короче говоря, она выражается в виде всего мира культуры, созданного целенаправленной деятельностью людей, их «разумной волей».

Этим соображением Гегель преодолевал и ограниченность взгляда прежней логики на мышление и субъективизм кантовско-фихтевской попытки эту логику реформировать, сохраняя ее фундаментальный предрассудок. Для Канта и Фихте (как и для всей прежней логики) последним основанием «логических принципов» оказывалась их субъективно-психологическая самоочевидность для каждого отдельного Я, то есть согласие их с наличными схемами «сознательного мышления». С точки же зрения Гегеля, таковым оказывается только совокупный исторический процесс интеллектуального развития человечества, понятый в его всеобщих и необходимых моментах. Предметом логики здесь выступают уже не абстрактно-одинаковые схемы, которые можно обнаружить в каждом индивидуальном сознании, и «общие» для каждого из таких сознаний, а *история науки и техники*, коллективно творимая людьми, – процесс, вполне независимый от воли и сознания отдельного индивида, хотя и осуществляемый в каждом его звене именно сознательной деятельностью индивидов. Этот процесс, согласно Гегелю, включает в себя в качестве своей фазы и акт реализации мышления в предметном действии, а через действие – в формах вещей и событий вне головы, вне сознания как такового.

Это, по словам В.И. Ленина, «почти вплотную подход к диалектическому материализму»⁶.

Рассматривая мышление как *деятельность*, созидающую науку и технику, то есть как реальный продуктивный процесс, выражающий себя не только в движении слов, а и в изменении вещей, Гегель

⁵ Тренделенбург А. Логические исследования: в 2 т. М., 1868. Т. 1. С. 32.

⁶ Ленин В.И. Соч., 4-е изд. Т. 38. С. 292; см. также с. 159, 227, 273.

впервые в истории логики смог поставить перед этой наукой задачу *специального анализа форм мышления*, или анализа мышления *со стороны формы*, задачу, о которой логики до него даже не подозревали (как не подозревают многие из них и до сих пор). Этот факт, кажущийся на первый взгляд парадоксальным, а на самом деле очень легко объяснимый, отметил в «Капитале» Маркс: «Стоит ли удивляться, что экономисты, целиком поглощенные вещественной стороной дела, проглядели определения формы в относительном выражении стоимости, если профессиональные логики до Гегеля упускали из виду даже состав формы в фигурах суждения и заключения»^{7, i}.

Они в действительности зафиксировали лишь те фигуры, в которых логические действия, суждения и заключения выступают на экране языка, в виде схем соединения терминов, обозначающих некоторые общие представления. Однако *логическая форма*, выраженная в этих фигурах, осталась попросту вне поля их зрения, и именно в силу узости их понимания мышления лишь как рефлексии.

Поскольку же логическая форма, о которой здесь идет речь, была понята Гегелем как форма деятельности, одинаково хорошо осуществляющейся и в движении слов, и в движении образов вещей, и в каком угодно другом материале, постольку впервые и возникла возможность исследовать ее *как таковую*, то есть независимо от особенностей ее выражения в том или другом частном материале, как общую форму «дела и речи», «вещи и слова», как *категорию*ⁱⁱ.

Рассматриваемое так мышление предстает как «деятельность вообще», как деятельность в ее всеобщей форме, то есть в тех и только в тех ее характеристиках, которые остаются *инвариантными*, в каком бы частном материале эта деятельность ни выполнялась и какой бы особенный продукт она при этом ни производила, будь то всего-навсего слово (в широком смысле, как речь вообще) или вещь в буквальном смысле этого слова (плуг или хлеб, храм или государство), данная в созерцании и представлении. «Во всяком человеческом созерцании имеется мышление, — пишет Гегель. — Мышление есть также всеобщее во всех представлениях, воспоминаниях и вообще в каждой духовной деятельности, во всяком хотении, желании и т.д. Все они представляют собой дальнейшие спецификации мышления. Если мы будем так понимать мышление, то оно выступит в совер-

⁷ Marx K. Das Kapital. Hamburg: Otto Meissner, 1867. Bd. I. S. 21.

шенно ином свете, чем в том случае, когда мы только говорим: мы обладаем способностью мышления наряду с другими способностями, как, например, созерцанием, представлением, волей и т.д.»⁸.

Мышление в широком смысле этого слова, то есть такое, «которое деятельно во всем человеческом и сообщает всему человеческому его человечность»⁹, реально осуществляется вначале как деятельность, формирующая и организующая весь мир представлений. Именно мышлению принадлежит вообще «*определенность* чувств, созерцаний, образов, представлений, целей, обязанностей и т.д., а также мыслей и понятий»¹⁰. Мышление вообще, стало быть, «*выступает* сначала не в *форме мысли*, а в *форме чувства, созерцания, представления* – в *формах*, которые должно отличать от мышления как *формы*»¹¹.

Мышление «в форме мысли» выступает лишь в специальной рефлексии, там, где оно обращено само на себя, само себя имеет предметом, протекает как *мышление о мышлении* – как логика. Однако до этого и независимо от этого специального акта рефлексии мышление осуществляется как мышление о внешнем мире, как наука и техника, как искусство, нравственность, религия и т.д., как мышление во всем многообразии его особенных проявлений. Здесь логические формы, или «чистые формы мысли», не выступают перед самым мышлением как *таковые*. Они здесь сняты в материале конкретных представлений, «погружены во внешность» и потому противостоят самому же мышлению не как *формы мышления*, не как *формы деятельности*, а как *формы продуктов* этой деятельности, как *формы знания*, как формы образов и представлений внешнего мира, или, что то же самое, как формы внешнего мира, *каким мы его знаем благодаря деятельности мышления*, благодаря науке и технике. Задача логики – выявить эти «чистые формы мысли» и представить их в виде всеобщих схем той деятельности, которая создала и продолжает создавать мир знания (мир, каким мы его знаем).

Таким образом, мышление, о котором идет речь в логике, или мышление как предмет логики, – это, с одной стороны, то же самое мышление, которое реализовано и реализуется в виде знания, в виде

⁸ Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 1. С. 53.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 19.

¹¹ Там же. С. 18.

мира представления и созерцания, а с другой стороны, *по форме* это уже не то же самое мышление. Ибо «одно дело – иметь такие *определяемые и проникнутые* мышлением чувства и представления, и другое – иметь *мысли о таких чувствах и представлениях*»¹². Лишь когда мышление специально выделяет в материале представления и созерцания те схемы и формы, которые оно само же в них воплотило, организуя разрозненные чувственные впечатления в устойчивый образ, оно впервые и выступает перед самим собой в своей собственной форме – в форме мысли, как форма мышления. И не раньше.

Стало быть, мышление сначала осуществляется, а уже потом (или в самом ходе его осуществления) «рефлектирует», осознает свои собственные действия и их всеобщие схемы. Не действуя, то есть не осуществляясь в форме знания, в форме образов и представлений, оно не может и «рефлектировать», отражаться в себе самом. В выражениях Гегеля это и выглядит так, что мышление, оставаясь одним и тем же, различает самое себя от самого себя, само себя делает своим собственным предметом. И лишь в этом акте впервые выступает *форма* мышления; до этого же мышление выступает не в своей собственной форме, а в форме представления, созерцания и т.д.

Невнимание к этому важнейшему различию и приводило прежнюю логику к двоякой ошибке. С одной стороны, она фиксировала мышление только в форме рефлексии, только как «самосознательное» мышление, отдающее себе самому отчет в схемах своей работы, а потому противопоставляла ему всю сферу созерцания и представления, забывая, что сама эта сфера организована не без участия мышления и проникнута мышлением. Она упускала из виду, что мышление остается *в себе* одним и тем же, – реализуется ли оно в осмысленных образах внешнего, чувственно-данного мира или в виде рефлексии, в виде знания о себе самом. С другой же стороны, не различая эти два способа осуществления одного и того же мышления *по форме*, она не смогла указать, чем же *форма мышления* как таковая отличается от *формы представления*, и потому постоянно принимала одну за другую. Отсюда и получилось, что под видом понятия, этой всеобщей формы мышления, она рассматривала на деле вовсе не понятие, а любое общее представление, поскольку то

¹² Там же. С. 19.

выражено в речи, в слове, в термине. В итоге она и понятие брала только с той его стороны, с какой последнее действительно ничем не отличается от общего представления. Общей формой *понятия* она поэтому и считала *абстрактную всеобщность, абстрактное тождество*. Эту точку зрения отстаивал и Кант, который называл понятием любое общее представление, а форму понятия усматривал в абстрактном единстве или тождестве.

Вследствие этого прежняя логика уловила в своих абстракциях лишь то одинаковое, абстрактно-общее, в чем обе формы мышления совпадают, сливаются, не различаются. Она и в «сознательном мышлении» (то есть в рефлексии) зафиксировала только те формы и схемы, какие так же хорошо осуществляются и в обычном – некритическом и безотчетном – мышлении, которое произвело на свет прежнюю метафизику, и в итоге изложила в виде теории логики действительную схему метода прежней метафизики. А потому она и является лишь логикой метафизического мышления, его самосознанием, его рефлексией, его *некритическим* воспроизведением. В реальном же продуктивном процессе, созидающем науку, технику, нравственность, искусство, религию и вообще всю духовную культуру человечества, она смогла выявить лишь ничтожную часть действительно-логических определений. «Сравнение образов, до которых поднялись дух практического и религиозного миров и научный дух во всякого рода реальном и идеальном сознании, с образом, который носит логика (его сознание о своей чистой сущности), являет столь огромное различие, что даже при самом поверхностном рассмотрении не может не бросаться тотчас же в глаза, что это последнее сознание совершенно не соответствует тем взлетам и недостойно их»¹³.

Отсюда и вырастала задача критического преобразования логики. В самом деле, если мышление действительно таково, каким его изображала прежняя логика, то остается совершенно непостижимым, как оно умудрилось, пользуясь столь нехитрым инструментарием, создать весь тот сложный и богатый мир духовной культуры, который оно создало. С другой же стороны, «сознательное мышление» именно таково, ибо каждый отдельный индивид сознательно действует в актах мышления именно так, как она изображает, то есть осознает в своих действиях только те схемы, которые выяснила эта

¹³ Там же. Т. 5. С. 30.

логика, и сознательно строит свои логические действия в согласии с этими схемами.

Исходя из всего этого, Гегель пришел к выводу, что действительное мышление на самом деле протекает в иных формах и управляется иными законами, нежели те, которые имеющаяся логика считает единственно-логическими определениями мышления.

Но если мышление рассматривать не как субъективно-психическую деятельную способность, осуществляемую изолированным индивидом, а как деятельность, созидающую науку и технику, то ясно, что мышление придется исследовать как деятельность, по самому своему существу коллективную, кооперированную, в ходе которой индивид с его схемами сознательного мышления, известными обычной логике, исполняет лишь частные функции. Но выполняя их, он на самом деле постоянно вынужден осуществлять действия, никак не укладывающиеся в схемы обычной логики, «общей логики». Реально участвуя в общей работе, он все время подчиняется законам всеобщего мышления и действует в формах этого мышления, не осознавая их как *логические* формы и законы, хотя именно они и являются подлинными формами и законами мышления, понимаемого и осуществляемого как *всеобщая* деятельность и соответствующая ей деятельная способность.

Отсюда и получается та нелепая ситуация, когда подлинные формы и законы мышления, в рамках которых протекает действительное мышление (и не только мышление в целом, а и мышление каждого индивида, принимающего деятельное участие в общей работе духа), воспринимаются и понимаются не как формы и законы мышления, а как некая внешняя необходимость, как внелогическая детерминация действий, которую относят к сфере созерцания, представления, «практического разума», «интеллектуальной интуиции», и т.д. вплоть до неисповедимого промысла божьего. И делают это только на том основании, что эти подлинные формы и законы мышления еще не выявлены и не осознаны логикой, не узаконены логическими трактатами.

Поэтому реальный мыслящий индивид все время действует не так, как ему предписывают законы (точнее, правила) логики. Но все то, что в составе его действий не укладывается в эти правила и не объясняется ими, он не считает логическим, а потому не старается даже проанализировать в логике как науку о мышлении. Все это-

де не имеет отношения к логике, к предмету ее внимания и исследования.

В результате этот индивид и соответствующая форме его деятельности логика попадают в заколдованный круг. В реальном мышлении они рассматривают в качестве логических параметров лишь те схемы, которые уже получили права гражданства в логике, узаконены как логические правила, и ничего больше. Поэтому такая логика в реальном мышлении видит лишь те действия, которые подтверждают ее представления, а реальный мыслящий индивид в ходе своего мышления сознательно отдает себе отчет только в тех действиях, которые укладываются в ее схемы. Так они «подтверждают» друг друга, оставаясь слепыми по отношению ко всему, что происходит в реальном мышлении помимо этого. В результате такого рода (формальная) логика представляет собой совершенно некритическое описание схем «сознательного мышления». Поскольку же сама она – тоже «мышление» в специализированной функции самосознания, в функции «сознания о своей чистой сущности», эта логика являет собой чистый образ *несамокритичного* мышления. Это выражается в том, что она избегает анализировать свои собственные предпосылки. Все свои принципы она просто постулирует, ссылаясь на то, что они, дескать, «самоочевидны» для каждого мыслящего человека, что наша способность мышления так уж устроена. «С таким же правом мог бы медик на вопрос, почему утопает человек, упавший в воду, ответить: человек так уж устроен, что он не может жить под водой...» – не без основания иронизирует Гегель над этой манерой научного обоснования¹⁴.

И Гегель формулирует свою программу критического преобразования логики как науки. Задача – привести логику (то есть осознание мышлением всеобщих схем своей собственной работы, «своей чистой сущности») в соответствие с ее реальным предметом – с *действительным мышлением*, с его реально-всеобщими формами и законами. Последние осуществляются в мышлении вовсе не только и даже не столько как схемы и правила «сознательного мышления» (их точно и некритически воспроизводит обычная логика), а как всеобщие схемы «объективного мышления» – мышления, реализующегося не столько как субъективно-психический акт в голове отдельного *Я*, сколько как продуктивный процесс, созидающий науку,

¹⁴ См.: Там же. Т. 1. С. 208.

технику и нравственность, как *вполне объективный* процесс, совершенно независимый от воли и сознания отдельного лица, хотя и осуществляемый именно кооперированными усилиями сознательной воли множества таких лиц.

Отстаивая «объективность» логических форм в этом смысле, Гегель, разумеется, во многом прав, и его критика субъективно-идеалистического толкования «логического» (Юма, Канта – Фихте) актуальна в борьбе против многих нынешних их последователей, в частности неопозитивистов.

Наука и техника («опредмеченная сила знания», как ее определяет и материалист Маркс) в качестве социальных образований существуют и развиваются, конечно, вне головы (вне сознания) индивида. А иного сознания, кроме сознания *индивида*, по Гегелю, нет, не было и быть не может. В этом смысле логические формы как формы развития науки и техники действительно противостоят сознанию и воле индивида как *вполне объективные*, даже извне диктуемые ему рамки его индивидуально-осуществляемых действий, его субъективной деятельности. «Согласно этим определениям, – пишет Гегель, – мысли могут быть названы *объективными* мыслями, причем к таким объективным мыслям следует причислять также и формы, которые рассматриваются в обычной логике и считаются обыкновенно лишь формами *сознательного* мышления. Логика совпадает поэтому с *метафизикой*, с наукой о *вещах*, постигаемых в мыслях...»¹⁵

В этом понимании объективности форм мышления нет еще, конечно, ни зерна специфически гегелевского, объективного, идеализма, если только не считать идеализмом утверждение, что всеобщие формы развития науки, техники и нравственности совершенно не зависят от воли и сознания отдельного лица, а напротив, определяют его волю и его сознание, диктуют ему те общие рамки, внутри которых он действует в качестве мыслящего. Невозможно упрекнуть Гегеля и в том, что своим толкованием он якобы недозволительно раздвигает границы предмета логики настолько, что они начинают охватывать не только мышление, но и вещи. Как раз о вещах как *таковых* Гегель (как и Кант) вообще не говорит; он имеет в виду исключительно вещи, постигаемые в мыслях, «вещи в мышлении», то есть *мышление* о вещах – *мышление*, реализуемое в научно-теоретическом и техническом творчестве, *его* формы. Именно в этом

¹⁵ Там же. С. 52.

смысле Гегель и утверждает, что «в логике мы понимаем мысли так, что они не имеют никакого другого содержания, кроме содержания, входящего в состав самого мышления и порожденного им»¹⁶. Иными словами, логика имеет в виду не вещи, а те их определения, которые положены деятельностью мышления.

В этом отношении Гегель удерживается в рамках рассмотрения «чистого мышления» гораздо более строго и последовательно, чем предшествующая ему логика, не допуская в состав теории логики ничего, что нельзя было бы истолковать как продукт и результат деятельности мышления. Прежнюю логику он справедливо упрекает вслед за Кантом как раз за то, что та не умела строго удерживаться в границах своего предмета и вводила в него *не переваренный мышлением*, не воспроизведенный деятельностью мышления материал («расширение, которое она получала в продолжение некоторого времени благодаря добавлению психологического, педагогического и даже физиологического материала, было затем признано почти всеми за искажения», — отмечает Гегель¹⁷).

Требование Гегеля включить в состав предмета логики все категории (то есть предмет прежней метафизики, онтологии) вовсе не означало выхода за границы мышления. Оно равнозначно требованию критически проанализировать те *действия мышления*, которые произвели на свет определения прежней метафизики, выявить *те формы мышления*, которые и логика, и метафизика применяли совершенно некритически, бессознательно, не отдавая себе ясного отчета в их составе.

Кант, правда, требовал специально исследовать эти формы мышления. И для Гегеля не было сомнения в том, что «не надо пользоваться формами мышления, не подвергнув их исследованию», что «мы должны сделать предметом познания сами же формы мышления»¹⁸. Но ведь само такое исследование *уже есть мышление*, уже есть деятельность, протекающая в тех же самых формах, уже есть акт их применения. И если логику рассматривать как исследование (познание) форм мышления, то в таком исследовании, пишет Гегель, «должны соединиться друг с другом деятельность форм мышления и их критика. Формы мышления должны быть рассмотрены сами по

¹⁶ Там же. С. 55.

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Там же. С. 85.

себе, они представляют собой предмет и деятельность самого этого предмета. Они сами подвергают себя исследованию, сами должны определять свои границы и вскрывать свои недостатки. Тогда это будет та деятельность мышления, которую дальше мы рассмотрим особо как *диалектику*...»¹⁹

Иными словами, *критика форм мышления* возможна и мыслима только как *самокритика форм сознательного мышления*, то есть форм мышления, известных обычной логике и метафизике (онтологии). Но именно *самокритичности* этой логике и недостает; она постоянно и с необходимостью совершает такие действия, которые являются запретными с точки зрения ее же собственных принципов, законов и правил, однако не доводит этот факт до сознания, до выражения через свои принципы. Поэтому она постоянно впадает в диалектику, но только помимо своего сознания и вопреки своим намерениям. Так, провозглашая «закон тождества» и «запрет противоречия» высшими законами мышления, условиями возможности мышления вообще, это мышление, выступающее в функции логики, в первой же строке любого трактата позволяет себе утверждать, что «логика есть наука», что «Жучка есть собака», закрывая глаза на тот факт, что логической формой любого предложения оказывается отождествление нетождественного, различного, что закон тождества, строго говоря, соблюдается лишь в тавтологиях и что законом мышления его можно считать лишь при том условии, если мышление понимать как процесс производства тавтологий.

Эта логика требует от мышления последовательности. Но «основной ее недостаток, — отмечает Гегель, — обнаруживается в ее непоследовательности, в том, что она *соединяет* то, что за минуту до этого она объявляла самостоятельным и, следовательно, *несоединимым*»²⁰. Поэтому в таком мышлении господствует безвылазный дуализм, ему «недостает простого сознания того, что, постоянно возвращаясь от одного к другому, оно объявляет неудовлетворительным каждое из этих отдельных определений, и недостаток его состоит просто в неспособности свести воедино две мысли (по форме имеются налицо лишь *две мысли*)»²¹.

Эта манера рассуждать, согласно которой все вещи на свете следует рассматривать *как* со стороны тождества их друг другу, *так и*

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 110.

²¹ Там же. С. 110–111.

со стороны их различия друг от друга, «в одном отношении» полагать их как тождественные, а «в другом отношении» – как различные и противоположные, манера мыслить «как то, так и другое», «не только так, а и этак» (то есть прямо наоборот), как раз и составляет форму, в которой диалектика обнаруживает себя в сфере рассудка.

Внутри самой логики эта диалектика выражается в том, что так называемые абсолютные законы мышления оказываются «при ближайшем рассмотрении *противоположными друг другу*; они противоречат друг другу и взаимно упраздняют одно другое»²².

Следовательно, критика рассудка, с точки зрения самого же рассудка, приводит к выводу, «что диалектика составляет природу самого мышления, что в качестве рассудка оно должно впадать в отрицание самого себя, в противоречие...»²³

Это бесспорно доказал Кант, и если до Канта логика могла этого обстоятельства не замечать и быть несамокритичной по неведению, то теперь она может сохранить свои позиции, только сознательно закрывая глаза на факты, только сделавшись сознательно несамокритичной.

Главную слабость традиционной, формальной логики Гегель видит в том, что она, нагромождая противоречия на противоречия, старается этого обстоятельства не замечать, а потому оставляет их в мышлении неразрешенными, вместо того чтобы их разрешать. Гегель же требует от логики, чтобы она выясняла и указывала сознательному мышлению метод разрешения противоречий. В этом именно и заключается действительное отличие гегелевской логики от предшествующей, а вовсе не в том, что старая, формальная логика будто бы старалась избавить мышление от противоречий, а Гегель исходил из злокозненного желания эти противоречия узаконить.

Дело обстоит как раз наоборот. Гегель совершенно согласен с прежней логикой, что *неразрешенных* противоречий (формальных антиномий) в мышлении быть не должно, и рациональное зерно пресловутого запрета противоречия он видит в том, что формулировкой противоречия дело вовсе не кончается, что противоречие следует понимать вместе со способом его конкретного разрешения в составе более глубокого, конкретного знания. И совершенно ясно,

²² Там же. Т. 5. С. 481.

²³ Там же. Т. 1. С. 28.

что прежде чем противоречие разрешать, его надо предварительно четко зафиксировать, и именно как антиномию, как *логическое* противоречие.

Но как раз этого рассудок и выражающая его логика и пугаются. Они пытаются избежать от противоречия не на пути развития определений мысли, а на пути наивного самообмана, стараясь убедить и себя и других, что никакого противоречия нет, что это не противоречие в строгом смысле, а лишь видимость противоречия, лишь противоречие «в разное время и в разных отношениях».

Подлинное отличие гегелевской («положительной») диалектики от той бессознательной и безотчетной диалектики, которую заключают в себе рассудок и его логика, состоит как раз в этом отношении к противоречию. Старая логика, сталкиваясь с противоречием, которое она сама же произвела на свет (и именно потому, что строжайшим образом следовала своим принципам), всегда возвращается назад, к анализу предшествующего движения мысли, и старается отыскать в нем ошибку, приведшую к противоречию. Противоречие, таким образом, становится для этого мышления преградой, запрещающей ему двигаться дальше, вперед по пути развития определений. Оно всегда пятится перед лицом противоречия. Поэтому-то и получается, что «мышление, потеряв надежду своими *собственными* силами разрешить противоречие, в которое оно само себя поставило, возвращается к тем разрешениям и успокоениям, которые дух получил в других своих формах»²⁴, — к неосмысленному созерцанию, к религиозному или узкопрагматическому воззрению, к интеллектуальной интуиции и т.д.

Гегель полагает, что противоречие в определениях всегда должно быть разрешаемо на пути дальнейшего логического же движения мышления, на почве самой же логики, а не на пути возврата к низшим (по сравнению с мышлением) формам сознания, где этого противоречия нет в данном смысле по той причине, что оно еще не выражено в формах мышления и в языке.

Диалектика как логика («положительная диалектика») и есть, согласно Гегелю, метод мышления, включающий в себя как процесс выяснения, четкого осознания противоречий, бессознательно продуцируемых рассудком, так и процесс их конкретного разрешения на пути дальнейшего движения мысли, на пути реального развития

²⁴ Там же. С. 28–29.

науки, техники и нравственности, то есть всей той сферы, которая называется у него «объективным духом».

Искусство «опосредования» противоположностей в составе «конкретного» – в составе «единства различных определений» – Гегель и называет спекулятивным, или положительным моментом логического²⁵.

В свете этого понимания он и выделяет в логическом три момента или три стороны: 1) абстрактную, или рассудочную, 2) диалектическую, или отрицательно-разумную и 3) спекулятивную, или положительно-разумную, подчеркивая, что эти три стороны «не составляют трех частей логики, а суть моменты всякого логически реального, т.е. всякого понятия или всего истинного вообще»²⁶. В эмпирической истории мышления эти три момента, однако, выступают в виде трех последовательных стадий, откуда и получается иллюзия, будто они могут существовать рядом друг с другом как три раздела, три самостоятельные части логики.

«Мышление, как *рассудок*, не идет дальше неподвижной определенности и отличия последней от других определенностей; такую ограниченную абстракцию оно считает обладающей самостоятельным существованием»²⁷. Историческим воплощением этого «момента логического» выступает догматизм, а теоретическим «самосознанием» догматизма – общая, чисто формальная логика.

«Диалектический момент есть снятие такими конечными определениями самих себя и их переход в свою противоположность»²⁸. Историческим образом этого аспекта мышления выступает скептицизм, а соответствующее ему самосознание отлилось в кантовское понимание диалектики как констатации неразрешимых противоречий догматизма.

«Спекулятивный, или *положительно-разумный* момент постигает единство определений в их противоположности, *утверждение*, содержащееся в их разрешении и их переходе»²⁹. В систематической разработке этого последнего момента Гегель видел исторически назревшую задачу, главную задачу логики как науки о мышлении.

²⁵ См.: Там же. С. 139–140.

²⁶ Там же. С. 131.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 135.

²⁹ Там же. С. 139.

Указанные моменты неравноценны, и логика в целом не может получиться в результате простого их соединения. Первые два момента (соответственно два исторических образа логики) должны быть критически переработаны, переосмыслены с точки зрения третьего. Только тогда они действительно становятся моментами, и движение мышления становится в полной мере самокритичным, не рискуя уже впасть ни в тупой догматизм, ни в бесплодный скепсис.

Отсюда вытекает и внешнее, формальное членение логики на: 1) учение о бытии, 2) учение о сущности и 3) учение о понятии и идее.

Деление логики на «объективную» (учение о бытии и сущности) и «субъективную» (учение о понятии и идее) является, как подчеркивает Гегель, весьма условным и неточным, так как в логике «противоположность между субъективным и объективным (в ее обычном значении) отпадает»³⁰.

Этот пункт требует особого пояснения, ибо поверхностная критика гегелевского понимания логики чаще всего сводится к упреку, что эта позиция приводит к игнорированию противоположности между мышлением и бытием, и потому специфически субъективные формы выдаются за онтологические определения действительности и, наоборот, онтологические определения – за формы логического процесса. При таком наивном толковании Гегеля кантовский дуализм и в самом деле может показаться верхом премудрости.

Дело, однако, обстоит совсем не так просто, ибо под мышлением Гегель всюду понимает вовсе не субъективно-психический процесс, протекающий в сознании отдельного индивида (при таком понимании мышления упрек был бы совершенно справедлив), а *знание в его развитии, непосредственно эволюцию науки и техники.*

В силу этого под совпадением (тождеством) субъективного и объективного Гегель имеет в виду лишь факт согласования мышления с самим собой, то есть мышления отдельного лица с безличным «всеобщим мышлением» – с движением *науки*. Там, где схемы обоих процессов совпадают, сливаются и отдельное лицо непосредственно осуществляет дело «всеобщего духа», он и фиксирует логичность его действий. Поэтому все *категории* (качества, количества, причинности, вероятности и т.д.) Гегель и рассматривает не просто как наиболее общие определения вещей, *данных в созерцании индивида*, не просто как формы организации разрозненных впе-

³⁰ Там же. С. 53.

чатлений в синтетический образ (как их рассматривал Кант), а как универсальные формы вещей, какими они, вещи, выглядят *в глазах науки*, в процессе научного познания, в процессе «всеобщей деятельности». Этим и объясняется, что категории рассматриваются Гегелем одновременно как формы продуктивной деятельности «всеобщего духа», то есть деятельности, производящей и воспроизводящей не психические образы в голове отдельного индивида (это чистая позиция Канта), а реальные образы науки и техники, всего того мира общественно-человеческой культуры, который индивидуальному сознанию противостоит извне как вполне объективный мир, оформленный силою коллективного мышления всех предшествующих поколений.

В этом смысле Гегель действительно противопоставляет индивиду с его сознанием и волей некое безличное и безликое мышление, формы протекания которого как раз и обрисовывает логика. Это, разумеется, идеализм, и именно объективный идеализм, превращающий мышление как деятельную силу и способность человека в некую вне человека находящуюся и над ним господствующую силу, в нового бога. Однако в этой специфически гегелевской иллюзии выразился вовсе не атавизм религиозно-теологического взгляда, как думал Фейербах, а гораздо более серьезные и труднопреодолимые обстоятельства.

Дело в том, что эта иллюзия попросту некритически воспроизводит реальный факт отчуждения всех всеобщих человеческих сил и способностей в условиях стихийно развивающегося разделения общественного труда. В этих условиях, как показали Маркс и Энгельс, с неизбежностью возникает то перевертывание первоначальных отношений, в результате которого не индивид оказывается носителем (субъектом) известных всеобщих сил и способностей, а наоборот, эти всеобщие силы и способности, силы кооперированных индивидов, выступают как субъект, диктующий каждому индивиду способы его жизнедеятельности. Индивид как таковой превращается здесь в раба, в «говорящее орудие» отчужденных всеобщих сил, персонифицированных в виде денег, в виде капитала, а далее — в виде государства, права, религии и т.д.

Способы организации кооперированных усилий людей, то есть формы совместно осуществляемой ими деятельности, конституируются в особую, от самих индивидов не зависящую социальную силу, силу социальных фетишей. Та же самая судьба постигает здесь

и мышление. Оно также развивается здесь в отчужденной форме, в форме науки как особой, относительно самостоятельной сферы разделения труда, в форме профессии. В условиях всеобщего отчуждения мышление только внутри этой сферы и достигает той высоты и культуры своего развития, которая соответствует потребностям общественного организма в целом. Мышление становится в этих условиях своего рода кастовой привилегией, монополией более или менее узкого круга лиц, и в этом виде – в виде науки – противостоит большинству индивидов.

На этой почве и возникают все характерные иллюзии объективного идеализма в философии, этого не критического самосознания отчужденного мышления. Подобно тому как накопленный труд вообще выступает здесь в облике капитала – самовозрастающей стоимости, а отдельный капиталист играет роль «одушевленного душеприказчика» этой безликой силы, так и знание – накопленный умственный труд – предстает в образе науки, в образе саморазвивающегося знания, понятия и системы понятий. Отдельный же ученый профессионал-теоретик функционирует тут как представитель Науки, этой безличной всеобщей социальной силы, как исполнитель и душеприказчик аккумулированного в его голове Знания. Он выступает перед другими людьми не от своего имени, а от имени Науки, от имени Знания, от имени Понятия. Его социальная функция заключается в том, чтобы быть единичным воплощением всеобщего духовного богатства, накопленного умственного труда. Он выступает как одушевленное орудие процесса, совершающегося независимо от его воли и сознания, – процесса приращения знания. Мыслит не он как таковой, мыслит персонифицированное в нем Знание, вселившееся в его индивидуальную голову в ходе его образования.

Здесь происходит то же самое перевертывание, что и в сфере материального производства, основанного на стоимости, та же реальная мистификация отношений между «всеобщим» и «единичным», о которой хорошо сказал Маркс: «Это перевертывание, посредством которого чувственно-конкретное имеет значение лишь формы проявления абстрактно-всеобщего, а не наоборот, не абстрактно-всеобщее – значение свойства конкретного, и характеризует выражение стоимости. Это и делает трудным его понимание. Если я скажу: римское право и германское право суть оба “право”, то это понятно само собой. Если же я скажу, наоборот, что право – этот

Абстракт – осуществляется и в римском праве, и в германском праве, в этих конкретных правах, то отношение делается мистическим...»^{31, iii}.

То же самое отношение устанавливается между чувственно-конкретной личностью отдельного ученого, с одной стороны, и наукой как системой понятий – с другой стороны. Именно Знание (реализованное, опредмеченное мышление, или идеализованная, «распредмеченная» природа) является для него и началом и целью его профессиональной деятельности. Внешний же мир с этой точки зрения неизбежно выглядит лишь как сырье для его профессиональной работы, как средство приращения знания, как материал, который он должен обработать с помощью имеющихся понятий, чтобы в итоге получить новое, более содержательное (более конкретное) понятие.

В этом – объективном – положении теоретика, специалиста мышления в мире отчуждения заключены уже все иллюзии гегелевской логики. Гегелевская точка зрения и есть эта естественная точка зрения профессионала-теоретика, принятая и выданная за высшую и единственно человеческую точку зрения на окружающий мир. Оставаясь теоретиком, рассуждая на почве чисто теоретического отношения к вещам, человек вынужден смотреть на вещи именно так. Мышление (понятие) будет неизбежно казаться ему и исходным пунктом и целью его специфической жизнедеятельности, подлинной «энтелехией», а внешний мир и предметно-практическая жизнедеятельность – лишь пассивным материалом, лишь сырьем для интеллектуальной деятельности, лишь предметом, который надлежит обрабатывать и перерабатывать силой понятия, в формах логических категорий.

В виде логики Гегель обожествляет систему реальных всеобщих форм, в рамках которых протекает процесс развития науки и техники, процесс накопления и реализации силы знания, то есть реальный процесс мышления. В этом и сила и слабость гегелевской концепции логики. Сила ее в том, что обожествляет она все-таки *вполне реальные всеобщие формы и законы развития научно-теоретического мышления*. Слабость же ее в том, что эти реальные логические формы она все-таки *обожествляет*. В результате не реальные логические формы предстают в ней как духовные эквиваленты форм предметно-человеческой жизнедеятельности, а наоборот, формы реальной жизнедеятельности людей начинают казаться внешними

³¹ Marx K. Das Kapital. S. 771.

эквивалентами схем логической деятельности, а тот образ мира, который люди до сих пор успели сформировать своим трудом, также обожествляется, поскольку истолковывается как «опредмеченное божественное мышление», как своего рода эманация бога-интеллекта. С этим и связан тот «некритический позитивизм», на который обрекает теоретика слепое и некритическое следование всем рекомендациям гегелевской логики.

Действительно критическое преодоление гегелевской логики, сохранившее все ее бессмертные завоевания и очистившее их от мистики преклонения перед «чистым понятием», оказалось под силу лишь Марксу и Энгельсу. Ни одна другая философская система не сумела справиться с гегелевской концепцией логики, так как ни одна из них не заняла позицию революционно-критического отношения к тем объективным условиям, на почве которых возникает и с неумолимой силой воспроизводится ситуация отчуждения, то есть к миру товарно-капиталистических отношений и к соответствующей форме разделения труда.

О роли классического наследства в развитии категорий материалистической диалектики

Я хотел бы присоединиться к мыслям, которые высказаны Б.М. Кедровым, П.В. Копниным и А. Касымжановым. Они говорили, по-моему, о самом важном и наиболее важном.

Если мы жалуемся на естественников, которые-де нас слушать не хотят, то это происходит не потому только, что мы не знаем естествознания, а потому, прежде всего, что мы в своей собственной области оказываемся не на должной высоте. Не хватает нам чаще всего вовсе не естественнонаучной, а именно философско-логической культуры, той самой культуры, на уровне которой мыслил Маркс в «Капитале», Ленин – в своих теоретических работах.

Поэтому меня немного беспокоят раздающиеся здесь то и дело разговоры такого рода: все в мире развивается, а почему же диалектика должна составлять исключение? Давайте и диалектику развивать, давайте одни категории выбросим, другие введем, третьи – заменим на кибернетические или еще какие-нибудь.

На первый взгляд, это звучит хорошо. Но не слишком ли поспешно? Прежде чем развивать категории логики, надо дать убедительные доказательства, что вы уже владеете этими категориями хотя бы на том уровне, на котором владел ими Маркс в «Капитале». Когда вы это докажете и покажете, что они недостаточны, – вот тогда развивайте.

А то может оказаться, что вам надо развивать не категории диалектики, а всего-навсего свои собственные представления об этих категориях.

Получается часто следующее. Те самые люди, которые в философии мыслили не так давно на уровне «четвертой главы»¹ – т.е. на очень популярном уровне – бросились «дополнять» свой философский багаж за счет некритически усвоенных, философски не переваренных понятий математики, кибернетики, математической логики – всего чего угодно, только не настоящей философии. Стали искать решения задачи на пути так называемого обобщения успехов естествознания, а не на пути восстановления подлинно ленинских, подлинно марксистских норм, принципов и орудий работы в области философии, в области диалектики как логики и теории познания марксизма.

А на этом пути не могло получиться ничего, кроме сочетания премудростей четвертой главы «Краткого курса» с модными словечками вроде «информации», «обратной связи», «алгоритма» и т.п.

История с кибернетикой в этом отношении очень типична. Замечательная вещь кибернетика, коммунизму нужная. Но зачем же превращать кибернетику в очередную кукурузу?

Мало мы ценим и мало уважаем собственную науку, ее теоретический багаж, ее специфическую роль в развитии познания, ее собственные методы анализа, ее исторически сложившийся арсенал понятий. Поэтому часто и пропагандируем сами же нелепое представление, будто философия хороша тогда, когда тащится в хвосте за естествознанием, поддакивает всем высказываниям авторитетных естествовездников, и называем это поддакивание «обобщением успехов естествознания».

Мне очень не понравилась нотка, прозвучавшая здесь в выступлении И.С. Нарского, когда он, пытаясь вести спор с Розенталем (в котором безусловно прав Розенталь), пренебрежительно отозвался о Гегеле. Что, мол, с ним считаться, с этим человеком, который не знал математики и даже-де презирал ее.

Не будем уж говорить о том, что, если судить по изданным работам, Гегель математику знал лучше, чем Нарский. Но, в отличие от Нарского, не молился на нее как на откровение, а пытался анализировать ее понятия с точки зрения категорий логики и потому смотрел на известные математические понятия иначе, чем сами математики. В чем он прав, в чем не прав – в этом надо тщательно разобраться. По Нарскому же выходит, что в случае расхождения философа с математиком всегда прав математик, а аргументацию философа даже и рассматривать в этом случае не стоит.

Пока мы будем смотреть на философию как на служанку естествознания, а не как на равноправного товарища естествознания, никакого уважения к ней со стороны естественников не будет.

Выступал здесь тов. Свидерский и говорил, что «качество» ныне нельзя понимать по-старому, что надо его понимать «по-новому». Как оно понималось «по-старому», т.е. в классической диалектике, включая Маркса и Ленина, он не считал нужным разъяснить. Зато, пытаясь объяснить «новое» понимание, он сделал выразительный жест руками, стараясь охватить ими как можно больше воздуха, и пояснил – это-де и «структура», и «отношение структуры к ее элементам», «и так далее».

Это – «развитие» категорий диалектики?

На деле просто выбрасывается добрая старая категория вместе с четко разработанным ее смыслом, связанная с формулировкой важнейшего закона диалектической логики, с критикой механистического миропонимания и метода и многими другими весьма серьезными вещами. А вместо нее подсовываются совсем другие понятия (кстати, тоже небезызвестные философии, но – другие). Категория «качества» при этом вовсе не «развивается», не «обогащается». Она просто исчезает, подменяется другими категориями, ничего общего с «качеством» не имеющими и похожими скорее на чисто количественные определения, на понятия современной математики.

От «качества» в итоге осталось одно слово, одно название. А смысл ему придан совсем обратный. Вот и попробуйте бороться с механицизмом, пользуясь этим «новым» определением «качества». Я думаю, такому «развитию» категории «качества» очень обрадовались бы и Степанов-Скворцов, и Сарабьяновⁱⁱ, и все неумеренные поклонники кибернетики, видящие всюду одни «структуры», «отношения элементов» и прочие вещи, без остатка выражаемые цифрами и уравнениями.

Нельзя так легко бросаться категориями! «Качество» – в том его значении, в каком его понимал и употреблял в «Капитале» при анализе формы стоимости Маркс, – сохраняет свое методологическое значение и поныне. И давайте будем осторожнее.

То же самое мне хотелось бы сказать и тов. Кронродуⁱⁱⁱ. Он тоже слишком поспешно «развивает» категории «Капитала» и притом ссылается на «практику социалистического строительства».

Он полагает, будто «опыт строительства социализма в нашей стране» свидетельствует против положения Маркса о том, что в товар вообще превращаются только продукты независимых друг от друга, т.е. «частных», работ, и что поэтому непосредственно-общественный характер труда и стоимостная форма продукта – это вещи несоединимые. Кронроду во что бы то ни стало хочется объявить товарную форму «имманентной формой непосредственно-обобществленного производства». Ради этого он и «исправляет» Маркса.

А все дело в том, что Кронрод, как и некоторые другие экономисты, с некоторых пор стал рассматривать социализм не как первую фазу коммунизма, не как «недозревший коммунизм», в составе которого формы непосредственно-обобществленного труда переплетаются с формами прежней организации труда и диалектически-противоречиво взаимодействуют с ними, – а как особую и внутри себя завершенную формацию.

Для этого Кронрод вынужден пользоваться очень плохой логикой. Из того факта, что наше производство в целом, в общих его масштабах и контурах, уже обобществлено, он делает вывод, будто и каждое отдельное звено нашего хозяйственного организма тоже имеет непосредственно-общественный характер, что нет уже ни независимости отдельных – частных – работ друг от друга, ни центростремительных сил местничества и тому подобных явлений, и потому вместо реального анализа реальных противоречий нашего развития к коммунизму (в том числе между формами обобществленного труда и формами труда необобществленного) он и старается нарисовать идеальную непротиворечивую «структуру социализма», идеализирует реальность, вместо того чтобы ее исследовать.

Вот и получается, что, вместо того чтобы использовать категории материалистической диалектики в качестве остро отточенных инструментов критического анализа действительности и ее отражения в науке, мы начинаем эти категории просто приспособлявать,

прилаживать – как платье к фигуре – к эмпирическим фактам и к взглядам тех или иных современных естествоиспытателей или других деятелей.

Некоторым естествоиспытателям это, может быть, и нравится, ибо льстит их самолюбию. Я думаю, что пока мы не выполним свою специальную работу, т.е. не восстановим полностью классическое теоретическое наследие диалектики, все действительное богатство логических категорий, – любая наша попытка вмешиваться в развитие естествознания останется попыткой с негодными средствами.

Очень важно позаботиться и о самом широком издании классиков мировой философии, которое было искусственно прервано в 1938 году^{iv}. Наш народ заслужил то, чтобы иметь на своем родном языке все сокровища мировой философской классики. Это очень важно для повышения уровня теоретической культуры не только философов, но и самых широких кругов нашей партии.

Проблема абстрактного и конкретного

В наши дни уже не приходится доказывать, что ни одна книга в истории человечества не оказывала на умы людей такого широкого и могучего воздействия, как «Капитал» К. Маркса. Еще знаменательнее то обстоятельство, что речь идет в данном случае о научно-теоретическом сочинении. Сила идейного воздействия «Капитала» – это прежде всего сила теоретического анализа действительности и реализованной в этом труде логики. С этой точки зрения «Капитал» представляет особый и весьма актуальный интерес как один из тех немногих, буквально считанных случаев в истории научной мысли, когда в ходе разработки частной теории была сознательно и систематически применена тщательно продуманная логическая концепция, предварительно сформулированная во всех ее решающих пунктах в общем виде. Это обстоятельство следует подчеркнуть, ибо оно имеет самое прямое отношение к ответу на вопрос о том, в какой мере и почему логика «Капитала» (то есть примененный тут метод мышления, метод развития научных определений) может претендовать на универсальное значение, или, иными словами, в какой мере эта логика применима в других областях научного познания – будь то политическая экономия социализма или языкознание, биология или квантовая механика.

В этом плане решающее значение имеет как раз то, что теория прибавочной стоимости, развитая в «Капитале», с самого начала разрабатывалась в свете твердо установленных общелогических принципов, причем принципы эти были установлены до специально-экономического исследования и даже независимо от такового, хотя и в связи с ним, с его запросами.

Речь идет, стало быть, не о том, чтобы путем анализа извлечь из текста «Капитала» некоторые логические и методологические рекомендации, ибо в данном случае потребовалось бы еще специально доказывать, что эти рекомендации имеют общее действие и применимы также и за рамками предмета политической экономии капитализма как таковой, а о выяснении взглядов Маркса на мышление вообще, на проблему понятия и т.д. и т.п., короче говоря, о реконструкции логических воззрений автора «Капитала». Эта задача не может быть решена путем одной лишь «логической интерпретации текста» главного произведения Маркса, ибо «Капитал» – это все же не логика, а политическая экономия капитализма, то есть логика в ее особом, частном применении. Для извлечения из текста «Капитала» выводов, которые могли бы претендовать на непосредственно-всеобщее, логическое, значение, нужно и сам «Капитал» рассмотреть в более общей связи, в контексте всего развития марксовского миропонимания. Чтобы вообще разглядеть в тексте «Капитала» те пункты, в которых на частном материале (на материале экономических категорий) происходит решение общелогических (а не только конкретно-экономических) проблем, нужно прежде всего ясно и четко представлять себе самое существо этих логических проблем.

Логический анализ «Капитала» может дать очень многое для разработки общей теории логики в том случае и при том условии, если вопрос с самого начала будет поставлен в общей форме – как вопрос о выяснении и реконструкции той общей теории мышления, которая была разработана Марксом (хотя так и не была систематически изложена для печати) в основных своих чертах до работы над «Капиталом» и именно в ходе критически-материалистической переработки гегелевского учения о мышлении. Ибо всеобщие и основные положения своей логики Маркс разработал, решая вопрос, «который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Вопрос: как развивать науку?» (см. рецензию Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии»).

Понятия «конкретного» и «абстрактного» были разработаны Марксом как раз в контексте решения этого принципиального вопроса, в ходе конструктивной критики гегелевских представлений о мышлении, о роли мышления в человеческой жизнедеятельности, о специальной функции научно-теоретического мышления, о взаимоотношениях науки и общественно-человеческой практики и т.д. и т.п., вплоть до таких «деталей», как вопрос об отношении научного понятия к стихийно формирующемуся представлению, к образу живого созерцания и к «языку». И чтобы верно понять Маркса, нужно считаться с тем значением, которое термины «абстрактное» и «конкретное» обрели в его словаре, превратившись в рабочие термины диалектики как логики и теории познания. Это – совершенно необходимое условие правильного понимания подлинных идей Маркса в области логики.

Читатель волен соглашаться или не соглашаться с идеями любого автора, в том числе и с идеями Маркса, но прежде он обязан верно понять то, что тот говорит. Не зная «языка» немецкой классической философии, нельзя правильно понять ни логики «Капитала», ни логики в понимании Маркса вообще. В истории толкований метода Маркса эта истина подтверждалась, увы, неоднократно, в частности теми спорами, которые не раз возникали по поводу широко известного тезиса о «восхождении от абстрактного к конкретному».

Следовательно, читать «Капитал» глазами логика – значит рассматривать изложенную в нем теорию как одно из возможных применений общелогической концепции, а ни в коем случае не как единственное основание для выяснения логических идей Маркса. О марксовском (точнее, о диалектико-материалистическом) понимании категорий абстрактного и конкретного и их диалектики в процессе логического воспроизведения действительности мы могли бы говорить даже и в том случае, если бы «Капитал» вообще остался ненаписанным. Ибо это понимание с самого начала касалось вовсе не специального учения о формах и законах производства товара и капитала, стоимости и прибавочной стоимости, а общей теории о формах и законах производства знания, процесса переработки созерцания и представления в понятии.

Поэтому вопрос о «применимости» или «неприменимости» способа восхождения от абстрактного к конкретному в других науках, а не только в политической экономии капитализма, – это перефразировка вопроса о том, прав или неправ был Маркс в своей критике

немецкой классической философии, и прежде всего гегелевского учения о понятии, об отношении понятия к образу созерцания и представления, об отношении «мысли и объективности» и др. Если эта критика была справедливой, а ее результаты оправданы последующим теоретическим развитием (в том числе «Капиталом», хотя и не только им), то способ восхождения от абстрактного к конкретному приходится рассматривать как логическую форму развития понятий вообще, а вовсе не как частный методологический прием, специально разработанный для нужд теории прибавочной стоимости.

Многие недоразумения, связанные с толкованиями способа восхождения от абстрактного к конкретному, возникали и возникают как раз на почве поверхностных представлений об отношении Маркса к Гегелю, о существовании той огромной критической работы, которую Маркс проделал в отношении гегелевской логики, определений ее понятий. Полемизируя с Гегелем по существу дела, Маркс нигде и никогда не вступает с ним в пустые споры из-за слов, из-за чисто номинальных определений рабочих терминов гегелевской логики. Напротив, он сознательно и систематически пользуется ее строго разработанным «языком», даже там (и, что еще важнее, особенно там), где формулирует свои диаметрально противоположные, по существу, воззрения.

В силу этого читатель, незнакомый с тонкостями гегелевского языка, то и дело сталкивается у Маркса с неожиданными для себя оборотами речи, вдруг выворачивающими наизнанку привычный смысл «обычайших» слов. Иногда такой читатель просто отмахивается от подобных случаев словоупотребления, относя их за счет стилистических излишеств, за счет кокетничанья с гегелевским способом выражения (благо, сам Маркс признавался в этом грехе) и не подозревая, что в этом «выворачивании» значения ходячих словечек у Гегеля – а потому и у Маркса – находили свое выражение вовсе не терминологические капризы и произвол, а гораздо более серьезные вещи: реальная диалектика (то есть превращение в свою собственную противоположность) тех явлений, о которых тут шла речь.

«Конкретное» в словаре диалектической логики ни в коем случае не расшифровывается как «чувственно воспринимаемое», как «чувственно данное», как образ созерцания и представления в его противоположности понятию. Здесь оно понимается как «единство в многообразии» и в этом понимании становится одной из центральных логических категорий, выражением того реально общего, что свой-

ственно одинаково и действительности (природе и обществу) и познанию (то есть и сфере созерцания и сфере мышления). Логические (универсальные) категории вообще выражают не «специфику» того или иного частного объекта исследования, а именно всеобщее, «инвариантное» в движении любого объекта – будь то действительное развитие или развитие мысли (понятия).

То же самое относится и к пониманию «абстрактного». Это также логическая категория, и как таковая она выражает вовсе не «специфическое отличие» формы мышления от формы действительности и ее «чувственного восприятия», а как раз обратное: форму общую (тождественную) и движению действительности и движению познания. Само собою понятно, что в таком случае категория «абстрактное» одинаково применима и в качестве характеристики понятия, и в качестве характеристики явлений реального мира, объективной реальности, а поэтому и образов созерцания и представления, являющихся копиями этих явлений.

С этим и связаны у Маркса выражения «абстрактный труд», «абстрактная форма буржуазного способа производства», «абстрактная форма богатства», «абстрактный индивид», «чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы», «абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного целого» и т.д. и т.п. Под «абстрактным» здесь отчетливо понимается все вообще выделенное, обособленное, существующее «само по себе», в своей относительной независимости от всего другого, любая сторона, аспект или часть действительного целого, любой определенный фрагмент действительности или ее отражения в сознании.

Поэтому в виде проблемы отношения «абстрактного» к «конкретному» у Маркса выступает вовсе не вопрос об отношении «мысленного» к «чувственно воспринимаемому», а иная, гораздо более широкая и содержательная проблема – проблема внутреннего расчленения любого объекта и его теоретического воспроизведения в движении строго определенных понятий. Вопрос об отношении «конкретного» к «абстрактному» здесь выступает как вопрос об отношении целого к своим собственным моментам, объективно выделяющимся в его составе.

«Абстрактное» и «конкретное» у Маркса служат категориями, выражающими внутренние противоположности, в движении которых осуществляется жизнь (самодвижение) предмета исследования,

объекта теории, а не чисто психологическими определениями способов работы человеческой головы, не понятиями, одно из которых выражает способ чувственного восприятия («конкретного»), а другое – способ теоретической обработки чувственных данных. Это не определения разных явлений *внутри познающего человека*, а определения различных моментов той действительности, которая отражается в познании, ее внутреннего расчленения вне человеческой головы.

На первый взгляд может показаться, что при такой интерпретации понятий проблема отношения «конкретного» к «абстрактному» нацело сводится к проблеме отношения целого к своим собственным частям, к традиционной проблеме целого и части, и «конкретное» становится просто синонимом «целого», а «абстрактное» – вторым и потому лишним названием «частичного».

Действительно, эти проблемы в значительной части перекрывают одна другую, так как «абстрактное» понимается прежде всего как объективно выделившийся, внешне обособившийся, хотя и внутренне несамостоятельный момент (часть) конкретного целого, понимаемого как единство в многообразии. И если бы вопрос тем и исчерпывался, то можно было бы спокойно обойтись без употребления понятий «абстрактное» и «конкретное», не загромождая язык лишними словами.

Но уже Гегель, проанализировав соответствующие категории, установил, что понятия «часть» и «целое», хорошо выражая суть дела там, где речь идет о некотором механическом целом, агрегате частей, каждая из которых так же хорошо может существовать и вне данного агрегата (благодаря чему любую машину можно разобрать, а затем вновь собрать), становятся весьма зыбкими и двусмысленными, когда дело имеют с органическим целым, с организмом, например с биологической особью.

Здесь уже нельзя сказать, что целое организма состоит из частей и потому может быть составлено из них. Органическое целое развивается из себя свои собственные части (наглядный образ этого – развитие оплодотворенной клетки в новую особь). Части организма не существуют и не могут существовать отдельно от него. Вне этого организма они превращаются в нечто совсем иное. Рука, отделенная от тела, остается «рукой» только по названию. Ее собственная суть именно как части тела осталась в том самом теле, от которого ее отделили; ее главное «определение» или «определенность», стало

быть, находилась и находится *вне* ее. Следовательно, и специфическое определение руки, выражающее ее суть, есть лишь особое определение *тела в целом*. Это – то ее свойство (качество, определенность), в котором выражает не она себя, а через нее нечто другое. Поэтому сколько ни рассматривать эту часть организма *абстрактно*, то есть отдельно, изолированно от всех других частей того же тела, «в чистом виде», в ней не увидеть того, благодаря чему это рука, а не печень или волосы. Здесь сам акт «абстрагирования», отделения от целого, убивает и уничтожает главное определение той «части тела», которую хотят таким способом понять.

Гегель иллюстрирует эту диалектику примером химика, который хочет понять, что такое «мясо», разложив его на химические элементы. Но эти абстрактные вещества уже не есть «мясо», и даже не части «мяса», а части любого другого синтеза. Из их рассмотрения, даже исчерпывающе подробного, уже нельзя вычитать тех характеристик, благодаря наличию коих они составляли раньше именно «мясо».

Поэтому и Маркс, когда речь заходит об *органическом* целом, говорит не о частях его, а об *абстрактных моментах*, в которых и через которые осуществляется именно данное живое и конкретное целое – «тотальность», как любит называть его Маркс.

Конечно, говорить о меновой стоимости как о «части» семьи, городской общины или любого другого общественного целого было бы просто нелепо, хотя односторонним («частичным») отношением данного целого она и являлась. С другой же стороны, та же меновая стоимость оказывается в буржуазном обществе вовсе не «частичным», а «всеобщим» отношением между людьми. Здесь форма стоимости продукта труда «есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма»¹ всего способа производства.

Так что в одном контексте «абстрактное» может выступать как синоним «частичного», а в другом контексте – «общего». И там и тут оно, это понятие, сохраняет один и тот же, вполне строго определенный смысл – объективно выделяющегося в «целом» момента, внутренне несамостоятельного, но внешне обособившегося формообразования, необходимого элемента данной структуры.

Такое понимание (и соответствующее словоупотребление) не кокетничанье с гегелевским способом выражения, а вполне сознатель-

¹ Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 1. С. 87.

ное использование преимуществ гегелевского языка как языка диалектики. Как таковое оно свойственно отнюдь не только Марксу. Вполне предметно (как характеристику предметной, объективной реальности) понимает «абстрактное» и В.И. Ленин: «Природа и конкретна, и абстрактна»². Это вовсе не означает, что природа и чувственно воспринимаема и мыслима. Это означает, что в природе одинаково реальны и универсальное взаимодействие (единство) всех форм движения, и относительная изолированность, оторванность ее отдельных звеньев друг от друга, благодаря которой они непосредственно не сливаются в неразличимое «одно и то же», – и непрерывность всех ее многообразных превращений, переходов, и «дискретность», отграниченность друг от друга отдельных формообразований.

Такое же понимание «конкретного» и «абстрактного» было присуще и Энгельсу. Его положение о том, что общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный «конкретный» пример этого, может показаться парадоксальным только тому читателю, который привык думать, будто «абстрактное» – это синоним «общего», «одинакового», «тождественного», а «конкретное» – только лишнее название для чувственно воспринимаемой единичной вещи, явления, события, примера. В данном случае дело выглядит как раз наоборот.

Общее, разумеется, не есть автоматически «конкретное», как и каждое отдельное, единичное не есть «абстрактное». «Абстрактным» общее становится в том случае, если оно берется в его изолированности, оторванности, вне связи со своей противоположностью – особенностью, единичностью. Будучи же понято как общая связь и взаимодействие между вполне определенными – особыми и единичными – вещами, событиями, явлениями, это общее уже не противостоит им, а постигается именно как *их* общее, то есть вполне конкретно.

С таким пониманием этих категорий как раз и связаны известные положения материалистической диалектики о различии между «абстрактно-общим» и «конкретной всеобщностью» действительного научного понятия и о том, что «абстрактной истины нет», «истина всегда конкретна».

«Абстрактное» и у Ленина понимается как синоним оторванности, изолированности субъективного образа от других образов и от

² Ленин В.И. Соч. Т. 38. С. 199.

всего того процесса, который связует движение понятий с движением вещей, – от процесса отражения в его диалектико-материалистическом понимании. Отделенное от процесса реального движения познания и противопоставленное ему, понятие становится «абстрактным», то есть *субъективным*. Если же оно берется и понимается как звено в этом процессе, то ему не грозит эта участь. Тогда оно «конкретно», или, что то же самое, *объективно*.

Вообще категория «конкретная всеобщность» может иметь смысл, если ей противопоставлена не только «абстрактная всеобщность», но и «абстрактная единичность» (вспомним выражение «абстрактный индивид» у Маркса, означающее, что это односторонне, однобоко, уродливо развитый индивид в противоположность конкретному, то есть всесторонне, «тотально» развитому индивиду, человек, в коем гипертрофирована одна-единственная способность за счет всех других – типичный образ индивида буржуазного общества, мира частной собственности).

В выражениях «конкретная всеобщность» и «абстрактная единичность» можно, разумеется, увидеть лишь гегелевский способ выражения с его манерой отождествлять противоположности. Но без этого невозможно выразить в языке логических категорий реальную диалектику действительности и ее познания, где противоположности отождествляются то и дело, на каждом шагу.

Проблема стоимости, в частности, оказалась неразрешимой для всех экономистов до Маркса именно потому, что в ее выражении мысль сталкивалась с обнаженно диалектической проблемой. Выраженная привычным языком, стоимость сразу же оказывается сплошной мистикой: здесь не «абстрактное» является стороной или свойством «конкретного», а, как раз наоборот, «чувственно конкретное» оказывается лишь маской, лишь временной оболочкой, в которую облачается «абстрактное», чтобы совершить процедуру своего «самовозрастания»...

«Это перевертывание, посредством которого чувственно-конкретное имеет значение лишь формы проявления абстрактно-всеобщего, а не наоборот, не абстрактно-всеобщее – значение свойства конкретного, как раз и характеризует выражение стоимости. Это и делает трудным ее понимание. Если я скажу: римское право и германское право суть оба “право”, то это понятно само собой. Если же я, напротив, скажу, что Право (*Das Recht*) – этот Абстракт – вопло-

щается и в римском праве и в германском праве – в этих конкретных правах, – то отношение делается мистическим...»^{3, i}.

Действительно, вся хитрость формы стоимости продукта труда заключается в том, что «конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда»⁴. Упрямый экономический факт, совершенно правильно выраженный через ходячие представления об абстрактном и конкретном, воочию опровергает эти ходячие представления, демонстрирует их нелепость, их мистичность.

На деле-то – как удалось показать лишь Марксу, и именно потому, что он сознательно пользовался диалектическим пониманием этих категорий, – в этом нелепом, мистически вывернутом наизнанку выражении совершенно точно отражается реальный факт. Это факт господства, определяющей роли «целого» по отношению к своим собственным, мнимо независимым друг от друга частям, частностям, определяющего значения коллективно-общественных «агрегатных» сил по отношению к каждой частной работе и ее продукту. В этой нелепой форме обнаруживает себя то обстоятельство, что «частный труд становится формой своей противоположности, то есть трудом в непосредственно общественной форме»⁵.

«Частный труд» – портняжество, ткачество, сочинение трактатов по логике и т.п., – кажущийся немудреному взору чем-то совершенно «конкретным», попадает, чем дальше, тем больше под определяющее влияние сил общественных зависимостей. И «эти *вещные* отношения зависимости в противоположность *личным* и выступают так (вещное отношение зависимости – это не что иное, как общественные отношения, самостоятельно противостоящие по видимости независимым индивидам, то есть их производственные взаимоотношения, ставшие самостоятельными по отношению к ним самим), что над индивидами теперь господствуют *абстракции*, в то время как прежде они зависели друг от друга»⁶.

Индивиды, захваченные могучими водоворотами этих «вещных» зависимостей, то есть силами той подлинной, реальной «конкретности», которую они не понимают, не сознают, продолжают мнить се-

³ Marx K. Das Kapital. Hamburg: Otto Meissner, 1867. Bd. I. S. 771.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 65.

⁵ Там же.

⁶ Архив Маркса и Энгельса. М.: Партиздат, 1935. Т. IV. С. 103.

бя «конкретными индивидами», хотя захвативший их в свое течение процесс уже давным-давно превратил каждого из них в крайне «абстрактного» индивида, в исполнителя частных, односторонних операций – в ткача, портного, пекаря или токаря. Все остальные качества индивида, кроме чисто профессиональных, с точки зрения процесса в целом становятся чем-то совершенно безразличным и несущественным, не имеющим ровно никакого отношения к делу, подобно форме носа или цвета глаз.

И если такому мнимо конкретному, а фактически сведенному (редуцированному) к своей однобоко-профессиональной роли в составе целого индивиду кажется, что над его судьбой теперь приобрели полную власть некие безличные абстракции, которые управляют им как марионеткой, то на деле его привязывает к другим таким же индивидам именно его *собственная* абстрактность, то есть *односторонность*. Как болт не имеет никакого смысла без гайки, без отвертки и гаечного ключа и т.д., так и токарь – без литейщика и без пекаря, без инженера и т.д. И эта их конкретно-всесторонняя зависимость выступает в их сознании как власть абстрактного над каждым из них.

На деле это сила подлинной конкретности («тотальности» внутренне расчлененного целого) *общественного организма* и слабость подлинной абстрактности (то есть крайней односторонности, частного и частичного характера и деятельности и ее продукта) *индивида*.

Тут-то и проявляется все диалектическое коварство ходячих – недиалектических – представлений об «абстрактном» и «конкретном». Реально-абстрактный (узко частичный, односторонне развитый) индивид продолжает мнить себя «конкретной личностью» на том законном основании, что он единичный, чувственно воспринимаемый, воочию и наглядно данный созерцанию человек, это неповторимое «Я». И если согласиться с этой его иллюзией, то придется согласиться и с тем, что он раб «абстрактного», что над ним господствует «абстрактное».

А «абстрактное» в лексиконе человека, незнакомого с диалектической философией, – это синоним понятия, синоним «мыслимого». Отсюда очень легко получается вывод, что над миром (по крайней мере, над социальным миром) господствует понятие, идея, мысль. Поэтому-то эмпирик, презрительно фыркающий на «гегельяншину», на гегелевские «вывернутые» понятия, сразу же оказывается полнейшим рабом самых фундаментальных гегелевских заблуждений,

как только он ясно и четко осознает в своих категориях ту фактическую ситуацию, внутри которой он живет, принимая ее за само собой разумеющуюся и «естественную» организацию мира.

Ведь и в самом деле внутри этого мира произошло реальное «перевертывание», благодаря которому каждый конкретный индивид и его работа играют лишь роль абстрактного момента, то есть имеют смысл лишь как частичные воплощения абстрактного («абстрактного труда» и тому подобных форм выражения общественных зависимостей).

И чтобы освободиться от этой иллюзии хотя бы «теоретически», хотя бы в сознании, нужно в теории освободиться от власти ходячих представлений об «абстрактном» и «конкретном» и принять диалектическое – от Гегеля идущее и Марксом воспринятое – понимание и определение этих категорий.

Как это ни парадоксально, но только с помощью гегелевских понятий и их определений можно было освободиться от фундаментальных гегелевских заблуждений, действительно критически преодолеть их. И наоборот, малограмотное презрение к достижениям гегелевской логики с точки зрения ходячих («само собою разумеющихся») представлений неизбежно приводило и приводит к самому пошлому гегельянству на практике, к рабству в плену мистических представлений о господстве абстрактного над конкретным, понятия и идеи над чувственно воспринимаемым многообразием и разнообразием эмпирически данных фактов, явлений, событий.

С точки зрения диалектического понимания категорий логики («конкретного» – как единства *в многообразии*, а «абстрактного» – как внешне обособившегося, но внутренне несамостоятельного момента этого единства), описанная ситуация предстает совсем по-иному. С этой точки зрения знакомство с многообразными частностями, будь оно самым наглядным и подробным, без понимания «целого» – такое же «абстрактное» знание, как и его противоположность, – как и знание «целого», не расчлененное на знание «частностей».

Представлять себе единство без понимания создающего его многообразия – значит обладать таким же абстрактным знанием, как и в том случае, когда знают массу разнообразных фактов, не понимая их внутренней связи, внутреннего единства. Ни там, ни тут нет конкретного знания или, что то же самое, знания конкретного.

Естественно, что конкретное знание (верное знание конкретности) может выступать лишь как результат, как итог, как продукт специальной работы, а абстрактное – как ее начало и материал.

Поэтому именно «восхождение от абстрактного к конкретному» Маркс и определяет как «единственно возможный» и поэтому «правильный в научном отношении» способ, с помощью которого теоретически мыслящая голова может усваивать конкретное, духовно воспроизводить (отражать) его именно как конкретное в том строгом и точном смысле, который это понятие имеет в диалектической логике.

Воспарение «от конкретного к абстрактному» (к абстрактно-общему), с точки зрения Гегеля и Маркса, ни в коем случае не есть специфически свойственный научному мышлению способ выработки определений, тем более не «первая фаза» или «этап» теоретической работы. Как «момент», это движение, разумеется, всегда присутствует в движении всякой науки: теоретик в ходе исследования фактов тоже выделяет в чувственно созерцаемых (единичных) фактах некоторые общие определения, извлекая их актом абстрагирования. Но ровно ничего специфического для теоретической работы тут нет. Восхождение от конкретного к его абстрактному выражению тут выступает не как цель и самоцель, а только как служебное средство, используемое для решения как раз противоположной задачи.

Выработка «абстракций», задача сведения, «редукции», отыскания абстрактно-общего, схожего, одинакового никогда не являлась специальной задачей и целью науки. Это дело нетрудное – чего проще отыскать признак, общий и млекопитающему и сапожной щетке... Для науки характерно как раз обратное устремление – мысленное *восстановление*, духовное воспроизведение того самого конкретного целого, которое акт абстракции как раз разрушает. Наука с самого начала нацелена на это восстановление, на «реставрацию» в понятии конкретного целого, разорванного силой абстракции на его разрозненные члены, на оживление этих *membra disjecta*ⁱⁱ и синтез разрозненных частей в составе живого целого, в составе его понимания. Категории логики как раз и являются этими всеобщими формами синтеза абстрактно-общих представлений в единстве понятия.

Диалектическая логика (как Гегеля, так и Маркса, независимо от дальнейших различий, связанных как раз с противоположностью материализма и идеализма) вообще исходит из того, что «абстрактная всеобщность» (то есть абстрактная одинаковость, абстрактное тождество) еще ни в коем случае не есть форма понятия и ничего специфического для понятия собой не представляет⁷.

⁷ См. об этом: Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 1. С. 268.

Абстрактная всеобщность – это всего-навсего общая форма представления, то есть донаучной стадии развития сознания и познания. Переход от представления к понятию связан как раз с преодолением этой формы «абстрактного тождества» в тождестве конкретном, в единстве понятия – в единстве противоположностей. Поэтому восхождение от абстрактного к конкретному – это вовсе не только движение в сфере «чистого понятия», а именно процесс переработки представления в понятие.

В качестве основного логического критерия теоретического (научного) подхода к явлениям действительности Маркс, следуя в данном случае за Гегелем, принимает логический принцип конкретного тождества, тождества противоположностей. В этом-то и заключается переход от простого, некритического «описания» очевидных для каждого явлений к их теоретически-научному постижению.

Маркс вовсе не «открыл» всем хорошо известную двойственность товара. Каждый обыватель до Маркса, до Рикардо и Смита прекрасно знал, что товар, с одной стороны, представляет собою «потребительную ценность», может рассматриваться как нечто ценное с точки зрения потребления, а с другой стороны, – меновую ценность, ценность с точки зрения интересов обмена, выменивания на что-нибудь другое, более ценное для потребления, хотя и равноценное с точки зрения денег, с точки зрения цены. Каждый крестьянин знает, что хлеб можно съесть, а можно и продать.

Так что суждение, согласно которому товар есть, с одной стороны, потребительная ценность, а с другой стороны, ценность для обмена, само по себе еще не имеет ничего общего с теоретическим суждением экономиста относительно природы «ценности» («стоимости»)ⁱⁱⁱ вообще. Здесь это просто две «практически истинных» и «практически полезных» абстракции, два абстрактных, изолированных друг от друга и никак между собою внутренне не увязанных представления. Ничего более.

Теоретическое же понимание «ценности» («стоимости») заключается в том, что потребительная ценность вещи, функционирующей как товар на рынке, есть не что иное, как способ или форма обнаружения своей собственной противоположности – ее ценности для обмена, ее меновой стоимости или, точнее, просто «ценности», просто «стоимости».

Вот это-то и есть переход от «абстрактного» (непосредственно от двух равно абстрактных представлений) к «конкретному» (к единству *понятия* – к *понятию* «ценности» или «стоимости»).

Способ восхождения от абстрактного к конкретному – это и есть способ теоретической переработки данных созерцания и представления в понятии, способ движения мысли от факта к факту – от одного фактически данного явления (в его строго абстрактном выражении) к другому такому же фактически данному явлению (и к соответствующему понятию), а вовсе не способ движения мысли «от понятия к понятию» и тем более «от понятия к чувственно созерцаемой эмпирии», хотя оба эти аспекта здесь и присутствуют, и именно как аспекты, как моменты, и их нетрудно увидеть. Так, все движение категорий в «Капитале» является, разумеется, движением от *понятия* стоимости (товара) к *понятию* капитала и т.д., точнее, от понимания строго сформулированных закономерностей товарно-денежной сферы к такому же пониманию имманентных закономерностей, регулирующих обмен капитала на труд и обратно, то есть к *понятию* прибавочной стоимости, и далее – к *понятиям* тех превращенных и всецело отчужденных форм, в которых выступает, производится и обращается эта прибавочная стоимость, – прибыли, ренты, процента. Каждый шаг вперед по этому пути – это ступенька углубления понимания, ступенька конкретизации исходного понимания (понятия). В то же время это есть и движение от понятия к факту в том смысле, что ранее выработанное понятие, извлеченное актом абстракции из фактов, становится активным орудием понимания других фактов, создает целенаправленность движения мысли. Понятие «стоимость», будучи строго разработанным, становится теоретическим критерием дальнейшего движения познания, позволяет в более конкретных образованиях (в «деньгах», в «капитале» и пр.) активно выделять в качестве существенных именно те их характеристики, которые действительно полагаются саморазвитием данной конкретной системы, данного «единства в многообразии», а не «привходят» в эту систему со стороны, не являются продуктами внешнего взаимодействия данной системы с какой-то другой системой явлений. Так, деньги понимаются тут не как, скажем, порции золота или напечатанные в типографии бумажки (это и было бы крайне абстрактным представлением о них), а как «мера стоимости», как «средство обращения» товарных стоимостей и т.д.; капитал – как «самовозрастающая стоимость», как накопленная «прибавочная стоимость», а не как «накопленный труд вообще», не как машины, заводы, фабрики и банки или прочие вещи в их непосредственно телесном, чисто вещественном облике. Исходное понятие позволяет и в этих вещах

увидеть и выделить те и только те характеристики, которые принадлежат к составу данной «саморазвивающейся» системы явлений и выступают как определения данной конкретной системы.

Эту свою функцию исходное понятие выполняет именно потому, что оно верно выражает реально-всеобщую форму саморазвития исследуемого предмета, потому что форма стоимости оказывается как бы пропуском в царство капиталистического производства: не имея печати «стоимости» на своем лбу, ни человек, ни вещь не могут вступить в это царство, не могут начать функционировать в нем в качестве его элементов, не могут рассматриваться как внутренние («имманентные») моменты движения этого способа производства. А для теоретика это обстоятельство, выраженное в понятии стоимости и в его определениях, создает жесткий и ясный критерий для выделения из всей пестрой массы перепутанных между собою отношений между людьми, наблюдаемых в «эмпирии», тех специфических форм экономики, которые относятся к «чистой структуре капитализма».

Поэтому те определения вещей, которые не являются «развитыми» определениями *стоимости* (или «конкретизированными определениями стоимости»), и не входят в состав системы. «Капитал», разумеется, есть «накопленный труд» – «машины», «заводы» и пр. – и потому легко подводится под одну рубрику и с дубиной неандертальца (это тоже «накопленный труд»), и с машиной как элементом любой технической системы. Как непосредственно наблюдаемое эмпирическое явление его легко «отождествить» в абстракции и с тем, и с другим, и с третьим. Но трудно выделить в нем (извлечь актом абстракции) именно те его определения, которые специфически характеризуют его как *капитал*, получить конкретную абстракцию, конкретно-всеобщее понятие. И это понятие нельзя образовать, если предварительно не развито понятие *стоимости*. Если последнее развито, то понятие капитала как самовозрастающей стоимости получить уже можно.

То же самое относится не только к исходному понятию – каждое уже развитое понятие становится исходной точкой для дальнейшего движения мысли по фактам. Так, «легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ни того, ни другого»⁸.

⁸ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 222.

Описать, то есть просто выразить в абстрактных терминах и то и другое, разумеется, можно и в обратном и в любом другом порядке; *понять*, то есть отразить в *понятии*, нельзя. Понять – это и значит развить понятие прибавочной стоимости из понятия стоимости, понятие прибыли – из понятия прибавочной стоимости. Ибо порядок понимания – последовательность «восхождения от абстрактного к конкретному» – не случаен и не произволен. Он диктуется не особенностями устройства теоретически мыслящей головы, не тем обстоятельством, что человеку легко понять сначала простое, а потом уже сложное, а тем реальным порядком, в котором развиваются друг из друга соответствующие этим понятиям реальные формы жизни предмета. Ибо *логическое* (в том числе и логическая последовательность развития понятий) – это отраженное (воспроизведенное в голове) *историческое*.

Вот почему форма восхождения от абстрактного к конкретному – это вовсе не субъективно-психологический прием, с помощью которого человеку «легче понять» предмет, а та единственная логическая форма, которая позволяет выразить в движении понятий объективный процесс саморазвития, процесс становления конкретной системы, процесс «саморазличения», посредством которого возникает, становится, оформляется и разнообразится внутри себя любое «органическое целое» – будь то капитализм, феодализм или социализм, биологическое целое (живой организм) или любая другая «целостная» система взаимодействующих явлений. Поэтому способ восхождения от абстрактного к конкретному, примененный с таким успехом в «Капитале», можно рассматривать как логический, то есть универсальный метод мышления. Он еще ждет своего последовательного применения и в политической экономии социализма, и в других теоретических областях.

Логика «Капитала», отправляющаяся от абстрактно-всеобщего определения исследуемого объекта и приходящая к развитой системе конкретно-всеобщих определений, восстанавливающая в мышлении (в виде системы теоретических абстракций) то живое «саморазвивающееся» целое, которое составляет объект анализа, а не просто разлагающая объект анализа на разрозненные составные части, до сих пор остается непревзойденным образцом сознательного применения диалектики как логики и теории познания к исследованию предмета. Поэтому В.И. Ленин и придавал такое огромное значение логике «Капитала» в деле разработки Логике с большой буквы.

Для многих областей науки (и прежде всего для политической экономики социализма) способ восхождения от абстрактного к конкретному – это лишь завтрашний день. Этот метод еще сыграет, по нашему убеждению, роль метода, революционизирующего многие другие области научного мышления. Его возможности далеко еще не исчерпаны современной наукой, и не только политической экономией социализма, а и всеми теми отраслями естествознания, которые стоят ныне перед задачей анализа сложных, развивающихся во времени и в пространстве органических систем, внутри себя саморазличающихся и саморазвивающихся «тотальностей». Второе столетие своей жизни этот метод, надо думать, ознаменует не менее значительными успехами, чем истекшее столетие.

Понятие «абстрактного» («идеального») объекта

Последние годы в литературе по логике, а особенно в так называемой «логике науки», часто мелькает термин «абстрактный объект». Нам представляется, что использование этого маловразумительного термина очень плохо вяжется с тем пониманием проблемы абстрактного и конкретного, которое свойственно диалектической традиции в Логике. Дальнейший текст и представляет собой попытку проанализировать, при каких именно философско-логических допущениях это, на наш взгляд, несуразное понятие приходится конструировать и вводить в язык логики.

Автор исходит при этом из тех определений понятий «абстрактного» и «конкретного», которые ему не раз приходилось рассматривать и обосновывать в ряде работ, например в статье о понятиях «абстрактного» и «конкретного» в «Капитале» К. Маркса¹.

* * *

Существование особой категории «абстрактных» или «идеальных» объектов рядом с миром эмпирически данных конкретных объектов Маркс, как последовательный материалист и последовательный эмпирик, отвергал, показывая, что необходимость вводить

¹ См.: Ильенков Э.В. Проблема абстрактного и конкретного // Вопросы философии. 1967. № 9. С. 55–65.

такую категорию выступает как неизбежное наказание за неполноту, ущербность и односторонность («абстрактность») фактически-эмпирического понимания действительности.

Эмпирик же непоследовательный, типа Локка или Витгенштейна, кладущий в основание своего взгляда представление о независимых друг от друга «единичных вещах» или «атомарных фактах», фиксирует затем столь же эмпирически-очевидный факт их зависимости друг от друга уже не в виде эмпирически прослеживаемых отношений между ними в составе того или другого «целого», а в виде Абстрактов.

Иными словами, в виде Абстракта, «воплощающегося» в «конкретно-единичных своих проявлениях», сознание эмпирика фиксирует ту самую определяющую роль Целого по отношению к своим собственным «частям», от которой он вначале сознательно абстрагировался как от «мнимого объекта», выдуманного-де устаревшей «философской метафизикой».

На деле же ситуация всесторонней зависимости между отдельными, лишь мнимонезависимыми друг от друга элементами целого есть та реальная ситуация, которую давно выразила в своих категориях рационалистическая философия, традиция Спинозы – Лейбница – Фихте – Гегеля, традиция, противостоящая узкоэмпирическому (от «индивида» и от «индивидуального концепта» исходящему) взгляду на мышление.

Определяющая роль целого по отношению к своим собственным «частям», точка зрения, исходящая из «целого» и приходящая затем к пониманию «частей» его, – это и было всегда почвой, на которой вырастала диалектика.

Обратный же взгляд, исходящий из представления о том, что «сначала» существуют самостоятельные, совершенно не зависимые один от другого «индивиды» (по-гречески – «атомы», по-неопозитивистски – «атомарные факты»), то есть «логически неразложимые» единицы мироздания, которые затем «объединяются» в те или иные более или менее случайные по отношению к их «внутренней природе» комплексы, нисколько от этого объединения не изменяясь и оставаясь теми же самими, что и до него, – этот взгляд всегда был и остается почвой, на которой никакая диалектика привиться не может. Это – почва, на которой она сразу же засыхает.

Но зато хорошо прививается взгляд, согласно которому рядом с миром «индивидов» существует еще и особый мир «моделей»,

«абстрактных объектов», формирующих различные «комплексы» индивидов и «индивидуальных концептов», – «сфера мистического», как определил ее Л. Витгенштейн.

Эмпирик и фиксирует в конце концов факт зависимости частей от целого именно в мистической форме, в виде зависимости конкретно-единичного от Абстрактно-Всеобщего.

Поэтому Всеобщее неизбежно оказывается мистическим, ибо определения «целого» принципиально не могут быть получены (за это ручается даже формальная логика) путем фиксации тех «общих признаков», которыми обладает каждая порознь рассмотренная часть этого целого, каждый его составной элемент, – как представление о форме дома не составишь из тех признаков, которыми обладает каждый кирпич...

Эта ситуация, имеющая общелогическое значение, хорошо прослеживается на понятии Стоимости, так как в выражении Стоимости определяющая роль целого по отношению к его собственным частям как раз и проявляется в «мистической форме», так что не «абстрактное» оказывается свойством (стороной, признаком или моментом) конкретного, а наоборот, чувственно-конкретное становится воплощением, мимолетной ипостасью Абстрактно-Всеобщего.

В этой нелепо-мистической форме и проявляется, как удалось показать лишь Марксу (именно потому, что он исходил из диалектического понимания категорий логики), определяющая роль коллективно-общественных «агрегатных» сил социального целого по отношению к каждой отдельной (частной и частичной) работе, создающей отдельный (частный и частичный) продукт.

В виде стоимости (Абстракта) проявляется на деле общественный, то есть конкретно-всеобщий, характер труда.

Иллюзия, состоящая в том, что конкретные явления представляются различными способами «воплощения» некоторого Абстракта, некоторого Абстрактно-Всеобщего, возникает при вполне определенных условиях, то есть не везде и не всегда.

Когда мы имеем дело с фактом взаимной зависимости «частей» внутри легкообозримого «целого», будь то часовой механизм или небольшой коллектив работающих людей, поделивших между собою обязанности, – для такой иллюзии попросту нет почвы. Здесь ясно видно, что отдельные «детали» зависят друг от друга, и подробно проследив всю сумму зависимостей между частями, мы поймем и «целое». Для какого-либо особого Абстрактного Объекта

тут места не остается и не возникает нужды в его придумывании. Ибо Абстрактный Объект – это фикция, за которой стоит конкретно не понятое «целое», то есть «целое», способ взаимодействия между «частями» коего нам неведом.

Если мы имеем дело с производством в рамках общинного строя, то есть с работой людей, составлявших непосредственно наблюдаемый коллектив, то ясно, что отдельные элементы этого «целого» зависят только друг от друга, что между ними поделена одна и та же работа, одно и то же конкретно-определенное дело. В этом случае «труд отдельного лица выступает непосредственно как функция члена общественного организма»². Иными словами, конкретно-общее дело осуществляется тут конкретно-единичными людьми, и никакой мистики Абстрактно-Всеобщего здесь нет.

Другое положение создается тогда, когда в некоторое Целое увязаны между собою «конкретные» люди или вещи, непосредственно друг от друга «не зависящие», «самостоятельные» и «обособленные», существующие «сами по себе». Объективно-реальное, то есть конкретно-всеобщее, целостное образование (органическое целое), которое здесь имеет место, представляется лишь результатом, получающимся из взаимодействия изначально независимых друг от друга «частичек», «атомов».

Но поскольку независимость эта чисто мнимая, поскольку в действительности эти «частички» с самого начала сформированы и связаны между собой именно так, как того требует «целое», и исполняют именно те роли и функции, которые диктует им это «целое», постольку их реальная взаимозависимость и предстает в соответственно мнимой форме, в форме некоторого Абстракта, извне диктующего этим «частичкам» способ их объединения в «целое».

Целое предстает тут в образе извне привходящего к этим частям Абстракта только потому, что в составе каждой частички не была усмотрена та определенность, которая и делала их изначально частичками именно данного, конкретного «целого». От этой конкретной определенности и была совершена «абстракция», от нее-то и «отвлечлись» с самого начала.

Иными словами, в рассмотрении каждой отдельной «детали» сознательно были опущены те ее особенности, благодаря которым она и исполняет свою строго определенную роль, функцию.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 20.

Это значит, что данная деталь была определена «абстрактно», акт абстракции и устранил из нее то самое главное, существенное, что делает ее деталью данного конкретного целого, ту ее конкретную определенность, которой она обязана конкретному целому.

Эта опущенная вначале определенность как раз и вылезает потом в виде извне привходящего мистического Абстракта, якобы диктующего «конкретным деталям» их определенность и роль в движении целого. Со стоимостью именно так и получается.

«Труд, который представлен в меновой стоимости, предполагается как труд обособленного отдельного лица»³. То есть предполагается таким, каким он на самом деле не был, не является и не может являться. Ибо он изначально был и все время оставался общественным трудом, неравно разделенным между разными лицами, которые только мнят себя изначально-обособленными. На деле же способ работы, практикуемый каждым из них, был навязан им со стороны стихийно сложившегося и потому непонятного для них целого, конкретно-всеобщего расчленения общего дела на ряд частичных и частных операций.

И если исходной точкой рассмотрения была сделана фикция, то есть представление об изначальной независимости деталей друг от друга, то реальная зависимость, всегда присутствовавшая в них, но сознательно игнорировавшаяся, постигается тоже как фикция, как особый Абстракт. В конкретном составе «деталей» она не была зафиксирована, поэтому ее приходится привносить задним числом извне.

Отсюда и получается, что всесторонняя зависимость индивидов друг от друга осуществляется и выражается через свою собственную противоположность, через «частные», разобщенные и никак заранее не «притертые» друг к другу, «независимые» один от другого акты труда. Это и выражается таким образом, что «частный труд становится формой своей противоположности, то есть трудом в непосредственно общественной форме»⁴, или, в другой терминологии, «конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда»⁵.

Таким образом получается то самое нелепо-мистическое выражение, в составе которого «конкретное» становится «формой проявления» («ипостасью») Абстрактного...

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 23. С. 68.

⁵ Там же.

Однако в этой мистически-нелепой форме выражено вполне реальное положение вещей, а именно, реальная всесторонняя зависимость всех индивидов друг от друга, то есть общественный характер труда каждого из них. Конкретно-всеобщее взаимодействие «деталей» и предстает в виде Абстрактно-Всеобщего, в мистическом облике Абстрактного Объекта – Стоимости¹.

Все выворачивается, таким образом, наизнанку, переворачивается с ног на голову, получает превратный вид. А на самом деле то, что называется по старинке «конкретным трудом», давным-давно перестало быть «конкретным». Труд сам по себе, вовсе не в абстрагирующей фантазии, превратился в крайне абстрактный труд, стал частичным, односторонним и механически простым. Он перестал быть живой деятельностью личности – данной неповторимой конкретной личности – и стал простым заученным движением по схеме, набором совершенно стандартных, безлично-абстрактных операций. Здесь происходит следующее: попадая в сложившуюся систему отношений, характерных для грандиозной машины капиталистического способа производства, «конкретный индивид» начинает функционировать в ней именно в той роли, которую она ему определила, в роли «винтика», в роли стандартно-абстрактной детали. Его деятельность становится в буквальном смысле абстрактной, т.е. частичной, односторонней, ущербно-однобокой и схематичной.

Именно потому, что его деятельность, как и деятельность каждого его соседа, сделалась реально-абстрактной, она и оказалась накрепко привязанной к другой столь же абстрактной деятельности. Захваченный в сети «вещной зависимости», этот абстрактный индивид неизбежно попадает и в сети иллюзий относительно своего собственного бытия.

«Эти *вещные* отношения зависимости в противоположность *личным* и выступают так (вещное отношение зависимости – это не что иное, как общественные отношения, самостоятельно противостоящие по видимости независимым индивидам, т.е. их производственные взаимоотношения, ставшие самостоятельными по отношению к ним самим), что над индивидами теперь господствуют *абстракции*, в то время как прежде они зависели друг от друга»⁶.

Индивиды, связанные по рукам и ногам сетями «вещных зависимостей», то есть силами той самой подлинной конкретности своих

⁶ Архив Маркса и Энгельса. М.: Партиздат, 1935. Т. IV. С. 103.

взаимных отношений, которую они не видят, не понимают, не сознают, продолжают мнить себя «конкретными индивидами», хотя захвативший их в свое течение процесс давным-давно превратил каждого из них в крайне абстрактного индивида, в исполнителя частных и частичных односторонне-стандартных операций: в ткача, портного, в пекаря, токаря или изготовителя «абстрактных полотен».

Все остальные «конкретные» качества индивида, кроме чисто профессиональных, с точки зрения процесса в целом становятся чем-то совершенно несущественным и безразличным, ненужным, – и потому атрофируются в том, кто их ранее имел, и не воспроизводятся в том, кто их еще не обрел. (С этим и связан тот самый знаменитый феномен «отчуждения», который приводит к «обезличиванию индивида», к утрате личностного отношения индивида как к другому индивиду, так и к миру вообще, к превращению его в полностью стандартизованную фигуру, в схему, в абстрактный образ.)

И если мнимо-конкретному – а на самом деле «сведенному» (редуцированному) к абстрактно-одностороннему и схематичному образу – индивиду кажется, что над ним и над его судьбой обрели власть некие безличные Абстракты, Абстрактные Объекты, Абстрактные Модели, Абстрактные Стереотипы, которые и управляют им как рабом, как марионеткой, то на самом деле, и это показал Маркс, его привязывает к другим индивидам собственная абстрактность, односторонний схематизм его собственной жизнедеятельности, требующий себе дополнения в столь же абстрактном схематизме деятельности другого индивида.

Как болт не имеет смысла без гайки, без отвертки, без гаечного ключа и отверстия, в которое его ввинчивают, так и токарь без пекаря, пекарь – без литейщика, литейщик – без токаря и т.д. и т.п.

Конкретно-всеобщая зависимость, увязывающая этих индивидов в единое целое, осуществляется как зависимость восполнения одного абстрактного индивида другим, столь же абстрактным (но по-другому) индивидом, всеми другими, по-своему абстрактными существами. И только полная совокупность «абстрактных» индивидов составляет единственно реальную здесь «конкретность» человеческого существования, «сущность человека».

Эта неподлинная конкретность и выступает в сознании каждого абстрактного индивида в форме мистической силы Абстракта, как «власть абстракций», заменяющая личностно-конкретную форму взаимной зависимости между индивидами.

На деле же это и есть не что иное, как сила и власть подлинной конкретности в ее Марксовом понимании, то есть совокупности (тотальности) общественных отношений внутри социального организма, над «абстрактным», то есть над односторонне-развитым «частичным» индивидом – рабом разделения труда. Индивид здесь и в самом деле раб абстракции, но не мистического, вне его витающего Абстракта, а своей собственной абстрактности, то есть частичности, ущербности, одноаспектности, стандартно-безликой схематичности собственной жизнедеятельности, своей работы.

В детальном анализе этой объективной диалектики превращения «конкретного труда» (и осуществляющего его индивида) в «абстрактный труд» (и соответствующего этой форме труда индивида) и была развита мистика Стоимости, «этого Абстракта», «воплощающегося в чувственно-конкретное тело вещи и человека».

И тут же полностью проявляется все диалектическое коварство ходячих (не учитывающих диалектику) представлений об «абстрактном» и «конкретном».

Если по-прежнему именовать «конкретным индивидом» отдельного чувственно воспринимаемого индивида и «конкретным трудом» совершаемую им частичную работу, в то время как он уже давно силою объективной диалектики превращен в абстрактного индивида, в субъекта абстрактного труда, то и выходит, что «конкретное» есть форма проявления и воплощения Абстрактного.

А поскольку в лексиконе человека, незнакомого с диалектической логикой, Абстрактное – это синоним Мыслимого, синоним Понятия, то отсюда очень логично вытекает взгляд, согласно коему над миром – по крайней мере, над социальным миром – господствуют Понятие, Идея, Мысль.

Поэтому-то эмпирик, фыркающий на «гегельянщину» в Логике, и оказывается в итоге рабом самых фундаментальных заблуждений гегелевского идеализма сразу же, как только сталкивается с фактом зависимости «частей» и «частностей» в составе некоторого органического целого, с фактом определяющей роли этого целого по отношению к своим собственным частям.

Тут сразу же начинаются «Абстракты», «Абстрактные Объекты», «Фикции», хотя и необходимые, «Энтелехии» и прочая мистическая чепуха.

Это совершенно неизбежный для логики эмпиризма финал.

В самом деле, исходным пунктом мышления, согласно этой логике, является не «конкретное», понимаемое как некоторое органи-

чески-расчлененное внутри себя «целое», не «единство многообразного», а совершенно неопределенное «многообразие», «множество индивидов», никак не очерченное в своих границах.

Когда от этих неопределенных «индивидов» отвлекают некоторые «общие всем им признаки», усматривая в этом задачу «осмысления» эмпирии, то и получается, что вместо осмысления мы имеем дело всего-навсего с описанием в абстрактных терминах по-прежнему непонятных «единичных фактов».

Ибо «общие признаки», свойственные каждому из индивидов того или другого «вида», «класса» или «рода», никак еще не характеризуют сами по себе этот «вид», «класс» или «род», он остается некоторым мистически-непостижимым Иксом.

Предположим, что человек захотел, пользуясь логикой эмпиризма, понять такое довольно несложное «целое», как радиоприемник. Для этого он будет обязан, оставаясь верным этой логике, вместо «конкретного целого», называемого радиоприемником, поставить перед своим мысленным взором некоторое «множество деталей», единичных экземпляров «класса радиодеталей», и стараться с помощью Абстракции отыскать между ними «нечто общее». Он будет искать то Абстрактно-Всеобщее, которым одинаково обладает каждая радиодеталь: и лампа, и конденсатор, и диод, и рукоятка включения и т.д. и т.п.

Понятно, что из «абстрактов», полученных таким путем, никогда не составишь хотя бы приблизительного представления о том «целом», в составе которого существуют и работают перечисленные детали. Ибо в тех «абстрактно-общих признаках», которыми одинаково обладают и триод, и обмотка громкоговорителя, и кнопка переключателя диапазонов, специфическая, конкретно-всеобщая взаимосвязь между ними не выражена никоим образом.

Поэтому даже самый полный и законченный ряд тех «общих признаков», которыми обладают «все детали» известного целого (будь то радиоприемник или коллектив людей, занятых общим делом), ни на миллиметр не приблизит нас к пониманию того конкретно-общего дела, которое тут поделено между отдельными деталями, между «единичными, чувственно воспринимаемыми» вещами или людьми.

Все это конкретно-всеобщее (взаимозависимость между разными деталями данного, конкретно-специфического «целого») и выступит затем в сознании эмпирика как очередной Абстракт, некая «Аб-

страктная Модель», в согласии с требованиями которой разрозненные детали организуются и комбинируются в то или другое «целое».

Этот Абстракт поневоле приходится привносить «со стороны», а не из рассмотрения «деталей». Почему? Да просто потому, что в ходе рассмотрения «деталей», нацеленного на отыскание «абстрактно-общего между ними», как раз сознательно и отворачивались (абстрагировались) от того самого момента в составе каждой детали, который эту конкретно-всеобщую связь «целого» и «выражает».

В составе каждой детали (каждого единичного факта) логика эмпиризма рекомендует выявлять лишь то абстрактно-всеобщее, в котором «специфика» данной детали, как детали этого, а не какого-то другого целого, как раз и гасится.

Это и значит, что каждая деталь с самого начала была рассмотрена крайне абстрактно, то есть крайне односторонне, частично.

Неизбежным дополнением к этой абстрактности и является Абстракт, характеризующий «Целое», но уже без всякой связи с рассмотрением каждой детали, ее специфики.

Отсюда и представление об «Абстрактном Объекте», об «Абстрактной (идеальной) Модели», которая своей властью связует детали, вполне друг к другу равнодушные и безразличные, в некоторое единство, в некоторое органическое целое. А называют ли этот мистический Абстракт «Понятием», «Энтелехией», «Идеей» или «Формой Языка», «Формой Языкового Каркаса» или «Моделью» — это уже совершенно безразлично. Ибо постигается Абстракт (представляющий целое) уже не на пути эмпирического исследования и анализа деталей, единичных явлений, а на совсем ином пути, на пути «логического конструирования», «моделирования» и т.д. и т.п.

Это неизбежно, ибо абстрактно-всеобщие определения «целого» не могут быть получены в качестве абстрактных определений каждого отдельно взятого элемента этого целого как абстракции, в которых представлено общее всем без исключения элементам (каждому из них) «свойство», «признак». Они находятся совсем не в этом ряду, а в эмпирически наблюдаемых фактах, выступают скорее через различия (и противоположности) этих единичных фактов, а не через «общее» в них, то есть через свою собственную противоположность.

Поэтому попытка оправдать любое абстрактно-всеобщее определение некоторой конкретной системы единичных фактов (явлений, вещей, людей — индивидов вообще) в качестве абстрактно-общего

всем индивидам, то есть каждому из них, определения и заходит каждый раз в тупик. В таком качестве эти определения попросту не оправдываются, не «верифицируются», и даже наоборот, убедительно «опровергаются». Но поскольку без них (абстрактно-всеобщих определений) становится невозможной вообще любая теоретическая схема понимания «конкретных» («единичных») фактов, постольку их и вынужден принимать самый упрямый «эмпирик», он и принимает их скрепя сердце под титулом «фикций», хоть и необходимых...

Так «оправдывал» кантианец Конрад Шмидт понятие «стоимости», так «оправдывают» ныне понятия «электрон», «квант» и прочие нынешние запоздалые адепты логики эмпиризма – неопозитивисты.

К. Маркс и Ф. Энгельс в полемике с такого рода горе-теоретиками всегда были вынуждены популярно разъяснять, что Стоимость – это не «Абстрактный Объект», существующий отдельно от «эмпирически-очевидных фактов», а абстрактная определенность конкретного объекта (то есть тотальной совокупности производственных отношений между людьми, опосредствованных вещами), хотя в составе «единичных стоимостей» она и не выступает как абстрактно-всеобщее, одинаковое каждому из них определение этого «единичного» (каждого «конкретного», в понимании эмпирика) экземпляра. Напротив, показывали Маркс и Энгельс, это абстрактно-всеобщее определение конкретного целого в составе каждого отдельного «примера» Стоимости проступает, по существу, диалектическим способом – через различия между ними, доходящие до противоположности и прямого противоречия между отдельными «случаями», реализующими разные (и противоположные) определенности (различные формы) этой стоимости. Стоимость вообще представлена в различных единичных товарах далеко не равным образом – не одинаковым «признаком» и не «совокупностью одинаковых признаков». Совсем не так: в одном товаре представлен один абстрактный момент, в другом – другой, прямо ему противоположный. Один товар находится в «относительной форме», а другой – в «эквивалентной». И анализ противоречий формы Стоимости, эмпирически выступающий в виде противоположных друг другу (логически исключающих друг друга) образов – сначала в виде раздвоения товарного мира на «товары и деньги», а потом – на «капитал и рабочую силу» и т.д. и т.п., – и составляет весь смысл марксовского анализа.

Если бы Маркс пытался решить задачу образования понятия «стоимости вообще» путем отыскания тех одинаковых (тождествен-

ных) «признаков», которыми обладают и товар «холст», и товар «сюртук», и товар «рабочая сила», и товар «фабрика», и товар «золото», то ровно ничего, кроме номинальных определений термина «стоимость», он бы дать не смог. Он дал бы только анализ терминологического состава ходячего слова, обрисовал бы «границы применимости термина», то есть всего-навсего «эксплицировал» бы ходячее представление о «стоимости».

Здесь же речь шла не об «экспликации имплицитного содержания термина», а об анализе понятия «Стоимость».

Поэтому и путь «абстрагирования» совсем иной. Не бесплодное и бесконечное сравнение золота с холстом, а их обоих – с рабочей силой, с землей и т.д., имеющее целью «отыскание абстрактно-общего» между ними, а анализ противоположных форм представления Стоимости в составе последовательных фаз развития отношений между разными «товарами», «товарными стоимостями», начиная с простой («единичной») ситуации «холст – сюртук» и кончая развитыми формами представления одного товара в другом, в прямо ему противоположном.

Уже в первой же фазе эволюции «форм стоимости» Маркс и обнаруживает диалектику абстрактного и конкретного, ситуацию, внутри которой «конкретный», совершенно частный, и частичный вид труда (ткачество) представляет «абстрактный труд», труд вообще. Оказывается, что «абстрактный труд» представлен одним частным и частичным видом труда, а именно – портняжеством.

Здесь «портняжество» во всей его непосредственной, чувственно воспринимаемой телесности (его «конкретности») выступает в составе отношения как полномочный представитель, «заместитель» Абстрактного Труда. «Абстрактность» в данном случае – полный синоним частичности, то есть особенности и даже единичности, этого вида труда.

И дело принципиально не меняется, когда эту роль «заместителя» начинает исполнять золото, а стало быть, труд золотоискателя. Этот совершенно конкретный вид труда со всеми его телесно обусловленными особенностями начинает выступать как «труд вообще», «как абстрактный труд», сохраняя все «признаки» своей телесности, своей особенности.

Золото оказывается в итоге «полномочным представителем» Абстракта, «Абстрактного Объекта». Оно представляет его именно через свою особенную конкретно-природную телесность, а представленный в нем «Абстракт» («абстрактно-всеобщее») сливается,

отождествляется с одним чувственно воспринимаемым «конкретным» образом. Золото делается «зеркалом», отражающим каждому другому товару его стоимость, его «суть». Суть же заключается в том, что товар – тоже всего-навсего частный случай Абстрактного Труда, созидającego частичный (абстрактный) продукт. Поэтому «золото есть *материальное бытие абстрактного богатства*»⁷.

И что самое главное – такое «сведение» любого «конкретного» вида труда и его продукта к «абстрактному труду» совершилось вовсе не в теоретизирующей голове, а в реальности экономического процесса:

«Это сведение представляется абстракцией, однако это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно», – и потому «есть не бóльшая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух»⁸.

Приравнивание любого «конкретного» продукта к золоту, этому «абстрактному образу», «материализованной абстракции», и выдает тайну, скрытую от эмпирика, демонстрирует ту истину, что каждый «конкретный» вид труда давно превращен по существу в Абстрактный Труд, и что «суть» его заключается вовсе не в том, что он производит холст, сюртук или книги, а в том, что он производит Стоимость, этот Абстракт.

«Конкретность» труда и его продукта стала здесь лишь маской, которую сей Абстракт надевает для того, чтобы отплясывать свои мистические танцы в карнавале рыночных отношений, стала *псевдоконкретностью*, видимостью, чувственно воспринимаемым нарядом Абстрактного...

Абстрактность же каждого отдельного вида труда и его продукта заключается именно в том, что этот труд производит крайне частичный, «неполный» и односторонний продукт, не имеющий никакого самостоятельного значения вне всесторонней зависимости от всех других продуктов, фрагмент полноценного («конкретного») продукта.

В этом смысле каждый отдельный труд и производит Абстрактное, и как таковой он и сам Абстрактен, в самом точном, прямом и строгом смысле этого логического понятия.

«Конкретное» же (конкретный продукт) производит только многообразно расчлененный совокупный труд людей, только полную

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 107.

⁸ Там же. С. 17.

совокупность бесчисленного множества отдельных абстрактных работ, увязанных вокруг общего дела стихийными силами рыночных отношений.

Загадка Стоимости, неразрешимая для эмпирика с его логикой, решается, таким образом, просто и без всякой мистики.

Каждый отдельный вид труда вовсе не является, при марксовском понимании, «чувственно-конкретным воплощением Абстракта», этого вне его витающего призрака. Дело в том, что он сам, несмотря на всю его чувственно-телесную «конкретность», несамостоятелен, стандартно-схематичен, обезличенно-прост, то есть сведен (редуцирован) к несложному повторяющемуся механически заученному движению, и потому не требует ни ума, ни развитой индивидуальности, а лишь рабского следования абстрактному стандарту, штампу, схеме. И эта его собственная абстрактность отражается в «золотом зеркале». В золоте любой труд и находит зримый образ своей собственной «сути», потому что золото – это точно такой же частичный, фрагментарный продукт, не имеющий сам по себе абсолютно никакого значения и обретающий значение «всеобщего образа богатства» только через свое отношение к бесчисленным телам товарного мира. Продукт труда, присваивающего природу крайне односторонне, то есть извлекающего из ее недр один-единственный химический элемент и абстрагирующий от всего остального...

«Абстрактный предмет» (золото в его роли всеобщего эквивалента является лучшим примером такого предмета) – это отдельный, крайне бедный, крайне ущербный, крайне убогий по сравнению с остальным богатством предметного мира, узкоопределенный и «очищенный» от всего остального реальный предмет. А вовсе не особый, «умопостигаемый», в противоположность воспринимаемому, идеально-бестелесный, невидимый и неосязаемый «логический конструкт», «модельный объект» и тому подобная чепуха, выдуманная эмпириками, зашедшими в тупик со своим пониманием «абстрактного и конкретного», всеобщего и особенного, частичного и целостного.

Конкретный же предмет – это многообразно расчлененный внутри себя, богатый определениями, исторически оформившийся «целостный объект», подобный не отдельному изолированному «телу», а живому организму, социально-экономической формации и сходным с ним образованиям.

Проблема абстрактного и конкретного в свете «Капитала» Маркса

Сила идейного воздействия «Капитала» – это прежде всего сила реализованной в нем логики. «Капитал» представляет особый и весьма актуальный интерес как один из тех немногих, буквально считанных, случаев в истории научной мысли, когда в ходе разработки «частной» теории была сознательно и систематически применена тщательно продуманная логическая концепция, предварительно сформулированная во всех ее решающих пунктах в общей форме, в общем виде. Поэтому логика «Капитала» (т.е. примененный тут метод мышления, метод развития научных определений) имеет универсальное значение. Речь идет не о том, чтобы путем анализа извлечь из текста «Капитала» некоторые логические и методологические рекомендации, – ибо в данном случае потребовалось бы еще специально доказать, что эти рекомендации имеют общее действие и применимы также и за рамками предмета политической экономии капитализма как таковой, – а о выяснении взглядов Маркса на мышление вообще, на проблему понятия, и т.д. и т.п., – короче говоря, о реконструкции логических воззрений автора «Капитала». Эта задача не может быть решена путем одной лишь «логической интерпретации текста» главного произведения Маркса, ибо «Капитал» – это все же не логика, а политическая экономия капитализма, т.е. логика в ее особом, частном применении. Чтобы извлечь из текста «Капитала» выводы, имеющие непосредственно-всеобщее – логическое – значение, нужно и сам «Капитал» рассмотреть в более общей связи, в контексте всего развития Марксова миропонимания. Чтобы вообще разглядеть в тексте «Капитала» те пункты, в которых на частном материале (на материале экономических категорий) происходит решение общелогических (а не только конкретно-экономических) проблем, нужно прежде всего ясно и четко представлять себе самое существо этих логических проблем.

Если же мы просто переведем движение экономических категорий «Капитала» на философско-логический язык, то мы лишь придадим частному случаю логического движения, обусловленному спецификой данного материала, непосредственно-всеобщее значение и тем совершим грубую логическую ошибку.

Наоборот, «Капитал» и его логический анализ может дать очень многое для разработки общей теории логики в том случае и при том

условии, если вопрос с самого начала будет поставлен в общей форме – как вопрос о выяснении и реконструкции той общей теории мышления, которая была разработана Марксом (хотя и не была систематически изложена для печати) в основных своих чертах до работы над «Капиталом», и именно в ходе критически-материалистической переработки гегелевского учения о мышлении. Ибо всеобщие и основные положения своей логики Маркс разработал, решая вопрос, «который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Какой метод научного исследования следует избрать?»¹

Понятия «конкретного» и «абстрактного» были разработаны Марксом как раз в контексте решения этого принципиального вопроса, в ходе конструктивной критики гегелевских представлений о мышлении, о роли мышления в человеческой жизнедеятельности, о специальной функции научно-теоретического мышления, о взаимоотношениях науки и общественно-человеческой практики и т.д. и т.п. – вплоть до таких «деталей», как вопрос об отношении научного понятия к стихийно формирующемуся представлению, к образу живого созерцания и к «языку». Не следует ни на миг забывать, что категории «конкретного» и «абстрактного», как и все остальные логические категории «Капитала», – это материалистически переработанные, материалистически переосмысленные категории гегелевской «Логики». Не зная «языка» немецкой классической философии, ни логики «Капитала», ни логики в понимании Маркса вообще понять верно нельзя. В истории толкований метода Маркса эта истина подтверждалась – увы – неоднократно. В частности, теми спорами, которые не раз возникали по поводу широко известного тезиса «о восхождении от абстрактного к конкретному». Известно, что Маркс расценивал этот способ развития научных понятий как «единственно возможный» и вследствие этого как «правильный в научном отношении» способ мысленной реконструкции действительности, как специфически свойственный теоретически мыслящей голове метод работы. Столь же известно, что в «Капитале» этот способ был применен Марксом вполне преднамеренно, систематически и последовательно для решения частной теоретической задачи, для развертывания системы понятий науки, и прежде всего экономической теории. Следовательно, читать «Капитал» глазами логика –

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 495.

значит рассматривать изложенную в нем теорию как одно из возможных применений общелогической концепции, — и ни в коем случае не как единственное основание для выяснения логических идей Маркса.

Вопрос о «применимости» или «неприменимости» способа восхождения от абстрактного к конкретному в других науках — это просто-напросто словесная перефразировка вопроса о том, прав или неправ был Маркс в своей критике немецкой классической философии и прежде всего — гегелевского учения о понятии, об отношении понятия к образу созерцания и представления, об отношении «мысли к объективности» и т.д. и т.п. Если эта критика была справедливой, а ее результаты оправданы последующим теоретическим развитием (в том числе «Капиталом», хотя и не только им), то способ восхождения от абстрактного к конкретному следует рассматривать как логическую форму развития понятий вообще, а вовсе не как искусственный «методологический прием», специально разработанный для частных нужд теории прибавочной стоимости.

Многие недоразумения, связанные с толкованиями способа восхождения от абстрактного к конкретному, возникали и возникают как раз на почве поверхностных представлений об отношении Маркса к Гегелю, о той огромной критической работе, которую Маркс проделал в отношении гегелевской логики, определений ее понятий. Полемизируя с Гегелем по существу дела, Маркс нигде и никогда не вступает с ним в пустые споры из-за слов, из-за чисто номинальных определений рабочих терминов. Напротив, он нередко пользовался его «языком» даже там, где формулировал свои — диаметрально-противоположные по существу — воззрения.

В силу этого читатель, незнакомый с тонкостями гегелевского языка, то и дело сталкивается у Маркса с неожиданными для себя оборотами речи, вдруг выворачивающими наизнанку «привычный» смысл «обычайших» слов, не подозревая, что в этом «выворачивании» у Гегеля — а потому и у Маркса — находили свое выражение вовсе не терминологические капризы и произвол, а гораздо более серьезные вещи — реальная диалектика (т.е. превращение в свою собственную противоположность) тех явлений, о которых тут шла речь. В других случаях такой читатель просто подставляет в диалектические формулы Маркса «привычное» значение входящих в них терминов, заимствованное из ходячего словоупотребления, а на самом-то деле — из того архаического лексикона, которым пользова-

лась догегелевская логика. Естественно, что в таком случае эти формулы превращаются в тривиальные общие места, и логика Маркса начинает казаться просто-напросто реставрированной догегелевской логикой... Вся диалектика из них испаряется.

Такая операция проделывалась не раз над марксовским пониманием способа «восхождения от абстрактного к конкретному». Так, известный «австромарксист» Карл Реннер, ориентировавшийся в философии на вульгарный позитивизм с характерным для последнего гегеледством, то бишь невежеством в области истории диалектического мышления, попросту объявил этот способ развития научных понятий устаревшей «манерой изложения немецких философов», которая-де состоит в «абстрактном и дедуктивном выведении» определений фактов из «общих понятий». «Маркс, – писал он, – уходит своими корнями в эпоху по преимуществу философскую... Дух и метод первой половины прошлого столетия наложили свой отпечаток на “Капитал”»². Исходя из этого, Реннер предпочитает отказать от «манеры изложения» Маркса и ориентироваться на «современную науку», которая-де «не только в описании явлений, но и в теоретическом исследовании пользуется не дедуктивным, а индуктивным методом; она исходит из фактов опыта, непосредственно наблюдаемых, систематизирует их и затем постепенно возводит на ступень абстрактных понятий»³.

Аналогично толковал способ восхождения от абстрактного к конкретному, примененный в «Капитале» Марксом, и Р. Гильфердинг, предварительно изобразив его как «дедукцию», как чисто формальное движение «от общего к частному». Гильфердинг категорически отвергает за этим способом значение метода исследования. Это-де «скорее лишь способ научного изображения, который действительно сможет перейти, в конце концов, от общего к изображению частного лишь при том условии, если в мышлении ему уже предшествовала индукция», восхождение от частного к общему, от конкретного – к «абстрактному»⁴.

² Реннер К. Теория капиталистического хозяйства: марксизм и проблема социализирования. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. XIX.

³ Там же. С. XVIII–XIX.

⁴ См.: Гильфердинг Р. Историческая подготовка политической экономии Маркса // Основные проблемы политической экономии. М.: Госиздат, 1922. С. 235.

Очевидно, что оба «комментатора» Маркса исходят из ходячего представления и об «абстрактном» и о «конкретном», вкладывая в эти термины свое, совершенно не свойственное ни Гегелю, ни Марксу, значение, то самое значение, которое неосведомленному читателю может показаться самым «естественным», единственно правильным и законным. Но такое толкование этих важнейших логических понятий, лишь на первый взгляд могущее показаться и «естественным» и «современным», на самом деле принадлежит той самой антикварной эпохе в развитии логической мысли, которой подвела черту немецкая классическая философия от Канта до Гегеля. Это действительно то самое понимание, на почве коего обеими ногами стоят и поныне все те школы и школки в логике, которые не сделали для себя никаких выводов из гегелевской критики старой средневековой формальной логики. Для читателей, следующих таким школам, рассуждения Р. Гильфердинга и К. Реннера звучат вполне убедительно, а диалектические идеи Маркса, естественно, кажутся «гегельянщиной», засоряющей язык «современной науки» и только мешающей «правильному» пониманию теории прибавочной стоимости... Именно такого читателя и имел в виду К. Реннер, когда писал в предисловии к цитированной книге: «Маркс сам затруднил бесчисленному количеству усердных читателей доступ к своему главному произведению», «положил на пути желающих к нему приблизиться циклопическую глыбу, чтобы допустить к себе только избранных...»⁵

И в самом деле, «Капитал», а особенно примененная в нем логика, не так-то просты для правильного усвоения, и «циклопическая глыба», которая на этом пути лежит, – это просто-напросто действительная грамотность в отношении применяемой Марксом терминологии. А терминология эта разработана была в значительной мере немецкой классической философией. И ее просто надо знать, чтобы не подсовывать в формулировки Маркса совершенно не свойственный им смысл.

Кроме всего прочего, эта терминология, даже с чисто формальной точки зрения, разработана гораздо тщательнее и строже, нежели расплывчатая терминология ходячего словоупотребления, которая кажется определенной только на первый взгляд, а на самом деле отражает в себе всю неясность и двусмысленность (отнюдь не «диалектическую») ходячих представлений о мире и его познании.

⁵ Реннер К. Теория капиталистического хозяйства. С. XIX.

Так, «конкретное» в этом словоупотреблении выступает как синоним «чувственно воспринимаемого», «наглядно данного» вообще, без тени различения – идет ли речь при этом о реальных чувственно воспринимаемых вещах или же только о способе «переживания» этих вещей субъектом, о «комплексе переживаний». Естественно, что «абстрактное» понимается при этом как синоним «чисто мысленного», чувственно-непредставимого «значения общих понятий», как феномен, существующий только в сознании теоретика, в царстве «трансцендентальных значений», коему в самой действительности соответствует в лучшем случае лишь сходство вещей «в том или ином отношении»...

Естественно, что когда начинают читать Маркса с таким исходным представлением об «абстрактном» и о «конкретном», то сразу же наталкиваются на неожиданные и парадоксально звучащие тезисы и прежде всего на выражение «абстрактный труд», связанное с формулировками фундаментальных положений трудовой теории стоимости, где эпитет «абстрактный» фигурирует в качестве определения объективной формы труда, созидającego «стоимость», и никак не работы ученого-теоретика, производящего «абстракции».

Чтобы верно понять и теорию стоимости, и теорию понятия, излагаемые Марксом, надо прежде всего решительно выбросить из головы ходячее понимание категорий абстрактного и конкретного (кажущееся «естественным», а на самом-то деле просто перешедшее в обиход из вполне определенных – и ныне бесповоротно устаревших – философско-логических концепций) и принять то строго определенное значение этих «терминов», в котором со времени Гегеля выражается диалектическое понимание этих категорий по существу.

«Конкретное» в словаре диалектической логики ни в коем случае не расшифровывается как «чувственно воспринимаемое», как «чувственно данное», как образ созерцания и представления в противоположности его «понятию». Здесь оно понимается как «единство в многообразии», и в этом понимании становится одной из центральных логических категорий, т.е. выражением того реально-общего, что свойственно одинаково и действительности (т.е. природе и обществу), и познанию (т.е. и сфере созерцания, и сфере мышления). Логические (универсальные) категории вообще выражают не «специфику» того или иного частного объекта исследования, а именно всеобщее, «инвариантное» в движении любого объек-

та, будь то действительное развитие или развитие мысли (познания).

То же самое относится и к пониманию «абстрактного». Это – также логическая категория, и как таковая она выражает вовсе не «специфическое отличие» формы мышления от формы действительности и ее «чувственного восприятия», а как раз обратное: форму общую («тождественную») и движению действительности, и движению познания. Само собою понятно, что в таком случае понятие «абстрактного» одинаково применимо и в качестве характеристики понятия, и в качестве характеристики явлений реального мира, объективной реальности, а посему и образов созерцания и представления, являющихся копиями этих явлений.

С этим и связаны у Маркса выражения: «абстрактно человеческий труд», «абстрактная... форма буржуазного способа производства», «абстрактное богатство», «абстрактный индивид», «чистый вид (абстрактная определенность), в котором в Древнем мире выступают торговые народы», «абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого», и т.д. и т.п. Под «абстрактным» здесь отчетливо понимается все вообще выделенное, обособленное, существующее «само по себе», в своей относительной независимости от всего другого, – любая «сторона», аспект или часть действительного целого, любой определенный фрагмент действительности или ее отражения в сознании.

Поэтому в виде проблемы отношения «абстрактного к конкретному» у Маркса и выступает вовсе не вопрос об отношении «мысленного» к «чувственно воспринимаемому», а иная, гораздо более широкая и содержательная проблема, проблема внутреннего расчленения любого объекта и его теоретического воспроизведения в движении строго определенных понятий. Вопрос об отношении «конкретного» к «абстрактному» здесь выступает как вопрос об отношении «целого» к своим собственным моментам, объективно выделяющимся в его составе.

Абстрактное и конкретное здесь служат категориями, выражающими внутренние противоположности, в движении которых осуществляется жизнь (самодвижение) предмета исследования, объекта теории. Это – не чисто психологические определения способов работы человеческой головы, не понятия, одно из которых выражает способ чувственного восприятия («конкретное»), а другое – способ теоретической обработки чувственных данных. Это – не определе-

ния разных явлений внутри познающего человека, а определения различных моментов той действительности, которая отражается в познании, ее внутреннего расчленения вне человеческой головы.

На первый взгляд может показаться, что при такой интерпретации понятий проблема отношения «конкретного» к «абстрактному» нацело сводится к традиционной проблеме «целого и части», и «конкретное» становится просто синонимом «целого», а «абстрактное» – вторым и потому лишним названием для «частичного».

Действительно, эти проблемы в значительной части перекрывают одна другую, так как «абстрактное» понимается прежде всего как объективно выделившийся, внешне обособившийся, хотя и внутренне несамостоятельный момент («часть») конкретного целого, понимаемого как «единство в многообразии». И если бы вопрос тем и исчерпывался, то можно было бы спокойно обойтись без употребления понятий «абстрактное» и «конкретное», не загромождая язык лишними словами.

Уже Гегель, проанализировав соответствующие категории, установил, что понятия «части» и «целого», хорошо выражая суть дела там, где речь идет о некотором «механическом целом», об агрегате частей, каждая из которых так же хорошо может существовать и вне данного агрегата (благодаря чему любую машину можно разобрать, а затем вновь собрать), становятся весьма зыбкими и двусмысленными, когда дело имеют с «органическим целым», с «организмом», например с биологической особью.

Здесь уже нельзя сказать, что целое организма «состоит из частей» и потому может быть «составлено» из них. Органическое целое развивает из себя свои собственные части (совершенно наглядный образ этого – развитие оплодотворенной клетки в новую особь). «Части» организма не существуют и не могут существовать вне этого организма. Вне этого организма, отделенные от него, они превращаются в нечто совсем иное: рука, отделенная от тела, остается «рукой» только по названию. На деле – это труп руки, а не рука... Ее собственная суть именно как части тела осталась в том самом теле, от которого ее отделили, ее главное «определение» или «определенность», стало быть, находилась и находится вне ее. Следовательно, и ее специфическое определение, выражающее ее суть, есть лишь особое определение тела в целом. Это – то ее свойство, в котором выражает не она себя, а через нее нечто другое.

Гегель иллюстрирует эту диалектику примером химика, который хочет понять, что такое «мясо», разложив его на химические элементы. «Но эти абстрактные вещества уже не суть мясо»⁶ и даже не части мяса, а части любого другого «синтеза». Из их рассмотрения – даже исчерпывающе подробного – уже нельзя вычитать тех характеристик, благодаря наличию коих они составляли раньше именно «мясо».

Поэтому и Маркс, когда речь заходит об органическом целом, говорит не о «частях» его, а об абстрактных моментах, в которых и через которые осуществляется именно данное, живое и конкретное «целое», «тотальность», как любит говорить Маркс.

Конечно же, говорить о «меновой стоимости» как о «части» семьи, городской общины или любого другого общественного целого было бы просто нелепо, хотя односторонним отношением данного целого она и являлась. С другой же стороны, та же меновая стоимость оказывается в буржуазном обществе вовсе не «частичным», а всеобщим отношением между людьми. Здесь «форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма»⁷ всего способа производства. Так что в одном контексте «абстрактное» может выступать как синоним «частичного», а в другом контексте – «общего». И там, и тут оно, это понятие, сохраняет один и тот же, вполне строго определенный смысл – объективно выделяющегося в «целом» момента, внутренне несамостоятельного, но внешне обособившегося формообразования, необходимого элемента данной структуры.

Такое понимание (и соответствующее словоупотребление) – вполне намеренное использование преимуществ гегелевского «языка» как языка диалектики. Как таковое оно свойственно отнюдь не одному Марксу.

То же и у Энгельса. Его положение о том, что «общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный “конкретный” пример этого»⁸, может показаться странным только тому читателю, который привык думать, будто «абстрактное» – это синоним «общего», «одинакового», «тождественного», а «конкретное» – лишь лишнее название для чувственно восприни-

⁶ Гегель Г.В.Ф. Соч. М.; Л.: Госиздат, 1929. Т. I. С. 333.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 91, прим. 32.

⁸ Там же. Т. 20. С. 537.

маемой единичной вещи, явления, события, «примера»... В данном случае дело выглядит как раз наоборот.

Вполне предметно (как характеристику предметной, объективной реальности) понимает «абстрактное» и В.И. Ленин: «Природа и конкретна и абстрактна...»⁹ Это вовсе не означает, что природа и «чувственно воспринимаема» и «мыслима». Это означает, что в природе одинаково реальны и универсальное взаимодействие («единство») всех форм движения, и относительная «изолированность», «оторванность» ее отдельных звеньев друг от друга, благодаря которой они непосредственно не сливаются в неразличенное «одно и то же», и непрерывность всех ее многообразных превращений, переходов, и «дискретность», отграниченность друг от друга отдельных формообразований.

«Общее», разумеется, не есть автоматически «конкретное», как и каждое отдельное, единичное не есть «абстрактное». «Абстрактным» общее становится в том случае, если оно берется (как и «единичное») в его изолированности, оторванности, вне связи со своей противоположностью – с особенностью, с единичностью. Будучи же понято как общая связь и взаимодействие между вполне определенными – особыми и единичными – вещами, событиями, явлениями, это общее уже не противостоит им, а постигается именно как их «общее», т.е. вполне конкретно.

С таким пониманием этих категорий как раз и связаны известные положения материалистической диалектики о различии между «абстрактно-общим» и конкретной всеобщностью действительного научного понятия и о том, что «абстрактной истины нет», что «истина всегда конкретна». «Логические понятия субъективны, пока остаются “абстрактными”, в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи в себе. Природа и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение. Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹⁰.

Здесь «абстрактное» и у Ленина понимается как синоним «оторванности», изолированности субъективного образа как от других образов, так и от всего того процесса, который связывает движение понятий с движением вещей, от процесса отражения в его диалекти-

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 29. С. 190.

¹⁰ Там же.

ко-материалистическом понимании. Отделенное от процесса реального движения познания и противопоставленное ему, «понятие» становится «абстрактным», т.е. «субъективным». Если же оно берется и понимается как звено в этом процессе, то ему эта участь не грозит. Тогда оно «конкретно», или, что то же самое, объективно.

Вообще выражение «конкретная всеобщность» может иметь смысл, если ей противопоставлена не только «абстрактная всеобщность», но и «абстрактная единичность» (вспомним выражение «абстрактный индивид» у Маркса, означающее: односторонне, однобоко, уродливо развитый индивид – в противоположность конкретно-му, т.е. всесторонне, «тотально» развитому, индивиду, – человек, в коем гипертрофирована одна-единственная способность за счет всех других – типичный образ индивида буржуазного общества, мира частной собственности).

В выражениях «конкретная всеобщность» и «абстрактная единичность» можно, разумеется, увидеть лишь «гегельянский способ выражения» с его манерой «отождествлять противоположности». Но без этого способа выражения невозможно выразить в языке логических категорий реальную диалектику действительности и ее познания, где противоположности «отождествляются» то и дело на каждом шагу.

Проблема стоимости, в частности, оказалась неразрешимой для всех экономистов до Маркса именно потому, что в ее выражении мысль сталкивалась с обнаженно диалектической проблемой. Выраженная «привычным» языком «стоимость» сразу же оказывается сплошной «мистикой»: здесь не «абстрактное» является «стороной или свойством конкретного», а, как раз наоборот, чувственно конкретное оказывается лишь маской, лишь временной оболочкой, в которую облачается Абстрактное, чтобы совершить процедуру своего «самовозрастания»...

«Это перевертывание, посредством коего чувственно конкретное имеет значение лишь формы проявления абстрактно-всеобщего, а не наоборот, не абстрактно-всеобщее – значение свойства конкретного, как раз и характеризует выражение стоимости. Это и делает трудным ее понимание. Если я скажу: римское право и германское право суть оба “право” – то это понятно само собой. Если же я, напротив, скажу, что Право (*Das Recht*) – этот Абстракт – воплощается и в римском праве, и в германском праве – в этих конкретных правах, – то отношение делается мистическим...»^{11, i}

¹¹ *Karl Marx. Das Kapital. Hamburg, 1867. S. 771.*

Действительно, вся хитрость формы стоимости продукта труда заключается в том, что «конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда»¹².

На деле, как удалось показать лишь Марксу – и именно благодаря тому, что он пользовался диалектическим пониманием этих категорий, – в этом выражении совершенно точно отражается реальный факт. Это факт господства, т.е. определяющей роли, «целого» над своими собственными, мнимонезависимыми друг от друга «частями», «частностями», определяющее значение коллективно-общественных – «агрегатных» – сил по отношению к каждой частной работе и ее продукту. В этой форме обнаруживает себя то обстоятельство, что «частный труд становится формой своей противоположности, т.е. трудом в непосредственно общественной форме»¹³.

«Частный труд» – портняжество, ткачество, сочинение трактатов по логике и т.п., – кажущийся немудреному взору чем-то совершенно «конкретным», попадает в конечном итоге под определяющее влияние сил общественных зависимостей.

И «эти *вещные* отношения зависимости в противоположность личным и выступают так (вещное отношение зависимости – это не что иное, как общественные отношения, самостоятельно противостоящие по видимости независимым индивидам, т.е. их производственные взаимоотношения, ставшие самостоятельными по отношению к ним самим), что над индивидами теперь господствуют *абстракции*, в то время как прежде они зависели друг от друга...»¹⁴

Индивиды, захваченные могучими водоворотами этих «вещных» зависимостей, т.е. силами той подлинной, реальной «конкретности», которую они не понимают, не сознают, продолжают мнить себя «конкретными индивидами», хотя захвативший их в свое течение процесс уже давным-давно превратил каждого из них в крайне «абстрактного» индивида – в исполнителя частных, односторонних операций – в ткача, портного, пекаря или токаря. Все остальные качества индивида, кроме чисто профессиональных, с точки зрения процесса в целом становятся чем-то совершенно безразличным и несущественным, не имеющим ровно никакого отношения к делу, попадают в одну рубрику с формой носа или цвета глаз.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 68.

¹³ Там же.

¹⁴ Архив Маркса и Энгельса. М.: Партиздат, 1935. Т. IV. С. 103.

И если такому – мнимоконкретному, а на деле сведенному («редуцированному») к своей роли в составе целого, – индивиду кажется, что над его судьбой теперь приобрели полную власть некие безличные Абстракции, которые управляют им, как марионеткой, то на деле его привязывает к другим таким же индивидам именно его односторонность. Как болт не имеет никакого смысла без гайки, без отвертки и гаечного ключа и т.д., так и токарь – без литейщика и без пекаря, без инженера и т.д., и эта их конкретно-всесторонняя зависимость выступает в их сознании как власть Абстрактного над каждым из них.

На деле – это сила подлинной конкретности («тотальности», «внутренне расчлененного целого») общественного организма и слабость подлинной «абстрактности» (т.е. крайней односторонности, частного и частичного характера и деятельности, и ее продукта) индивида.

Тут-то и проявляется все диалектическое коварство ходячих – недиалектических – представлений об «абстрактном» и «конкретном».

Реально-абстрактный (узко-частичный, односторонне развитый) индивид продолжает мнить себя «конкретной личностью» на том законном основании, что он – единичный, чувственно воспринимаемый, воочию и наглядно данный созерцанию человек – это неповторимое «Я». И если согласиться с этой его иллюзией, то придется согласиться и с тем, что он – раб Абстрактного, что над ним господствует Абстрактное.

В самом деле, его «конкретный труд» получает смысл и общественное признание лишь постольку и в той мере, в какой он представляет известную порцию «абстрактного труда», является формой выражения и «воплощения» этой своей противоположности – Абстрактного.

А «абстрактное» в лексиконе человека, не знакомого с диалектической философией, это синоним понятия, синоним «мыслимого». Отсюда очень легко и получается взгляд, что над миром (по крайней мере над социальным миром) господствует Понятие, Идея, Мысль. Поэтому-то эмпирик, презрительно фыркающий на «гегельянщину», на гегелевские «вывернутые» понятия, сразу же оказывается полнейшим рабом гегелевских заблуждений, как только он ясно и четко осознает в своих категориях ту фактическую ситуацию, внутри которой он живет, принимая ее за само собой разумеющуюся и «естественную» организацию мира.

Ведь и в самом деле внутри этого мира произошло реальное «перевертывание», благодаря которому каждый «конкретный» индивид и его работа играют лишь роль «абстрактного момента», т.е. имеют смысл лишь как частичные «воплощения» Абстрактного («абстрактного труда» и тому подобных форм выражения общественных зависимостей).

И чтобы освободиться от этой иллюзии хотя бы «теоретически», хотя бы в сознании, нужно в теории освободиться от власти ходячих представлений об абстрактном и конкретном и принять диалектическое, от Гегеля идущее и Марксом воспринятое, понимание и определение этих категорий.

Как это ни парадоксально, а только с помощью гегелевских понятий и их определений можно было освободиться от гегелевских заблуждений, действительно критически преодолеть их. И наоборот, презрение к достижениям гегелевской логики с точки зрения ходячих («само собою разумеющихся») представлений неизбежно приводило и приводит к самому пошлому гегельянству на практике, к мистическим представлениям о господстве Абстрактного над Конкретным, Понятия и Идеи – над чувственно воспринимаемым многообразием и разнообразием эмпирически данных фактов, явлений, событий.

С точки зрения диалектического понимания категорий логики («конкретного» как «единства в многообразии», а «абстрактного» как внешне обособившегося, но внутренне несамостоятельного момента этого единства) описанная ситуация предстает совсем по-иному. С этой точки зрения знакомство с многообразными частностями, будь оно самым наглядным и подробным, без понимания «целого» – это такое же «абстрактное» знание, как и его противоположность – знание «целого», не расчлененное на знание «частностей».

Представить себе «единство» без понимания создающего его многообразия – значит обладать таким же абстрактным знанием, как и в том случае, когда знают массу разнообразных фактов, не понимая их внутренней связи, внутреннего единства.

Ни там, ни тут нет конкретного знания, или, что то же, знания Конкретного.

Естественно, что конкретное научное знание (верное знание конкретности) может выступать лишь как результат, как итог, как продукт специальной работы, а абстрактное – как ее начало и материал. Поэтому именно «восхождение» от абстрактного к конкретному Маркс и определяет как «единственно возможный» и «правильный

в научном отношении» способ, с помощью которого теоретически мыслящая голова может усваивать конкретное, духовно воспроизводить (отражать) его именно как конкретное в том строгом и точном смысле, который это понятие имеет в диалектической логике.

Эта строго сформулированная мысль Маркса неоднократно подвергалась ложным толкованиям – в том смысле, что «восхождение от абстрактного к конкретному», хотя и признается ценным способом развития мысли, но объявляется лишь способом окончательного оформления знаний, полученных заранее и каким-то другим путем.

Процесс научного познания в подобном истолковании рисуют себе так: сначала путем «индукции» изготавливается груда «абстрактных определений», а затем уже идет этап «дедукции» – процедура формального упорядочения и систематизации этих готовых, независимо и до нее выработанных понятий, их расположения в иерархической последовательности, начиная от самых общих и кончая менее общими...

Способ восхождения от абстрактного к конкретному тем самым благополучно лишается значения способа исследования и принимается лишь как своего рода «манера изложения» или чисто формального доказательства, «выведения» понятий из понятий, толкуется как процедура вторичная и в конце концов не обязательная.

Это – типичный образец приспособливания диалектических формул Марксовой диалектики к способу представления систем, подвергнутых критике уже Гегелем, – сначала-де «индукция», а потом «дедукция».

Для Маркса это прежде всего единственно правильный в научном отношении способ переработки созерцания и представления в понятии, способ верного движения мысли, специфичная для теории форма развития, воспроизводящая в движении понятий форму развития действительности.

Ни в коем случае его невозможно толковать как способ литературного изложения или демонстрации результатов, полученных другим, как раз обратным способом – воспарением от чувственно созерцаемого разнообразия фактов к их «абстрактному выражению», «от конкретного – к абстрактному». Понять Маркса так – значит понять его совершенно превратно.

Специальной задачей и целью науки никогда не являлась задача сведения, «редукции», отыскания абстрактно-общего, схожего, одинакового. Это делать нетрудно – чего проще отыскать «признак»,

общий и млекопитающему, и сапожной щетке... Для науки характерно как раз обратное устремление – мысленное восстановление, духовное воспроизведение того самого конкретного «целого», которое акт абстракции как раз разрушает. Наука с самого начала нацелена на это восстановление, на «реставрацию» в понятии конкретного целого, разорванного силой абстракции на его разрозненные члены, на оживление этих *membra disiecta*¹¹, на синтез разрозненных частей в составе живого целого.

Категории логики как раз и являются этими всеобщими *формами синтеза* абстрактно-общих представлений в *единстве понятия*.

Диалектическая логика (как Гегеля, так и Маркса, независимо от дальнейших различий, связанных как раз с противоположностью материализма и идеализма) вообще исходит из того, что «абстрактная всеобщность» (т.е. абстрактная одинаковость, абстрактное тождество) еще ни в коем случае не есть форма понятия, и ничего специфического для понятия собой не представляет¹⁵.

Абстрактная всеобщность – это всего-навсего общая форма представления, т.е. донаучной стадии развития сознания и познания. Переход от представления к понятию связан как раз с преодолением этой формы «абстрактного тождества» в тождестве конкретном, в единстве понятия – в единстве противоположностей.

Потому-то восхождение от абстрактного к конкретному – это во все не только движение в сфере «чистого понятия», а именно процесс «переработки представления в понятие» (К. Маркс).

В качестве основного логического критерия теоретического (научного) подхода к явлениям действительности Маркс, следуя в этом за Гегелем, принимает логический принцип конкретного тождества – тождества противоположностей, – тут-то и заключается переход от простого некритического «описания» очевидных для каждого явлений к их теоретически научному постижению.

Маркс вовсе не «открыл» всем хорошо известную «двойственность» товара, каждый и до Маркса, и до Рикардо и Смита прекрасно знал, что «товар», с одной стороны, представляет собою «потребительную стоимость», может рассматриваться как нечто «ценное» с точки зрения потребления, а с другой – «меновую стоимость», или ценность с точки зрения интересов обмена, выменивания на что-

¹⁵ См.: Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 1. С. 268.

нибудь другое, «более ценное для потребления», хотя и «равноценное» с точки зрения денег, с точки зрения «цены».

Так что суждение, согласно коему «товар» есть «с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны, меновая стоимость», само по себе еще не имеет ничего общего с теоретическим суждением экономиста относительно природы «стоимости» вообще...

Теоретическое же понимание «стоимости» заключается в том, что «потребительная стоимость» вещи, функционирующей как товар на рынке, есть не что иное, как способ или форма обнаружения своей собственной противоположности, — ее «менной стоимости», или, точнее, просто «стоимости».

Вот это-то и есть переход от «абстрактного» (непосредственно — от двух равно абстрактных представлений) — к «конкретному» (к единству понятия — к понятию «стоимости»).

Для логически необразованногоⁱⁱⁱ ума сам этот переход обязательно покажется чисто схоластической игрой в понятия. Между тем это единственно возможный (а потому единственно правильный в научном отношении) шаг на пути от «представления» к «понятию», от «абстрактного» к «конкретному».

Воспарение от конкретной полноты чувственно созерцаемых эмпирических фактов к их абстрактному выражению совершается задолго до всякой теории — в любом немудреном и немудрящем описании, в любом выражении фактов через формы языка. И если принципиально отличать «описание» от «теоретического» познания, т.е. некритическое воспроизведение фактов в речи от критического их анализа в понятии, то ни в коем случае нельзя выдавать момент, абстрактно-общий и процедуре описания, и процедуре научно-критического анализа, за специфически присущую научному познанию форму.

Наука в своем движении тоже производит «абстракции», т.е. каждый ее действительный шаг вперед есть в то же время акт образования «абстракции», акт «сведения» чувственно (эмпирически) данных фактов к их абстрактному выражению. Сама по себе взятая форма «воспарения» от конкретного к абстрактному — это хоть и необходимая предпосылка и условие развития науки, но всего лишь предпосылка, всего лишь условие. Если же ее на этом основании принимают и выдают за способ развития науки, то она тотчас же превращается в способ мышления, в научном отношении неправильный. Тогда это способ некритического описания фактов, принятый и выданный за способ их теоретического исследования.

Разумеется, наука при своем возникновении не сразу становится на правильный в научном отношении путь, она его постепенно и с трудом нащупывает. Долгое время собственно научный анализ, как показывает Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», перепутывался с простым некритическим описанием явлений в том их виде, в каком они даны непосредственному наблюдению. Историческим (но ни в коем случае не теоретическим) оправданием этой путаницы служит то обстоятельство, что Адам Смит, например, вынужден был начинать теоретическую работу просто при отсутствии таких «описаний», и потому должен был не только «впервые описать» эти явления, но даже и «найти еще для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные понятия, т.е. отчасти – впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления»¹⁶.

Эту работу – выработку абстрактных («рассудочных») определений, т.е. разработку «номенклатуры», терминологии, задачу простого выражения фактов в языке, – Маркс называет «вульгарным» моментом в составе классических систем. Работа эта сводится к простой «экспликации», т.е. к уточнению и классификации тех абстрактных представлений, которыми пользуется, не отдавая себе в них строгого отчета, каждый «практик».

Но если у классиков – Смита и Рикардо – это только «вульгарный момент», только тенденция, соседствующая с собственно научным содержанием их концепций, то у позднейших буржуазных экономистов эта тенденция превращается в единственное содержание их сочинений. Науки как таковой здесь просто нет, и Маркс определяет эту стадию развития буржуазной политической экономии как процесс разложения теории, ее распада на «составные части» – на абстракции. Здесь господствует способ мышления, в научном отношении совершенно неправильный – способ простого сведения, простой «редукции» наблюдаемых «конкретных» явлений к их абстрактному выражению в языке и в мысли.

И этот неправильный способ мышления отчетливо обслуживает апологетическую направленность самого «мышления» – задачу совершенно некритического описания явлений.

Последней стадией этого процесса – «могилей... науки» – Маркс называет «профессорскую форму» разложения теории, единственной целью которой оказывается именно формальное упорядочение тех

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 2. С. 478.

абстрактных представлений, которые и без всякой теории имеются в голове каждого предпринимателя, каждого маклера и «менеджера».

Собственно же теоретический момент у Смита и у Рикардо этим профессорам кажется «схоластическим, оторванным от жизни, мудрствованием», «спекуляцией с понятиями» и пр.

Этой тенденции как раз и соответствует «логическое» представление, согласно которому целью науки является сведение конкретного к абстрактному, форма некритического описания явлений в том их виде, в каком они даны глазам каждого.

Наоборот, критически теоретическому анализу и явлений, и их понятий соответствует только та форма движения мысли, которую Маркс и определяет как систематическое «восхождение от абстрактного к конкретному». Как тенденцию Маркс обнаруживает этот способ мышления и у Смита, и у Рикардо, показывая, что на этот путь мысль классиков естественно попадает именно там, где они более или менее сознательно преследуют другую задачу, а именно стараются проследить «внутреннюю связь экономических категорий», или, что то же, «скрытую структуру буржуазной экономической системы»¹⁷, стараются проникнуть «во внутреннюю физиологию буржуазного общества»¹⁸.

Переход от абстрактного к конкретному – это и есть переход от понимания разрозненных «частностей», от отдельных явлений и выражающих их рассудочно-номенклатурных определений к пониманию этих «частностей» (т.е. отдельных категорий), к пониманию их общей связи, их совокупного сцепления в составе «тотальности». И в этом смысле путь «от частного к общему» – это путь от абстрактно-общего к конкретно-всеобщему, от представления к понятию.

Здесь-то только и начинается, собственно, наука. Не там, где явлениям придается «абстрактное выражение», это происходит задолго до науки, а лишь там, где происходит процесс преодоления «абстрактности» донаучных представлений, там, где отдельные явления (и, стало быть, отражающие их «абстрактные категории») ставятся в надлежащую связь, постигаются в составе «целого», в составе «тотальности», в составе «единства». Иными словами, там, где они постигаются не просто как «разные явления», выражаемые «разными

¹⁷ Там же. Т. 26, ч. 2. С. 177.

¹⁸ Там же. С. 178.

понятиями», а только там, где все отдельные категории понимаются как необходимые различия внутри одного и того же, или, если выразиться языком Спинозы, как модусы одной и той же субстанции.

Это – основной признак, хотя только формальный, научно-теоретического взгляда на вещи в отличие от некритического «описания», которое просто перечисляет, классифицирует и систематизирует в каталогах «разные явления» и «разные понятия» в той самой их связи, которая открыта некритически поверхностному взору.

Когда вульгарный экономист высказывает суждение: «труд рождает заработную плату, земля – ренту, а капитал – процент», то он высказывает «истину», которая точнейшим образом обрисовывает факты, данные на поверхности явлений, придает этим фактам «абстрактное выражение». И ничего более. Потому-то тут и нет ни грана теоретического понимания. Тут налицо такая же «прочная» связь, как между бузиной в огороде и дядькой в Киеве или, как язвит Маркс, между нотариальной пошлиной, свеклой и музыкой.

Не требуется большой «логической» культуры ума, чтобы увидеть и абстрактно выразить такого рода связь между «разными» категориями. Это так же нетрудно, как и заявить, что «снег – бел», а «Нью-Йорк – большой город». Для этого нужно лишь уметь выражать свои чувственные впечатления в принятых терминах родного языка. Никакой логики тут не требуется.

Другое дело, когда «разные» категории пытаются понять как особенные состояния одного и того же абстрактно-всеобщего первоначала, как модусы одной и той же субстанции, как частичные различия внутри одного и того же предмета. Но тут сразу же начинается диалектика. Рикардо, первым вставший на этот путь, потому-то и столкнулся с противоречиями, с парадоксальными отношениями между экономическими категориями, что сознательно и систематически стал соотносить их именно как частные различия внутри одного и того же «единства». Он стал строить систему категорий, исходящую из одного строго установленного пункта – из определения стоимости трудом. Каждую же частную категорию (прибыль, заработную плату, ренту и т.д.) он стал рассматривать как различные видоизменения «стоимости», как «конкретные образы» одного и того же «абстрактного» первоначала – своего рода экономического «апейрона» – труда.

Тут-то и начинается наука в ее явной и отчетливо выраженной противоположности простому «описанию», в то время как еще у

Адама Смита эти два способа отношения к вещам постоянно перепутывались, переплетались, то и дело выступая один вместо другого, постоянно противореча один другому. При этом Смит – в философии верный ученик Джона Локка – даже не подозревал о подлинной «диалектике» определений, которыми он оперировал. У Рикардо же эта диалектика доведена до четкого выражения и до ясного осознания, именно благодаря тому, что он стал строить систему:

«Основа, исходный пункт для физиологии буржуазной системы – для понимания ее внутренней органической связи и ее жизненного процесса – есть определение *стоимости рабочим временем*. Из этого Рикардо исходит и заставляет затем науку оставить прежнюю рутину и дать себе отчет в том, насколько остальные категории, развиваемые и выдвигаемые ею, – отношения производства и обмена, – соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту...»¹⁹ В этом и состоит достоинство Рикардо как теоретика.

Однако логика, которой сознательно пользовался Рикардо, как раз и не дает ему возможности правильно выполнить верно угаданную задачу. Рикардо не развивает более «конкретные» категории из абстрактно-всеобщего определения системы, а прямо накладывает эту абстрактно-всеобщую категорию на более конкретные отношения, – сталкивает их на прямой и непосредственной очной ставке с целью проверить, насколько они ей «соответствуют» или «противоречат». В итоге объективная диалектика «абстрактного» и «конкретного» – всеобщего и особенного, целого и частей, субстанции и модусов – и выражается у него в виде неожиданных для него самого антиномий, парадоксов, логических противоречий. Оказывается, что более конкретные категории, например прибыль и заработная плата, противоречат не только друг другу, но и своему собственному «всеобщему» определению.

Здесь-то и заключалась проблема, абсолютно неразрешимая для мысли, принимающей на веру архаически-допотопную «логику» с ее метафизическими представлениями об абстрактном и конкретном, о соотношении всеобщего и особенного, и посильная только для диалектической логики с характерным для нее пониманием этих категорий, их имманентной диалектики. Проблема эта разрешена лишь в «Капитале» и именно «способом восхождения от абстрактного

¹⁹ Там же.

к конкретному», как единственно верным в научном отношении способом, позволяющим развивать понятия.

В этом пункте отчетливо видно, что старая логика с ее определениями ориентирует теоретика на совершенно ложные пути. Столкнувшись с явным – логическим – противоречием между «абстрактным» определением исследуемой системы («стоимостью») и конкретными формами этой самой «стоимости» («прибылью», «заработной платой» и пр.), наследники Рикардо приложили все усилия к тому, чтобы это противоречие разрешить. В самом деле, неразрешенных – «логических» – противоречий в составе теории быть не должно, теория ими просто разрушается. Как же разрешить указанное противоречие между «абстрактным» и «конкретным»?

Философия эмпиризма с соответствующей ей логикой (а вся английская политическая экономия вдохновлялась именно ею) давала здесь категорическое указание: ежели «абстрактное» определение вещи противоречит ее «конкретному», в опыте данному, образу и его «правильному» выражению в языке, то, само собой, надо приспособить «абстрактное» к «конкретному». Надо поскорее «исправить» абстрактное определение с таким расчетом, чтобы оно накладывалось на конкретные образы без всякого противоречия, без всякого остатка.

Логика эта очень живуча: если «абстрактное» не соответствует «конкретному», то его надо привести в соответствие с этим «конкретным». Следуя этому предрассудку эмпиризма, школа Рикардо и приходит к своему краху – к утрате трудового понимания стоимости, к утрате самого понятия «труд».

Так, Мак-Куллох²⁰, убедившись, что «прибыль» («конкретное») противоречит абстрактному понятию «стоимости» (как овеществленной в продукте порции общественно-необходимого труда), спешит «исправить» понимание стоимости как «не соответствующее» и как «противоречащее» очевидному факту. С этой целью он понятие «труда» расширяет настолько, чтобы противоречащие ему конкретные факты подводились под него уже без противоречия, определяет «труд» как вообще любой процесс, дающий «полезный эффект». Тогда под это понятие подходит – без противоречия, что и требовалось! – и работа впряженного в повозку осла, и работа водопада, вращающего турбины, и – между прочим – живой труд рабочего. Противоречие между «абстрактным» и «конкретным» исчезает. Только вместе с остатками теоретического подхода к делу...

²⁰ Там же. Т. 26, ч. 3. С. 171-91.

Здесь лозунг эмпиризма обнаруживает все свое коварство. «Абстрактное» исправляют в соответствии с «конкретным», с «очевидным», с «фактическим положением вещей», не желая повторять грех спекулятивно-схоластической мысли, всегда старающейся исказить «конкретное» в угоду «абстрактному», в угоду априори выставленному «понятию».

Понятия утрачиваются, ими жертвуют в угоду «фактам», приспособливают понятия к «очевидности». При этом забывается, что «факты» вовсе не есть тот абсолютный критерий, которому обязана соответствовать «теория», т.е. всеобщие определения рассматриваемой вещи, определения, выражающие ее «имманентную природу».

А ситуация такова: условия, внутри которых и посредством которых совершается труд человека в системе буржуазных отношений, во все не согласуются без противоречия со всеобщими определениями «труда», и это находит свое формальное выражение в логическом противоречии между «понятием труда» и «понятием прибыли». И поскольку «прибыль» считается той самоочевидной и не подлежащей сомнению «конкретностью», к коей надобно приспособить все «абстрактные понятия», то понятие труда обобщается настолько, что человеческий труд приравнивается в нем к работе запряженного в телегу мула.

Это «отождествление» совершенно точно выражает реальное положение вещей в обществе, где господствует механизм «стоимости» и «прибыли», – труд человека низводится на уровень прирученной силы природы. Здесь, в этих «конкретных условиях», такое «отождествление», такая «абстракция» совершенно точно выражает эмпирический факт – наличный образ «труда». Труд сведен к простой затрате мускульной и нервной энергии, стал «абстрактным трудом», стал простой затратой «рабочей силы», а все более «конкретные» его определения принадлежат уже не ему, а внешним условиям, от него отчужденным, – силам капитала, науке, поставленной на службу капитала, государственной регламентации и тому подобным вещам.

И если вы понятие труда вообще приспособите к этому «конкретному положению дел», то получите абстракцию, которая, хотя и соответствует реальному способу труда человека в этих условиях, где носитель – живой индивид – отождествлен с любой «вещью» и потому его можно мерить одной мерой с банками ваксы и тоннами угля – мерой стоимости, деньгами, – но является абстракцией совершенно некритического сознания.

Маркс тоже исходит из противоречия, выявленного школой Рикардо, – из антиномического отношения между определениями стоимости и определениями прибыли, заработной платы, ренты и прочих, более «конкретных» категорий. Однако способ разрешения этого противоречия у него совершенно иной.

В экономическом анализе Маркса ни «абстрактное» (т.е. понятие стоимости и труда) не приспособливается к определениям «конкретных образов», в которых это абстрактное выступает на поверхности явлений, – как это выходит у Мак-Куллоха и прочих вульгарных экономистов, – ни «конкретное» не искажается с таким расчетом, чтобы подтвердить правильность абстрактного определения, – как это сделал бы ортодоксальный гегельянец в политической экономии. Здесь «абстрактное» определение системы (стоимость, товарная форма) понимается как категория, в имманентных определениях которой уже заключены все те коллизии, которые позднее выступают как противоречие между «абстрактным и конкретным», между «стоимостью» и «прибылью». Движение «от абстрактного к конкретному» поэтому меньше всего похоже на старинную «дедукцию» – на нисхождение от абстрактно-общего понятия к особенным и единичным случаям (на манер: «Все люди смертны, Сократ – человек, следовательно, Сократ смертен»).

Это способ развития понятий, отражающий процесс саморазличения, объективно совершающийся в движении действительности.

Сама «стоимость» в соответствии с этим тут понимается не как то «абстрактно-общее», что одинаково свойственно каждому особенному и единичному факту в качестве «общего признака» и товара, и денег, и заработной платы, и прибыли, и ренты, и процента, и форм вексельного курса, и учетной ставки, и т.п., а как совершенно строгое – «абстрактное» в хорошем смысле этого слова – теоретическое определение одной из особенных форм зависимости человека от человека, а именно товарной формы. Той самой формы, которая является в данной системе – и ни в какой другой – простейшей и наиболее абстрактной формой взаимодействия людей в акте производства, – исторически и потому также логически исходной категорией системы.

При анализе стоимости (товарной формы продукта труда), т.е. при выработке абстрактного определения всей системы в целом, Маркс строжайшим образом абстрагируется от наличия всех более развитых форм отношений между людьми. На этой ступени анализа для него не существует ни прибыли, ни ренты, ни даже денег.

Здесь перед умственным взором исследователя находится только товар, эта простейшая экономическая конкретность, и исчерпывающие теоретические определения этой конкретности как раз и составляют определения понятия «стоимости», т.е. самое абстрактное определение всей системы в целом, всей «тотальности» экономических отношений.

Этот принцип выработки «всеобщего» определения, как небо от земли, отличается от того рецепта, который рекомендовала теоретикам старая логика: чтобы выработать абстрактно-всеобщее определение массы особенных (конкретных) явлений, отыскивай общее, одинаковое между ними.

Здесь иное: чтобы выработать подлинно всеобщее определение (понятие стоимости), надо выделить одно особенное отношение, единственное конкретное отношение, и в его исчерпывающем анализе добыть всеобщие характеристики всей системы, из него растущей.

Только надо взять не любое особенное отношение, а именно то, которое, будучи само по себе «простейшей конкретностью», в то же время служит «простейшей и абстрактнейшей» формой всех других элементов данной системы. Особенности (специфические) определения товарной формы продукта, выявленные и выраженные «в чистом виде» («абстрактно»), и суть в то же время всеобщие определения системы в целом, абстрактные определения «конкретности», «тотальности».

Следовательно, способ восхождения от абстрактного к конкретному и есть способ теоретической переработки данных созерцания и представления в понятии, способ движения мысли от факта к факту – от одного фактически данного явления (в его строго абстрактном выражении) к другому такому же фактически данному явлению (и к соответствующему понятию). Это вовсе не способ движения мысли «от понятия к понятию», тем более – «от понятия к чувственно созерцаемой эмпирии», хотя оба эти аспекта здесь и присутствуют, и именно как аспекты, как моменты, и их нетрудно увидеть. Так, все движение категорий в «Капитале» является, разумеется, движением от понятия стоимости (товара) к понятию капитала и т.д., точнее, от понимания строго сформулированных закономерностей товарно-денежной сферы к такому же пониманию имманентных закономерностей, регулирующих обмен капитала на труд и обратно, и т.д. и т.п., т.е. к понятию прибавочной стоимости, и, далее, к понятию тех «превращенных форм», в которых выступает, производится и обращается эта прибавочная стоимость, – прибыли, ренты, процента.

Каждый шаг вперед по этому пути – это ступенька углубления понимания, ступенька конкретизации исходного понимания («понятия»).

В то же время это и движение «от понятия к факту» в том смысле, что ранее выработанное понятие (извлеченное актом абстракции из фактов) становится активным орудием понимания других фактов, создает целенаправленность движения мысли. Так, понятие «стоимости», будучи строго разработанным, становится теоретическим критерием для дальнейшего движения познания – позволяет в более конкретных образованиях (в «деньгах», в «капитале» и пр.) активно выделять в качестве существенных именно те их характеристики, которые действительно полагаются саморазвитием данной конкретной системы, данного «единства в многообразии», а не «привходят» в эту систему со стороны, не являются продуктами внешнего взаимодействия данной системы с какой-то другой системой явлений. Так, деньги понимаются, скажем, не как порции золота или напечатанные в типографии бумажки, а как «мера стоимости», как «средство обращения» товарных стоимостей и т.д., капитал – как «самовозрастающая стоимость», как накопленная «прибавочная стоимость», а не как машины, не как «накопленный труд вообще», не как «заводы», «фабрики» и «банки» или прочие вещи в их непосредственно телесном, чисто вещественном облике.

Исходное понятие позволяет и в этих «вещах» увидеть и выделить те и только те характеристики, которые принадлежат к составу данной «саморазвивающейся» системы явлений и выступают как определения данной конкретной системы.

Эту свою функцию исходное понятие исполняет именно потому, что оно верно выражает реально-всеобщую форму саморазвития исследуемого предмета, потому что форма стоимости оказывается как бы пропуском в царство капиталистического производства: не приняв печати «стоимости», ни человек, ни вещь не могут вступить в это царство, не могут начать функционировать в нем в качестве его элементов, не могут рассматриваться как внутренние («имманентные») моменты движения этого способа производства. А для исследователя это обстоятельство, выраженное в понятии стоимости и в его определениях, создает жесткий и ясный критерий для выделения тех специфических форм экономики, которые относятся к «чистой структуре капитализма», для выделения их из всей пестрой массы перепутанных между собою отношений, наблюдаемых в «эмпирии».

Поэтому те определения вещей, которые не являются «развитыми» определениями стоимости (или «конкретизированными определениями стоимости»), не входят и в состав системы. Так, например, «капитал», разумеется, есть «накопленный труд», есть «машины», «заводы» и пр., и потому легко подводится под одну рубрику и с дубиной неандертальца (это тоже «накопленный труд»), и с машиной как элементом любой технической системы – как непосредственно наблюдаемое эмпирическое явление его легко «отождествить» в абстракции и с тем и с другим и с третьим. Но трудно выделить в капитале (извлечь актом абстракции) именно те его определения, которые специфически характеризуют его как капитал, получить конкретно-всеобщее понятие. И это понятие нельзя образовать, если предварительно не развито понятие стоимости. Если оно развито, то понятие капитала – как самовозрастающей стоимости – получить уже можно.

То же самое относится не только к исходному понятию, каждое уже развитое понятие становится в свою очередь исходной точкой для дальнейшего движения мысли. Так, «легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять *ni l'un, ni l'autre* [ни того, ни другого]»²¹.

Описать, т.е. просто выразить в «абстрактных терминах», и то и другое, разумеется, можно и в обратном, и в любом другом порядке, понять же, т.е. отразить в понятии, нельзя. Понять – это значит развить понятие прибавочной стоимости из понятия стоимости, понятие прибыли из понятия прибавочной стоимости. Ибо порядок понимания – последовательность «восхождения от абстрактного к конкретному» – не случаен и не произволен. Он диктуется не особенностями устройства теоретически мыслящей головы, не тем, понятно, обстоятельством, что человеку «легче понять» сначала «простое», а потом уже «сложное», а тем реальным порядком, в котором развиваются друг из друга соответствующие этим понятиям реальные формы жизни предмета. Ибо «логическое» (в том числе и логическая последовательность развития понятий) – это отраженное (воспроизведенное в голове) историческое. Потому-то форма восхождения от абстрактного к конкретному – это вовсе не субъективно-психологический прием, с помощью которого человеку «легче

²¹ Там же. Т. 23. С. 227, прим. 28.

понять» предмет, а та единственная логическая форма, которая позволяет выразить в движении понятий объективный процесс «само-различения», посредством которого возникает, становится, оформляется и разнообразится внутри себя любое «органическое целое», будь то капитализм, феодализм или социализм, будь то биологическое целое (живой организм) или любая другая «целостная» система взаимодействующих явлений. Поэтому способ восхождения от абстрактного к конкретному, примененный с таким блеском в «Капитале», можно рассматривать как логический, т.е. универсальный, метод мышления. Он требует своего последовательного применения и в политической экономии социализма и в других теоретических областях.

Логика «Капитала», исходящая из абстрактно-всеобщего определения исследуемого объекта и приходящая к развитой системе конкретно-всеобщих определений, восстанавливающая в мышлении (в виде системы теоретических абстракций) то живое «саморазвивающееся» целое, которое составляет объект анализа, а не просто разлагающая его на разрозненные «составные части», до сих пор остается непревзойденным образцом сознательного применения диалектики как логики и теории познания к исследованию предмета.

Поэтому В.И. Ленин и придавал такое огромное значение логике «Капитала» в разработке Логике с большой буквы. Для многих областей науки (и прежде всего – для политической экономии социализма) способ восхождения от абстрактного к конкретному – это завтрашний день. Этот метод еще сыграет роль метода, революционизирующего многие другие области научного мышления, его возможности далеко еще не исчерпаны всей современной наукой, не только политической экономией социализма, а и всеми теми отраслями естествознания, которые стоят ныне перед задачей анализа сложных – развивающихся во времени и в пространстве – систем, органических систем, внутри себя «саморазличающихся» и саморазвивающихся «тотальностей». И во втором столетии своей жизни этот метод, надо полагать, ознаменуется не менее значительными успехами, чем в истекшем столетии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1960-е годы – это время расцвета творческих сил Э.В. Ильенкова. Он становится признанным лидером советских марксистов «гуманистического» крыла. Много пишет и публикуется, курирует раздел диалектического материализма в «Философской энциклопедии», выступает на Гегелевских конгрессах, наконец, защищает докторскую диссертацию. Основные усилия Ильенкова направлены на разработку категорий материалистической диалектики.

Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса

Ильенков передал рукопись книги в издательство в 1956 г. В течение следующих трех лет она претерпела несколько капитальных правок, начиная уже с заглавия: область «научно-теоретического мышления» была урезана начальством до одного «Капитала» Маркса. Книга была сдана в набор в октябре 1959-го и вышла полгода спустя в Издательстве Академии наук СССР тиражом 6 тысяч экземпляров.

В 1955 году директором Института философии стал П.Н. Федосеев, аппаратчик ЦК сталинского призыва, взявший работу Ильенкова под личный контроль. Автор имел уже прочную репутацию еретика – закоренелого гегельянца, «гносеолога» – и был только что уволен из МГУ. В архиве сохранился типографский набор 1958 году – около 400 страниц с пометками корректора, обильными следами ножниц и клея, перечеркнутыми крест-накрест абзацами и страницами текста (к финалу книга «похудеет» еще на сотню страниц). Федосеев приказал рассыпать набор. Он вызвал к себе Ильенкова и провел с ним двухчасовую беседу, после которой тот вернулся домой совершенно убитый (по рассказу Ю.Н. Давыдова, см. интервью в его кн.: Труд и искусство. М., 2008. С. 10).

При обсуждении персонального дела Ильенкова на партбюро Института философии Федосеев заявил, что книга «аполитична», в ней «нет теплых слов о социализме», а слово «империализм» вообще отсутствует! (см. стенограмму заседания от 11 ноября 1958 году в кн.: От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. М., 2017. С. 59). Автору поневоле пришлось реагировать: в тексте 1960 года появятся идеологические клише,

критика ревизионизма и «современных реакционных системок», апелляция к спору о профсоюзах и даже цитата из Мао. Упоминаний имени Ленина стало в два раза больше, а немецких классиков – в два раза меньше. Удалялись целые параграфы, в основном из первой и второй глав, и многие чисто философские вещи, в коих федосеевым «гегельянщина» мерещилась, плюс почти вся критика в адрес формальной логики. Правда, был значительно расширен параграф о понятии человека.

Сменится и ответственный редактор тома: на место П.В. Копнина, покинувшего институт после конфликта с дирекцией, пришел М.М. Розенталь.

Весной 1960 года книга, наконец, увидела свет. На форзаце подаренного другу экземпляра Ильенков начертал: «В.И. Коровикову, искателю плода столь запретного, как предмет философии. Едвальд». В то время Эвальд Васильевич лечился в санатории по поводу туберкулеза легких, привезенного еще с войны и давшего тяжелое обострение на нервной почве.

В следующем, 1961 году вышел и итальянский перевод с огромным, на 59 страницах, предисловием Лючио Коллетти, известного философа-марксиста школы Гальвано делла Вольпе. Издательству Фельтринелли удалось-таки добиться от советских властей разрешения на публикацию книги Ильенкова, несмотря на еще не утихший скандал вокруг «Доктора Живаго» (роман Бориса Пастернака вышел в этом издательстве в 1957 г.). Отдельные части из «Диалектики абстрактного и конкретного» при жизни автора будут переведены на французский, испанский и немецкий языки.

ⁱ Имеется в виду военный переворот в Чили 11 сентября 1973 года, в результате которого было свергнуто социалистическое правительство Сальвадора Альенде.

ⁱⁱ Шмидт, Альфред (1931–2012), западногерманский философ и социолог, принадлежавший к послевоенному поколению Франкфуртской школы. Под руководством Адорно и Хоркхаймера написал диссертацию о понятии природы в учении Маркса, а затем и книгу на ту же тему (*Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx*, 1962). В упомянутый Ильенковым сборник вошли также работы по теории познания Зелены, Бакхауса и Лефевра.

ⁱⁱⁱ «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 37*).

^{vi} Вольная цитата из «Капитала»: «Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгнется человек» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 646*).

^v «Понятия, конечно, необходимо отличать от всех других мыслей, в частности от представлений, смешать с которыми их легче всего... Разница же между теми и другими сводится к тому, что посредством представления мы

рассматриваем, т.е. как бы воспринимаем, предметы со стороны каких угодно признаков, независимо от того, будут ли они существенными или несущественными, а посредством понятий только со стороны существенных» (*Введение к А.И. Логика как часть теории познания. Петроград, 1917. С. 63*).

^{vi} В указанном месте такая фраза отсутствует, но несколькими страницами выше Введенский утверждал, что «принадлежность признака к существенным или несущественным зависит не только от него самого, но и от выбранной нами точки зрения на него» (С. 59).

^{vii} «Понятие есть *общее* (*repraesentatio per notas communes*) или *рефлексивное* представление... Понятие противоположно созерцанию, так как оно есть общее представление или представление того, что обще многим объектам...» (*Кант И. Логика / Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 395*).

^{viii} Выяснилось, что это суждение ложно, когда в Австралии были найдены черные лебеди.

^{ix} Выражение «словесное бытие» (или «наличное бытие в языке» – *sprachliches Dasein*) встречается в *Grundrisse* (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 313*). Возможно также, имеется в виду место из «Замечаний на книгу Адольфа Вагнера», в котором речь идет о словесном выражении представлений: «Но это словесное наименование (*sprachliche Bezeichnung*) лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт...» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 377*).

^x Шоттлендер, Рудольф (1900–1988), немецкий философ, профессор античной литературы, живший и работавший то в Западном, то в Восточном Берлине. Позиционировал себя как «медиатора» между лагерями капитализма и социализма. Переводил на немецкий язык Софокла, Петрарку и Пруста.

^{xi} «*Subtrahendum*» – герундив от *лат. subtraho* (вынимать, ускользать, обходить молчанием). Слово встречалось еще в средневековых кодексах лангобардов. Шоттлендер делает из него логический термин.

^{xii} *Extrahendum* (*лат.*) – вынуженное, извлеченное. Слова «экстрагендум» и «субтрагендум» – того же корня, что и «абстракция» (от *лат. traho* – тянуть, отнимать).

^{xiii} Веркор (наст. имя Жан Марсель Брюлльер, 1902–1991), французский писатель-гуманист, участник движения Сопротивления, после войны – активист пацифистского движения.

^{xiv} Мюллер, Густав Эмиль (1898–1987), известный философ-гегельянец, написавший множество книг, первая из которых носила заглавие: «Историко-философские основоположения у Маркса» (1924). Долгое время работал в Америке, в 1959 году перевел на английский «Энциклопедию философских наук» и издал монографию «Гегель: человек, взгляды, труды».

^{xv} *Ленин В.И. Философские тетради. М.: Госполитиздат, 1947. С. 326.*

^{xvi} «Все это “вздор”. Во-первых, я исхожу не из “понятий”, стало быть также не из “понятия стоимости”, и потому не имею никакой нужды в “разделении” последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это – “товар”... Если

приходится анализировать “товар” – эту простейшую экономическую конкретность, – то надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа» (*Маркс К.* Замечания на книгу Адольфа Вагнера / Соч. Т. XV. С. 467–468).

^{xvii} См. книгу V «Никомаховой этики». Маркс комментирует это место в первой главе «Капитала».

^{xviii} Ниль, Анри (1910–1967), французский философ, представитель послевоенной волны «экзистенциальной диалектики», автор книг «Опосредствование в философии Гегеля» (1945) и «Карл Маркс: ситуация марксизма» (1971).

^{xix} Рус. пер.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 215.

^{xx} Рус. пер.: Там же. Т. 46, ч. I. С. 229.

^{xxi} Цитата из заметок в конспекте «Трактата по политической экономии» Ж.-Б. Сэя, сделанных Марксом еще в Парижских тетрадах 1843–1844 годов. В русском переводе эта тетрадь не издавалась.

^{xxii} Адаптация известного высказывания Маркса: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. II. С. 384).

^{xxiii} Фетшер, Иринг (Iring Fetscher, 1922–2014), западногерманский марксолог, считается представителем «второй волны» Франкфуртской школы (наряду с Альфредом Шмидтом и Хабермасом). В молодости Фетшер вступил в нацистскую партию, добровольцем пошел на фронт, офицер артиллерии. Автор монографии «От Маркса до советской идеологии» (1956), выдержавшей более двадцати переизданий, и трехтомника «Марксизм: его история в документах» (1963–1965). Теологом он не был; сборник «Христиане или большевики», который цитирует Ильенков, содержит тексты передач немецкого радио, в том числе и выступление Фетшера. С докладом «Молодой и зрелый Маркс» Фетшер выступил на симпозиуме «Маркс и западный мир» в Университете Нотр-Дам (1966), куда был приглашен, но не смог поехать Ильенков.

^{xiv} Это утверждение опирается на труды Г. Лукача – его докторскую диссертацию и монографию «Молодой Гегель и проблема капиталистического общества». Журнал «Вопросы философии» опубликовал одну из глав книги Лукача, «Экономические взгляды Гегеля в иенский период», вместе с рецензией, написанной Э.В. Ильенковым в соавторстве с двумя его студентами – Х. Зайделем и Л.К. Науменко (1956. № 5. С. 151–162, 181–184).

^{xv} Парафраза слов молодого Маркса о гегелевской философии права: «Философское значение имеет здесь не логика самого дела, а дело самой логики» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 236).

^{xxvi} Адаптация высказывания Энгельса: «Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 545).

^{xxvii} «Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает для себя мир единственно возможным для нее способом, – способом, отличающимся от художественного,

религиозного, практически-духовного освоения этого мира» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 38).

^{xxviii} Слова из рецензии Энгельса на книгу Маркса «К критике политической экономии».

^{xix} *Tabula rasa* (лат.) – «чистая доска». Аристотель сравнивал природную душу с дощечкой для письма, на которой ничего еще не написано. Локк пользовался выражением «белая бумага», доказывая, что от природы душа лишена каких бы то ни было идей.

^{xxx} Цит. по изд.: Маркс К. Введение к критике политической экономии // Основные проблемы политической экономии. М.: Госиздат, 1922. С. 25.

^{xxxi} На эту тему двадцать лет спустя у Ильенкова разгорится спор с Б.М. Кедровым (см.: Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 266–271).

^{xxxii} После вещи (лат.). В средневековой метафизике партия номиналистов доказывала, что общее понятие, или «универсалия», существует *post rem*, а партия реалистов – что *ante rem* (до вещи).

^{xxxiii} Рус. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 2. С. 449.

^{xxxiv} «Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлинняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 190). Конкретно о буржуазном обществе Маркс писал: «Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы» (Т. 46, ч. I. С. 229).

^{xxxv} По Канту, в суждении «все тела протяженны» совершается анализ, а не синтез, так как понятие протяженности имплицитно уже содержится в понятии тела. В «Критике чистого разума» это – пример аналитического суждения, в отличие от синтетического суждения «все тела обладают тяжестью».

^{xxxvi} Рус. пер.: Соч. Т. 46, ч. I. С. 207.

^{xxxvii} Хрестоматийная дефиниция идеального из Марксова Послесловия ко второму изданию «Капитала» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21).

^{xxxviii} «...Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» (Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 4. С. 9).

^{xxxix} Выражение из четвертого тезиса о Фейербахе: «Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный и светский. Его работа состоит в том, чтобы свести религиозный мир к его светской основе. Но то, что светская основа отделяется от самой себя и фиксирует себе самостоятельное царство в облаках, может быть объяснено только внутренней саморазорванностью и самопротиворечивостью этой светской основы. Следовательно, эта последняя и должна быть в самой себе понята в своей противоречивости и практически революционизирована» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. IV. С. 590).

Работы 1960-х годов

Логическое и историческое

(Вопросы диалектического материализма: элементы диалектики. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 310–343)

Эта глава в плановом сборнике Института философии представляет собой сокращенный (примерно в полтора раза) и сильно отредактированный текст 1956 году. Тогда сектор диалектического материализма, совместно с преподавателями Ярославского педагогического института, готовил сборник «Категории материалистической диалектики» (М.: Госполитиздат, 1956, 2-е изд./1957, отв. ред. М.М. Розенталь и Г.М. Штракс). Для этого тома Ильенков написал расширенный вариант пятой главы своей рукописи «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении», которую параллельно готовил к печати. На титульном листе «Логического и исторического» – взятая в скобки приписка рукой Ильенкова: статья для сборника «Категории материалистической диалектики». Левее и выше – пометка «5 экз.» и подпись ответственного лица. В тот сборник текст Ильенкова почему-то не попал, хотя 1956-й был годом затишья между изгнанием из МГУ и началом «итальянского дела».

Текст писался под впечатлением от XX съезда партии, с резкими выпадами против «некоторых наших историков», исправляющих прошлое на потребу «современности», и «людей со средневековой психологией oprичников, которым по ошибке вручили разящий меч пролетарской диктатуры».

Из главы 1960 года все это было вычеркнуто, зато добавлены четыре абзаца идеологической «воды» с отсылками к образцам «марксистско-ленинского историзма» (выражение в других работах Ильенкова не встречающееся), к «замечательным историческим документам» – решениям съездов КПСС и свежему докладу Н.С. Хрущева. В архиве Ильенкова сохранились четыре рукописи разных лет с одинаковым заглавием «Логическое и историческое» – в них нет ничего подобного. Можно предположить, что над текстом изрядно потрудился ответственный редактор тома П.В. Таванец, формальный логик и записной оппонент Ильенкова, – пока тот лечился в санатории и отбивался от клейма «философского Пастернака».

Все это, вместе взятое, ставит под сомнение аутентичность текста. Полный авторский вариант рукописи «Логическое и историческое» 1956 год войдет в восьмой том Собрания сочинений Э.В. Ильенкова.

¹ Принцип соответствия предложил в 1923 году Нильс Бор: при больших (предельных) значениях квантовых чисел законы квантовой и классической меха-

ники приводят к тождественным результатам. В общем виде принцип соответствия гласит, что новая научная теория должна включать в себя прежние теории как свои частные случаи или приближения.

Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике

(Диалектика и логика: формы мышления.

М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 172–210)

В работе освещается история категорий абстрактного и конкретного со времен средневековой схоластики. Ильенков вступает в прямую полемику с трактовкой этих категорий в советских учебниках формальной логики и начинает разворачивать свое понимание философии Спинозы.

Текст будет включен в состав первой главы в немецкий (1979) и английский (1982) переводы «Диалектики абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса», которые выйдут в издательстве «Прогресс».

За два с половиной года между завершением первого варианта (25 ноября 1959) и днем, когда сборник был сдан в набор (11 мая 1962), ильенковская глава прошла по меньшей мере три круга правок.

Первоначально она была озаглавлена «Абстрактное и конкретное как категории логики». Рукопись сохранилась в личном деле Ильенкова в архиве Института философии (52 машинописных листа). Добрая половина места в ней отведена критике формально-логического истолкования категорий абстрактного и конкретного.

Второй вариант (45 листов), также обнаруженный в личном деле, набран на разных машинках, на титульном листе значится: «в сборник сектора диалект. материализма “Диалектика и логика”», «5 экз.», – чья-то виза и дата: 27/XII 60. Поверх текста – авторская правка чернильной ручкой. В тех местах, где слова или фразы подчеркнуты волнистой линией, на полях рукой Ильенкова написано: «курс[ив]». Последние страницы отсутствуют.

Третий вариант (53 листа) хранится в домашнем архиве Ильенкова. Набран он на двух – чужих – печатных машинках. Критика учебников логики сокращена, добавлен Кант, текст разбит на параграфы. Концовка была полностью переписана. Отличия этого варианта от опубликованного текста невелики.

Финальный вариант рукописи не обнаружен – должно быть, сгинул в издательстве.

В настоящем издании исправлены типографские опечатки в терминах и восстановлен курсив (по второму, авторизованному варианту рукописи). Фрагменты, не попавшие в печать, публикуются после основного текста, в приложении.

ⁱ Челпанов, Георгий Иванович (1862–1936), философ и психолог, сторонник идеализма неокантианского толка. Вслед за Вундтом развивал дуалистическое учение о соотношении физического и психического, тела и души («эмпирический параллелизм»). Челпанов основал и возглавил Психологический институт при кафедре философии Московского университета (1912).

ⁱⁱ Неявная апелляция к словам Энгельса: «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный “конкретный” пример этого» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 537).

ⁱⁱⁱ См.: Wörterbuch der philosophischen Begriffe, Historisch-Quellenmässig bearbeitet von Dr. Rudolf Eisler, 3. Aufl. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1910. Bd. 1. S. 5.

^{iv} «Конципировано» (от лат. concipere) здесь означает «понято, образовано».

^v Отметим, что Спинозовский «Трактат об очищении интеллекта» Ильенков всегда и всюду цитировал в старом переводе В.Н. Половцовой 1914 году, подчеркнуто игнорируя более новый, Я.М. Боровского, вышедший под заглавием «Трактат об усовершенствовании разума» (1934) и включенный в «Избранные произведения» Спинозы 1957 год издания.

^{vi} «Перципируется» (от лат. percipere) означает «воспринимается».

^{vii} Далее во втором варианте рукописи следует перечеркнутое крест-накрест пояснение: «“Врождена” человеку его природная (“субстанциальная”) организация, т.е. единство “телесных” и “душевных” отправлений. “Врожденность” в таком толковании принимал любой материалист до Маркса. С кантианским единством трансцендентальной апперцепции это не имеет ничего общего. Больше того, как раз составляет ее альтернативу. Идея “субстанции” есть как раз та “наивысшая точка мудрости”, которой человеческий интеллект достигает в результате постепенного совершенствования “интеллектуальных орудий”, через процесс своего критического преобразования, через критику “универсалий”, абстракций. У Декарта же эта идея [субстанции] заключена в интеллекте непосредственно как идея “бога”. Разница несомненная».

^{viii} Восхитившее Ленина выражение из Введения к Большой Логике: «Лишь благодаря более глубокому знакомству с другими науками логика поднимается для субъективного духа на подобающую высоту, выступает не только как абстрактно всеобщее, но как всеобщее, охватывающее собою также и богатство особенного...» (Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 5. С. 38).

^{ix} Перечислены персонажи памфлета Гегеля «Кто мыслит абстрактно?».

^x Имеется в виду Макс Штирнер, предтеча анархизма, автор книги «Единственный и его собственность» (1844–1845). Критике этого сочинения «Святого Макса» посвящена добрая половина «Немецкой идеологии». «Единственным» (der Einzige) Штирнер называл индивидуальное Я, присваивающее природный и духовный миры как свою «истинную собственность».

^{xi} Из работы «Форма стоимости», помещенной в Приложении к первому изданию «Капитала». Современный русский перевод этой работы будет напечатан в журнале «Вопросы философии» (№ 9, 1967) перед статьей Э.В. Ильенкова «Проблема абстрактного и конкретного». См. цитируемое место во втором издании сочинений Маркса и Энгельса: Т. 49. С. 148.

^{xii} Неявная апелляция к словам Маркса: «Это сведение представляется абстракцией, однако это такая абстракция, которая в общественном процессе про-

производства происходит ежедневно. Сведение всех товаров к рабочему времени есть не бóльшая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 17).

^{xiii} Во втором варианте рукописи Ильенков вычеркнул конец фразы: «определения которого – видимо, по недоразумению – некритически воспроизводятся во многих нынешних учебниках логики».

^{xiv} Вычеркнуто: «ту самую “белизну”, которую все перечисленные авторы [учебников по логике] дружно приводят в качестве примера “абстрактного понятия”». Ильенков явно пытался смягчить тональность критики в адрес формальных логиков.

^{xv} Эта фраза во втором варианте вписана от руки. Далее вычеркнуто: «Мы все-таки опасаемся, что усилия мыслить эту пресловутую “белизну” абстрактно, то есть как “особый объект мысли”, могут непоправимо искалечить неокрепшие мозги».

^{xvi} Тезис радикального эмпиризма, в формулировке Беркли: «Существовать значит быть воспринимаемым» (чувствами).

^{xvii} Парафраза слов Энгельса: «Форма всеобщности в природе – это закон...» (Соч. Т. 20. С. 549).

Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии

(Диалектика – теория познания: историко-философские очерки.
М.: Наука, 1964. С. 21–54)

В первой половине 1960-х под редакцией Б.М. Кедрова выходят четыре коллективные монографии по диалектике – в двух из них публикуются работы Ильенкова: «Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике» и «Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии». В 1965 году Президиум Академии наук СССР присуждает Кедрову и Ильенкову премию имени Н.Г. Чернышевского (2 тыс. рублей) «за исследования актуальных проблем теории познания диалектического материализма», опубликованные в этой книжной серии. В постановлении особо отмечался «анализ проблемы тождества мышления и бытия».

Значительная часть этого очерка войдет, почти дословно, в «Диалектическую логику» (1974).

ⁱ Триединая формула буржуазной политической экономии: «Капитал – прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля – земельная рента, труд – заработная плата...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 380).

ⁱⁱ Игра слов «Sache» (вещь, предмет, дело) и «Sage» (сказание, вещание, сага) у Гегеля в «Иенской реальной философии»: «Λογος, Vernunft, Wesen des Dinges und Rede, Sache und Sage, Kategorie». Рус. пер.: «Logos [есть] разум, сущность вещей и речи, вещь и вещание, категория» (Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 292).

Предмет логики как науки в новой философии

(Вопросы философии. 1965. № 5. С. 71–82)

В основу работы легла большая статья «Логика», написанная Ильенковым для третьего тома «Философской энциклопедии» (1964). Редколлегия ФЭ, однако, отдала предпочтение тексту, написанному формальным логиком из МГУ Е.К. Войшвилло.

Для журнальной статьи текст Ильенкова оказался слишком велик, поэтому был разбит на две равные части с разными заглавиями и снабжен примечанием: «Статья публикуется в порядке обсуждения». Тем самым редколлегия «Вопросов философии» подстраховалась на случай обвинений в продвижении «гносеологизма» и «гегельянщины».

Первая часть охватывает период истории Логики от начала Нового времени – до Канта включительно.

ⁱ Настоящее заглавие – «Логика, или Искусство мыслить». Это руководство по логике было издано анонимно на французском языке в 1662 году Авторы, картезианцы Антуан Арно и Пьер Николь, работали над книгой в аббатстве Пор-Рояль.

ⁱⁱ См.: Oeuvres de Descartes, 11 vols. (éd. Ch. Adam & P. Tannery). Paris: Cerf, 1897–1913. Vol. 1. P. 81. В русских изданиях сочинений Декарта это письмо отсутствует.

ⁱⁱⁱ Здесь: приговором суда (*lat. sententia* – приговор).

К истории вопроса о предмете логики как науки (Статья вторая)

(Вопросы философии. 1966. № 1. С. 32–43)

Вторая часть работы об истории формирования предмета Логики целиком отведена Гегелю. Обе части, первая и вторая, в доработанном виде войдут в докторскую диссертацию, а затем и в «Диалектическую логику».

Полный вариант статьи «Логика» для «Философской энциклопедии» (включающий очерки из истории логики античной, средневековой и «послегегелевского периода») будет напечатан в восьмом томе Собрания сочинений.

ⁱ Подстрочное примечание Маркса в главе «Товар» в первом издании «Капитала» (см.: Маркс К. Капитал. СПб.: Издание Н.П. Полякова, 1872. С. 17). В советских собраниях сочинений Маркса эта глава печаталась по второму изданию «Капитала», в котором этого примечания уже не было. Поэтому Ильенкову пришлось цитировать немецкий оригинал.

ⁱⁱ Неявная отсылка к «Иенской реальной философии» Гегеля (см. прим. ii к статье «Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии»).

ⁱⁱⁱ См. прим. xi к работе «Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике».

О роли классического наследства в развитии категорий материалистической диалектики

(Диалектика и логика научного познания: материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики, 7–9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 141–145)

В трехдневном Совещании по материалистической диалектике приняли участие 600 преподавателей философии, научных и партийных работников со всей страны. Материалы его вышли в четырех томах под разными заглавиями.

Лейтмотив Совещания в докладе Ильенкова характеризуется так: «развитие» диамата сталинского покроя за счет «философски не переваренных понятий математики, кибернетики, математической логики – всего чего угодно, только не настоящей философии». Со своей стороны, Ильенков призвал вернуться к философской классике, чтобы поучиться логической культуре мышления на лучших ее образцах.

В заключение он призвал исследовать «реальные противоречия» социализма. Надо использовать категории диалектики для «критического анализа действительности», а не приспосабливать их к наличному положению дел в обществе и в науке – «идеализируя реальность, вместо того чтобы ее исследовать».

ⁱ Речь о работе И.В. Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)». В четвертую главу вошел «философский» второй параграф, озаглавленный: «О диалектическом и историческом материализме».

ⁱⁱ И.И. Степанов-Скворцов и В.Н. Сарабьянов – представители партии «механистов» в дискуссиях 1920-х годов «Механическим пониманием природы» они называли и современное естествознание и свои (позитивистского толка) «обобщения данных науки». Механисты отстаивали автономию естественных наук от философии, успевшей превратиться в служанку политики. Им противостояли «диалектики» во главе с А.М. Дебориным. Обе партии рисовали свои «картины мира»: механическая картина ориентировалась на естествознание, диалектическая – на вычитанные у Энгельса и Гегеля «всеобщие законы развития».

ⁱⁱⁱ Экономист Я.А. Кронрод (не путать с А.С. Кронродом, математиком и одним из пионеров кибернетики в СССР) был давним оппонентом Ильенкова в споре о методологии «Капитала» и о товарном производстве при социализме.

^{iv} Серия «Классики философии» выходила под грифом Института философии в издательстве Соцэкгиз в 1934–1940 годах.

Проблема абстрактного и конкретного

(Вопросы философии. 1967. № 9. С. 55–65)

Статья была напечатана под рубрикой «К столетию “Капитала” Маркса» вместе с новым русским переводом Приложения «Форма стоимости», которое Маркс написал по совету Л. Кугельмана для первого издания «Капитала» (Ильенков цитирует эту работу в собственном переводе).

ⁱ См. прим. xi к работе «Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике».

ⁱⁱ «Разъятые члены» (лат.) – крылатое выражение из сатир Горация, не раз встречающееся в работах Маркса.

ⁱⁱⁱ Ильенков посвятил специальную работу переводу термина «Wert», доказывая, что его лучше переводить как «ценность», а не «стоимость». Острая полемика на эту тему разгорелась еще в конце XIX столетия Струве и Туган-Барановский настаивали на переводе «ценность»; большинство же отдавало предпочтение «стоимости» (в том числе Ленин, хоть и с оговоркой, что не придает переводам терминов «особенно существенного значения»). В наши дни этот старый спор возобновился в связи с выходом в свет новых редакций «Капитала».

Понятие «абстрактного» («идеального») объекта

(Проблемы диалектической логики: материалы к симпозиуму. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 62–77)

В 1958 году в Алма-Ате был создан Института философии и права Академии наук Казахской ССР. В отделе философии обосновались молодые ильенковцы. В организованном ими Всесоюзном симпозиуме по диалектической логике, 27–30 сентября 1968, вместе с Ильенковым приняла участие целая делегация его друзей и соратников из Москвы – В.В. Давыдов, А.С. Арсеньев, Г.С. Батищев, В.С. Библер и др. Тексты докладов были опубликованы заранее в сб.: «Проблемы диалектической логики» / под ред. Ж.М. Абдильдина, Л.К. Науменко, Г.А. Югая и М.И. Баканидзе.

Цель доклада Ильенкова – показать различие «подлинной конкретности» и «псевдоконкретности» (порождающей представления о власти Абстрактных над индивидами) в мышлении и общественных отношениях людей.

ⁱ Другим таким «Абстрактным Объектом» является *государство*. В письме к Ю.А. Жданову, написанном в январе того же 1968 года, Ильенков именует государство «Абстрактно-Всеобщим, то бишь мнимо-всеобщим». Конечно, было немыслимо с трибуны симпозиума привести государство в пример «Абстрактного Объекта» (месяцем ранее Советский Союз расправился с «Пражской весной» и диссидентами на Красной площади). Критиковать государство – как «неподлинную конкретность», или Абстракт, довлеющий над «личностно-конкретными» взаимоотношениями людей, – можно было лишь между строк.

Проблема абстрактного и конкретного в свете «Капитала» Маркса

(«Капитал» Маркса, философия и современность. М.: Наука, 1968. С. 186–213)

В работе над коллективной монографией, приуроченной к 150-летию со дня рождения Маркса, приняли участие более тридцати человек, преимущественно из Института философии. Имя Ильенкова значится в списке членов редколлегии.

В архиве сохранился первый вариант текста – 30 машинописных страниц (не хватает двух – 13 и 14), на полях запись чернилами «22.12.66, в 5 экз.», и чья-то подпись. Почти на каждой странице карандашные пометки редактора: «Ленина нигде нет», «Слишком уничижительно для [советских] экономистов (“путаники”-де)» и т.п.

Заглавие рукописи было несколько иным: «Проблема абстрактного и конкретного в свете уроков “Капитала” Маркса». Речь об уроках, которые может и должен извлечь *сегодняшний* читатель. Ильенков предлагал взглянуть на проблемы социализма сквозь призму идей «Капитала». Очевидно, задумка не встретила одобрения у начальства. «Уроки» были вычеркнуты из заглавия, из текста убрана вся «современность» – в итоге вышел историко-философский очерк. Уцелевший текст был переписан заново.

Исходный вариант рукописи будет напечатан полностью в одном из последних томов Собрания сочинений.

ⁱ См. прим. xi к работе «Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике».

ⁱⁱ См. прим. ii к работе «Проблема абстрактного и конкретного».

ⁱⁱⁱ Здесь в книге явная опечатка: «Для логически неотработанного ума...» В исходном, машинописном варианте встречается выражение «для диалектически необразованного ума» (стр. 15).

А.Д. Майданский

Аннотированный список книг издательства «Канон+»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте <http://www.kanonplus.ru>
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:
kanonplus@mail.ru

Научное издание

ИЛЬЕНКОВ
Эвальд Васильевич

КАТЕГОРИИ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. 2

Директор издательства *Божко Ю.В.*
Ответственный за выпуск *Божко Ю.В.*
Художник *Клюйков М.Б.*
Корректор *Жарская С.В.*
Компьютерная верстка *Соколова П.Л.*

Подписано в печать 22.07.2019. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 31,0. Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 1000 экз. Заказ 5561.

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел./факс 8 (495) 702-04-57.
E-mail: kanonplus@mail.ru
Сайт: <http://www.kanonplus.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Э. ИЛЬБЕНКОВ

КАТЕГОРИИ

